
ВОЙНА
ЗА ВОЗВЫШЕНИЕ
ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ
Д Э В И Д
БРИН

Война за возвышение

Дэвид Брин

Дэвид Брин. Война за возвышение
- СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ
- СЛОВА И ГЛИФЫ ТИМБРИМИ
- ПРОЛОГ
- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВТОРЖЕНИЕ
  - Глава 1. ФИБЕН
  - Глава 2. АТАКЛЕНА
  - Глава 3. ГАЛАКТЫ
  - Глава 4. РОБЕРТ
  - Глава 5. ФИБЕН
  - Глава 6. УТАКАЛТИНГ
  - Глава 7. АТАКЛЕНА
  - Глава 8. ФИБЕН
  - Глава 9. УТАКАЛТИНГ
  - Глава 10. РОБЕРТ
  - Глава 11. ГАЛАКТЫ
  - Глава 12. АТАКЛЕНА
  - Глава 13. ФИБЕН
  - Глава 14. УТАКАЛТИНГ
  - Глава 15. АТАКЛЕНА
  - Глава 16. ХАУЛЕТТС-ЦЕНТР
  - Глава 17. ФИБЕН

Глава 18. УТАКАЛТИНГ
Глава 19. АТАКЛЕНА
Глава 20. ГАЛАКТЫ
Глава 21. ФИБЕН И РОБЕРТ
Глава 22. АТАКЛЕНА
Глава 23. ИЗГНАНИЕ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПАТРИОТЫ
Глава 24. ФИБЕН
Глава 25. ГАЛАКТЫ
Глава 26. РОБЕРТ
Глава 27. ФИБЕН
Глава 28. ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ
Глава 29. РОБЕРТ
Глава 30. ФИБЕН
Глава 31. ГАЛАКТЫ
Глава 32. АТАКЛЕНА
Глава 33. ФИБЕН
Глава 34. АТАКЛЕНА
Глава 35. РОБЕРТ
Глава 36. ФИБЕН
Глава 37. ГАЛАКТЫ
Глава 38. ФИБЕН
Глава 39. ГАЙЛЕТ
Глава 40. ФИБЕН
Глава 41. ГАЛАКТЫ
Глава 42. РОБЕРТ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГАРТЛИНГИ
Глава 43. УТАКАЛТИНГ
Глава 44. ГАЛАКТЫ
Глава 45. АТАКЛЕНА
Глава 46. ФИБЕН
Глава 47. АТАКЛЕНА
Глава 48. ФИБЕН И ГАЙЛЕТ
Глава 49. ГАЛАКТЫ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПРЕДАТЕЛИ
Глава 50. ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ
Глава 51. УТАКАЛТИНГ
Глава 52. АТАКЛЕНА
Глава 53. РОБЕРТ
Глава 54. ФИБЕН
Глава 55. УТАКАЛТИНГ
Глава 56. ГАЛАКТЫ
Глава 57. АТАКЛЕНА
Глава 58. РОБЕРТ
Глава 59. ФИБЕН
Глава 60. УТАКАЛТИНГ
Глава 61. АТАКЛЕНА
Глава 62. ГАЛАКТЫ
Глава 63. ФИБЕН
Глава 64. ГАЙЛЕТ
Глава 65. ФИБЕН
Глава 66. ГАЙЛЕТ

Глава 67. ФИБЕН
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. МСТИТЕЛИ
Глава 68. ГАЛАКТЫ
Глава 69. ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ
Глава 70. РОБЕРТ
Глава 71. МАКС
Глава 72. АТАКЛЕНА
Глава 73. УТАКАЛТИНГ
Глава 74. ГАЙЛЕТ
Глава 75. ГАЛАКТЫ
Глава 76. ПЕЩЕРЫ
Глава 77. ФИБЕН И СИЛЬВИЯ
Глава 78. ГАЛАКТЫ
Глава 79. ГАЙЛЕТ
Глава 80. РОБЕРТ
Глава 81. АТАКЛЕНА
Глава 82. УТАКАЛТИНГ
Глава 83. ФИБЕН
Глава 84. УТАКАЛТИНГ
Глава 85. АТАКЛЕНА
Глава 86. ГАЛАКТЫ
Глава 87. ФИБЕН
Глава 88. ГАЙЛЕТ
Глава 89. ГАЛАКТЫ
Глава 90. ГАЙЛЕТ
Глава 91. ФИБЕН

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ГРАЖДАНЕ
Глава 92. ГАЛАКТЫ
Глава 93. РОБЕРТ
Глава 94. ГАЛАКТЫ
Глава 95. АТАКЛЕНА
Глава 96. СИЛЬВИЯ
Глава 97. ГАЛАКТЫ
Глава 98. УТАКАЛТИНГ
Глава 99. ГАЛАКТЫ
Глава 100. АТАКЛЕНА
Глава 101. ГАЛАКТЫ
Глава 102. МАЙОР ПРАТАЧУЛТОРН
Глава 103. АТАКЛЕНА
Глава 104. ГАЛАКТЫ
Глава 105. РОБЕРТ
Глава 106. ГАЙЛЕТ
Глава 107. ГАЛАКТЫ
Глава 108. АТАКЛЕНА
Глава 109. ГАЛАКТЫ
Глава 110. АТАКЛЕНА
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ВОЛЧАТА
Глава 111. ФИБЕН
ПОСТСКРИПТУМ И БЛАГОДАРНОСТИ

Дэвид Брин
Война за возвышение

Джейн Гудолл, Саре Харди и всем остальным, кто помогает нам учиться понимать.
И Дайан Фосси, которая умерла, чтобы красота и стремление к совершенству жили.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Англик — язык, обычно используемый потомками земных людей, шимпанзе и дельфинов.

Атаклена — дочь посла тимбрими Утакалтинга. Командующая нерегулярной армией Гарта.

Библиотека — древнее собрание знаний. Одно из оснований цивилизации пяти галактик.

Болджер, Фибен — эколог-неошимпанзе, лейтенант колониальной милиции.

Буруралли — предыдущая раса, получившая лицензию на Гарт; недавно возвышенная раса, регрессировавшая и чуть не уничтожившая планету.

Возвышение — древний процесс, во время которого старшие космические расы путем генной инженерии вводят новые виды в галактическую культуру. В уплату за это раса «клиентов» служит «патронам» в течение определенного договором срока. Статус галактической расы определяется, в частности, тем, кто был ее патроном и сколько у нее клиентов. Волчата — члены расы, достигшей космического статуса без помощи патронов.

Галакты — старшие космические расы, руководящие сообществом пяти галактик. Большинство из них становятся «патронами», продолжающими древнюю традицию возвышения.

Гартлинг — мифический абориген Гарта, крупное животное, пережившее катастрофу, вызванную бурурали.

Губру — псевдоптичья галактическая раса, враждебная землянам.

Джонс, Гайлет — «шимми», специалист в галактической социологии. Обладает неограниченными правами на порождение потомства («белая карта»). Руководитель городского восстания.

Ифни — «бесконечность», или леди Удача.

Каулт — теннанинский посол на Гарте.

Маккью, Лидия — офицер морской пехоты землян.

Матиклуанна — покойная мать Атаклены.

Мел — термин англика, обозначающий человека-мужчину.

Нагалли — раса, бывшая патроном бурурали и заплатившая дорогую цену за преступления своих клиентов.

Онигл, Меган — планетарный координатор на переданной людям в лицензию планете Гарт.

Онигл, Роберт — капитан колониальной мили-

ции Гарта и сын планетарного координатора.

Pan argonostes — видовое название неошимпанзе, расы возвышенных клиентов.

Пратачулторн, майор, — офицер земной морской пехоты.

Сильвия — неошимпанзе, обладающая «зеленой картой».

Синтиане — одна из немногих галактических рас, дружески настроенных по отношению к землянам.

Соро — старшая галактическая раса, враждебная по отношению к землянам.

«Стремительный» — космический корабль с экипажем из дельфинов, совершивший важнейшее открытие в космосе далеко от Гарта. Последствия этого открытия и привели к кризису.

Сэр — почтительное обращение к старшим землянам независимо от пола.

Сюзерен — один из трех главнокомандующих силами вторжения губру; каждый сюзерен правит в своей области: религией, управлением и армией. Политика губру определяется путем консенсуса всех троих. Каждый сюзерен является кандидатом на получение пола (сексуальности) и на трон.

Танду — исключительно алчная старшая галактическая раса, враждебная по отношению к землянам.

Теннанинцы — одна из фанатичных галактических рас, участвующих в настоящем кризисе. Педантичная, но в то же время известная своим чувством юмора.

Тимбрими — галакты, известные своей приспособляемостью и своеобразным чувством юмора. Друзья и союзники Земли.

Tursiops amicus — видовое название возвышенных неодельфинов.

Утакалтинг — посол тимбрими на колониальной планете Гарт.

Фем — термин англика, обозначающий человека-женщину.

Шен — термин англика, обозначающий самца-неошимпанзе.

Шимми — термин англика, обозначающий самку-неошимпанзе.

Шимп — термин англика, обозначающий представителя расы неошимпанзе (самца и самку).

СЛОВА И ГЛИФЫ ТИМБРИМИ

Гир-трансформация — поток гормонов и энзимов, позволяющий тимбримии быстро изменять свою физиологию; за это приходится расплачиваться.

Зуноур-тзун — глиф, обозначающий, что еще очень многое нужно познать.

Кеннинг — способность воспринимать (кеннировать) глифы и волны эмпатии.

Кинивуллун — глиф, обозначающий: «так поступают мальчики».

Кухуннагарра — глиф продолжительной неопределенности.

К'чу-нон — тимбримийское слово, обозначающее волчат без патронов.

К'чу-нон кранн — армия волчат.

Ла'тстун — уединение парами.

Л'иут'тсака — глиф, выражающий презрительное отношение ко Вселенной.

Луррунану — глиф проникновения, предназначенный для того, чтобы вызвать подозрение.

Нахакиери — глубочайший уровень эмпатии, на котором тимбримии может иногда воспринимать тех, кого любит.

Нутуранау — глиф, помогающий ослабить гир-реакцию.

Паланк — пожатие плечами.

Риттитис — глиф сострадания детям.

Сиртуну — раздраженный вздох.

Сиулф-куонн — предчувствие розыгрыша.

Сиулф-та — радость от решенной головоломки.

С'устру'тун — ребенок, добившийся от родителей желаемого.

Тив'нус — тщетность общения.

Тотану — уход от реальности, вызванный страхом.

Тутсунуканн — глиф ожидания чего-то ужасного.

Ту'флук — неоцененная шутка.

Усунлтлан — защитная сеть при близком контакте с кем-то другим.

Форнелл — глиф неуверенности.

Фсу'устурату — глиф сочувственного веселья.

Ш'ча'куонн — зеркало, показывающее, как тебя видят другие.

ПРОЛОГ

«Удивительно, как незначительная планета может приобрести такое большое значение».

Между башнями Столицы напряженное движение, оно совсем рядом с закрытым хрустальным куполом правительственного паланкина. Но ни звука не проникает внутрь, ничто не отвлекает чиновника Стоимости и Бережливости, который сосредоточен только на голографическом изображении небольшой планеты, медленно поворачивающейся на расстоянии его покрытой пухом руки.

Чиновник видит яркие моря и острова, похожие на россыпь драгоценностей, все это сверкает отраженным светом звезды за пределами экрана.

«Если бы я был одним из богов, которых воспевают легенды волчат...» — думает чиновник. Кончики его крыльев вздрагивают. Такое ощущение, что достаточно протянуть коготь и схватить...

Но нет. Эта нелепая мысль доказывает, что чиновник слишком много времени провел, изучая врага. Безумные представления землян оказались заразительными.

Пушистые помощники неслышно суетятся

поблизости, расчесывают крылья и яркий торк к предстоящей встрече. Чиновник не обращает на них внимания.

Воздушные корабли и летающие баржи расступаются, потоки машин тают при виде яркого прожектора правительственного экипажа. Такой статус приличествует только монарху, но внутри паланкина все проходит незамеченным, тяжелый клюв чиновника устремлен только к голографическому изображению.

«Гарт. Многократная жертва».

Очертания коричневых континентов и мелких ярких морей смазываются под каруселью грозовых туч, обманчиво белых и мягких на вид, как плюмаж губру.

Только вдоль одной цепи островов — и в единственном месте на краю самого крупного континента — горят огни нескольких небольших городов. В остальном планета кажется нетронутой, ее озаряют только редкие молнии.

Цепочка кодовых символов раскрывает мрачную правду. Гарт — бедная планета, с большой угрозой для жизни. Иначе почему бы на нее дали лицензию волчатам и их клиентам? Галактические институты давно списали ее.

«А теперь, несчастный мирок, ты избран ме-

стом для войны».

Для практики чиновник Стоимости и Бережливости думал на англике, зверином удобоваримом языке земных созданий. Большинство губру считает изучение чужих языков пустым времяпрепровождением, но сейчас увлечение чиновника как будто себя оправдывает.

«Наконец. Сегодня».

Паланкин проплыл путь между башнями Столицы, и прямо перед ним возникло гигантское здание. Арена Собраний, местонахождение правительства всех кланов губру.

Нервная дрожь предчувствия пробежала по голове-гребню чиновника до самых крыльев, вызвав щебечущие жалобы помощников-кваку. Как они, спрашивается, могут закончить прихорашивать белые перья чиновника, отполировать его длинный крючковатый клюв, если он не сидит неподвижно?

— Сознаю, понимаю, уступаю, — снисходительно ответил чиновник на стандартном галактическом языке номер три. Эти кваку верные существа, и им позволяется небольшая дерзость. И чиновник снова вернулся мыслями к маленькой планете Гарту.

«Это наиболее уязвимый передовой пост зем-

лян... его легче всего захватить и превратить в заложника. Поэтому военные настаивают на операции, хотя мы заняты одновременно в других уголках космоса. Это будет тяжелый удар по волчатам, и мы сможем заставить их подчиниться и передать то, что нам нужно».

Наряду с военными план поддерживает церковь. Стражи Праведности заявили, что вторжение запятнает честь наступающих.

Остается гражданская служба — третий столп насеста власти. И вот здесь консенсус нарушился. Руководители чиновника из отдела Стоимости и Бережливости возражали. План слишком рискован, заявили они. И слишком дорог. Но насест на двух основаниях не устоит. Должен быть достигнут консенсус. Должен быть компромисс.

«Наступают времена, когда риск для гнезда неизбежен».

Гороподобная Арена Собраний превратилась в утес обработанного камня, закрывающий полнеба. Открылось пещерообразное отверстие и поглотило паланкин. С негромким гулом гравитика маленького экипажа отключилась, поднялся навес. У подножия посадочной площадки уже ждала толпа губру с нормальными белыми плюмажами взрослых бесполых.

«Они знают, — подумал чиновник, разглядывая их правым глазом. — Знают, что я уже не принадлежу к их сообществу».

Другой глаз чиновника в последний раз посмотрел на бело-синий шар.

Гарт.

«Скоро, — подумал чиновник на англике. — Мы скоро встретимся».

* * *

Арена Собраний полна ярких цветов. И каких цветов! Всюду королевской расцветки перья, алые, янтарные, мышьяково-синие.

Два четвероногих слуги-кваку раскрыли церемониальный портал перед чиновником Стоимости и Бережливости, который на мгновение остановился и зашипел в благоговении перед великолепием Арены. Сотни насестов тянулись вдоль стен, отделанных дорогой древесиной, привезенной с сотни планет. На насестах во всем своем царском великолепии стояли Повелители Насестов народа губру.

Как бы хорошо он ни подготовился к сегодняшней встрече, чиновник почувствовал, что глубоко тронут. Никогда не приходилось ему видеть одновременно столько цариц и принцев!

На взгляд чужака, мало что отличало чиновника от его повелителей. Все они высокие, стройные потомки нелетающих птиц. Внешне только ослепительная окраска оперения отличает Повелителей Насестов от их остального народа. Но гораздо существеннее внутренние отличия. Это Царицы и принцы, обладающие полом и правом приказывать. Ближайшие Повелители Насестов повернули в сторону острые клювы, чтобы одним глазом смотреть на чиновника Стоимости и Бережливости, который исполнял быстрый семенящий танец ритуального унижения.

«Какие цвета!» Эти королевские цвета вызвали поток гормонов, в груди чиновника росла любовь. Древний инстинктивный ответ, но никогда ни один губру не предлагал отказаться от него. Даже после того, как губру научились вмешиваться в наследственность и вышли в космос. Те, кто достигает предела желаний — цвета и пола, стоят неизмеримо выше, и ими должны восхищаться белые и бесполые.

Это и значит быть губру.

И это хорошо. Это образ жизни.

Чиновник заметил еще двоих губру с белыми плюмажами, которые вошли через соседние двери. Они присоединились к чиновнику на

центральной платформе и вместе заняли низкие насесты перед собранием Повелителей Насестов. У того, что справа, серебряная одежда, а на белом горле полосатый торк жречества.

У кандидата слева оружие и стальные когти офицера армии. Окраска концов перьев указывает на его звание — полковник.

Два губру с белыми плюмажами не смотрели на чиновника. И он никак не показывал, что видит их. Тем не менее он ощутил внутреннюю дрожь. «Нас трое».

Президент Собрания — престарелая царица, чье некогда яркое оперение теперь стало бледно-розовым, — распушила перья и раскрыла клюв. Акустические устройства Арены автоматически усилили ее голос. Она чирикнула, призывая к вниманию. По обе стороны царицы и принцы смолкли.

Президент Собрания подняла тонкую, поросшую пушком руку. И начала раскачиваться и напевать. Один за другим остальные Повелители Насестов присоединялись к ней, и скоро все собрание синих, янтарных и алых фигур раскачивалось вместе с ней. И из царского собрания донесся низкий диссонирующий стон.

— Зуууун...

— С незапамятного времени, — зачирикала Президент на протокольном галактическом-три, — с начала нашей славы, еще до того как мы стали патронами, даже еще до того, как мы были возвышены в разумную расу, мы всегда искали равновесия.

Собравшиеся пели не в унисон.

Равновесие — где на суше летит ураган,

Равновесие — где раскинулся вод океан,

Равновесие — наш великий, великий план.

— Еще когда наши предки были предразумными животными, еще до того, как наши патроны-гуксу нашли нас и возвысили к знаниям, еще до того, как мы научились говорить и пользоваться инструментами, мы уже познали мудрость, умели принимать решения, достигать консенсуса, любить.

— Зуууун...

— Наши предки, полуживотные... знали, что мы должны выбрать... должны выбрать троих...

Одного — охотиться и смело насту-

пать!

Другого — искать справедливости и защищать!

Третьего — опасность предотвращать!

Чиновник Стоимости и Бережливости ощущал близкое присутствие двух других кандидатов, знал, что они так же возбуждены, так же захвачены ожиданием. Нет большей чести, чем быть избранным в число трех, как избраны они.

Конечно, всех молодых губру учат, что это наилучший способ. Какая еще раса умеет так объединять политику и философию с любовью и продолжением рода? Эта система сослужила хорошую службу народам и кланам на протяжении многих веков. Она привела их на высоты власти в Галактике.

«А теперь может привести на край гибели».

Возможно, святотатственно даже так думать, но чиновник Стоимости и Бережливости не мог не спрашивать себя: а может, другой способ, если его хорошо изучить, все же лучше? Он прочел все, что мог, о системах управления: об автаркии и аристократии, о технократии и демократии, о синдикатах и мериократии. Не может ли один

из этих способов дать преимущество при выборе пути в опасной вселенной?

Возможно, такие мысли — проявление неуважения, но именно благодаря способности к нетрадиционному мышлению Повелители Насестов отобрали чиновника для исполнения новой роли. В предстоящие месяцы кто-то из трех должен сомневаться. Такова всегда роль Стоимости и Бережливости.

* * *

— Так мы достигаем равновесия. Так мы обретаем консенсус. Так мы разрешаем конфликт.

— Зуууун! — согласились собравшиеся царицы и принцы.

Многочисленные переговоры сопровождали выбор каждого из кандидатов: одного от военных, одного от священников и одного из гражданской службы.

Все сработало хорошо, и из предстоящего слияния выйдут новая царица и два принца. И вместе с новой генетической линией для расы, с новыми зародышами возникнет и новая политика, как концентрация их взглядов. Так должно кончиться. Но начало — другое дело. Обреченные на любовь в будущем, все трое на старте станут

соперниками. Соревнующимися.

Ибо возможна только одна царица.

* * *

— Мы посылаем троих с жизненно важной миссией. Миссией завоевания. Миссией принуждения.

— Мы посылаем их также для поиска единства... поиска согласия... поиска консенсуса. Они должны объединиться в наше тревожное время.

— Зуууун!

В этом хоре слышалось стремление Собрания к единству, к концу разногласий. Три претендента должны провести из множества сражений клана гуксу-губру лишь одно. Но, очевидно, Повелители Насестов возлагают на них особые надежды.

Слуги-кваку преподнесли каждому кандидату сверкающие кубки. Чиновник Стоимости и Бережливости высоко поднял кубок и начал пить. Жидкость казалась золотым огнем. «Первый глоток царского напитка...»

Как и ожидалось, вкус этот ни с чем не сравним. И три плюмажа кандидатов уже засверкали обещанием цвета.

«Мы будем сражаться вместе, и в этом слиянии один из нас станет янтарным. Один станет

синим».

И один, самый сильный, тот, кто предложит лучшую политику, получит высшую награду.

«Эта награда будет моей». Говорят, все организовано заранее.

Осторожность побеждает в будущем консенсусе. Тщательный анализ покажет невозможность альтернатив.

— Вы выступите, — пела президент Собрания. — Вы три новых сюзерена нашей расы и нашего клана. Вы выступите и победите. Выступите и унизите волчат-еретиков.

— Зуууун! — соглашалось собрание.

Президент опустила клюв на грудь, словно неожиданно обессилела. И новый сюзерен Стоимости и Бережливости услышал, как она тихо добавила:

— Вы выступите и сделаете все, чтобы спасти нас...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВТОРЖЕНИЕ

Пусть поднимут нас на плечи. И мы увидим земли обетованные, земли, откуда пришли и куда идем.
У. Б. Йитс

Глава 1
ФИБЕН

Никогда за все то время, что Фибен Болджер жил здесь, на сонном посадочном поле Порт-Хелении не было такого движения. Столовая гора, нависающая над заливом Лепикал, дрожала от оглушающего инфразвукового рева двигателей. Столбы пыли закрывали стартовые шахты, но это не мешало зевакам собираться за оградой и наблюдать за оживлением. Обладающие зачатками пси-восприятия могли сообщать, какой корабль собирается стартовать. Волны неопределенности, вызванные пробивающейся гравитикой, заставляли зрителей мигать: потом огромный космический корабль прорывал дымку и исчезал

в затянутом облаками небе.

Шум и пыль вызывали раздражение. Особенно плохо тем, кто стоит на самом посадочном поле, тем более не по своей воле.

Фибен с удовольствием оказался бы где-нибудь в другом месте, желательно в пивной, где можно заказать пинту анестетической выпивки. Но этому не бывать.

Он цинично наблюдал за лихорадочной деятельностью.

«Мы — тонущий корабль, — подумал он. — И крысы говорят adieu».

Все, способное подняться в космос и пройти через переход, покидало Гарт с неприличной поспешностью. И скоро посадочное поле опустеет.

«Пока не появится враг... кем бы он ни был».

— Ш-ш-ш, Фибен. Перестань ерзать!

Фибен посмотрел направо. Шимп справа от него выглядит таким же недовольным, как он сам. Форменная фуражка Саймона Левина потемнела над надбровными дугами, где из-под ее края выбивались влажные курчавые завитки. Взглядом Саймон молча просил Фибена выпрямиться и смотреть вперед.

Фибен вздохнул. Он знал, что должен попытаться стоять смирно.

Церемония отбытия значительных лиц почти закончена, а член почетного караула не должен горбиться.

Но взгляд его продолжал устремляться к южному краю плоской вершины, далеко от коммерческого вокзала и улетающих торговых кораблей. Здесь виднелся неровный ряд незамаскированных тусклых металлических предметов, с легко различимым контуром военных кораблей. Вокруг суетились техники, готовя детекторы и щиты кораблей к предстоящей битве. Время от времени корабли начинали мерцать.

Фибен гадал, решило ли наконец командование, в каком корабле полетит он. Наверно, полуобученные пилоты колониальной милиции будут бросать жребий, чтобы решить, кто полетит на самых ветхих из этих военных машин, купленных недавно по сниженной цене у пролетавшего ксатинни, торговца металлоломом.

Левой рукой Фибен оттянул тугой воротник мундира и почесал густые волосы под ключицей. «Старое не обязательно плохое, — напомнил он себе. — По крайней мере знаешь, что твоя тысячелетней давности лохань выдержала уже много ударов».

Большинство из этих побитых разведчиков

участвовало в боевых действиях на звездных линиях, когда еще человечество и не слышало о галактической цивилизации... когда оно еще даже не начало играть с пороховыми ракетами, обжигая пальцы и распугивая птиц на своей родной Земле.

Эта мысленная картина заставила Фибена улыбнуться. Не самая почтительная мысль о расе твоих патронов. Но люди вырастили его народ не для почтительности.

«Черт побери, как чешется этот обезьяний костюм! Голые обезьяны, как и люди, могут это выдерживать. Но мы ведь волосатые, это не для нас!» Но церемония отлета синтаинского консула как будто подходит к концу.

Свойо Шочухун, этот напыщенный шар из шерсти и усов, заканчивает прощальную речь, обращенную к обитателям планеты Гарт, людям и шимпам, которых оставляет на произвол судьбы. Фибен снова почесал подбородок.

Поскорее бы этот воздушный шар забрался в катер и убирался бы с планеты, если так торопится.

Сосед локтем ударил его в ребра. Саймон настойчиво прошептал:

— Выпрямись, Фибен. Ее милость смотрит сюда.

Меган Онигл, седовласый планетарный координатор, поджала губы и покачала головой, глядя на Фибена.

«Дьявольщина!» — подумал он.

Сын Меган Роберт был однокашником Фибена в маленьком университете Гарта. Фибен изогнул бровь, словно хотел сказать, что он не напрашивался на эту сомнительную честь. И если люди хотят, чтобы их клиенты не чесались, не нужно было возвышать шимпанзе.

Но все же поправил воротник и постарался выпрямиться. Внешность и форма очень много значат для галактов, и Фибен знал, что даже низкий неошимп должен достойно исполнить свою роль, иначе земной клан потеряет лицо.

По обе стороны от координатора Онигл стояли другие важные шишки, пришедшие проститься с отлетающей Свойо Шочухун. Слева от Меган Каулт — громоздкий и неуклюжий теннанинский посол, великолепный в своей яркой шляпе поверх гребня. Дыхательные щели у него на горле раскрываются и закрываются, как жалюзи, каждый раз, когда существо с огромными челюстями вдыхает.

Справа от Меган видна фигура, больше похожая на гуманоидную, стройная, с длинными конечно-

стями, беззаботно сгорбившаяся на полуденном солнце.

«Что-то развеселило Утакалтинга, — понял Фибен. — Какая-то новость?» Разумеется, послу Утакалтингу все кажется забавным. Своей позой, слегка развевающимися над маленькими ушами серебристыми щупальцами, блеском своих золотых широко расставленных глаз посол тимбрими, казалось, выражал то, что не мог произнести вслух, — нечто весьма оскорбительное в адрес улетающего синтианского дипломата.

Свойо Шочухун пригладила усы и стала по очереди прощаться с коллегами. Глядя, как она ритуально машет лапой перед Каултом, Фибен подумал, что она похожа на огромного толстого енота, разодетого наподобие какого-нибудь древнего восточного придворного.

Каулт, теннанинец, раздул гребень и поклонился в ответ. Два галакта разного роста обменялись любезностями на певучем, с разнообразными интонациями, галактическом-шесть. Фибен знал, что особой любви друг к другу они не испытывают.

— Ну, друзей ведь не выбирают? — прошептал Саймон.

— Ты чертовски прав, — согласился Фибен.

Какая ирония! Пушистые коварные синтиане — одни из немногих «союзников» Земли в политической и военной трясине пяти галактик. Но они фантастически эгоистичны и трусливы. Отъезд Свойо гарантирует, что в тяжелую минуту у Гарта не появятся армады толстых пушистых воинов. «Точно так же не будет помощи ни с Земли, ни от тимбрими. У них и так хватает забот».

Фибен достаточно владел гал-шесть, чтобы понять, что рослый теннанинец сказал Свойо. Каулт, очевидно, невысокого мнения о после, покидающем свой пост.

«Надо отдать должное теннанинцам», — подумал Фибен. Возможно, народ Каулта фанатичен. И, несомненно, теннанинцы числятся в настоящее время среди противников землян. Тем не менее они хорошо известны своей храбростью и неуклонным следованием кодексу чести.

«Конечно, невозможно всегда выбирать ни друзей, ни врагов».

Свойо повернулась к Меган Онигл. Ее поклон был заметно ниже, чем перед Каултом. Люди занимают нижнее место на шкале рас патронов в галактике.

«И ты точно знаешь свое место», — напомнил себе Фибен.

Меган поклонилась в ответ.

— Жаль, что вы улетаете, — сказала она на галшесть с сильным акцентом. — Передайте своему народу нашу благодарность.

— Конечно, — пробормотал Фибен. — Всем другим енотам передай спасибо.

Но лицо его сохраняло невозмутимое выражение. В этот момент полковник Мейвен, человек, командир почетного караула, сердито посмотрел на него.

Ответ Свойо изобиловал банальностями.

Будьте терпеливы, советовала она. В пяти галактиках сейчас смятение.

Фанатики великих рас сеют смуту, потому что считают, что близок конец великой эры. И немедленно начинают действовать.

В то же время умеренные и галактические Институты должны влиять медленнее, разумнее. Но они начнут функционировать, заверяла посол. В свое время. Маленький Гарт не будет забыт.

«Как же! — саркастически думал Фибен. — Не пройдет одного-двух столетий, как нам помогут!»

Другие шимпы в составе почетного караула переглядывались и с отвращением закатывали глаза. Офицеры-люди обладали большей выдерж-

кой, но Фибен заметил, как один из них сунул язык за щеку.

Наконец Свойо остановилась перед дуайеном дипломатического корпуса.

Другом Людей Утакалтингом, послом-консулом тимбрими.

На высоком ити[1] свободная черная одежда, контрастирующая с бледной кожей. Рот у Утакалтинга маленький, и пространство между затененными глазами кажется необыкновенно широким. Тем не менее гуманоидное выражение лица совершенно ясно. Фибену всегда кажется, что посол самых близких союзников Земли всегда на грани смеха над шуткой, большой или малой. Утакалтинг, с его мягкой шерстью на голове, по краям которой колышутся щупальца, с его длинными тонкими руками, с его юмором, был единственным существом на поле, которого, казалось, не коснулись тяготы и заботы этого дня. Ироническая улыбка тимбрими подействовала на Фибена заразительно, настроение его сразу улучшилось.

«Наконец-то!» Фибен облегченно вздохнул. Свойо как будто закончила, повернулась и на-

---

[1] Примечания: 1

От англ. extra-terrestrial — инопланетянин

правилась к трапу ждущего катера. Услышав резкий приказ полковника Мейвена, почетный караул вытянулся. Фибен начал про себя считать количество шагов, отделяющих его от тени и холодной выпивки.

Но еще не пришло время расслабляться. Не один Фибен застонал про себя, когда синтианка остановилась на верху трапа и еще раз обратилась к присутствующим.

То, что произошло в этот момент, весь ход событий, будет еще долгое время вызывать замешательство Фибена. Но при первых певучих звуках гал-шесть, которые испустил Свойо, что-то странное случилось на посадочном поле. Фибен ощутил резь в глазах и посмотрел влево. Он увидел, как вокруг одного из разведчиков возникло свечение. И тут же маленький корабль словно взорвался.

Фибен не помнил, когда бросился на бетон, но обнаружил, что лежит на нем, стараясь зарыться в жесткую упругую поверхность.

«Что это? Вражеское нападение? Так быстро?»

Он услышал, как оглушительно чихнул Саймон. Отовсюду раздавалось чихание. Моргая невидящими глазами, Фибен сквозь пелену увидел, что маленький корабль цел. Значит, он не

взорвался?

Но поля его вышли из-под контроля. Они испускали ослепительный и оглушительный светозвук. Инженеры в защитных костюмах пытались отключить вышедший из строя вероятностный генератор, но шумное извержение ударило по всем чувствам присутствующих, от осязания и вкуса до обоняния и пси-восприятия.

— Ну и ну! — присвистнула шимми слева от Фибена, тщетно пытаясь зажать нос. — Кто-то установил бомбу-вонючку!

И Фибен мгновенно понял, что она права. Он быстро повернулся и успел заметить, как посол синтиан, сморщив нос и постыдно свернув усы, исчезает в катере, забыв о достоинстве. Люк захлопнулся.

Кто-то наконец отыскал нужную кнопку и отключил перегруженный генератор. Остался только мерзкий привкус во рту и звон в ушах. Члены почетного караула вставали, оправлялись и раздраженно бормотали. Некоторые — и люди, и шимпы — мигали и отчаянно зевали. Казалось, только на посла теннанинцев случившееся не подействовало. Больше того, Каулт словно удивлялся странному поведению землян.

«Бомба-вонючка. — Фибен кивнул. — Кто-то

считает это удачным розыгрышем».

«И мне кажется, я знаю кто».

Фибен внимательно посмотрел на Утакалтинга. Существо, прозванное Другом Людей, вспоминало, как худой тимбрими улыбался Свойо, напыщенной маленькой синтианке, когда она начала свою последнюю речь. Да, Фибен готов поклясться на экземпляре Дарвина, что в этот самый момент, перед тем, как генератор корабля начал сбоить, тонкие щупальца над головой Утакалтинга поднялись, образовав корону, и посол улыбнулся в предвкушении.

Фибен покачал головой. Несмотря на свои прославленные пси-способности, тимбрими не может вызвать такое происшествие одной силой воли.

Все должно быть организовано заранее.

Синтианский катер поднялся в воздух и отлетел на безопасное расстояние, потом с воем гравитики устремился к облакам.

По приказу полковника Мейвена почетный караул вытянулся в последний раз. Перед ним прошли планетарный координатор и два оставшихся посла.

Возможно, это игра воображения, но Фибену показалось, что Утакалтинг на мгновение задер-

жался перед ним. Фибен был уверен, что один из широких, окруженных серебряным ободком глаз посмотрел прямо на него. А другой подмигнул.

Фибен вздохнул. «Очень смешно, — подумал он, надеясь, что посол тимбрими уловит его мысленный сарказм. — Через неделю мы все превратимся в дымящееся мясо, а ты устраиваешь розыгрыши.

Очень смешно, Утакалтинг».

Глава 2
АТАКЛЕНА

Щупальца возбужденно зашевелились над головой. Атаклена чувствовала, как ее раздражение и гнев, подобно статическому электричеству, стекают с концов серебряных нитей. Эти концы шевелились словно по своей воле, как тонкие пальцы, они лепили из ее почти ощутимого негодования что-то.

Сидевший поблизости человек, тоже ожидающий аудиенции у планетарного координатора, принюхался и удивленно оглянулся. Сам не понимая, почему ему вдруг стало так неловко, он отодвинулся от Атаклены. Вероятно, прирожденный, хотя и примитивный эмпат. Некоторые

люди способны к кеннингу эмпатических глифов тимбрими, но мало кто из них умеет пойти дальше очень смутного ощущения.

Кто-то еще заметил поведение Атаклены. На другом конце приемной стоящий в толпе ее отец неожиданно поднял голову. Его собственная корона щупалец оставалась неподвижной, но Утакалтинг чуть наклонил голову и слегка повернулся, посмотрев на дочь. Его выражение было вопросительным и чуть заинтересованным.

Так смотрят люди-родители на дочь, пинающую диван или мрачно что-то бормочущую про себя. В сущности, чувство то же самое, только Атаклена проявляет его не внешней вспышкой раздражения, а через свою тимбримийскую ауру. Под взглядом отца она торопливо успокоила свои шевелящиеся щупальца и подавила нарождающийся глиф.

Но негодование ее от этого не прошло. Да и трудно о нем забыть в этой толпе людей. «Карикатуры», — презрительно подумала Атаклена, хотя понимала, что эта мысль несправедлива и невеликодушна. Конечно, земляне не могут перестать быть такими. Это один из самых странных народов, появившихся в галактике за прошлые эпохи. Но это вовсе не значит, что она обязана

восхищаться ими!

Было бы легче, если бы они казались более чужими. А так — неуклюжие, узкоглазые, сутулые пародии на тимбрими. Цвет кожи и волос необычайных оттенков, невероятные пропорции тела усугублялись их постоянной мрачностью и угрюмостью. Их общество со временем начинало действовать на Атаклену угнетающе.

«Еще одна мысль, неподобающая дочери дипломата».

Атаклена высмеивала себя, пытаясь направить мысли по другому руслу. В конце концов людей нельзя винить в том, что они буквально излучают страх: война, которой они не хотели, готова обрушиться на них.

Атаклена видела, как ее отец рассмеялся, услышав слова одного из офицеров-землян, и поразилась его самообладанию. Как он все достойно выносит!

«Мне никогда не усвоить эту легкую, уверенную манеру поведения».

«Он никогда не сможет гордиться мной».

Атаклена хотела, чтобы отец отошел от землян и она могла бы поговорить с ним наедине. Через несколько минут за ней явится Роберт Онигл, и она хотела еще раз попытаться убедить отца не

отсылать ее с молодым землянином.

«Я могу быть полезна. Я знаю, что могу! Меня не нужно отправлять в горы для безопасности, как ребенка!»

Она заставила себя успокоиться, прежде чем над головой образовался еще один глиф негодования. Нужно переключиться на что-то другое, пока она ждет. Сдерживая свои эмоции, Атаклена неслышно направилась к двоим офицерам-людям, стоявшим поблизости. Те разговаривали на англике, наиболее часто используемом земном языке.

— Послушай, — говорила офицер-женщина. — Мы знаем только, что один из земных исследовательских кораблей наткнулся на что-то странное и совершенно неожиданное в звездном скоплении на краю галактики.

— Но что это было? — спросил другой офицер. — Что они обнаружили? Ты изучала чужаков, Алиса. Не знаешь ли, что открыли эти бедняги дельфины? Из-за чего эта заварушка?

Женщина пожала плечами.

— Хоть обыщи меня! Но даже туманные намеки в первом послании «Стремительного» привели самые фанатичные кланы галактики к сражениям друг с другом в масштабах, не виданных

мегагодами. Последние сообщения говорят о жесточайших стычках. Ты ведь видел, какой испуганной выглядела синтианка неделю назад, когда решила улизнуть?

Мужчина мрачно кивнул. Какое-то время оба молчали. Напряжение незримой стеной повисло в воздухе. Атаклена восприняла его как простой, темный глиф неуверенности и страха.

— Это что-то огромное, — негромко сказала наконец женщина. — Что-то по-настоящему важное.

Атаклена отошла, поняв, что люди обратили на нее внимание. С самого прибытия на Гарт она постепенно меняла форму тела так, чтобы черты лица и фигура напоминали земную девушку. Но способности тимбрими к изменениям не безграничны. Невозможно скрыть, кто она на самом деле. Если бы она осталась на месте, земляне обязательно поинтересовались бы ее мнением о нынешнем кризисе, и ей не хотелось признаваться, что она знает не больше них.

Атаклена находила такую ситуацию печально-ироничной. Снова, как и во время знаменитого дела «Солнечного ныряльщика» два столетия назад, земные расы в центре внимания. На этот раз межзвездный кризис вызван кораблем, впервые в

истории руководимым экипажем неодельфинов. Второй по возрасту расе клиентов землян не более двухсот лет, она моложе даже неошимпанзе. Никто не может предугадать, как китообразные астронавты выберутся из положения, которое создали по собственной небрежности. Но последствия их открытия уже затронули половину известной галактики и дошли даже до таких далеких планет, как Гарт.

— Атаклена...

Она повернулась. Рядом стоял Утакалтинг и доброжелательно смотрел на нее.

— Все в порядке, дочь?

Она чувствует себя такой ничтожной в присутствии Утакалтинга.

Невзирая на его мягкое обращение с ней, ей всегда немного страшно. Так совершенны его искусство и самообладание, что она даже не почувствовала его приближения, пока он не коснулся ее руки. И даже сейчас ее кеннинг не проникает в его ауру, и она видит только эмпатический глиф, который называется каридоуо — отцовская любовь.

— Да, отец. Я... все в порядке.

— Хорошо. Значит, ты собралась и готова к экспедиции?

Он говорил на англике. Она ответила на тимбримийском варианте галактического-семь.

— Отец, я не хочу уходить в горы с Робертом Ониглом.

Утакалтинг нахмурился.

— Мне казалось, что вы с Робертом друзья.

Ноздри Атаклены раздраженно раздулись. Почему Утакалтинг сознательно не понимает ее? Он должен знать, что сын планетарного координатора не вызывает возражений в качестве спутника. Из всех молодых землян Порт-Хелении Роберт наиболее соответствует определению ее «друга».

— Отчасти именно из-за Роберта я прошу тебя передумать, — сказала она отцу. — Он стыдится того, что ему приказано «нянчиться» со мной, как они говорят. Все его товарищи и одноклассники в милиции и готовятся к войне. И я не могу винить его за такое отношение.

Утакалтинг хотел ответить, но она торопливо продолжила:

— И еще я не хочу оставлять тебя, отец. Объясню еще раз логику своих действий: я уже говорила, что могу оказаться тебе полезной в предстоящие недели. А теперь добавлю еще это.

С огромным старанием она сосредоточилась на создании глифа, который задумала с утра. Она

назвала его кей'патие — просьба быть в опасности рядом с тем, кого любишь. Щупальца ее дрожали над ушами, глиф тоже дрожал, возникая над головой, и начал вращаться. Но наконец стабилизировался. Она послала его по направлению к ауре отца. В этот момент Атаклена даже забыла, что комната полна неуклюжими гладколобыми землянами и их мохнатыми маленькими клиентами-шимпами. В мире оставались только они двое и мост, который она жаждала перебросить через пустоту.

Кей'патие опустился в ждущие щупальца Утакалтинга и завертелся там; его оценка высветила глиф. Атаклена ахнула, увидев его красоту. Она знала, что искусство отца намного превышает ее скромные возможности.

Глиф, как мягкий утренний туман, опустился на корону отца и продолжал там светиться.

— Прекрасный глиф. — Голос его звучал ласково, и Атаклена увидела, что он тронут.

Но... Она сразу поняла, что его решение осталось неизменным.

— Предлагаю тебе мой кеннинг, — сказал он и достал из рукава небольшую позолоченную шкатулку с серебряной застежкой. — Твоя мать Матиклуанна завещала, чтобы ты получила это,

достигнув возраста зрелости. Мы еще не обсуждали эту дату, но я считаю, что настало время отдать тебе это.

Атаклена мигнула; неожиданно ее охватили противоречивые эмоции. Как часто хотелось ей знать, что оставила ей в наследство покойная мать. Но теперь медальон вдруг напомнил ей ядовитого жука.

Утакалтинг не стал бы так поступать, если бы считал, что они еще встретятся.

Она поняла:

— Ты собираешься сражаться!

Утакалтинг на самом деле пожал плечами — он перенял человеческое выражение неуверенности и равнодушия.

— Враги людей и мои враги, дочь. Земляне храбры, но в конце концов они всего лишь волчата. Им пригодится моя помощь.

Атаклена поняла, что его решение окончательное и дальнейшими возражениями она ничего не добьется, только будет выглядеть глупо в его глазах. Их руки встретились над медальоном, длинные пальцы переплелись, и они вместе молча вышли из комнаты. И на мгновение им показалось, что их не двое, а трое, потому что в медальоне было что-то от Матиклуанны. Этот

миг для обоих был мучительно сладостным.

Дежурные неошимпы-милиционеры вытянулись и раскрыли перед ними двери, и они вышли из здания министерства в яркое солнечное утро. Утакалтинг проводил Атаклену к обочине, где лежал ее рюкзак. Руки их разжались, и в ладони Атаклены остался медальон матери.

— А вот и Роберт, точно в срок! — сказал Утакалтинг, прикрывая глаза. — Мать считает его непунктуальным. Но когда дело не терпит отлагательств, он всегда точен.

Мимо лимузинов и армейских машин милиции по дороге пролетел старый разбитый флиттер.

— Тебе понравится в Мулунских горах. Я их видел. Они очень красивы. Воспользуйся случаем, Атаклена.

Она кивнула.

— Я выполню твое пожелание, отец. Постараюсь усовершенствоваться в англике и изучить эмоциональные особенности людей.

— Хорошо. И смотри в оба: вдруг увидишь легендарных гартлингов.

Атаклена нахмурилась. Ее отец увлекается преданиями волчат. В последнее время это увлечение стало перерастать в одержимость. И все же никогда нельзя сказать, серьезен Утакалтинг или

готовит очередной розыгрыш.

— Поищу, хотя эти существа исключительно мифологические.

Утакалтинг улыбнулся.

— Мне пора. Моя любовь останется с тобой. Она станет птицей, парящей... — он сделал жест руками... — над твоим плечом.

Его щупальца на мгновение нежно коснулись ее, и он тут же исчез, присоединился к встревоженным военным. Атаклена осталась стоять, думая, почему Утакалтинг воспользовался такой странной, сугубо человеческой метафорой.

«Может ли любовь быть птицей?»

Иногда Утакалтинг даже ей кажется странным и пугающим.

Послышался скрежет гравия: флиттер сел рядом с обочиной. Роберт Онигл, темноволосый молодой человек, который будет ее товарищем в изгнании, улыбнулся и помахал из-за руля. Но она видела, что его веселость напускная, так он пытается ее подбодрить. В глубине души Роберт так же недоволен предстоящим путешествием, как и она. Судьба и непререкаемый авторитет взрослых предначертали им жизненный путь, который вряд ли они сами себе избрали.

Атаклена образовала — невидимо для Роберта

— глиф покорности и признания поражения. Но внешне постаралась быть такой же веселой.

— Привет, Роберт, — сказала она и подняла свой рюкзак.

Глава 3
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Праведности распушил белые перья, демонстрируя над головой радугу будущей царственности. Сюзерен Праведности гордо вскочил на насест провозглашения и зачирикал, призывая к вниманию.

Боевые корабли экспедиционного корпуса все еще находились в подпространстве, между уровнями мира. Именно поэтому сюзерен Праведности главенствует и может вмешиваться в деятельность экипажа флагмана.

На мостике сюзерен Луча и Когтя посмотрел со своего командного насеста. У адмирала, как и у сюзерена Праведности, начала образовываться радуга царственности. Тем не менее нельзя вмешиваться, когда делается религиозное провозглашение. Адмирал прервал поток приказов, которые отдавал подчиненным, и занял позу почтительного внимания.

На мостике шумный говор инженеров и астронавтов-губру сменился негромким шепотом. Четвероногие клиенты-кваку тоже прекратили воркование и прислушались.

Но сюзерен Праведности по-прежнему ждал. Нельзя начинать, пока не соберутся все трое.

Раскрылся люк. В него прошел третий командир экспедиции, последний член триумвирата. Как положено, на сюзерене Стоимости и Бережливости черный торк подозрения и сомнения. Он занял свой насест в сопровождении небольшой стаи помощников и клерков. На мгновение их взгляды скрестились над мостиком. Напряжение среди троих уже возникло, в предстоящие недели и месяцы оно начнет расти, пока не будет достигнут консенсус, в котором они сольются, и возникнет новая царица.

Ситуация возбуждающая, волнующая, сексуальная. Никто не знает, чем она кончится. У Луча и Когтя, разумеется, преимущество изначальное, потому что экспедиция военная. Но это преимущество долго не сохранится.

А сейчас на первый план выступает священник.

Все клювы повернулись. Сюзерен Праведности поднял и согнул одну ногу, потом другую, он

приготовился говорить. И вскоре собравшиеся птицеподобные негромко загудели:

— Ззууун.

— Мы начинаем миссию, священную миссию, — распевал сюзерен.

— Ззууун.

— Начиная эту миссию, мы должны проявить настойчивость.

— Ззууун.

— Наша задача включает Завоевание во славу нашего клана.

— Ззууун.

— Завоевание и принуждение, чтобы мы могли постигнуть тайну, тайну, которую звери-земляне сжимают в своих когтях, хотят утаить от нас, ззууун.

— Ззууун.

— Завоевание, принуждение и решающий удар по врагу принесут нам честь. Враг будет опозорен, а мы избежим позора, ззууун.

— Ззууун.

— Все это — завоевание, принуждение, позор врага — докажет, что мы достойны своих предков, достойны Прародителей, время возврата которых настало.

— Мы достойны господствовать, зззууун.

Послышался полный энтузиазма рефрен:

— Зззуууун!

* * *

Два остальных сюзерена почтительно поклонились священнику, и официальная церемония закончилась. Солдаты Когтя и астронавты сразу вернулись к своим обязанностям. Но чиновники и гражданские служащие, возвращающиеся в свои кабинеты, ясно слышали негромкое, но отчетливое пение:

— Все... все... все это. Но еще одно, еще одно... Прежде всего — выживание гнезда...

Жрец резко повернул голову и увидел блеск в глазу сюзерена Стоимости и Бережливости. И мгновенно понял, что соперник одержал внешне незаметную, но важную победу. И увидел торжество в глазах соперника. Тот опустил голову и негромко пропел:

— Зуууун.

Глава 4
РОБЕРТ

Пятна солнечного света пробивались сквозь

полог влажного тропического леса, в тусклом перевитом лианами проходе вспыхивали яркие точки. Яростные бури середины зимы прекратились, но о них напоминал свежий ветер, он раскачивал кусты, стряхивая с них влагу ночного дождя. Капли с громким звуком падали в лужи.

В горах над долиной Синда тихо. Может, даже тише, чем должно быть в лесу. Внешняя красота скрывала болезнь, лихорадку ран прошлого.

Аромат плодородия смешивается с явственным запахом разложения. Не нужно быть эмпатом, чтобы ощутить печаль этого места. Меланхоличный мир.

Косвенным образом эта грусть и привела сюда землян. Последняя глава истории Гарта еще не написана, но планета уже в списке. В списке умирающих миров.

* * *

Луч света упал на веер разноцветных стеблей, беспорядочно свисающих с ветвей гигантского дерева. Роберт Онигл указал на них.

— Может, хочешь осмотреть их, Атаклена? Их можно приучить.

Молодая тимбрими подняла голову от орхидеи, которую рассматривала.

Проследила, куда ой указывает, всмотрелась в яркие наклонные столбы света.

И ответила на хорошем англике, хотя и с небольшим акцентом:

— Что можно приучить, Роберт? Я вижу только лианы.

Роберт улыбнулся.

— Эти самые лесные лианы, Атаклена. Удивительные существа.

Атаклена нахмурилась очень по-человечьи, несмотря на широко расставленные овальные глаза с чуждыми золотыми, с зелеными точками, зрачками. Тонкая изогнутая нижняя челюсть и угловатый лоб придавали лицу слегка ироническое выражение.

Конечно, как дочь дипломата Атаклена получила соответствующую подготовку и могла в обществе людей подражать их мимике. Но все же Роберт был убежден, что сейчас на ее лице искреннее удивление. И когда она заговорила, ее англик из-за сливающихся звуков показался менее совершенным.

— Роберт, неужели ты считаешь, что эти висячие живые щупальца предразумные? Конечно, существует несколько автотрофных разумных рас, но эта поросль не проявляет никаких призна-

ков. — Она сосредоточилась. Тонкие щупальца над ушами задрожали. — И я совсем не чувствую эмоционального излучения.

Роберт улыбнулся.

— Конечно. Я совсем не хотел сказать, что у них есть потенциал возвышения или вообще нервная система. Это просто растения дождевого леса. Но у них есть тайна. Иди сюда. Я тебе покажу.

Атаклена кивнула — еще один человеческий жест; у тимбрими он может существовать, но может и не существовать. Она осторожно отпустила цветок, который рассматривала, и выпрямилась гибким грациозным движением.

У девушки-чужака хрупкий скелет, и пропорции рук и ног отличаются от человеческих. Например, ноги у нее длиннее в икрах и короче в бедрах.

Тонкий сочлененный таз отходит от еще более узкой талии. На взгляд Роберта, она крадется, как кошка; эта особенность походки привлекла его еще полгода назад, когда Атаклена появилась на Гарте.

По очертаниям верхних грудей, отчетливо заметных под тонким спортивным костюмом, Роберт может судить, что тимбрими — млекопитающие. Он знает — изучал, — что у Атаклены

есть еще две пары грудей, а также сумка, как у сумчатых животных. Но эти особенности строения сейчас не видны. И в данный момент Атаклена выглядит скорее как человек — или эльф, — а совсем не кажется чужаком.

— Ну хорошо, Роберт. Я пообещала отцу извлечь максимум полезного из этого вынужденного изгнания. Покажи мне чудеса этой маленькой планеты.

Говорила она так тяжело, таким покорным голосом, что Роберт решил: она переигрывает. Этот театральный эффект усиливал ее сходство с человеческим подростком, и это само по себе заставляло слегка нервничать.

Роберт подвел ее к пучку лиан.

— Вот здесь, где они сливаются у земли.

Шлем коротких коричневых волос, который начинается у Атаклены узкой полосой на спине, проходит по шее, покрывает голову и заканчивается на лбу острым выступом, как вдовий чепец, распушился, края его стали неровными.

Над гладкими круглыми ушами задвигались щупальца короны тимбрими: Атаклена пыталась уловить присутствие разума на узкой поляне.

Роберт напомнил себе, что не следует преувеличивать способностей тимбрими, как часто

делают люди. Стройные галакты обладают поразительным умением улавливать сильные эмоции; больше того, сама эмпатия является для них формой искусства. А вот телепатия у тимбрими встречается так же редко, как и у землян.

О чем она думает? Знает ли, что его восхищение ею с момента выхода из Порт-Хелении все растет? Он надеется — нет. Даже самому себе он не хочет признаваться в этом чувстве.

Могучие лазящие лианы, иногда толщиной с человеческий торс, змеятся по земле, закручиваются в петли, со всех сторон подбираясь к этой небольшой лесной поляне. Роберт отвел пучок ярких стеблей и показал Атаклене, что все они заканчиваются в небольшом водоеме, полном янтарного цвета воды.

И объяснил:

— Такие пруды расположены по всему континенту. Они соединены друг с другом разветвленной сетью стеблей. И играют очень важную роль в экосистеме дождевого леса. Никакое другое растение не может существовать вблизи этой дренажной системы, где стебли выполняют свою работу.

Атаклена наклонилась, чтобы рассмотреть получше. Корона ее продолжала волноваться; сама

она казалась заинтересованной.

— А почему пруд так окрашен? В воде какие-то примеси?

— Да, верно. Если бы у нас были приборы, я мог бы показать тебе, что в воде каждого бассейна преобладают различные элементы и соединения. Лианы образуют огромную сеть, по которой питательные элементы, избыточные в одном месте, передаются в другие места.

— Торговый договор! — Шлем Атаклены распушился; это одно из тех чисто тимбримийских выражений, которые Роберт понимает. Впервые с того времени, как они вместе покинули город, она казалась чем-то искренне взволнованной.

Роберт подумал, не создает ли она в этот момент глиф — странноватый вид искусства, который, как утверждается, способны воспринимать и даже понимать некоторые люди. Роберт знал, что в этом процессе каким-то образом участвуют перьевые щупальца короны тимбрими. Однажды, сопровождая мать на дипломатическом приеме, он заметил нечто — вероятно, глиф, — плывущее над короной посла тимбрими Утакалтинга.

Это было необычное беглое ощущение — как будто видишь нечто, на что можно смотреть только слепым пятном глаза, что уходит от взгля-

да, как только сосредоточишься. И тут же, так же быстро, как появилось, видение исчезло. И Роберт так и не был уверен, видел ли он что-то или это просто игра воображения.

— Взаимоотношения, конечно, симбиотические, — сказала Атаклена.

Роберт мигнул. Она говорит, разумеется, о лианах.

— Хм, снова верно. Лианы получают питание от больших деревьев; в обмен они предоставляют питательные вещества, которые деревья не могут извлечь корнями из бедной почвы. Они также вытягивают токсины и переносят их на большие расстояния. А такие водоемы служат своеобразными банками; здесь создаются запасы веществ и происходит обмен.

— Невероятно. — Атаклена рассматривала корешки. — Имитация торгового обмена разумных существ. И, по-видимому, когда-то где-то такая способность впервые появилась у растений. Наверно, кантены начинали так же, пока садоводы линтены не возвысили их и не вывели в космос.

Она посмотрела на Роберта.

— Занесен ли этот феномен в каталог? Предполагается, что з'танги исследовали Гарт, прежде чем Институты передали ее вам, людям. Я удив-

лена, что никогда не слышала об этом.

Роберт позволил себе слегка улыбнуться.

— Конечно, з'танги в своем отчете в Великую Библиотеку упомянули способности растений к химическому обмену. Трагедия Гарта отчасти объясняется тем, что перед появлением землян, перед тем, как мы получили лицензию на планету, вся эта система чуть не погибла. А если бы это действительно случилось, весь континент превратился бы в пустыню.

— Но з'танги упустили нечто важное. Они как будто не заметили, что лианы передвигаются по лесу, ищут новые минеральные соединения для своих хозяев-деревьев. Лес, подобно всякому активному торговому сообществу, приспосабливается. Он меняется. И есть надежда, что при нужном толчке здесь и там эта сеть станет основой восстановления экосферы планеты. И в таком случае мы могли бы получить неплохую прибыль, продавая эту технику нуждающимся повсюду.

Он надеялся, что Атаклена обрадуется, но та, опустив корешки в янтарную воду, ответила холодным тоном:

— Ты словно гордишься тем, что поймал такую серьезную и мудрую древнюю расу, как з'танги,

на ошибке, Роберт. Как говорится в одной из ваших телепьес: «Ити и Библиотеку снова застали с молоком на губах». Верно?

— Минутку. Я...

— Ответь мне. Вы, люди, собираетесь утаить эту информацию и всякий раз злорадствовать, выдавая ее по крохам? Или станете на всех перекрестках кричать то, что и так всем известно: что Великая Библиотека несовершенна и никогда не была совершенной?

Роберт мигнул. Земляне обычно представляют себе тимбрими хорошо приспосабливающимися, мудрыми и часто озорными существами. Но сейчас Атаклена вела себя, как любая молодая упрямая женщина, всегда готовая к спору.

Правда, некоторые земляне заходят слишком далеко, критикуя галактическую цивилизацию. Как первая за последние пятьдесят мегалет раса «волчат», люди иногда слишком громко хвастают, что они единственные сумели выйти в космос без чьей-либо помощи. Почему же в таком случае они должны считать обязательным для себя все, что содержится в Большой Библиотеке пяти галактик? Земные средства массовой информации поддерживали презрительное отношение к чужакам, которые предпочитают справиться

в Библиотеке, чем выяснить что-то самостоятельно.

И причины для такого отношения есть. Альтернатива, в соответствии с мнением земных психологов, в разрушающем расовом комплексе неполноценности. Гордость жизненно важна для единственной известной во вселенной «отсталой» расы. Она стоит между человечеством и отчаянием.

К несчастью, такое отношение вызвано враждой со стороны многих чуждых цивилизаций, которые в противном случае могли бы стать друзьями человечества.

Но так ли уж причастен к этому народ Атаклены? Тимбрими известны тем, что обнаруживают пробелы в традиции и не удовлетворяются тем, что им приносит прошлое.

— Когда вы, люди, поймете, что вселенная опасна, что существует много древних могущественных кланов, которые не любят выскочек, особенно новичков, настаивающих на реформах, не представляя себе их последствий?

Теперь Роберт понял, что имеет в виду Атаклена, какова истинная причина ее взрыва. Он выпрямился на берегу пруда и отряхнул руки.

— Послушай, мы ведь в сущности не знаем,

что сейчас происходит в галактике. Но вряд ли наша вина в том, что корабль с экипажем из дельфинов...

— «Стремительный».

— ...да, «Стремительный» случайно открыл нечто странное, что-то такое, что до сих пор никто не заметил. Всякий мог бы наткнуться на это! Дьявольщина, Атаклена! Мы ведь даже не знаем, что нашли эти бедняги неодельфины! Последнее, что мы о них слышали: за их кораблем от пункта перехода Моргран гонится двадцать разных флотов — и все дерутся друг с другом за право захватить «Стремительный».

Роберт обнаружил, что у него ускорился пульс. Сжатые руки показывали, насколько его самого волнует эта тема. В конце концов уже то, что вселенная грозит обрушиться на тебя, способно вызвать раздражение; но особенно плохо, что это связано с событиями в килопарсеках отсюда, среди красных звезд, слишком слабых, чтобы их увидеть.

Глаза Атаклены с темными веками встретились с его взглядом, и впервые он ощутил в них понимание. Ее рука с длинными пальцами легко изогнулась.

— Я слышу, что ты говоришь, Роберт. И знаю,

что иногда слишком поспешна в суждениях. Отец постоянно советует мне изживать этот недостаток. Но ты должен помнить, что мы, тимбрими, защитники и союзники Земли с того времени, как ваши неуклюжие, медлительные космические корабли вторглись в наше пространство, восемьдесят девять пактааров назад. Иногда это утомляет, и ты должен простить, если временами утомление сказывается.

— Что утомляет? — Роберт смутился.

— Ну, во-первых, со времен Контакта мы вынуждены были изучать и выносить набор волчьих щелканий и рычаний, который вы имеете наглость называть языком.

Выражение лица Атаклены оставалось спокойным, но Роберту казалось, что он действительно чувствует слабое нечто, исходящее от ее короны.

Это нечто как будто отражало то, что земная девушка выражает мимикой.

Очевидно, Атаклена поддразнивает его.

— Ха-ха! Очень смешно. — Он посмотрел на землю.

— Серьезно, Роберт, разве мы все семь поколений с Контакта не уговариваем вас и ваших клиентов действовать помедленнее? «Стремительному» просто не следовало залетать так

далеко. Ему не место там, особенно пока ваша раса молода и беспомощна.

— Вы не можете остановиться, не можете не испытывать правила, проверяя, какие позволено нарушать, какие нет!

Роберт пожал плечам.

— Это часто себя оправдывает.

— Да, но разве всегда — как же эта звериная идиома? — всегда ваши кони возвращаются к своим стойлам?

— Роберт, теперь фанатики вас не оставят в покое. Они будут преследовать корабль дельфинов, пока не захватят его. И если не смогут таким путем получить информацию, могучие кланы, такие, как соро и йофур, найдут другие способы.

В узком столбе солнечного света плясали пылинки, блестели разбросанные лужи. В наступившей тишине Роберт тащился по мягкому перегною, понимая, на что намекает Атаклена.

Йофур, соро, губру, танду — могучие расы галактических патронов, постоянно демонстрирующие свою враждебность человечеству. Если не удастся захватить «Стремительный», следующий их шаг очевиден. Рано или поздно один из этих кланов обратит свое внимание на Гарт, или Атлас, или Калафию — наиболее отдаленные

и беззащитные колонии Земли. Попытается захватить заложников и с их помощью разузнать тайны корабля дельфинов. В соответствии с либеральными законами, установленными древним галактическим Институтом Цивилизованных Войн, это даже допустимо.

«Какая ирония, — с горечью думал Роберт. — Дельфины вообще ведут себя не так, как ожидают от них педантичные галактические эксперты».

Согласно традиции, раса клиентов оказывается в долгу у патронов, космической цивилизации, «возвысившей» эту расу до разума. Люди поступили так с шимпанзе вида «пан» и дельфинами рода «турсиопс» еще до того, как встретились в космосе с чужаками. Таким образом человечество неосознанно воспроизвело образец, который уже в течение трех миллиардов лет господствует в галактике.

Согласно традиции, раса клиентов служит патронам в течение ста тысяч лет и больше, пока не будет освобождена от службы и сможет искать собственных клиентов. Галактические кланы и не представляли себе, сколько свободы было дано людьми шимпам и дельфинам. Трудно сказать, как поступят дельфины, если люди окажутся заложниками. Но это, конечно, не остановит

галактов. Расположенные в далеком космосе пункты прослушивания уже подтвердили самые худшие опасения. Уже сейчас, в тот момент, как он разговаривает с Атакленой, к Гарту приближаются военные флоты.

— И что еще хуже, — негромко продолжила Атаклена, — это собрание древних космических кораблей, которые будто бы нашли дельфины... эти брошенные корабли не представляют для вас никакой ценности. Что они для ваших планет, с их фермами, парками, орбитальными городами? Я не понимаю, почему Совет Земли приказал «Стремительному» хранить тайну, в то время когда вы настолько уязвимы!

Роберт снова посмотрел на землю. У него нет ответа. Если посмотришь с такой точки зрения, решение кажется нелогичным. Он подумал о своих соучениках и друзьях, они готовятся к сражению, они будут сражаться за дело, которого никто из них не понимает. Это очень трудно.

Атаклене, конечно, тоже трудно: в разлуке с отцом, она одна на чужой планете из-за ссоры, которая не имеет к ней отношения. Роберт решил оставить последнее слово за нею. Она видела больше во вселенной, чем он, и происходит из более старого клана, имеющего более высокий

межзвездный статус.

— Может, ты и права, — сказал он. — Может, ты права.

«А может быть, — напомнил он себе, помогая ей надеть рюкзак и надевая потом собственный, — может быть, молодая тимбрими так же несведуща и неопытна, как любой человеческий подросток, она тоже испугана и оторвана от дома».

Глава 5
ФИБЕН

— Разведывательный корабль «Бонабо» вызывает разведывательный корабль «Проконсул»! Фибен, ты опять вышел из строя. Давай, старина шимп, занимай свое место.

Фибен дергался у приборов своего древнего, построенного чужаками корабля. Только включенный микрофон удержал его от выражения своего мнения с помощью богатейшего запаса непристойностей. Наконец, в отчаянии он пнул временную панель управления, установленную техниками Гарта.

И это подействовало! Загорелся красный огонек, и верньеры антигравитации ожили. Фибен

вздохнул. Наконец-то!

Конечно, от усилий лицевая пластина его шлема запотела.

— За все это время можно было бы придумать приличный обезьяний костюм, — проворчал он, включая антиконденсаторный прибор. Прошло не меньше минуты, прежде чем звезды появились вновь.

— В чем дело, Фибен? Что ты сказал?

— Я сказал, что вовремя верну в строй эту старую лохань, — рявкнул Фибен. — Ити не будут разочарованы.

Популярное сленговое выражение чужаков-галактов «ити» — аббревиатура двух корней, входивших в английское слово «Extraterrestrials». Но одновременно оно напомнило Фибену о еде. Уже несколько дней он жил на корабельной пасте. И все бы отдал за свежего цыпленка и салат из пальмовых листьев — прямо сейчас!

Специалисты по питанию всегда пытались ограничить мясное в рационе шимпов. Утверждают, что слишком много мяса — плохо для кровяного давления.

«Дьявольщина, еще бы баночку горчицы и последний номер „Хеления таймс“», — подумал Фибен.

— Эй, Фибен, ты всегда в курсе последних слухов. Известно, кто на нас нападает?

— Я знаком с шимми из штата координатора, а у нее приятель в разведке. Он ей сказал, что это, возможно, соро или танду.

— Танду! Надеюсь, ты шутишь, — снова послышался голос Саймона, и Фибен с ним согласился. О таком лучше просто не думать.

— Ну, я бы сказал, что это просто шайка садовников линтенов проверяют, хорошо ли мы обращаемся с растениями.

Саймон рассмеялся, и Фибен этому обрадовался. Веселый ведомый стоит половины офицерского жалованья.

Он вывел свой маленький корабль на рассчитанную траекторию.

Разведчик, купленный несколько месяцев назад у торговца ломом ксатинни, был гораздо старше народа шимпов. Когда его предки еще ссорились с бабуинами под пальмами Африки, этот корабль участвовал в боевых действиях среди далеких звезд. И управляли им руки, когти, щупальца других бедняг, которые тоже обречены были ждать в засаде и умирать в бессмысленных межзвездных сражениях.

Фибену дали лишь две недели на изучение

корабля и научили галактической письменности для того, чтобы он читал надписи на приборах. К счастью, конструкции в древней галактической культуре меняются медленно, и у всех кораблей есть немало общего.

Но одно несомненно: галактическая технология впечатляет. Лучшие корабли человечества по-прежнему покупаются, а не строятся. И хоть эта старая лохань скрипит и дребезжит, вероятно, сегодня она переживет его.

Вокруг Фибена сверкали яркие звезды, только в одном месте туманность Ложка закрывала часть галактического диска. В этом направлении находится Земля, родина племени Фибена, которую он никогда не видел и, вероятно, уже не увидит.

С другой стороны Гарт — яркая зеленая искра всего лишь в трех миллионах километров. Крошечный флот планеты слишком слаб, чтобы прикрыть отдаленный пункт гиперпространственного перехода или даже просто отстоять внутреннюю систему. Пестрое собрание разведчиков, сборщиков метеоритов и переоборудованных торговых кораблей — плюс три современных корвета — едва ли способно защитить саму планету.

К счастью, Фибен не командует флотом и ему

не нужно думать об их жалких перспективах. Ему нужно только ждать и выполнять свой долг. И он не собирается проводить оставшееся время, размышляя об уничтожении.

Он попытался отвлечься, думая о семействе Тропов, небольшом клане на острове Квинтана, который недавно пригласил его участвовать в групповом браке. Для современного шимпа это серьезное решение, как и для двух или трех человек, которые решают объединиться и создать семью. И Фибен уже несколько недель раздумывает над этим предложением.

У клана Тропов прекрасный уютный дом, они заботливо ухаживают друг за другом, у них хорошие профессии. Все взрослые привлекательные и интересные шимпы, и у всех зеленые генетические карты. С социальной точки зрения это очень выгодный ход.

Но, конечно, есть у него и недостатки. Прежде всего, придется переселиться из Порт-Хелении на острова, где по-прежнему живет большинство поселенцев — шимпов и людей. Фибен не уверен, что готов к этому. Ему нравятся открытые просторы континента, свобода гор и приволье диких равнин Гарта.

Есть и другие немаловажные соображения.

На самом ли деле он нужен Тропам, или они пригласили его, потому что Комитет по возвышению неошимпанзе дал ему синюю карту — разрешение на продолжение рода почти без ограничений?

Выше только белая карта. Синий статус означает, что он может присоединяться к любой брачной группе и заводить детей при минимальных генетических консультациях. И это, конечно, подействовало на Тропов, когда они приглашали его.

— Не занимайся самообманом, — проворчал он наконец. Вопрос, конечно, неясный. Но теперь у него мало шансов вообще вернуться домой.

— Фибен? Ты еще здесь, малыш?

— Да, Саймон. Что нового?

Наступила пауза.

— Только что разговаривал с майором Фортнессом. Он говорит, что беспокоится по поводу четвертого додеканта.

Фибен зевнул.

— Люди всегда беспокоятся. Все время. Вот что значит быть патроном.

Его партнер рассмеялся. На Гарте даже хорошо образованные шимпы постоянно подтрунивают над людьми. Люди воспринимают это спокойно;

те, кто этого не может, надолго не задерживаются.

— Вот что я решил, — передал Фибен Саймону. — Подлечу к четвертому додеканту и погляжу, что там.

— Мы не должны расходиться, — послышался слабый протестующий голос в наушниках. Впрочем, они оба знали, что ведомый ничего не изменит в случае схватки.

— Да я мигом, — заверил друга Фибен. — Оставь мне бананов.

Он постепенно и осторожно включал поля стасиса и гравитационные, обращаясь с древней машиной, как с девственницей-шимми в ее первом розовом цикле. Разведчик постепенно набирал скорость.

План обороны был тщательно продуман с учетом консервативной психологии галактов. Корабли землян образовали сеть, при этом самые большие корабли оставались в резерве. Разведчикам, таким, как Фибен, полагалось заранее доложить о приближении врага, чтобы флот успел перегруппироваться.

Проблема состояла в том, что разведчиков слишком мало, чтобы перекрыть все направления.

Фибен через сиденье ощущал дрожь от работы могучих двигателей. Скоро корабль уже быстро перемещался по звездному полю. «Надо отдать должное галактам, — подумал Фибен. Они консервативны и нетерпимы, иногда напоминают фашистов, но корабли строят хорошие».

Тело в космическом костюме зудело. Фибен пожалел, что пилоты-люди слишком велики для управления этими крошечными кораблями ксатинни.

Любопытно взглянуть, как будет пахнуть пилот после трех дней в космосе.

Часто, в свои самые мрачные минуты, Фибен думал, так ли уж хорошо, что люди сделали из обезьян инженеров, поэтов и астронавтов. Обезьяны были бы счастливее, оставаясь в лесу. Где бы он сейчас был, если бы люди воздержались от действий? Был бы грязен и невежествен. Но по крайней мере, мог бы чесаться сколько угодно и где угодно!

Как ему не хватает местного клуба ухода. Как приятно, когда тебя расчесывают гибкие пальцы шимми, а ты лежишь в тени и болтаешь ни о чем!

На экране загорелся розовый огонек. Фибен протянул руку и постучал по экрану, но огонек

не исчез. Больше того, он увеличился, разделился надвое, потом каждая часть разделилась в свою очередь.

Фибен похолодел.

— Клянусь невоздержанностью Ифни!.. — выругался он и нажал кнопку общего сигнала. — Разведчик «Проконсул» — всем кораблям. Они за нами! Три... нет, четыре группы боевых кораблей идут с уровня В гиперпространства в четвертом додеканте!

Он замигал, увидев, как из ничего возникла пятая флотилия; огоньки мерцали, корабли появлялись в реальном времени и сбрасывали в реальное пространство излишки гипервероятности. И даже на таком расстоянии видно было, что корабли эти огромные.

В наушниках разразилась буря.

— Клянусь вдвое сложенным мужеством моего волосатого дядюшки! Откуда они знают, что у нас здесь дыра?

— ...Фибен, ты уверен? Почему они выбрали именно это...

— ...Да кто они такие? Можешь...

Все смолкли, услышав голос майора Фортнесса.

— Сообщение получено, «Проконсул». Мы идем. Пожалуйста, Фибен, включи повтор.

Фибен хлопнул себя по шлему. Он уже несколько лет не тренировался, а все забывается. Он включил телеметрию, чтобы остальные могли получать данные его приборов. Конечно, это делает его легкой целью, но какая разница? Противник явно знает расположение защитников, вероятно, до последнего корабля. Фибен уже заметил летящие к нему ракеты.

Прощай, внезапность и укрытие, преимущества слабых! Сближаясь с противником — каким бы дьяволом он ни был! — Фибен отметил, что возникающая армада захватчиков расположена между ним и зеленой искоркой Гарта.

— Здорово! — фыркнул он. — По крайней мере меня сожгут на пути домой. Может, несколько клочков шерсти долетят туда раньше ити.

— Надеюсь, если кто загадает желание на падающую звезду, оно исполнится.

Он увеличил скорость древнего разведчика и почувствовал, как напрягается поле стасиса. Гул двигателей стал выше. Фибену показалось, что боевая песня корабля звучит почти радостно.

Глава 6

УТАКАЛТИНГ

Четыре человека-офицера шагнули на паркетный пол оранжереи, их блестящие ботинки четко и ритмично стучали. Трое остановились на почтительном расстоянии от большого окна, у которого стояли посол и планетарный координатор. Но четвертый прошел вперед и четко отдал честь.

— Мадам координатор, началось. — Седеющий офицер достал из сумки документ и протянул его.

Меган Онигл взяла протянутый листок. Утакалтинг восхитился ее выдержкой. На ее лице не отразилось то отчаяние, которое она должна была почувствовать, получив худшее из возможных известий.

— Спасибо, полковник Мейвен, — сказала она.

Утакалтинг заметил, что младшие офицеры украдкой поглядывают на него.

Очевидно, гадают, как воспринял новость посол тимбрими. Внешне он оставался спокоен, как и подобает дипломату. Но концы его короны невольно задрожали: он ощутил напряжение, которое принесли посыльные во влажную теплицу.

Из широкого окна открывался отличный вид на долину Синда, усеянную фермами и рощами деревьев, местных и привезенных с Земли. Прекрасная мирная картина. И только Великая Бесконечность знает, сколько еще она продержится. А в настоящее время Ифни не поверяет свои планы Утакалтингу.

Планетарный координатор Онигл быстро просмотрела отчет.

— Есть сведения о том, кто наш враг?

Полковник Мейвен покачал головой.

— Пока нет, мэм. Но флоты сближаются. Скоро узнаем.

Несмотря на серьезность положения, Утакалтинг в который раз удивился странному архаичному диалекту, которым пользуются люди на Гарте. Во всех остальных человеческих колониях, где он побывал, англик пестрит заимствованиями из гал-семь, два и десять. Здесь, однако, язык почти не изменился за два поколения после получения людьми лицензии на Гарт.

«Удивительные, великолепные существа», — подумал Утакалтинг. Только здесь, в глубинке, можно услышать такие чистые, древние выражения.

Например, обращение к руководителю-жен-

щине «мэм». В любом другом человеческом мире к руководителю обращаются с нейтральным «сэр», независимо от пола.

На Гарте много необычного. За время своего пребывания здесь Утакалтинг выслушал много невероятных рассказов, странных, очень странных новостей, которые приносили из дикой местности фермеры, охотники и работники службы экологии. Много ходит слухов. Слухов о странных происшествиях в горах.

Конечно, в основном это только вымыслы. Преувеличения, сплетни, хвастовство. Именно этого и можно ожидать от волчат, живущих на краю цивилизации. И тем не менее у Утакалтинга возникла идея.

Он молча выслушал доклады офицеров-штабистов. Наконец все смолкли.

Молчание смельчаков, ощущающих свою обреченность. И только тогда Утакалтинг негромко заговорил.

— Полковник Мейвен, вы уверены, что противник пытается полностью изолировать Гарт?

Советник по обороне поклонился Утакалтингу.

— Господин посол, мы знаем, что гиперпространство заминировано вражескими крейсерами в районе шести миллионов километров по

крайней мере на четырех главных уровнях.

— Включая уровень Д?

— Да, сэр. Разумеется, это означает, что мы не можем послать ни один из наших легковооруженных кораблей в остающиеся гиперпространственные коридоры, даже если бы могли выделить их. Но это также означает, что пробиться к Гарту чрезвычайно сложно.

На Утакалтинга это произвело впечатление.

«Заминировали Д-уровень. Я не думал, что они до этого дойдут. Явно не хотят, чтобы кто-то вмешался в их операцию!»

Это свидетельствует об огромных затратах средств и сил. Кто-то не покладая рук работает над этой операцией.

— Вопрос спорный, — сказала планетарный координатор. Меган смотрела на холмистые луга Синда, с их фермами и исследовательскими станциями.

Прямо под окном садовник-шимп на тракторе обрабатывал широкий газон земной травы у дома правительства.

Меган повернулась к офицерам.

— Последний связной корабль доставил приказ Совета Земли. Мы должны защищаться, насколько хватит сил, защищая свою честь и для истории.

Но после этого можем надеяться только на ограниченное подпольное сопротивление, пока не придет помощь извне.

Утакалтинг чуть не рассмеялся вслух: в этот момент люди в помещении изо всех сил старались не смотреть на него. Полковник Мейвен откашливался и разглядывал свой доклад. Офицеры любовались яркими цветущими равнинами.

Но совершенно очевидно, о чем они думают.

Из немногих галактических кланов, которых Земля может считать друзьями, только тимбрими обладают достаточной военной мощью, чтобы помочь в этом кризисе. Люди считают, что тимбрими не оставят их вместе с клиентами в беде.

И они правы. Утакалтинг знал, что союзники будут вместе расхлебывать кашу.

Но ясно также, что маленький Гарт далеко от центра событий. И думать будут прежде всего о родной планете.

«Неважно, — решил Утакалтинг. — Цель оправдывает средства».

И, как ему ни хотелось, Утакалтинг подавил в себе желание рассмеяться. Это только привело бы в замешательство бедных, убитых горем людей. Конечно, за время своей карьеры он встречал людей, склонных к авторитаризму. Некоторые

даже могли соперничать с тимбрими. Однако большинство из них так трезвы и скучны! Отчаянно стараются быть серьезными в моменты, когда только юмор поможет преодолеть неприятности.

Утакалтинг был удивлен.

«Как дипломат я приучился следить за каждым словом, чтобы наша склонность к шуткам не вызывала неприятных инцидентов. Но разумно ли это?

Моя родная дочь переняла эту привычку от меня... саван серьезности. Может, поэтому и выросла такой необычайно странной и серьезной».

Вспомнив об Атаклене, он еще больше захотел прояснить ситуацию. Иначе он может поступить по-человечески и подумать об опасности, угрожающей дочери. Он знал, что Меган беспокоится о сыне. «Она недооценивает Роберта, — подумал Утакалтинг. — Ей следовало бы лучше знать возможности парня».

— Дорогие леди и джентльмены, — сказал он, наслаждаясь архаизмом. И дурачась, лишь слегка расширил глаза. — В ближайшие дни мы можем ожидать прибытия фанатиков. Вы подготовили планы сопротивления с учетом имеющихся незначительных ресурсов. Эти планы будут осу-

ществлены.

— Однако? — В слове, которое произнесла Меган Онигл, звучала вопросительная интонация. Брови ее над темными зрачками выгнулись — глаза большие и широко расставленные, почти в классическом тимбримийском стиле.

Ошибиться в значении ее взгляда невозможно.

«Она, как и я, знает, что на кон поставлено гораздо большее. И если у Роберта есть хоть половина мозгов его матери, мне нечего опасаться за Атаклену, которая сейчас в темных лесах этого печального опустошенного мира».

Корона Утакалтинга задрожала.

— Однако, — повторил он, — я считаю, что нам следует проконсультироваться с Библиотекой.

Утакалтинг почувствовал их разочарование. Поразительные существа!

Скептицизм тимбрими по отношению к современной галактической культуре никогда не заходил так далеко, до полного презрения к Великой Библиотеке.

А многие земляне именно это испытывают!

«Волчата». Утакалтинг незаметно вздохнул. И создал над головой глиф сиулф-та — предчувствие головоломки, слишком сложной, чтобы ее можно было решить. Призрак, невидимый

людям, выжидательно вращался. Но внимание Меган на мгновение отвлеклось, она как будто готова была что-то увидеть.

«Бедные волчата. Несмотря на ее недостатки, именно в Библиотеке все начинается и кончается. В этой сокровищнице знаний всегда можно найти решение. И пока вы не поймете это, друзья мои, небольшие неприятности, вроде военных флотов, будут постоянно отравлять такие прекрасные весенние дни».

Глава 7
АТАКЛЕНА

Роберт шел в нескольких футах перед нею, перерубая мачете ветки, загораживающие узкий проход. Яркие лучи местного солнца — Гимельхая — пробивались через лесной полог, и весенний воздух был теплым.

Атаклена радовалась неспешному движению. С измененной фигурой ходьба сама по себе становилась необычным делом. Интересно, как земные женщины всю жизнь ходят с такими широкими бедрами. Наверно, это цена, которую приходится платить за большеголовых детей. Гораздо разумнее рожать маленьких и потом

выращивать их в сумке.

Этот эксперимент — изменение формы тела, чтобы оно больше походило на человеческое, — стал одним из самых интересных моментов в посещении этой земной колонии. Так незаметно, как здесь, она не могла бы расхаживать среди рептилоидных соро или йофуров, с их кольцами сока. И в процессе изменения она больше узнала о психологическом контроле, чем научили ее инструкторы в школе.

И все же неудобства значительны, и она подумывает об окончании эксперимента.

«О, Ифни! — На кончиках ее щупалец возник глиф раздражения. — Возврат к исходному облику потребует столько усилий, что и не стоит пробовать».

Есть ограничения даже у невероятно приспособительной физиологии тимбрими. Если слишком много перемен происходит в короткий срок, наступает энзимное истощение. Тем не менее лестно кеннировать смятение в сознании Роберта. «Действительно ли я его привлекаю?» — думала Атаклена. Год назад такая мысль шокировала бы ее. Даже юноши тимбрими заставляли ее нервничать, а Роберт ведь чужак!

Но теперь почему-то она испытывала не отвра-

щение, а любопытство.

Есть нечто завораживающее в раскачивании рюкзака, в ритме, с которым мягкие подошвы ступают по тропе, в разогретых мышцах ног, слишком долго ограничивавших свое движение лишь улицами города. Здесь, на средних высотах, воздух влажный и теплый. В них тысячи разнообразных запахов: разлагающийся перегной, кисловатый запах человеческого пота.

Атаклена шла вслед за Робертом по вершине хребта с крутыми склонами.

Впереди, на некотором расстоянии, слышалось негромкое гудение. Похоже на работу мощных двигателей, на какую-то промышленную установку. Гудение стихало, потом возникало вновь и все усиливалось, по мере того как они приближались к его таинственному источнику. Очевидно, Роберт хочет удивить ее, поэтому Атаклена сдержала удивление и не задавала вопросов. Наконец Роберт остановился и подождал на повороте тропы. Он закрыл глаза, сосредоточившись, и Атаклене показалось, что на мгновение она уловила очертания примитивного эмоционального глифа. Но это не подлинный кеннинг, в сознании возникло видимое изображение — высокий ревущий фонтан в ярких растормошенных синих и

зеленых цветах.

«Он все совершенствуется», — подумала Атаклена. Потом подошла к повороту и удивленно ахнула.

Капли, миллиарды крошечных жидких линз сверкали в солнечных лучах, прорезающих облачный лес. Гудение, которое слышалось уже с час, превратилось в громогласный рев; от него дрожали стволы справа и слева, он отражался в скалах и костях. Прямо впереди огромный водопад переливался через гладкие камни и падал в пене и брызгах в каньон, пробитый за долгие века.

Падающая река — это излишество природы, она красочна и горда. Ни у одного человеческого шута нет такого бесстыдства, ни у одного поэта — такой гордости.

Невозможно воспринять ее только слухом и зрением. Щупальца Атаклены напряглись, они искали, кеннировали. Это один из тех редчайших моментов, о которых иногда говорят тимбримийские мастера глифов: весь мир соединяется в эмпатической сети, тогда как обычно в ней участвуют только живые существа. И в это затянувшееся мгновение Атаклена поняла, что древний Гарт, израненный и искалеченный, еще

может петь.

Роберт улыбнулся. Атаклена встретилась с ним взглядом и тоже улыбнулась. Руки их соединились. Долго стояли они молча и смотрели на сверкающую, вечно изменчивую радугу, изогнувшуюся над потрясающим потоком.

Странно, но Атаклена испытала печаль, пожалела, что увидела это чудо.

Ей не хотелось открывать здесь красоту. От этого судьба маленькой планеты кажется еще более трагичной.

Сколько раз досадовала она, что Утакалтинг принял это назначение? Но такие пожелания редко что-нибудь меняют.

Как она ни любила отца, часто он казался Атаклене непостижимым.

Слишком сложны причины его решений, слишком непредсказуемы действия.

Например, он принял этот скромный пост, хотя мог получить гораздо более престижный. Достаточно было только сказать.

Он послал ее в горы с Робертом... и она сразу поняла, что не «для безопасности». Неужели она на самом деле должна искать экзотические горные существа? Маловероятно. Наверно, Утакалтинг предложил это, чтобы отвлечь ее от беспокойных

мыслей.

Потом она подумала об этом с другой стороны.

Неужели отец действительно считает, что она может установить связь... с человеком? Ноздри ее раздулись при этой мысли. Сдерживая корону, чтобы не выдать своих мыслей, она отпустила руку Роберта и почувствовала облегчение, когда он не стал ее удерживать.

Атаклена скрестила руки и вздрогнула.

Дома она несколько раз вступала в пробные отношения с юношами, в основном с одноклассниками. В семье это вызывало немало споров до смерти матери. Матиклуанна очень беспокоилась о своей замкнутой и отчужденной дочери. Но отец не настаивал, чтобы Атаклена делала то, чего ей не хочется.

«Может, только до настоящего времени?»

Роберт, несомненно, очарователен и привлекателен. У него плоские скулы, широко расставленные глаза; он красив, каким только может быть красив человек. Но сам факт, что она может думать о нем в таких выражениях, шокировал Атаклену.

Щупальца ее дернулись. Она покачала головой и уничтожила нарождающийся глиф, прежде чем осознала, каков он. Эту проблему она не желает

обдумывать, особенно накануне предстоящей войны.

— Водопад прекрасен, Роберт, — тщательно произнесла она на англике. — Но если мы останемся здесь дольше, совсем промокнем.

Он, казалось, очнулся от глубокой задумчивости.

— О, да, Кленни. Пошли. — С легкой улыбкой он повернулся и пошел, испуская смутные далекие волны человеческой эмпатии.

Тропический лес полосами тянулся меж холмов; дорога поднималась, и идти становилось все труднее. Небольшие гартианские животные, редкие и робкие внизу, здесь постоянно шуршали за буйной листвой и иногда даже издавали вызывающие крики.

Вскоре путники поднялись на вершину хребта, где торчала цепь камней, голых и серых, как костные пластины древних ящеров, которых как-то показывал Атаклене Утакалтинг в одной из книг по истории Земли. Сняли рюкзаки и расположились на отдых. Роберт рассказал, что никто не может объяснить происхождение этих цепей, которые постоянно встречаются в Мулунских горах.

— Даже в отраслевой Библиотеке на Земле нет

ссылки, — сказал он и провел рукой по неровной поверхности камня. — Мы направили запрос малой срочности в ветвь Библиотеки на Таците. Может, через столетие компьютеры Библиотеки найдут отчет какой-нибудь давно исчезнувшей расы, и тогда мы узнаем ответ.

— Но ты надеешься, что и там не будет ответа, — сказала Атаклена.

Роберт пожал плечами.

— Я бы предпочел, чтобы это осталось тайной. И тогда, может, мы первые ее раскроем. — И он задумчиво посмотрел на камни.

Большинство тимбрими рассуждает так же. Они предпочитают хорошую головоломку готовому ответу. Но не Атаклена. Такое отношение к Библиотеке она считала нелепым.

Без Библиотеки и других галактических Институтов кислорододышащие существа, преобладающие в пяти галактиках, давно пришли бы в упадок и, может, истребили друг друга в свирепой тотальной войне.

Правда, большинство космических рас слишком полагается на Библиотеку.

А Институты только смягчают ссоры наиболее ограниченных и злобных старших патронов. Нынешний кризис самый последний в их цепи,

которая уходит в прошлое, когда еще не существовала ни одна из нынешних рас.

Но именно эта планета показывает, что может произойти, если будут сброшены узы древней традиции. Атаклена прислушалась к звукам леса.

Прикрыв глаза, она наблюдала за стайкой маленьких пушистых существ, которые перелетали с ветви на ветвь в направлении полуденного солнца.

— По внешнему виду никогда не догадаешься, что это планета после катастрофы, — негромко сказала она.

Роберт положил рюкзаки в тень камня и начал нарезать соевую салями и хлеб.

— Прошло пятьдесят тысяч лет, с тех пор как бурураллi устроили катастрофу на Гарте, Атаклена. Достаточно времени, чтобы немногие выжившие виды распространились и заполнили образовавшиеся ниши. Теперь, вероятно, нужно быть зоологом, чтобы заметить, сколько видов отсутствует.

Корона Атаклены вытянулась во всю длину, кеннируя слабые волны эмоций в окружающем лесу.

— Я заметила, Роберт, — сказала она. — Я могу

это чувствовать. Водораздел жив, но нет того многообразия жизни, какая должна быть в диком лесу. И никаких следов Потенциала.

Роберт серьезно кивнул. Но Атаклена понимала, что он далек от этого.

Катастрофа бурурали произошла очень давно с точки зрения землянина.

Бурурали тогда только что освободились от своей службы нагалли, расы патронов, которая возвысила их до разума. Наступало особенное время для бурурали, потому что только выполнив свои обязательства, раса клиентов становилась патроном и могла организовывать свои колонии. И когда наступило время, галактический Институт Миграции решил, что невозделанная планета Гарт пригодна для ограниченного возделывания. Как обычно, Институт ожидал, что туземные формы жизни, особенно те, у которых может развиться Потенциал возвышения, будут всесторонне оберегаться новыми обитателями.

Нагалли хвастали, что бурурали из предразумных неуживчивых хищников превратились в совершенных галактических граждан, ответственных и надежных, достойных такого доверия.

Как выяснилось, нагалли ужасно ошиблись.

— Ну, чего можно ждать, если вся раса сходит с ума и начинает уничтожать все с первого взгляда? — спросил Роберт. — Что-то случилось, и все бурурали превратились в безумцев. Они разрывали на части планету, о которой должны были заботиться. Неудивительно, что ты не чувствуешь никакого Потенциала в лесу Гарта, Кленни. Только крошечные существа, которые могут закапываться в землю и прятаться, скрылись от безумных бурурали. А большие и умные животные теперь там же, где прошлогодний снег.

Атаклена моргнула. Ей казалось, что она уже хорошо владеет англиком, а Роберт опять проявил странную склонность людей к метафорам. В отличие от сравнений, которые сопоставляют похожее, метафоры, вопреки всяким законам логики, утверждают, что непохожее похоже! Ни один галактический язык не подчиняется такой логике.

Обычно она как-то справлялась с такими лингвистическими трудностями, но эта смутила ее. Над дрожащей короной на мгновение возник малый глиф тив'нус — обозначение нестыковки произведенной коммуникации.

— Я слышала только краткий отчет об этом времени. А что случилось с самими убийцами

буруралли?

Роберт пожал плечами.

— Чиновники из Институтов возвышения и Миграции появились тут через сто лет после катастрофы. Конечно, инспектора пришли в ужас.

— Они обнаружили, что буруралли выродились до неузнаваемости, бродили по планете, истребляя все, что могли поймать. Но к этому времени они уже забыли современную технологию и оружие и вернулись почти на уровень когтей и клыков. Наверно, именно поэтому выжили маленькие существа.

— Экологические катастрофы не так редки, как пытаются представить Институты, но тут разразился большой скандал. Вся галактика испытала отвращение. Большинство старших рас отрядило свои боевые флоты, которые действовали под единым командованием. И вскоре буруралли перестали существовать.

Атаклена кивнула.

— Я думаю, их патроны, нагалли, тоже были наказаны.

— Верно. Они утратили статус и теперь чьи-то клиенты. Такова плата за небрежность. Мы проходим эту историю в школах. Несколько раз.

Роберт протянул ей салями, но Атаклена пока-

чала головой. Ее аппетит пропал.

— И вы, люди, унаследовали подлежащий восстановлению мир.

Роберт отложил еду.

— Да. Поскольку у нас две расы клиентов, нам положены колонии, но Институты нам всегда предлагают остатки чужих катастроф. Нам приходится напряженно работать, чтобы восстановить экосистему этой планеты, но Гарт еще очень хорош, если сравнивать с другими. Тебе следовало бы взглянуть на Дими или Хорст в скоплении Канаан.

— Я слышала о них. — Атаклена вздрогнула. — Не думаю, что мне хочется их увидеть...

Она смолкла на середине предложения.

— Я не... — Веки ее затрепетали, она огляды-валась, ощутив неожиданное смятение. — Ту'ун дан! — Ее шлем встопорщился. Атаклена быстро встала и пошла — в полутрансе — туда, где камни возвышались над вершинами дождевого облачного леса.

Роберт пошел за ней.

— В чем дело?

Она негромко ответила:

— Я что-то почувствовала.

— Гм. Это меня не удивляет. У вас такая нервная

система. Ты изменила форму тела, чтобы мне было приятно. Неудивительно, что ты улавливаешь статику.

Атаклена нетерпеливо покачала головой.

— Я делала это не для того, чтобы доставить тебе удовольствие, ты, высокомерный человеческий самец! И я уже просила тебя осторожнее обращаться с этими ужасными метафорами. Корона тимбрими не радиоприемник! — Она сделала нетерпеливый жест рукой. — А теперь, пожалуйста, помолчи.

Роберт смолк. Атаклена снова сосредоточилась, пытаясь кеннировать...

Корона не может ловить статическое электричество, как радиоприемник, но помехи и для нее существуют. Атаклена искала слабую ауру, которую ощутила на мгновение, но тщетно. Все затоплял грубый и энергичный эмпатический поток Роберта.

— Что это было, Кленни? — негромко спросил он.

— Не знаю. Что-то не очень далекое, на юго-востоке. Похоже на разумные существа, на людей и неошимпанзе вместе, но было еще что-то.

Роберт нахмурился.

— Наверно, одна из экологических станций.

Тут есть еще удаленные поселения, как правило в высокогорных местах, где растет сейсин.

Она быстро обернулась.

— Роберт, я почувствовала Потенциал! На краткий миг я ощутила присутствие предразумного существа!

Лицо Роберта оставалось невыразительным, но испытал он бурные и смутные чувства.

— Что ты имеешь в виду?

— Отец рассказывал мне кое-что, перед тем как мы отправились в горы. Тогда я не обратила на это внимание. Это казалось невозможным. Как волшебные сказки ваших человеческих писателей, от которых у нас, тимбрими, такие странные сны.

— Ну, вы их закупаете целыми кораблями, — вставил Роберт. — Романы, старые фильмы, три-ви, стихотворения...

Атаклена игнорировала его замечание.

— Утакалтинг упомянул о туземном существе с высоким Потенциалом... которое пережило катастрофу бурурал ли. — Корона Атаклены образовала редкий для нее глиф — сиулф-та, предвкушение радости от разгаданной головоломки. — И теперь я думаю, не окажутся ли эти легенды правдой.

Почувствовал ли Роберт мгновенное облегчение? Атаклена ощущала его грубую, но эффективную эмоциональную защиту.

— Гм. Ну, это легенда, — сказал он. — Просто рассказ волчат. Образованному галакту он вряд ли интересен.

Атаклена внимательно посмотрела на него и мягко коснулась руки.

— Ты хочешь, чтобы я подождала, пока ты с драматическим видом раскроешь эту тайну? Или хочешь избежать синяков и сразу расскажешь, что тебе известно?

Роберт рассмеялся.

— Ты очень убедительна. Может, действительно приняла волны эмпатии гартлинга?

Широко расставленные, с золотыми точками глаза Атаклены мигнули.

— Именно это слово произносил мой отец!

— Так. Значит, Утакалтинг слушал байки старых охотников за сейсином... Только представить себе: они продержались здесь больше ста земных лет!.. В них говорится, что крупное животное благодаря своей хитрости, уму, свирепости и большому Потенциалу спаслось от бурурали. Горные охотники и шимпы рассказывают об ограбленных ловушках, о том, как крадут разве-

шанное для просушки белье, о необычных следах на неприступных утесах.

— Ну, это все, вероятно, выдумки и краснобайство. — Роберт улыбнулся. — Но я помню, что эти легенды рассказывала мне мать, когда мы должны были лететь сюда. Так что я решил, что вполне можно прихватить с собой тимбрими. Не сможет ли она поймать гартлинга в свою эмпатическую сеть?

Кое-какие метафоры Атаклена понимала легко. Она сжала руку Роберта.

— И что же? — спросила она. — Только поэтому я нахожусь в этой дикой местности? Должна вынюхивать для тебя легенды?

— Конечно, — подшучивал Роберт. — Иначе зачем бы я оказался здесь с чужаком из далекого космоса?

Атаклена со свистом процедила воздух сквозь сжатые зубы. Но в глубине души была довольна. Эта людская язвительность напоминает ей обращенный разговор тимбрими. И когда Роберт рассмеялся, она обнаружила, что смеется вместе с ним. И на мгновение они забыли тревоги предстоящей войны и опасности. Для обоих это оказалось приятным и необходимым расслаблением.

— Если такое животное существует, мы долж-

ны найти его, ты и я, — сказала Атаклена.

— Да, Кленни. Мы найдем его вместе.

Глава 8
ФИБЕН

И все-таки разведывательный корабль «Проконсул» не пережил своего пилота. Он участвовал в последнем боевом вылете и погиб в космосе, но защитная оболочка сохранила жизнь.

Достаточно жизни, чтобы вдыхать острый запах шесть дней не мывшейся обезьяны и выдыхать непрерывный поток проклятий и непристойностей.

Наконец, обнаружив, что ругательства иссякают, Фибен выдохся. Он уже произвел все мыслимые и немыслимые перестановки, комбинации, противопоставления телесных, духовных и наследственных свойств, реальных и воображаемых, какими только может обладать враг. Это помогло ему выдержать собственное участие в битве, когда он пытался применить свое оружие, подобное пугачу, и избежать ответных ударов, как комар увертывается от ударов молота. После контузии от близких попаданий, после визга разрываемого металла, после потрясений и заме-

шательства он, оказывается, еще жив. Пока.

Убедившись, что капсула жизнеобеспечения исправна и не собирается расколоться, как остальные части корабля, Фибен выбрался из своего костюма и воспользовался первой за много дней возможностью почесаться. Он чесался не только пальцами рук, но и пальцами левой ноги. И, наконец, откинулся на спину, приходя в себя от переживаний.

Его главной задачей было подойти как можно ближе и собрать данные для защитников. Фибен решил пройти прямо через вражеский флот. И так и поступил.

Похоже, захватчики не оценили его комментарии, когда «Проконсул» пролетал через центр их построения. Фибен сбился со счета, сколько раз он чуть не сварился от близких разрывов. К тому времени, как он вылетел за пределы строя наступающих, вся корма «Проконсула» превратилась в застывший расплав металла.

Главный двигатель вышел из строя, конечно. Вернуться и помочь товарищам в их отчаянной схватке не было никакой возможности. Улетая все дальше от разворачивающейся битвы, Фибен мог только слушать.

Это даже не сражение. Избиение продолжалось

меньше одного дня.

Фибен помнил последний удар корвета «Дарвин» в сопровождении двух переоборудованных фрайтеров и группы разведчиков. Эта маленькая группа ударила во фланг наступающему флоту, пробила его, привела в смятение строй крейсеров в облаках дыма и в ужасных волнах вероятности.

Из этого водоворота не вышел ни один земной корабль. Фибен понял, что «Бонабо» и его друг Саймон погибли.

В данный момент, преследуя несколько уцелевших кораблей, враг уходил за ними Ифни знает куда. Нападающие не торопились, расчищали пространство, прежде чем устремиться к ждущему Гарту.

Теперь проклятия Фибена обратились на другое. В духе конструктивной критики, разумеется, он перечислял характерные недостатки расы, которую его собственное племя имело несчастье получить в качестве патронов. «Почему? — вопрошал он Вселенную. — Почему люди, эти злополучные безволосые несчастные волчата, с их невероятно дурным вкусом, возвысили неошимпанзе и ввели в галактику, которой управляют откровенные идиоты?» Иногда он

засыпал.

К нему приходили тревожные сны. Фибену снилось, что он пытается заговорить, но не может произнести ни слова. Кошмарная перспектива для существа, чьи прапрадеды говорили только с помощью специальных приборов, а еще более отдаленные предки за всю жизнь не сказали ни слова.

Фибен потел. Нет большего стыда. Во сне он почему-то искал «речь» — словно это предмет, вещь, которую можно потерять, случайно положив не на то место.

Глядя вниз, он увидел сверкающую жемчужину. Может, это дар миров, подумал Фибен и наклонился, чтобы поднять ее. Но он такой неуклюжий!

Пальцы не сгибаются, и он не смог поднять сокровище из пыли. Больше того, от его усилий она зарылась в пыль еще глубже.

Отчаявшись, он присел на корточки и подобрал ее губами.

Она обжигает! Во сне он закричал, когда в горло устремился жидкий огонь.

Но в то же время он понимал, что это странный кошмар: можно испытывать ужас и в то же время оставаться посторонним наблюдателем. Одна его

половина дергалась от боли, а другая с интересом следила за первой.

И тут же сцена изменилась. Фибен обнаружил, что стоит в толпе бородатых людей в черных плащах и мягких шляпах. Это все старики; перелистывая древние рукописи, они спорят друг с другом. Древний совет талмудистов, подумал он. Ему приходилось читать о таких во время изучения религии в университете. Раввины сидят кружком и обсуждают символизм и его библейскую интерпретацию. Один поднимает высохшую руку и указывает на Фибена.

«Кто лакает, как животное, — такого, Гидеон, не следует брать...»

— А что это значит? — спрашивает Фибен. Боль прошла. Теперь он не испуган, а заинтересован. Его приятель, Саймон, был иудеем. Это отчасти объясняет безумную сцену. Совершенно очевидно, что эти человеческие ученые пытаются растолковать его перепуганной части смысл сна.

«Нет, нет, — возражает второй мудрец. — Символы имеют отношение к суду над ребенком Моисеем. Ангел, ты помнишь, направил его руку к раскаленным углям, а не к сверкающим драгоценностям, и рот его был обожжен...»

— Но я не понимаю, что это говорит мне, — воз-

разил Фибен.

Старейший раввин поднял руку, и все замолчали.

«Сон не означает ни того, ни другого. Символизм его очевиден», — сказал он.

«Смысл его исходит от старейшей книги...»

Густые брови мудреца сосредоточенно сошлись.

«...и Адам тоже вкусил плода от древа познания добра и зла...»

— Уф! — вслух застонал Фибен, просыпаясь, мокрый от пота. Вокруг грязная душная капсула, но сохранялось и видение сна, и на мгновение Фибен усомнился в реальности. Наконец пожал плечами. «Должно быть, старина „Проконсул“ пролетел сквозь волны вероятностной мины ити, пока я спал. Да. Так, наверно, и было. Никогда не буду больше смеяться над рассказами в баре астронавтов».

Сверившись с разбитыми приборами, Фибен убедился, что битва сместилась в сторону солнца. Его собственный корабль находится точно на орбите пересечения с планетой.

— Гм, — пробормотал он, работая с компьютером. Действительно, какая ирония. Компьютер утверждает, что это планета Гарт.

В гравитационной системе еще сохранялась небольшая возможность для маневра. Может, достаточно, чтобы сбросить скорость до безопасных пределов. И — о чудо из чудес! — если его эфемериды верны, он сможет даже добраться до района Западного моря... к востоку от Порт-Хелении. Фибен в течение нескольких минут немелодично насвистывал. Он гадал, каковы шансы, что так и получится. Один к миллиону? Скорее к триллиону.

А может, Вселенная заманивает его очередной надеждой, прежде чем нанести новый удар?

Все же есть какое-то утешение в том, что под этими звездами кто-то думает и о нем лично.

Он достал сумку с инструментами и занялся необходимым ремонтом.

Глава 9
УТАКАЛТИНГ

Утакалтинг знал, что неразумно ждать дольше. Но оставался с библиотекарями, глядя, как они стараются добыть больше сведений, прежде чем наступит время уходить.

Он разглядывал техников, людей и неошимпанзе, которые суетились под высоким куполом

здания отраслевой Библиотеки планеты. У всех были задания, и все выполняли их напряженно и эффективно. Но все же чувствовался под самой поверхностью еле сдерживаемый страх.

Непрошенный, на короне Утакалтинга образовался неярко светящийся риттитис. С помощью этого глифа тимбрими обычно успокаивают испуганных детей.

«Они тебя не видят», — сказал Утакалтинг своему глифу. Однако риттитис упрямо висел, пытаясь смягчить тревогу молодых.

Но это не дети. Люди знакомы с Великой Библиотекой всего два земных столетия. Однако у них есть тысячи лет собственной истории. Им не хватает галактического блеска и образованности, но иногда этот недостаток оборачивается преимуществом.

«Редко». Риттитис сомневался.

Утакалтинг пресек спор, убрав глиф туда, где ему полагается находиться, — вглубь своего существа.

Под сводчатым каменным потолком висит пятиметровый серый монолит, увенчанный изображением крылатой спирали; в течение трех миллиардов лет это символ Великой Библиотеки. Поблизости накопители информации заполня-

ли кристаллические кубы памяти. Жужжали принтеры, выбрасывая толстые отчеты, которые кратко аннотировались и увозились.

Библиотечное отделение класса К, конечно, очень маленькое. В нем содержится эквивалент, всего в тысячу раз больший, чем во всех книгах, созданных человечеством до Контакта. Безусловно, это капля в море по сравнению с полной отраслевой Библиотекой на Земле или общей секторной библиотекой на Таците.

Но когда Гарт падет, эта Библиотека тоже перейдет к захватчикам.

Согласно традиции, это ничего не меняет. Библиотека всегда должна действовать и быть открытой для всех, даже для воюющих, на территории которых находится. Но в такие времена, как сейчас, нельзя рассчитывать на благородство. Силы сопротивления колонистов хотели захватить с собой всю информацию, которую смогут использовать позже.

Ничтожная часть ничтожно малого. Конечно, они делают это по его предложению, но Утакалтинг был искренне изумлен, когда люди так энергично стали осуществлять его идею. К чему беспокоиться? Чего можно достичь с помощью такой ничтожной информации?

Посещение Планетарной Библиотеки служило его целям, но одновременно укрепило его мнение о землянах. Они никогда не сдаются. И это еще одна причина, по которой он находит эти создания изумительными.

Тайная пружина всего этого хаоса — его собственная шутка: ему нужно незаметно переместить несколько специфических метафайлов, что легко сделать сейчас под шумок. Никто даже не заметил, когда он приложил свой собственный приемопередающий куб к массивной Библиотеке, подождал несколько секунд и снова спрятал свое маленькое приспособление для саботажа.

Готово. Теперь в ожидании машины оставалось только наблюдать за волчатами.

Вдали раздался и пропал воющий звук. Это сирена космопорта через залив: еще один искалеченный участник схватки в космосе начал экстренную посадку. Слишком часто в последнее время раздается этот звук. Все и так знают, что выжило очень немного.

Сутолоку создавали отлетающие воздушные корабли. Многие жители континента уже бежали на цепь островов в Западном море, где до сих пор живет большая часть землян. Готовится эвакуация правительства.

Когда завыла сирена, все люди и шимпы на мгновение подняли головы.

Утакалтинг почти ощутил короной вкус сложной фуги тревоги.

«Почти ощутил вкус?

О, какая прекрасная, поразительная штука — эти метафоры! — подумал Утакалтинг. — Можно ли ощущать вкус с помощью короны? Можно ли осязать глазами? Англик — такой примитивный язык, но иногда вызывает удивительные мысли.

И разве дельфины не „видят“ ушами?»

Над раскачивающимися щупальцами сформировался новый глиф — зунур'тзун, резонирующий со страхом людей и шимпов. Да, мы все надеемся выжить, потому что хотим еще так много сделать, вкусить, увидеть, кеннировать...

Утакалтинг пожалел, что дипломатия требует в роли послов самых скучных тимбрими. Он стал послом еще и потому, что он скучен, по крайней мере по мнению тех, кто остался дома.

А бедная Атаклена еще хуже, она так серьезна и сдержанна.

Он охотно признавал, что отчасти это его вина. Поэтому он привез с собой отцовскую коллекцию доконтактных комедий землян. Ему особенно нравятся программы «Три комика». Увы, Атак-

лена, кажется, не способна воспринять тонкую иронию этих древних гениев буффонады.

С помощью силта — посыльного мертвых, которых помнят, — его давно покойная жена все еще поддразнивает его, она говорит, что их дочь должна быть дома, где жизнерадостные сверстники могли бы нарушить ее уединение.

Может быть, думал он. Но Матиклуанна свою попытку предприняла. А он верит в свои собственные методы.

Маленькая самка-неошимпанзе в мундире — шимми — остановилась перед Утакалтингом и поклонилась, уважительно сложив перед собой руки.

— Да, мисс? — Утакалтинг заговорил первым, как требует протокол. И хотя патрон говорил с клиентом, он великодушно включил старинное почтительное обращение.

— Ваше превосходительство. — Хриплый голос шимми слегка дрожал. Наверное, она впервые говорила не с землянином. — Ваше превосходительство, планетарный координатор Онигл передает, что подготовка закончена. Можно зажигать огни.

— Она спрашивает, хотите ли вы присутствовать при начале осуществления вашей...

программы.

Глаза Утакалтинга удивленно раздвинулись, взъерошенная шерсть между бровями на мгновение пригладилась. Его «программа» вряд ли заслуживает такого названия. Скорее это остроумный розыгрыш, нацеленный на захватчиков. В лучшем случае рискованная попытка.

Даже Меган Онигл не знает, что он на самом деле задумал. Конечно, жаль, но это необходимо. Даже если не удастся — а скорее всего так и будет, — все равно раз-другой можно будет усмехнуться. А смех поможет его другу в предстоящих тяжелых испытаниях.

— Спасибо, капрал, — кивнул Утакалтинг. — Пожалуйста, проводите меня.

Идя вслед за маленьким клиентом, Утакалтинг слегка сожалел о том, что многого не сделал. Хорошая шутка требует большой подготовки, и у него просто не было времени.

«Если бы только у меня было настоящее чувство юмора! Ну, ладно. Где не проходят тонкие шутки, приходится обходиться тортом с кремом».

* * *

Два часа спустя он возвращался в город от Правительственного здания.

Встреча была краткой: боевые флоты подходили к планете, и вскоре ожидалась высадка. Меган Онигл уже перевела правительство и большую часть оставшихся сил в безопасное место.

Утакалтинг понимал, что еще какое-то время есть. Захватчики не высадятся, пока не провозгласят свой манифест. Этого требуют правила Института Цивилизованных Войн.

Конечно, сейчас, когда пять галактик в смятении, многие космические кланы вольно обращаются с традициями. Но в данном случае соблюдение правил ничего не стоит врагу. Он уже победил. И теперь нужно лишь захватить территорию.

К тому же битва в космосе прояснила одно обстоятельство. Стало несомненным, что захватчики — губру.

Людям и шимпам на планете предстоят нелегкие времена. Клан губру с самого Контакта злейший враг Земли. Впрочем, птицеподобные галакты строго придерживаются правил. В собственной интерпретации, разумеется.

Меган была разочарована, когда он отклонил ее предложение переместиться в безопасное место. Но у Утакалтинга есть собственный корабль. И остаются дела в городе. Он попрощался с коор-

динатором, пообещав, что скоро они встретятся вновь.

«Скоро» — удивительная двусмысленность. Одна из многих причин, по которым он ценит англик, — поразительная неточность этого языка волчат.

В лунном свете Порт-Хеления казалась еще меньше и заброшеннее, чем днем. Впрочем, и днем это всего лишь небольшой поселок, которому угрожает опасность. Зима уже кончилась, но с востока дует сильный ветер, гонит листву по опустевшим улицам. Машина Утакалтинга направлялась к архиву посольства. Воздух был влажный, и Утакалтингу показалось, что он ощущает запах гор, в которых ищут убежища его дочь и сын Меган.

За это решение дети не поблагодарили своих родителей.

На пути к посольству тимбрими машина снова прошла мимо здания отраслевой Библиотеки. Водитель сбросил скорость, объезжая другую машину.

И поэтому Утакалтинг увидел редкое зрелище — разъяренного теннанинца высокой касты, стоящего под уличным фонарем.

— Тормози, — неожиданно сказал Утакалтинг.

Перед каменным зданием Библиотеки негромко гудел большой воздушный катер. Из-под его приподнятого купола лился свет, отбрасывая на широкие ступени темные тени. Пять из этих теней принадлежали неошимпанзе, их длинные конечности подчеркивали темные силуэты. Две еще более длинные тени отбрасывали стройные фигуры, стоящие у самого катера. Два дисциплинированных иннина, похожих на высоких кенгуру в броне, неподвижно стояли, словно высеченные из камня.

Их наниматель и патрон, обладатель самой большой тени, нависал над маленькими землянами. Клинообразные плечи этого угловатого и могучего существа, казалось, сразу переходят в голову в форме пули. На голове высокий волнующийся гребень, подобный шлему греческих воинов. Выходя из машины, Утакалтинг услышал громкий гортанный голос:

— Ната'ки гхумф? Верайч'щ хуман'влеч! Нитаро К'Англи!

Шимпанзе, смущенные и явно испуганные, качали головами. Очевидно, никто из них не владел галактическим-шесть. Но когда огромный теннанинец попытался пройти вперед, маленькие земляне преградили ему дорогу; они низко

кланялись, но упорно не давали пройти.

Это еще больше рассердило говорившего.

— Идатесс! Ниттари коллунта...

Рослый галакт замолчал, неожиданно заметив Утакалтинга. Его кожистый клювоподобный рот оставался закрытым. Перейдя на галактический-семь, он заговорил через дыхательные щели.

— А! Утакалтинг, аб-Калтмур аб-Брма аб-Краллнит ул-Титлал! Я тебя вижу!

Даже в городе, заполненном теннанинцами, Утакалтинг узнал бы Каулта.

Громадный напыщенный самец из высшей касты знает, что протокол не требует полных видовых имен в обычном разговоре. Но сейчас у Утакалтинга нет выбора. Придется отвечать тем же.

— Каулт, аб-Вортл аб-Кош аб-Рош аб-Тоттун ул-Паймин ул-Раммин ул-Пинии ул-Олюмимин, я тоже тебя вижу.

Каждое «аб» в этом длинном имени обозначает расу патронов, от которой происходит клан теннанинцев до самой древней еще живущей. «Ул» предшествует названию каждого вида клиентов, которых сами теннанинцы возвысили до космического статуса. Последний мегагод народ Каулта был очень занят. И непрестанно хвастается сво-

им длинным родовым именем. Теннанинцы — идиоты.

— Утакалтинг! Ты хорошо владеешь этим жалким языком землян. Пожалуйста, объясни этим несчастным полувозвышенным существам, что я желаю пройти! Мне нужно воспользоваться отраслевой Библиотекой, и если они не дадут мне пройти, я попрошу их патронов наказать их!

Утакалтинг пожал плечами — расхожий жест сожаления о невозможности помочь.

— Они только выполняют свою работу, посол Каулт. Когда Библиотека занята защитой планеты, позволительно на короткий период закрыть в нее доступ всем, кроме обладателей лицензии.

Каулт не мигая смотрел на Утакалтинга. Его дыхательные щели раздувались.

— Младенцы, — негромко произнес он на малоизвестном диалекте галактического-двенадцать. Вероятно, он считал, что Утакалтинг не понимает. — Дети, которыми правят непослушные подростки, воспитанные малолетними правонарушителями.

Глаза Утакалтинга раздвинулись, щупальца иронично запульсировали. Они создали фсу'устурату, глиф, соответствующий смеху.

«Как хорошо, что теннанинцы толстокожи, как

слоны, к эмпатии», — подумал Утакалтинг на англике, торопливо стирая глиф. Из всех галактических кланов, втянутых в нынешний разгул фанатизма, теннанинцы самые приемлемые. Они искренне верят, что действуют в интересах тех, кого завоевывают.

Было совершенно очевидно, кого имеет в виду Каулт под «малолетними правонарушителями», неверно руководящими землянами. Но Утакалтинг не оскорбился.

— Эти подростки летают в космических кораблях, Каулт, — ответил он на том же диалекте, к явному удивлению теннанинца. — Лучших клиентов, чем неошимпанзе, не было уже полмегагода... за исключением их двоюродных братьев неодельфинов. Разве не достойно уважения их искреннее стремление выполнить свой долг?

Гребень Каулта застыл при упоминании второй расы клиентов землян.

— Мой друг тимбрими, не хочешь ли ты сказать, что у тебя есть новости о корабле дельфинов? Его нашли?

Утакалтинг испытывал легкое чувство вины из-за того, что играет с Каултом. Учитывая все, он не так уж плох. Он принадлежит к той политический фракции теннанинцев, которая

поговаривает о возможном мире с тимбрими. Тем не менее у Утакалтинга есть причины подогревать интерес коллеги, и он заранее подготовился к такой возможности.

— Наверно, я сказал больше, чем должен. Пожалуйста, забудь об этом. Мне искренне жаль, но я должен идти. Опаздываю на встречу. Желаю тебе удачи и благополучия в эти нелегкие дни, Каулт.

Он поклонился, как положено при встрече одного патрона с другим, и повернулся, собираясь уходить. Но про себя Утакалтинг смеялся. Он знал, почему Каулт оказался в Библиотеке. Теннанинец пришел в поисках его самого.

— Подожди! — окликнул его Каулт на англике.

Утакалтинг оглянулся.

— Да, уважаемый коллега?

— Я... — Каулт снова перешел на гал-семь. — Я должен поговорить с тобой относительно эвакуации. Ты, наверно, слышал, что мой корабль вышел из строя. И в данный момент я лишен транспорта.

Теннанинец в замешательстве прижал гребень. Протокол и дипломатический этикет — одно дело, но этот парень явно не хочет оставаться в городе, когда высадятся губру.

— Поэтому я должен обсудить с тобой — можем

ли мы рассчитывать на взаимопомощь? — торопливо закончил рослый теннанинец.

Утакалтинг сделал вид, что серьезно задумался. В конце концов, официально в настоящее время тимбрими и теннанинцы — враги. Но, подумав, он кивнул.

— Будь на моей территории завтра к полуночи. И ни на миктаар позже, запомни. И прихвати минимум багажа. Мой корабль невелик. Если ты с этим согласен, с радостью предлагаю тебе совместный полет в безопасное место.

Он повернулся к своему водителю-неошимпанзе.

— Это вежливо и достойно, не правда ли, капрал?

Бедная шимми смущенно замигала. Ее назначили на эту должность потому, что она владеет галактическим-семь. Но она, конечно, не поняла сути происходящего.

— Да, сэр. Мне кажется, это добрый поступок.

Утакалтинг кивнул и улыбнулся Каулту.

— Вот как, дорогой коллега. Не просто правильный, но добрый. Неплохо бы нам поучиться у этих быстро развивающихся детей и кое-что позаимствовать. Верно?

Впервые он увидел, как теннанинец мигнул.

Все его существо излучало смятение. Но наконец он решил, что его не разыгрывают. Каулт поклонился Утакалтингу. И, поскольку Утакалтинг включил ее в разговор, добавил легкий поклон в сторону маленькой шимми.

— От сссвоих клиентов и от сссебя благодарю тебя, — неловко сказал он на англике. Каулт щелкнул своими локтевыми шипами, и его клиенты-иннины вслед за ним забрались в катер. Закрывшийся купол перерезал яркий свет.

Шимпы из Библиотеки благодарно взглянули на Утакалтинга.

Катер поднялся на гравитационной подушке и быстро улетел.

Водитель-шимми приоткрыла дверцу для Утакалтинга, но тот потянулся и глубоко вздохнул.

— Пожалуй, неплохо пройтись, — сказал он. — До посольства отсюда недалеко. Капрал, вы свободны. Можете провести несколько часов с семьей и друзьями.

— Но, сэр...

— Со мной все будет в порядке, — твердо сказал он. Поклонился и почувствовал ее радость от такой безыскусной вежливости. В ответ она тоже глубоко поклонилась.

«Замечательные существа, — думал Утакал-

тинг, глядя вслед отъезжающей машине. — Мне встречались неошимпанзе, у которых есть даже зачатки чувства юмора. Надеюсь, этот вид выживет».

Он пошел. Вскоре шум Библиотеки остался позади, вокруг простирался жилой район. Ветер очистил ночной воздух, а мягкий уличный свет не затмевал звезды. По всему небу растянулся бриллиантовый край галактики. Ни следа космической битвы: стычка слишком незначительная, чтобы быть видимой на таком расстоянии.

Звуки, доносившиеся со всех сторон, говорили о необычности вечера.

Отдаленно ревели сирены, над головой пролетали корабли. Почти в каждом квартале слышался плач... голоса, людей и неошимпанзе, гневные, раздраженные, полные страха. На уровне эмпатии друг о друга бились волны эмоций. Корона Утакалтинга улавливала страх, с которым горожане ждали утра.

Утакалтинг не пытался приглушить восприятие, идя по улицам, усаженным декоративными деревьями. Он погрузил щупальца в поток эмоций и создал странный новый глиф. Безымянный и ужасный, он плыл над короной. Вечная угроза на мгновение стала осязаемой.

Утакалтинг улыбнулся древней особой улыбкой. И в этот момент даже в темноте никто не принял бы его за человека.

«Есть много путей...» — подумал он, вновь наслаждаясь вольностями англика.

Он оставил созданный им глиф висеть в воздухе, и тот медленно растворялся сзади. А Утакалтинг пошел дальше под медленно вращающимся звездным колесом.

Глава 10
РОБЕРТ

Роберт проснулся за два часа до рассвета.

Краткий период беспамятства, когда медленно растворяются чувства и образы сна. Он потер глаза, пытаясь разогнать туман в голове.

Он помнит, что бежал во сне — длинными плавающими шагами, когда ноги едва касаются земли. Вокруг перемещались неясные фигуры, загадки, образы, ускользающие в тот момент, когда проснувшийся мозг пытается их уловить.

Роберт взглянул на Атаклену. Она лежит рядом в своем спальном мешке.

Коричневый шлем — мягкие каштановые волосы — распушился. Серебристые щупальца

короны слегка раскачиваются, словно ощупывают нечто невидимое.

Она вздохнула и очень тихо произнесла несколько коротких быстрых фраз на певучем, со множеством гласных, тимбримийском диалекте галактического-семь.

Может, это объясняет его странный сон, подумал Роберт. Должно быть, он воспринимал ее сон!

Глядя на движущиеся щупальца, он мигнул. На мгновение показалось, что он видит что-то плывущее в воздухе над спящей чуждой девушкой. Похоже на... на...

Роберт нахмурился, покачал головой. Ни на что не похоже. Сама попытка сравнить это с чем-то отогнала изображение.

Атаклена вздохнула и повернулась. Ее корона опустилась. Больше ничего не видно в полутьме.

Роберт выбрался из мешка и, не вставая, надел ботинки. Ощупью пробрался мимо камня, под которым они заночевали. Звездного света едва хватает, чтобы находить дорогу между странными монолитами.

Он вышел на мыс, с которого видна горная цепь на западе и северные равнины справа. Внизу, под самым их наблюдательным пунктом, тянется

темное море леса. Деревья заполняют воздух густым влажным ароматом.

Прислонившись спиной к камню, Роберт сел и задумался.

Если бы их путешествие только этим и ограничилось. Идиллическая интерлюдия в Мулунских горах в обществе чужеземной красотки. Но невозможно забыть чувство вины, не испытывать уверенности, что он не должен здесь находиться. Он должен быть вместе с однокашниками, со своим отрядом милиции, противостоять грозящим бедам.

Но так не будет. В который раз высокое положение матери отразилось на его жизни. Не впервые Роберт пожалел, что он сын политического деятеля.

Он видел звезды, вспыхивающие при встрече двух спиральных рукавов галактики.

«Если бы я чаще встречал в жизни соперничество, может, я был бы лучше подготовлен к предстоящему. Легче бы переносил разочарования».

Дело не только в том, что он сын планетарного координатора со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Еще в детстве он заметил, что там, где другие

мальчики спотыкаются и набивают шишки, где большинство уязвимых подростков методом проб и ошибок идет на ощупь, он чувствовал себя легко и удобно, как в старой разношенной обуви.

Мать и космический бродяга-отец, — когда Сэм Теннейс появлялся на Гарте, — всегда подчеркивали, что он должен наблюдать за отношениями сверстников, а не просто воспринимать случившееся как неизбежное. И действительно, он заметил, что в каждой возрастной группе есть несколько подобных ему, таких, которые почему-то росли легче. Они без труда проходили болото подросткового возраста, тогда как все остальные вязли и безмерно радовались, если удавалось выйти на относительно утоптанную тропу. И многие баловни воспринимали свою счастливую участь как знак божественного избранничества. То же самое относится и к самым популярным девушкам. У них не было эмпатии, не было сочувствия к нормальному большинству.

Что касается Роберта, то он никогда не добивался репутации плейбоя.

Но со временем она пришла, почти вопреки его воле. В глубине души он все сильнее ощущал страх; суеверие, которым не делился ни с кем. Неужели во Вселенной все уравновешивается?

Неужели она отбирает, чтобы компенсировать то, что дает? Культ Ифни считается шуткой астронавтов. Но иногда жизнь кажется такой сложной!

Глупо полагать, что испытания только закаляют человека, делают его мудрее. Он знает много глупых, высокомерных и злых людей, которые тем не менее многое перенесли.

И все же...

Подобно большинству людей, он временами завидовал красивым гибким независимым тимбрими. Молодая по галактическим стандартам раса, тимбрими тем не менее мудрее и опытнее человечества, которое достигло мира, равновесия и постигло науку сознания только за поколение до Контакта. И земное общество еще оставалось несовершенным. А тимбрими, кажется, так хорошо себя знают.

«Может, именно поэтому меня так привлекает Атаклена? Символически она старше и опытнее, она дает мне возможность приобретать свой нелегкий опыт и наслаждаться этой ролью».

Все это так сложно. Роберт еще не разобрался в собственных чувствах.

В горах с Атакленой ему интересно, и он этого стыдится. Он возмущался тем, что мать отослала

его, и чувствовал себя виноватым в этом.

«О, если бы мне позволили воевать!» В сражении по крайней мере легко разобраться. Это древний, честный и простой способ.

Роберт быстро посмотрел вверх. Там, среди звезд, на мгновение блеснула яркая вспышка. У него на глазах появилось еще две сверкающие точки, потом еще. Яркие искры держались достаточно долго, чтобы он отметил их небесное расположение.

Слишком упорядоченный рисунок, чтобы быть случайным... с интервалом в двадцать градусов над экватором, от Сфинкса до самого Бэтмена, где красная планета Тлуга сверкает на поясе древнего героя.

«Итак, началось». Уничтожение синхронизированной сети спутников предвиделось, но все равно поразительно стать его свидетелем. Конечно, это означает, что вскоре произойдет и высадка.

У Роберта было тяжело на сердце. Ему хотелось думать, что хоть кто-нибудь из его друзей — людей и шимпов — остался в живых.

«Я так и не узнал, могу ли я считаться достойным человеком? Но теперь, может, узнаю».

Но в одном он уверен. То, что ему поручили,

он выполнит. Сопроводит штатскую девушку чужака в горы и к безопасности. Нужно сделать еще одно дело, пока Атаклена спит. Как можно тише Роберт вернулся к рюкзакам.

Достал из нижнего кармана радиоустановку и начал разбирать ее в темноте.

Он был на полпути, когда яркая вспышка в восточной части неба заставила его поднять голову. Болид пронесся поперек звездного поля, оставляя на своем пути сверкающие уголья. Что-то на большой скорости входило в атмосферу.

Осколки войны.

Роберт встал и проследил маршрут искусственного метеорита по небу. Он исчез за хребтом, километрах в двадцати отсюда, а может, еще ближе.

— Храни тебя Господь, — прошептал он воину, которому принадлежал корабль.

Он не боялся благословить врага: ясно, какая сторона сегодня нуждается в помощи. Но как долго ждать эту помощь!

Глава 11

ГАЛАКТЫ

Сюзерен Праведности короткими прыжками продвигался по мостику флагманского корабля, наслаждаясь прогулкой, а военные губру и кваку уступали ему путь.

Нескоро верховный священник-губру сможет снова наслаждаться такой свободой передвижения. После высадки оккупационных сил сюзерену нельзя будет в течение многих миктааров ступать на «землю». Пока не достигнут праведности, пока не завершится консолидация сил, пока не захватят окончательно планету, он не сможет коснуться ее почвы.

Остальные два руководителя сил вторжения — сюзерен Луча и Когтя и сюзерен Стоимости и Бережливости — не подлежат таким строгим ограничениям.

И это правильно. У военных и чиновников свои функции. Но именно сюзерен Праведности должен блюсти поведение экспедиционного корпуса губру. А для этого он должен оставаться на насесте.

В дальнем конце мостика слышны были жалобы сюзерена Стоимости и Бережливости. Неожиданно стойкое сопротивление слабых сил

землян привело к непредвиденным потерям. А каждая потеря в такие опасные времена мешает целям губру.

«Глупый недальновидный птенец», — подумал сюзерен Праведности.

Физический ущерб, нанесенный сопротивлением землян, гораздо менее важен, чем ущерб этический и духовный. Краткая схватка оказалась такой яростной и эффективной, что игнорировать ее невозможно. На нее следует обратить внимание.

Волчата-земляне хотят, чтобы было отмечено их сопротивление прибывающим силам губру. И совершенно неожиданно они сделали это в соответствии с Протоколами Войн.

Они не просто умные животные,

Не просто животные.

Возможно, их и их клиентов следует изучить,

Следует изучить — ззуууун...

* * *

Это неожиданное противодействие крошечной флотилии землян означает, что сюзерен вынужден будет оставаться на насесте по крайней мере

в начальной стадии оккупации. Теперь надо искать нечто вроде casus belli[2], что позволило бы губру объявить во всех пяти галактиках, что земляне должны быть лишены лицензии на Гарт.

Пока этого не произошло, действуют Правила Войны, и сюзерен Праведности предвидел, что возникнут конфликты с двумя другими руководителями, его будущими любовниками и соперниками. Правильная политика требует, чтобы между ними существовала взаимосвязь, хотя сам священник в глубине души считал многие законы, на которых должен настаивать, глупыми.

Скорее бы наступило время,

Скорее бы мы освободились от правил — ззуууун!

Скорее бы Перемена вознаградила праведных,

Когда вернутся прародители — ззззуууун!

Сюзерен пригладил свое пушистое оперение. Призвал одного из служителей, мохнатого невозмутимого кваку, и приказал принести раз-

---

[2] Примечания: 2
Формальный повод к объявлению войны и началу военных действий

дуватель перьев и очиститель.

Земляне оступятся...

Они дадут нам повод — ззуууун...

Глава 12
АТАКЛЕНА

Утром Атаклена почувствовала, что ночью что-то произошло. Но Роберт скупо отвечал на ее вопросы. А грубый, но эффективный щит перекрыл все ее попытки кеннировать.

Атаклена старалась не обижаться. В конце концов ее друг-человек только начинает учиться использовать свои скромные способности. Ему неведомы пока более тонкие пути, которыми эмпат может обозначить свое стремление к уединению. Роберт может только сильно хлопнуть дверью.

Завтракали молча. Когда Роберт заговаривал, она отвечала односложно.

Рассудком Атаклена понимала его отгороженность, но она не обязана ему потакать.

Низкие облака нависли над хребтом, их разрезали гряды зубчатых камней-чешуй. Все это создавало странную картину, полную мрачных

предчувствий. Путники брели сквозь клочья холодного тумана, постепенно поднимаясь все выше по холмам, ведущим к Мулунским горам. Воздух тих; он как будто передает странное напряжение, источник которого Атаклена не может определить. Но оно затрагивает ее сознание, вызывает непрошенные воспоминания.

Она вспоминает время, когда вместе с матерью отправилась в северные горы Тимбрима; они ехали на спинах шурвалов по тропе, ненамного шире этой.

Им предстояло присутствовать на церемонии возвышения титлалов. Утакалтинга не было, он уехал с одной из дипломатических миссий, и никто не знал, каким транспортом он воспользуется для возвращения. А это очень важный вопрос. Если Утакалтинг сумеет воспользоваться гиперпространством на уровне А и переходными пунктами, то сможет вернуться домой через сто дней или даже быстрее. А если вынужден будет двигаться уровнем Д — или, еще хуже, через обычное пространство, — то может отсутствовать всю продолжительность их нормальной жизни.

Дипломатическая служба старалась уведомить семьи своих работников, как только эти вопросы прояснялись, но в этот раз выяснение

заняло очень много времени. Атаклена и ее мать становились помехой для общественности, на всех соседей они распространяли утомительные и надоедливые флюиды тревоги. Им вежливо намекнули, что для их пользы им лучше бы на время уехать из города. И поэтому служба предложила им билеты для участия в церемонии, во время которой представители титлалов осуществят обряд перехода на своем долгом пути возвышения.

Грубый мозговой щит Роберта напомнил Атаклене о том, как тщательно скрывала ее мать боль во время медленной поездки по заросшим пурпурным лесом холмам. Мать с дочерью почти не разговаривали, пока двигались по обширным невозделанным парковым лесам. Наконец они оказались на поросшей травой равнине древней вулканической кальдеры. Здесь, вблизи центрального симметричного холма, под пестрыми навесами, собрались тысячи тимбрими, чтобы стать свидетелями Принятия и Выбора титлалов. Были и наблюдатели от множества достойных космических кланов — синтиане, кантены, мргх'4луарги — и, конечно, толпа хохочущих людей.

Земляне затерялись среди своих союзников

тимбрими у столов с едой, они бурно проводили время. Атаклена вспомнила свое презрение при виде такого количества безволосых неуклюжих существ. «Неужели я была таким снобом?» — удивлялась она теперь.

Она с отвращением фыркала, слыша звуки громкого человеческого хохота.

Всюду она видела их плоские приплюснутые глаза, люди расхаживали, демонстрируя свои мерзкие выступающие мышцы. Даже их самки кажутся карикатурой на тимбримийских силачей.

Конечно, тогда Атаклена была еще подростком. Теперь она вспоминала, что ее соплеменники проявляли не меньше энтузиазма, они тоже размахивали руками и расцвечивали воздух сверкающими трепещущими глифами. В конце концов это великий день. Потому что титлалам предстояло «избрать» патронов и своих новых поборников возвышения.

Под яркими навесами располагались многочисленные почетные гости.

Конечно, непосредственные патроны самих тимбрими калтмуры не могли присутствовать, все они трагически вымерли. Но повсюду виднелись их цвета и символы — знак признательности

тем, кто подарил тимбрими разум.

Зато присутствовала делегация щебечущих брма на тонких, как ходули, ногах. Это они когда-то давным-давно возвысили калтмуров. Атаклена вспомнила, как ахнула, удивленно распустив корону, когда увидела высоко на церемониальном помосте одну фигуру в темно-коричневом покрове. Это был краллнит! Старейшая в их линии патронов раса прислала своего представителя! Краллниты сейчас почти полностью впали в спячку, все остающиеся жизненные силы они отдают странным формам медитации. Считалось общеизвестным, что они уже много эпох нигде не появляются. И присутствие одного из них на церемонии было высокой честью и благословением для младших участников. Конечно, в центре внимания находились сами титлалы. В короткой серебряной одежде они, тем не менее, очень напоминали земные существа, известные под названием выдра. Готовясь к обряду, посланники титлалов повсюду излучали свою гордость.

— Смотри, — сказала мать Атаклене. — Титлалы избрали для своего представления музопоэта Суструка. Помнишь, мы с ним встречались?

Естественно, она помнила. Лишь год назад Суструк навещал их в их городском доме. Утакал-

тинг познакомил титлалского гения с женой и дочерью перед самой своей последней поездкой.

— Поэзия Суструка — тупые вирши, — пробормотала она.

Матиклуанна пристально взглянула на нее. Корона ее дрогнула. Она создала глиф ш'чакуон — темное зеркало, которое может удержать перед тобой только мать. И Атаклена увидела отраженным собственное поведение. И пристыженно отвернулась.

Несправедливо винить титлалов в том, что они напомнили ей об отсутствующем отце.

Церемония действительно была прекрасна. Глиф-хор с колонии тимбрими Джатхтатх исполнил «Апофеоз Лерензини», и даже лысые, лишенные щупалец люди стояли, изумленно раскрыв рты: они явно кеннировали часть сложной Плывущей гармонии. Только грубовато-добродушные послы Теннанина оставались невозмутимыми. Впрочем, они не жаловались, что их оставили без внимания.

Потом певец брма Кафф-Кафф'т исполнил древний атональный пеан в честь Прародителей.

Атаклене стало плохо, когда затихшая аудитория слушала композицию, специально созданную для этого случая одним из двенадцати великих

мечтателей Земли, китом по имени Пять Пузырьковых Спиралей. Официально киты не считались разумными, но это не мешало высоко ценить их. То, что они живут на Земле, под покровительством волчат-людей, всегда было одним из главных поводов для недовольства со стороны наиболее консервативных космических кланов. Атаклена помнит, как сидела, зажав уши, в то время как все остальные счастливо раскачивались в такт странной китовой музыке. Ей она казалась страшнее грохота рушащихся домов. Матиклуанна с тревогой посмотрела на нее. «Моя странная дочь, что нам делать с тобой?» Но по крайней мере мать не стала ругать ее вслух, не создала глиф, который мог бы публично смутить ее.

Наконец, к огромному облегчению Атаклены, развлечения закончились.

Настала очередь делегации титлалов, время Принятия и Выбора.

Во главе со своим великим поэтом Суструком делегация приблизилась к неподвижному почетному гостю краллниту и низко поклонилась. Потом оказала знаки уважения представителям брма, вежливо поздоровалась с людьми и другими гостями-патронами.

Последним принял долг вежливости тимбрими

Хозяин возвышения. Суструк и его супруга, ученая титлал по имени Кихимик, вместе выступили вперед как пара, избранная быть «представителем расы». Хозяин возвышения читал список формальных вопросов, они отвечали по очереди, а он согласно кивал.

Потом эта пара предстала перед критиками из галактического Института возвышения.

Пока что проходила только поверхностная версия теста четвертой степени на разумность. Однако сейчас титлалы рискуют потерпеть поражение.

Один из галактов, направивших на Суструка и Кихимик сложные приборы, — соро, а соро не принадлежат к друзьям тимбрими. Может быть, соро ищет предлог, любой предлог, чтобы унизить тимбрими, отвергнув их клиентов. Глубоко под вулканической кальдерой располагалось оборудование, дорого обошедшееся расе Атаклены. И теперь прием титлалов передавался на все пять галактик. Сегодня есть все основания для гордости, но возможно и унижение.

Конечно, Суструк и Кихимик легко прошли испытания. Они низко поклонились каждому из экзаменаторов-чужаков. Если соро была разочарована, она никак этого не проявила.

Делегация пушистых коротконогих титлалов направилась к расчищенной площадке на вершине холма. Титлалы начали петь, раскачиваясь в странной свободной манере, типичной для существ их родной планеты, невозделанного мира, на котором они достигли предразумного состояния и где их нашли тимбрими и начали долгий процесс возвышения.

Техники включили усилители, которые сообщат всем собравшимся и миллиардам зрителей на других планетах выбор титлалов. Низкий гулкий звук под ногами свидетельствовал, что аппаратура работает.

Теоретически титлалы имеют право даже отвергнуть патронов и вообще отказаться от возвышения, хотя существует такое количество правил и оговорок, что на практике этого никогда не происходит. И, конечно, в тот день ничего подобного не ожидалось. У тимбрими сложились превосходные отношения с клиентами.

И все равно возбужденное сухое шелестение началось в толпе зрителей, когда обряд Выбора приблизился к концу. Раскачивающиеся титлалы стонали, их низкий стон многократно усиливался. Над головами возникло голографическое изображение, и толпа разразилась смехом и ап-

лодисментами.

Лицо тимбрими, и все сразу его узнали. Ошойойойтуна, шут города Фойона, который в некоторые свои наиболее изысканные розыгрыши включал титлалов. Конечно, титлалы снова провозгласили тимбрими своими патронами. Но то, что они избрали своим символом Ошойойойтуна, говорило о большем. Они гордились принадлежностью к клану.

Когда зрители успокоились, оставалась последняя часть церемонии: выборы консорта-представителя, который во время следующей стадии возвышения будет защищать интересы титлалов. Люди на своем странном языке называли консорта-представителя повивальной бабкой возвышения.

Консорт-представитель не может избираться из числа тимбрими. И хотя это сугубо церемониймейстерский пост, консорт-представитель может вмешиваться в процесс возвышения в интересах клиентов, если считает это необходимым. И неудачный выбор не раз в прошлом вызывал серьезные проблемы.

Никто не знал, какую расу изберут титлалы. Одно из немногих решений, которые даже самые назойливые патроны, как соро, предоставляли

принимать своим подопечным.

Суструк и Кихимик снова заворковали, и даже со своего места в тылу толпы Атаклена ощутила растущее предчувствие. Дьяволята что-то задумали, несомненно.

Снова земля вздрогнула, снова загремел усилитель, и над вершиной холма сформировалось туманное изображение. В нем плавали какие-то неясные фигуры, проносились вперед и назад в освещенной воде.

Корона бесполезна: изображение сугубо визуальное. Атаклена пожалела, что не обладает острым зрением людей: из толпы землян послышались удивленные крики. Все тимбрими вокруг напряженно всматривались. Атаклена мигнула. И вместе с матерью присоединилась к общему изумленному недоверию.

Одна из неясных фигур выплыла вперед и остановилась, улыбаясь аудитории, демонстрируя длинный узкий оскал белых, острых, как иглы, зубов. Видны были блестящий глаз и струйка поднимающихся в воде пузырей.

В воздухе повисло изумление. Никто во всех звездных полях Ифни не ожидал, что титлалы изберут дельфинов!

Гости-галакты онемели. Неодельфины... да ведь

вторые клиенты людей самые молодые признанные разумные существа в галактике, они гораздо моложе самих титлалов! Это беспрецедентно. Это поразительно.

Это...

Это потрясающе смешно! Тимбрими оценили шутку. Их смех вздымался, чистый и высокий. Их короны, как одна, создавали сверкающий глиф одобрения, такой яркий, что даже посол теннанинцев замигал, заметив что-то. Видя, что их союзники не оскорбились, люди присоединились к веселью, хохотали, хлопали друг друга по спинам.

Кихимик и большинство остальных титлалов поклонились, принимая одобрение патронов. Хорошие клиенты, они, по-видимому, напряженно трудились, чтобы этот день запомнился замечательным розыгрышем. Только Суструк продолжал стоять неподвижно, он весь дрожал от напряжения.

Вокруг Атаклены вздымались волны одобрения и веселья. Она слышала смех матери, присоединившейся к общему смеху.

Но сама Атаклена попятилась, отделилась от веселящейся толпы, пока у нее не появилась возможность повернуться и убежать. Вступила

в действие гир-реакция. Атаклена бежала без оглядки, миновала край кальдеры, спустилась по тропе, пока наконец не стихли звуки смеха, пока она больше ничего не могла видеть. Тут, над прекрасной долиной Медлящих Теней, она упала на землю, сотрясаясь от энзимной реакции.

Этот ужасный дельфин...

С того дня она никому не рассказывала, что увидела в глазу китообразного. Ни матери, ни даже отцу — никому она не открыла правды... что она глубоко в голограмме ощутила глиф, созданный самим Суструком, поэтом титлалов. Присутствующие решили, что это замечательная шутка, великолепный розыгрыш. Они думали, что понимают, почему титлалы в качестве своих консортов-представителей избрали самую молодую расу Земли... Конечно, чтобы оказать клану патронов честь своей изящной, но безвредной шуткой.

Выбирая дельфинов, они как будто говорили, что им защитник не нужен, что они без всяких оговорок почитают и любят своих патронов-тимбрими. К тому же выбирая вторых клиентов людей, они показывают нос неповоротливым старым галактическим кланам, которые неодобрительно относятся к дружбе тимбрими

с волчатами.

Изысканно.

Неужели только одна Атаклена поняла глубоко скрытую истину? Или ее подвело воображение? Много лет спустя на далекой планете Атаклена вздрогнула, вспомнив тот день.

Неужели только она одна уловила третью гармонию смеха, боли и смятения Суструка? Музопоэт умер через несколько дней после этого происшествия и унес тайну в могилу.

Только одна Атаклена почувствовала, что церемония совсем не шутка, что образ, созданный Сустуком, родился не в его мыслях, а пришел из Времени! Титлалы действительно выбрали своих защитников, и выбор их был совершенно искренним.

И вот, всего несколько лет спустя, в пяти галактиках воцарилось смятение из-за открытия, сделанного незначительной расой клиентов, самой молодой из всех. Расой дельфинов. «О, земляне, — думала она, поднимаясь вслед за Робертом в Мулунские горы, — что же вы наделали?»

Нет, вопрос сформулирован некорректно.

«Кем, о, кем вы станете?»

* * *

В полдень путники столкнулись с густым плющом. Юго-восточный склон хребта зарос широколиственными глянцевитыми растениями; листья походили на перекрывающие друг друга пластины брони огромного спящего зверя. Путь в горы закрыт.

— Бьюсь об заклад, ты не понимаешь, как мы переберемся на ту сторону, — сказал Роберт.

— Склон выглядит предательски, — подтвердила Атаклена. — И далеко тянется в обоих направлениях. Наверно, придется повернуть.

Но что-то подсказывало Роберту, что это маловероятно.

— Замечательные растения, — сказал он, присаживаясь рядом с одним из листов — перевернутой чашей, похожей на щит, диаметром метра в два. Он взялся за край и потянул. Лист отошел от переплетения, и Атаклена увидела прикрепленный к его центру корень. Она придвинулась и помогла тянуть, гадая, что он задумал. — Колония отращивает новое поколение таких чаш каждые несколько недель, и каждый слой ложится поверх предыдущего, — объяснил Роберт и сильно дернул за прочный жилистый корень. — Поздней

осенью самый верхний слой чаш расцветает и становится тонким, как вафля. Миллионы таких чаш отламываются, их подхватывают сильные зимние ветры и уносят в небо. Поверь мне, замечательное зрелище, когда все эти радужные воздушные змеи плывут под облаками. Впрочем, это опасно для летательных аппаратов.

— Значит, это семена? — спросила Атаклена.

— Вернее, переносчики спор. Большая часть этих стручков, усеивающих в начале зимы Синд, стерильна. Похоже, это растение зависело от какого-то животного опылителя, не пережившего катастрофу бурурални. Еще одна проблема для групп по восстановлению экологии. — Роберт пожал плечами. — Но сейчас, в начале весны, эти нижние чаши прочны и упруги. Нелегко будет отрезать одну.

Роберт достал нож и, притягивая чашу вниз, принялся перерубать жесткие нити корня. Неожиданно корень лопнул, выпрямился, как пружина, Атаклену отбросило, и чаша упала на нее.

— Оп! Прости, Кленни! — Она чувствовала, что Роберт, помогая ей выбраться из-под чаши, с трудом сдерживает смех.

«Совсем как мальчишка...» — подумала Ата-

клена.

— Как ты?

— В порядке, — коротко ответила она и отряхнулась.

Перевернутая чаша лежала выпуклой поверхностью вверх, из центра ее торчали перерезанные волокна.

— Хорошо. Тогда помоги мне отнести ее к тому песчаному откосу, вблизи крутого склона.

Заросли плющей с трех сторон окружали мыс и тянулись до следующего хребта. Роберт и Атаклена подняли чашу, отнесли туда, где начинался неровный склон, и положили лицом вверх.

Роберт занялся работой. Он выравнивал неровную внутреннюю поверхность. Через несколько минут выпрямился и осмотрел получившееся.

— Подойдет. — Он пнул чашу. — Твой отец хотел, чтобы я показал тебе все, что смогу, на Гарте. По-моему, в твоем образовании образуется пробел, если я не научу тебя ездить на таких плющах.

Атаклена перевела взгляд с перевернутой пластины на заросший плющом склон.

— Ты хочешь сказать... — Но Роберт уже грузил их багаж в чашу. — Неужели ты серьезно, Роберт?

Он пожал плечами, искоса взглянув на нее.

— Если хочешь, можем вернуться на одну-две мили и поискать обход.

— Ты не шутишь. — Атаклена вздохнула. Плохо, что отец и друзья дома считают ее робкой. Она не может позволить, чтобы так считал и человек. — Хорошо, Роберт, покажи мне, как это делается.

Роберт встал в чашу и проверил ее устойчивость. Потом поманил Атаклену. Она взобралась в раскачивающуюся корзину и села, где показал Роберт, прямо перед ним, так что ее колени размещались по обе стороны от центрального выступа.

И тут, с нервно развевающейся короной, Атаклена снова ощутила это. И конвульсивно ухватилась за упругий край корзины, заставив ее раскачиваться.

— Эй! Осторожней! Ты нас чуть не перевернула!

Атаклена схватила его за руку, всматриваясь в долину внизу. Вокруг ее лица раскачивались тонкие щупальца.

— Я снова кеннирую это. Это внизу, Роберт. Где-то в лесу.

— Что? Что в лесу?

— Существо, которое я кеннировала раньше.

Не человек и не шимпанзе! Немного похоже и на того и на другого, но отличается. И от него несет Потенциалом!

Роберт заслонил глаза.

— Где? Можешь указать направление?

Атаклена сосредоточилась. Попыталась локализовать источник эмоций.

— Оно... оно исчезло, — выдохнула она наконец.

Роберт излучал нервное возбуждение.

— А ты уверена, что это не шимпанзе? Их много в этих холмах, собирателей сейсина и работников экологических станций.

Атаклена создала глиф паланг. Потом, вспомнив, что Роберт не может увидеть это сверкающее проявление ее раздражения, пожала плечами, что приблизительно обозначало то же самое.

— Нет, Роберт. Вспомни, я встречалась со многими неошимпанзе. Существо, которое я почувствовала, другое. Прежде всего, я готова поклясться, что оно не вполне разумно. И еще было ощущение печали, сдержанной силы...

Атаклена в неожиданном возбуждении повернулась к Роберту.

— Может быть, это гартлинг? Быстрее, Роберт! Надо подойти поближе! — Она снова села в цен-

тре корзины и выжидательно посмотрела на Роберта.

— Знаменитая приспособляемость тимбрими, — вздохнул Роберт. — И так неожиданно ты торопишься идти. А я-то пытался поразить тебя нашим спуском. Подумал, что ты схватишься так, что пальцы побелеют.

«Мальчишки, — снова подумала Атаклена, качая головой. — Как они могут так думать, даже в шутку?»

— Перестань шутить, и давай отправляться! — сказала она.

Роберт сел в корзину за ней. Атаклена прижалась к его коленям.

Щупальца чуть не касались его лица, но Роберт не жаловался.

— Ладно, отправляемся.

Кисловатый человеческий запах окружил Атаклену. Роберт оттолкнулся, и корзина заскользила вниз.

* * *

Все вернулось к Роберту, когда их импровизированные сани начали все ускоряющийся спуск, подпрыгивая на скользкой поверхности пластин плюща.

Атаклена схватилась за его колени, смех ее звучал выше и звонче, чем у земных девушек. Роберт тоже смеялся и кричал, держа Атаклену и наклоняясь то в одну сторону, то в другую, чтобы поддержать равновесие бешено подпрыгивающих саней.

«Последний раз я это проделал в одиннадцать лет».

При каждом повороте и прыжке сердце его подскакивало. Даже поездка в парке антигравитации с этим не сравнится! Атаклена возбужденно крикнула, они пролетели большое расстояние в воздухе, снова приземлились и подпрыгнули на упругой поверхности. Серебряные щупальца, казалось, потрескивают от напряжения.

«Надеюсь, я помню, как управлять этой штукой».

Возможно, он все-таки забыл. А может, его отвлекло присутствие Атаклены. Но Роберт среагировал слишком поздно, когда прямо перед ними возник пень псевдодуба, некогда росшего на этом склоне.

* * *

Атаклена радостно рассмеялась, когда Роберт резко наклонился влево, пытаясь повернуть их

неуклюжую повозку. Но когда она ощутила, что его настроение резко переменилось, они уже беспорядочно и бесконтрольно кувыркались. Потом корзина задела за что-то невидимое. Удар перевернул ее, и содержимое корзины разлетелось в разные стороны.

В это мгновение счастье не изменило Атаклене. Хлынули стрессовые гормоны, она мгновенно пригнула голову и превратилась в шар. И тело ее само превратилось в сани, оно запрыгало по поверхности плюща, как резиновый мяч.

Все произошло очень быстро. Гигантские кулаки колотили ее, швыряли в стороны. Громкий рев заполнял уши, корона сверкала на солнце, вздымаясь и опадая.

Наконец, по-прежнему свернувшись в шар, Атаклена остановилась на самом краю леса в долине внизу. Вначале она могла только лежать: приходилось ждать, пока гир-энзимы заставляли ее расплачиваться за быструю реакцию. Она дышала прерывистыми длительными вздохами, верхние и нижние почки работали с перегрузкой.

И еще боль. Атаклена не могла понять, что именно болит. У нее как будто бы всего несколько ушибов и царапин. Так что же?..

Она поняла и тут же развернулась и открыла глаза. Боль испытывает Роберт! Ее проводник-землянин излучает волны боли.

Атаклена осторожно встала, от реакции все еще кружилась голова, и, заслоняя глаза, осмотрела склон. Человека не видно, поэтому она принялась искать с помощью короны. Поток обжигающей боли привел ее, неуклюже спотыкающуюся, к месту поблизости от перевернутой корзины.

Из-под широких пластин плюща торчали ноги Роберта. Они слабо дергались. Попытка выбраться вызвала слабый стон. Горячая боль дождем опустилась на корону Атаклены.

Она наклонилась к Роберту.

— Роберт! Ты застрял? Дышать можешь?

Какая глупость, поняла она. Задавать кучу вопросов, когда человек на пороге сознания.

«Я должна что-то сделать». Атаклена достала из-за голенища свой лазерный резак и набросилась на плющ, начиная подальше от Роберта. Тяжело дыша, напрягаясь, она по одной оттаскивала пластины.

Узловатые стебли опутали ноги и руки человека, привязали его к зарослям.

— Роберт, я буду резать у твоей головы. Не двигайся!

Роберт ответил что-то непонятное. Его правая рука была вывернута, и такая боль окружала его, что Атаклене пришлось свернуть корону, чтобы не потерять сознание от перегрузки. Чужаки не могут так сильно передавать свои ощущения тимбрими! Раньше она никогда не поверила бы, что возможно подобное.

Атаклена убрала с его лица последнюю пластину, и Роберт застонал.

Глаза его были закрыты, губы шевелились, словно он говорит про себя. «Что он сейчас делает?»

Она чувствовала, что он совершает какой-то человеческий обряд самодисциплины. И это имеет непосредственное отношение к числам и счету.

Наверно, техника самовнушения, которой всех людей обучают в школе. Техника примитивная, но, по-видимому, Роберту она помогает.

— Теперь я разрежу корни, которые держат твои руки, — сказала Атаклена.

Он кивнул.

— Быстрее, Кленни. Я... Мне никогда не приходилось блокировать такую боль... — Он вздохнул, когда отскочил последний стебель. Рука его высвободилась, повисшая, сломанная.

«Что теперь?» Атаклена тревожилась. Раненый

чужак всегда опасен.

Отсутствие подготовки — только часть проблемы. Собственный базовый защитный инстинкт может оказаться совершенно неверным, когда помогаешь существу чуждого вида.

Атаклена схватила несколько щупалец и в нерешительности согнула их.

«Должно быть нечто универсальное!»

Сделай так, чтобы жертва могла дышать. Это она проделала автоматически.

Попытайся остановить потерю жидкости. Ей приходится руководствоваться только старыми, периода до Контакта, земными фильмами, которые они с отцом смотрели на пути в Гарт. В этих фильмах действовали существа, которых называют копы и бандиты. Согласно этим фильмам, раны Роберта царапины. Но Атаклена подозревала, что создатели древних фильмов не были сторонниками реализма.

О, если бы люди не были такими уязвимыми!

Атаклена бросилась к рюкзаку Роберта, начала искать в кармане радио.

Помощь из Порт-Хелении придет меньше чем через час, а специалисты подскажут ей, что делать тем временем. Радиоустановка простая, тимбримийского производства. Но, когда она

нажала кнопку, ничего не произошло.

«Нет! Оно должно работать!» Она снова нажала на кнопку. Но индикаторы оставались немыми.

Атаклена сняла заднюю крышку: нет кристалла передатчика. Она в замешательстве замигала. Как это произошло?

Они отрезаны от помогли. Полностью предоставлены себе.

— Роберт, — позвала она, снова наклонившись к нему. — Ты должен руководить мной. Я не могу помочь тебе, если ты не скажешь, что нужно сделать.

Человек продолжал считать от одного до десяти, снова и снова. Она начала повторять свои слова, наконец взгляд его сфокусировался на ней.

— Мне... мне кажется, у меня сломана рука, Кленни, — выдохнул он. — Помоги мне перейти в тень... потом дай лекарство...

Он как будто снова потерял сознание, глаза закатились. Атаклена презирала нервную систему, которая поддается боли, оставляя своего хозяина беспомощным. Но это не вина Роберта. Он смел, просто его мозг несовершенен.

Но в этом, конечно, и преимущество. Когда Роберт потерял сознание, болевые излучения

заметно ослабли. И ей легче было перетащить его по скользкой неровной поверхности плит плюща в тень леса, пытаясь без надобности не тревожить сломанную руку.

«Люди, с их большими костями, с огромными сухожилиями, сверхмускулистые!» Сгибаясь под тяжестью тела Роберта, Атаклена создала едкий глиф.

Потом вернулась и отыскала аптечку. Вот этот раствор он использовал позавчера, когда поранил палец щепкой. Атаклена обильно смазала им порезы Роберта.

Роберт застонал и зашевелился. Она чувствовала, как его сознание сражается с болью. И сразу, почти автоматически, он снова начал считать.

Шевеля губами, Атаклена читала на англике инструкцию по применению «тканевой пены», потом наложила ее слой на раны поверх настойки.

Оставалась рука — и боль. Роберт упомянул лекарство. Какое именно?

В сумке множество ампул, на всех этикетки с четкими надписями на англике и гал-семь. Но инструкции очень сжатые. Не рассчитаны на чужака, которому без посторонней помощи и совета приходится лечить землянина.

Она воспользовалась логикой. Средства, которые необходимо применять срочно, упаковываются в ампулы в газообразном виде, так их легче и быстрее использовать. Атаклена наклонилась так, что ее щупальца коснулись лица Роберта, ощутила его мужской запах, кисловатый и терпкий.

— Роберт, — тщательно заговорила она на англике. — Я знаю, ты меня слышишь. Приди в себя! Мне нужны твои знания. Немедленно.

Очевидно, она отвлекала его от обряда самодисциплины, потому что болевое ощущение усилилось. Роберт сморщился и продолжал считать вслух.

Тимбрими не бранятся, как люди. Пурист сказал бы — осуществляют стилистическую модуляцию. Но в такие моменты бывает трудно заметить разницу. Атаклена ядовито забормотала на родном языке.

Роберт явно не преуспел даже в своей грубой технике самогипноза. Его боль колотила ее по краю сознания. Атаклена издала негромкую трель, похожую на вздох. Она не привыкла к таким приступам. Веки ее задрожали, зрение смазалось, как у человека от слез.

Остается единственный способ. Но он означает

раскрыться, даже больше, чем в собственной семье. Перспектива устрашающая, но выбора нет. Чтобы добраться до него, она должна стать как можно ближе.

— Я... я здесь, Роберт. Поделись со мной.

Она раскрылась перед потоком боли, таким нетимбримийским и таким странно знакомым. Она словно узнавала его. Боль неравномерная, как будто насос работает неровно. Боль напоминает маленькие раскаленные шары... слитки расплавленного металла.

«...слитки металла?..»

Причудливость образа чуть не прервала контакт. Атаклена никогда раньше не испытывала такой яркой метафоры. Это не сравнение. На мгновение боль превратилась в раскаленные комки, прикосновение к которым обжигает...

«Быть человеком действительно очень необычно».

Атаклена пыталась подавить воображение. Она двигалась к центру боли, пока ее не остановила преграда. «Еще одна метафора?» На этот раз стремительный поток боли — на ее пути река.

Ей необходим усунлтлан — защитное поле, которое перенесет ее через поток к источнику боли. Но как воздействовать на сознание человека?

Вокруг нее собирались туманные изображения. Плыли дымчатые картины, густели, приобретали материальность. Атаклена вдруг обнаружила, что видит себя в маленькой лодке. А в руках у нее весло.

Неужели усунлтлан в сознании человека предстает как метафора?

Пораженная, она начала грести вверх по течению, приближаясь к жгучему водовороту.

Мимо проплывали фигуры, теснясь и толкаясь в окружающем тумане. Вот одно пятно превращается в искаженное лицо. Дальше рычит странное животное.

Большинство гротескных фигур, которые она видит в тумане, в реальной Вселенной не существует.

Атаклена не привыкла видеть деятельность мозга, и ей потребовалось некоторое время, чтобы понять фигуры-воспоминания, конфликты, эмоции.

Как много эмоций! Атаклене захотелось бежать. Здесь можно сойти с ума!

Остаться ее заставило тимбримийское любопытство. И еще долг. «Как здесь странно», — думала она, продвигаясь в метафорическом болоте. Полуослепшая от капель боли, она удивленно

осматривалась. Стать бы настоящим телепатом и знать, а не догадываться, что означают все эти символы!

Очевидно, многое напоминает работу мозга тимбрими. Некоторые образы показались ей знакомыми. Может, они восходят к временам, когда и ее, и Роберта расы еще не знали речи, когда стада умных животных жили на далеких диких планетах. С тех пор ее раса прошла трудным путем возвышения, людям же пришлось еще труднее.

Самое странное — видеть одновременно двумя парами глаз. Одна пара изумленно разглядывает метафорический мир, другая, настоящая, видит в нескольких дюймах, под щупальцами короны, лицо Роберта.

Человек быстро замигал. Перестал считать. Наконец она отчасти поняла, что происходит. Но Роберт испытывает поистине странные ощущения. В голове Атаклены возникло слово deja vu — воспоминание того, что будто бы уже было.

Атаклена сосредоточилась и создала изящный глиф, луч, который должен гармонировать с подсознанием. Роберт ахнул, и она поняла, что он уловил этот луч и устремился к нему.

Его метафорический образ появился рядом с

ней в маленькой лодке, у него в руках тоже весло. На этом уровне все кажется естественным, и он даже не спросил, как здесь оказался.

Вместе гребли они по потоку боли, исходящему от его сломанной руки.

Им приходилось пробираться сквозь водовороты болевых ощущений, которые обрушивались на них, как стаи насекомых-вампиров. Встречались препятствия, сучья, омуты, в их глубине звучали странные голоса.

Наконец они оказались в заводи — сердцевине всей проблемы. А на дне ее изображение вделанной в каменный пол решетки. Это дренажное устройство, но решетка забита ужасными останками.

Роберт в волнении отшатнулся. Атаклена поняла, что это насыщенные эмоциями воспоминания — но их отвратительность приобретает внешность когтей, клыков, разбухших уродливых рыл. «Как может человек собрать такую груду?» Атаклена была ошеломлена и испугана омерзительным, одушевленным мусором.

«Это называется неврозами, — послышался внутренний голос Роберта. Он знает, что они „видят“, и подавляет свой ужас. — Многое из этого я забыл! Понятия не имел, что это еще здесь».

Роберт смотрит на врагов внизу — и Атаклена видит, что лица внизу — искаженные образы его собственного лица.

«Теперь моя работа, Кленни. Задолго до Контакта мы знали, что есть только один способ бороться с этим. Единственное действенное оружие — правда».

Лодка качнулась: метафорическая суть Роберта перегнулась через борт и нырнула в омут расплавленной боли.

«Роберт!»

Поднялась пена. Лодчонка начала раскачиваться, Атаклене пришлось вцепиться в край странного усунлтлана. По обе стороны брызнула яркая ужасная боль. А внизу, под поверхностью, началось сражение.

Во внешнем мире лицо Роберта покрылось испариной. Атаклена подумала, долго ли он еще сможет выдерживать.

Она неуверенно опустила воображаемую руку в воду. Прикосновение обжигало, но она продолжала тянуться к решетке.

Что-то схватило ее за руку! Она дернулась, но освободиться не смогла.

Ужасное существо с перекошенным лицом Роберта смотрело на нее снизу с похотливым

выражением. Существо пыталось увлечь ее в глубину. Атаклена закричала. Другая фигура схватилась с той, что удерживала ее. Чешуйчатая рука разжалась, и Атаклена упала на дно лодки. И маленькое суденышко стало быстро уходить! Озеро боли устремилось в дренажную решетку. А лодка продолжала стремительно плыть в другую строну, против течения.

«Роберт отталкивает меня», — поняла она. Контакт стал слабее, потом совсем прервался. Метафорический мир неожиданно исчез. Атаклена ошеломленно замигала. Легла на мягкую почву. Роберт держал ее за руку, тяжело дышал сквозь стиснутые зубы.

— Мне пришлось остановить тебя, Кленни... Слишком опасно для тебя...

— Но тебе так больно!

Он покачал головой.

— Ты показала мне, где находится блок. Теперь... теперь я справлюсь с неврозами. Знаю, где они... пока этого достаточно. И... говорил ли я тебе, что в тебя легко влюбиться?

Атаклена резко выпрямилась, ее удивило это non sequitur[3]. Она взяла три газовые ампулы.

---

[3] Примечания: 3

Вывод, не соответствующий посылкам; нелогичное заключение (лат.)

— Роберт, ты должен сказать мне, какая из них снимает боль, пока снова не потерял сознание.

Он прищурился.

— Синяя. Разбей у меня под носом, но сама не вдыхай! Нет... не нужно. Трудно сказать, как на тебя подействует параэндорфин.

Атаклена разбила ампулу, и образовалось небольшое густое облачко.

Половину его Роберт вобрал в себя следующим вздохом. Остальное тут же рассеялось.

Тело Роберта словно развернулось. Он глубоко, с дрожью, перевел дыхание. Посмотрел на нее, в глазах светилось сознание.

— Не знаю, мог ли я еще оставаться в сознании. Но дело того стоило... разделить с тобой сознание.

И в его ауре появилось слабое подобие глифа зунур-тзун.

Атаклена была ошеломлена.

— Ты очень странное существо, Роберт. Я...

Она смолкла. Зунур-тзун... исчез, но она, несомненно, кеннировала глиф. Но как Роберт мог создать его?

Атаклена кивнула и улыбнулась. Теперь ей легко воспринимать человеческие образы.

— Мне пришла точно такая же мысль, Роберт.

Я... я тоже считаю, что дело того стоило.

Глава 13
ФИБЕН

Сразу над стеной утеса, у самого края плоской вершины, от крушения, вырывшего углубление в почве, еще поднимались столбы пыли. Полоска леса в форме кинжала разлетелась в несколько секунд, когда стремительный предмет ударился в нее, отскочил и ударился снова. Во всех направлениях разлетелась почва и обрывки растительности. Наконец снаряд застыл на самом краю пропасти.

Это случилось ночью. Другие обломки вызвали пожары, но здесь все ограничилось скользящим ударом.

Постепенно гул взрыва замер, но оставались другие последствия: оползень на ближайшем утесе, искалеченное дерево. А в конце борозды темный предмет, вызвавший все эти разрушения, продолжал потрескивать: перегретый металл остывал на холодном потоке воздуха, поднимавшемся из долины внизу.

Наконец все успокоилось и вошло в привычное русло. Туземные животные выбрались из укры-

тий. Некоторые даже приблизились, вдохнули с отвращением запах горячего металла и ушли по своим серьезным делам. Предстояло прожить еще один день.

* * *

Тяжелая была посадка. Внутри капсулы жизнеобеспечения пилот не шевелился. Прошла ночь, прошел день, он лежал неподвижно.

Наконец с кашлем и низким стоном Фибен очнулся.

— Где?.. Что?.. — прохрипел он.

И первой его мыслью было, что он говорит на англике.

«Это хорошо, — с трудом сообразил он. — Мозг не поврежден».

Главное сокровище неошимпанзе — способность к речи. И утрачивается она легче всего. Речевая афазия — прямой путь к переоценке. Можно даже попасть в генетически забракованные.

Разумеется, образцы плазмы Фибена уже отосланы на Землю, отзывать их поздно, так что какая разница, если даже его переоценят. Да он и не особенно заботился о том, какого цвета его карта воспроизводства.

Во всяком случае заботился не больше, чем другие шимпы.

«Итак, мы философствуем? Оттягиваем неизбежное? Не волнуйся, Фибен, старина! Двигайся! Открой глаза! Ощупай себя. Убедись, что все при тебе».

Легко сказать, но трудно сделать. Фибен застонал и попытался поднять голову. Его организм обезвожен. Открыть глаза — все равно что вытащить застрявший ящик письменного стола.

Но наконец ему удалось чуть приоткрыть их. Он увидел, что щит капсулы потрескался и покрылся сажей. Вокруг спекшаяся грязь с остатками флоры в лужах от недавнего дождя.

Фибен обнаружил одну из причин потери ориентации: капсула наклонена больше чем на пятьдесят градусов. Он повозился с ремнями безопасности и наконец расстегнул их. И обвис в кресле. Набравшись сил, занялся люком.

Работал, бормоча хриплые ругательства, пока люк не отскочил, разбрасывая дождь листьев и камешков. Последовало несколько минут сухого чихания. Наконец он повис через край люка, тяжело дыша.

Фибен стиснул зубы.

— Давай, — неслышно сказал он. — Выберемся

отсюда! — Приподнялся, не обращая внимания на синяки, протиснулся в люк, повис и нащупал опору под ногами. И упал на грязную, благословенную почву. Но когда попытался встать, левая нога не слушалась. Фибен снова упал и больно ударился.

— Ух! — произнес он вслух. Порылся под собой и вытащил острый прут, проткнувший шорты. Посмотрел на него, отбросил и снова лег на землю рядом с капсулой.

Перед ним, примерно в двадцати футах, в лучах занимающегося рассвета виднелся край пропасти. Далеко снизу доносился звук текущей воды. «Ух! — Он про себя удивился близости гибели. — Еще несколько метров, и мне совсем не хотелось бы пить».

Взошло солнце, картина прояснилась, стали видны борозды, проделанные в лесу другими обломками. «Прощай, старина „Проконсул“, — подумал Фибен. — Несколько тысяч лет верной службы полусотне мудрых галактических рас, а кончилось тем, что ты разбился на заброшенной планете, а разбил тебя Фибен Балджер, клиент волчат, полуобученный пилот милиции. Какой недостойный храброго воина конец!»

Но он все же пережил свой разведчик. По край-

ней мере ненадолго.

Кто-то сказал, что степень разумности определяется тем, сколько энергии раса разумных тратит на то, что не связано с выживанием. Фибен чувствовал себя, как кусок полупрожаренного мяса, но у него все же хватило сил улыбнуться. Он пролетел несколько миллионов миль и, может, еще доживет до того, что расскажет об этом своим нахальным внукам, на два поколения опередившим его в возвышении.

Он похлопал по обожженной земле и рассмеялся хриплым от жажды голосом.

— Попробуй справиться с этим, Тарзан!

Глава 14
УТАКАЛТИНГ

— ...Мы здесь как сторонники галактической традиции, защитники праведности и чести, мы исполняем волю тех, кто когда-то основал Путь Жизни...

Утакалтинг не очень силен в галактическомтри, поэтому он записывал с помощью портативного секретаря манифест губру для дальнейшего изучения. А слушал только краем уха, завершая свои приготовления.

«...краем уха...» Корона дернулась, и он понял, что материализовал человеческую метафору. Края его ушей действительно дернулись!

Все шимпы поблизости занимались манифестом по своим приемникам: его передавали с кораблей губру и на англике. Но это «неофициальный» вариант манифеста, так как англик считается всего лишь языком волчат, неподходящим для дипломатии.

Утакалтинг создал глиф л'иут'тсака, примерно соответствующий носу, пренебрежительно показанному захватчикам. Один из помощников неошимпанзе удивленно взглянул на него. Должно быть, у шимпа есть латентная пси-способность, понял Утакалтинг. Остальные три мохнатых клиента сидели под ближайшим деревом и внимали голосу вторгшейся армады.

— ...в соответствии с протоколом и правилами войны на Землю была отправлена нота с изложением наших претензий и требований...

Утакалтинг наложил последнюю печать на дипломатический сейф.

Пирамидальное сооружение расположено на вершине холма, к юго-западу от остальных зданий посольства тимбрими, и смотрит на Силмарское море. А в океане все кажется без-

мятежным и прекрасным. По спокойной воде движутся даже небольшие рыбацкие лодки, словно в небе нет ничего враждебнее редких облаков. По другую сторону за зарослями древесной травы Тула, привезенной с его родной планеты, расположены здания посольства, опустевшие, покинутые.

Строго говоря, он мог оставаться на месте и выполнять свои обязанности. Но Утакалтинг не собирался доверять обещанию захватчиков соблюдать все Правила Войны. Губру известны тем, что всегда толкуют правила так, как им выгодно.

К тому же у него свои планы.

Утакалтинг закончил накладывать печать и отошел от дипломатического сейфа. В стороне от самого посольства, запечатанный и закрытый, он охраняется миллионами лет традиции. В посольство и другие здания захватчики смогут проникнуть, но им придется очень тщательно искать объяснений, если они попытаются вскрыть священное хранилище.

Но Утакалтинг улыбался. Он верил в губру.

Отойдя на десять метров, он сосредоточился и создал простой глиф, потом отправил его на вершину пирамиды, где маленький голубой шар начал неслышно вращаться. Охранник на

мгновение еще более просветлел и испустил еле слышное гудение. Утакалтинг отвернулся и направился к ожидающим шимпам.

* * *

— ...главным образом, наше недовольство вызвано тем, что раса клиентов землян, известная как Tursiops amicus, или «неодельфины», совершила открытие, которым не поделилась с нами. Утверждают, что это открытие окажет огромное влияние на все галактическое сообщество. Клан гуксу-губру, как защитник традиций и наследия Прародителей, не может быть исключен! Наше законное право захватить заложников и вынудить эти полусформированные водные существа и их хозяев-волчат поделиться с нами информацией...

Небольшая часть сознания Утакалтинга занялась открытием клиентов землян на краю галактического диска. Утакалтинг задумчиво вздохнул. При нынешней обстановке в пяти галактиках ему пришлось бы воспользоваться Д-уровнем гиперпространства и вынырнуть в миллионе лет от нынешнего момента, чтобы узнать всю правду. Но к тому времени она превратится в древнюю историю.

В сущности, чем именно вызвал «Стремительный» нынешний кризис, уже неважно. Высший Совет тимбрими рассчитал, что подобный взрыв неизбежен в пределах нескольких сотен лет. Земляне умудрились вызвать его заблаговременно. Только и всего!

Вызвать преждевременно... Утакалтинг поискал нужную метафору. Словно ребенок сбежал из колыбели, пробрался в логово зверей вл'корг и щелкнул царицу прямо в морду!

— ...вторая причина нашего недовольства и непосредственная причина вторжения — в обоснованных подозрениях, что на планете Гарт нарушаются правила возвышения! Мы располагаем доказательствами, что полуразумная раса, известная под именем неошимпанзе, не получает нужного руководства ни со стороны патронов-людей, ни со стороны консортов-тимбрими...

«Тимбрими неподобающие консорты? Высокомерные птицеподобные заплатят за это оскорбление!» — поклялся Утакалтинг. Шимпы вскочили и низко поклонились при его приближении. На концах короны Утакалтинга на мгновение мелькнул глиф с иулф-куон, посол поклонился в ответ.

— Я хочу отправить несколько посланий. Вы

послужите мне?

Все кивнули. Шимпы явно стесняются друг друга, происходя из различных социальных групп.

Один гордо носит офицерский мундир. Двое в яркой гражданской одежде.

Наконец, четвертый одет мешковато, на груди у него панель со множеством кнопок; она позволяет бедному существу пользоваться подобием речи. Этот шимп стоит сзади и в стороне от других и едва отрывает взгляд от земли.

— Мы все к вашим услугам, — сказал, вытянувшись, молодой лейтенант.

Он, казалось, совершенно не замечает мрачных взглядов, которые искоса бросают на него пестро одетые штатские.

— Это хорошо, мой юный друг. — Утакалтинг положил руку на плечо шимпа и протянул маленький черный куб. — Пожалуйста, доставьте это планетарному координатору Онигл, вместе с моими добрыми пожеланиями. Передайте ей, что мне пришлось отложить вылет в Убежище, но я надеюсь скоро с ней увидеться.

«На самом деле я даже не лгу, — напомнил себе Утакалтинг. — Будь благословенна двусмысленность англика!»

Лейтенант-шимп взял куб и поклонился точно

под необходимым углом, как следует кланяться патрону-союзнику. Не глядя на остальных, он побежал к курьерскому экипажу.

Один из штатских, явно надеясь, что Утакалтинг не услышит, шепнул пестро одетому коллеге:

— Надеюсь, этот нахал с синей картой упадет в лужу и вымажет свой мундир.

Утакалтинг сделал вид, что ничего не заметил. Иногда вера других в то, что слух у тимбрими такой же слабый, как зрение, оказывается полезной.

— Это для вас, — сказал он двоим в пестрой одежде и бросил каждому мешочек. Внутри находились деньги, галбанкноты, безупречные, подкрепленные содержанием всей Великой Библиотеки, но из неизвестного источника.

Двое шимпов поклонились Утакалтингу, стараясь скопировать точный поклон офицера. Утакалтинг с трудом сдержал смех: foci — центр сознания каждого шимпа — сосредоточился на мешочке с монетами, отрезав всю остальную вселенную.

— Идите и потратьте на свое усмотрение. Благодарю вас за вашу прежнюю службу.

Два члена небольшого преступного подполья

Порт-Хелении повернулись и бросились в рощу. Заимствуя еще одну человеческую метафору, они была «глазами и ушами» Утакалтинга с его прибытия на Гарт. Несомненно, сейчас они считают свою работу завершенной.

«И спасибо за то, что вы еще сделаете», — думал Утакалтинг, глядя им вслед. Он хорошо знает этих парней. Они быстро потратят его деньги и войдут во вкус новых трат. А через несколько дней появится единственный способ их заработать.

Утакалтинг был уверен, что скоро у них возникнут новые наниматели.

— ...пришли как друзья и защитники предразумных, чтобы они получали нужное руководство и стали членами достойного клана...

Оставался только один шимп; он пытался стоять прямо, как остальные.

Но бедное существо не могло не переминаться с ноги на ногу, беспокойно улыбаясь при этом.

— И что... — начал Утакалтинг, но неожиданно замолчал. Щупальца его заволновались; он повернулся и посмотрел на море.

В небе над заливом возникла огненная точка и полетела на восток.

Утакалтинг заслонил глаза, но не стал тратить времени на то, чтобы позавидовать зрению зем-

лян. Сверкающий уголек перемещался в облаках, оставляя за собой след, который мог воспринимать только тимбрими. Это сияние радостного отлета в течение нескольких секунд развернулось со слабым инверсионным следом и тут же угасло.

От'тушутн, помощник, секретарь и друг Утакалтинга, повел свой корабль сквозь сердце вражеского флота, осаждающего Гарт. И кто знает? Корабль специально сконструирован. Возможно, и прорвется.

Конечно, это не дело От'тушутна. Его задача — просто попытаться.

Утакалтинг напряг свой кеннинг. Да, что-то исходит от этого света.

Сверкающее наследие. Он воспринял прощальный глиф От'тушутна и тщательно сберег его, чтобы дома передать возлюбленной храброго тимбрими.

На Гарте теперь остаются только два тимбрими. Атаклена в безопасности, насколько это возможно. Утакалтингу пора позаботиться о себе.

— ...освободить невинные существа, избавить их от неправильного руководства волчат и преступников...

Утакалтинг снова повернулся к маленькому

шимпу, своему последнему помощнику.

— А как ты, Джо-Джо? Тоже хочешь выполнить задание?

Джо-Джо повозился с кнопками на своем дисплее.

ДА, ПОЖАЛУЙСТА. Я ХОЧУ ПОМОГАТЬ ВАМ.

Утакалтинг улыбнулся. Ему нужно торопиться на встречу с Каултом. Сейчас посол теннанинцев уже выходит из себя возле катера Утакалтинга. Но еще несколько секунд может подождать.

— Да, ты можешь кое-что для меня сделать, — сказал он Джо-Джо. — Ты сможешь сохранить тайну?

Маленький генетический мутант энергично кивнул, его мягкие карие глаза переполняла искренняя преданность. Утакалтинг провел много времени с Джо-Джо, учил его тому, чему не позаботились научить в школе на Гарте — например, как выжить в дикой местности или как пилотировать простейший флиттер. Конечно, Джо-Джо не гордость возвышения неошимпанзе, но у него большое сердце и своеобразная хитрость, которую Утакалтинг высоко ценил.

— Видишь голубой огонек наверху пирамиды, Джо-Джо?

ДЖО-ДЖО ПОМНИТ, — напечатал шимп.

ДЖО-ДЖО ПОМНИТ ВСЕ СЛОВА.

— Хорошо. — Утакалтинг кивнул. — Я так и знал. Я рассчитываю на тебя, мой дорогой маленький друг. — Он улыбнулся, и Джо-Джо радостно улыбнулся в ответ.

А созданный компьютером голос продолжал нудить из космоса, заканчивая манифест вторжения.

— ...и дать им возможность быть принятыми в достойный древний клан, который поведет их к правильному поведению...

«Болтливые птицы, — подумал Утакалтинг. — В сущности они глупы».

— Мы им покажем «правильное поведение», верно, Джо-Джо?

Маленький шимп нервно кивнул. И улыбнулся, хотя не все понял.

Глава 15
АТАКЛЕНА

Ночью лагерный костер отбрасывал желтые и оранжевые отблески на стволы ближайших псевдодубов.

— Я был так голоден, что даже консервы показались вкусными, — вздохнул Роберт, отодвигая

чашку и ложку. — Собирался испечь корни плюща, но теперь мне кажется, что у нас пропал аппетит к этому деликатесу.

Атаклене казалось, она понимает склонность Роберта к абстракциям, не относящимся к их положению. И у тимбрими, и у людей есть способы, которые помогают легче переносить неприятности, — еще одна общая черта двух видов. Сама она ела мало. Тело ее почти избавилось от пептидов, результата последней гир-реакции, но все еще слегка побаливало после дневного приключения.

Часть неба над головой закрывали темные пылевые галактические облака, по краю их шла яркая водородная туманность. Атаклена смотрела на звездный свод, корона над ушами слегка расширилась. Она принимала эмоции крошечных туземных животных из леса.

— Роберт?

— Гм... Да, Кленни?

— Роберт, зачем ты убрал кристалл из радио?

После паузы голос его прозвучал серьезно и угнетенно.

— Я не хотел говорить тебе об этом еще несколько дней, Атаклена. Прошлой ночью я видел, как уничтожали спутники связи. Это может означать

только одно: прибыли галакты, как и ожидали наши родители. Кристаллы радио могут засечь детекторы на кораблях, даже когда мы не пользуемся установкой. Я изъял кристалл, чтобы нас не смогли обнаружить. Это обычная процедура.

Атаклена почувствовала легкую дрожь, она началась над носом, прошла по голове и спине.

«Итак, началось».

Ей хотелось оказаться рядом с отцом. По-прежнему ее огорчало, что он отослал ее, не разрешил остаться с собой, чтобы она могла ему помочь.

Молчание затянулось. Атаклена кеннировала нервное напряжение Роберта.

Дважды он собирался заговорить, но передумал. Наконец она кивнула.

— Я согласна с твоим решением, Роберт. Мне кажется, я даже понимаю защитный импульс, который заставил тебя не рассказывать мне об этом. Но не следовало этого делать. Это глупо.

Роберт серьезно кивнул.

— Больше не буду, Атаклена.

Они некоторое время лежали молча, потом Роберт протянул здоровую руку и коснулся Атаклены.

— Кленни, я... знаешь, как я тебе благодарен. Ты спасла мне жизнь...

— Роберт, — устало вздохнула она.

— ...но дело не только в этом. Придя в мое сознание, ты показала мне меня самого... показала то, чего я не знал. Это очень важно. Можно прочесть об этом в книгах. Самообман и неврозы — два самых коварных человеческих несчастья.

— Они не только человеческие, Роберт.

— Да, я догадываюсь. То, что ты увидела в моем сознании, должно быть, ерунда по стандартам до Контакта. Но, учитывая нашу историю, даже самым нормальным из нас нужно напоминать время от времени.

Атаклена не знала, что сказать, поэтому промолчала. Жить в темные времена человечества — должно быть, это действительно страшно.

Роберт откашлялся.

— Я хочу сказать, что теперь понимаю, как далеко ты зашла в своей адаптации. Ты постигла человеческие эмоции, изменила свою психологию...

— Эксперимент. — Она пожала плечами — и неожиданно поняла, что лицу жарко. В человеческой реакции, которую она считала такой странной, раскрываются капилляры. Она краснеет!

— Да, эксперимент. Но справедливо, чтобы он

был двусторонним, Кленни. Тимбрими известны своей приспособляемостью в пяти галактиках. Но мы, люди, тоже умеем кое-чему учиться...

Она подняла голову.

— О чем ты, Роберт?

— Я хочу, чтобы ты мне больше рассказала о тимбрими. О ваших обычаях. Хочу знать, каков у вас эквивалент изумленного взгляда, утвердительного кивка, улыбки.

Снова легкое сверкание. Атаклена настроила корону, но призрачный простой глиф, который начал создавать Роберт, рассеялся как дым. Наверно, он сам не понимает, что создал его.

— Гм, — сказала Атаклена, мигая и качая головой. — Не могу сказать точно. Но мне кажется, Роберт, ты уже начал узнавать.

* * *

На следующее утро, когда сворачивали лагерь, у Роберта болело все тело. У него был жар. Но он принял анестезирующее средство, чтобы продолжать работать.

Большую часть их имущества Атаклена спрятала в дупло резиновой березы и надрезала кору, чтобы потом найти дерево. Но в глубине души она сомневалась, что кто-то вернется сюда.

— Тебя нужно показать врачу, — сказала она, трогая его лоб. Высокая температура — явно плохой признак.

Роберт указал, на узкий проход между двумя горами к югу.

— Вот там, в двух днях пути, ферма Мендозы. Миссис Мендоза была медсестрой, прежде чем вышла замуж за Хуана и завела ферму.

Атаклена неуверенно взглянула на проход. Придется подниматься на тысячу метров, чтобы миновать его.

— Роберт, ты считаешь, что это лучший маршрут? Я уверена, что принимала излучения разумных гораздо ближе, к востоку, вдоль этой линии холмов.

Роберт взял самодельный посох и пошел на юг.

— Пошли, Кленни, — бросил он через плечо. — Я знаю, ты хочешь отыскать гартлинга, но сейчас не время. Когда меня подлатают, мы сможем поохотиться на туземных предразумных.

Атаклена смотрела ему вслед, пораженная нелогичностью его замечания.

Потом догнала его.

— Роберт, что за странную вещь ты сказал? Как я могла думать о поиске туземных животных, пусть самых интересных, пока ты нездоров? Я

ясно ощущала присутствие на востоке разумных: людей и шимпов, хотя должна признать, что был и какой-то странный субъект, почти...

— Ага! — Роберт улыбнулся, как будто она призналась. И пошел дальше.

Удивленная, Атаклена попыталась прощупать его чувства, но самоконтроль и решимость оказались невероятными для представителя расы волчат. Она могла только ощутить его беспокойство — и это беспокойство связано с тем, что она обнаружила присутствие разумных к востоку.

О, если бы она была настоящим телепатом! В который раз она подумала, почему Высший Совет тимбрими не отверг правила Института возвышения и не стал развивать эту способность. Иногда она завидовала людям, которые могут окружать непроходимым барьером свою внутреннюю жизнь, в отличие от собственной, сплетничающей, вторгающейся во все культуры. Но сейчас ей хотелось одного: заглянуть к нему внутрь и узнать, что он скрывает!

Корона ее развевалась, и если бы поблизости оказался тимбрими, он бы поморщился, уловив ее язвительность по поводу устройства мира.

* * *

Прошло чуть больше часа. Они еще не добрались до вершины первого хребта, а Роберт шел уже с трудом. Теперь Атаклена знала, что испарина у него на лбу — то же, что покраснение и раздувание короны тимбрими, — признак перегрева.

Услышав, что он негромко начал считать, она поняла, что нужно отдохнуть.

— Нет. — Он покачал головой. Голос его звучал неровно. — Перейдем через хребет и доберемся до следующей долины. Вся дорога оттуда до прохода в тени. — Роберт пошел дальше.

— Здесь тоже достаточно тени, — настаивала Атаклена.

Она потянула Роберта к откосу, поросшему ползунками с листьями, словно зонтиками; все они вездесущими лианами связаны с лесом в долине.

Роберт вздохнул, когда она помогла ему сесть на камень в тени. Она вытерла ему лоб и начала разматывать повязку на сломанной правой руке. Он застонал сквозь зубы.

Кожа около сломанной кости потемнела.

— Это плохо, Роберт?

На мгновение ей показалось, что он теряет

сознание. Но вот он пришел в себя, покачал головой.

— Нет. Вероятно, инфекция. Нужно больше универсального...

Он потянулся к ее рюкзаку, где находилась аптечка, но потерял равновесие, и Атаклене пришлось подхватить его.

— Хватит, Роберт. Ты не дойдешь до фермы Мендозы. Я не могу нести тебя и не могу оставить на два-три дня!

Роберт попросил дать ему две синие таблетки и отпил из фляжки.

— Ну хорошо, Кленни, — вздохнул он. — Повернем на восток. Но только пусть твоя корона поет для меня, ладно? Мне это нравится и помогает лучше понять тебя... и теперь я думаю, что нам лучше пойти, потому что я начинаю нести чепуху. Это признак того, что человек распадается. Ты должна теперь это знать.

Глаза Атаклены широко раздвинулись, она улыбнулась.

— Я и так знала это, Роберт. А теперь скажи, как называется место, куда мы идем.

— Оно называется Хаулеттс-Центр. Прямо туда, за второй грядой холмов. — Он указал на юго-восток. — Там не любят незваных гостей, поэтому,

приближаясь, будем говорить вслух.

* * *

Делая частые остановки, они к полудню перебрались через первую гряду холмов и отдохнули в тени у небольшого ручья. Тут Роберт уснул беспокойным сном.

Атаклена беспомощно смотрела на юношу-человека. И обнаружила, что напевает знаменитый «Плач неизбежности» Тлуфаллтрила. Эта печальная аура и мелодия были созданы свыше четырех тысяч лет назад, когда патроны тимбрими калтмуры погибли в кровавой межзвездной войне.

Неизбежность — не очень приятная для ее народа ситуация, тем более ужасна она для людей. Но тимбрими давно решили стать эрудитами и изучить все философии. И смирение, покорность тоже имеют право на существование.

«Не сейчас!» — поклялась Атаклена. Она уговорила Роберта проглотить еще две таблетки. Как можно лучше закрепила сломанную руку и подложила камни, чтобы Роберт не скатился во сне.

Она надеялась, что окружающий их густой кустарник помешает подобраться опасным животным. Конечно, бурурали очистили лес от всех крупных животных, но она все же беспокои-

лась. Можно ли оставить потерявшего сознание человека ненадолго?

Рядом с его левой рукой она положила свой лазер-резак и фляжку.

Наклонившись, коснулась его лба чувствительными преобразованными губами.

Ее корона опустилась ему на лицо; Атаклена, прощаясь, передавала ему пожелания в обычае своего народа.

* * *

Олень может бежать быстрее. Кугуар может проскользнуть по неподвижному лесу незаметней. Но Атаклена никогда не слышала о таких животных. И даже если бы слышала, тимбрими не боятся сравнений. Их общее свойство — приспособляемость.

Уже на протяжении первого километра автоматически начались изменения.

Железы укрепили ноги, изменения в составе крови позволили лучше усваивать кислород воздуха. Соединительные ткани расслабились, ноздри раскрылись шире, чтобы пропускать больше воздуха, кожа натянулась, чтобы груди не подпрыгивали при ходьбе.

Склон стал круче, и вот она оказалась во второй

долине и побежала вверх по звериной тропе к цели. Быстрые шаги легко звучали на мягком суглинке. Лишь изредка треск ветки возвещал о ее присутствии, и тогда маленькие зверьки испуганно разбегались. И всюду ее сопровождали щебечущие насмешки, и звуковые, и эмоциональные, которые она улавливала короной.

Эти звуки заставляли Атаклену улыбаться потимбримийски. Животные всегда так серьезны. Только немногие, почти готовые к возвышению, проявляют зачатки юмора. И очень часто в процессе возвышения патроны стирают воображение как «черту нестабильности».

После второго километра Атаклена побежала медленнее. Прежде всего потому, что перегрелась. А для тимбрими это опасно.

Она достигла вершины хребта с неизбежной цепью камней-чешуй и еще более сбавила скорость, пробираясь в лабиринте торчащих монолитов. Потом немного отдохнула. Прислонившись к камню, тяжело дыша, она расправила корону. Щупальца задрожали в поиске.

Да! Близко люди! И неошимпанзе. Теперь она хорошо знает их излучения.

И... она сосредоточилась. Что-то еще. Что-то мучительно ускользающее.

Это загадочное, странное существо, присутствие которого она уже дважды ощущала. Одно мгновение оно кажется земным, но в другое — принадлежащим этому миру. И оно предразумное, у него свой, суровый характер.

Если бы эмпатия могла точно указывать направление!

Атаклена двинулась вперед, пробираясь к источнику излучения сквозь каменные дебри.

На нее упала тень. Инстинктивно Атаклена отскочила и присела — гормоны мгновенно придали силы ее рукам и ногам. Подготовка к схватке.

Атаклена глубоко дышала, подавляя гир-реакцию. Она думала встретить какое-нибудь небольшое существо, пережившее катастрофу буруралли, — но такое огромное!

«Успокойся», — приказала она себе. На камне виден был силуэт большого двуногого, явно родственника человека и не туземного обитателя Гарта.

Шимпанзе, конечно, не может угрожать ей.

— З...здравствуйте! — умудрилась она выговорить, сдерживая дрожь уходящей гир-реакции. Молча прокляла мгновенные реакции, которые делают тимбрими такими опасными при вне-

запном столкновении, но укорачивают жизнь и часто приводят их в замешательство в приличном обществе.

Фигура смотрела на нее сверху. Двуногая, с поясом для инструментов на талии. Смотреть против света трудно. Сбивает с толку яркий голубоватый свет солнца Гарта. Но даже и так Атаклена видела, что животное слишком велико для шимпанзе.

Существо не реагировало. Просто смотрело на нее сверху вниз.

От молодой, как неошимпанзе, расы клиентов не следует ожидать большого ума. Атаклена, прищурившись против яркого света, начала медленно и четко говорить на англике.

— У меня срочное дело. Там, недалеко, — она указала, — человек, он ранен. Ему нужна немедленная помощь. Пожалуйста, отведи меня к людям. Как можно скорее. — Она ожидала немедленного ответа, но существо лишь переступило с ноги на ногу и продолжало смотреть.

Атаклена чувствовала себя неловко. Может, она встретилась с самым глупым шимпом? Или мутантом? Новые расы клиентов дают множество вариантов, иногда очень опасных, с глубоким регрессом. Доказательство — то, что произошло с бурурали здесь, на Гарте.

Атаклена напрягла свои чувства. Корона ее расширилась и тут же удивленно свернулась!

Это предразумное существо! Внешнее сходство — шерсть и длинные руки — обмануло ее. Это совсем не шимп! То самое чуждое существо, присутствие которого она ощущала раньше!

Неудивительно, что оно не ответило. У него нет патронов, которые научили бы его говорить! Потенциал дрожал и бился. Атаклена чувствовала его под поверхностью. И подумала, что же сказать туземному предразумному.

Вгляделась внимательней. Темная пушистая шерсть существа окаймлена солнечным сиянием. На коротких согнутых ногах массивное тело, которое заканчивается большой головой с узким лбом. Широкие плечи без видимой шеи переходят в голову.

Атаклена припомнила знаменитый рассказ Напуталлила о космическом сборщике, который в лесу, далеко от поселения колонии, встретил ребенка, воспитанного дикими бегунами. Поймав свирепо огрызающееся маленькое существо, охотник создал простую версию ш'чакуон — зеркала души.

Атаклена сформировала глиф, насколько могла вспомнить.

СМОТРИ В МЕНЯ — ТЫ ВИДИШЬ САМОГО СЕБЯ.

Существо стояло. Но вот оно отпрянуло, фыркая и нюхая воздух.

Атаклена вначале решила, что оно реагирует на ее глиф. Но тут хрупкую связь разорвал какой-то шум поблизости. Предразумное шумно запыхтело — глубокий гортанный звук, — потом повернулось и ускакало, прыгая с камня на камень. И исчезло.

Атаклена побежала за ним, но бесполезно. Через несколько мгновений она потеряла след. Вздохнула и снова повернула на восток, туда, где, по словам Роберта, располагается Хаулеттс-Центр. Прежде всего нужно найти помощь.

Она продолжала продвигаться сквозь лес камней. Их становилось меньше, начинался спуск в следующую долину. Обогнув очередной камень, Атаклена чуть не столкнулась с поисковой партией.

* * *

— Простите, если мы напугали вас, мэм, — хрипло сказал предводитель группы. Голос его напоминал нечто среднее между рычанием и кваканьем. Он снова поклонился. — Сборщик сейсина сообщил о крушении корабля, и мы по-

слали несколько поисковых групп. Вы не видели падающий космический корабль?

Атаклена дрожала от Ифни-проклятой сверхреакции. Должно быть, в первые несколько секунд она выглядела ужасно, когда неожиданность вызвала у нее стремительные перемены. Бедные создания испугались. Еще четверо шимпов за предводителем нервно поглядывали на нее.

— Нет, не видела. — Атаклена говорила медленно и тщательно, стараясь не вызвать у маленьких клиентов чувства вины. — Но у меня тоже есть срочное сообщение. Мой спутник, человек, вчера днем был ранен. У него сломана рука и, вероятно, началось заражение. Я должна поговорить с кем-нибудь из ваших руководителей, чтобы его немедленно эвакуировали.

Предводитель шимпов был выше среднего роста, почти полтора метра. Как у всех остальных, на нем были шорты, пояс с инструментами и небольшой рюкзак за спиной. Улыбка впечатляла оскалом неровных желтоватых зубов.

— У меня достаточно полномочий. Меня зовут Бенджамин, мисс... мисс... — Его хрипловатый голос звучал вопросительно.

— Атаклена. Имя моего товарища Роберт Онигл. Он сын планетарного координатора.

Бенджамин распахнул глаза.

— Понятно. Ну что ж, мисс Атак... мэм... вы, наверно, уже знаете, что Гарт подвергся нападению военного флота ити. И нам нельзя пользоваться воздушными кораблями, если этого можно избежать. Но моя группа может перенести человека с такими ранениями, как вы описали. Если вы отведете нас к мистеру Ониглу, мы позаботимся о нем.

Облегчение смешивалось у Атаклены с болью: ей напомнили о тяжелом общем положении. Надо допытаться выяснить.

— Установлено ли, кто захватчики? Была ли высадка?

Шимп Бенджамин — профессионал, с хорошей дикцией, но он не мог скрыть замешательства. Наклонив голову, он посмотрел на Атаклену под новым углом.

Остальные шимпы беззастенчиво пялились. Они явно никогда не видели ничего подобного.

— Гм. Простите, мэм, но новости не очень подробные. Ити... э-э-э... — Шимп всмотрелся в нее. — Э-э-э... простите, мэм, но вы ведь не человек?

— Великий Калтмур, конечно, нет! — ощетинилась Атаклена. — Что дает вам основание... — Но тут вспомнила внешние изменения, которые

составляли часть ее эксперимента. Она должна сейчас очень походить на человека, особенно когда солнце за спиной. Неудивительно, что бедные клиенты смутились. — Нет, — сказала она спокойнее. — Я не человек. Я тимбрими.

Шимпы вздохнули и быстро переглянулись. Бенджамин поклонился, скрестив перед собой руки. Впервые сделал жест приветствия клиента представителю расы класса патронов. Народ Атаклены, как и люди, не верит в необходимость жесткого господства над клиентами. Но все же этот жест смягчил ее оскорбленные чувства. Когда Бенджамин заговорил снова, дикция его заметно улучшилась.

— Прошу прощения, мэм. Я хотел сказать, что не знаю, кто такие захватчики. Меня не было возле приемника, когда передавали их манифест несколько часов назад. Мне сказали, что это губру, но ходят слухи, что они теннанинцы.

Атаклена вздохнула. Теннанинцы или губру. Что ж, могло быть хуже.

Первые — ограниченные ханжи. Вторые обычно злобны, консервативны и жестоки. Но все же это не то, что коварные соро или жуткие смертоносные танду.

Бенджамин пошептался с одним из товарищей.

Маленький шимп убежал по тропе назад, туда, откуда они пришли, в направлении загадочного Хаулеттс-Центра. Атаклена уловила дрожь тревоги. И снова подумала, что же происходит в долине, от которой старался увести ее Роберт, даже с риском для своего здоровья.

— Посыльный сообщит о состоянии мистера Онигла и организует транспорт, — сказал ей Бенджамин. — Тем временем мы сразу же поможем ему. Если вы покажете нам дорогу...

Он звал ее, и Атаклене пришлось на время сдержать любопытство. Прежде всего Роберт.

— Ну хорошо, — сказала она. — Пошли.

Проходя под камнем, на котором она увидела странное предразумное существо, Атаклена посмотрела вверх. Был ли это действительно гартлинг?

Может, шимпы что-нибудь о нем знают? Но прежде чем успела спросить, Атаклена споткнулась и схватилась за виски. Шимпы удивленно смотрели на ее раскачивающуюся корону и странно раздвинувшиеся глаза.

Отчасти звук, отчасти кеннинг, такой высокий, что уходит за пределы восприятия, отчасти резкий зуд, ползущий по спине.

— Мэм? — Бенджамин встревоженно посмот-

рел на нее. — В чем дело?

Атаклена покачала головой.

— Это... это...

Она не закончила. Потому что в это мгновение на западе, на горизонте, мелькнула серая вспышка. Что-то неслось по небу прямо к ним — слишком стремительно! Не успела Атаклена мигнуть, как точка выросла до чудовищных размеров. И совершенно неожиданно над долиной неподвижно повис гигантский серый корабль.

Атаклена едва успела крикнуть:

— Зажмите уши!

Разразился гром. Грохот и рев бросил их на землю. Эхо дробилось в лабиринте камней и отразилось от склонов долины. Деревья раскачивались, трещали и падали, листья срывало внезапно налетевшим циклоном...

Наконец грохот стих. Лес отразил и поглотил его. И только тогда послышался низкий гул двигателей самого корабля. Серое чудовище, огромный блестящий цилиндр, отбрасывало тень на долину. На глазах Атаклены и шимпов корабль начал медленно опускаться, спустился на уровень камней, исчез из виду. Стих и гул двигателей, и послышался шум оползней с ближайших склонов. Шимпы нервно встали; держась за руки,

они зашептались низкими хриплыми голосами. Бенджамин помог встать Атаклене. Гравитационное поле корабля ударило по ее раскрывшейся короне, а она была не готова к этому.

Атаклена трясла головой, пытаясь прийти в себя.

— Это военный корабль? — спросил у нее Бенджамин. — Остальные шимпы не были в космосе, но я несколько лет назад ходил смотреть старый «Везарий», когда тот прилетал на планету. Но он не такой огромный.

Атаклена вздохнула.

— Да, военный корабль. Конструкции соро, мне кажется. Теперь губру пользуются этой конструкцией. — Она взглянула на шимпа. — Гарт теперь не просто окружен, шимп Бенджамин. Началось вторжение.

Бенджамин стиснул руки. Нервно потянул один большой палец, потом другой.

— Они висят над долиной. Я их слышу. Но что они хотят сделать?

— Не знаю, — ответила Атаклена. — Надо посмотреть.

Бенджамин поколебался, потом кивнул. И повел группу назад, туда, где из-за камней открывался вид на долину.

* * *

Примерно в четырех километрах на дне долины виднелись белые здания.

Корабль висел над ней в нескольких сотнях метров, отбрасывая огромную тень. Атаклена заслонила глаза: яркий солнечный свет отражался от блестящих бортов. Низкое гудение двигателей огромного крейсера звучало зловеще.

— Он просто висит там! Что они делают? — нервно спросил какой-то шимп.

Атаклена покачала головой, как человек.

— Не знаю. — Она ощущала страх людей и неошимпанзе в поселке внизу.

Были и другие источники эмоций.

«Захватчики», — поняла она. Они убрали свой пси-щит, высокомерно отвергая всякую возможность обороны. У нее появилось мысленное изображение легких пернатых существ, потомков какого-то нелетающего псевдоптичьего вида. На мгновение ярко высветилась картина местности, видимая глазами одного из офицеров корабля. Контакт длился всего миллисекунду, но корона Атаклены задергалась в отвращении.

«Губру», — поняла она. Неожиданно все стало чрезвычайно реальным.

Бенджамин ахнул.

— Смотрите!

Из-под широкого брюха корабля, из открывшихся отверстий, начал опускаться коричневый туман. Медленно, лениво темные испарения закрывали дно долины.

Страх внизу сменился паникой. Атаклена прижалась к камню и обхватила голову руками, чтобы уйти от почти ощутимой ауры ужаса.

Слишком сильно? Атаклена попыталась создать глиф мира в пространстве перед собой, отразить боль и ужас. Но все, что она создавала, мгновенно таяло, как снег под языками горячего пламени.

— Они убивают людей и горилл! — закричал шимп на склоне и побежал вниз. Бенджамин крикнул ему вслед:

— Петри! Вернись! Куда ты?

— Я должен помочь! — отозвался тот. — И ты тоже! Ты ведь слышишь их крики! — И, не обращая внимания на расширяющуюся тропу, он начал спускаться по лесистому склону — самым прямым путем к клубящемуся туману и глухим крикам отчаяние.

Оставшиеся двое шимпов вызывающе посмотрели на Бенджамина; очевидно, они думали

так же.

— Я тоже иду, — произнес один.

Сошедшиеся от страха глаза Атаклены ныли. Что собираются делать эти глупые создания?

— Я с тобой, — согласился второй шимп. И, несмотря на крики и проклятия Бенджамина, они оба начали спускаться в долину.

— Немедленно остановитесь!

Все повернулись и посмотрели на Атаклену. Даже Петри застыл, схватившись рукой за камень и мигая. Третий раз в жизни Атаклена воспользовалась Тоном Беспрекословного Приказа.

— Прекратите глупости и немедленно вернитесь! — приказала она. Корона развевалась у нее над ушами. Тщательно отработанный человеческий акцент исчез. Она говорила на англике с сильным акцентом тимбрими, который шимпы бессчетное количество раз слышали по видео. Она могла походить на человека, но человеческий голос не в состоянии воспроизводить такие звуки.

Клиенты землян мигали, раскрыв рты.

— Немедленно возвращайтесь! — прошипела Атаклена.

Шимпы поднялись по склону и остановились перед ней. Один за другим, нервно поглядывая

на Бенджамина, они последовали его примеру и поклонились, сложив перед собой руки.

Атаклена подавила собственную дрожь, чтобы казаться совершенно спокойной.

— Не заставляйте меня снова повышать голос, — негромко сказала она. — Мы должны действовать сообща, думать хладнокровно и разработать целесообразный план.

Неудивительно, что шимпы дрожали и смотрели на нее широко раскрытыми глазами. Люди редко разговаривали с шимпами так безапелляционно. Возможно, шимпы и служат людям, но по земным законам они такие же граждане.

«Мы, тимбрими, другое дело». Долг, просто долг заставил Атаклену отказаться от тотану — вызванной страхом отчужденности. Кто-то должен принять на себя ответственность, чтобы спасти жизнь этим существам.

Туман перестал выделяться из корабля губру. Он, подобно темному пенному озеру, залил всю долину, скрыв здания на склоне. Отверстия в брюхе корабля закрылись, он начал медленно подниматься.

— Укройтесь, — приказала Атаклена и отвела шимпов за ближайший монолит. Низкий гул двигателей корабля поднялся на октаву. Скоро

они увидели корабль над камнями.

— Зажмите уши.

Шимпы прижались друг к другу, прикрыли уши ладонями.

Только что корабль был здесь, в тысяче метров над долиной. В следующее мгновение, так быстро, что глаз не успевал среагировать, он исчез. Вытесненный воздух устремился внутрь, и вновь словно ударила гигантская рука, загремел гром, покатился над долиной, поднимая пыль и срывая листву с деревьев. Наконец эхо стихло. Ошеломленные шимпы долго смотрели друг на друга.

Но вот самый старший из них, Бенджамин, встряхнулся. Отряхнул руки, схватил Петри и поставил перед Атакленой.

Петри пристыженно смотрел в землю.

— Прошу прощения, мэм... — сказал он. — Я... там внизу люди... и моя подруга...

Атаклена кивнула. Нельзя быть слишком строгим с клиентами, у них ведь добрые намерения.

— Мотивы твоего поступка похвальны. Теперь, успокоившись, мы сможем более эффективно помочь твоим патронам и друзьям.

Она протянула руку. Казалось, шимпы ждут от галакта более покровительственного жеста. Например, похлопывания по голове. Пожав Атак-

лене руку, Петри застенчиво улыбнулся.

Они прошли между камнями и посмотрели вниз. Шимпы ахнули. Коричневое облако покрыло землю, как густое грязное море, оно доходило до основания леса на склоне у их ног. Тяжелый туман имел четко очерченную верхнюю границу, едва касавшуюся корней ближайших деревьев. Они не знали, что происходит внизу, не знали даже, выжил ли там кто-нибудь.

— Мы разделимся на две группы, — сказала Атаклена. — Роберт Онигл по-прежнему нуждается в помощи. Кто-то должен идти к нему.

Мысль о Роберте, лежащем в полубессознательном состоянии там, где она его оставила, вызвала тревогу. Атаклена должна быть уверена, что о нем позаботятся. Она подозревала, что шимпы предпочтут идти к Роберту, чем оставаться у этой смертоносной долины. Они слишком потрясены катастрофой и не уверены в себе.

— Бенджамин, вместе с товарищами ты сможешь найти Роберта, если я укажу направление?

— Вы сами нас не поведете? — Бенджамин нахмурился и покачал головой. — Не знаю, мэм... Я считаю, вы должны идти с нами.

Атаклена оставила Роберта возле приметного ориентира — гигантского орехового дерева у

самой тропы. Любая группа без труда отыщет раненого землянина.

Она отчетливо ощущала эмоции шимпа. Бенджамин очень хотел, чтобы представитель знаменитого народа тимбрими помог людям в долине. И тем не менее пытается увести ее.

Внизу клубился маслянистый дым. Атаклена чувствовала присутствие внизу многих сознаний, испытывающих страх.

— Я останусь, — твердо сказала она. — Ты сказал, что эти шимпы подготовлены как спасатели. Они найдут Роберта и помогут ему. Кто-то должен остаться и попытаться помочь тем, внизу.

Люди могли бы возражать, спорить. Но шимпы даже не думали возражать галакту, принявшему решение. Разумные класса клиентов просто не в состоянии так поступить.

Она чувствовала облегчение Бенджамина... и в то же время страх.

Трое младших шимпов надели рюкзаки. Молча и серьезно двинулись меж камней на запад, время от времени нервно оглядываясь, пока не исчезли из виду.

Атаклена больше не волновалась из-за Роберта. Но все усиливался ее страх за отца. Враг, несомненно, первый удар обрушил на Порт-Хелению.

— Идем, Бенджамин. Посмотрим, что можно сделать для этих бедняг внизу.

* * *

Несмотря на неожиданные и быстрые успехи в возвышении, землянам предстояла еще большая работа с неошимпанзе и неодельфинами. В обоих видах настоящие мыслители еще очень редки. По галактическим стандартам они добились большого прогресса, но земляне хотели двигаться еще быстрее. Как будто опасались, что их клиенты вырастут самостоятельно и очень быстро.

Когда среди турсиоп или понго появлялся хороший ум, о нем тщательно заботились. Атаклена видела, что Бенджамин — один из таких превосходных образцов. Несомненно, у этого шимпа по крайней мере синяя карта воспроизводства, и он уже произвел немало детей.

— Может, я разведаю, что там впереди, мэм? — предложил Бенджамин. — Я могу забраться на деревья и оставаться выше уровня газа. Узнаю, как обстоят дела, потом вернусь за вами.

Атаклена чувствовала, что шимп дрожит, глядя на озеро загадочного газа. Тут он глубиной по лодыжку, но дальше достигает нескольких человеческих ростов.

— Нет. Будем держаться вместе, — твердо ответила Атаклена. — Я тоже могу взбираться на деревья.

Бенджамин осмотрел ее сверху донизу, очевидно, вспоминая рассказы о знаменитой приспособляемости тимбрими.

— Наверно, ваш народ когда-то был лесным. Конечно, я не хочу вас обидеть. — Он осторожно и невесело улыбнулся. — Ну хорошо, мисс, пошли.

Он быстро взобрался по ветвям ближайшего псевдодуба, обернулся вокруг ствола, спустился с другой стороны и перепрыгнул через узкий промежуток на соседнее дерево. Держась за ветвь, оглянулся и посмотрел любопытными карими глазами.

Атаклена поняла, что ей бросили вызов. Она несколько раз глубоко вдохнула, сосредоточившись. Начались изменения, защипало в отвердевающих концах пальцев, расширилась грудь. Атаклена выдохнула, пригнулась и взлетела на псевдодуб. С некоторым трудом она движение за движением повторила маршрут шимпа.

Бенджамин одобрительно кивнул, когда она оказалась рядом с ним. И двинулся дальше.

Они продвигались медленно, перепрыгивая с дерева на дерево, обходя увитые лианами ство-

лы. Несколько раз приходилось отступать и искать обход: поляны были затянуты медленно оседающим дымом. Переступая через самые высокие клубы тяжелого газа, они старались не дышать, но Атаклена тем не менее чувствовала острый маслянистый запах. Она уверяла себя, что растущий зуд, вероятно, психосоматического происхождения.

Бенджамин продолжал незаметно поглядывать на нее. Шимп, несомненно, заметил некоторые изменения: удлинение конечностей, округлившиеся плечи, более цепкие руки. Он никак не ожидал, что галакт сможет держаться с ним наравне в переходе по деревьям.

Конечно, он не знает, чего будет стоить ей гиреакция. Боль уже возникла, и Атаклена знала, что это только начало.

Лес переполняли звуки. Мимо проносились мелкие животные, убегая от чуждого дыма и запаха. Атаклена улавливала быстрый пульс их страха.

Добравшись до вершины холма перед самым поселком, они услышали слабые крики: испуганные земляне на ощупь бродили в темном как сажа лесу.

Карие глаза Бенджамина подсказали Атаклене,

что это кричат его друзья внизу.

— Этот газ прижимается к земле, — сказал он. — Едва поднимается над крышами зданий. Бели бы у нас было хоть одно высокое здание!

— Тогда они бы сразу его взорвали, — заметила Атаклена. — А потом выпустили бы газ.

— Гм. — Бенджамин кивнул. — Посмотрим, успели ли мои подруги подняться на деревья. Может, помогли забраться и людям.

Она не говорила с Бенджамином о его тайном страхе; от нее он все равно не может его скрыть. Но все же что-то еще примешивалось к его беспокойству о людях и шимпах внизу. Словно он тревожился еще о ком-то.

* * *

Чем дальше они углублялись в долину, тем выше нужно было забираться на деревья. Все чаще приходилось спускаться, погружаться в дымные густые клубы ногами, перебираясь с ветки на ветку. К счастью, маслянистый газ как будто рассеивался, он тяжелел и капал дождем на серую почву.

Они увидели белые здания Центра за деревьями, и Бенджамин двинулся быстрее. Атаклена шла за ним, но уже еле поспевала за шимпом.

Энзимное истощение начинало сказываться, корона раскалилась, пытаясь устранить излишек тепла. Но тело все равно перегревалось.

«Сосредоточься», — приказала она себе, скорчившись на ветке. Атаклена согнула ноги и попробовала заглянуть за листву и ветви перед собой.

«Вперед!»

Она развернулась, но ее движения утратили стремительность и энергичность. Она едва сумела перескочить двухметровую брешь. Атаклена прижалась к раскачивающейся, подпрыгивающей ветви. Корона пульсировала огнем. Атаклена цеплялась за дерево чужого мира, дыша открытым ртом, неспособная двинуться, мир вокруг расплывался. «Может, это больше, чем боль гиперреакции, — подумала она. — Может, газ действует не только на землян. Он убивает меня».

Потребовалось какое-то время, чтобы взгляд ее снова сфокусировался, и она увидела поросшую коричневой шерстью ногу с черной подошвой...

Бенджамин, держась за ветку, стоял над нею.

Он притронулся к щупальцам ее короны.

— Подождите здесь и отдохните, мисс. Я посмотрю, что впереди, и сразу вернусь.

Ветвь задрожала, и он исчез.

Атаклена лежала неподвижно. Она могла только вслушиваться в негромкие звуки, доносившиеся со стороны Хаулеттс-Центра. После ухода крейсера губру прошел час, но по-прежнему слышались крики испуганных шимпов и странные низкие незнакомые ей голоса других животных.

Газ рассеивался, но еще висел, даже здесь. Атаклена держала ноздри закрытыми, дышала ртом.

«Жаль бедных землян, им приходится все время держать открытыми нос и уши, и весь мир может нападать на них». Но все же иронично отметила: землянам не нужно слушать сознанием.

Корона постепенно охлаждалась, и Атаклена начала улавливать поток эмоций — человеческих, шимпанзе и еще одной разновидности, излучения «незнакомца», которые теперь уже знакомы ей. Проходили минуты, Атаклена чувствовала себя лучше — достаточно хорошо, чтобы проползти по ветви и добраться до ствола. Она со вздохом прижалась к грубой коре, теперь ее затопил поток шумов и эмоций.

«Может, я и не умираю. Во всяком случае не сейчас».

Но тут она поняла, что что-то происходит рядом с ней. Она почувствовала, что на нее смотрят

— и с очень близкого расстояния! Она повернулась и резко выдохнула. С ветви дерева на нее смотрело несколько пар глаз: три пары карих и ярко-голубые.

Если не считать, возможно, разумных полурастений кантенов, тимбрими лучше всех галактов знают людей. Тем не менее Атаклена удивленно замигала.

Она не поняла, что видит.

Около самого ствола сидела взрослая самка-неошимпанзе — шимми, одетая только в шорты. На руках у нее детеныш. Карие глаза матери широко распахнулись в страхе.

Рядом с ними маленький гладкокожий человеческий ребенок в хлопчатобумажном комбинезоне. Светловолосая девочка застенчиво улыбалась Атаклене.

Смятение Атаклены вызвало четвертое существо на этом дереве.

Она вспомнила звуковую скульптуру неодельфина, которую отец привез на Тимбрим из своих путешествий. Это произошло сразу после того эпизода на церемонии Принятия и Выбора титлалов, когда Атаклена вела себя так странно в погасшей вулканической кальдере. Возможно, Утакалтинг хотел с помощью этой звуковой

скульптуры рассеять ее дурное настроение, доказать, что земные китообразные на самом деле очаровательные существа и их не нужно бояться. Он велел ей закрыть глаза и позволить песне перекатиться через нее.

Каким бы ни были его мотивы, результат получился противоположный.

Слушая дикие неприрученные звуки, Атаклена неожиданно почувствовала себя погруженной в океан, в котором собирается гневная буря. И когда открыла глаза и увидела, что по-прежнему сидит в домашней гостиной, это не помогло. Впервые в жизни слух победил зрение.

Атаклена больше никогда не слушала этот куб, вообще ничего такого странного не испытывала... пока не встретила необычный метафорический ландшафт в сознании Роберта Онигла.

И вот она снова испытывает подобное. На первый взгляд четвертое существо на ветке напоминает очень большого шимпанзе, но корона утверждает нечто совершенно противоположное.

Не может быть!

Мирно и спокойно смотрели на нее карие глаза. Существо, очевидно, тяжелее всех остальных вместе взятых; оно осторожно, бережно держит

на руках человеческого ребенка. Когда девочка шевелилась, огромное существо только слегка фыркало и вздыхало, не отрывая взгляда от Атаклены. В отличие от нормальных шимпанзе, у него совершенно черное лицо.

Не обращая внимания на боль, Атаклена осторожно, чтобы не вспугнуть их, продвинулась по ветке вперед.

— Здравствуйте, — отчетливо произнесла она на англике.

Девочка снова улыбнулась и застенчиво зарылась головой в густую шерсть на груди своего защитника. Мать-неошимпанзе в явном страхе отшатнулась.

Массивное существо с плоским широким лицом только дважды кивнуло и снова фыркнуло.

Оно насквозь пропитано Потенциалом!

Атаклене только раз приходилось встречаться с существом, находящимся на грани между животными и признанными разумными клиентами. Это очень редкое состояние в пяти галактиках: любой вновь открытый предразумный вид сразу регистрируется и отдается по лицензии в служение какой-нибудь старшей расе патронов. Атаклена поняла, что это существо далеко продвинулось по пути к разуму.

Но ведь пропасть между животным и разумным существом невозможно преодолеть самостоятельно! Правда, некоторые земляне по-прежнему придерживаются невежественных теорий, распространенных у них до Контакта: будто бы разум может возникнуть самостоятельно, путем «эволюции». Однако галактическая наука утверждает, что этот порог можно преодолеть только с помощью другой расы, которая уже пересекла его.

Так было от самых легендарных дней первой расы — Прародителей, миллиарды лет назад.

Однако патронов людей так и не сумели найти. Поэтому их и называют к'чу-нон — волчата. Может, все-таки в их старой идее есть зерно истины? И если так, может, это существо тоже?..

«Нет! Почему я сразу этого не заметила?»

Неожиданно Атаклена поняла, что это существо не естественного происхождения. Это не сказочный гартлинг, которого просил поискать ее отец. Слишком велико семейное сходство.

На ветке над облаком газа губру сидят близкие родственники, братья. Человек, неошимпанзе и... кто?

Она попыталась припомнить, что рассказывал отец о лицензии людей на их собственную

планету Землю. После Контакта Институты дали землянам право поселения де-факто. Но она уверена, что сохраняются права возделывания и другие ограничения.

И несколько земных видов перечислялось специально. Огромное животное излучает Потенциал, как... Атаклене пришла в голову метафора — маяк, горящий на соседнем дереве. Порывшись в памяти, она наконец вспомнила название.

— Красавчик, — сказала она негромко. — Ты ведь горилла, верно?

Глава 16
ХАУЛЕТТС-ЦЕНТР

Большое животное мотнуло головой и фыркнуло. Мать-шимпанзе негромко заскулила и посмотрела на Атаклену с неподдельным ужасом.

Но маленькая девочка захлопала в ладоши, предвкушая игру.

— Рилла! Джонни рилла! Я тоже! — И она маленькими кулачками заколотила по груди. Откинула голову и испустила высокий воющий крик.

Горилла. Атаклена удивленно смотрела на

гигантское неподвижное существо, пытаясь припомнить, что ей о нем известно.

Темные ноздри расширились, горилла принюхалась и свободной рукой быстро сделала девочке знак на языке жестов.

— Джонни спрашивает, ты ли теперь будешь старшей, — сказала девочка. — Я надеюсь на это. Но ты выглядела очень усталой, когда перестала гнаться за Бенджамином. Он сделал что-то плохое?

Атаклена придвинулась чуть ближе.

— Нет, — сказала она, — Бенджамин не сделал ничего плохого. Во всяком случае с тех пор, как я его встретила... Хотя начинаю подозревать...

Она замолчала. Ни девочка, ни горилла не поймут, что она заподозрила.

Но взрослая шимпанзе знает, и в глазах ее страх.

— Я Эприл, — сказала девочка. — А это Нита. Ее ребенка зовут Ча-Ча.

Шимми дают своим детям при рождении легкие имена, потому что дети еще не умеют хорошо говорить.

Сверкающими глазами она посмотрела на Атаклену.

— Ты правда там... бим... тиммбимми?

Атаклена кивнула.

— Да, я тимбрими.

Эприл захлопала в ладоши.

— Ух! Здорово! Видела большой космический корабль? Он прилетел с громким гулом, и папа велел мне уходить с Джонни, а потом пошел газ, и Джонни закрыл мне рот рукой и я не могла дышать!

Эприл состроила гримасу, изображая удушение.

— Но когда мы поднялись на деревья, он меня отпустил. Мы встретили Ниту и Ча-Ча. — Она оглянулась на шимпов. — Наверно, Нита еще очень испугана и не может говорить.

— А ты тоже испугалась? — спросила Атаклена.

Эприл серьезно кивнула.

— Да. Но мне нельзя бояться. Я ведь единственный здесь человек, я старшая и должна обо всем думать. Может, теперь ты станешь старшей? Ты настоящая тиммбимми.

К девочке вернулась застенчивость. Она спряталась на груди у Джонни, так что виден был только один глаз, и улыбнулась Атаклене.

Атаклена удивленно смотрела на нее. До сих пор она не понимала по-настоящему людей — на

что они способны. Несмотря на то, что ее народ союзник землян, она усвоила некоторые галактические предубеждения: в волчатах есть что-то дикое, неприрученное. Многие галакты вообще сомневаются, могут ли люди быть патронами. Несомненно, губру выразили это в своем военном манифесте.

Но этот ребенок полностью опровергает такое мнение. По закону и обычаю маленькая Эприл действительно старшая над клиентами, какой бы молодой ни была она сама. И совершенно очевидно, что она осознает свою ответственность.

И все же Атаклена понимает, почему и Роберт, и Бенджамин не хотели приводить ее сюда. Она подавила свой праведный гнев. После того, как она подтвердит свое подозрение, она сумеет передать сообщение отцу.

Гир-реакция постепенно сменилась тупой болью в мышцах и нервных окончаниях, и Атаклена снова почувствовала себя тимбрими.

— Другие люди успели забраться на деревья? — спросила она.

Джонни сделал несколько быстрых знаков руками. Эприл перевела, явно не понимая всех этих слов.

— Он говорит, что несколько попытались. Но

они оказались недостаточно быстрыми... Большинство просто бегало, совершая «человеческие поступки». Так риллы называют все действия людей, которые не понимают, — негромко пояснила она.

Наконец заговорила мать-шимпанзе Нита.

— Г...газ... — она глотнула. — Газ сделал людей слабыми. — Голос ее звучал еле слышно. — Кое-кто из нас, шимпов, тоже воспринял это... Но, мне кажется, риллы ничего не чувствовали.

Вот как. Возможно, первоначальная догадка Атаклены верна. Она считала, что газ не вызывает немедленную смерть. Институт Цивилизованных Войн не одобряет массового убийства гражданского населения. Замысел губру должен быть гораздо изощреннее.

Справа послышался треск. На ветку третьего от Атаклены дерева прыгнул шимп Бенджамин. Он обратился к Атаклене.

— Сейчас все в порядке, мисс. Я нашел доктора Таку и доктора Шульца. Они хотят поговорить с вами.

Атаклена подозвала его.

— Сначала иди сюда, Бенджамин.

С типичным выражением понго Бенджамин испустил долгий вздох.

Перепрыгивая с ветки на ветку, он приблизился и увидел трех обезьян и девочку. Челюсть его отвисла, и он чуть не сорвался вниз. На лице его ясно отразилась растерянность. Он повернулся к Атаклене, облизал губы и прочистил горло.

— Не волнуйся, — сказала она ему. — Я знаю, что за последние двадцать минут среди всеобщей сумятицы ты пытался обмануть меня. Но это бесполезно. Я знаю, что тут происходит.

Рот Бенджамина оставался закрытым. Он пожал плечами.

— И что же?

У четверых на ветке Атаклена спросила:

— Признаете мое старшинство?

— Да, — ответила Эприл. Нита перевела взгляд с девочки на Атаклену и тоже кивнула.

— Хорошо. Оставайтесь на месте, пока за вами не придут. Понятно?

— Да, мэм, — снова кивнула Нита. Джонни и Ча-Ча продолжали просто смотреть на нее.

Атаклена встала, уловила равновесие на ветке и повернулась к Бенджамину.

— Пошли к этим вашим специалистам по возвышению. Если газ не лишил их дара речи, я бы хотела узнать, почему они решили нарушить галактический закон.

Бенджамин вызывающе посмотрел на нее, потом кивнул.

— И еще, — добавила она, вставая на ветку рядом с ним. — Верни назад группы шимпов и горилл, которые ты отправил, чтобы я их не увидела. Нам может понадобиться помощь.

Глава 17
ФИБЕН

Фибен умудрился смастерить костыль из ствола дерева, сломанного капсулой при падении. Подложил прокладки из своего костюма, и поэтому костыль лишь частично выбивал его плечо из сустава на каждом шагу.

«Хм, — думал он. — Если бы люди не выпрямили нам спины и не укоротили руки, я бы двинулся назад к цивилизации на четвереньках».

Оглушенный, избитый, голодный... и все же в хорошем настроении, Фибен пробирался через препятствия по пути на север. «Дьявол, я жив. Не имею права жаловаться».

Он провел немало времени в Мулунских горах, работая в Восстановительном проекте, и знал, что находится на водоразделе недалеко от известных земель. Растительность вся знакома, в основном

— местная, но есть и виды, импортированные и введенные в экосистему, чтобы заполнить бреши после катастрофы бурурали.

Фибен был настроен оптимистично. Выжить в такой схватке, даже упасть в знакомой местности... Ифни явно рассчитывает на него в будущем. Она приберегает его для чего-то особого. Наверно, для судьбы гораздо мучительней и болезненней, чем простая смерть от голода в дикой местности.

Напрягая слух, Фибен посмотрел вверх. Неужели ему померещился этот звук?

Нет! Голоса! Он побежал по звериной тропе, прыгая на самодельном костыле, пока не оказался на поляне, откуда открывался вид на каньон.

Шло время, а он все смотрел. Дождевой лес чертовски густой.

Вот! На другой стороне каньона он увидел шестерых шимпов с рюкзаками за плечами. Они быстро пробирались к еще дымящимся обломкам «Проконсула».

Сейчас они молчали. Ему повезло, что они заговорили, как раз проходя под ним.

— Эй! Тупицы! Сюда! — Он кричал, подпрыгивая на правой ноге и размахивая руками. Поисковая группа остановилась. Шимпы оглядывались, эхо отражалось от стенок дефиле. Фибен оскалил

зубы. Он не сдержал раздраженного ворчания. Они смотрели куда угодно, но только не на него!

Наконец он схватил костыль, повертел его над головой и швырнул в каньон.

Один из шимпов вскрикнул и схватил другого. Они смотрели, как деревяшка исчезает в листве. «Правильно, — подталкивал их Фибен. — А теперь думайте. Проведите дугу назад».

Двое шимпов посмотрели в его сторону и увидели, как он машет руками.

Они возбужденно зашумели, забегали кругами.

Мгновенно забыв о недавней регрессии, Фибен про себя бормотал:

— Повезло: меня спасет толпа идиотов. Давайте, парни. Не нужно по всякому поводу исполнять танец грома.

Но когда они подошли к его поляне, он улыбался. И когда его обнимали и хлопали по спине, забылся настолько, что сам испустил несколько воплей.

Глава 18

УТАКАЛТИНГ

Его маленький катер последним покидал взлетное поле Порт-Хелении. На экранах уже показались боевые крейсеры, опускающиеся в нижних слоях атмосферы.

В порту горстка сухопутных и морских пехотинцев готовилась к последнему безнадежному сопротивлению. По всем каналам они передавали обращение:

— Мы отказываем захватчикам в праве посадки. Мы требуем у галактической цивилизации защиты от агрессии. Мы не разрешаем губру высаживаться на планете, отданной нам в лицензию.

— Небольшая вооруженная группа сопротивления ждет захватчиков в космопорту столицы. Наш вызов...

Утакалтинг вел катер небрежными прикосновениями запястья и пальцев к контроллеру. Маленький корабль быстрее звука летел на юг вдоль берега Силмарского моря. Справа от воды ярко отражалось солнце.

— ...если они посмеют противостоять нам лицом к лицу, не укрываясь в боевых кораблях...

Утакалтинг кивнул.

— Скажите им, земляне, — негромко произнес он на англике. Командир группы просил его совета, как сформулировать ритуальный вызов. Утакалтинг надеялся, что его помощь окажется полезной.

Продолжалось перечисление личного состава и вооружения, которое ждет снижающуюся армаду в космопорту, так чтобы у врага не было оправданий для использования превосходящей силы. В таких условиях у губру не останется выбора: им придется нападать наземными войсками. И они понесут потери.

«Если они еще соблюдают Кодекс, — напомнил себе Утакалтинг. — Враг, возможно, больше не заботится о соблюдении правил войны. Трудно представить себе такую ситуацию. Но на звездных линиях ходят слухи...» В рубке ряд экранов. На одном виден крейсер, появившийся в камерах Порт-Хелении. На других быстроходные истребители разрывают небо над самым портом.

Сзади послышался негромкий вой. Два иннина на ходулеобразных ногах выражали друг другу соболезнование. Эти существа по крайней мере могут использовать предназначенные для тимбрими сиденья. Но их рослому хозяину приходится стоять.

Каулт не просто стоял, он расхаживал по узкой рубке, раздув гребень, который снова и снова задевал за низкий потолок. Теннанинец был не в духе.

— Почему, Утакалтинг? — не в первый раз спрашивал он. — Почему тебя не было так долго? Мы последними уходим отсюда.

Дыхательные щели Каулта раздувались.

— Ты сказал мне, что мы улетим еще прошлой ночью. Я быстро собрался и ждал, но ты не пришел! Я ждал. Упустил возможность нанять другой транспорт, а ты только слал сообщение за сообщением, призывая к терпению. А когда на рассвете ты пришел, мы улетели так беспечно, словно отправляемся на каникулы к Арке Прародителей!

Утакалтинг позволил коллеге ворчать. Он уже формально извинился и заплатил дипломатический налог в качестве компенсации. Большего не требуется.

К тому же все развивается именно так, как он планировал.

На контрольном щите вспыхнул желтый огонек, послышалось гудение.

— Что это? — Каулт нервно приблизился. — Они засекли наш двигатель?

— Нет.

Каулт облегченно вздохнул.

Утакалтинг продолжил.

— Это не двигатели. Огонек сообщает, что нас просканировали лучом вероятности.

— Что? — чуть не закричал Каулт. — Разве этот корабль не защищен? Мы даже не пользуемся гравитикой! Какую вероятностную аномалию могли они засечь?

Утакалтинг пожал плечами, словно с детства привык к этому человеческому жесту.

— Может быть, невероятность внутренняя, — предположил он. — Что-то в нас самих, в нашей собственной судьбе, светится вдоль мировых линий. А они это засекли.

Правым глазом он заметил, как вздрогнул Каулт. Теннанинцы испытывают почти сверхъестественный страх перед всем, имеющим отношение к науке/искусству формирования реальности. Утакалтинг сформировал щупальцами лут-тру — извинение перед врагом и напомнил себе, что его народ и народ Каулта официально находятся в состоянии войны. В его праве дразнить врага-друга; именно поэтому этически приемлемо и то, что он вывел из строя собственный корабль Каулта.

— Я бы не стал об этом беспокоиться, — сказал

он. — Мы их намного опередили.

Прежде чем теннанинец смог ответить, Утакалтинг наклонился и быстро заговорил на гал-семь, приказывая одному из экранов увеличить изображение.

— Твиллку-чллиу! — выругался он. — Только посмотри, что они делают!

Каулт повернулся и посмотрел. На голоэкране виден был повисший над городом гигантский крейсер, он заливал здания и парки коричневым газом.

Хотя звук был уменьшен, в голосе диктора слышалась паника: он описывал темнеющее небо, как будто кто-то в Порт-Хелении мог этого не заметить.

— Это нехорошо. — Гребень Каулта снова задел потолок. — Губру проявляют больше жестокости, чем требует ситуация.

Утакалтинг кивнул. И тут же вспыхнул еще один желтый огонек.

— А сейчас что? — спросил Каулт.

Глаза Утакалтинга максимально расширились.

— Это значит, что нас преследуют, — ответил он. — Возможно, придется сражаться. Можешь управлять оружейной консолью класса пятьде-

сят семь, Каулт?

— Нет, но мне кажется, один из моих инниннов...

Его прервал крик Утакалтинга:

— Держись! — Катер перевернулся. Земля пронеслась мимо. — Я начал маневр уклонения, — объяснил Утакалтинг.

— Хорошо, — сказал Каулт через носовые отверстия.

«О, будь благословен крепкий череп теннанинцев», — подумал Утакалтинг. Он строго контролировал свою мимику, хотя и знал, что его коллега обладает чувствительностью камня и не сможет уловить его радость.

Преследующие корабли начали стрелять, и корона Утакалтинга запела.

Глава 19
АТАКЛЕНА

Зеленые островки леса сливались с газонами и окрашенными в цвет листвы зданиями Центра; поселок очень трудно заметить с воздуха. Хотя западный ветер унес все видимые остатки аэрозоля, все до высоты в пять метров покрывал толстый слой жесткого порошка, издававшего

острый неприятный запах.

Под ударами волн паники корона Атаклены обвисла. Настроение в поселке изменилось. Преобладала покорность... и гнев. Атаклена вслед за Бенджамином прошла к первой поляне и увидела несколько групп неошимпанзе, они суетились между зданиями. Двое несли на носилках что-то закутанное в ткань.

— Может, вам все же не стоит спускаться, мисс, — прохрипел Бенджамин.

— Газ явно должен был поразить людей, но и мы, шимпы, его почувствовали. А вы для нас очень важны...

— Я тимбрими, — холодно ответила Атаклена. — Я не могу отсиживаться в безопасности, когда клиентам и патронам другой расы нужна помощь.

Бенджамин покорно поклонился. По веткам, похожим на ступеньки, он повел ее вниз, и наконец она с облегчением ступила на землю. Здесь острый запах чувствовался сильнее. Атаклена пыталась не обращать на него внимания, но пульс ее нервно участился.

Они миновали помещения, в которых жили и учились гориллы. Обнесенные решеткой лужайки, игровые площадки, площадки для

тестирования. Здесь явно велась напряженная работа, хотя и в сравнительно небольшом масштабе.

Неужели Бенджамин вообразил, что может обмануть ее, просто отослав предразумных в джунгли?

Она надеялась, что никто из них не пострадал от газа или во время последующей паники. Из краткого курса истории Земли Атаклена помнила, что гориллы — существа хоть и сильные, но крайне чувствительные, с тонкой психикой.

Шимпы в шортах, сандалиях, с неизменными поясами для инструментов суетились с серьезным видом, выполняя различные поручения. Они поглядывали на Атаклену, но не заговаривали с ней. Она вообще почти не слышала слов. Легко ступая по темному порошку, они пришли в центр поселка. Здесь наконец она встретила людей. Они лежали на кушетках у входа в главное здание. Мел и фем. У мужчины совершенно лысая голова, видно, что он пережил пластическую операцию — глаза его сужены. Он почти без сознания.

Второй человек — высокая темноволосая женщина. Кожа у нее очень черная, такого глубокого черного цвета Атаклена никогда раньше не встречала. Вероятно, она из тех редких «чисто-

кровных» людей, которые сохраняют признаки своих древних рас. По контрасту кожа стоявших рядом с ней шимпов под редкой шерстью казалась бледно-розовой.

Когда Атаклена подошла, черная женщина с помощью двух старших шимпов приподнялась на локте. Бенджамин вышел вперед и представил.

— Доктор Така, доктор Шульц, доктор М'Бзвелли, шимп Фредерик, все из клана земных волчат. Представляю вам уважаемую Атаклену, тимбрими аб-Калтмур аб-Брма аб-Краллнит ул-Титлал.

Атаклена взглянула на Бенджамина, пораженная тем, что он смог произнести ее полное почетное имя по памяти.

— Доктор Шульц. — Атаклена кивнула стоящему слева шимпанзе. Женщине она поклонилась ниже. — Доктор Така. — И последний поклон относился одновременно к человеку и шимпу. — Доктор М'Бзвелли и шимп Фредерик. Прошу принять выражение сочувствий по поводу жестокого нападения на ваш поселок и на вашу планету.

Шимпы низко поклонились. Женщина тоже попыталась, но не смогла из-за слабости.

— Спасибо за сочувствие, — с трудом ответила она. — Я уверена, мы, земляне, справимся...

Признаюсь, я немного удивлена, увидев, как словно ниоткуда появляется дочь посла тимбрими...

«Еще бы, — подумала Атаклена на англике, наслаждаясь человеческим сарказмом. — Мое присутствие — такая же угроза вашим планам, как губру и их газ!»

— Мой друг ранен, — вслух сказала она. — Трое ваших неошимпанзе пошли за ним. Вы что-нибудь о нем слышали?

Женщина кивнула.

— Да-да. Мы получили сообщение поисковой партии. Роберт Онигл в сознании, состояние его удовлетворительное. Другая группа, которую мы отправили на поиски потерпевшего крушение корабля, скоро присоединится к ним. У этой группы имеется все необходимое медицинское оборудование.

Атаклена почувствовала, как ее тревога проходит.

— Хорошо. Очень хорошо. Тогда займемся другими делами.

Корона ее блеснула, создавая куоувассуе — глиф предчувствия. Конечно, она понимала, что собеседники лишь смутно почувствуют его, если вообще почувствуют.

— Прежде всего, как представитель расы, ко-

торая была вашим союзником с того момента, как вы, земляне, с таким шумом возникли в сообществе пяти галактик, я предлагаю вам помощь. Что могу сделать как патрон, я сделаю. В ответ я попрошу только помочь мне вернуться к отцу.

— Договорились, — доктор Така кивнула. — И примите нашу благодарность.

Атаклена шагнула вперед.

— Во-вторых, я должна выразить беспокойство по поводу функций Центра. Я вижу, вы заняты несанкционированным возвышением... невозделанного вида!

Четверо руководителей Центра переглянулись. Атаклена уже достаточно хорошо разбиралась в мимике землян: у этих четверых выражение досадливой покорности.

— Больше того, — продолжала она, — вы совершаете это преступление на планете Гарт, трагической жертве экологической катастрофы...

— Минутку! — возразил шимп Фредерик. — Как вы можете сравнивать нашу работу с катастрофой бурур...

— Фред, тише! — настойчиво вмешался второй шимп, доктор Шульц.

Фредерик замигал. Поняв, что уже слишком поздно делать вид, что он ничего не говорил,

шимп сказал:

— Нам, землянам, дают только те планеты, которые другие ити привели в негодность...

Второй человек, доктор М'Бзвелли, закашлялся. Фредерик замолчал и отвернулся.

Мужчина посмотрел на Атаклену.

— Вы загнали нас в угол, мисс. — Он вздохнул. — Позвольте нам объясниться, прежде чем выдвинете обвинения. Понимаете... мы не представители правительства. Мы... частные преступники.

Атаклена испытала странное облегчение. Старые земные двухмерные фильмы времен до Контакта, особенно триллеры «копы и бандиты», популярны у тимбрими. В них часто сюжет сосредоточен вокруг попыток «заставить замолчать свидетеля». И она подумала, насколько атавистичны эти люди.

Атаклена перевела дыхание и кивнула.

— Очень хорошо. На время чрезвычайного положения оставим этот вопрос. Пожалуйста, ознакомьте меня с ситуацией. Чего враг пытается достичь с помощью этого газа?

— Газ ослабляет людей, которые вдохнули его, — ответила доктор Така. — Час назад была передача. Захватчики объявили, что поражен-

ные люди должны в течение недели получить противоядие. Иначе они умрут. И, разумеется, противоядие будет выдаваться только в городах.

— Газ принуждения! — прошептала Атаклена. — Они хотят всех людей на планете превратить в своих пешек.

— Совершенно верно. Мы должны сдаться, или через шесть дней умрем.

Корона Атаклены излучала гнев. Газ принуждения — негуманное оружие, хотя допускается в некоторых ограниченных типах войн.

— А что станет с вашими клиентами? — Расе неошимпанзе исполнилось всего несколько сотен лет, их нельзя было оставлять без присмотра.

Доктор Така поморщилась. Очевидно, она тоже обеспокоена.

— На большинство шимпов газ, по-видимому, не подействовал. Но у них очень мало прирожденных руководителей, как Бенджамин или доктор Шульц.

Карие обезьяньи глаза доктора Шульца устремились на женщину.

— Не волнуйтесь, Сьюзен. Как вы говорите, мы, земляне, справимся. — Он повернулся к Атаклене. — Мы постепенно эвакуируем людей. Начнем сегодня вечером с детей и стариков. Тем време-

нем разрушим поселок и уничтожим все следы нашей деятельности.

Видя, что Атаклена собирается возразить, пожилой неошимпанзе поднял руку.

— Да, мисс. Мы дадим вам камеры и помощников, чтобы вначале вы могли собрать доказательства. Договорились? Мы и не думаем мешать вам исполнять долг.

Атаклена слышала горечь в словах шимпа. Горечь генетика. Но она ему не сочувствовала. Только представить себе, что почувствует отец, когда узнает об этом! Утакалтинг любит землян. Эта безответственность очень огорчит его.

— Нет смысла оправдывать агрессии губру, — добавила доктор Така. — Если хотите, передадим вопрос о гориллах Высшему Совету тимбрими. Наши союзники решат, что делать: выдвинуть формальные обвинения или предоставить наказать нас нашему правительству.

Атаклена видела логичность такого решения. Немного подумав, она кивнула.

— Договорились. Принесите камеры, я буду снимать разрушение.

Глава 20
ГАЛАКТЫ

Адмиралу флота, сюзерену Луча и Когтя, спор казался глупым. Но, конечно, так повелось у штатских. Священники и чиновники всегда спорят.

Действуют только военные!

Но все же адмирал признавал, что это большое событие — первое политическое решение, принятое втроем. Так, по традиции губру достигают Истины — путем стрессов и разногласий, убеждения и танца, пока не будет достигнут новый консенсус.

А тем временем...

Сюзерен Луча и Когтя отбросил эту мысль. Слишком рано думать о Слиянии. Будет еще много споров, много интриг и маневров, много борьбы за высший насест, пока не настанет день Слияния.

А что касается первого спора, адмирал был доволен: он оказался в положении арбитра между двумя спорящими.

Хорошее начало.

* * *

Земляне в маленьком космопорте прислали хорошо сформулированный формальный вызов. Сюзерен Праведности настаивал на том, что солдаты Когтя должны теперь атаковать защитников. Сюзерен Стоимости и Бережливости не соглашался. Они уже кружат друг возле друга на командном мостике флагмана, выкрикивая доводы.

Сократить расходы!

Сократить настолько, чтобы не пришлось,

Не пришлось оголять другие фронты!

Сюзерен Стоимости и Бережливости тем самым напоминал, что их экспедиция — лишь одна из многих, для которых требуются силы клана гуксу-губру. В сущности, это незначительное периферийное сражение.

Положение в галактической спирали напряженное. В такие времена долг сюзерена Стоимости и Бережливости — ограждать клан от чрезмерных расходов. В ответ сюзерен Праведности негодующе растопырил оперение воротника.

Что значат расходы,
Что они означают,
Что символизируют,
Если мы падем,
Потерпим поражение,
Унизимся,
Лишимся праведности
В глазах наших предков?
Мы должны поступать правильно!
Зуууун!

Со своего командного поста сюзерен Луча и Когтя наблюдал за спором, ожидая, где проявится рисунок господства. Поразительно видеть и слышать превосходный танец-спор тех, кто избран быть партнерами адмирала. Все трое представляют великолепный образец инженерии «горячего яйца», предназначенной для высиживания лучших представителей расы.

Скоро стало очевидно, что его партнеры зашли в тупик. И теперь решать предстоит сюзерену Луча и Когтя.

Разумеется, для экспедиционных сил гораздо дешевле просто не обращать внимание на дерзких волчат там, внизу, пока газ принуждения

не заставит их сдаться. Или простым приказом превратить их оплот в дымящиеся развалины.

Но сюзерен Праведности против обоих решений. Священник утверждает, что такие действия приведут к катастрофе.

А чиновник проявляет такую же неуступчивость из-за бесцельной, ради красивого жеста, гибели солдат.

Оказавшись в тупике, двое командующих смотрели на сюзерена Луча и Когтя, продолжая кружить и вскрикивать, раздувая пушистое оперение.

Наконец адмирал расправил собственный плюмаж и сошел с насеста, чтобы присоединиться к ним.

Ввязаться в наземную схватку — стоит дорого,
Означает дополнительные затраты,
Но это почетно,
Это достойно восхищения.

Определяет третий фактор,
Он помогает принять решение.
Солдатам Когтя
Необходима тренировка.

Бездумная агрессия против войск волчат.

Наземные силы атакуют их,

Клюв к клюву,

Коготь к когтю.

Вопрос решен. Насест-полковник солдат Когтя отдал честь и отправился выполнять приказ.

Конечно, после такого решения насест Праведности станет чуть выше.

Насест Бережливости понизится. Но спор за господство только начинается.

Так было у их отдаленных предков, еще до того, как гуксу превратили примитивных губру в космическую расу. Их патроны мудро использовали древние привычки и образцы, превратили в логичную и полезную форму руководства народом разумных.

Но сохраняются и древние функции. Сюзерен Луча и Когтя дрожал, чувствуя, как спадает напряжение спора. Все трое пока еще бесполы, но адмирал на мгновение ощутил пробуждение глубоко запрятанной сексуальности.

Глава 21
ФИБЕН И РОБЕРТ

Две группы спасателей встретились на тропе за милю до поселка.

Встреча была невеселой. Трое вышедших утром с Бенджамином так устали, что смогли только кивнуть подавленным шимпам, возвращающимся с места крушения.

Но спасенные при виде друг друга оживились.

— Роберт! Роберт Онигл! Тебя выпустили из школы? А мама знает, где ты?

Раненый шимп опирался на самодельный костыль и был одет в лохмотья корабельного костюма. Роберт посмотрел на него с носилок и улыбнулся сквозь туман анестезии.

— Фибен! Так это ты задымил все небо? Тебе подходит. Что ты там делал? Поджаривал разведчик стоимостью в десять мегакредитов?

Фибен закатил глаза.

— Скорее пять мегов. Старая лохань, хотя меня она выручила.

Роберт почувствовал странную зависть.

— Вот как? Значит, мы разбиты наголову?

— Как сказать. Один на один мы сражались хорошо. Все бы обошлось, если бы нас хватало.

Роберт понимал, о чем говорит его друг.

— Ты хочешь сказать, что нет пределов, которых мы не достигли бы...

— С неограниченным количеством обезьян? — прервал его Фибен. Фырканье его меньше напоминало смех, чем ироническую улыбку.

Остальные шимпы в ужасе мигали. Такой уровень болтовни им недоступен, но они испугались, услышав, как этот шимп разговаривает с человеком, к тому же сыном планетарного координатора!

— Хотел бы я оказаться там с тобой, — серьезно сказал Роберт.

Фибен пожал плечами.

— Да, Роберт. Знаю. Но каждому свое. — Долгое время они молчали.

Фибен достаточно хорошо знал Меган Онигл, чтобы посочувствовать Роберту.

— Что ж, — вымолвил наконец Фибен, — теперь нам предстоит отсиживаться в горах, продавливать кровати и приставать к сестрам. — Он вздохнул и посмотрел на юг. — Если сможем выдержать разряженный воздух. — Он взглянул на Роберта. — Эти шимпы рассказали мне о напа-

дении на Центр. Страшновато.

— Кленни помогает им справиться, — ответил Роберт. Он начал отвлекаться. Его явно начинили дельфиньей дозой успокоительного. — Она много знает... гораздо больше, чем понимает сама.

Фибен слышал о дочери посла тимбрими.

— Конечно, — негромко ответил он; шимпы снова подняли его носилки. — Ити помогает справиться. А не отправит ли твоя подружка всех в тюрьму, хоть у нас и вторжение?

Но Роберт был уже далеко. И у Фибена создалось странное впечатление.

Как будто облик Роберта перестал быть человеческим. Его сонная улыбка казалась какой-то... неземной.

Глава 22
АТАКЛЕНА

Много шимпов вернулось в Центр; они выходили из леса, куда их отправили прятаться. Фредерик и Бенджамин распределяли между ними работу.

Нужно было разбирать и сжигать здания и их содержимое. Атаклена со своими двумя помощниками переходила с места на место, тщательно

записывая все перед сожжением.

Работа была трудная. Никогда в своей жизни, жизни дочери дипломата, Атаклена так не уставала. Но она не смела оставить хоть ничтожные доказательства незафиксированными. Это вопрос долга.

Примерно за час до сумерек в лагерь вернулась группа горилл, огромных размеров, темных, сгорбленных и гораздо больше похожих на животных, чем сопровождающие их шимпы. Под тщательным присмотром гориллы выполняли простые задания, помогая уничтожать единственный известный им дом.

Смущенные существа смотрели, как их тренировочный и испытательный центр вместе с домами клиентов превращается в уголья. Некоторые даже пытались помешать уничтожению, они вставали перед маленькими, вымазанными сажей шимпами, энергично жестикулировали, пытались сказать, что это плохо.

Атаклена понимала, что для них этот поступок совершенно непонятен и нелогичен. Но дела существ класса патронов часто кажутся нелепыми.

В конце концов рослые предклиенты остались стоять среди дымящихся развалин, у ног их лежали небольшие груды личных вещей: игрушки,

сувениры, простейшие инструменты. Гориллы молча смотрели на разрушение, не зная, что делать.

К вечеру Атаклена была совершенно истощена волнами эмоций, проносящихся по поселку. Она сидела на пне, в наветренном направлении от горящих зданий, и слушала низкие тихие стоны больших обезьян. Помощники с камерами и мешками образцов сидели рядом, глядя на разрушение, в их глазах отражалось пламя.

Атаклена убрала свою корону; теперь она могла кеннировать только глиф Единства — свечение, в которое вносят свой вклад все живые существа лесной долины. И даже это изображение колебалось, мерцало. Она видела его метафорически — слезливое, свисающее, как траурный разноцветный флаг. Она скрепя сердце признавала, что это благородно. Эти ученые нарушали договор, но их нельзя обвинить в том, что они делают нечто неестественное.

По всем меркам гориллы готовы к возвышению не меньше, чем были готовы шимпанзе за сто земных лет до Контакта. Когда Контакт привел их во владения галактической культуры, люди вынуждены были идти на компромиссы.

Официально договор о владении, который

передавал им права на их родную планету, предусматривал сохранение невозделанных видов Земли; обладающие Потенциалом существа нельзя использовать впопыхах.

Все знали, что, вопреки легендарной склонности человека к геноциду Земля представляет собой великолепный образец генетического разнообразия, редкого количества типов и форм, не затронутых галактической цивилизацией.

А когда предразумная раса готова к возвышению, она к нему готова!

Нет, договор явно был навязан землянам, когда они были еще слабы. Им разрешили претендовать на неошимпанзе и неодельфинов — но эти виды еще до Контакта далеко прошли по дороге к разуму. Однако старшие кланы не собирались позволять людям заводить себе новых клиентов! Ведь это дало бы волчатам статус старших патронов! Атаклена вздохнула.

Конечно, это нечестно. Но сейчас уже неважно. Галактическое сообщество держится на выполнении договоров. Договор — это торжественная клятва, данная всей расой. И нарушение договора не может остаться незамеченным.

Атаклене хотелось, чтобы здесь был ее отец. Утакалтинг знал бы, как поступить с тем, что

она видела: с незаконным центром, созданным с самыми благими намерениями, и с жестокими, но законными действиями губру.

Но Утакалтинг далеко, слишком далеко даже для сети эмпатии. Она может только сказать, что его личный ритм слабо вибрирует на уровне нахакиери. И хоть приятно закрыть глаза и внутренние уши и кеннировать его, слабое напоминание об отце мало что говорит ей. Сущность нахакиери может сохраняться, даже когда личность покидает жизнь, как у ее давно покойной матери Матиклуанны. Эти подобия песен земных китов на грани сознания того, кто живет мечом и огнем.

— Прошу прощения, мэм. — Хриплый голос, не громче шепота, грубо разрушил слабый подглиф, рассеял его. Атаклена покачала головой. Раскрыла глаза и увидела неошимпанзе с перепачканной сажей шерстью и обвисшими от усталости плечами.

— Мэм? С вами все в порядке?

— Да. Все хорошо. А в чем дело? — Англик царапал гортань, надорванную дымом и усталостью.

— Директора хотят вас видеть, мэм.

Болтун. Атаклена слезла с пня. Ее помощники с театральными стонами собрали ленты и образцы

и пошли за ней.

В доке стояло несколько грузовых тележек. Шимпы и гориллы доставляли во флаеры носилки; потом флаеры на негромко гудящих гравитационных двигателях поднимались в ночь и исчезали в направлении Порт-Хелении.

— Я считала, что дети и старики уже эвакуированы. Почему вы так торопливо отправляете людей?

Посыльный пожал плечами. Стрессы прошедшего дня отразились на многих шимпах, лишив их налета цивилизованности. Атаклена была уверена, что только присутствие горилл и необходимость показывать им пример спасает шимпов от массовых приступов стресс-атавизма. Удивительно, до чего хорошо держится такая молодая раса клиентов. Связные выходили из больницы и заходили в нее, но они редко обращались к директорам-людям. Ученый-неошимп доктор Шульц, казалось, самостоятельно решал все вопросы. А шимпа Фредерика рядом с ним заменил спутник Атаклены Бенджамин.

Поблизости лежала небольшая кучка документов и кубов с генеалогией и генетическими данными обо всех живших в поселке гориллах.

— Уважаемая тимбрими Атаклена. — Шульц го-

ворил без тени обычного для шимпов ворчания. Он поклонился, потом пожал ей руку по обычаю людей — раскрытой ладонью с отведенным большим пальцем. — Прошу простить наше скромное гостеприимство, — говорил он. — Мы собирались приготовить торжественный ужин на главной кухне... устроить что-то вроде праздника. Но, боюсь, придется обойтись консервированными продуктами.

Подошла маленькая шимми с подносом, уставленным небольшими контейнерами.

— Доктор Элейн Су, наш специалист по питанию, — представил Шульц. — Она говорит, что вам эти продукты могут понравиться.

Атаклена смотрела на баночки. Кутра! Здесь, в пятистах парсеках от дома, увидеть печенье, которое готовят в ее родном городе! Не в силах удержаться, она рассмеялась вслух.

— Мы загрузили такие продукты и разные припасы в ваш флиттер. Рекомендуем вам улетать как можно быстрее. Очень скоро заработает сеть спутников губру, и тогда перелеты станут невозможны.

— Ну, лететь в сторону Порт-Хелении неопасно, — возразила Атаклена. — Губру ожидают, что туда будут слетаться люди в поисках противоядия.

— Она указала на сцену лихорадочной деятельности. — К чему эта паника, которую я ощущаю? Почему вы так срочно эвакуируете людей? Кто?..

Шульц, казалось, не решается прервать ее; тем не менее он откашлялся и многозначительно покачал головой. Бенджамин умоляюще взглянул на Атаклену.

— Пожалуйста, сэр, — еле слышно попросил Шульц. — Пожалуйста, говорите тише. Большинство наших шимпов еще не догадываются... — Он замолчал.

Атаклена почувствовала холодок вдоль шлема волос. Впервые она пристально посмотрела на директоров-людей — Таку и М'Бзвелли. Они все время молчали и только кивали, словно одобряя все сказанное.

Черная женщина Така улыбнулась ей, не мигая. Корона Атаклены расправилась и тут же свернулась в отвращении.

Атаклена повернулась к Шульцу.

— Вы ее убиваете!

Шульц неуверенно кивнул.

— Пожалуйста, сэр. Тише! Вы, конечно, правы. Я дал им лекарства, чтобы они хорошо выглядели, пока немногие шимпы-администраторы закончат все и уведут остальных без паники.

Они сами на этом настояли. Доктор Така и доктор М'Бзвелли почувствовали, что быстро поддаются действию газа, — печально добавил он.

— Вы не должны их слушаться! Это убийство!

Бенджамин выглядел ошеломленным. Шульц кивнул.

— Это нелегко. Шимп Фредерик не смог перенести и сам ушел в мир иной. Я тоже, вероятно, скоро умру, хотя моя смерть не так неизбежна, как смерть моих коллег-людей.

— Что это значит?

— Это значит, что губру плохие химики. — Пожилой неошимп горько рассмеялся, закончив смех кашлем. — Их газ убивает людей. И гораздо быстрее, чем они объявили. Но он действует и на шимпов.

Атаклена перевела дыхание.

— Понимаю. — Хотела бы она не понимать этого.

— Мы считаем, что вы должны знать еще кое-что, — сказал Шульц. — Новое сообщение захватчиков. К сожалению, оно на галактическом-три: губру отвергают англик, а наша переводческая программа несовершенна. Но мы знаем, что сообщение касается вашего отца.

Атаклена как будто отодвинулась, как будто

повисла высоко над всеми.

В таком состоянии ее оцепеневшие чувства отмечали незначительные подробности. Она кеннировала простую экосистему леса: маленькие лесные животные бегают по своим делам, морщат носы от острого запаха пыли, избегают местности вблизи Центра, потому что там еще горят огни.

— Да, — она кивнула — заимствованный жест, который снова показался ей чуждым. — Расскажите.

Шульц прочистил горло.

— Как будто видели, как космический корабль вашего отца покинул планету. Его преследовали военные корабли. Губру утверждают, что он не достиг пункта перехода. Конечно, нельзя доверять всему, что они говорят...

Атаклена чуть покачнулась, бедра ее слегка вывернулись из суставов. Начало скорби — как дрожь губ девушки-человека, предчувствующей потерю.

«Нет, я не буду сейчас думать об этом. Позже. Позже я решу, что должна чувствовать».

— Конечно, вы можете рассчитывать на любую нашу помощь, — негромко продолжал шимп Шульц. — На вашем флиттере есть не только

пища, но и оружие. Если хотите, можете лететь туда, куда эвакуирован ваш друг Роберт Онигл.

— Однако, мы надеемся, что вы некоторое время побудете с нами, по крайней мере до тех пор, пока гориллы не будут в безопасности в горах под присмотром уцелевших специалистов-людей.

Шульц выжидающе смотрел на нее печальными карими глазами.

— Я знаю, мы много просим, уважаемая тимбрими Атаклена, но не присмотрите ли вы за нашими детьми, когда они отправятся в изгнание?

Глава 23
ИЗГНАНИЕ

Машина с негромко гудящими гравитационными двигателями парила над темными острыми камнями. Укороченные полуднем тени снова начали расти по мере того, как Гимельхай проходил зенит. Флиттер сел между камнями.

Двигатели его смолкли.

В условном месте пассажиров флиттера ждал вестник. Когда Атаклена вышла из машины, курьер-шимп протянул ей записку; Бенджамин торопливо маскировал маленький флиттер

от радаров. В письме Хуан Мендоза, фермер из горной местности за проходом Дерны, сообщал о благополучном прибытии Роберта Онигла и Эприл Ву. В сообщении говорилось, что Роберт быстро выздоравливает. И примерно через неделю будет совсем здоров. Атаклена почувствовала облегчение. Ей очень хотелось увидеть Роберта — и не только потому, что ей нужен совет, как управляться с разношерстной толпой беженцев: горилл и неошимпанзе.

Некоторые шимпы из Хаулеттс-Центра, те, на кого подействовал газ, вместе с людьми ушли в город, надеясь, что им выдадут обещанное противоядие... и что оно поможет. И в распоряжении Атаклены оставалась кучка техников-шимпов, на которых она могла полагаться.

Может, подойдут еще шимпы, говорила себе Атаклена, может, даже люди, представители правительства, которые избежали пленения у губру. Она надеялась, что появится кто-нибудь, облеченный властью, — и появится скоро.

Другое послание из фермы Мендозы написал шимп, переживший космическую схватку. Вояка предлагал помощь в установлении связи с силами сопротивления.

Атаклена не знала, что на это ответить. В позд-

ние часы вечером, когда огромные корабли опускались в Порт-Хелению и города архипелага, вся планета обменивалась лихорадочными теле— и радиосообщениями. Поступали сведения о том, что в порту идет бой, и даже, кажется, рукопашный. Потом наступило молчание, и армада губру высадилась без всяких помех.

Казалось, сопротивление, которое так тщательно готовил Совет планеты, прекратилось за полдня. Все связи были прерваны, управление нарушилось: никто не предполагал, что будет применен газ принуждения. Что можно сделать, если почти все люди на планете сразу вышли из строя?

Шимпы тут и там пытались организоваться, главным образом по телефону.

Но дальше туманных планов дело не шло.

Атаклена отложила листочки и поблагодарила посыльного. За последнее время она несколько изменилась: то, что вчера еще было смятением и печалью, сегодня превратилось в упрямую решимость.

«Я выдержу. Утакалтинг ждал бы от меня этого, и я не обману его ожиданий. Где бы я ни была, врагу не поздоровится».

Она, конечно, сохранит также свидетельства,

которые собрала. И когда-нибудь появится возможность представить их властям тимбрими. Таким образом ее народ покажет людям, как должна вести себя раса патронов. А люди в таком уроке очень нуждаются. Пока еще не поздно.

Если уже не поздно.

На склоне холма к ней присоединился Бенджамин.

— Там! — Он указал на долину внизу. — Они там, как раз вовремя!

Атаклена заслонила глаза. Корона ее устремилась вперед и коснулась эмоциональной сети.

«Да. А теперь я их и вижу».

Внизу в лесу двигалась длинная колонна: небольшие, коричневого цвета фигуры сопровождают многочисленную цепочку других, большего роста и потемнее. У каждого рослого существа за спиной большой рюкзак. Некоторые во время ходьбы опираются на костяшки пальцев одной руки. Среди взрослых бегают дети горилл, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие.

Сопровождающие шимпы вооружены лучевыми ружьями и держатся настороже.

Но следят не за колонной, а за небом и местностью.

Тяжелое оборудование кружными маршрутами уже переместили в известняковые пещеры в горах. Но исход нельзя считать благополучным, пока там, в этой подземной крепости, не окажутся все беглецы.

Атаклена подумала, что происходит сейчас в Порт-Хелении и в городах архипелага. В сообщениях захватчиков еще дважды упоминалась попытка бегства курьерского корабля тимбрими, затем о ней не вспоминали.

Ей придется самой устанавливать, находится ли ее отец на Гарте. И жив ли он.

Атаклена коснулась небольшого медальона, который всегда висел у нее на шее. Это наследство ее матери — единственная нить короны Матиклуанны.

Печальное утешение, но даже такого у нее нет от Утакалтинга.

«Отец! Как ты мог оставить меня без единой путеводной нити?..» Колонна темных фигур быстро приближалась. Из долины доносилось негромкое рычание, полумузыка. Ничего подобного Атаклена раньше не слышала. Эти существа всегда обладали силой, а возвышение отчасти избавило их от хрупкости и уязвимости. И хотя их будущее по-прежнему неясно, это могучие создания.

Атаклена не собиралась бездействовать, просто заботиться о толпе предразумных и волосатых клиентов. Еще одна черта роднит тимбрими и людей: не сидеть сложа руки, бороться с трудностями. Письмо раненого астронавта-шимпа заставило ее задуматься.

Она повернулась к помощнику.

— Я не очень свободно владею земными языками, Бенджамин. Мне нужно слово. Такое, которое описывает необычные военные силы. Я имею в виду армию, которая передвигается по ночам и в тени. Которая наносит удары стремительно и беззвучно, пользуясь неожиданностью нападения, чтобы компенсировать свою малочисленность и слабую вооруженность. Я читала, что в доконтактной истории Земли такие армии встречались часто. Эти армии, когда им было удобно, действовали привычными методами, а когда нужно, нарушали их. Это будет к'чу-нон краан — армия волчат, подобной которой никогда не существовало. Ты понимаешь, о чем я говорю, Бенджамин? Есть ли название для того, что я имею в виду?

— Вы хотите?.. — Бенджамин быстро взглянул на колонну частично возвышенных обезьян, идущих по лесу, напевая свою странную походную песню.

Он покачал головой, очевидно пытаясь сдержаться, но лицо его покраснело, и наконец он разразился смехом. Бенджамин с хохотом упал на землю, перевернулся на спину. Катался в пыли Гарта, задирал ноги в небо и хохотал.

Атаклена вздохнула. Вначале на Тимбриме, потом среди людей и наконец здесь, среди самых молодых клиентов, — всюду ей попадаются смешливые.

Она терпеливо смотрела на шимпанзе, ждала, пока маленький глупец успокоится, восстановит дыхание и наконец объяснит ей, что же смешного он нашел в ее словах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПАТРИОТЫ

Эвелин, модифицированная со-
бака,
Смотрела на дрожащий край
Особой салфетки,
Наброшенной на пианино, с
некоторым удивлением —
В потемневшей комнате,
Где стулья разбросаны в беспо-
рядке,
А ужасные занавеси
Приглушают дождь,
Она не могла поверить своим
глазам —
Странный ветерок, дыхание с
запахом чеснока,
Больше похожее на сопение,
Где-то вблизи «Стейнвея»
(или даже изнутри него),
Заставляло край салфетки ко-

лебаться,
Дрожать в полутьме —
Эвелин, собака, претерпевшая
Дальнейшие модификации,
Размышляла о значении
Личного поведения
Панхроматического резонанса нажатой педали
И о других окружающих событиях...
«Ав!» — сказала она.

Фрэнк Заппа

Глава 24
ФИБЕН

С крыши низкого темного бункера высокие худые журавлеобразные фигуры наблюдали за дорогой. Их силуэты, четко видные на фоне полуденного солнца, постоянно перемещались; они нервно переступали с одной костлявой ноги на другую, как будто малейшего звука достаточно, чтобы вспугнуть их и заставить улететь.

Серьезные создания, эти птички. И демониче-

ски ужасные.

«Не птицы», — напомнил себе Фибен, приближаясь к условленному месту.

По крайней мере не в земном смысле.

Но аналогия подойдет. Тела их покрыты тонким пухом. На худых вытянутых лицах торчат острые ярко-желтые клювы.

И хотя традиционные крылья превратились теперь в тонкие оперенные руки, эти существа могут летать. Черные блестящие антигравитационные ранцы за спиной у каждого с избытком компенсируют то, что утратили их предки.

Солдаты Когтя. Фибен вытер руки о шорты, но ладони оставались влажными. Он пнул голой ногой камень и похлопал по боку свою клячу. Спокойное животное начало щипать пучки голубой местной травы у дороги.

— Пошли, Тихо, — сказал Фибен, натягивая поводья. — Нельзя задерживаться, иначе они что-нибудь заподозрят. И ты знаешь: от этой травы тебя пучит.

Лошадь тряхнула массивной серой головой и громко выпустила газы.

— Я же тебе говорил. — Фибен помахал рукой перед носом.

За лошадью плыл грузовой фургон. Измятые

полузаржавевшие бункеры забиты грубыми джутовыми мешками с зерном. Очевидно, антигравитационный статор еще работает, но двигатель вышел из строя.

— Пошли. Пора убираться отсюда. — Фибен снова потянул поводья.

Тихо храбро кивнул, словно рабочая лошадь действительно поняла.

Постромки натянулись, и фургон, покачиваясь, поплыл дальше. Они приближались к контрольно-пропускному пункту.

Но вскоре впереди послышался воющий звук — предупреждение о движении на дороге. Фибен торопливо отвел лошадь и фургон в сторону. Мимо с высоким воем и с порывом воздуха пронеслось бронированное судно на воздушной подушке. Весь день такие суда по одному и по двое пролетают на восток.

Фибен тщательно проверил, свободна ли дорога, потом снова вывел на нее Тихо. Он нервно сутулился. Тихо фыркнул, уловив незнакомый запах захватчиков.

— Стой!

Фибен невольно подпрыгнул. Усиленный громкоговорителем голос звучал механически, невыразительно, жестко.

— Двигайся, двигайся в сторону... для осмотра!

Сердце Фибена забилось сильнее. Он был рад, что по роли ему полагается быть испуганным. Это совсем не трудно.

— Быстрее! Поторопись и назови себя!

Фибен подвел Тихо к инспекционной стойке в десяти метрах вправо от дороги. Он привязал лошадь к столбу и заторопился туда, где ждали два солдата Когтя.

Ноздри Фибена расширились от пыльного лавандового запаха чужаков. «Интересно, каковы они на вкус», — свирепо подумал Фибен. Для его пра-в-десятой-степени-деда не имело бы никакого значения, что это разумные существа. Птицы — всегда птицы, по мнению его предков. Фибен низко поклонился, сложив перед собой руки, и впервые так близко увидел захватчиков. Вблизи они не впечатляли. Правда, острые желтые клювы и подобные лезвиям когти выглядели грозно. Но эти существа с тонкими ногами едва ли выше самого Фибена, а кости у них тонкие и полые.

Неважно. Это космические путешественники, старшие патроны. Их культура и технология, созданные на основе Библиотеки, стали высокоразвитыми задолго до того, как люди выпрямились в саваннах Африки, с боязливым любопытством

встречая рассвет. К тому времени, как громоздкие корабли людей столкнулись с галактической цивилизацией, губру и их клиенты завоевали себе место среди самых влиятельных межзвездных кланов. Яростный консерватизм и поверхностное следование Библиотеке далеко увели их от того состояния, в котором их застали на родной планете губру и вывели к разуму их собственные патроны.

Фибен вспомнил непобедимые огромные военные крейсеры, темные и неуязвимые под своими меняющими окраску защитными полями, за которыми светился край галактики.

Тихо заржал и отшатнулся, когда один из солдат Когтя с лазерным ружьем в руках прошел мимо к неуклюжему фургону. Чужак забрался в плавающий в воздухе фургон, чтобы осмотреть его. Второй что-то щебетал в микрофон. Серебряный медальон, погруженный в мягкий пух на шее существа, произнес на англике:

— Назовись... назовись и укажи цель поездки!

Фибен съежился и задрожал, изображая страх. Он был уверен, что солдаты Когтя мало что знают о неошимпах. За несколько столетий после Контакта не так уж много информации прошло через мощный бюрократический заслон Библиотеки и

попало в отраслевые ветви. А галакты, конечно, во всем полагаются на Библиотеку.

Но все же правдоподобие очень важно. Предки Фибена знали только один ответ на угрозу, когда сопротивление невозможно. Подчинение. И Фибен умел изобразить его. Он скорчился и застонал.

Губру в явном раздражении засвистел. Очевидно, с таким поведением ему уже доводилось встречаться. Он снова защебетал, на этот раз медленнее.

— Не бойся, тебе ничего не грозит, — медальон-переводчик зазвучал немного тише. — Ты в безопасности... в безопасности... Мы губру... Галактические патроны высшего класса... Ты в безопасности... Молодые полуразумные в безопасности, если слушаются нас... Ты в безопасности...

Полуразумные... Фибен потер нос, чтобы скрыть возмущенную гримасу. Конечно, так и должны считать губру. И, по правде говоря, вряд ли другая раса клиентов после четырехсот лет возвышения может быть названа подлинно разумной.

Тем не менее Фибен отметил еще один пункт, за который нужно отомстить.

Он понимал отдельные слова захватчика еще до того, как медальон переводил их. Но краткий

курс галактического-три в школе дает не очень много, да к тому же у губру свой диалект.

— Ты в безопасности, — успокаивал переводчик. — Люди не заслуживают таких хороших клиентов... Ты в безопасности...

Фибен попятился и поднял голову. «Не переигрывай», — одернул он себя.

И поклонился птицеподобному существу — поклоном двуногого клиента патрону старшей расы. Чужак не заметит небольшую вольность: Фибен вытянул средний палец, выразительно приправил жест.

— А теперь, — с облегчением произнес переводчик, — назовись и объясни свою цель.

— Э-э-э... я Ф... Фибен... хм... с...сэр. — Руки его мелькали в воздухе. Конечно, это театр, но губру, возможно, знают, что у неошимпанзе в состоянии стресса используется для речи тот участок мозга, который первоначально отвечал за координацию движений.

Похоже, солдат Когтя действительно был раздражен. Оперение его распушилось, он подпрыгнул, начиная танец.

— Цель... цель... назови цель своего приближения к городу!

Фибен снова быстро поклонился.

— Э-э-э... машины больше не работают... людей нет... никто на ферме не говорит, что нам делать...

Вернулся второй губру и коротко поговорил с первым. Фибен достаточно знал гал-три, чтобы уловить суть.

Фургон действительно с фермы. Не нужно быть гением, чтобы понять: достаточно разморозить роторы, и они снова заработают. Только идиот потащит исправную антигравитационную машину на лошади, не в состоянии самостоятельно произвести простой ремонт.

Первый стражник прижал когтистой, с плоскими пальцами рукой медальон-переводчик, но Фибен понимал, что его мнение о шимпах, и так невысокое, падает на глазах. Захватчики даже не позаботились снабдить неошимпов идентификационными карточками.

Столетия земляне — люди, дельфины и шимпы — знали, что галактика — опасное место. И лучше, чтобы тебя считали глупее, чем ты есть на самом деле. Уже перед вторжением среди шимпов Гарта было распространено сообщение, что необходимо вернуться к прежним манерам в духе «Да, масса! Слушаюсь, масса!».

«Да, — напомнил себе Фибен, — но никто и не

подумал, что людей может вообще не остаться!» Думая о людях: мелах, фемах и детях, — Фибен ощущал комок в желудке. Они сейчас жмутся за колючей проволокой в концентрационном лагере.

О, да! Захватчики заплатят за это.

Солдаты Когтя сверились с картой. Первый губру выпустил свой переводчик и снова защебетал, обращаясь к Фибену.

— Можешь идти, — рявкнул переводчик. — Иди к восточному гаражному комплексу... Можешь идти... Восточный гараж... Ты знаешь, где восточный гараж?

Фибен торопливо кивнул.

— Да, сэр.

— Хорошее... хорошее существо... отвези зерно на склад, потом иди в гараж... в гараж... хорошее существо... Ты понял?

— Да!

Фибен отступал, пятясь и кланяясь, потом неуклюже заторопился, усиленно шаркая ногами, к столбу, к которому был привязан Тихо. Отведя глаза, он снова вывел лошадь на дорогу. Солдаты лениво смотрели, как он проходит, обмениваясь презрительными замечаниями. Они были уверены, что он их не понимает.

«Проклятые глупые птицы», — подумал он. Прикрепленная к поясу миниатюрная камера запечатлела пункт, солдат, антигравитационный танк, пролетевший мимо через несколько минут. Экипаж танка загорал на плоской верхней палубе.

Губру смотрели на него с палубы. Фибен помахал им.

«Бьюсь об заклад, в оранжевом желе вы очень вкусны», — подумал он, глядя на пернатые существа.

Фибен натянул поводья.

— Пошли, Тихо, — сказал он. — К ночи нужно добраться до Порт-Хелении.

* * *

В долине Синда фермы еще работали.

По традиции, когда космической расе передавали по лицензии планету, она как можно больше территории оставляла в первозданном виде. И на Гарте большая часть поселений землян располагалась на архипелаге мелкого Западного моря. Только эти острова были полностью преобразованы и заселены земными животными и растениями.

Но Гарт — особый случай. Бурурали оста-

вили его в ужасном состоянии, и нужно было быстро предпринять что-то, чтобы восстановить неустойчивую экосистему планеты. Для предотвращения новой катастрофы нужно было вводить новые виды. А это означало работу и на континентах.

В Мулунских горах один узкий водораздел преобразовали полностью.

Земным организмам, которые отлично себя здесь чувствовали, позволено было под тщательным присмотром распространиться по холмам, медленно заполняя экологические бреши, образовавшиеся во время катастрофы бурурали. Очень тонкий эксперимент в практической планетарной экологии, но его стоило проводить. Земляне на Гарте и на других мирах, испытавших катастрофы, постепенно приобретали репутацию экологических волшебников. Даже самые злобные критики человечества вынуждены были одобрить такую работу.

Но сейчас все это нарушилось. Фибен миновал три экологические станции. Бездейственно, в беспорядке стояли заборщики образцов и роботы-следопыты.

Все это признаки тяжелого кризиса. Захватить людей в заложники — одно дело. Современные

правила ведения войны такую тактику почти признают. Но то, что губру вмешиваются в восстановление Гарта, свидетельствует о дурных настроениях в галактике.

Восстанию это не предвещает ничего хорошего. А что если губру решили вообще не соблюдать военный кодекс? Если готовы уничтожить планету?

«Это проблема генерала, — решил Фибен. — Я всего лишь шпион. А она специалист по ити».

Но фермы все же работают. Фибен миновал поле, засеянное зигопшеницей, и другое — с морковью. Робоуборщики ходили кругами, пололи и поливали.

Кое-где виднелись удрученные шимпы, они управляли паукоподобными контроллерами, следили за механизмами.

Иногда они махали ему. Чаще — нет.

В одном месте Фибен заметил двух вооруженных губру. Они стояли на изрытом поле рядом со своим флиттером. Подойдя ближе, Фибен увидел, что они ругают фермера-шимми. Подпрыгивая и поворачиваясь, птицеобразные указывали на опавшие всходы. Работница кивала с несчастным видом, вытирая руки о поблекшие саржевые брюки. Она искоса взглянула на проезжавшего

мимо Фибена, но губру продолжали ругать ее и не обратили на него внимания.

Очевидно, губру беспокоились о состоянии урожая. Фибен надеялся, что урожай нужен им для заложников. Но, может, им самим не хватает припасов. Проехав довольно большое расстояние, он свернул в маленькую рощу фруктовых деревьев. Лошадь отдыхала, щипала земную траву, а Фибен присел за деревом и облегчился.

Он заметил, что сад уже давно не опрыскивался от вредителей. Лишенные жала осы по-прежнему вились над цветами апельсинов, хотя вторичное цветение кончилось уже недели две назад и для опыления насекомые не нужны.

Воздух напоен ароматом почти созревших фруктов. Осы ползали по кожуре, пытаясь пробиться к сладости под ней.

Неожиданно, не раздумывая, Фибен протянул руку и схватил несколько насекомых. Очень легко. Он поколебался, потом сунул насекомых в рот.

Сочные и хрустящие, похожи на термитов. «Я только помогаю бороться с вредителями», — подумал он, и его коричневые руки снова устремились за осами. Вкус хрустящих крылышек напомнил ему, как давно он не ел.

— Если я собираюсь работать в городе ночью, мне нужно поесть, — вслух подумал он. И оглянулся. Лошадь мирно паслась поблизости. Больше никого не видно.

Фибен снял пояс с инструментами и отступил на шаг. Потом, все еще оберегая левую ногу, прыгнул на ствол и взлетел на усыпанные плодами ветки. «Ах», — подумал он, срывая почти созревшие красноватые шары. Он ел их как яблоки, целиком, с кожурой. Вкус острый и вяжущий, в отличие от пресной человеческой пищи. Многие шимпы уверяют, что она им нравится.

Фибен сорвал еще два апельсина и на закуску сунул в рот несколько листьев. Потом вытянулся на спине и закрыл глаза.

Вверху, когда компанию ему составляют только жужжащие осы, Фибен почти может убедить себя, что он равнодушен к судьбе этого мира. Он выкинул из головы войны и другие глупые занятия разумных существ. Фибен надул толстые выразительные губы. Почесался под мышкой.

— Ук, ук!

Он фыркнул, почти засмеялся молча и представил себе, что находится в Африке, которую не видели даже его прапрадеды. Он на лесистых холмах, которых не коснулись еще его гладкокожие

большеносые двоюродные братья.

Какой была бы вселенная без людей? Без ити? Без всех, кроме шимпов?

«Рано или поздно мы изобрели бы космические корабли, и вселенная принадлежала бы нам».

Облака катились над головой, а Фибен лежал на ветке на спине, закрыв глаза, и наслаждался своими фантазиями. Осы тщетно жужжали, возмущенные его присутствием. Он простил их дерзость, поймал еще нескольких и закусил.

Но, как ни старайся, иллюзию одиночества не поддержишь. Послышался новый звук, гулкий шум сверху. И как Фибен ни пытался, он не смог сделать вид, что не слышит, как по небу пролетают непрошенные воздушные корабли чужаков.

* * *

Сверкающая ограда высотой в три метра окружала холмистую территорию, на которой расположена Порт-Хеления. Внушительный заслон, быстро установленный специально роботами сразу после вторжения. В ограде несколько ворот, городские шимпы выходят и входят в них как будто без помех и расспросов. Но внезапно возникшая стена не может не пугать их.

Возможно, это ее главная цель.

Фибен подумал, как бы проделали этот трюк губру, если бы столица была настоящим городом, а не небольшим поселком на далекой провинциальной планете.

А где держат людей?

Уже стемнело, когда он миновал широкую полосу пней, по колено высотой, оставшихся от вырубленных деревьев перед оградой чужаков. Здесь планировали разбить парк, но теперь на земле, перед темной наблюдательной башней и воротами, оставались лишь расколотые стволы.

Фибен приготовился к новому допросу, как на первом пропускном пункте, но, к его удивлению, никто его не окликнул. Фонари на двух столбах освещали землю у ворот. Дальше он увидел тьму, угловатые здания, тускло освещенные пустынные улицы.

Тишина казалась зловещей. Фибен сгорбился и негромко сказал:

— Идем, Тихо. Спокойно.

Лошадь фыркнула и медленно протащила фургон мимо серо-стального бункера.

Проходя, Фибен бросил быстрый взгляд внутрь сооружения. Там стояли два стражника, каждый на одной тонкой узловатой ноге, острые птичьи клювы были спрятаны в мягкий пух, растущий

подмышками. На стойке рядом со стандартным галактическим коммутатором лежали два сабельных ружья.

Оба солдата Когтя казались крепко спящими!

Фибен фыркнул, его плоский нос снова сморщился, уловив сладковатый запах чужаков. Не впервые подмечает он приметы слабости в этих, по всеобщему мнению, неуязвимых фанатиках-губру. До сих пор все у них идет легко — слишком легко. Почти все люди собраны и нейтрализованы, и захватчики, по-видимому, считают, что угроза для них может прийти только из космоса. Несомненно, именно поэтому все защитные установки нацелены вверх. Почти ничего не сделано, чтобы предотвратить нападение с земли.

Фибен погладил свой нож в ножнах на поясе. Его одолевало искушение пробраться внутрь, проползти под сторожевыми лучами и преподать губру наглядный урок.

Порыв прошел, и Фибен покачал головой. «Позже, — подумал он. — Когда это причинит им больше вреда».

Похлопывая Тихо по шее, он провел лошадь через освещенное место перед воротами и углубился в индустриальный район города. Склады и фабрики тихи и темны.

По каким-то делам пробегают шимпы под присмотром изредка пролетающего патрульного скиммера губру.

Стараясь оставаться незамеченным, Фибен скользнул в переулок и отыскал здание склада без окон, недалеко от единственной в колонии литейной. Он шепотом уговаривал Тихо, и тот подтащил фургон к задней двери, скрывавшейся в тени. Толстый слой пыли показывал, что к висячему замку уже давно никто не прикасался. Фибен внимательно осмотрел его.

— Гм.

Достав из-за пояса тряпку, Фибен обернул ею дужку замка. Потом взял ее крепко в обе руки, закрыл глаза, сосчитал до трех и дернул.

Замок оказался прочен, но, как Фибен и подозревал, кольцо в двери проржавело. С приглушенным треском оно разорвалось. Фибен быстро откатил дверь в сторону. Тихо покорно прошел в темное помещение, втащив за собой фургон. Фибен огляделся, запоминая расположение громоздких прессов и металлообрабатывающих станков, прежде чем снова закрыть дверь.

— Тут тебе будет хорошо, — негромко сказал он, распрягая лошадь.

Вытащил из фургона мешок с овсом и высыпал

зерно на пол. Потом из ближайшего крана наполнил водой лохань.

— Я вернусь, если смогу, — добавил он. — А если нет, наслаждайся пару дней овсом, а потом начинай ржать. Я уверен, кто-нибудь услышит.

Тихо махнул хвостом и поднял голову от зерна. Он сердито взглянул на Фибена и испустил еще один пахучий комментарий.

— Хм. — Фибен кивнул, отгоняя вонь. — Ты, вероятно, прав, старый друг. Но вот что я тебе скажу: твои потомки тоже будут беспокоиться, если кто-нибудь когда-нибудь преподнесет им сомнительный дар — разум.

Он на прощание потрепал лошадь, подошел к двери и выглянул. Изнутри все кажется спокойным. Гораздо спокойней, чем в генетически бедных лесах Гарта. По-прежнему мигает маяк на крыше здания Террагентства: вне всякого сомнения, теперь его используют в своих ночных операциях захватчики.

Где-то слышится негромкое электрическое гудение. Отсюда недалеко до того места, где он должен встретиться со связным. И это самая рискованная часть из его похода в город.

За те два дня, что прошли между первой газовой атакой и окончательным захватом губру всех

средств связи, было высказано немало самых разнообразных предложений. Из Порт-Хелении на Архипелаг, оттуда в отдаленные районы континента делались лихорадочные телефонные звонки, посылались радиосообщения. Все это время человеческое население было очень занято, а немногочисленные правительственные линии связи кодированы. И поэтому брошенные на произвол судьбы шимпы заполняли радиоэфир паническими предположениями и дикими планами, в основном невероятно тупыми.

Фибен считал, что это даже хорошо, потому что, несомненно, враг уже тогда подслушивал. И его мнение о неошимпанзе только укрепилось из-за этой истерии.

Но время от времени раздавались и разумные предложения. «Словесная шелуха иногда прикрывает ценные мысли». Перед смертью антрополог-человек доктор Така узнала сообщение своего бывшего ученика, некоего Гайлета Джонса, жителя Порт-Хелении. Именно к нему генерал решила послать на связь Фибена.

К несчастью, была такая сумятица! Только доктор Така могла сказать, как выглядит этот Джонс, но к тому времени, как догадались спросить, доктор Така умерла.

Фибен не был уверен ни в месте встречи, ни в пароле.

«Может, мы даже день назначили не тот», — ворчал он про себя.

Он выскользнул из склада и закрыл за собой дверь, повесив на место замок. Кольцо выглядело чуть покосившимся. Но если не приглядываться, ничего не заметишь.

Через час взойдет полная луна. Нужно двигаться, если он хочет вовремя добраться до места встречи.

* * *

Ближе к центру Порт-Хелении, но все еще в «плохом» районе, он остановился на небольшой площади и посмотрел на свет, струившийся из подвального окна работающего бара для шимпов. От громкой музыки стекла дрожали в рамах. Фибен, стоя на улице, подошвами ощущал вибрацию. На несколько кварталов это был единственный признак жизни, если не считать тусклых огней за завешенными окнами жилых квартир.

Прямо над головой пролетел жужжащий патрульный робот, и Фибен быстро отступил в тень. Башня машины повернулась, ствол уставился

в Фибена.

Должно быть, машина засекла его своим инфракрасным зрением. Но прошла мимо, решив, что это просто неошимпанзе.

Фибен видел и другие согбенные фигуры на темных улицах. Очевидно, комендантский час скорее психологический, чем военный. Оккупанты не проявляли строгости, так как, по-видимому, не считали это необходимым.

Большинство тех, кто не остался дома, направлялись в подобные места — «Обезьянья гроздь». Это излюбленное заведение простых рабочих и испытуемых-проби, тех, кто по эдикту возвышения ограничен в правах воспроизводства. Фибен заставил себя перестать почесывать подбородок.

Закон требовал, чтобы даже люди проходили генетическое обследование, прежде чем заводить детей. Но для клиентов — неошимпанзе и неодельфинов — законы чрезвычайно строги. В этой сфере либеральное земное общество точно выдерживало галактические стандарты. Приходилось либо подчиняться, либо потерять шимпов и финов. Их передадут каким-нибудь другим старшим патронам. Земля слишком слаба, чтобы позволить себе отвергать наиболее почитаемую галактическую традицию.

Примерно треть шимпов обладает зелеными картами воспроизводства; это позволяет им рожать детей под присмотром Совета возвышения и предусматривает наказания, если они пренебрегут осторожностью. Шимпов, имеющих серые и желтые карточки, гораздо больше и ограничений у них больше. Присоединившись к брачной группе, они имеют право использовать свою сперму или яйца, запасенные в отрочестве, до обязательной стерилизации. Если они добиваются успехов в жизни, то такое разрешение им дается. Но гораздо чаще шимми с желтыми картами получают и вынашивают введенные техниками возвышения эмбрионы более «усовершенствованных» поколений.

Обладателям красных карт даже приближаться к детям шимпов не разрешается.

По стандартам до Контакта такая система может показаться жестокой. Но Фибен прожил в ней всю жизнь. На быстром пути возвышения генетическим фондом клиентов всегда управляют. По крайней мере с шимпами консультируются в ходе этого процесса. Немногие клиенты могут этим похвастать.

Недостаток такого положения в том, что появляется социальное расслоение. Обладателей

синих карт, как Фибен, не очень доброжелательно встречают в таких местах, как «Обезьянья гроздь».

Но именно это место выбрано связным для встречи. Больше никаких сообщений не поступало, и Фибену ничего не остается, как ждать здесь.

Глубоко вздохнув, он перешел улицу и направился к рычащей и гремящей музыке.

* * *

Когда его рука коснулась дверной ручки, слева из тени послышался шепот:

— Хочешь розовую?

Вначале Фибен решил, что ему показалось. Но слова повторились, на этот раз чуть громче.

— Розовую? Ищешь напарницу?

Фибен вгляделся. Свет из окна мешал видеть в ночи, но он разглядел маленькое обезьянье лицо, почти детское. Шимп улыбнулся, сверкнули белые зубы.

— Розовую напарницу?

Фибен выпустил ручку, почти не веря своим ушам.

— Прошу прощения?

Он шагнул вперед. Но в этот момент распахнулась дверь, выпустив на улицу свет и шум. Его

оттолкнуло несколько темных фигур, гогочущих, с пропахшей пивом шерстью. А когда гуляки исчезли и дверь закрылась, темный грязный переулок был уже пуст. Маленькая неясная фигура исчезла.

Фибену захотелось отыскать ее, лишь бы убедиться, что ему предложили именно то, о чем он подумал. И почему предложение, только что сделанное, вдруг было отменено?

Очевидно, многое изменилось в Порт-Хелении. Правда, в подобных злачных местах, как «Обезьянья гроздь», он не бывал с колледжа. Но проститутки на темных улицах даже в этой части города — редкость. На Земле, может быть, или в старых трехмерных фильмах, но здесь, на Гарте?

Он удивленно покачал головой и открыл дверь, собираясь войти.

Ноздри Фибена раздулись от густого запаха пива, понюшек и влажной шерсти. Сразу от входа посетитель начинает нервничать из-за яркого стробоскопического света, который вспыхивает на танцевальной площадке.

Здесь качаются несколько темных фигур, размахивая над головами чем-то вроде побегов. Над группой сидящих музыкантов установлены усилители, которые издают тяжелый, западающий

в душу ритм.

Посетители лежат на тростниковых матрацах и подушках, курят, пьют из бумажных бутылок и обмениваются хриплыми репликами по поводу танцующих.

Фибен пробрался между тесно уставленными столиками к затянутому дымом прилавку и заказал пинту горького. К счастью, колониальные деньги, по-видимому, еще в ходу. Он прислонился к поручню и принялся медленно разглядывать посетителей. Хотелось бы ему, чтобы сообщение связного было определеннее.

Фибен искал кого-то похожего на рыбака, хотя это место находится далеко от залива Аспинал. Конечно, радист, принявший сообщение бывшего студента доктора Таки, мог все перепутать. В этот вечер Хаулеттс-Центр горел, а над головой завывали санитарные флиттеры. Шену показалось, что Гайлет Джонс сказал что-то вроде «таскающий рыбу доходяга».

— Здорово, — сказал Фибен, когда ему передавали это указание. — Вот это по-шпионски! Великолепно. — В глубине души он был уверен, что радист все перепутал.

Не очень благоприятное начало для восстания. И неудивительно. Для всех, кроме нескольких

шимпов, прошедших специальную подготовку, шифры, переодевания и пароли были только приметой старинных триллеров. А те военные, которых целенаправленно готовили, теперь, вероятно, мертвы или интернированы. «Кроме меня. А моей специальностью не была разведка или саботаж. Дьявольщина, да я не обманул бы и старый „Проконсул“!»

Сопротивлению придется всему учиться заново.

Но пиво вкусное, особенно после долгой пыльной дороги. Фибен прихлебывал из бумажной бутылки и старался расслабиться. Он кивал в такт грохочущей музыке и улыбался выходкам танцоров. Разумеется, под ярким стробоскопическим светом прыгали только самцы.

Среди работяг и испытуемых страсть к танцам настолько сильна, что ее можно даже назвать религиозной. Люди, которые отвергали любые формы сексуальной дискриминации, в этом случае не вмешивались. У клиентов есть право создавать собственные традиции, пока они не идут вразрез с выполнением их обязанностей или возвышением.

Так что, по крайней мере, в нынешнем поколении у шимми не было места в танце грома.

Фибен смотрел, как рослый обнаженный самец прыгнул на вершину груды покрытых ковром «скал», размахивая веткой. Танцор — днем, вероятно, механик или фабричный рабочий — махал гремящей веткой над головой, а барабаны грохотали, стробоскоп метал вверху искусственные молнии, окрашивая танцора то в ослепительно-белый, то в черный цвет.

Ветка дребезжала, а танцор прыгал и кричал в такт музыке, бросая вызов небесам.

Фибен часто думал, насколько популярность танца грома объясняется врожденной, унаследованной любовью к грому. Хорошо известен факт, что невозделанные, немодифицированные шимпы в джунглях Земли часто исполняли грубый «танец» во время бури с молниями. Он подозревал, что эта «традиция» неошимпанзе — просто подражание поведению невозделанных, немодифицированных предков. Подобно большинству обучавшихся в колледжах шимпов, Фибен считал себя слишком образованным для такого туповатого и бесхитростного поклонения предкам. И звукам искусственного грома предпочитал Баха или песни китов. Но иногда, один в своей квартире, он доставал запись группы «Гремящие», надевал наушники и старался проверить, какой

гром выдержит его череп, не расколовшись. И сейчас, под ревущими усилителями, он не мог сдержать дрожь, когда по помещению метались «молнии», а барабаны сотрясали посетителей, мебель и арматуру.

Другой обнаженный танцор поднялся на гору, тряся своей веткой и громко бросая вызов. Поднимаясь, он опирался на костяшки пальцев одной руки — манера, вызывающая негодование ортопедов, но которая встретила одобрение веселящейся аудитории. Парень на утро расплатится болью в спине, но что эта боль по сравнению с великолепием танца?

Самец наверху ответил криком. Он искусно и расчетливо подпрыгнул и развернулся, и в этот момент новая стробоскопическая молния выбелила комнату. Картина свирепая и мощная, напоминающая, что всего четыре столетия назад дикие предки танцора точно так же бросали вызов непогоде с вершин лесистых холмов. И им не нужны были люди, не нужны скальпели хирургов, чтобы понять, что ярость неба требует ответа.

Шимпы за столиками засмеялись и зааплодировали, король, улыбаясь, спрыгнул с вершины холма. Он бежал, по дороге сильно толкнув со-

перника.

Это еще одна причина, по которой самки редко участвуют в танце грома.

Взрослый самец-неошимп обладает физической силой своего предка с Земли.

Шимми, желающие участвовать, обычно играют в оркестрах.

Фибену всегда казалось странным, что у людей все по-другому. Самцы людей чаще увлечены звуками, а самки — танцами, а не наоборот. Конечно, люди и во многих других отношениях существа непонятные. Взять, например, их необычные сексуальные взаимоотношения.

Фибен разглядывал клуб. В таких барах самцов всегда больше, чем самок, но сегодня шимми было особенно мало. Они, как правило, сидели в центре группы друзей, причем с краю располагались самые рослые самцы.

Конечно, были и официантки; они, в искусственных шкурах леопарда, расхаживали между столиками, разнося напитки и курево.

Фибен начинал беспокоиться. Как узнает его связной в этом сверкающем полутемном сумасшедшем доме? И вообще, тут нет никого похожего на рыбака.

Вдоль трех стен над танцевальной площад-

кой проходит балкон. Там сидят посетители, наклоняются, колотят по перилам, подбадривают танцующих. Фибен повернулся и попятился, чтобы лучше видеть... и чуть не перевалился через низкий плетеный столик. Он изумленно замигал.

Там, на балконе, за веревочным ограждением, охраняемый четырьмя плавающими боевыми роботами, сидел захватчик в белом оперении, с острым килем, изогнутым клювом... но у этого губру на голове какая-то вязаная шапочка, закрывающая его орган слуха в виде гребня. А на глазах темные очки.

Фибен заставил себя отвести взгляд. Нельзя выглядеть слишком удивленным. Очевидно, посетители за последние недели должны были привыкнуть к виду чужаков. Фибен, правда, заметил отдельные встревоженные взгляды в ту сторону. Возможно, этим объясняется пыл соперников: «Гроздь» даже для рабочего бара кажется необычно буйной.

Небрежно прихлебывая пиво из бутылки, Фибен снова взглянул вверх.

Шапка и очки у губру, несомненно, для защиты от шума и света.

Роботы-охранники выгородили часть терри-

тории для чужака, но оставшееся крыло почти пусто.

Почти. Рядом с остроклювым губру сидели двое шимпов. «Квислинги? — подумал Фибен. — Значит, среди нас уже есть предатели?» Он удивленно покачал головой. Зачем здесь губру? Что интересного нашел здесь захватчик?

Фибен вернулся на свое место за стойкой.

«Очевидно, их интересуют шимпы, и не только как заложники».

Но по какой причине? Почему галакты вообще заинтересовались толпой волосатых клиентов, которых вряд ли считают наделенными разумом?

* * *

Танец грома внезапно достиг крещендо и финального грохота, потом ворчание стало стихать, как бы удаляясь в туманную бурную даль. Эхо в голове Фибена звучало еще несколько секунд.

Улыбаясь, вспотевшие танцоры возвращались к своим столикам, одевались. Смех звучал, возможно, излишне откровенно.

Чувствуя напряжение, царящее в этом зале, Фибен удивлялся, зачем вообще пришли посетители. Бойкот заведения, которому покровительствуют

захватчики, кажется такой простой и очевидной формой ашимы — пассивного сопротивления. Ведь простой шимп с улицы ненавидит врагов всех землян!

Что привлекло сюда эту толпу вечером?

Для отвода глаз Фибен заказал еще пива, хотя уже подумывал о том, чтобы уйти. Губру заставлял его нервничать. Связной не появился, пора уходить отсюда и начинать собственное расследование. Он должен понять, что происходит в Порт-Хелении, и связаться с теми, кто хочет создать организацию.

Группа лежащих посетителей начала топать по полу и кричать. И скоро крик подхватил весь зал.

— Сильвия! Сильвия!

Музыканты вернулись на свою платформу, аудитория зааплодировала, на этот раз в такт гораздо более спокойной музыке. Пара шимми соблазнительно склонилась над саксофонами, в помещении стало темнее.

Прожектор осветил вершину танцевального возвышения, занавес из бус приоткрылся, и появилась новая фигура, остановившаяся в ослепительном свете. Фибен удивленно замигал. Что здесь делает эта шимми?

Верхнюю часть ее лица закрывала клювастая маска с гребнем из белых перьев. Обнаженные соски выкрашены светящейся краской и искорками горят в луче прожектора. Юбка из серебряных нитей раскачивается в такт медленному ритму.

Таз у самок-неошимпанзе шире, чем у их предков, чтобы произвести на свет потомство с большой головой. Тем не менее раскачивание бедрами не стало врожденным эротическим стимулом у шимпов, заводящим самцов, как у людей.

Но Фибен, глядя на призывные движения, чувствовал, как у него сильнее бьется сердце. Вначале он решил, что это молодая девушка, но скоро понял, что танцовщица — зрелая рожавшая самка. Отчего она казалась еще более привлекательной.

Она двигалась покачивающимися шагами, юбка ее слегка развевалась, и Фибен заметил, что ее ткань только снаружи серебристая. С внутренней стороны каждая полоска ярко-розового цвета.

Он покраснел и отвернулся. Танец грома — одно дело, он сам несколько раз принимал в нем участие. Но это совсем другое! Вначале маленький сводник в переулке, а теперь это? Неужели шимпы в Порт-Хелении свихнулись на сексуаль-

ной почве?

Неожиданно ему сильно сжали плечо. Фибен оглянулся и увидел большую поросшую шерстью руку рослого шимпа, таких рослых он почти не помнит. Не ниже невысокого человека и гораздо сильнее. На шимпе был линялый рабочий комбинезон; раздвигая губы, он демонстрировал мощные, почти атавистические клыки.

— В чем дело? Не нравится Сильвия? — спросил гигант.

Хотя танец еще только начинался, аудитория, почти исключительно самцы, восхищенно кричала. Фибен понял, что, очевидно, его неодобрительное отношение отразилось на лице. Он ведет себя как идиот. Настоящий шпион изобразил бы восторг, чтобы не отличаться от остальных зрителей.

— Голова болит. — Он указал на правый висок. — Тяжелый день был. Я, пожалуй, пойду.

Рослый неошимп улыбнулся, его огромная лапа не выпускала плечо Фибена.

— Голова болит? Или для тебя это слишком смело? Может, ты еще и в первом спаривании не участвовал?

Краем глаза Фибен видел дразнящий танец, еще относительно скромный, но с каждым мгно-

вением становящийся все более чувственным. Он ощущал, как растет в зале возбуждение, и понимал, к чему оно может привести.

Существуют важные причины, по которым такие представления объявлены незаконными... это один из немногих запретов, которые люди наложили на своих клиентов.

— Конечно, участвовал! — ответил он. — Просто здесь, на виду у всех... могут начаться беспорядки.

Рослый незнакомец рассмеялся и дружелюбно толкнул Фибена.

— Когда?

— Прошу прощения.... о чем это?

— Когда участвовал в спаривании? Судя по твоей речи, на одной из пирушек в колледже. Верно? Я прав, мистер Синяя Карта?

Фибен быстро взглянул по сторонам. Несмотря на первое впечатление, рослый шимп казался скорее любопытствующим, а не враждебным. Но Фибен хотел бы, чтобы он ушел. Его рост пугает, и к тому же они начинают привлекать внимание.

— Да, — пробормотал он. — Это было посвящение в братство...

Студентки-шимми могли быть хорошими друзьями студентов-самцов, но их никогда не

приглашали на спаривания. Слишком опасно предаваться сексуальным грезам о самках с зеленой картой. И к тому же у них боязнь добрачной беременности без генетической консультации. Слишком дорого могло это обойтись.

Поэтому, когда студенты устраивали пирушку в университете, они приглашали девушек с желтыми и серыми картами, которые для возбуждения шимпов подделывают розовый цвет течки.

Было бы ошибкой подходить к такому поведению с человеческими мерками.

«У нас принципиально другие установки», — напомнил себе Фибен в тот раз и много раз впоследствии. И все же групповое спаривание никогда не приносило ему удовлетворения и радости. Может, когда найдет подходящую брачную группу...

— Моя сестра ходила на такие вечеринки в колледже. Ей нравилось. — Шимп повернулся к бармену и хлопнул по полированной поверхности. — Две пинты! Одна для меня, другая для моего приятели из колледжа! — Фибен поморщился от его громкого голоса. Сидящие поблизости начали оглядываться.

— Скажи мне, — незваный приятель сунул в руки Фибену бутылку, — дети у тебя есть? Может,

зарегистрированные, но ты их не видел? — На этот раз он говорил не по-дружески, а скорее завистливо.

Фибен глотнул теплый горький напиток, покачал головой и негромко ответил:

— Не так это устроено. Открытые права воспроизводства совсем не то, что неограниченные — белая карта. Даже если планировщики и использовали мою плазму, я об этом не знаю.

— А почему нет? Плохо же это для вас, с голубыми картами. Спариваетесь с пробирками, отдаете в Совет возвышения и даже не знаете, использовали ли ваши помои... Дьявол, моя старшая жена два года назад родила запланированного ребенка... ты ведь можешь быть генетическим отцом моего сына! — Рослый шимп рассмеялся и снова сильно ударил Фибена по плечу.

Так продолжаться не может. Все больше голов поворачивалось к ним.

Этот треп о синих картах не прибавит ему здесь друзей. И он совсем не хочет привлекать внимание сидящего поблизости губру.

— Мне в самом деле пора, — сказал Фибен и начал пятиться. — Спасибо за пиво...

Кто-то заступил ему путь.

— Прошу прощения, — извинился Фибен, по-

вернулся и увидел перед собой четверых шимпов в ярких комбинезонах на молниях. Все они стояли со сложенными на груди руками и смотрели на него. Один, чуть выше остальных, толкнул Фибена назад к стойке.

— Конечно, у него есть дети, — сказал он. Этот шимп брил шерсть на лице, а усы у него были набриолиненные и заостренные.

— Только поглядите на его лапы. Бьюсь об заклад, он и дня не работал честно, как другие шимпы. Наверно, техник или ученый. — В его устах последнее слово прозвучало так, словно ученый — это избалованный, капризный ребенок.

Ирония в том, что, хоть ладони Фибена, возможно, и не такие мозолистые, как у других, его тело под одеждой покрыто шрамами и ожогами от вынужденной посадки на склоне холма при скорости в пять махов. Но здесь об этом говорить не стоит.

— Слушайте, приятели, я вас угощу выпивкой...

Высокий в комбинезоне ударил его по руке, и монеты Фибена рассыпались по стойке.

— Хлам. Скоро его ликвидируют, как и вас, обезьян-аристократов.

— Заткнитесь! — крикнул кто-то из толпы, из коричневой массы. Фибен видел Сильвию, покачивающуюся на вершине искусственной горы.

Полоски ее юбки развевались, и Фибен заметил кое-что, заставившее его вглядеться еще раз с изумлением. Она действительно розовая — на мгновение обнажившиеся гениталии свидетельствуют о течке в самом разгаре.

Шимп в комбинезоне снова толкнул Фибена.

— Ну, мистер из колледжа? Что хорошего даст тебе твоя синяя карта, когда губру начнут стерилизовать вас, у кого неограниченные права размножения? А?

Один из вновь подошедших шимпов, с бородкой и покатым лбом, держал одну руку в кармане комбинезона, а в другой какой-то острый предмет. Его взгляд казался внимательным, как у хищника, а говорить он предоставлял своему усатому другу.

Фибен только сейчас понял, что эти подошедшие не имеют ничего общего с рослым шимпом в рабочей одежде. Впрочем, тот уже отодвинулся и растворился в тени.

— Я... я не понимаю, о чем вы говорите.

— Неужели? Они уже прочесали архивы колонии, приятель, и таких умников из колледжей,

как ты, задерживают и допрашивают. Пока только берут образцы, но у меня есть приятель, он говорит, что будет настоящая чистка. Ну, что ты об этом скажешь?

— Заткнитесь! — снова крикнул кто-то. На этот раз обернулись несколько шимпов. Фибен видел остекленевшие глаза, слюну на губах, оскаленные зубы.

Он разрывался на части. Отчаянно хотелось уйти отсюда, но что, если этот, в комбинезоне, говорит правду? Это важная информация.

Фибен решил послушать еще немного.

— Это удивительно, — сказал он, опираясь локтем о стойку. — Губру фанатичны и консервативны. Как бы они ни поступали с другими патронами, я уверен, они не станут вмешиваться в процесс возвышения. Это противоречит их религии.

Усатый только улыбнулся.

— Это в тебе говорит твоя образованность, парень с синей картой? Ну, сейчас важно только то, что говорят сами галакты.

Эти четверо, что окружили Фибена и, казалось, совсем не интересуются соблазнительным вращением Сильвии. Толпа ревела все громче, музыка била сильнее. Фибену казалось, что голо-

ва его раскалывается от шума.

— ...слишком холодный, чтобы радоваться простому шоу для рабочих. Никогда настоящей работы не делал. Но стоит ему пальцами щелкнуть, и наши шимми бегут к нему!

Фибен чувствовал какую-то фальшь. Этот, с усами, слишком спокоен, его насмешки очень уж нарочитые. В таком окружении, со всем этим шумом и сексуальным напряжением, настоящий посетитель на него не обратил бы внимания.

«Испытуемые!» — неожиданно понял Фибен. Ему бросились в глаза признаки генетического вырождения. У двоих в пестрых комбинезонах на лицах ясно виднелись следы неудачного генного манипулирования, у них вечно удивленный вид, они постоянно мигают — напоминание о том, что возвышение — сложный процесс, и у него есть своя цена.

Фибен вспомнил, что читал в журнале перед самым вторжением: среди отклоняющихся (а испытуемые и есть отклоняющиеся от нормы) распространилась мода на пестрые комбинезоны. И понял, что попал в переделку. Когда не стало людей, когда нет нормальной гражданской власти, невозможно предсказать, как поведут себя эти, с красными картами.

Надо выбираться отсюда. Но как? С каждым мгновением шимпы в комбинезонах теснили его все сильнее.

— Послушайте, приятели, я зашел просто взглянуть. Спасибо за ваше мнение. А теперь мне нужно идти.

— У меня есть предложение поинтереснее, — насмехался предводитель. — Почему бы тебе не познакомиться с губру? Он сам тебе расскажет, что происходит. И что они собираются делать с парнями их колледжей. А?

Фибен мигнул. Неужели эти шены действительно сотрудничают с захватчиками?

Он изучал древнюю историю Земли, долгие мрачные столетия до Контакта, когда сиротливое и невежественное человечество испробовало все, от мистицизма до тирании и войн. Он читал и словно воочию видел эти темные времена, мужчин и женщин, которые в одиночку противостояли злу. Фибен вступил в колониальную милицию в романтическом стремлении подражать храбрым бойцам маки, палмача и союза энергетических спутников. Но история рассказывала и о предателях, тех, которые стремились получить выгоду даже за счет товарищей.

— Пошли, парень из колледжа. Я тебя позна-

комлю с птичкой.

Руку ему сжали крепко, до боли. Удивленный взгляд Фибена заставил усатого улыбнуться.

— В мою генетическую болтушку добавили немного лишней силы, — усмехнулся он. — Эта часть изменений получилась, а другие нет. Меня зовут Железная Хватка, и я должен был бы получить синюю карту или даже желтую. А теперь пошли. Попросим лейтенанта Когтя объяснить, какие у губру планы для умных парней-шимпов.

Несмотря на боль в руке, Фибен изображал беспечность.

— Конечно. Почему бы нет? А хочешь пари? — Его верхняя губа поднялась в отвращении. — Если я не забыл курс ксенологии, губру всегда придерживаются дневного цикла. Бьюсь об заклад, что за этими темными очками птичка просто спит. Как ты думаешь, в каком настроении он проснется, чтобы обсудить с тобой тонкости возвышения?

Несмотря на свою браваду, Железная Хватка, очевидно, осознавал недостаток образования. Деланная уверенность Фибена смутила его, и он замигал. Неужели можно спать в таком шуме?

И наконец сердито кивнул.

— А вот сейчас проверим. Пошли.

Остальные подошли еще ближе. Фибен знал, что со всеми шестью ему не справиться. И, конечно, никакой полиции не существует. Сегодня власть у пернатых.

Его повели сквозь лабиринт низких столиков. Посетители возмущенно бранились, когда Железная Хватка расталкивал их, но не отрывали остекленевших глаз от Сильвин. Темп мелодии усилился.

Бросив через плечо взгляд на танцовщицу, Фибен почувствовал, как у него вспыхнуло лицо. Он попятился не глядя и упал на груду шерсти и мышц.

— О! — закричал сидящий посетитель, проливая выпивку.

— Прошу прощения, — быстро сказал Фибен, отодвигаясь. И наступил сандалиями на коричневую руку, вызвав еще один крик. Он повернулся, чтобы извиниться вторично, и впился костяшками пальцев в чье-то тело.

— Садитесь! — крикнул кто-то из глубины клуба.

— Да! Не мешайте! — кто-то еще.

Железная Хватка подозрительно взглянул на Фибена и потащил его за руку. Фибен сопротивлялся, потом сразу перестал, и они вместе упали

на столики. Разлетелась выпивка и курево, посетители с негодующими воплями вскакивали.

— Эй!

— Осторожней, проклятый проби!

Глаза посетителей, воспламененных алкоголем, наркотиками и танцем Сильвии, были безумны.

Бритое лицо Железной Хватки побледнело от гнева. Он крепче схватил Фибена за руку и сделал знак товарищам, но Фибен только заговорщицки улыбнулся и толкнул его локтем. С нарочитой пьяной уверенностью он громко произнес:

— Смотри, что ты наделал? Я ведь говорил тебе, чтобы ты не толкал этих типов нарочно. Тебе захотелось проверить, смогут ли они разговаривать или уже дошли...

Со стороны ближайших шимпов послышалось шипение втягиваемого воздуха, слышное даже сквозь громкую музыку.

— Кто сказал, что я не смогу разговаривать? — спросил один пьяный, едва выговаривая слова. Пьяница сделал несколько неуверенных шагов в поисках обидчика. — Ты?

Противник Фибена угрожающе взглянул на него и дернул к себе, еще сильнее сжав руку. Но Фибен умудрился сохранить сценическую улыб-

ку. Он подмигнул.

— Может, они и могут говорить. Но ты прав: это всего лишь обезьяны, только на четвереньках и ходят...

— Что!

Ближайший шимп взревел и схватился с Железной Хваткой. Мутант искусно уклонился и ударил ребром свободной ладони. Пьяница взвыл, согнулся и столкнулся с Фибеном.

Но тут с криком навалились его опьяневшие приятели. Руку Фибена выпустили, и на всех обрушился разъяренный поток гнева коричневой толпы.

* * *

Рычащая обезьяна в кожаном рабочем костюме набросилась на Фибена. Он увернулся. Кулак пролетел мимо и столкнулся с подбородком одного из бандитов в комбинезоне. Фибен пнул другого проби в колено; какой-то шимп с довольным рычанием ухватился за него, и все смешалось в хаосе летящей мебели, темных тел, пива и выдранной шерсти.

Звуки музыки почти заглушили воинственные крики. На какое-то мгновение Фибен почувствовал, как его поднимают в воздух обезьяньи руки.

Эти руки совсем не были нежными.

— Уф!

Он пролетел над схваткой и с грохотом приземлился в группе зрителей, не участвовавших в потасовке. Посетители удивленно смотрели на него.

Прежде чем они опомнились, Фибен со стоном вскочил. И побежал по проходу, морщась от боли в левой лодыжке.

Драка разгоралась, но двое в ярких комбинезонах, по-собачьи скаля зубы, пробирались к Фибену. И, что еще хуже, посетители, среди которых он приземлился, вскочили на ноги и гневно кричали. К нему тянулись руки.

— Как-нибудь в другой раз, — вежливо сказал Фибен.

Он перескочил через обломки, уходя от преследователей, и побежал между низкими столиками. Когда другого выхода не было, он, не колеблясь, наступил на широкие согнутые плечи и прыгнул, а его трамплин гневно кричал за еще одним сломанным столом.

Фибен перелетел через последний ряд посетителей и упал на колено на открытой площадке — танцевальной. В нескольких метрах от него возвышался искусственный холм грома, на

вершине которого соблазнительная Сильвия вступила в последнюю фазу танца, очевидно, даже не заметив происходящего в зале.

Фибен быстро побежал по площадке, намереваясь миновать стойку и добраться до выхода за ней. Но как только он вступил на площадку, наверху вспыхнул яркий свет, ударил в него, ослепив и ошеломив! Отовсюду неслись одобрительные выкрики.

Очевидно, что-то понравилось толпе. Но что именно? Всматриваясь сквозь свет, Фибен не смог увидеть ничего нового или необычного в поведении танцовщицы — все было, как прежде. И тут он понял, что Сильвия смотрит прямо на него! Он видел, как ее глаза за птичьей маской с интересом следили за ним.

Он повернулся. Все не втянувшиеся еще в драку тоже смотрели на него.

Аудитория приветствовала его. Даже губру на балконе, казалось, наклонил голову в его сторону.

Не было времени разбираться в смысле всего этого. Фибен видел, как еще несколько его преследователей выбрались из свалки. Хорошо заметные в своих ярких комбинезонах, они делали знаки друг другу, намереваясь отрезать его

от выхода.

Фибен подавил приступ паники. Они загнали его. «Должен быть другой выход», — лихорадочно думал он.

И тут же понял, где он. Дверь над танцевальным холмом! Та самая, из которой появилась Сильвия. Стоит быстро подняться, миновать танцовщицу — и он сможет выйти!

Он побежал по танцплощадке и прыгнул на холм, приземлившись на покрытом ковром выступе.

Толпа снова взревела! Фибен застыл, пригнувшись. Ослепительный луч последовал за ним.

Фибен посмотрел на Сильвию. Танцовщица облизала губы и соблазнительно покачала тазом.

Фибен одновременно испытал сильнейшее отвращение и мощное притяжение.

Ему захотелось подняться наверх и схватить ее. Но в то же время, найти какое-нибудь дупло поглубже и спрятаться.

Потасовка внизу еще продолжалась, но с меньшей яростью. Имея в качестве оружия бумажные бутылки и тростниковую мебель, драчуны могли только дружелюбно толкаться, забыв о причине драки.

Но на краю танцевальной площадки стояли

четверо шимпов в ярких комбинезонах, глядя на Фибена и нащупывая в карманах какие-то предметы.

Похоже, по-прежнему остается только один выход. Фибен поднялся на еще один покрытый ковром «уступ скалы». Снова толпа возбужденно закричала. Шум, запахи, смятение... Фибен видел море глаз, в ожидании устремленных на него. Что происходит?

Его внимание привлекло какое-то движение. С балкона через перила кто-то махал ему. Маленький шимп в темном с капюшоном плаще; в этой возбужденной толпе он казался совершенно спокойным.

И вдруг Фибен узнал в нем маленького сводника, того самого, который обратился к нему у входа в «Обезьянью гроздь». Слова невозможно было разобрать в гуле толпы, но Фибен по движениям губ прочел:

— Эй, придурок, посмотри вверх!

Мальчишеское лицо сморщилось. Шимп указал вверх.

Фибен запрокинул голову... как раз вовремя, чтобы увидеть опускающуюся с балок блестящую сеть! Он чисто инстинктивно отпрыгнул, ударился о другой выступ, и край сети задел его за ногу.

Обожгло электричеством.

— Дерьмо бабуина! Что за... — Он громко выругался.

И только потом понял, что шум в ушах отчасти объясняется аплодисментами. Он перевернулся, едва избежав другой ловушки, и тем вызвал одобрительные крики. За то место, где он только что находился, ухватилось с десяток липких петель.

Фибен старался оставаться неподвижным; он растирал ногу и гневно и подозрительно оглядывался. Дважды его чуть не поймали, как какое-то глупое животное. Для толпы, возможно, это отличная забава, но он совсем не собирается преодолевать дистанцию с какими-то нелепыми препятствиями.

Внизу под собой, на танцплощадке, он видел яркие комбинезоны — справа, слева, в центре. Губру на балконе, казалось, заинтересовался, но не вмешивался.

Фибен вздохнул. Его положение не изменилось. По-прежнему единственное возможное направление — вверх. Внимательно приглядываясь, он взобрался на следующий обитый ковром уступ. Ловушки, по-видимому, должны выглядеть унизительными, устрашающими и болезненными, но они не смертельны. Однако не в его случае.

Если он будет пойман, его нежданные враги тут же окажутся рядом.

Он осторожно ступил на следующий «камень». Почувствовал дрожь правой ногой и отдернул ее: впереди открылся потайной люк. Толпа ахнула, видя, как Фибен удерживается на краю ямы. Размахивая руками, Фибен пытался сохранить равновесие. Он едва успел отпрыгнуть и ухватиться за край следующего уступа.

Ноги его повисли над пустотой. Дышал он тяжело. И в отчаянии пожалел, что люди изъяли «ненужное» врожденное умение карабкаться вверх, чтобы оставить место для таких банальностей, как речь и разум.

С усилием Фибен выбрался на край уступа. Аудитория требовала продолжения.

Отдуваясь на краю уступа и пытаясь одновременно смотреть во всех направлениях, Фибен постепенно начал сознавать, что громкоговоритель, перекрывая шум толпы, что-то повторят механическим голосом:

— ...более просвещенный подход к возвышению... соответствующий именно данным клиентам... открывает возможности перед всеми... не затронутый искаженными человеческими стандартами...

Вверху за ограждением захватчик что-то чирикал в свой микрофон.

Перевод его слов перекрывал музыку и шум возбужденной толпы. Фибен сомневался в том, что хоть один из десяти шимпов внизу слышит монолог ити — в таком состоянии. Но, вероятно, это не имеет значения.

Толпой манипулируют.

Неудивительно, что он не слышал раньше ни о танце со стриптизом, ни о нелепой гонке с препятствиями. Это нововведение захватчиков. Но какова их цель?

«Они не могли все это проделать без чьей-то помощи», — гневно подумал Фибен. Конечно, вон двое хорошо одетых шимпов стоят рядом с захватчиком, что-то говорят друг другу и записывают. Очевидно, фиксируют для своих новых хозяев реакцию толпы.

Фибен взглянул на балкон и увидел, что маленький сводник в плаще с капюшоном стоит недалеко от заграждения губру и его роботов-охранников. И потратил целую секунду, чтобы запомнить его мальчишеское лицо. Предатель!

Сильвия теперь была всего в нескольких террасах над ним. Танцовщица показала ему свой розовый зад и улыбнулась, глядя на его вспотев-

шее лицо.

У людей свои сексуальные возбудители: круглые женские груди, бедра, гладкая женская кожа. Но все это невозможно сравнить с тем шоком, который пронзает самца-шимпа, когда он видит цвет интимного места самки.

Фибен яростно покачал головой.

— Наружу! Не внутрь! Тебе нужно выбраться!

Стараясь сохранить равновесие, оберегая больную левую ногу, он боком обогнул край ямы и на четвереньках пополз вверх.

Сильвия наклонилась к нему в двух уровнях выше. До Фибена донесся ее запах, и ноздри его расширились.

Он неожиданно потряс головой. Какой-то другой сильный запах, и совсем рядом.

Мизинцем левой руки он осторожно коснулся террасы, на которую предстояло забраться. И ощутил острую боль. Оторвав палец, оставив клочок шкуры, он отскочил.

И все-таки инстинкт действует. Машинально Фибен лизнул руку. Если отступит, скорее всего упадет в яму.

Этот лабиринт ловушек объясняет одно обстоятельство, над которым он задумался раньше. Неудивительно, что остальные шимпы не пыта-

лись подняться на холм, когда Сильвия показала свои розовые прелести. Они знали, что только придурок или отчаянный храбрец может попробовать подняться. И были довольны, просто наблюдая и фантазируя. Танец Сильвии — только часть представления.

Ну, а если какой-нибудь удачливый ублюдок все-таки поднимется? Толпа получит неповторимое удовольствие, наблюдая за дальнейшим!

Эта мысль вызвала у Фибена отвращение. Совокупления наедине в порядке вещей. Но публичная похоть омерзительна!

Он заметил, что и сам поддается. Кровь текла быстрее. Сильвия немного наклонилась к нему, и ему показалось, что он может ее коснуться. Музыканты ускорили темп, снова замигали стробоскопы, напоминая молнии. Загремел искусственный гром. Фибен ощутил несколько капель, словно начало тропического ливня.

Сильвия танцевала на свету, возбуждая толпу. Фибен облизнул губы. Его тянуло к ней.

И тут, при очередной вспышке, Фибен увидел нечто еще более привлекательное, способное увести его от гипнотического раскачивания Сильвии. Маленькая надпись, зеленая, без украшений, за плечом Сильвии:

ВЫХОД.

* * *

Неожиданно накопившиеся боль, усталость, напряжение словно высвободили что-то в Фибене. Он почувствовал, как его поднимает над шумом и смятением. Фибен вспомнил, что сказала ему Атаклена перед тем, как он отправился в город. Серебряные нити ее короны волновались, словно мысли на ветру.

«Есть одно стихотворение, которое процитировал мне отец, Фибен. Хайку на земном языке, который называется японским. Я хочу, чтобы ты взял его с собой».

«Японский, — возразил он. — На нем еще говорят на Земле и на Калафии, но на Гарте вряд ли найдется сотня шимпов или людей, владеющих им».

Но Атаклена только покачала головой.

«Я тоже его не знаю. Но передам тебе высказывание так, как его сказали мне».

И когда она открыла рот, раздался звук какой-то кристаллической структуры, что-то вроде абсолютного значения, которое запомнилось и тут же рассеялось.

Бывают решающие мгновения
В темную зимнюю бурю,
Когда звезды зовут и ты летишь.

Фибен помотал головой. Момент откровения миновал. Надпись продолжала светиться.

ВЫХОД.

Она сияла, как зеленое убежище.

Все вернулось: шум, запахи, жжение от капель дождя. Но Фибен чувствовал себя так, словно его грудь стала вдвое шире. Руки и ноги стали невесомыми.

Подогнув ноги, он прыгнул и опустился на следующей террасе в дюймах от жгучего клейкого покрытия. Толпа взревела, а Сильвия, захлопав в ладоши, отступила на шаг. Фибен рассмеялся. Он поколотил себя в грудь, как делают гориллы, в такт музыке. Аудитории это понравилось.

Улыбаясь, он прошел по самому краю террасы, определяя липкое место скорее инстинктивно, чем по небольшому отличию в цвете. Широко расставив для равновесия руки, он старался показать, что ему гораздо труднее, чем в действительности.

Терраса кончилась там, где росло дерево — искусственное, из фибергласа, зеленое, с пластико-

выми листьями.

Конечно, тут тоже ловушка. Фибен не стал мешкать, разглядывая ее. Он подпрыгнул, слегка дотронулся до ближайшей ветви и опустился, с трудом сохранив равновесие. Толпа ахнула.

Ветвь отреагировала с чуть заметным опозданием — как раз на столько, сколько нужно, чтобы крепко схватиться за нее. По дереву словно прошла судорога. Ветви превратились в веревки, которые опутали бы его руки, если бы он за них держался.

С криком Фибен снова подпрыгнул и схватился за свисающую веревку. Он, как прыгун с шестом, пролетел над двумя оставшимися террасами — и над удивленной танцовщицей — и оказался в густой, как джунгли, путанице балок и проводов вверху.

В последний момент он выпустил веревку и, скорчившись, приземлился на узком мостике. Несколько мгновений боролся с неустойчивостью. Вокруг него сотни ламп и неиспользованных ловушек. Смеясь, он начал освобождать пружины, защелки, рычаги, и на холм обрушился поток сетей, веревок, проводов. Увидев баки с горячей, похожей на овсянку жидкостью, Фибен пнул их. Музыканты, спасаясь от брызг, разбежались.

Теперь Фибен ясно видел весь маршрут. Совершенно очевидно, что пройти его невозможно. Единственный выход — перелететь через последние препятствия.

Другими словами, нужно мошенничать.

Эта гора не честное испытание. Шен не может преодолеть ее только благодаря смекалке. Сначала нужно понаблюдать, как страдают от боли и унижения другие. Урок который тут преподают губру, коварно прост.

— Ублюдки, — сказал Фибен.

Возбуждение его начало спадать вместе с кратковременным ощущением неуязвимости. Очевидно, Атаклена преподнесла ему прощальный дар, какое-то постгипнотическое внушение, которое должно помочь, если он окажется в безвыходном положении. Но он знал, что дальше на него полагаться не стоит.

«Пора сматываться», — подумал он.

После того, как музыканты убежали от липкой овсянки, музыка смолкла.

Но теперь снова заработали громкоговорители, издавая фразы, которые зазвучали лихорадочно.

— ...неподобающее достойным клиентам поведение... Нельзя одобрять того, кто нарушил правила... Его следует наказать...

Никто не слушал нелепых увещеваний губру, потому что толпа превратилась в стадо обезьян. Фибен подскочил к огромному усилителю и выдернул его вместе с проводами. Тирада чужака оборвалась, а аудитория внизу радостно и одобрительно загудела.

Фибен прыгнул к одному прожектору, повернул его и направил луч в зал.

Шимпы хватали плетеные столики и раздирали их над головами. Луч ударил по чужаку за ограждением, тот все еще в бессильном гневе сжимал микрофон.

Птицеподобное существо закричало и съежилось в ярком свете.

Двое шимпов, находившихся в ложе для важных персон, присели. Роботы развернулись и выстрелили. Фибен успел вспрыгнуть на балку, и тут прожектор взорвался в ливне металла и стекла.

Фибен клубком приземлился на вершине холма и вскочил на ноги. Король на горе. Скрывая хромоту, он помахал толпе. Зал взорвался одобрительными криками.

Но все мгновенно стихли, когда Фибен повернулся и сделал шаг к Сильвии.

Вот награда. Самцы-шимпанзе в естественных

условиях не стеснялись совокупляться у всех на виду, и даже возвышенные неошимпанзе могли участвовать в групповых совокуплениях. Они не знали ни ревности, ни табу, которые делают поведение человеческих самцов таким странным.

Кульминация наступила гораздо быстрее, чем планировали губру, и в таком виде, который им не понравился. Но основной урок оставался все тем же. Аудитория должна была стать свидетелем вознаграждающего совокупления, со всеми психологическими последствиями.

Птичья маска Сильвии — часть этой манипуляции.

Сильвия обнажила зубы и соблазнительно повертела задом. Ее юбка с разрезами развевалась, демонстрируя привлекательный розовый цвет. Даже пестрые комбинезоны смотрели вверх, облизываясь в предвкушении, забыв о своей вражде с Фибеном. Сейчас он герой, герой для каждого внизу.

Фибен испытал жгучий стыд. «Мы не так плохи... и ведь нам всего триста лет. Губру хотят, чтобы мы считали себя животными, и тогда мы будем неопасны. Но я слышал, что даже у людей в старину случались такие регрессы».

Он приближался к Сильвии, и она зарычала

на него. Присела в ожидании, и Фибен ощутил сильное напряжение в паху. Добрался до нее. Схватил за плечо.

Развернул лицом к себе. Изо всех сил старался поставить ее прямо.

Крики стихли, слышалось только перешептывание.

Сильвия удивленно мигала. Фибен понял, что она принимала какой-то наркотик, чтобы прийти в такое состояние.

— Спереди? — спросила она, с трудом выговаривая слова. — Но Большой Клюв сказал, что должно быть естественно...

Фибен сжал ее лицо ладонями. Маска закрывается на множество замков, поэтому он только отогнул ее и нежно поцеловал Сильвию в губы.

— Иди домой к своим партнерам, — сказал он ей. — Не позволяй врагам позорить тебя.

Сильвия отшатнулась, словно от удара.

Фибен повернулся лицом к толпе и поднял руки.

— Выращенные волчатами Земли! — закричал он. — Вы все! Идите домой к своим подругам! Вместе с нашими патронами мы сами будем руководить своим возвышением. Нам не нужны ити, мы обойдемся без их указаний!

Послышались вопли ужаса. Фибен видел, что чужак на балконе быстро щебечет что-то в микрофон. Очевидно, вызывает помощь, решил Фибен.

— Идите домой! — повторил он. — И не позволяйте чужакам издеваться над вами!

Шум внизу усилился. Фибен видел тут и там неожиданно нахмурившиеся лица. Шимпы оглядывались. Он надеялся, что они начинают чувствовать смущение. Их лбы морщились от неприятных мыслей.

Но тут снизу кто-то крикнул ему:

— В чем дело? У тебя не поднимается?

Половина зрителей громогласно расхохоталась. Послышались насмешки и свист передних рядов. Фибену пора уходить. Губру вряд ли решится застрелить его на виду у всех, перед этой толпой. Но птицеподобный, несомненно, послал за подкреплением.

Но упустить такую возможность Фибен не мог. Он встал на край платформы и оглянулся на Сильвию. И спустил штаны.

Крики мгновенно замерли, и недолгая тишина прервалась свистом и аплодисментами.

«Кретины!» — подумал Фибен. Но улыбнулся и помахал рукой, застегивая гульфик.

Губру кричал и размахивал руками, он вытал-

кивал из-за ограждения хорошо одетых шимпов. Они, в свою очередь, что-то кричали барменам. В отдалении послышались звуки, похожие на вой сирен.

Фибен схватил Сильвию и снова поцеловал ее. На этот раз она ответила и покачнулась, когда он выпустил ее. Он повернулся, сделал жест в сторону чужака, от которого вся толпа зашлась смехом. И побежал к выходу.

Внутренний голос нещадно ругал его. «Не за этим послала тебя сюда генерал, придурок!»

Он пролетел сквозь занавес из бус и застыл, оказавшись лицом к лицу с неошимпом в комбинезоне с капюшоном. Фибен узнал маленького сводника, которого дважды видел сегодня: в первый раз у входа в «Обезьянью гроздь», а потом на балконе губру.

— Ты! — обвиняюще закричал он.

— Да, я, — ответил сводник. — Прости, но повторить свое предложение не могу. Но, наверно, тебя сегодня занимает другое.

Фибен нахмурился.

— Прочь с дороги! — Он сделал шаг, чтобы отодвинуть его в сторону.

— Макс! — позвал маленький шимп. Из тени появилась крупная фигура.

Тот самый рослый шимп с лицом в шрамах, которого Фибен встретил в баре, перед тем как его окружили проби. Тот самый, что интересовался синей картой. В мощной руке он сжимал станнер. Виновато улыбнулся.

— Прости, приятель.

Фибен напрягся, но было поздно. Все тело закололо, и Фибен упал на руки маленького шимпа.

И ощутил нежное тело и неожиданно приятный запах.

«Ифни!» — подумал он, теряя сознание.

— Помоги мне, Макс, — послышался голос поблизости. — Надо быстро уходить.

Сильные руки подняли его, и Фибен почти обрадовался беспамятству после неожиданного сюрприза. «Сводник» с мальчишеским лицом оказался шимми, девушкой!

Глава 25
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Стоимости и Бережливости покинул собрание руководителей в возбужденном состоянии. Встречи с другими сюзеренами всегда утомляли его физически. Три соперника, танцуя и кружа, создавая временные союзы, разъединя-

ясь и соединяясь вновь, формируют постоянно изменяющееся единство. И так будет, пока ситуация остается неопределенной и изменчивой.

Но, постепенно конечно, положение на Гарте стабилизируется. Один из трех руководителей окажется самым проницательным, лучшим из всех. И от того, кто им окажется, зависит очень многое. И их цвет, и их пол.

Но торопиться со Слиянием нельзя. Пока еще нет. Еще много встреч пройдет до этого дня, и много плюмажей будет сброшено.

Первый его спор состоялся с сюзереном Праведности по поводу привлечения солдат Когтя для подавление сопротивления земной морской пехоты в космопорту. В сущности, небольшое столкновение, и когда сюзерен Луча и Когтя принял сторону Праведности, сюзерен Стоимости охотно сдался.

Последующая схватка дорого стоила. Были большие потери. Но цель оправдывает средства.

Сюзерен Стоимости и Бережливости заранее знал, что этим кончится. На самом деле он и не хотел выиграть их первый спор. Он знал, что гонку лучше начинать последним. Пусть священник и адмирал соревнуются между собой. В результате оба какое-то время не будут обращать

внимания на гражданскую службу. Для того чтобы организовать правильное управление, потребуются большие усилия, и сюзерен Стоимости и Бережливости не желал тратить силы в ненужных спорах.

Таких, как самый последний. Выходя из павильона встреч, окруженный помощниками и охраной, главный чиновник по-прежнему слышал, как два сюзерена кричат друг на друга. Встреча закончилась, а они все еще спорят о принятом решении.

Какое-то время военные будут продолжать газовые атаки, разыскивая людей, которые избежали первоначальной дозы. Несколько минут назад об этом был отдан приказ.

Верховный священник, сюзерен Праведности, встревожился из-за того, что слишком много людей при этом погибло или получило ранения. Пострадали также некоторые неошимпанзе. С точки зрения закона или религии это не катастрофа, но с течением времени может усложнить положение. Придется платить компенсацию, а если этот случай когда-нибудь будет рассматриваться в межзвездном суде, авторитет губру может быть подорван.

Сюзерен Луча и Когтя доказывал, что судебное

расследование крайне маловероятно. Теперь, когда все пять галактик в смятении, кто поинтересуется незначительными ошибками, допущенными на таком комке грязи?

— Мы интересуемся! — заявил сюзерен Праведности.

И подчеркнул свое решение, отказавшись сойти с насеста и ступить на почву Гарта. Он заявил, что если сделает это преждевременно, то тем самым официально подтвердит вторжение. А с этим нужно повременить. Из-за небольшой, но яростной схватки в космосе и из-за сопротивления в космопорту. Эффективно, хотя и недолго защищаясь, законные обладатели лицензии сделали необходимой задержку с официальным объявлением захвата. А любые, даже самые незначительные, ошибки не только ослабят положение губру, но и могут дорого обойтись.

Сделав это заявление, священник расправил свой многоцветный плюмаж, самонадеянно уверенный в победе. Упоминая о расходах, он рассчитывал получить союзника. Праведность считал, что его обязательно поддержит Стоимость и Бережливость.

«Как глупо думать, что Слияние может быть достигнуто такими ранними спорами», — думал

сюзерен Стоимости и Бережливости. Он решил поддержать военного.

— Пусть газовые атаки продолжаются, пусть будут найдены все спрятавшиеся, — сказал он, к отчаянию священника и к радости адмирала.

Битва в космосе и высадка оказались очень дорогостоящими. Но без программы принуждения вышло бы еще дороже. Газовые атаки достигли своей цели: теперь почти все человеческое население сосредоточено на нескольких маленьких островках, и там его легко контролировать. Легко понять, почему этого добивался сюзерен Луча и Когтя. У чиновника тоже имелся опыт обращения с волчатами. Он тоже чувствует себя в большей безопасности, когда люди собраны там, где он их не видит.

Конечно, придется принять кое-какие меры, чтобы замаскировать высокую цену экспедиции. Повелители Насестов уже отозвали часть флота. Очень важно прочно цепляться за насест в вопросе о расходах. Однако об этом нужно будет поговорить на другой встрече.

Сегодня победа на стороне военного сюзерена. А завтра? Что ж, союзы создаются и распадаются, и так будет до тех пор, пока не выработается новая политика. И не появится царица.

Сюзерен Стоимости и Бережливости обратился к одному из своих помощников-кваку.

— Пусть меня отвезут, препроводят, отнесут в мои помещения.

Правительственная машина на воздушной подушке поднялась и направилась к зданию на берегу моря, которое присмотрела гражданская служба. Машина со свистом проносилась по небольшому городку землян, патрулируемому боевыми роботами, и на нее смотрели группы смуглых волосатых животных, которых люди называют своими старшими клиентами.

Сюзерен снова повернулся к помощнику.

— Когда прибудем в канцелярию, собери весь штат. Надо обдумать, обсудить, оценить новые предложения относительно этих существ, этих неошимпанзе, которые священник высказал сегодня утром.

Некоторые идеи, предлагаемые отделом Праведности, кажутся чрезвычайно смелыми. Чиновник гордился этими яркими перьями своего будущего партнера.

«Какой Тройкой мы станем!»

Конечно, есть аспекты, которые придется изменить, чтобы план не привел к катастрофе. Только один в триумвирате хватает достаточно крепко,

чтобы довести такой план до победного конца. И это было известно заранее, когда Повелители Насестов выбирали эту троицу.

Сюзерен Стоимости и Бережливости вздохнул и принялся обдумывать следующую встречу. Завтра, послезавтра, через неделю. Стычка неизбежна.

Каждый следующий спор будет все жарче, все важнее для будущего консенсуса и Слияния.

На эту перспективу он смотрел со смесью тревоги, уверенности и крайнего удовольствия.

Глава 26
РОБЕРТ

Обитатели подземных пещер не привыкли к яркому свету и шуму, которые принесли с собой новые жильцы. Стаи летучих мышей бежали, оставляя накопившийся за столетия толстый слой отходов. У известняковых стен, покрытых влагой, щелочные ручейки перекрыли самодельными деревянными мостиками. В сухих углах, при свете настенных шаров, наземные существа нервно суетились, как будто им не хотелось нарушать стигийскую тишину.

Неприятно просыпаться в таком месте. Тени

здесь резкие и поразительные. Камень может казаться безобидным, но при небольшом изменении перспективы становится чудовищем, которое сотни раз видел в кошмарах.

В таком месте лежа приходят дурные сны.

В халате и шлепанцах, спотыкаясь, Роберт успокоился, отыскав, наконец, то, требуемое, — «центр управления» повстанцами. Большое помещение, освещенное ярче других. Но мебели почти нет. Поломанные столы и шкафы, скамьи на сталагмитах и вдобавок несколько перегородок из древесины, добытой в лесу вверху. От всего этого стены кажутся еще грандиознее, а деятельность повстанцев — еще мельче.

Роберт потер глаза. Он видел за одной перегородкой несколько шимпов. Они негромко спорили и втыкали булавки в большую карту. Когда один из них заговорил громче, гулкое эхо отозвалось в переходах. Остальные испуганно оглянулись. Очевидно, новое помещение все еще пугает шимпов. Роберт вышел на свет.

— Ну хорошо, — сказал он. В горле еще першит от долгого молчания. — Что здесь происходит? Где она и что делает?

Они смотрели на него. Роберт понимал, как должен выглядеть в халате и шлепанцах, с вскло-

коченными волосами и с загипсованной по плечо рукой.

— Капитан Онигл, — сказал один из шимпов. — Вам следует лежать. Ваша температура...

— Засунь ее... Мим. — Роберту пришлось вспоминать, как зовут этого парня. Последние несколько недель он помнит не очень хорошо. — У меня уже два дня нет температуры. Я могу прочесть свой больничный лист. Лучше ответь, что происходит. Где все? Где Атаклена?

Шимпы переглянулись. Наконец одна шимми вытащила изо рта булавки с цветными головками.

— Генерал... мизз Атаклена отсутствует... Она руководит нападением.

— Нападением? — Роберт замигал. — На губру? — Он поднес руку к глазам; комната словно зашаталась. — О, Ифни!

Трое шимпов вскочили и, мешая друг другу, потащили деревянный стул.

Роберт тяжело сел. Теперь он видел, что эти шимпы либо стары, либо очень молоды. Должно быть, всех боеспособных Атаклена взяла с собой.

— Рассказывайте, — сказал он шимпам.

Шимми, самая старшая по возрасту, в очках, серьезная, велела остальным заниматься работой

и представилась.

— Я доктор Су, — сказала она. — В Центре я занималась генетикой горилл.

Роберт кивнул.

— Доктор Су, да. Я помню, вы помогали обрабатывать мои раны. — Он вспомнил, что видел ее лицо в тумане, когда инфекция с жаром распространялась в его лимфатической системе.

— Вы были очень больны, капитан Онигл. Дело не только в сломанной руке или в грибном яде, который вы получили во время несчастного случая. Мы думаем, что вы также вдохнули газ чужаков, когда они напали на ферму Мендозы.

Роберт мигнул. В памяти его все перемешалось. Он выздоравливал в горах, в доме Мендозы. Там они с Фибеном провели несколько дней, разговаривали, строили планы. Надо отыскать других и начать что-нибудь.

Может, связаться с правительством его матери в изгнании, если оно существует. В сообщении Атаклены говорилось о пещерах, которые идеально подходят для размещения центра. Может, в этих горах мы создадим штаб ведения боевых действий против врага.

Но однажды утром повсюду забегали шимпы. И прежде чем Роберт встал, прежде чем он успел

сказать что-нибудь, его схватили и унесли из фермы в холмы.

Последовал звуковой удар... какое-то огромное пятно в небе.

— Но... но я считал газ смертельным, если... — Он замолчал.

— Если нет противоядия. Да. Ваша доза была очень небольшой. — Доктор Су пожала плечами. — Но и так мы вас едва не потеряли.

Роберт вздрогнул.

— А как маленькая девочка?

— Она с гориллами. — Шимми-ученая улыбнулась. — Она в безопасности, насколько это возможно в наши дни.

Роберт вздохнул и немного откинулся.

— Ну, с этим хоть все в порядке.

Шимпы, которые несли маленькую Эприл Ву, успели уйти в холмы. Сам Роберт чуть не опоздал. А Мендозы оказались медлительнее и попали в облако газа, выпущенного из брюха корабля чужаков. Доктор Су продолжала:

— Риллам не нравятся пещеры, поэтому большинство их в высокогорных долинах, они бродят небольшими группами под присмотром вдали от зданий. Вы знаете, здания регулярно отравляют газом, несмотря на то, есть там люди или нет.

Роберт кивнул.

— Губру работают очень тщательно.

Он посмотрел на стену, истыканную разноцветными булавками. Карта изображала весь район гор и доходила на севере до долины Синда и на западе до моря. Здесь острова архипелага представляли ожерелье цивилизации.

Только один город расположен на берегу. Порт-Хеления на северном берегу залива Аспинал. Южнее и восточнее Мулунских гор раскинулся главный континент, но самая важная особенность размещена на краю карты. Медленный, но неудержимый поток серого льда с каждым годом опускается все ниже.

Проклятие Гарта.

Но булавки на карте указывают на бедствие поближе. Легко оценить расположение розовых и красных значков.

— Они контролируют положение.

Пожилой шимп по имени Мика принес Роберту стакан воды. Он тоже мрачно взглянул на карту.

— Да, сэр. Сопротивление, по-видимому, прекратилось везде. Губру сосредоточили пленных в Порту и на архипелаге. Пока в горах действий почти не было, только роботы продолжают газовые атаки. Но везде враг устанавливает свое

господство.

— Откуда вы получаете информацию?

— В основном из его собственных передач и передач коммерческих станций Порт-Хелении, которые работают под цензурой. Генерал также разослала во всех направлениях гонцов и наблюдателей. Некоторые уже вернулись.

— Кто разослал бегунов?

— Ген... хм... — Мика в замешательстве отвел взгляд. — Некоторым шимпам трудно произнести имя мисс Атак... мисс Атаклены, сэр. Так что... — Он замолчал.

Роберт фыркнул. «Придется поговорить с девчонкой», — подумал он.

Он поднял стакан с водой и спросил:

— Кого она послала в Порт-Хелению? Опасное место для шпиона.

Доктор Су ответила без особого энтузиазма.

— Атаклена выбрала шимпа по имени Фибен Болджер.

Роберт закашлялся, пролив воду на халат. Доктор Су торопливо добавила:

— Он военный, капитан, и мисс Атаклена решила, что для шпионажа в этом городе нужен... нетрадиционный подход.

От этого Роберт закашлялся еще сильнее. «Нет-

радиционный». Да, это о Фибене. Если Атаклена выбрала для этого поручения старину «Трога» Болджера, она хорошо разбирается в шимпах. Возможно, и не бредет ощупью в потемках.

«Все равно, она еще подросток. И к тому же чужак! Неужели на самом деле считает себя генералом? Кем же она командует?» — Он оглядел бедную обстановку пещеры, горстку украденных и принесенных припасов. Убогое зрелище.

— Эта настенная карта — довольно грубая информация, — заметил Роберт, выбирая одно обстоятельство.

Пожилой шен, который до сих пор молчал, почесал редкие волосы на подбородке.

— Мы можем организовать что-нибудь получше, — согласился он. — У нас есть несколько небольших компьютеров. Они работают на батареях, но, чтобы использовать их в полном объеме, не хватает энергии.

Он насмешливо взглянул на Роберта.

— Тимбрими Атаклена настаивает, чтобы мы вначале прорыли геотермальную скважину. Но я полагаю, что лучше установить несколько солнечных коллекторов на поверхности... конечно, хорошо замаскировав их...

Он замолчал. И Роберт понял, что по крайней

мере одни шимп не пришел в восторг от того, что ими командует девушка, к тому же неземного происхождения.

— Как вас зовут?

— Джоберт, капитан.

Роберт пожал ему руку.

— Что ж, Джоберт, обсудим это позже. А сейчас не расскажет ли мне кто-нибудь об этом «нападении»? Что собирается делать Атаклена?

Мика и Су переглянулись. Шимми заговорила первой.

— Они выступили до рассвета. Сейчас уже вечер, и скоро должен вернуться гонец.

Джоберт снова сморщился, его потемневшее от возраста лицо было лицом пессимиста.

— Они вооружены булавочными ружьями и ударными гранатами. Надеются захватить врасплох патруль губру.

— Мы уже час назад должны были получить сообщение от них, — сухо добавил пожилой шимп. — Боюсь, они задерживаются.

Глава 27

ФИБЕН

Фибен пришел в себя в темноте. Он лежал, свернувшись клубком, под пыльным одеялом.

Сознание принесло боль. Чтобы отвести руку от глаз, потребовалось усилие воли, и движение это вызвало приступ тошноты. Соблазнительно манило назад беспамятство.

Но его заставило сопротивляться воспоминание о снах. Сны гнали его к сознанию... странные, приводящие в ужас образы и ощущения. Последняя яркая сцена — пустынная местность, усеянная кратерами. Вокруг него в песок ударяют молнии; куда бы он ни направился, где бы ни пытался скрыться, повсюду его настигает горячая искрящаяся шрапнель.

Он вспомнил, как пытался протестовать, как будто есть слова, способные остановить бурю. Но речь у него отобрали.

Фибен заставил себя повернуться на скрипящей койке. Пришлось потереть костяшками пальцев глаза, прежде чем они открылись окончательно, и он увидел полутемную маленькую комнату. Небольшое окно закрывал плотный занавес. Из-под него пробивалась полоска света.

Мышцы Фибена дрожали. Он вспомнил, когда

в последний раз чувствовал себя так плохо — на острове Гилмор. Тогда прилетел с Земли цирк неошимпанзе. Цирковой силач предложил посостязаться с чемпионом колледжа, и Фибен сдуру согласился.

Несколько недель после этого он ходил не разгибаясь и прихрамывая.

Фибен застонал и сел. Внутренние поверхности бедер горели, как в огне.

— Мама, — простонал он. — Никогда не буду делать прием «ножницы».

Его кожа и волосы на теле были влажны. Фибен почувствовал острый запах дальсебо, мощного мышечного расслабителя. Значит, похитители постарались все-таки уберечь его от тяжелых последствий станнера. Но все равно, попытавшись встать, он почувствовал себя так, словно в голове у него испорченный гироскоп. Фибен, вставая, ухватился за хлипкий стол; держась за него, побрел к единственному окну.

Схватил грубую ткань по обе стороны от светлой полоски и потянул. И тут же отшатнулся, закрывая глаза руками от неожиданной яркости. Перед глазами вертелись круги.

— Хм, — сжато прокомментировал он. И услышал только хрип.

Где он? В какой-то тюрьме губру? Явно не на борту боевого корабля захватчиков. Он сомневался, чтобы привередливые галакты стали использовать туземную деревянную мебель, тем более такого допотопного образца.

Фибен опустил руки, мигая, осушил глаза от слез. В окно он видел закрытый двор, неухоженный огород, несколько деревьев. Похоже на обычный небольшой коммунальный дом, в таких живут семьи шимпов в групповом браке.

Над соседними крышами на холмах эвкалипты. Значит, он по-прежнему в Порт-Хелении, недалеко от парка Приморского Обрыва.

Может, губру поручают допросы своим квислингам. Или его захватили эти враждебно настроенные испытуемые-проби. У них могут быть на него свои планы.

Рот у Фибена словно набит пылью. Фибен увидел на единственном столе в комнате кувшин. Рядом уже наполненная чашка. Он попытался взять ее, но промахнулся и уронил на пол.

«Сосредоточься! — приказал себе Фибен. — Если хочешь выбраться отсюда, постарайся думать как представитель космической расы!» Это трудно. Непроизнесенные слова болезненно теснятся за лбом. Фибен чувствовал, как пытается отступить

его сознание... отказаться от англика, предпочитая ему более простой и естественный способ мышления.

Фабен подавил всепоглощающее желание схватить кувшин и просто напиться из горлышка. Напротив, несмотря на жажду, заставил себя взять другую чашку.

Пальцы дрожали на ручке кувшина.

«Сосредоточься!»

Фибен вспомнил старинное дзенбуддистское высказывание: «До просветления руби дрова, носи воду. После просветления руби дрова, носи воду».

Преодолевая жажду, он превратил простое действие наливания воды в чашку в упражнение на выдержку. Держа кувшин обеими дрожащими руками, он налил полчашки, больше пролив при этом на стол и на пол. Неважно. Взял чашку и выпил воду большими жадными глотками.

Вторую чашку налить оказалось легче. Руки меньше дрожали.

«Вот так. Сосредоточься... Используй трудную дорогу, ту, на которой нужно думать». Шимпам это сделать легче, чем неодельфинам. Вторая раса клиентов на сто лет моложе, и, чтобы думать, ей приходится пользоваться тремя языками.

Он так сосредоточился, что не заметил, как дверь за ним открылась.

— Ну, для парня, который был так занят ночью, ты держишься бодро.

Фибен повернулся. Вода пролилась на стену, от неожиданного движения закружилась голова. Чашка ударялась о пол, Фибен схватился за виски и застонал.

Он увидел шимми в синем саронге с подносом в руках. Фибен попытался устоять, но ноги подогнулись и он опустился на колени.

— Дурак, проклятый дурак, — услышал он ее слова. И не ответил только потому, что рот наполнился желчью.

Шимми поставила поднос на стол и взяла Фибена за руку.

— Только идиот попытается встать, получив полный заряд станнера в упор.

Фибен зарычал и попытался сбросить ее руку. Он вспомнил! Это маленький «сводник» из «Обезьяньей грозди». Тот самый, что стоял на балконе недалеко от губру и который выстрелил в него из станнера, когда Фибен пытался убежать.

— Ост...вь м...ня в покое, — сказал он. — Мне не нужна помощь проклятого предателя!

По крайней мере он хотел это сказать, но услы-

шал только еле внятное бормотание.

— Ладно. Как скажешь, — спокойно вымолвила шимми и отвела его на койку. Несмотря на свой рост, она оказалась очень сильной.

Фибен со стоном лег на комковатый матрац. Он пытался собраться, но разумные мысли, казалось, накатываются и уходят, как океанский прибой.

— Я тебе сейчас кое-что дам. И ты проспишь часов десять. А тогда, может быть, сумеешь ответить на несколько вопросов.

Фибен не мог тратить энергию, чтобы выругать ее. Все его силы уходили на то, чтобы сосредоточиться, удержать на чем-то внимание. Англик для этого больше не годится. Фибен попробовал галактический-семь.

— На... ка... ча... креш... — хрипло начал он считать.

— Да, да, — ответила она. — Мы теперь уже знаем, как хорошо ты образован.

Шимми склонилась к нему с капсулой в руке. Фибен открыл глаза.

Щелчком шимми обломила верхушку капсулы, выпустив облако тяжелою пара.

Фибен пытался задержать дыхание, не вдыхать анестезирующий газ, но знал, что это бесполезно. В то же время он не мог не заметить, что она

очень хорошенькая, с маленьким детским подбородком и гладкой кожей. Только сухая горькая усмешка нарушала впечатление.

— Какой ты упрямый. Будь хорошим мальчиком, вдохни и отдыхай, — приказала она.

Не в состоянии дальше удерживаться, Фибен вынужден был вдохнуть.

Сладкий запах, похожий на аромат перезревших плодов, заполнил его ноздри.

Сознание начало уходить.

И только тут Фибен сообразил, что она тоже говорила на превосходном галактическом-семь, без всякого акцента.

Глава 28
ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ

Меган Онигл вытерла слезы. Она хотела отвернуться, не смотреть, но заставила себя еще раз увидеть бойню до конца.

На большом экране появилась ночная сцена, серый морской берег, затянутый дождем, едва заметные угрюмые утесы. Ни луны, ни звезд, вообще почти никакого света. Камеры усиливают изображение до предела, чтобы хоть что-то было видно.

Меган с трудом различала пять темных пятен, которые выползли на берег, проползли по песку и начали подниматься на низкие обрушивающиеся утесы.

— Можно сказать, что они точно следуют процедуре, — объяснил майор земной морской пехоты Пратачулторн. — Вначале из подводных лодок выходят разведчики, они плывут на берег и осматривают его. Потом, когда выясняется, что берег чист, выходят диверсанты.

Меган видела, как поднялись на поверхность в потоках пузырей маленькие лодки и быстро двинулись к берегу. Причалили, открылись крышки, и появилось еще много темных фигур.

— У них с собой лучшее доступное оборудование. И подготовка у них наилучшая. Это земная морская пехота.

«Ну и что? — Меган покачала головой. — Значит ли это, что у них нет матерей?»

Впрочем, она понимала, о чем говорит Пратачулторн. Если эти профессионалы потерпели поражение, как можно винить колониальную милицию Гарта в катастрофах последних месяцев?

Темные фигуры направились к утесам, неся за спиной тяжелый груз.

Вот уже несколько недель остатки правительства, ушедшие вместе с Меган в глубоководное убежище, обдумывали причины краха их, казалось бы, хорошо организованного сопротивления. Все было готово: агенты, диверсанты, арсеналы оружия. Но тут появился проклятый газ принуждения губру, и под облаками смертоносного дыма рухнули все планы.

Немногие оставшиеся на континенте люди теперь уже мертвы или почти мертвы. И самое раздражающее, что никто, даже враг, не знает, сколько людей успело добраться до островов и вовремя получить противоядие.

Меган старалась не думать о сыне. Если повезло, то он сейчас где-нибудь на острове Гилмор, сидит с друзьями в какой-нибудь пивной или жалуется девушкам на то, что мать не пустила его на войну. Она может только молиться и надеяться, что так оно и есть и что дочь Утакалтинга тоже в безопасности.

Гораздо больше беспокоила ее судьба самого посла тимбрими. Утакалтинг обещал вслед за Советом планеты уйти в укрытие, но так и не появился.

Сообщили, что его корабль пытался уйти в глубокий космос и был уничтожен.

«Столько жизней! Для чего они утрачены?»

Меган смотрела, как диверсанты на экране начали отступать в воду.

Основные силы уже поднялись на утесы.

Без людей, разумеется, под вопросом вообще всякое сопротивление.

Самые умные шимпы могут время от времени наносить удары, но чего ожидать от них без опеки патронов?

Цель этой высадки — приспособиться к новым обстоятельствам.

В третий раз — хоть Меган и знала, что предстоит, — она была захвачена врасплох неожиданно ударившей в берег молнией. На мгновение все застыло в ослепительном свете.

Вначале взорвались маленькие лодки.

Затем настала очередь людей.

— Подводная лодка едва успела убрать камеры и нырнуть, — сказал майор Пратачулторн.

Экран потемнел. Женщина-лейтенант, управлявшая проектором, включила свет. Члены Совета замигали, привыкая к свету. Несколько человек вытирали глаза.

Южноазиатское лицо майора Пратачулторна было очень серьезно. Он снова заговорил.

— То же самое происходило во время косми-

ческой битвы и происходит при газовых атаках. Они каким-то образом всегда узнают, где мы.

— Вы представляете, как они это делают? — спросил один из членов Совета.

Меган мимоходом отметила, что отвечала на вопрос лейтенант морской пехоты Лидия Маккью. Молодая женщина покачала головой.

— Все наши специалисты ломают головы над этой проблемой. Но пока мы не узнаем, как они это делают, мы не можем рисковать людьми.

Меган Онигл закрыла глаза.

— Мне кажется, мы не в состоянии сейчас обсуждать этот вопрос. Объявляю заседание закрытым.

Вернувшись в свою крошечную комнату. Меган подумала, что заплачет. Но вместо этого просто сидела в кромешной темноте на кровати и смотрела туда, где находятся ее руки.

Немного погодя ей показалось, что она их видит, видит устало лежащие на коленях пальцы. И ей представилось, что они кроваво-красного цвета.

Глава 29

РОБЕРТ

Глубоко под землей невозможно определить естественный ход времени.

Но, неожиданно проснувшись в кресле, Роберт знал, сколько сейчас времени.

«Поздно. Чертовски поздно». Атаклена должна была уже несколько часов назад вернуться.

Если бы он лучше себя чувствовал, Роберт не обратил бы внимания на возражения Мики и доктора Су и сам отправился бы наверх отыскивать опаздывающий отряд. Да и так двум ученым-шимпам пришлось почти силой останавливать его.

Время от времени у него еще повышалась температура. Он вытер лоб и сдержал неожиданно появившуюся дрожь.

«Нет, — подумал он, — я себя контролирую!»

Роберт встал и осторожно пошел туда, где негромко спорили. Там он нашел двух шимпов, работающих в жемчужном свете компьютера семнадцатого уровня. Роберт сел на упаковочный ящик за шимпами и некоторое время прислушивался. Потом внес предложение, шимпы испробовали его, и оно сработало. И вскоре Роберту почти удалось забыть тревогу; он погрузился

в работу, помогая шимпам заложить военную тактическую программу в машину, которая не предназначалась для более воинственных занятий, чем игра в шахматы.

Кто-то принес ему стакан сока. Роберт выпил. Ему дали сандвич. Он съел.

Спустя какое-то время в подземном помещении послышался крик. По деревянным мостикам торопливо затопали. Глаза Роберта привыкли к свету экрана, поэтому он с трудом различал пробегавших мимо шимпов. Хватая разносортное оружие, шимпы бежали по проходу, ведущему на поверхность.

Роберт встал и схватил ближайшего бегущего.

— Что случилось?

С таким же успехом он мог попытаться остановить бегущего быка. Шимп вырвался, даже не взглянув на него, и исчез в неровном туннеле. Роберт замахал второму, тот посмотрел на него и неохотно остановился.

— Экспедиция, — объяснил нервничающий шимп. — Они вернулись... Я слышал, что не все...

Роберт выпустил его. И начал отыскивать оружие для себя. Если отряд преследуют...

Конечно, ничего подходящего не нашлось. К тому же Роберт с горечью понял, что ружье ему

не пригодится: у него неподвижна правая рука. Да и шимпы не позволят ему участвовать в бою. Силой утащат глубже в пещеры.

Наступила тишина. Несколько престарелых шимпов вместе с Робертом ждали звуков выстрелов. Но вместо них послышались голоса, которые постепенно становились громче. В них звучало возбуждение, но не страх.

Что-то погладило его прямо над ухом. С момента ранения у Роберта не было практики, но примитивная эмпатия подсказала, что это знакомое прикосновение. Роберт начинал надеяться.

Из-за поворота показалась шумная толпа — оборванные грязные неошимпанзе, вооруженные самым разнообразным оружием, некоторые в повязках. Увидев Атаклену, Роберт почувствовал, как внутри ослаб какой-то узел.

Но тут же одна тревога сменилась другой. Девушка тимбрими явно использовала гиртрансформацию. Выглядит она истощенной, и Роберт ощутил, насколько она устала.

Более того, он понимал, что она по-прежнему напряженно работает.

Корона ее стояла вертикально, сверкая без света. Шимпы почти не обращали внимания на оставшихся дома, которые расспрашивали тор-

жествующих вернувшихся. И Роберт понял что это настроение создает Атаклена. Само по себе оно слишком слабо, слишком непрочно, чтобы сохраниться.

— Роберт! — Глаза ее раздвинулись. — Разве тебе можно вставать? У тебя еще вчера была лихорадка.

— Я в норме. Но...

— Хорошо. Счастлива видеть тебя на ногах.

Роберт увидел, что в импровизированный госпиталь несут на носилках две забинтованные фигуры. И почувствовал, как Атаклена старается отвлечь внимание всех от этих окровавленных, может быть, умирающих солдат. Только присутствие шимпов заставило Роберта держаться невозмутимо.

— Мне нужно поговорить с тобой, Атаклена.

Она встретилась с его взглядом, и на краткое мгновение Роберту показалось, что он кеннирует слабое дрожащее изображение над ее короной. Торопливо созданный глиф.

Вернувшиеся приступили к еде, хвастались своими похождениями. Только Бенджамин с лейтенантскими лычками на рукаве серьезно стоял рядом с Атакленой. Она кивнула.

— Хорошо, Роберт. Отойдем в сторону.

* * *

— Попробую догадаться, — спокойно сказал Роберт. — Вас напинали в задницу.

Шимп Бенджамин поморщился, но не стал возражать. Показал на расстеленной карте.

— Мы напали на них вот здесь, на перевале Йенчинг, — сказал он. — Это был наш четвертый рейд, и поэтому мы считали себя опытными.

— Четвертый? — Роберт повернулся к Атаклене. — И давно это происходит?

Она достала из кармана печенье, начиненное чем-то остро пахнущим, и откусывала по маленькому кусочку. Сморщила нос.

— Мы действуем уже примерно с неделю, Роберт. Но это первый серьезный набег, когда мы попытались причинить вред.

— И что же?

На Бенджамина, казалось, не действуют усилия Атаклены по формированию настроения. Может, она специально это делает. Ей нужен рядом по крайней мере один помощник с непосредственным восприятием мира. А может, он просто слишком умен. Бенджамин закатил глаза.

— На этот раз вред причинили нам. — И продолжал объяснять. — Мы разделились на пять групп.

По настоянию мисс Атаклены. И это нас спасло.

— Какова была ваша цель?

— Маленький патруль. Два легких танка на воздушной подушке и несколько открытых наземных машин.

Роберт всмотрелся в это место на карте. Здесь одна из немногих дорог углубляется в предгорья. Он слышал, что враг редко выходит за пределы Синда. Казалось, его удовлетворяет контроль за космосом, архипелагом и узкой полосой континента вокруг Порт-Хелении.

Да и зачем захватчикам дикая местность? Почти все люди теперь у них под контролем. Гарт принадлежит им.

Очевидно, первые три набега были подготовкой: шимпы, служившие рядовыми в милиции, пытались научить остальных передвигаться и сражаться в лесу. Но в четвертый раз они сочли себя готовыми к встрече с противником.

— Но, похоже они заранее знали, где мы, — продолжал Бенджамин. — Сначала мы шли за ними следом, учились прятаться за деревьями и подглядывать, как раньше. Потом...

— Потом вы на самом деле напали на патруль.

Бенджамин кивнул.

— Мы заподозрили, что они о нас знают. Но нам

нужно было удостовериться. И генерал предложила план...

Роберт замигал, потом кивнул. Он еще не привык к почетному званию Атаклены. По мере того, как Бенджамин описывал ход событий, удивление Роберта росло.

Засада была устроена таком образом, что каждая из пяти групп начинала обстрел патруля с минимальным риском. И, кстати, как он заметил, без особых шансов причинить ущерб врагу. Засады располагались слишком высоко или далеко, чтобы выстрел оказался удачным. Да и какой ущерб может причинить охотничье ружье и ударная граната?

Первый залп уничтожил небольшую открытую машину губру. Вторая пострадала немного, но тут же огонь из танков заставил нападающих отступить. Вскоре с берега подоспела воздушная поддержка, и участникам рейда с трудом удалось уйти. Активная часть рейда заняла буквально пятнадцать минут. Зато отступление, маневрирование, чтобы запутать следы, — все это потребовало гораздо больше времени.

— Значит, вам не удалось обмануть губру? — спросил Роберт.

Бенджамин покачал головой.

— Они как будто всегда знали, где мы. Чудо, что мы сумели их запутать, и еще большее чудо, что мы вообще унесли ноги.

Роберт взглянул на «генерала». Хотел высказать свое неодобрение, потом еще раз взглянул на карту, задумавшись над избранной для засады позицией. Проследил линии огня, маршруты отступления.

— Ты это подозревала, — сказал он наконец Атаклене.

Ее глаза чуть сдвинулись и снова разошлись — тимбримийский эквивалент пожатия плечами.

— Я думала, что в первом рейде не стоит подходить слишком близко.

Роберт кивнул. Действительно, если бы засада была подготовлена «лучше», если бы шимпы оказались ближе к врагу, мало кто из них вернулся бы живым.

План был хорош.

Нет, не хорош. Вдохновенный план. Он нацелен не на поиски врага, а на то, чтобы внушить уверенность. Отряды разделились так, чтобы каждый смог выстрелить во врага, не подвергаясь при этом чрезмерному риску. Нападающие должны были с триумфом вернуться домой, но самое главное — они должны были вернуться.

И все же они понесли потери. Роберт чувствовал, насколько истощена Атаклена. Отчасти ее утомление объясняется тем, что все остальные считают, что одержали победу.

Он ощутил прикосновение к колену и взял руку Атаклены в свою. Она сжала свои длинные тонкие пальцы, и он почувствовал тройные удары ее пульса.

Их взгляды встретились.

— Сегодня мы превратили почти неизбежную катастрофу в небольшую победу, — сказал Бенджамин. — Но до тех пор, пока противник точно знает, где мы, мы можем только играть с ним в салки. И даже в этой игре потеряем больше, чем можем заплатить.

Глава 30
ФИБЕН

Фибен потер затылок и раздраженно взглянул на стол. Итак, именно с ней он должен был установить связь, с лучшей студенткой доктора Таки, с будущим руководителем городского подполья.

— Что это за глупость? — обвиняющим тоном спросил он. — Ты позволила мне войти в этот клуб, ничего не подозревая, вслепую. Меня десять

раз за прошлый вечер едва не схватили. Могли даже убить!

— Это было два дня назад, — поправила его Гайлет Джонс. Она сидела на стуле с прямой спинкой и разглаживала складки своего синего саронга. — Ну, я ведь была там, в «Обезьяньей грозди», ждала снаружи, чтобы установить контакт. Увидела незнакомца, пришедшего в одиночку, в рабочем костюме. И обратилась к тебе с паролем.

— Розовая? — Фибен замигал. — Ты подошла ко мне и прошептала «розовая», и я должен был понять, что эта непристойность — пароль?

В обычном состоянии он не стал бы так грубить молодой леди. Сейчас Гайлет Джонс больше похожа на того, кого он ожидал встретить, — шимми, явно образованная и хорошо воспитанная. Но он видел ее при других обстоятельствах и никогда этого не забудет.

— Ты называешь это паролем? Мне велели искать рыбака!

Собственный крик заставил его сморщиться. По-прежнему ощущение такое, словно голова протекает в пяти-шести местах. Мышцы уже перестало капризно сводить, но тело по-прежнему болит, и настроение у него не самое лучшее.

— Рыбака? В этом районе города? — Гайлет

Джонс нахмурилась, ее взгляд на мгновение затуманился. — Слушай, был настоящий хаос, когда я позвонила в Центр и попробовала разыскать доктора Таку. Я решила, что ее группа привыкла к конспирации и станет естественной базой в глуши. У меня было несколько мгновений, чтобы договориться о будущей встрече, прежде чем губру захватят все телефонные линии. Я подумала, что они уже и так все разговоры прослушивают и записывают, и мне нужно было подобрать такое слово, которое смогли бы воспринять их лингвистические компьютеры.

Она неожиданно остановилась и поднесла руку ко рту.

— О нет!

— Что? — Фибен придвинулся к ней.

Она несколько мгновений мигала, потом махнула рукой.

— Я сказала этому глупцу оператору в Центре, как должен выглядеть их посланник, где он со мной встретится, потом сказала, что сама я буду потаскушкой...

— Кем? Не понимаю. — Фибен покачал головой.

— Это древнее слово. Еще из человеческого сленга до Контакта. Обозначает женщину, кото-

рая предлагает дешевый секс за наличные.

Фибен выпалил:

— Самая глупая из всех глупых, дурацких, проклятых Ифни мыслей!

Гайлет Джонс горячо ответила:

— Ну, ладно, умник, а что, по-твоему, я должна была сделать? Милиция разбегается. Никто и не подумал, что может возникнуть ситуация, когда опустеют все посты, занятые людьми! Мне из ничего нужно было организовать движение сопротивления. И я попыталась устроить встречу...

— И предложила незаконный секс как раз там, где губру и так поощряют низменные инстинкты!

— Откуда я знала, что они это сделают? Что выберут именно этот сонный ночной бар? Я считала, что социальные ограничения немного ослабнут и я легко смогу сыграть роль. У меня будет алиби, чтобы подходить к незнакомцам. Мне и в голову не приходило, что дойдет до этого! Я просто подумала, что, если обращусь не к тому, он удивится и поведет себя точно так, как ты!

— Но у тебя не получилось?

— Не получилось! Перед тобой показалось несколько одиноких шенов, одетых, как ты, и я начинала представление. Бедному Максу

пришлось уложить с полдесятка станнером, и переулок уже заполнялся. Но уже поздно было менять место встречи или пароль...

— Который никто так и не понял! Потаскушка? Ты должна была догадаться, что не сработает.

— Доктор Така должна была сообразить. Мы вместе смотрели и обсуждали старые фильмы. Неясно, почему она... — Увидев выражение лица Фибена, она осеклась. — В чем дело? Почему ты так на меня смотришь?

— Прости. Я только что понял, что ты не знаешь. — Он покачал головой. — Видишь ли, доктор Така умерла примерно в то время, когда было получено твое сообщение. От аллергической реакции на газ принуждения.

У нее перехватило дыхание. Гайлет, казалось, осела.

— Я... я боялась этого, когда она не пришла в город за противоядием. Это... большая потеря. — Она закрыла глаза и отвернулась, очевидно, чувствуя больше, чем могла выразить словами.

По крайней мере она не видела гибели в огне Хаулеттс-Центра, не видела закопченных прилетающих и улетающих санитарных машин, не видела, как стекленели глаза ее умирающей учительницы. Фибен смотрел записи этого страш-

ного вечера. И помнил их.

Гайлет взяла себя в руки, отложив оплакивание на потом. Вытерла глаза и взглянула на Фибена, упрямо выставив подбородок.

— Мне нужно было придумать что-то такое, что поймет шимп, но не поймут лингвистические компьютеры ити. Не в последний раз приходилось импровизировать. Но ты ведь здесь. И наши две группы установили контакт.

— Меня чуть не убили, — заметил он, хотя сам понимал, что это упоминание грубовато.

— Но не убили же. Вообще, мы можем извлечь из этого небольшого недоразумения для себя выгоду. На улицах до сих пор говорят о тебе.

Неужели в голосе ее прозвучала нотка уважения? Может быть, предложение мировой?

И вдруг он почувствовал, что это уж слишком. Слишком для него! Фибен понимал, что сейчас не самый подходящий момент для веселья, но не смог сдержаться.

— Потаскушка? Таскать? — Он хихикнул, хотя при этом в голове как будто загрохотали булыжники. — Потаскушка? — Откинул голову и загоготал, колотя по ручкам кресла. Фибен ревел, пиная ногами воздух. — О Гудолл! Вот кого мне нужно было искать!

Переводя дыхание, он увидел, как смотрит на него Гайлет Джонс. Но ему все равно, даже если она позовет этого рослого шимпа Макса и прикажет снова пустить в ход станнер.

Это для него чересчур.

И если он правильно понял выражение ее глаз в этот момент, их союз зарождается на очень зыбкой почве.

Глава 31
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Луча и Когтя вступил на борт личного крейсера и принял воинские почести солдат Когтя. Это тщательно отобранные военные, перья их аккуратно расчесаны, гребни раскрашены, указывая звание и часть. Кваку, помощник адмирала, заторопился вперед и принял церемониальную одежду.

Когда все заняли места на своих насестах, пилот включил гравидвигатель и направил крейсер к оборонительным сооружениям на низком холме к востоку от Порт-Хелении. Сюзерен Луча и Когтя молча смотрел, как остается позади ограда города и внизу начинают мелькать фермы этого небольшого поселка землян.

Старший насест-полковник, второй по званию командир, приблизился с резким щелканьем клюва — воинским приветствием.

— Встреча прошла хорошо? Достойно? Удовлетворительно? — спросил насест-полковник.

Сюзерен Луча и Когтя решил не обращать внимания на опрометчивость этого вопроса. Лучше, чтобы второй по команде умел думать, чем имел превосходно расчесанный плюмаж. Именно то, что он окружил себя несколькими такими помощниками, помогло сюзерену получить нынешнее назначение. Адмирал высокомерно мигнул.

— Наша встреча прошла удовлетворительно, соответственно и успешно.

Насест-полковник поклонился и вернулся на свое место. Конечно, он знает, что на такой ранней стадии Слияния консенсус никогда не бывает совершенным. Всякий может понять это по взъерошенному пуху и усталым глазам сюзерена.

Последняя встреча командующих выдалась особенно утомительной, и некоторые ее аспекты вызывали недовольство и раздражение адмирала.

Во-первых, сюзерен Стоимости и Бережли-

вости настаивал на том, чтобы большая часть флота была отправлена на поддержку других операций губру далеко отсюда. И, как будто этого недостаточно, третий предводитель, сюзерен Праведности, по-прежнему требовал, чтобы его всюду носили на насесте, отказываясь ступать на почву Гарта, пока не будут соблюдены все формальности. Священника тревожило несколько проблем: высокая смертность людей от газа принуждения, что угрожало всему проекту губру восстановления Гарта, ничтожный размер местной отраслевой Библиотеки, статус в возвышении отсталых предразумных неошимпанзе.

Каждая из этих проблем требовала новых напряженных переговоров, новых перегруппировок. Еще одна схватка за консенсус.

Но все же это мелочи. Трое уже спорили об основах, и вот здесь процесс начал приносить наслаждение. Особенно сильное наслаждение члены триумвирата испытывали, когда танцевали, ворковали и спорили о фундаментальнейших проблемах.

До сих пор адмирал считал, что его продвижение к статусу царицы будет прямым и легким: ведь он старший изначально. Но теперь сюзерену Луча и Когтя стало казаться, что дело окажется не

столь легким. Предстоит совсем не тривиальное Слияние.

Конечно, так всегда бывает с лучшими Слияниями. Очень разные силы были вовлечены в выбор трех руководителей экспедиционных сил. Повелители Насестов дома надеялись, что именно у этой троицы выработается новая единая политика. А чтобы это получилось, у всех должны быть хорошие головы, с оригинальным мышлением.

И только сейчас становится ясно, насколько хороши эти умы и насколько они различны. Несколько идей, предложенных недавно другими, превосходны, но неспособны вывести из равновесия своей необычностью.

«Но в одном они правы, — думал адмирал. — Мы не просто должны победить, покорить, подчинить себе волчат. Мы должны дискредитировать их!» Сюзерен Луча и Когтя так сосредоточился на военных проблемах, что остальные участники триумвирата начали казаться ему помехой.

«С моей стороны это неверно, неправильно, неподобающе», — думал адмирал.

Благочестиво было бы считать, что чиновник и священник так же отлично разбираются в своих сферах, как адмирал в военной. И если Праведность и Бережливость завершат вторжение так

же великолепно, как начали, их троицу запомнят надолго!

Сюзерен Луча и Когтя знал, что кое-что предопределено заранее. И так ведется со времен Прародителей. Уже давно недостойные еретические кланы оскверняют межзвездные пути — ужасные невежественные волчата, и тимбрими, и теннанинцы, и соро... Необходимо, чтобы клан гуксу-губру победил в эту неспокойную эпоху! Клан должен достичь величия!

Адмирал думал о том, что поражение землян было предопределено давным-давно. Силы губру следили за каждым их ходом и противостояли ему.

Газ принуждения разрушил все приготовления и планы землян. Это была идея самого сюзерена — конечно, вместе с его личным штабом. Теперь годы работы начинают приносить плоды.

Сюзерен Луча и Когтя расправил руки, чувствуя, как напряглись мышцы-сгибатели. Эти мышцы за многие века до возвышения поднимали его предков в теплый сухой воздух родной планеты губру.

«Да! Пусть идеи моих соперников будут смелыми, остроумными, полными изобретательности... Пусть они будут такими же великолепными — но

все же не совсем такими, как мои собственные!»

Сюзерен начал расчесывать перья, а крейсер выровнялся и под облачным небом полетел на восток.

Глава 32
АТАКЛЕНА

— Здесь, внизу, я сойду с ума! Меня словно в плену держат!

Роберт расхаживал от стены к стене, и вместе с ним расхаживали две его тени от двух ламп. Свет отражался в ручейках влаги, которая медленно стекала по стенам подземного помещения.

Левая рука Роберта сжата, сухожилия четко выделяются от кулака до локтя и дальше до мускулистого плеча. Роберт ударил по ближайшему шкафу, и эхо отразилось в переходах.

— Предупреждаю тебя, Кленни. Я не смогу долго ждать. Когда ты выпустишь меня отсюда?

Атаклена вздрогнула, когда Роберт снова ударил по шкафу, вымещая свое раздражение. По крайней мере дважды он собирался пустить в ход правую руку в гипсе, а не здоровую левую.

— Роберт, — попыталась она утихомирить его, — ты удивительно быстро идешь на поправку.

Скоро с тебя снимут гипс. Пожалуйста, не надо рисковать...

— Ты уходишь от ответа — прервал он. — Даже в гипсе я могу выйти, буду учить войска, разведывать позиции губру. Но ты удерживаешь меня здесь, внизу, заставляешь программировать мини-компьютеры и втыкать булавки в карту! Это сводит меня с ума!

Роберт буквально излучал раздражение. Атаклена уже просила его попытаться заглушить гнев. Держать себя в руках, как говорится. Почему-то она особенно восприимчива к его эмоциям, буйным и диким, как у подростка тимбрими.

Роберт, ты знаешь, почему мы не можем рисковать, посылая тебя на поверхность. Корабли губру уже несколько раз выпускали смертоносный газ на наши внешние укрепления. И если бы ты оказался там, то сейчас находился бы на пути к острову Гилмор и для нас был бы потерян. И это в лучшем случае!

Я дрожу при мысли о худшем.

Шлем Атаклены взъерошился при этой мысли, серебристые нити короны возбужденно зашевелились.

Большая удача, что Роберта увезли с фермы Мендозы перед тем, как неугомонные роботы

губру обрушились на это небольшое горное селение.

Маскировки и устранения всех электронных приборов, очевидно, оказалось недостаточно, чтобы укрыться.

Медина Мендоза и дети немедленно отправились в Порт-Хелению и предположительно вовремя прибыли для получения противоядия. Хуану Мендозе повезло меньше. Он задержался, чтобы ликвидировать несколько экологических ловушек, испытал аллергическую реакцию на газ принуждения и умер на глазах испуганных шимпов, в судорогах, с пеной на губах, после пятиминутного припадка.

— Тебя там не было, Роберт, когда умер Хуан, но ты, конечно, слышал рассказы. Хочешь тоже умереть такой смертью? Ты понимаешь, что мы и так чуть не потеряли тебя?

Их взгляды встретились, карие глаза смотрели в серые с золотистыми точками. Атаклена чувствовала решимость Роберта и одновременно его усилия сдержать упрямый гнев. Роберт медленно разжал левую руку. Глубоко вздохнул и опустился на стул с брезентовой спинкой.

— Знаю, Кленни. Я понимаю твои чувства. Но ты должна понять, что я часть всего этого. — Он

наклонился вперед, с уже не гневным, но по-прежнему напряженным выражением лица. — Я согласился на просьбу матери увести тебя в глубь континента, вместо того чтобы присоединиться к своей части, потому что Меган считала это важным. Но ты теперь не мой гость. Ты организуешь армию! А я ощущаю себя пятым колесом.

Атаклена вздохнула.

— Мы оба знаем, что не очень хорошая армия получится... В лучшем случае символ. Способ дать шимпам надежду. Как офицер ты имеешь право в любой момент принять у меня командование.

Роберт покачал головой.

— Я не об этом. Я не настолько тщеславен, чтобы считать, что справился бы лучше тебя. Я не из породы лидеров и знаю это. Шимпы преклоняются перед тобой и верят в тимбримийские чудеса. Но все же я, вероятно, единственный человек с военной подготовкой, оставшийся в этих горах... ты должна меня привлечь, если у нас появится шанс...

Роберт неожиданно замолчал и посмотрел через плечо Атаклены. В подземную комнату вошла маленькая шимми в шортах и с поясом, отдала приветствие. Атаклена повернулась.

— Прошу прощения, генерал, капитан Онигл,

но только что вернулся лейтенант Бенджамин. Он докладывает, что дела в долине Спринг обстоят не лучше. Людей там больше нет. Но по крайней мере раз в день, появляются проклятые роботы и распыляют газ в поселениях. И вообще они не прекращают своих действий нигде, куда смогли проникнуть наши бегуны.

— А как шимпы в долине Спринг? Болеют от газа? — спросила Атаклена.

Она вспомнила доктора Шульца и то, какое действие оказал газ на некоторых шимпов в Центре.

Шимми покачала головой.

— Нет, мэм. Больше нет. Везде одно и то же. Шимпы, на которых газ действовал, ушли в Порт-Хелению. И остались только те, у кого есть иммунитет.

Атаклена взглянула на Роберта, и у обоих появилась одна и та же мысль.

Все, кроме одного.

— Будь они прокляты! — взорвался Роберт. — Неужели никогда не успокоятся? Девяносто девять и девять десятых процента людей они уже захватили. Так и будут заливать газом каждую хижину, чтобы захватить всех до последнего?

— Очевидно, они побаиваются Homo Sapiens, Роберт, — улыбнулась Атаклена. — Вы ведь союз-

ники тимбрими. А мы не выбираем в союзники безвредные существа.

Роберт сердито покачал головой. Но Атаклена прикоснулась к нему своей аурой, заставила посмотреть на нее и увидеть насмешливый взгляд. Невольно Роберт медленно улыбнулся. И наконец рассмеялся.

— Да, эти проклятые птицы не так уж тупы. Лучше перестраховаться сейчас, чем сожалеть потом, верно?

Атаклена покачала головой, ее корона создала глиф признательности, простой глиф, который он смог бы кеннировать.

— Да, Роберт. Они не тупы. Но по крайней мере, одного человека они упустили, и поэтому их неприятности еще не кончились.

* * *

Посыльная выпрямилась, когда Атаклена снова повернулась к ней.

— Я хочу сама послушать доклад лейтенанта Бенджамина. Попросите, пожалуйста, доктора Су прийти в комнату управления.

— Да, сэр! — Шимми отсалютовала и убежала.

— Роберт! Нам нужно твое мнение.

Он поднял голову, лицо его было задумчиво.

— Я приду через минуту, Кленни. Мне нужно кое о чем подумать.

— Хорошо, — кивнула Атаклена. — Пока. — Она повернулась и вслед за посыльной пошла по вырытому водой коридору, освещенному редкими тусклыми лампами, свет которых отражался от влажных сталактитов.

* * *

Роберт смотрел на нее, пока она не скрылась из виду. Оставшись в полной тишине, он задумался.

«Почему губру продолжают заливать горы газом? Ведь там не осталось людей. Это ведь очень дорого, даже если роботы летят туда, где были люди.

И как им удается находить здания, машины, отдельных шимпов, как бы хорошо они не скрывались?

Неважно, что они отравляют наши внешние укрепления. Газовые роботы — простые машины и не знают, что мы тренируем армию в этой долине. Они чувствуют землян, выполняют свою программу и улетают.

Но что будет, когда мы начнем действовать и привлечем внимание самих губру? Мы не можем

позволить, чтобы нас тогда обнаружили».

И еще есть одна очень важная причина, чтобы ответить на эти вопросы.

«Пока это продолжается, я заперт здесь, внизу!»

Роберт прислушался к слабому звуку капель, падающих с соседней стены.

Он думал о противнике.

По сравнению с грандиозными битвами, которые разворачиваются в пяти галактиках, действия, здесь, на Гарте, всего лишь легкая потасовка. Губру не могут залить газом всю планету. Это слишком дорого.

Итак, отряды дешевых, тупых, но эффективных поисковых роботов отправлены на охоту за всем, что не принадлежит Гарту... что хоть немного пахнет Землей. Сейчас газ застигает только негодующих раздраженных шимпов, которые к нему невосприимчивы. А также пустые здания по всей планете.

Это препятствие, и очень существенное. Надо найти способ остановить роботов. Роберт достал из папки, лежащей на столе, лист бумаги. И записал способы, с помощью которых роботы могут находить землян на чужой планете.

ОПТИЧЕСКИЕ ПРИБОРЫ. ИНФРАКРАСНОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ ТЕЛ. РЕЗОНАНСНОЕ СКАНИРОВАНИЕ ПСИ. ИСКАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ.

Теперь Роберт сожалел, что учился в основном управлению и мало внимания уделял галактической технологии. Он был убежден, что в накопившихся за гигагоды архивах Великой Библиотеки есть немало способов обнаружения, помимо этих пяти. Например, роботы могли буквально «вынюхивать» землян, отыскивать все земное по запаху.

Нет. Он покачал головой. Приходится сокращать список, отвергать очевидно нелепые способы. Их нужно оставить на всякий случай.

Повстанцы спасли из развалин Хаулеттс-Центра пикаветвь библиотеки. Он может попытаться. Шансы на то, что там найдется что-то пригодное для военных действий, ничтожны. Маленькое ответвление, в котором информации не больше, чем во всех книгах, созданных человечеством до Контакта, специализированное в области возвышения и генной инженерии.

«Возможно, мы смогли бы обратиться в Региональную Центральную Библиотеку на Таците

с просьбой о поиске информации». Роберт улыбнулся этой мысли. Даже люди, осажденные захватчиками, имеют право запрашивать галактическую Библиотеку. Таков Кодекс Прародителей.

«Конечно! — С улыбкой ответил Роберт. — Мы просто направимся в штаб оккупантов и потребуем, чтобы наш запрос отправили на Тацит... запрос о военной технологии самих оккупантов!

Возможно, они пойдут на это. Сейчас, когда галактика в смятении.

Библиотека завалена запросами. Постепенно очередь дойдет и до нашего.

Может быть, в следующем столетии».

Он взглянул на свой список. Тут то, о чем он слышал или что-нибудь знает.

Первый вариант. Возможно, запущен спутник с совершенным оптическим оборудованием, который акр за акром сканирует Гарт, отыскивая очертания правильных форм — очертания зданий и машин. А потом направляет роботов к цели.

Вероятно, но почему тогда вылазки происходят снова и снова в одно и то же место? Ведь у такого спутника должна быть память. И как может такой спутник направить роботов против группы

шимпов, идущих под покровом густого леса?

То же самое, только наоборот, справедливо и для инфракрасного излучения. Машины не могут быть нацелены на тепло живого организма. Роботы продолжают поливать газом остывшие и покинутые недели назад здания.

У Роберта не хватало знаний, чтобы отбросить все способы из списка.

Он почти ничего не знал о пси-учении и его близком родиче — физике реальности. Время, проведенное с Атакленой, на многое открыло ему глаза, но и сейчас он новичок в той области, которая заставляет шимпов, да и многих людей вздрагивать от страха перед сверхъестественным.

«Ну что ж, все равно я заперт под землей. Надо постараться расширить свое образование».

Он встал, собираясь присоединиться к Атаклене и Бенджамину. Но неожиданно застыл. Глядя на список возможностей, он понял, что упустил еще одну.

«...Способ, с помощью которого губру легко преодолели нашу защиту в начале вторжения... Способ, с помощью которого они снова и снова находят нас, где бы мы ни скрывались. Способ предупредить каждый наш шаг...».

Он не хотел этого, но честность заставила снова взять ручку.

И он приписал одно слово:

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Глава 33
ФИБЕН

В этот день Гайлет показывала Фибену Порт-Хелению, вернее, ту ее часть, в которую разрешен был доступ неошимпам.

В южной части города в доки по-прежнему приходили рыболовные траулеры. Но теперь их экипаж состоял только из моряков-шимпов. Траулеры, с сокращенным вполовину экипажем, старались как можно дальше обходить корабли губру, занявшие залив Аспинал.

На рынках некоторых товаров было в достатке, но вообще большинство полок пустовало: многие запасали продукты, и их стало не хватать. Пиво и рыбу еще можно было купить за колониальные деньги. Но мясо и свежие фрукты продавали только за бумажные купюры, выпущенные оккупантами. И рассерженные покупатели уже начинали вспоминать значение древнего слова

«инфляция».

Похоже, половина населения работает на захватчиков. К югу от города, вблизи космопорта, строились укрепления. Котлованы красноречиво свидетельствовали о том, что будут сооружены и более массивные здания.

Повсюду развешаны плакаты с улыбающимися неошимпанзе; в них обещалось, что как только в обращение попадет достаточно новых денег, наступит изобилие. И добросовестная работа приблизит этот день.

— Ну? Насмотрелся? — спросила провожатая.

Фибен улыбнулся.

— Нет. Мы ведь только скользнули поверху.

Гайлет пожала плечами и предоставила ему идти, куда глаза глядят.

«Что ж, — думал Фибен, разглядывая пустые рыночные полки, — специалисты все время утверждают, что мы, шимпы, едим больше, чем нам полезно... гораздо больше, чем мы могли бы раздобыть в добрые старые дни. Может, это и пойдет нам на пользу».

Наконец они добрели до колокольни колледжа Порт-Хелении. Кампус меньше, чем у университета на острове Гилмор, но Фибен недавно участвовал здесь в конференции по экологии и

хорошо знал район.

И когда он разглядывал растительность, что-то показалось ему очень странным.

Дело не в танке губру на воздушной подушке, торчащем на верху холма.

И не в уродливой ограде, которая, окружая город, задевает и территорию кампуса с севера. Дело в самих студентах, в колледже.

Откровенно говоря, он удивлен что вообще видит их!

Разумеется, это все шимпы. Фибен ожидал увидеть в Порт-Хелении гетто или концентрационные лагеря, забитые людьми с материка. Но последняя партия мужчин и женщин несколько дней назад была перевезена на острова. Их место заняли тысячи шимпов, хлынувших отовсюду, особенно из тех мест, которые подвергаются газовым атакам, что бы ни утверждали губру о неподверженности шимпов действию газа.

Всем шимпам дали порцию противоядия, выплатили небольшую, символическую, компенсацию и направили на работу в городе.

Но здесь, в колледже, все кажется таким мирным и поразительно спокойным. Фибен и Гайлет посмотрели с высоты колокольни. Под ними шимпы и шимми переходили из аудитории в

аудиторию. Они несли книги, негромко разговаривали друг с другом и изредка украдкой бросали взгляды на крейсеры чужаков, все время пролетающие над головой.

Фибен удивленно покачал головой. Как они вообще умудряются тут учиться?

Конечно, люди известны своим либерализмом в политике возвышения; со своими клиентами они обращаются почти как с равными, в то время как галактическая традиция гораздо менее великодушна. Старшие галактические кланы могут неодобрительно ворчать, но в земном Совете рядом с людьми заседают шимпы и дельфины. Клиентам даже доверили несколько космических кораблей.

Но колледж без людей?

Фибен думал, почему оккупанты смотрят на поступки шимпов сквозь пальцы, вмешиваясь лишь в отдельных случаях и достаточно грубо, как в «Обезьяньей грозди».

Теперь ему показалось, что он понимает причину.

— Мимикрия. Должно быть, они считают, что мы притворяемся! — проговорил он вслух.

— Что ты сказал? — Гайлет взглянула на него. Они заключили временное перемирие до окон-

чания задания, но, очевидно, она не испытывала удовольствия от того, что приходится проводить с ним целый день.

Фибен указал на студентов.

— Скажи, что ты там видишь.

Она рассердилась, но потом вздохнула и наклонилась, всматриваясь.

— Я вижу профессора Джимми Санта, он выходит из аудитории, что-то объясняя студентам. — Она чуть улыбнулась. — Наверное, что-то о среднем периоде галактической истории... Я была его техническим помощником и хорошо помню выражение лиц студентов.

— Отлично. Это видишь ты. А теперь взгляни глазами губру.

Гайлет нахмурилась.

— Как это?

Фибен снова протянул руку.

— Вспомни: в соответствии с галактической традицией мы, неошимпы, всего триста лет назад обрели разум, мы чуть старше дельфинов. И только начинаем свой стотысячелетний период договора и службы людям. Не забудь также, что многие фанатики ити ненавидят людей. Однако людям предоставили статус патронов и все привилегии, связанные с ним. Почему? Потому

что еще до Контакта они возвысили шимпанзе и дельфинов! Статус в пяти галактиках приобретается только так. Нужно иметь клиентов и возглавлять клан.

Гайлет покачала головой.

— Не понимаю, к чему ты клонишь. Зачем ты объясняешь мне очевидное? — Она явно не хотела слушать лекцию шимпа из захолустья, у которого нет даже диплома доктора.

— Подумай! Как люди получили свой статус? Как это произошло, тогда, в двадцать втором столетии? Фанатики оказались в меньшинстве, когда присуждали статус разумных существ неошимпанзе и неодельфинам. — Фибен махнул рукой. — Это дипломатическая победа кантенов, тимбрими и других умеренных; люди тогда даже не подозревали, в чем дело.

На лице у Гайлет появилась сардоническая ухмылка, и Фибен вспомнил, что ее специальность — галактическая социология.

— Конечно, но...

— Это стало fait accompli[4]. Но губру, соро и другим фанатикам это не понравилось. Они по-прежнему считают нас почти животными. Им

---

[4] Примечания: 4
Совершившийся факт (фр.)

нужно в это верить, иначе придется признать, что люди заслужили свой статус в галактическом сообществе, что они равны остальным или даже выше многих!

— Я по-прежнему не понимаю...

— Посмотри вниз! — указал Фибен. — Взгляни глазами губру и скажи мне, что ты видишь!

Гайлет Джонс пристально взглянула на Фибена. Наконец вздохнула.

— Ну, раз уж ты настаиваешь... — Она наклонилась и снова оглядела двор.

— Мне это не нравится, — сказала она наконец. Фибен почти не слышал ее. Он придвинулся ближе.

— Расскажи, что ты видишь.

Она отвела взгляд, поэтому он ответил за нее.

— Перед тобой умные, хорошо обученные животные, подражающие своим хозяевам. Разве не так? Глазами губру ты видишь искусную имитацию людей-профессоров и людей-студентов... слепок лучших времен, формально воспроизведенный верными...

— Прекрати! — закричала Гайлет, зажимая уши. Она повернулась к Фибену, сверкая глазами. — Я тебя ненавижу!

Фибен удивился. Ей нелегко это дается. Может,

он просто вымещает на ней боль и унижения последних трех дней, которые отчасти дело ее рук?

Но нет. Ей нужно было показать, как ее народ выглядит в глазах врага!

Иначе как она научится сражаться с ним?

Он, конечно, поступил правильно.

«Все равно, — думал Фибен, — трудно выдерживать, когда тебя презирает красивая девушка».

Гайлет Джонс обвисла у столба, поддерживающего крышу колокольни.

— О Ифни и Гудолл! — сказала она, закрыв лицо. — А что, если они правы? Что, если это — правда?

Глава 34
АТАКЛЕНА

Глиф парафренлл повис над спящей девушкой, туманное облако неуверенности, дрожащее в темной комнате.

Это один из Глифов Судьбы. Лучше любого живого существа, предсказывающего свою судьбу, парафренлл знал, что несет в себе для нее будущее, что неизбежно.

И все же старался избежать его. Он не мог поступать иначе. Такова простая, чистая, неизбежная

сущность парафренлла.

Глиф дрожал в беспокойном сне Атаклены, поднимался, пока его неровный край не задел потолок пещеры. Глиф мгновенно отскочил от горящей реальности влажного камня и вернулся туда, где родился.

Атаклена повернула голову на подушке, и ее дыхание ускорилось.

Парафренлл в едва сдерживаемой панике парил над ее головой.

Бесформенный сонный глиф начал изменяться, его аморфное свечение постепенно превращалось в лицо с правильными чертами.

Парафренлл — это квинтэссенция. Его тема — сопротивление неизбежности. Он дергался и дрожал, пытаясь сдержать изменения, и на время лицо исчезло.

Здесь, над источником, опасность самая большая. Глиф метнулся к завешенному выходу, но неожиданно резко затормозил, словно парафренлл удерживают на короткой привязи.

Глиф становился все тоньше, вытягивался, пытаясь освободиться. Над спящей девушкой тонкие нити короны заволновались, натянулась, устремились вслед за капсулой психической энергии, потянули ее назад, назад.

Атаклена, дрожа, вздохнула. Ее бледная, почти прозрачная кожа вибрировала, тело напряглось, готовясь к изменениям. Но приказ не поступил. Плана не было. Гормонам и энзимам нечего было создавать.

Щупальца вытянулись, захватили парафренлл, потащили его.

Собрались вокруг сопротивляющегося символа, как пальцы, ласкающие глину, воссоздающие определенность из неопределенности, форму из неясного хаоса.

Но вот они отпали, обнажая то, во что превратился глиф… Весело улыбающееся лицо. Сверкающие кошачьи глаза. И недоброжелательная улыбка.

Атаклена застонала.

Появилась трещина. Она разделила лицо пополам и половинки разъединились. И появилось два лица!

Дыхание Атаклены участилось.

Два лица разделились в длину, их стало четыре. Это произошло снова — восемь… и снова — шестнадцать. Лица умножались, хохотали беззвучно, но оглушающе.

— Ах! — Атаклена открыла глаза. Они излучали прозрачный искусственный свет. Тяжело дыша,

сжимая одеяло, она села и увидела маленькое подземное помещение. Ей отчаянно нужно было увидеть что-то реальное: стол, слабый свет лампы, пробивающийся сквозь занавес. Она по-прежнему чувствовала присутствие этого существа, порожденного парафреннлом.

Теперь, когда она проснулась, оно растворялось, но медленно, очень медленно! Его смех звучал в такт с ударами ее сердца, и Атаклена знала, что бесполезно закрывать уши.

Как люди называют страшный сон? Кошмар. Но Атаклена слышала, что это лишь бледное, искаженное отражение событий дня, и обычно, проснувшись, люди его забывают.

Очертания комнаты медленно приобретали определенность. Но смех не просто исчез, потерпев поражение. Он впитался в стены. Она знала, что он ждет там. Ждет возврата.

— Тутсунаканн, — вслух вздохнула она. Слово на языке тимбрими прозвучало непривычно гнусаво после нескольких недель англика.

Глиф смеха — тутсунаканн — не рассеивался. И не рассеется, пока что-нибудь не изменится, пока неясная идея не превратится в шутку, розыгрыш.

А для тимбрими розыгрыш — это не обязательно всегда смешно.

Атаклена ждала, пока стихнут волнообразные движения под кожей.

Постепенно растворялась непрошенная гиррреакция.

«Вы не нужны, — сказала она энзимам. — Никакой опасности нет. Уходите, оставьте меня в покое».

С самого нежного возраста она привыкла к этим незначительным, незаметным изменениям, они стали частью ее жизни — иногда просто неудобство, а часто необходимость. Но после прибытия на Гарт она представляла себе маленькие жидкие органы как крошечные существа, похожие на мышей или суетливых гномов, которые бегают по ее телу и совершают изменения, когда в них возникает потребность.

Странный способ представлять себе естественные органические функции!

Многие животные на Тимбриме обладают этой способностью. Она возникла в результате эволюции в лесах Тимбрима задолго до того, как прилетели из космоса калтмуры и дали предкам Атаклены речь и закон.

Конечно, в этом... причина того, что до прилета на Гарт ей не нравились эти деловитые маленькие существа. До возвышения ее предразумные

предки не могли сравнивать. А после возвышения они уже познали научную истину.

Но люди... земные волчата... приобрели разум без всякого руководства.

Им не давали ответов, как ребенку дают знания родители и учителя. Они сами перешли от невежества к сознанию и провели долгие тысячелетия, двигаясь в темноте на ощупь.

Нуждаясь в объяснениях и не имея готовых, они приобрели привычку находить собственные! Атаклена вспомнила, как ей было интересно читать о некоторых таких объяснениях.

Болезнь вызывается «парами», или излишком желчи, или проклятием врага... Солнце движется по небу в большой колеснице... Ход истории определяется экономикой...

А в теле живет душа...

Атаклена коснулась пульсирующего бугорка под подбородком и вздрогнула, когда он отодвинулся, словно маленькое пугливое существо.

Ужасающая вещь, эта метафора, она страшнее, чем тутсунаканн, потому что вторгается в самое тело, в самую суть.

Атаклена застонала и закрыла лицо руками.

«Сумасшедшие земляне! Что они со мной сделали?» Она вспомнила, как отец призывал ее

лучше узнавать людей, преодолеть свои предрассудки относительно обитателей третьей планеты Солнца. Но что вышло из этого? Она обнаружила, что ее судьба переплелась с их судьбами, и она бессильна повлиять на это.

— Отец, — вслух сказала она на галактическом-семь. — Я боюсь.

Теперь у нее остается только воспоминание об отце. Даже свечение нахакиери, которое она ощутила в Хаулеттс-Центре, больше недоступно для нее, может, исчезло навсегда. Она не может опускаться внутрь в поисках отца, потому что там ждет тутсунаканн, как некий подземный зверь.

«Опять метафора, — поняла она. — Они переполняют мои мысли, и собственные глифы приводят меня в ужас!»

Шум в коридоре заставил ее поднять голову. Занавес отдернули, и на пол лег треугольник света, на фоне которого была видна чуть согнутая фигура шимпа.

— Прошу прощения, мисс Атаклена, сэр. Не хотелось нарушать ваш отдых, но мы подумали, что вы захотите знать...

Атаклена глотнула, прогоняя комок из горла. Вздрогнула и сосредоточилась на англике.

— Да? Что случилось?

Шимп сделал шаг вперед, частично закрыв свет.

— Капитан Онигл, сэр. Я... Боюсь, мы нигде не можем его отыскать.

Атаклена замигала.

— Роберт?

Шимп кивнул.

— Его нигде нет, сэр. Он просто исчез!

Глава 35
РОБЕРТ

Лесные животные останавливались и настороженно прислушивались. Шорох шагов заставлял их нервничать. Все без исключения, они прятались в укрытиях и оттуда смотрели, как большой зверь пробегает мимо, перепрыгивая с камня на мягкий суглинок.

К низкорослой двуногой разновидности, а также к тем большим зверям, что часто передвигаются на трех конечностях, они уже начали привыкать. Это волосатые и пахнут как животные. Но этот зверь совсем другой. Он бежит, но не охотится. Его преследуют, но он не пытается сбить преследователей со следа. Он теплокровный, но, отдыхая, лежит на полуденном солнце,

которое могут выдержать только птицы.

Маленькие наивные существа не связывали бегущего зверя с теми, что летают в металлических и пластиковых остро пахнущих оболочках, потому что те всегда издают так много шума, и от них всегда так несет...

Но этот зверь... он бежит совсем без одежды.

* * *

— Капитан, стойте!

Роберт перескочил на следующий булыжник в осыпи. Наклонился, переводя дух, и посмотрел на своего преследователя.

— Устал, Бенджамин?

Офицер-шимп тяжело дышал, он наклонился, опираясь обеими руками о колени. Ниже по склону лежали остальные шимпы из разведывательной группы, некоторые на спинах, не в состоянии двигаться.

Роберт улыбнулся. Они, должно быть, решили, что его легко будет поймать. Ведь в конце концов шимпы в лесу как дома. И даже у самки хватит сил, чтобы схватить его и унести назад.

Но Роберт все рассчитал. Он держался открытой местности и использовал личное преимущество — длинные ноги.

— Капитан Онигл... — снова попробовал Бенджамин, переведя дыхание. Он поднял голову и сделал шаг вперед. — Капитан, пожалуйста, вы больны.

— Я себя отлично чувствую, — заявил Роберт, лишь немного солгав. На самом деле ноги у него начало сводить судорогой, правая рука болела: он сам снял свой гипс. И еще босые ноги...

— Блесни логикой, Бенджамин, — сказал Роберт. — Докажи мне, что я болен, и, может быть, я вернусь с вами в эти вонючие пещеры.

Бенджамин, мигая, смотрел на него. Потом пожал плечами, очевидно, готовый ухватиться за любую соломинку. Роберт доказал, что они не смогут догнать его. Может быть, логика на него подействует.

— Ну, сэр. — Бенджамин облизал губы. — Во-первых, тот факт, что на вас нет никакой одежды.

Роберт кивнул.

— Неплохо для начала. Я согласен, что простейшее, самое естественное объяснение моей наготы в том, что я спятил. Но оставляю за собой право предложить альтернативную теорию.

Шимп вздрогнул, заметив улыбку Роберта. Роберт не мог не сочувствовать Бенджамину. С точки зрения шимпа, происходит трагедия, и он

никак не может предотвратить ее.

— Пожалуйста, продолжай, — сказал Роберт.

— Хорошо, — вздохнул Бенджамин. — Во-вторых, вы убегаете от шимпов, которые вам подчиняются. Патрон, который боится своих верных клиентов, не может быть в здравом рассудке.

Роберт кивнул.

— От клиентов, которые оденут на патрона смирительную рубашку и при первой же возможности накачают его успокоительным? Не пойдет, Бен. Если ты примешь мою посылку, что у меня есть причина для такого поведения, ты поймешь: я должен пытаться помешать вам, ребята, утащить меня назад.

— Хм... — Бенджамин шагнул вперед. Роберт небрежно перескочил на булыжник выше по склону. — Ваша причина может быть неразумной, — предположил Бенджамин. — Неврозы защищаются, они пытаются рационализировать нелепое поведение. Больной на самом деле верит...

— Хорошее доказательство, — жизнерадостно согласился Роберт. — Для дальнейших рассуждений принимаю, что моя «причина» на самом деле объяснение, предложенное неуравновешенным мозгом. Может быть, ты в обмен признаешь, что

эта причина может быть разумной?

Бенджамин оскалил зубы.

— Вы нарушаете приказ. Здесь запрещено находиться.

Роберт вздохнул.

— Приказ ити, да еще штатского, офицеру морской пехоты? Шимп Бенджамин, ты удивляешь меня. Я согласен: Атаклена организует сопротивление. У нее к этому склонность, и большинство шимпов преклоняются перед ней. Но я предпочитаю действовать независимо. Ты знаешь, я имею на это право.

Разочарование Бенджамина было очевидно. Шимп, казалось, находится на грани истерики.

— Но вы здесь в опасности!

Наконец-то. Роберт гадал, сколько еще Бенджамин выдержит эту игру в логику, когда каждая мышца его дрожит от волнения: последний уцелевший человек в опасности. Роберт сомневался, чтобы в аналогичных обстоятельствах многие люди повели бы себя лучше.

Он собирался что-то сказать об этом, но тут голова Бенджамина резко дернулась. Шимп прислушался к небольшому приемнику. И на лице его отразилась тревога.

Должно быть, некоторые шимпы тоже услыша-

ли это сообщение, потому что переступали с ноги на ногу, глядя на Роберта с растущей паникой.

— Капитан Онигл, сообщение о звуковых сигналах на северо-востоке. Газовые роботы!

— Расчетное время появления?

— Четыре минуты! Пожалуйста, капитан, идемте!

— Куда? — Роберт пожал плечами. — Мы не доберемся за это время до пещер.

— Мы можем вас спрятать. — Но, судя по ужасу Бенджамина, он понимал, что это невозможно.

Роберт покачал головой.

— У меня есть предложение получше. Но нам нужно прекратить наш небольшой спор. Ты должен согласиться, что я здесь по уважительной причине, шимп Бенджамин. И немедленно!

Шимп смотрел на него, потом неуверенно кивнул.

— Я... у меня просто нет выбора.

— Отлично, — сказал Роберт. — А теперь раздевайся.

— С... сэр?

— Снимай одежду! И этот твой передатчик! Пусть все разденутся. Снимите с себя все! Во имя любви к патронам не оставляйте ничего, кроме кожи и шерсти. А потом идите сюда ко мне, к

деревьям на вершине осыпи.

Роберт не стал ждать, пока мигающий шимпанзе выполнит этот странный приказ. Он повернулся и побежал по склону, оберегая ногу, которую порезал во время бега.

«Сколько времени осталось?» — думал он. Даже если он прав — а Роберт знал, что он очень рискует, — все равно нужно забраться как можно выше.

Он не мог удержаться и все время поглядывал на небо в поисках роботов-бомбардировщиков. И поэтому споткнулся и упал на колени, достигнув вершины. Прополз последние два метра, срывая кожу, и укрылся под ближайшим карликовым деревом. Согласно его теории, неважно, будет ли он на виду. Но все же Роберту хотелось спрятаться. Возможно, у роботов губру есть дополнительные оптические приборы.

Он слышал крики снизу, там яростно спорили шимпы. Потом с севера донеслось слабое гудение.

Роберт глубже забрался в кусты, хотя острые сучки царапали нежную кожу. Сердце забилось сильнее, во рту пересохло. Если он ошибся, если шимпы не послушаются его приказа...

Если хоть одно условие будет нарушено, он

вскоре окажется на пути в Порт-Хелению, к интернированию. Или вообще умрет. В любом случае Атаклена останется одна, единственный уцелевший в горах патрон. А он проведет оставшиеся минуты или годы жизни, кляня себя последними словами.

«Может, мать была права и я действительно лишь вечный плейбой. Ну, скоро увидим».

Застучали камни, скатывающиеся по осыпи. Пять коричневых фигур достигли зарослей, и в этот момент гул над головой достиг крещендо. Шимпы быстро повернулись, подняв облака пыли, и смотрели широко раскрытыми глазами. Над маленькой долиной повис корабль чужаков. Роберт в своем укрытии откашлялся. Шимпы, которым без одежды было явно неловко, напряженно и удивленно посмотрели на него.

— Ребята, вы лучше все выбросьте, включая эти ваши наушники, иначе я от вас снова убегу.

Бенджамин фыркнул.

— Мы разделись. — Он кивком указал вниз, в долину. — Гарри и Франк не захотели. Я им велел забраться на другой склон и держаться от нас подальше.

Роберт кивнул. Вместе со своими спутниками он смотрел, как робот начинает действовать.

Остальные это уже видели, но у него раньше такой возможности не было. И поэтому Роберт смотрел не просто с легким интересом.

* * *

Корабль-робот, примерно пятидесяти метров в длину, каплевидный, на остром конце установлены медленно поворачивающиеся сканеры. Газовый робот пролетел над долиной справа налево, от его гравиполя дрожала листва деревьев. Летая зигзагами над каньоном, он как будто принюхивался. Исчез за холмом.

Гудение стихло, но ненадолго. Скоро звук вернулся, а вслед за ним снова появилась машина. На этот раз за ней тянулось темное ядовитое облако. Газробот пролетел над долиной и оставил самый толстый слой газа в том месте, где шимпы бросили свою одежду и оборудование.

— Я поклялся бы, что эти мини-компьютеры невозможно обнаружить, — прошептал один из шимпов. — Придется нам выходить совсем без электроники, — с несчастным видом добавил другой, глядя, как корабль снова исчезает из виду. Все дно долины затянулось газом.

Бенджамин посмотрел на Роберта. Оба знали, что это еще не конец.

Высокое гудение послышалось снова, машина губру вернулась и пролетела на большей высоте. Ее сканеры осматривали оба склона долины.

Машина остановилась прямо напротив них. Шимпы застыли, словно глядели в глаза огромного тигра. Так продолжалось несколько мгновений. Потом бомбардировщик двинулся под прямым углом к прежнему курсу.

Прочь от них.

И выпустил облако газа на противоположный склон. С той стороны послышался кашель и громкие проклятия. Один из шимпов бранил химию губру.

Робот начал по спирали набирать высоту. Очевидно, поисковый маршрут вскоре приведет его к землянам на этом склоне.

— Есть у кого-нибудь предметы, не предъявленные таможне? — сухо спросил Роберт.

Бенджамин повернулся к одному из неошимпов. Протянул руку. Младший шимп сердито разжал ладонь. Сверкнул металл.

Бенджамин схватил цепочку и медальон, на мгновение выпрямился и швырнул их вниз. Цепочка сверкнула и исчезла в дымном облаке.

— Возможно, в этом не было необходимости, — сказал Роберт. — Придется поэкспериментиро-

вать. Будем выкладывать различные предметы в разных местах и посмотрим, какие вызовут бомбардировку... — Он говорил для того, чтобы поддержать моральный дух. И не только их, но и свой. — Я полагаю, что это что-то очень простое, обычное, но рассчитанное на Гарт. Его резонанс говорит о земном происхождении.

Бенджамин и Роберт посмотрели друг на друга. В словах не было нужды.

Истинная причина или попытки объяснения? Через десять секунд станет ясно, прав Роберт или катастрофически заблуждается.

«Они могут засекать и нас, — подумал Роберт. — Ифни! Что, если они настроены на человеческую ДНК?»

Робот пролетел над головой. Все закрыли уши и поморщились: поля отталкивания задели нервные окончания. Роберт испытал волну deja vu[5], как будто он и его спутники уже многократно испытывали это в бесчисленных прежних жизнях. Трое шимпов закрыли головы руками и заскулили.

Остановилась ли машина? Роберту показалось, что остановилась, что сейчас она начнет...

---

[5] Примечания: 5
Уже видел (фр.)

Но вот она миновала их... задрожали вершины деревьев в десяти метрах... в двадцати... в сорока. Поисковая спираль расширилась, и вой двигателей газробота медленно стих в отдалении. Машина улетела в поисках новых целей.

Роберт посмотрел на Бенджамина и подмигнул.

Шимп фыркнул. Очевидно, он считал, что Роберт не должен быть таким самоуверенным, оттого что оказался прав. В конце концов он ведь патрон.

И еще важен стиль. Бенджамину явно хотелось, чтобы Роберт более достойно продемонстрировал свою правоту.

* * *

Роберт должен будет вернуться в пещеры другим путем, избегая малейшего контакта с газом принуждения. Шимпы собрали свои вещи и стряхнули черный, похожий на сажу порошок. Но снова одеваться не стали.

И не только из-за чуждого запаха. Впервые сами предметы вызвали их подозрение. Инструменты и одежда, сами символы разума, вдруг стали предателями. Им нельзя доверять.

Домой шли обнаженными.

Потребовалось какое-то время, чтобы маленькая долина вернулась к нормальной жизни. На туземных обитателей Гарта не действовал газ, который время от времени спускался с неба. Но он нравился им не больше, чем шумные двуногие существа.

Нерешительно, нервно туземные животные возвращались на свои жилые и охотничьи территории.

Такой реакции естественно ожидать от тех, кто пережил катастрофу бурурали. На северном краю долины животные останавливались и прислушивались, подозрительно нюхали воздух.

Многие снова уходили. Что-то чуждое поселилось в долине. И пока не уйдет, возвращения домой не будет.

Темная фигура показалась на склоне, осторожно пробираясь между камнями, где черный слой самый толстый. Сгущались сумерки. Животное смелее двинулось вперед, больше не прячась, потому что здесь ничто не может ему повредить. Оно задержалось, разглядывая что-то. Заходящее солнце отразилось от этого чего-то. Существо подобралось к блестящему предмету, цепочке и медальону среди камней, и подобрало его.

Посидело, разглядывая этот подарок на память,

негромко дыша. Потом уронило блестящую безделушку и пошло дальше.

Оно ушло, и остальные животные завершили одиссею и разбежались по своим нишам и убежищам. И через минуту все было забыто. Изнурительный день кончился.

Память бывает помехой. У животных есть занятия поважнее, чем размышления о том, что произошло здесь раньше. Приближается ночь, а это трудное время суток. Охотиться и убегать от охотников, есть и быть съеденным, жить и умирать.

Глава 36
ФИБЕН

— Мы должны наносить удары таким образом, чтобы они не могли выйти на нас.

Гайлет Джонс сидела, скрестив ноги, на ковре, спиной к углям очага.

Она посмотрела на ad hoc[6] комитет сопротивления и подняла один палец.

— Люди на острове Гилмор и на других островах совершенно беспомощны перед наказанием.

---

[6] Примечания: 6
На данный случай; временный (лат.)

Кстати, все городские шимпы тоже. Поэтому начинать нужно осторожно и сосредоточиться на разведке, прежде чем сумеем по-настоящему нанести ущерб врагу. Если губру поймут, что перед ними организованное сопротивление, невозможно предсказать, что они сделают.

Фибен из своего затененного конца комнаты видел, как один из вновь назначенных руководителей ячейки, профессор колледжа, поднял руку.

— Но как они могут угрожать заложникам? Это запрещено галактическим кодексом войны. Помнится, я читал...

Его прервала одна из старших шимми.

— Доктор Уолд, мы не можем рассчитывать на галактические кодексы. Мы просто не знаем всех тонкостей, и у нас нет времени на их изучение!

— Ну, мы можем проверить, — неуверенно возразил пожилой шен. — Городская Библиотека открыта.

— Да, — фыркнула Гайлет. — Можно представить себе, как отнесется старший библиотекарь-губру к запросу о правилах войны сопротивления!

— Ну предположительно.

Они уже довольно давно спорили об этом. Фибен откашлялся в кулак. Все подняли головы.

Впервые с начала встречи Фибен заговорил.

— Вопрос спорный, — спокойно сказал он. — Даже если бы мы знали, что заложники в безопасности, Гайлет все равно права, потому что есть еще одна причина.

Она подозрительно взглянула на него. Вероятно, не очень довольна, что он поддержал ее.

«Она очень умна, — подумал Фибен. — Но у меня с ней еще будут неприятности».

Он продолжал.

— Первые наши удары должны казаться легкими, потому что сейчас захватчики расслабились, они ничего не подозревают и совершенно презирают нас. Такие условия сохранятся недолго. Мы должны их использовать, чтобы сопротивление скоординировало свои действия и укрепилось.

— Это значит, что мы не должны очень высовываться, пока не получим приказ генерала.

Он улыбнулся Гайлет и прислонился к стене. Гайлет нахмурилась, но ничего не ответила. Они и раньше спорили, нужно ли подчинять сопротивление в Порт-Хелении юной девушке-чужаку. Здесь ничего не изменилось.

Но сейчас он ей необходим. Выступление Фибена в «Обезьяньей грозди» привело десятки новобранцев и наэлектризовало ту часть общи-

ны, которая наслушалась пропаганды губру.

— Хорошо, — сказала Гайлет. — Начнем с чего-нибудь простого. О чем ты сможешь доложить своему генералу.

Их взгляды на мгновение скрестились. Фибен только улыбнулся и задержал ее взгляд. Заговорили остальные.

— А что, если мы...

— Как насчет взрыва...

— Может быть, единый удар...

На Фибена обрушился поток предложений — как ужалить и одурачить древнюю, опытную, высокомерную и необыкновенно могущественную галактическую расу; и он чувствовал, что знает, о чем думает Гайлет, о чем она должна думать после посещения колледжа Порт-Хелении.

«На самом ли деле мы разумные существа в отсутствие наших патронов? Рискнем ли применить даже самые блестящие планы против мощи, которую и осознать не можем?»

Фибен кивнул, соглашаясь с Гайлет Джонс. «Да, действительно. Начинать нужно с простого».

Глава 37

Расходы росли, но не только это тревожило сюзерена Стоимости и Бережливости. Новые противокосмические укрепления, непрерывные газовые атаки на любое место, где можно заподозрить присутствие землян, — все эти меры были предложены сюзереном Луча и Когтя, и в начальной стадии операции трудно было возражать военному руководителю экспедиции.

Но дело сюзерена Стоимости и Бережливости не только в подсчетах расходов. Главная его задача — защитить расу губру от возможных последствий ошибок.

Как много космических видов возникло с тех пор, как три миллиарда лет назад Прародители начали великую цепь возвышения! Многие расы расцвели, достигли высот величия, но потом погибли из-за глупых ошибок, которых вполне можно было избежать.

Это еще одна причина, по которой власть у губру разделяется.

Агрессивный дух солдат Когтя должен отыскивать новые возможности для Насестов. Опыт Праведности не позволяет свернуть с Истинного Пути. Но вдобавок обязательно должна быть Бе-

режливость, крик предупреждения, что смелость может завести слишком далеко, а чрезмерный догматизм тоже приводит к падению насестов. Сюзерен Стоимости и Бережливости расхаживал по своему кабинету. За окружающими садами лежит маленький город, который люди называют Порт-Хеления. Везде чиновники губру и кваку обсуждают подробности, подсчитывают расходы, строят планы.

Скоро состоится новое совещание с остальными сюзеренами. Сюзерен Стоимости и Бережливости знает, что возникнут другие требования.

Коготь спросит, почему большая часть флота отозвана. И придется доказывать, что Повелителям Насестов флот больше нужен в другом месте: ведь Гарт в безопасности.

Праведность снова будет жаловаться, что планетарная Библиотека совершенно неадекватна и, по-видимому, повреждена бежавшим правительством землян. Или саботаж организовал тимбримийский шутник Утакалтинг? Во всяком случае, будут требования об установке расширенной ветви Библиотеки, а это чрезвычайно дорого.

Сюзерен Стоимости и Бережливости распушил оперение. На этот раз он чувствует себя уверенно.

До сих пор он уступал остальным двум, но сейчас положение под контролем, обстановка мирная.

Остальные двое моложе, не такие опытные. Умные, но торопливые. Пора показать им, как обстоят дела, как они должны обстоять, если они намерены выработать разумную, здравую политику. На этой встрече, уверял себя сюзерен Стоимости и Бережливости, он победит!

Сюзерен почистил клюв и выглянул, увидев мирный полдень. Прекрасные сады, с десятками разновидностей деревьев и трав, привезенных со многих планет. Прежнего обитателя здания нет, но его вкус чувствуется в окружении.

Как печально, что таких губру, которые думают об эстетическом чувстве других рас, можно по пальцам пересчитать. Есть слово, описывающее восприятие чужого. В англике это — эмпатия. Конечно, некоторые разумные заходят здесь слишком далеко. Теннанинцы и тимбрими, каждые по-своему, дошли до нелепости, разрушив свою уникальность. Но все же среди Повелителей Насестов есть и такие, которые считают, что небольшая доза понимания и оценки других в будущем может оказаться полезной.

Более чем полезной. Осторожность просто требует ее теперь.

Сюзерен подготовил свои планы. Мудрые замыслы других сюзеренов объединятся под его руководством. Уже становятся ясными очертания новой политики.

Жизнь — очень сложная штука, думал сюзерен Стоимости и Бережливости.

Но все же иногда она бывает очень приятной!

Какое-то время сюзерен удовлетворенно ворковал в одиночестве.

Глава 38
ФИБЕН

— Все готово.

Высокий шимп вытер руки о комбинезон. Макс носит комбинезон с длинными рукавами, чтобы не пачкать руки, но это не очень помогает. Он отложил инструменты, присел рядом с Фибеном и с помощью прутика начертил на песке грубую схему.

— Вот здесь городские трубы с водородом выходят на территорию посольства, а здесь они проходят под архивом. Мы с партнером вскроем соединение в этом лесу. Когда доктор Джонс даст знак, выльем пятьдесят килограммов Д-17. Должно подействовать.

Фибен кивнул, и Макс стер рисунок.

— Звучит превосходно, Макс.

Хороший план, простой, и, что еще важнее, невозможно найти источник, независимо от того, удастся ли этот план. По крайней мере они на это рассчитывают.

Фибен подумал, что бы сказала Атаклена об этом плане. Подобно большинству шимпов, Фибен познакомился с тимбрими по видеодрамам и речам посла. Судя по этому представлению, ближайшие союзники землян явно любят юмор.

«Надеюсь на это, — размышлял Фибен. — Ей определенно понадобится юмор, чтобы оценить наши действия в посольстве тимбрими».

Он чувствовал себя странно, сидя на открытом месте не более чем в ста метрах от территории посольства, там, где пологие холмы парка Приморского Обрыва выходят к морю Гилмор. В старых военных фильмах люди на подобные задания отправлялись всегда ночью, с зачерненными лицами.

Но это было в темные века, до высокой технологии, до появления инфракрасных сканеров. Деятельность после наступления темноты только привлечет внимание захватчиков. Поэтому саботажники передвигались днем, выдавая себя

за рабочих парка.

Пока они ждали, Макс достал из вместительного комбинезона сандвич и начал есть его большими кусками. Сейчас, сидя со скрещенными ногами, рослый шимпанзе не менее внушителен, чем при первой встрече в «Обезьяньей грозди». По его широким плечам и выступающим вперед мощным клыкам можно подумать, что он — результат неудачной генной инженерии, регрессировавший организм. Но Совет возвышения на внешность обращает мало внимания, зато ценит спокойный невозмутимый характер. У Макса уже есть один ребенок, и одна из его жен ждет сейчас второго.

Макс работает в семействе Гайлет с тех пор, как она помнит себя, и заботится о ней после ее учебы на Земле. Его преданность ей очевидна.

Слишком мало шимпов с желтыми картами, как Макс, стали членами подполья. Гайлет настаивала, чтобы привлекали только синие и зеленые карты, и Фибену от этого было не по себе. Но он понимал ее. Известно, что некоторые шимпы сотрудничают с врагом. Поэтому сеть надо создавать из тех, кто больше всего теряет при господстве губру. Но Фибену все равно не нравилась дискриминация.

— Лучше себя чувствуешь?

— А? — Фибен оглянулся.

— Твои мышцы, — Макс сделал жест. — Не болят?

Фибену пришлось улыбнуться. Макс постоянно извиняется. За то, что не вступился за Фибена, когда к нему приставали испытуемые, за то, что потом выстрелил в него из станнера. Конечно, теперь его действия объяснимы. Ни Макс, ни Гайлет не знали, кто такой Фибен на самом деле, и решили проявить осторожность.

— Да, гораздо лучше. Иногда сводит немного. Спасибо.

— Ммм, хорошо. Я рад. — Макс, довольный, кивнул.

Фибен подумал, что никогда не слышал сожалений Гайлет по поводу того, как с ним обошлись в «Обезьяньей грозди».

Он затянул очередной болт на газонокосилке, которую ремонтировал.

Косилка на самом деле нуждалась в ремонте — на случай, если заинтересуется патруль губру. Но пока им везет. К тому же большинство чужаков на южном берегу залива Аспинал, где присматривают за одним из своих загадочных сооружений.

Фибен достал из-за пояса бинокль и направил

на посольство. Всю его территорию окружает низкая пластиковая изгородь с блестящим проводом поверху. Через равные промежутки расположены вращающиеся наблюдательные буи. Маленькие вертящиеся диски выглядят невинным украшением, но Фибен знал, что это не так. Эти защитные устройства делают прямое нападение нерегулярных сил невозможным.

Изгородь опоясывает пять зданий. Самое большое — архив — оснащено полным набором современного оборудования, с антеннами радио, пси и квантовых волн. Именно по этой причине захватчики заняли это здание, лишившееся своих обитателей.

До вторжения в посольстве работали по найму люди и шимпы. Тимбрими в этом далеком посольстве были только сам посол, его личный пилот и дочь.

Захватчики не следовали этому примеру. Вся территория кишела птичьими фигурами. И только в одном маленьком сооружении, на вершине холма, на берегу океана, не видно многочисленных входящих и выходящих губру и кваку.

Пирамидальное сооружение без окон скорее напоминает насыпь или груду камней, чем дом, и никто из чужаков не подходит к нему ближе

двухсот метров. Фибен вспомнил, что сказала ему генерал перед тем, как он ушел из горного района.

— Фибен, если выпадет случай, пожалуйста, осмотри дипломатический сейф в посольстве. Если губру его не тронули, там может быть послание от моего отца.

Шлем Атаклены на мгновение встопорщился.

— А если губру вскрыли сейф, я тоже должна об этом знать. Мы сможем использовать эту информацию.

Не похоже, что ему представится возможность выполнить ее просьбу, даже если губру соблюдают Кодекс. Генералу придется обойтись отчетом о результатах визуального наблюдения.

— Что ты видишь? — спросил Макс. Он продолжал спокойно жевать сандвич, словно каждый день поднимает восстания.

— Минутку. — Фибен усилил увеличение и пожалел, что у него нет лучшего бинокля. Насколько он может судить, пирамида на вершине холма не тронута. На крыше небольшого сооружены мигает голубой огонек. «Кто его там зажег? Губру?» — подумал Фибен.

— Не знаю, — ответил он. — Но думаю...

Загудел телефон на поясе — еще одна примета

нормальной жизни, которая должна была кончиться с нашествием. Коммерческая телефонная сеть работает, хотя ее явно прослушивают лингвистические компьютеры губру.

Он взял трубку.

— Да, милая? Я уже проголодался. Надеюсь, ты приготовила ленч.

Наступила пауза. Когда Гайлет Джонс ответила, голос ее звучал резко.

— Да, дорогой. — Она придерживалась условного кода, но он явно ей не нравился. — Брачная группа Пила сегодня отдыхает, поэтому я пригласила их на пикник.

Фибен не мог удержаться — разумеется, исключительно для правдоподобия.

— Отлично, дорогая. Может, нам с тобой удастся улизнуть в лес и сделать ук-ук. Понимаешь?

Она ахнула, и Фибен, не давая ей ответить, закончил:

— Пока, сладкая. — Опуская трубку, он заметил, как смотрит на него Макс, с едой за щекой. Фибен поднял бровь, и Макс пожал плечами, как бы говоря: «Не мое дело».

— Пойду взгляну, все ли готово у Дуэйна, — сказал Макс. Он встал и отряхнул комбинезон. — Поднять якорь, Фибен.

— Прочистить фильтры, Макс.

Рослый шимп кивнул и начал спускаться с холма, неторопливо, словно продолжается нормальная жизнь. Фибен опустил кожух и включил щетку. Мотор негромко заурчал. Фибен вскочил на сиденье и тоже медленно двинулся вниз по склону холма.

В этот полдень уик-энда парк битком набит отдыхающими. Это тоже часть плана. Чтобы приучить захватчиков к необычному поведению шимпов, все большие их группы направлялись сюда в течение недели.

Это идея Атаклены. Фибен не был уверен, что она ему понравилась, однако Гайлет полностью приняла предложение тимбрими. Загадка для антрополога. Фибен хмыкнул.

Он подъехал к небольшой рощице ив у ручья, недалеко от территории посольства, вблизи ограды и маленьких вертящихся наблюдателей. Здесь Фибен выключил мотор и слез. Подошел к берегу ручья, разбежался и запрыгнул на дерево. Добрался до ветки, с которой видна вся территория. Потом достал мешочек с арахисом и принялся грызть.

Ближайший диск как будто на мгновение перестал поворачиваться. Вне всякою сомнения,

он уже просветил Фибена всеми возможными способами, от рентгеновских лучей до радара. И установил, что он безоружен и безвреден.

Целую неделю разные шимпы устраивали здесь перерыв на ленч.

Фибен вспомнил вечер в «Обезьяньей грозди». Возможно, Атаклена и Гайлет правы, подумал он. Если птички пытаются манипулировать нами, почему бы нам не попробовать то же по отношению к ним?

Снова зазвонил его телефон.

— Да?

— Знаешь, у Дональда метеоризм. Так что на пикник он не придет.

— Жаль, — ответил Фибен и убрал телефон. Пока все в порядке. Он разгрыз еще один орех. Д-17 залит в трубы, доставляющие водород в посольство. Но есть еще несколько минут, прежде чем что-нибудь произойдет.

Идея простая, хотя у Фибена оставались сомнения. Саботаж должен выглядеть естественно и происходить тогда, когда все невооруженные группы Гайлет займут свои места. Рейд должен только вызвать помехи, а не причинить серьезный вред. И Гайлет, и Атаклене нужна информация о том, что делают губру в чрезвы-

чайной ситуации.

Фибен должен был стать глазами и ушами генерала. Он видел, как на территории посольства птицеподобные входят в архив и другие здания и выходят из них. Маленький синий огонек на верху дипломатического сейфа мигал на фоне ярких морских облаков. Над головой прогудел флиттер губру и начал садиться на широкую лужайку посольства. Фибен наблюдал с интересом, ожидая начала суматохи.

Д-17 — мощный разъедающий газ, особенно в присутствии водорода. Он очень скоро разъест трубы. А когда соединится с воздухом, преподнесет еще один сюрприз. Вонять будет до самого неба.

Долго ждать не пришлось.

Фибен улыбнулся, услышав первые крики ужаса со стороны архива. Через мгновение двери и окна здания словно взорвались: пернатые вылетали из них, дико вопя от ужаса или отвращения. Отчего именно, Фибен не знал, но ему было безразлично. Он слишком увлекся наблюдениями.

Эта часть плана была его идеей. Он очистил орех, подбросил и поймал ртом. Гораздо лучше бейсбола!

Губру разбегались врассыпную, прыгали с бал-

конов даже без антигравитационных устройств. Некоторые лежали на земле с переломанными конечностями.

Тем лучше. Конечно, для врага это не очень серьезный урон, да и проделать такое можно только раз. Истинная цель — понаблюдать, как поведут себя губру в чрезвычайной ситуации.

Завыли сирены. Фибен взглянул на часы. Прошло две минуты с первых признаков паники. Это означает, что тревогу включили вручную. Хваленые оборонительные компьютеры губру, значит, не всеведущи. Они не реагируют на дурной запах.

Буи-сторожа одновременно поднялись с изгороди, издавая угрожающий вой, и завертелись быстрее. Фибен стряхнул с колен скорлупу и медленно сел, осторожно наблюдая за смертоносными приборами. Если они запрограммированы автоматически расширять защитный периметр независимо от причины угрозы, у него могут быть неприятности.

Но они только вращались все быстрее. Потребовалось, по часам Фибена, еще три минуты, и послышался тройной звуковой удар: появились боевые машины. Стреловидные, похожие на клюв ястреба, они низко пронеслись над опу-

стевшим зданием. Губру на лужайке, казалось, слишком нервничают, чтобы радостно приветствовать их появление. Они прыгали и кричали, когда от звуковой волны задрожали деревья и их оперение.

Появился важный чиновник-губру, он ходил по газону, чирикал, успокаивая подчиненных. Фибен не решился воспользоваться биноклем: сторожа сейчас возбуждены. Он пристально вглядывался, стараясь разглядеть главную птицу. Несколько особенностей этого губру показались ему странными: белое оперение, светящееся ярче, чем у остальных, черная лента на шее.

Несколько минут спустя появилось вспомогательное судно и повисло, ожидая, пока щебечущие птицы расступятся и освободят место для посадки. Из приземлившегося флиттера вышли две птицы в ярких дыхательных масках с высоким гребнем. Они поклонились чиновнику, поднялись по ступенькам и исчезли в здании.

Очевидно, главный губру сообразил, что вонь из разъеденных труб не представляет угрозы. Весь этот шум и суматоха гораздо больше вредили его команде чиновников и планировщиков, чем дурной запах. Несомненно, он встревожен, потому что целый рабочий день пошел насмарку.

Шло время. Фибен наблюдал за прибытием конвоя наземных машин с воющими сиренами. Их появление снова привело птицеподобных в возбужденное состояние. Старший губру хлопал руками, пока шум немного не стих. Потом сделал повелительный жест сверхзвуковым истребителям вверху.

Они сразу развернулись и улетели так же быстро, как появились. От ударной волны снова задребезжали окна и закричал штат архива.

— Как они легко возбуждаются, — заметил Фибен.

Несомненно, солдаты губру гораздо лучше подготовлены к таким происшествиям.

Фибен встал на ветке и осмотрел остальные районы парка. Повсюду изгородь была окружена шимпами, еще больше их подходило из города. Они держались на почтительном расстоянии от сторожей, но все же подходили и взволнованно разговаривали друг с другом.

Среди них мелькали разведчики Гайлет Джонс. Они отмечали время и запоминали все действия чужаков.

— Первое, что губру прочтут о вас в архивах Библиотеки, это так называемый обезьяний рефлекс, — говорила Фибену Атаклена. — Тенденция ан-

тропоидов приближаться к месту происшествия — чистой воды любопытство.

— Консервативные виды находят это странным, а птицеподобным такая склонность людей и шимпов покажется особенно нелепой. У них нет даже тени юмора.

Она улыбнулась.

— Мы заставим их привыкнуть к такому поведению, и они решат, что эти странные земляне всегда сбегаются к катастрофам... просто поглазеть.

— Они привыкнут не бояться вас, но они должны будут разговаривать... как обезьяна с обезьяной.

Фибен понимал, что она имеет в виду. Тимбрими в этом отношении похожи на людей и шимпов. И ему передалась ее уверенность. Но вот она неожиданно нахмурилась и заговорила с собой, очевидно, забыв, что он понимает галактический-семь.

— Обезьяны... одна обезьяна с другой... Самбатуралли! Неужели я всегда буду думать метафорами?

Это озадачило Фибена. К счастью, ему не нужно было на этот раз понимать, о чем говорит Атаклена. Он только понял, что она может попросить

его о чем угодно, и он послушно побежит.

Немного погодя в наземных машинах прибыли ремонтники, на этот раз среди них были и шимпы в униформе газового департамента города.

Чиновники-губру расположились в тени деревьев, все еще раздраженно чирикая из-за дурного запаха.

Фибен их не винил. Ветер подул в его сторону. И он в отвращении сморщился.

— Ну, вот и все. Это стоило им дня работы, а мы, возможно, кое-что узнали. Пора возвращаться и оценивать результаты.

Ему совсем не хотелось встречаться с Гайлет Джонс. У этой хорошенькой и умной шимми привычка становиться слишком официальной. И, совершенно очевидно, она его невзлюбила. Как будто он уложил ее из станнера и унес в мешке!

Ну ладно. Сегодня вечером он уйдет, вернется с Тихо в горы с отчетом для генерала. Фибен вырос в городе, но теперь он предпочитает лесных птиц тем, что населяют город.

Он повернулся, обхватил ствол руками и начал спускаться. И вдруг словно гигантская ладонь хлопнула его по спине, воздух с шумом вырвался из легких.

Фибен вцепился в ствол. В голове звенело, глаза

заполнились слезами.

Он сумел удержаться за грубую кору, а ветви раскачивались и листья срывались от неожиданной волны ощутимого звука. Дерево словно взбрыкивало, пытаясь сбросить с себя Фибена.

В ушах защелкало: прошла волна высокого давления. Дерево качалось по все уменьшающейся дуге. Наконец, по-прежнему крепко держась за кору, Фибен собрался с духом и оглянулся.

Столб дыма стоял на том месте, где располагался архив посольства.

Рухнувшие стены лизали языки пламени, полоски сажи виднелись там, где перегретый газ рванул во всех направлениях.

Фибен замигал.

— Горячий цыпленок в тесте! — пробормотал он, совсем не стыдясь первого пришедшего в голову сравнения. Здесь достаточно жареной дичи, чтобы накормить полгорода. Конечно, это редкое мясо. К тому же оно еще иногда шевелилось.

Во рту у Фибена пересохло, но он тем не менее облизал губы.

— Соус для шашлыка, — вздохнул он. — Столько жареного, и без соуса!

* * *

Фибен вскарабкался обратно на ветвь с сорванными листьями. Посмотрел на часы. Потребовалась почти целая минута, чтобы снова завыли сирены. Еще одна, чтобы взлетел флиттер, раскачиваясь на восходящих потоках горячего воздуха.

Фибен посмотрел, что делают шимпы по периметру ограды. Сквозь тучу дыма он увидел, что толпа не рассеялась. Больше того, она выросла. Из ближайших зданий выбегали шимпы и торопились смотреть. Слышались возгласы и крики. Море тревожных карих глаз.

Фибен довольно хмыкнул. Отлично. Только бы никто не угрожал.

Мурашки побежали по коже Фибена, когда он понял, что сторожа-диски внизу! Вдоль всего барьера сторожевые буи рухнули на землю.

— Чтоб я сдох! — пробормотал он. — Проклятые пустомели экономят на роботах. Все эти сторожа управляются на расстоянии.

И когда архив взлетел на воздух, чем бы это ни объяснялось, вышло из строя и центральное управление! Если бы у кого-то хватило мужества взять один из таких дисков...

Он увидел, как Макс подбежал к одному из упавших дисков и потрогал его палкой.

«Хороший парень, — подумал Фибен и тут же забыл об этом. Прислонился к стволу, сбрасывая сандалии. Согнул ноги, проверяя устойчивость опоры. — Ничего не поделаешь», — вздохнул он.

Пробежал по качающейся ветке, использовал ее конец как трамплин для прыжков в воду, оттолкнулся и устремился в воздух.

Изгородь чуть дальше от берега ручья. На лету Фибен ухватился пальцами ноги за проволоку по ее верху и неуклюже приземлился на газоне за оградой.

— Уф! — пожаловался он. К счастью, он не повредил при падении раненую ногу. Но ребра болели, и он тяжело вдыхал дымный воздух. Кашляя, достал из комбинезона платок, вытер нос и побежал в сторону разрушений.

На некогда аккуратном газоне валялись погибшие захватчики. Фибен перескочил через мертвого кваку, четвероногого и вымазанного сажей, и пробежал через клубы дыма. И едва избежал столкновения с живым губру. Тот несся с криком.

Чиновники оккупантов были совершенно дезорганизованы, в панике и смятении они с

криками метались вокруг. Шум оглушал.

Звуковые удары над головой возвестили о прибытии военных. Фибен сдержал приступ кашля и благословил дым. Сверху никто его не увидит, а губру внизу слишком напуганы, чтобы обращать на него внимание. Он перепрыгивал через обгоревших птиц. Запах жареного мяса отгонял атавистический аппетит.

Больше того, Фибен боялся, что его вырвет.

Дело рискованное. Он пробежал мимо горящего архива. Все здание охвачено огнем. Шерсть на правой руке Фибена свернулась от жара.

Он ворвался в стайку птиц, теснящихся под укрытием соседнего здания.

Они собрались со стонами вокруг одного трупа, чей яркий плюмаж обгорел и запачкался. Когда Фибен появился так неожиданно, губру разбежались с отчаянными криками.

«Я заблудился?» Повсюду дым. Фибен свернул. Как определить нужное направление?

Вот! Он увидел в дыму маленький голубой огонек. И побежал еще быстрее, хотя легкие уже обжигало. Шум и жара остались позади, и он побежал через небольшую рощу, окружающую вершину холма.

Неверно выбрав направление, он, чтобы не

удариться о дипломатический сейф тимбрими, вынужден был резко затормозить. Тяжело дыша, согнулся, восстанавливая дыхание.

И тут же подумал, что нужно было останавливаться раньше. Синий шар на веющие пирамиды перестал казаться дружелюбным. Он пульсировал, дрожал.

До сих пор Фибен действовал импульсивно, мгновенно принимая решения.

Взрыв предоставил неожиданную возможность. И ее следовало использовать.

«Хорошо. Вот я и здесь. А дальше что?» Голубой шар может быть оборудованием тимбрими, но его могли установить и захватчики.

Сзади ревели сирены, непрерывным потоком потянулись флиттеры. Вокруг курился дым, развеваемый хаотическим мельканием больших машин. Фибен надеялся, что наблюдатели Гайлет, расположенные на крышах ближайших зданий, все это фиксируют. Если он хорошо знает своих, они сейчас просто смотрят, широко раскрыв глаза, и возбужденно подпрыгивают. Но, может, предыдущие события их чему-то научили.

Он шагнул к пирамиде. Синий огонь продолжал пульсировать. Фибен занес левую ногу.

Яркий синий луч ударила то место, куда он

собирался ее поставить.

Фибен на метр подпрыгнул в воздух. Не успел он приземлиться, как второй луч на несколько миллиметров промахнулся по его правой ноге. Дым от загоревшихся прутьев соединился с тяжелым облаком от архива.

Фибен попытался быстро попятиться, но проклятый шар не отпускал.

Синяя молния ударила в землю за ним, и ему пришлось прыгнуть в сторону. Он понял, что его ведут куда-то!

Удар — прыжок! Прыжок — удар — снова прыжок!

Слишком точны попадания, чтобы быть случайными.

Шар не хочет убивать его. Но, очевидно, не хочет и отпустить!

Между прыжками Фибен лихорадочно думал, как вырваться из ловушки... из этого адского розыгрыша...

Отпрыгивая от очередного дымящегося места, он щелкнул пальцами.

Конечно!

Губру не трогали сейф тимбрими. Голубой шар действует не как орудие птицеподобных. Но именно так действовал бы Утакалтинг. Фибен

выругался: удар обжег большой палец левой ноги. Проклятые ити!

Даже хороших ити невозможно переносить! Он стиснул зубы и заставил себя шагнуть вперед.

Синий луч ударил в камень рядом с его подъемом, аккуратно разрезав камень надвое. Все инстинкты требовали, чтобы Фибен отскочил назад, но он сосредоточенно удержал ногу на месте и сделал еще шаг вперед.

Обычно такое оборонительное устройство должно подавать предупредительный сигнал, когда нарушитель далеко, и действовать по-настоящему, когда он приближается. Исходя из логики вещей, Фибен сейчас поступает глупо.

Синий шар угрожающе загудел и выбросил молнию. Дым поднялся от земли на участке между большим и остальными пальцами левой ноги Фибена.

Он поднял правую.

Вначале предостережение, потом действие. Так поступило бы земное защитное устройство. Но какова программа устройства тимбрими? Фибен не стал бы ставить на такие дикие предположения. Клиент класса разумных не может анализировать поступки патронов среди огня и дыма, особенно когда он служит мишенью!

«Назовем это догадкой», — подумал он.

Он опустил правую ногу и ухватился ее пальцами за дубовую ветку. Шар как будто задумался, потом снова ударила синяя молния, на этот раз в метре перед ним. Медленным зигзагом к Фибену поползла полоска горящего перегноя, она приближалась, и треск горящей травы звучал все громче и громче.

Фибен пытался глотнуть.

«Оно не создано для убийства, — твердил он себе. — Зачем? Губру давно могли бы с безопасного расстояния уничтожить этот шар».

Нет, роль этого шара символическая — служить провозглашением права согласно сложным нормам галактического протокола, более древнего и изысканного, чем правила японского придворного этикета.

Шар должен натянуть клюв губру.

Фибен не отступал. Снова над головой раздались звуковые удары, и тепло от пожара сзади как будто усилилось. Весь этот шум отражался на самоконтроле Фибена.

«Губру могучие воины, — напомнил он себе. — Но они очень возбудимы...»

Синий луч приблизился. Фибен раздул ноздри. Избежать этого смертоносного зрелища он может

только закрыв глаза.

«Если я прав, это еще одна проклятая тимбримийская...» Он открыл глаза. Луч сбоку приближался к его правой ноге. Пальцы согнулись, Фибен готов был отпрыгнуть. Во рту стало горько. Обжигающий нож разрезал камешек в двух дюймах от ноги и продолжал...

...перерезать ногу!

Фибен подавился и сдержал крик. Что-то не так! Повернув голову, он смотрел, как луч пересекает ногу и сразу за ней снова начинает проделывать дымящуюся борозду.

Фибен недоверчиво смотрел на ногу. Он считал, что луч в последнее мгновение остановится. Не остановился. Но... вот его нога, совершенно невредимая.

Луч поджег сухую веточку и начал взбираться на левую ногу.

Фибен ощущал легкое покалывание, но знал, что это психосоматическое.

Прикасаясь к нему, луч превращается в пятно света.

Сердце его все еще бешено колотилось. Фибен взглянул на синий шар и выругался пересохшими губами.

— Забавно.

Должно быть, в пирамиде установлен маленький психоизлучатель: Фибен ощутил, будто в воздухе перед ним распространяется улыбка... чуждая сухая усмешка, как будто шутка эта в конце концов невинная. Можно только усмехнуться, и все.

— Остроумно, Утакалтинг, — Фибен сморщился, заставляя дрожащие ноги повиноватъся, нести его по извивающейся тропке к пирамиде. — Очень. Не хотелось бы видеть, от чего ты хохочешь по-настоящему. Не верится, что Атаклена родственница этого шутника.

В то же время Фибен жалел, что не присутствовал, когда первый губру попытался приблизиться к дипломатическому сейфу.

Шар продолжал пульсировать, но перестал посылать раздраженные голубые лучи. Фибен подошел к пирамиде и принялся ее разглядывать. Обошел по периметру. На полпути вокруг, в стороне, обращенной к морю, он увидел люк.

Фибен замигал, разглядывая набор замков, затворов, запоров, дисков для набора комбинаций и замочных скважин.

«Что ж, — сказал он себе, — все-таки это сейф для дипломатических тайн».

Но все эти замки означают, что он не сможет

проникнуть внутрь и найти послание Утакалтинга. Атаклена просила его попробовать несколько ключевых слов, если у него будет возможность, но это совсем другое дело.

Прибыли пожарные. Сквозь дым Фибен видел, как шимпы из городской пожарной команды бегают, раскатывая шланги. Вскоре кто-нибудь сумеет навести порядок в этом хаосе. Если его пребывание здесь бесполезно, пора уходить, пока это еще реально. Вероятно, можно уйти, обогнув утес, выходящий на море. Так он избежит чужаков и окажется вблизи автобусного маршрута.

Фибен наклонился и снова взглянул на люк. Ха! Бронированная дверь с двумя десятками замков. С таким же успехом захватчиков удержала бы тонкая ленточка красного шелка. Либо договоры выполняются, либо нет! Какой толк от всех этих замков и запоров?

Неожиданно Фибен хмыкнул. Он понял. Конечно, это очередная шуточка тимбрими. Но губру, как бы разумны ни были, ее не поймут. Бывают времена, когда личное обаяние значит больше, чем ум.

Может быть, это означает...

Фибен пробежал на другую сторону пирамиды. Глаза его слезились от дыма; разглядывая про-

тивоположную от люка стену, он вытирал нос платком.

— Чертова работа. Одни догадки! — бормотал он, пробираясь среди гладких камней. — Надо родиться тимбрими, чтобы выдумать такой трюк... или глупым, умственно ограниченным, полуэволюционизировавшим шимпом, как я...

Неожиданно под правой рукой пошевелился камень. Фибен вглядывался в стену, жалея, что у него не тонкие пальцы тимбрими. Сорвав ноготь, он выругался.

Наконец камень высвободился. Фибен замигал.

Он прав, в задней стене пирамиды есть тайник. Но проклятое отверстие пусто!

На этот раз Фибен не сдержался. Он раздраженно закричал. Это уж слишком. Камень полетел в кусты, а Фибен стоял у пирамиды и бранился смачно и затейливо, как его предки перед возвышением, описывая родословную и привычки бабуинов. Припадок гнева длился несколько мгновений, но когда он кончился, Фибен почувствовал себя лучше. Он охрип, горло саднило, ладони болели от ударов о твердый камень, однако раздражение отчасти рассеялось.

Теперь явно пора. Фибен видел, как в облаке

густого дыма садится большой флиттер. Спустили трап, и отряд вооруженных губру вышел на обгоревший газон. Каждого солдата сопровождали два маленьких плавающих шара.

«Да, надо сматываться».

Фибен в последний раз заглянул в нишу в стене пирамиды тимбрими. В этот момент ветерок ненадолго разогнал дым. Сверкнул солнечный луч.

И Фибен увидел серебряную вспышку. Он сунул руку в нишу и вытащил тонкую, как паутинка, нить. Нить оплетала щель в глубине ниши.

В это мгновение послышалось усиленное чириканье. Фибен развернулся и увидел, что к нему приближается взвод солдат Когтя. Держа в руках свисающий с шеи медальон, офицер набирал код перевода.

— ...Катхтуу-пш'в'шимп'ф...

— ...Ках-куу-кии, к'киии! ИииИииИиии! к...

— Хиссс-с-сс поп крр!..

— Пьюна блит поведение...

— ...что ты там делаешь! Это не игрушка!

Офицер увидел открытую нишу — и руку Фибена, которую тот сунул в карман.

— Стой! Покажи нам, что...

Фибен не стал ждать, пока офицер закончит.

Он забрался на пирамиду.

Синий шар пульсировал рядом с ним; ужас, который испытал Фибен, тут же разогнали могучие раскаты хохота. Фибен скользнул по противоположной стене пирамиды. Над головой сверкнули лазерные лучи, отрывая куски камня. Фибен со стуком упал на землю.

«Будь проклят тимбримийский юмор!» — подумал он, вскакивая на ноги и убегая в единственном возможном направлении, под защитой пирамиды, в сторону крутого утеса.

Глава 39
ГАЙЛЕТ

Макс сбросил груду разобранных сторожевых дисков губру на крышу рядом с Гайлет Джонс.

— Мы вытащили их приемники, — доложил он. — Но все равно нужно быть осторожными.

Поблизости профессор Суке щелкнул секундомером. Пожилой шен довольно хмыкнул.

— Воздушное прикрытие снова убрали. Очевидно, они все-таки считают это несчастным случаем.

Сообщения продолжали поступать. Гайлет нервно расхаживала по крыше, изредка погляды-

вая через парапет на сутолоку и пожар в парке Приморского Обрыва. «Ничего подобного мы не планировали! — думала она. — Наверное, нам очень повезло, мы многое узнали.

А может, это катастрофа. Пока трудно сказать.

Только бы враг не выследил нас».

Молодой шен, не старше двенадцати лет, опустил бинокль и повернулся к Гайлет.

— Семафор сообщает, что все наши наблюдатели, за исключением одного, вернулись, мэм. О нем ничего не известно.

— Кто это? — спросила Гайлет.

— Хм, офицер милиции с гор. Фибен Болджер, мэм.

— Могла бы и догадаться! — вздохнула Гайлет.

Макс поднял голову от оборудования чужаков, на лице у него появилось отчаяние.

— Я его видел. Когда изгородь отказала, он перепрыгнул через нее и побежал в огонь. Мне следовало пойти за ним чтобы присмотреть.

— Ничего подобного ты не должен был делать, Макс. Ты поступил совершенно правильно. Из всех глупейших выходок... — Она вздохнула. — Я должна была предвидеть, что он выкинет что-нибудь подобное. Если его схватят и он нас выдаст... — Она замолчала. Пока нет необходимости вол-

новать остальных.

«Во всяком случае, — с легким чувством вины подумала она, — может, этого высокомерного шена убили».

Затем прикусила губу, подошла к парапету и долго стояла там, глядя на вечернее солнце.

Глава 40
ФИБЕН

Сзади послышалось знакомое зип-зип: голубой шар снова начал стрелять. Губру кричали меньше, чем ожидал Фибен — все-таки солдаты. Но тем не менее, шум стоял изрядный, и внимание солдат рассеивалось. Фибен не мог знать, прикрывает ли защита сейфа его отступление или просто отгоняет любых нарушителей границы. Но в тот момент он был слишком занят, чтобы думать об этом.

Одного взгляда вниз было достаточно. У утеса не стеклянный склон, но в то же время это и не самый удобный маршрут, по которому отдыхающие добираются до пляжа внизу.

Губру кричали у синего шара, но скоро они перейдут к решительным действиям. Фибен разглядывал крутой спуск. Говоря откровенно,

он предпочел бы спокойную долгую жизнь сельского эколога, сдавал бы образцы спермы, когда требуется, может быть, включился бы в групповую семью, играл бы в скрэббл.

— Э-эх! — произнес он на человеческом диалекте и переступил через поросший травой край.

Конечно, спуск потребовал четырех рук. Ухватившись пальцами левой ноги за выступ, Фибен повис, дотянулся до другого упора и кое-как опустился на следующий карниз. Вначале спуск шел относительно легко, потом потребовалось цепляться изо всех сил. Слава Творцу, возвышение оставило его племени силу. Если бы у него были человеческие ноги, он бы обязательно упал!

Фибен, потея, нащупывал ногой опору. Она должна быть тут. Но неожиданно стена утеса подпрыгнула и отскочила от него. Скала задрожала от взрыва. Фибен прижался лицом к жесткой поверхности, вцепился в нее изо всех сил, ноги его, болтаясь, повисли в пустоте.

— Из всех треклятых... — Он опять закашлялся и выплюнул комок пыли.

Боковым зрением он видел летящие в небе раскаленные камни; они с шипением падали в море.

«Окаянная постройка, должно быть, взорва-

лась!» Потом что-то просвистело мимо головы. Фибен пригнул голову, но краем глаза уловил вспышку синего цвета и услышал как бы в самом себе смех чужака. Хохот стал громче, что-то будто коснулось затылка Фибена и рассеялось, а синий свет улетел к югу, проносясь над самой водой.

Фибен взвизгнул и лихорадочно поискал место, на которое можно встать.

Наконец нашел и сумел спуститься на следующий выступ, где можно передохнуть. Втиснулся в узкую расселину, так чтобы не заметили сверху. И только тут смог выругаться.

«Когда-нибудь сочтемся, Утакалтинг. Когда-нибудь».

Фибен вытер глаза и посмотрел вниз.

Он проделал полпути до пляжа. Если сумеет закончить спуск, дальше нетрудно пройти к закрытому парку аттракционов на северо-западном берегу залива Аспинал. А там уже раствориться в переулках и улочках.

Следующие несколько минут будут решающими. Солдаты губру, уцелевшие при взрыве, решат, что он погиб, что его сбросили в море осколки пирамиды.

А может, подумают, что он бежал каким-то другим путем. Ведь только идиот может решиться

спускаться по такому откосу без снаряжения.

Фибен надеялся, что его рассуждения правильны. Если губру спустятся вниз и будут ждать его там — он испекся, как птицы в огне архива.

Перед ним в море садилось солнце. Дым пожара поднялся высоко и окрасил закат в ярко-янтарный и алый тона. Тут и там на воде пестрели лодки. Две грузовые баржи медленно шли к далеким островам, на их палубах угадывались коричневые фигуры. Наверняка везут продовольствие заложникам-людям.

К сожалению, некоторые соли, растворенные в морской воде Гарта, ядовиты для дельфинов. Если бы на Гарте жили представители третьей расы землян, захватчикам трудно было бы эффективно изолировать людей на островах. К тому же у финов свой образ мыслей. И, может, они выдали бы одну-две идеи, до которых не додумался народ Фибена.

На юге берег мешал Фибену увидеть порт. Но он заметил серебряные полоски — корабли губру, участвующие в строительстве противокосмических защитных сооружений.

«Что ж, — подумал Фибен, — пока никого нет. Можно не торопиться. Передохни перед последним рывком».

Впереди самое трудное.

Фибен достал из кармана серебристую нить, найденную в нише. Вполне может быть паутиной или чем-то таким же незначительным. Но это единственное, что он может предъявить в доказательство своего приключения.

Придется признаться Атаклене, что больше он ничего сделать не смог. Хотя нет... Еще разрушение дипломатического сейфа тимбрими. Это тоже придется объяснять.

Он достал бинокль, извлек линзы. Затем старательно упрятал нить в корпус и закрыл крышкой. И снова убрал бинокль.

Да, закат прекрасный. Светятся угли от пожара, их вздымают взлетающие санитарные машины губру. Глядя на эту картину, Фибен вспомнил об арахисе.

Но сейчас жажда сильнее голода. И вообще большинство шимпов употребляют слишком много протеина.

«Жизнь груба, — подумал он, пытаясь расположиться удобнее в узкой расселине. — Но ведь клиентам никогда не бывало легко».

Ты сидишь в каком-нибудь тропическом лесу, никого не трогаешь, сроднился со своей экологической нишей, и вдруг — бац! К тебе на грудь

прыгает какой-нибудь парень, возомнивший себя творцом, и силком вталкивает в тебя плоды древа познания. И ты перестаешь быть приспособленным, потому что тебя оценивают по «высшим» стандартам твоего патрона; ты не можешь даже по своему желанию иметь потомство, и у тебя появляется «ответственность»... Кто в джунглях слышал об ответственности?

Ответственности перед патронами, перед собственными потомками?

Нечестная сделка. Но в пяти галактиках существует только одна альтернатива — уничтожение. Доказательство — бывшие обитатели Гарта.

Фибен слизал соленый пот с губ. Он знал, что приступ горечи — это реакция организма на раздражение. Нет никакого смысла во взаимных упреках и обвинениях. Если бы он был представителем своей расы, одним из немногих неошимпов, которые от имени всех своих соплеменников говорят с Советом и галактическими Институтами, тогда стоило бы подумать. А так... Фибен понял, что он просто тянет время.

«Наверно, обо мне уже забыли», — подумал он и удивился своей удачливости.

Закат достиг пика величия и красоты, в мелком море пролегли красные и оранжевые полосы.

Ну что после такого дня спуск в темноте? Увеселительная прогулка, да и только.

* * *

— Где тебя черти носили? — спросила Гайлет, как только Фибен ввалился в комнату. Она в гневе повернулась к нему.

— Ах, учитель, — заныл он. — Не ругайте меня. Такой был неудачный день. — Он прошел мимо нее, миновал домашнюю библиотеку, набитую картами и бумагами. Остановился прямо на лежащей на полу большой карте, не обращая внимания на двух негодующих наблюдателей Гайлет. Они бросились в сторону, когда он пошел прямо на них.

— Мы закончили сбор данных уже несколько часов назад! — сказала, идя за ним, Гайлет. — Макс сумел украсть несколько их дисков...

— Знаю. Видел, — ответил он, входя в отведенную для него крошечную комнатку. И сразу начал раздеваться. — Поесть найдется что-нибудь?

— Поесть? — недоверчиво переспросила Гайлет. — Нам нужен твой отчет, чтобы заполнить белые места на карте операций губру. Хотя взрыв произошел неожиданно и у нас не хватило наблюдателей. Половина наших просто стояла и

глазела.

Комбинезон Фибена упал на пол. Он переступил через него.

— Еда подождет. Мне нужно выпить.

Гайлет Джонс вспыхнула и отвернулась.

— Мог бы быть повежливей и не чесаться, — сказала она.

Фибен, который наливал порцию апельсинового коньяка, с любопытством обернулся. Неужели это та самая шимми, которая несколько ночей назад обратилась к нему с «розовым» предложением? Хлопнув себя по груди, он разогнал облачко пыли. Гайлет с отвращением смотрела на это.

— Я с нетерпением ждал ванны, но, думаю, еще придется подождать, — сказал Фибен. — Очень спать хочется. Я должен отдохнуть. Завтра возвращаюсь домой.

Гайлет мигнула.

— В горы?

Фибен кивнул.

— Возьму Тихо и пойду докладывать генералу. — Он устало улыбнулся. — Не волнуйся. Я ей скажу, что вы тут отлично поработали.

Шимми пренебрежительно фыркнула.

— Ты весь день и вечер валялся в грязи, а теперь напиваешься. А еще, называется, офицер! Я вооб-

ще считала тебя ученым! Когда твой драгоценный генерал решит в следующий раз связаться с движением в городе, позаботься, чтобы она прислала кого-нибудь другого. Ты меня слышишь?

Она развернулась и захлопнула за собой дверь.

«Ну что я такого сказал?» Фибен смотрел ей вслед. Он понимал, что мог бы вести себя и получше. Но он так устал. Тело болит, от обожженных пальцев ног до горящих легких. Падая на кровать, он почти не почувствовал ее под собой.

Во сне вращалась и пульсировала синева. И из нее исходило нечто, похожее на отдаленную улыбку.

«Забавно, — как будто говорила эта улыбка. — Забавно, но все-таки не смешно. Просто предвестник того, что еще будет».

Фибен негромко застонал. И увидел еще одно изображение. Маленький неошимпанзе, явный генетический мутант, с костными валиками над глазами, с длинными руками, которые лежат на клавиатуре дисплея на груди.

Атавистический шимп не умеет говорить, но когда он улыбнулся, Фибен вздрогнул.

Однако тут началась более спокойная фаза, и Фибен с облегчением перешел к другим сновидениям.

Глава 41
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Праведности не мог ступить на неосвященную почву. Поэтому он перемещался на позолоченном насесте в сопровождении толпы чирикающих помощников-кваку. Это непрерывное воркование действовало успокаивающе, не то что серьезные крики их патронов-губру. Хотя на пути возвышения губру заметно приблизили их к себе, кваку все равно оставались не такими строгими и величественными.

Сюзерен Праведности пытался найти оправдание для такого поведения толпы пушистых толстых клиентов, несущих антигравитационный насест с места, где лежит тело. Конечно, это не элегантно, к тому же слышно, как они негромко обсуждают, кем же его заменят. Кто станет новым сюзереном Стоимости и Бережливости?

Это нужно сделать быстро. Сообщение Повелителям Насестов уже отправлено, но если необходимо, старший чиновник будет назначен на месте.

Непрерывность должна сохраняться.

Сюзерен совсем не чувствовал себя оскорбленным; напротив, кваку его успокаивали. Для того чтобы отвлечься, необходимы их простые песни.

Предстоят напряженные дни и недели. Формальный траур — только одна из многих неотложных задач. Надо каким-то образом восстановить продвижение к новой политике. И, конечно, обдумать, как скажется это трагическое происшествие на предстоящем Слиянии.

Следователи ждали прибытия насеста в роще поваленных деревьев недалеко от все еще дымящихся стен архива. Сюзерен кивнул им, разрешая начать, и они пустились в танец представления: жестикуляция и телодвижения описывали, что установлено относительно причин взрыва и пожара. Потом синкопированным хором излагались выводы следователей, и сюзерен попытался сосредоточиться. Это все-таки деликатное дело.

Согласно кодексу, губру могут занять чужое посольство, но любые повреждения будут поставлены им в вину.

— Да, да, это произошло, это случилось, — докладывали следователи. — Здание превратилось — вернее было превращено — в груду развалин.

— Нет, нет, никакого саботажа не обнаружено, не установлено. Никаких доказательств, что

происшествие вызвано нашими врагами и во вред нам.

— И даже если посол тимбрими сам все это устроил в собственном здании, что с того? Если мы не виноваты в происшествии, не нам платить, не нам возмещать ущерб!

Сюзерен кратко прочирикал свое неудовольствие. Не дело следователей определять праведность, они должны только излагать факты. К тому же вопрос об издержках относится к ведению офицеров нового сюзерена Стоимости и Бережливости. Они этим займутся, когда придут в себя после катастрофы, обрушившейся на чиновников. Следователи протанцевали свои извинения.

Сюзерен продолжал обдумывать возможные последствия случившегося. Это в целом незначительное происшествие нарушило непрочное равновесие триумвирата как раз перед очередной командной встречей, и даже после назначения третьего сюзерена последствия еще долго будут сказываться.

Короче говоря, это поможет двум оставшимся в живых. Луч и Коготь теперь сумеет преследовать немногих скрывающихся людей, чего бы это ни стоило. А Праведность приступит к расследованиям без постоянных придирок и напоминаний,

как дорого это обходится.

Надо также обдумать ход борьбы за первенство. В последнее время стало ясно, что положение прежнего сюзерена Стоимости и Бережливости становится все прочнее. Вопреки всем ожиданиям, именно он все чаще и чаще затевал споры, выдвигал лучшие предложения, добивался компромиссов, вел остальных к консенсусу.

Сюзерен Праведности честолюбив. Священнику не нравилось, в каком направлении развиваются события. Не нравилось, что его излюбленные, тщательно выношенные идеи и планы меняются, в них вмешиваются, их переделывают по желанию старшего чиновника.

Нет, произошло не самое худшее. Отнюдь! Новый триумвират будет послушнее, работоспособнее. И в складывающемся балансе сил новый сюзерен окажется самым слабым.

«Тогда почему, по какой причине, на каких основаниях я испуган?» — думал верховный священник.

Вздрогнув, сюзерен Праведности распушил плюмаж и сосредоточился, заставив себя вернуться к настоящему, к отчету следователей. Они считают, что пожар и взрыв относятся к широкому кругу явлений, которые земляне называют

случайностью.

По совету бывшего коллеги сюзерен пытался овладеть англиком, этим странным негалактическим языком волчат. Это потребовало больших усилий и вряд ли вообще нужно, поскольку лингвистические компьютеры обладают огромными возможностями.

Но главный чиновник настаивал, и, к собственному удивлению, священник обнаружил, что в собрании звериных стонов и криков можно найти, например, скрытое значение слова «случайность».

Слово явно применимо, по мнению следователей, к тому, что произошло здесь: соединилось несколько факторов, включая явную некомпетентность городского газового департамента, оставшегося без руководства людей. Но все же это слово волчат в англике не имеет точного смысла! Даже у людей есть трюизмы. «Случайностей не бывает». Но если это так, к чему слово для несуществующего явления?

Случайность — это слово вмещает все, от нелепой небрежности до истинной инвариантности, все, что заполняет седьмой уровень вероятностной бури! В любом случае «результаты» получаются «случайными».

Как может раса выходить в космос, относиться к высшему классу патронов с таким неясным, неопределенным, зависящим от контекста взглядом на Вселенную? По сравнению с землянами даже дьявольские шутники тимбрими чисты и прозрачны, как сам эфир!

Способность порождать такие неприятные мысли священник больше всего не любил в покойном чиновнике. Это была одна из наиболее раздражающих особенностей умершего сюзерена.

Но одновременно самая ценная и нужная. Ее будет очень не хватать.

Таким было положение, когда консенсус нарушился, Слияние прекратилось, едва начавшись.

Сюзерен твердо оборвал нить мыслей. Самоанализ дорого обходится, необходимо принять решение о случившемся.

В обозримом будущем губру, возможно, придется возместить тимбрими — или даже землянам — ущерб, нанесенный на этом плато. Думать об этом неприятно, но выплату можно предотвратить, когда будет достигнута главная цель губру.

Все определят события в других частях пяти галактик.

Эта планета — маленький, хотя, может быть,

и крепкий орешек, который надо расколоть уверенным движением клюва. И к тому же следить, чтобы расходы не были большими, — задача нового сюзерена Стоимости и Бережливости.

А задача священника — следить, чтобы союз губру, подлинный наследник древних, не сбился с пути Праведности до возвращения Прародителей.

«Пусть ветры принесут день», — помолился сюзерен.

— Решение откладывается, задерживается, отсрочивается, — вслух объявил сюзерен. Следователи тут же сложили досье.

Дело о пожаре архива завершено, следующая остановка на вершине холма, где предстоит оценить еще одно происшествие.

Воркующая группа кваку сомкнулась и двинулась как одно целое, перемещая насест. Расплющенный шар пушистых клиентов спокойно двигался в толпе прыгающих возбужденных патронов. На вершине дипломатический сейф еще дымился от вчерашнего взрыва.

Сюзерен внимательно выслушал отчет следователей, иногда по одному, иногда группами, чирикая в унисон, потом в контрапункт. Из этой какофонии сюзерен составил себе картину слу-

чившегося.

Местный неошимпанзе был обнаружен бродящим вокруг сейфа без разрешения оккупационных властей. Явное нарушение законов военного времени. Никто не знает, с какой целью здесь оказалось это глупое полуживотное. Возможно, его привлек «обезьяний комплекс» — непонятное, раздражающее стремление всех землян искать возбуждающие зрелища, вместо того, чтобы благоразумно избегать их.

Отряд солдат наткнулся на этого неошимпанзе, ограждая в обычном порядке место происшествия. Командир отряда немедленно обратился к лохматому клиенту людей, требуя повиновения.

Неошимп оказался упрям, что, впрочем, характерно для всех воспитанников людей. Вместо того, чтобы вести себя цивилизованным образом, он просто убежал. Солдаты, пытаясь его остановить, очевидно, привели в действие защитный механизм сейфа. Пирамида повреждена.

На этот раз сюзерен решил, что исход происшествия самый благоприятный. Хоть он и клиент, неошимпанзе официально союзник проклятых тимбрими. Действуя таким образом, он уничтожил дипломатический иммунитет сейфа! Солдаты имели право открывать огонь и по кли-

енту, и по защитным устройствам сейфа. Сюзерен пришел к выводу, что нарушения Праведности не произошло.

Следователи исполнили танец облегчения. Конечно, чем строже придерживаешься древних традиций, тем ярче будет плюмаж губру при возвращении Прародителей.

«Пусть ветры быстрей принесут день».

— Открывайте, входите, проникайте в сейф, — приказал священник. — Войдите и расследуйте его тайны!

Разумеется, охранные устройства уничтожили большую часть содержимого сейфа. Но все же можно обнаружить и расшифровать ценную информацию.

Простые замки открыли быстро, доставили специальное оборудование, чтобы снять массивную дверь. Все это заняло некоторое время. Священник тем временем отслужил службу для солдат Когтя, молившихся, чтобы укрепилась их вера в подлинные ценности. Важно, чтобы солдаты не расслаблялись в мирной обстановке, поэтому священник напомнил им, что за последние два дня исчезло несколько небольших групп в горах к юго-востоку от этого города.

Важно напомнить им также, что жизнь сол-

дата принадлежит Гнезду. Гнездо и Честь — все остальное не имеет значения.

Наконец сняли последний замок-головоломку. Для прославленных шутников тимбрими оказались не такими уж хитрыми. Роботы губру легко разгадали их секреты. Один из роботов поднял дверь. Следователи, держа перед собой приборы, осторожно вошли в пирамиду.

Мгновения спустя с возгласом изумления пернатая фигура вылетела оттуда, держа в клюве черный блестящий предмет. Затем последовала другая.

Следователи возбужденно приплясывали, выкладывая предметы на землю перед плавающим насестом сюзерена.

«Не тронуто!» — танцевали они. Две базы данных найдены нетронутыми.

Их защитил от взрыва предыдущий обвал.

Радость охватила следователей, передалась с лихорадочной быстротой солдатам и штатским, ждавшим поблизости. Даже кваку счастливо ворковали, потому что видели, что это достижение по крайней мере четвертого порядка.

Своим безответственным поведением клиент землян уничтожил иммунитет сейфа.

Это признак порочности самого процесса воз-

вышения. А в результате губру получили доступ к тайнам врага!

Тимбрими и люди будут посрамлены, а клан гуксу-губру многое узнает!

Сюзерен торжествующе танцевал всего несколько секунд. Даже среди своих вечно встревоженных соплеменников он должен переживать и беспокоиться вдвойне. Слишком много подозрительного во Вселенной и лучше, чтобы оно оказалось мертвым, чтобы когда-нибудь, в будущем, не разорить Гнездо.

Сюзерен наклонил голову в одну сторону, в другую. Посмотрел на кубы с данными, черные и блестящие на обожженной почве. Необычное наложение, казалось, покрывало эти спасенные кристаллы с записями — чувство, которое каким-то неуловимым образом вызывало у него... да, пожалуй, страх.

Но это не какое-то пси-ощущение и не что-то научно объяснимое. Если бы это было так, сюзерен тут же приказал бы уничтожить кубы.

И тем не менее... Все это очень странно.

На мгновение сюзерену показалось, что перед ним блестящие черные глаза огромной и опасной змеи. Он вздрогнул.

Глава 42
РОБЕРТ

Он бежал, с новым деревянным луком в руках. Простой колчан с двадцатью стрелами подпрыгивал на спине, когда Роберт пробирался по лесной тропе. Колчан сделан из шкуры, обработанной примитивным способом. Шляпа сплетена из речного тростника. Набедренная повязка и мокасины на ногах изготовлены из туземной замши.

На бегу молодой человек слегка оберегал левую ногу. Повязка покрывала неглубокую рану. Но даже боль от ожога по-своему приятна. Она напоминает, что он легко отделался.

«Только представить себе большую птицу, которая, не веря своим глазам, смотрит на стрелу, торчащую из груди. Лазерное ружье падает на землю, онемевшие перед смертью когти выпустили его».

В лесу тихо. Слышно только дыхание Роберта да негромкий шелест мокасин по камешкам. Испарина быстро высыхает, а от свежего ветерка по коже бегут мурашки.

Чем выше он поднимается, тем свежее ветер.

Склон сужается, и наконец Роберт оказался над вершинами деревьев, среди камней-чешуй вершины хребта.

Теперь, когда Роберт загорел почти до цвета древесины орехового дерева, неожиданное тепло солнечных лучей приятно гладит кожу. Она к тому же огрубела, и шипы и колючки причиняют меньше беспокойства.

«Я, наверно, похож на индейца из прошлого», — с улыбкой подумал Роберт. Перепрыгнул через упавшее дерево и побежал по левой развилке тропы.

Ребенком он оправдывал свою фамилию Eagle[7]. Маленькому Роберту Ониглу никогда не доставались отрицательные роли, когда дети играли в Восстание Конфедерации. Он всегда был воином-чероки или мохавком, вопя в воображаемом космическом скафандре или боевой раскраске, круша солдат диктатора в войне Спутников. «Когда все это кончится, нужно будет посмотреть свое генеалогическое древо, — подумал Роберт. — Интересно, сколько во мне американо-индейской крови».

Белые пушистые кучевые облака скользили

---

[7] Примечания: 7
Орел (англ.)

вдоль границы изменения давления к северу. Они как будто бежали вместе с ним над вершинами деревьев по пологим холмам к дому.

«К дому».

Теперь, когда у него есть дело под сенью деревьев и под открытым небом, это слово произносится легко. Он может думать о подземных пещерах как о доме. Потому что они действительно служат убежищем в эти тревожные времена.

И там Атаклена.

Он отсутствовал дольше, чем ожидал. Путь завел его высоко в горы, до самой долины Спринг. Он собирал добровольцев, устанавливал связи и вообще распространял новости о сопротивлении.

И, конечно, у него и его спутников было несколько стычек с противником. Роберт понимал, что это незначительные происшествия — захваченные врасплох маленькие патрули губру, уничтоженные до последнего чужака. Сопротивление наносило удар только там, где победа казалась неизбежной. Не должно быть свидетелей, которые могли бы доложить своему командованию, что земляне научились быть невидимками.

Но хоть и небольшие, эти победы чудесным

образом влияли на моральный дух. Конечно, губру в горах становится жарко. Однако основная масса противника вне досягаемости.

Большую часть времени отнимают дела, вряд ли связанные с сопротивлением. Везде Роберта окружали толпы шимпов, которые завывали и взвизгивали, увидев его, единственного оставшегося на свободе человека.

Его охватывало раздражение: он тут же становился неофициальным судьей, арбитром и крестным отцом новорожденных. Никогда раньше не чувствовал он так явно ответственность, которую возлагает возвышение на патронов. Он, конечно, не винил шимпов. Он сомневался, чтобы за короткую историю неошимпанзе такое количество их оказывалось отрезанным от людей.

Куда бы он ни пошел, всюду становилось известно, что человек не зайдет в здания, построенные до вторжения, и даже не встретится ни с кем, у кого есть одежда или другие предметы не с Гарта. Теперь, когда стало понятно, как газроботы находят цель, многие общины шимпов переселились.

Возобновилось строительство коттеджей, возродилось забытое искусство прядения и ткаче-

ства, выделывания шкур и изготовления обуви.

В сущности, шимпы в горах справлялись неплохо. Пищи было вдоволь, а молодежь по-прежнему посещала школу. Тут и там отдельные особи начали даже восстанавливать проект экологического возрождения Гарта, запускали самые неотложные программы, импровизировали, пытаясь заменить специалистов-людей.

«Возможно, мы им уже и не нужны», — подумал Роберт.

Сами люди едва сумели уберечь свою родную планету от экологической катастрофы перед тем, как человечество обрело разум. Ужасной трагедии едва удалось избежать. Помня об этом, унизительно видеть, что так называемые клиенты ведут себя разумнее, чем люди всего за сто лет до Контакта.

«Есть ли у нас право разыгрывать богов перед ними? Может, когда все кончится, нам следует просто уйти и предоставить им самим строить свое будущее?»

Романтическая мысль. Но есть препятствие, конечно.

«Галакты нам никогда этого не позволят».

И поэтому он разрешал шимпам окружать себя, спрашивать у него советов, называть в честь

него своих детей. А потом, сделав все возможное, уходил дальше в одиночку, потому что шимпы не могли успевать за ним.

Одиночество нескольких последних дней было приятно. У Роберта появилось время подумать. За последние недели и месяцы он многое узнал о самом себе, с того самого дня, когда мозг его распадался от боли и Атаклена вошла в его сознание и спасла его. Странно, но не звери и чудовища его неврозов оказались важнее всего. Когда он их увидел и понял, что они такое, он легко с ними справился. Во всяком случае у него не больше, чем у других, тягот и нерешенных в прошлом проблем.

Важнее то, что он стал лучше понимать себя как человека. Это исследование только началось, но Роберту понравилось направление, в котором он продвигается.

Он свернул по тропе и вышел на открытое место, солнце светило в спину. Впереди, на юге, известняковые холмы, в которых скрывается долина Пещер.

Роберт застыл, увидев какой-то металлический блеск. Что-то сверкает над вершинами за долиной, примерно в десяти милях.

«Газроботы», — подумал он. По всей округе

техники Бенджамина раскладывали образцы различных предметов, от электроники до металла и одежды, чтобы узнать, что же привлекает роботов губру. Роберт надеялся, что во время его отсутствия они достигли прогресса.

Но в каком-то смысле ему уже было все равно. Приятно держать новый длинный лук. Шимпы в горах предпочитают мощные самодельные арбалеты и самострелы, требующие меньшей координации, но большей силы для выстрела. А результат у этих видов оружия один и тот же — мертвые птицеподобные.

Использование древних навыков и оружия вдохновило всех, оживило мифы о клане волчат.

Были и тревожные последствия. Однажды Роберт заметил, как после успешной засады несколько местных горных шимпанзе незаметно отошли от лагеря. Он скользнул в тень и прокрался за ними в боковой каньон, к тайно разведенному костру.

Раньше, когда с убитых губру снимали оружие и уносили тела, Роберт замечал, что некоторые шимпы украдкой виновато поглядывают на него. И вот той ночью он с темного склона видел, как длиннорукие силуэты пляшут у костра под ветреным звездным небом. Что-то с шипением

жарилось на огне, и ветер доносил сладковатый дымный запах.

Роберт понял, что шимпы совсем не хотят, чтобы это видели патроны. Он осторожно ушел снова в тень и вернулся в основной лагерь, предоставив шимпам выполнять свой ритуал.

Но эта картина до сих пор стоит перед глазами мрачной жестокой фантазией. Роберт не спрашивал, что сделали с телами мертвых галактов, но с тех пор не мог думать о враге, не вспомнив этот запах.

«Побольше бы этих губру заманить в горы», — думал он. Кажется, причинить вред захватчикам можно только под деревьями.

День близился к концу. Пора заканчивать долгую дорогу домой. Роберт повернулся и уже хотел начать спуск в долину, когда неожиданно остановился. Замигал. В воздухе какое-то смутное пятно. Как будто на краю поля зрения что-то зашевелилось. Какая-то мошка, танцующая в слепом пятне.

Разглядеть невозможно.

«Ох!» — подумал Роберт.

Он не пытался сфокусировать зрение и отвернулся, предоставив этому не-предмету гнаться за ним. Мозг его раскрывался, как лепестки

цветка под солнцем. Колышущееся нечто робко танцевало и подмигивало ему... простой глиф привязанности и легкого веселья... настолько простой, что даже человек, с толстыми мышцами, с волосатыми руками и розовой кожей, этот пропахший дорогой человек сумел его воспринять.

— Очень забавно, Кленни. — Роберт покачал головой. Но цветок раскрылся еще шире, и Роберт кеннировал тепло. Он уже знал, в какую сторону идти. Свернул с главной тропы и пошел по узкой звериной тропке.

На полпути к вершине холма он увидел коричневую фигуру, развалившуюся в тени куста. Шен поднял голову от книги с бумажными страницами и лениво кивнул.

— Привет, Роберт. Сейчас ты выглядишь лучше, чем в прошлый раз.

— Фибен! — Роберт улыбнулся. — Когда ты вернулся?

Шимп сдержал усталый зевок.

— О, примерно час назад. Парни из пещер послали меня сюда на встречу с ее милостью. Я кое-что принес для нее из города. Прости. Для тебя ничего нет.

— Были неприятности в Порт-Хелении?

— Да, немного. Немного танцев, немного поче-

сываний, немного криков.

Роберт улыбнулся. Когда у Фибена важные новости, он всегда начинает говорить с акцентом и затягивает рассказ. Если бы позволили, он протянул бы всю ночь.

— Фибен...

— Да, да. Она там. — Шимп указал на вершину холма. — И в самом дурном настроении, если ты меня спросишь. Но лучше не спрашивай. Я всего лишь шимпанзе. Пока, Роберт. — Он снова взял книгу. Не очень-то почтительно для клиента. Роберт ухмыльнулся.

— Спасибо, Фибен. Пока. — И пошел вверх по тропе.

* * *

Атаклена не повернулась к нему, когда он подошел, потому что они уже поздоровались. Она стояла на вершине холма, лицом к западу, вытянув перед собой руки.

Роберт сразу почувствовал, что теперь над Атакленой плывет другой глиф, поддерживаемый щупальцами ее короны. И очень впечатляющий глиф. Он его не видел, не мог даже кеннировать полностью, но он здесь, он почти ощутим для его усиливающегося чувства эмпатии.

Роберт сразу понял, что Атаклена что-то делает руками... словно тонкие огненные линии, скорее воспринимаемые интуицией, чем зрением, протянулись от одной руки к другой.

— Атаклена, что...

Он замолчал, увидев ее лицо.

Черты его изменились. Большая часть проявляемых по-человечески особенностей, которые она приобрела за последние недели, сохранилась; но что-то такое, что они заменили, возвращалось, пусть на мгновение. Чуждый блеск в глазах с золотыми точками; он, казалось, дрожит в унисон с пульсированием глифа.

Восприятие Роберта обострилось. Он снова посмотрел на огненные нити в ее руках и ощутил холодок узнавания.

— Твой отец...

Блеснули белые зубы Атаклены.

— В'ит-танна Утакалтинг беллинарри-т'хуу хаоон'да!..

Она глубоко дышала широко раскрытыми ноздрями. Глаза ее, расставленные на максимальную ширину, казалось, вспыхивают.

— Роберт, он жив!

Он замигал, его переполняли вопросы.

— Это здорово! Но... но где? А о моей матери

что-нибудь знаешь? О правительстве? Что он говорит?

Она ответила не сразу. Подняла нить. Солнечный свет пробежал по ее туго натянутой поверхности. Роберт готов был поклясться, что слышал звук, исходящий от дрожащей нити.

— В'ит-тайна Утакалтинг! — Атаклена, казалось, смотрит прямо на солнце.

Она рассмеялась, перестала быть серьезной девушкой, какую он всегда знал. Зафыркала потимбримийски, и Роберт был очень рад, что не он причина ее веселья. Юмор тимбрими часто означает и нечто совсем невеселое.

Роберт проследил за ее взглядом, за долину Синд, туда, где в небе гудели вездесущие аппараты губру. Неспособный полностью воспринять глиф, Роберт искал что-то более доступное для человека. И нашел. В сознании возникла метафора.

Неожиданно улыбка Атаклены стала мрачной, почти хищной. А отразившиеся в ее глазах вражеские корабли начали походить на довольных, ничего не подозревающих мышей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ГАРТЛИНГИ

Эволюция человеческой расы будет завершена не за десять тысяч лет истории приручённых животных, но за миллион лет истории диких животных, потому что человек был и всегда будет диким животным.

Чарлз Галтон Дарвин

Вскоре естественный отбор будет значить гораздо меньше, чем отбор искусственный. Мы изменим себя в соответствии с представлениями о том, какими мы должны быть. Уже в течение жизни одного поколения мы изменим себя неузнаваемо.

Грег Бир

Глава 43
УТАКАЛТИНГ

Чернильные полосы расплывались по поверх-

ности болота вблизи того места, где увязла яхта. Темные струйки медленно просачивались через щели в воды широкого плоского эстуария. И там, где они проходили, умирали насекомые, мелкие животные и жесткая соленая трава.

Упав, космический корабль подскочил несколько раз, проведя изогнутую смертоносную полосу, и наконец, зарылся носом в болотистое речное устье. И вот уже несколько дней лежит здесь, медленно протекая и погружаясь в грязь.

Ни дождь, ни ветер не могли извести боевые шрамы с его обожженных бортов. Яхта, некогда привлекательная и красивая, искорежена множеством почти прямых попаданий. Падение стало лишь последней каплей.

* * *

Непомерно большой на корме самодельной лодки, теннанинец поверх нескольких плоских островков смотрел на потерпевший крушение корабль. Он перестал грести, обдумывая свою незавидную участь.

Очевидно, упавший космический корабль никогда больше не взлетит. Его падение загубило большой участок болотистой местности. Гребень теннанинца, похожий на петушиный, с колючи-

ми серыми веерами, взъерошился.

Утакалтинг поднял весло и вежливо ждал, пока его товарищ по несчастью закончит свои возвышенные размышления. Он надеялся, что теннанинский дипломат не станет читать еще одну лекцию об экологической ответственности и тяжком бремени патрона. Но, конечно, Каулт — это Каулт.

— Дух этого места оскорблен, — сказал рослый чужак; его дыхательные щели тяжело зашумели. — Мы, разумные, не должны вести свои войны в детских яслях, отравляя их космическим ядом.

— Смерть приходит ко всем, Каулт. А эволюция расцветает на трагедиях.

Утакалтинг иронизировал, но Каулт, разумеется, восприняла его серьезно.

Из дыхательных щелей теннанинца вырвался поток воздуха.

— Я знаю это, мой коллега тимбрими. Именно поэтому все зарегистрированные планеты-ясли должны проходить свой естественный цикл развития без помех. Ледниковые периоды и столкновения с планетоидами закаляют и помогают выжить органическим видам.

— Но здесь случай особый. Планета, пострадавшая так сильно, как Гарт, от новых катастроф

впадает в шок и становится совершенно безжизненной. Ведь совсем недавно буруралли творили здесь свои безумства. Планета только начала приходить в себя. А теперь новые битвы и новые стрессы... как эта грязь.

Каулт с отвращением указал на жидкость, вытекающую из разбитой яхты.

Утакалтинг на сей раз предпочел промолчать. Конечно, всякая раса класса патронов в галактике официально является сторонником защиты среды.

Это древнейший и главнейший закон. Те космические расы, которые не присягают на верность Кодексу Экологического Управления, бывают уничтожены большинством ради сохранения будущих поколений разумных.

Но есть различия. Губру, например, меньше интересуются планетами-яслями, чем их порождением, готовыми к возвышению предразумными видами, которых можно ввести в клан губру, известный своим консервативным фанатизмом. Соро испытывают радость, манипулируя с вновь поднявшимися расами клиентов. А танду просто ужасны.

Раса Каулта иногда раздражает ханжеским стремлением к экологической чистоте, но эту

одержимость Утакалтинг по крайней мере понимает. Одно дело — сжечь лес или построить город на зарегистрированной планете. Эти раны быстро затянутся. Но совсем другое — выпустить в биосферу долгоживущий яд, который будет поглощаться и усваиваться. Отвращение самого Утакалтинга к этим ядовитым струйкам не намного меньше, чем у Каулта. Но сейчас с этим ничего не поделаешь.

— У землян на этой планете хорошие команды очистителей, Каулт. Очевидно, вторжение вывело их из строя. Может, губру сами возместят этот ущерб.

Все тело Каулта изогнулось, теннанинец звучно откашлялся. В широкий лист попал комок слизи. Утакалтинг уже знал, что это выражение крайнего недоверия.

— Губру бездельники и еретики! Утакалтинг, как можно быть таким наивным оптимистом? — Гребень теннанинца дрожал, кожистые веки мигали.

Утакалтинг смотрел на своего спутника, поджав губы.

— Так, — выдохнул теннанинец. — Ты испытываешь мое чувство юмора своей иронией. — Каулт раздул гребень. — Забавно. Я понял. На

самом деле. Продолжим.

Утакалтинг повернулся и снова поднял весло. Он вздохнул и создал ту'флук, глиф печали по неоцененной шутке.

«Наверно, это мрачное существо назначено послом на планету землян, потому что среди теннанинцев обладает особым чувством юмора». Зеркальное отражение того, почему сам Утакалтинг из всех тимбрими был избран послом сюда... за свою относительно серьезную природу, за сдержанность и тактичность.

«Нет, — думал Утакалтинг, в то время как они гребли среди извивающихся полосок соленой травы, — нет, Каулт, друг мой, ты совсем не понял шутку. Но еще поймешь».

Долгим был путь к устью реки. Гарт обернулся больше двадцати раз, с тех пор как они с Каултом покинули в воздухе поврежденный корабль и на парашютах спустились в дикую местность. Несчастные клиенты теннанинца запаниковали, их парашюты перепутались, и они разбились. С тех пор два дипломата остались наедине.

По крайней мере сейчас весна, и они не мерзнут. Все же какое-то утешение.

Лодка, сделанная из ветвей и парашютного шелка, продвигалась медленно. Яхта всего в

нескольких сотнях метров от того места, где они впервые ее увидели, но им потребовалось почти четыре часа, чтобы пробраться через узкие проливы. Хоть поверхность ровная, высокая трава закрывает видимость.

И вот они рядом, остатки некогда стройного маленького космического корабля.

— Я все еще не понимаю, зачем мы вернулись к месту крушения, — выдохнул Каулт. — У нас достаточно продовольствия, чтобы прожить. Когда положение стабилизируется, мы сможем интернироваться...

— Жди здесь, — сказал Утакалтинг, не заботясь о том, что прервал теннанинца. Слава Ифни, теннанинцы не очень чувствительны в этом отношении. Утакалтинг перебрался через борт лодки и скользнул в воду. — Нет необходимости рисковать нам обоим. Дальше я пойду один.

Утакалтинг достаточно знал своего спутника, чтобы понять, что тому неловко. Культура теннанинцев высоко ценит личную храбрость, особенно после выхода в космос, который приводит теннанинцев в ужас.

— Я пойду с тобой, Утакалтинг. — Каулт отложил весло. — Там может быть опасно.

Утакалтинг остановил его поднятой рукой.

— Не нужно, коллега и друг. Ты физически не приспособлен для «исследования» болота. И можешь перевернуть лодку. Отдыхай. Мне нужно всего несколько минут.

— Ну, хорошо. — Каулт явно испытал облегчение. — Я буду ждать тебя здесь.

Утакалтинг шел по отмели, отыскивая дорогу в предательской грязи. Он огибал струйки темной жидкости, направляясь на берег, на котором лежал борт корабля.

Это было нелегко. Он чувствовал, как тело готовится к изменениям, чтобы облегчить продвижение по густой грязи, но Утакалтинг сдержал эту реакцию. Глиф нутурунау помог ему свести адаптацию к минимуму.

Расстояние просто не стоит той цены, которую придется платить за перемены.

Шлем его распушился, отчасти он поддерживал глиф нутурунау, отчасти корону, настороженную в поисках присутствия. Сомнительно, чтобы здесь таилась опасность. Об этом позаботились бурурали. Но Утакалтинг, идя вброд, продолжал исследовать местность, ласкал эмпатическую сеть этой болотной похлебки жизни.

Вокруг полным-полно мелких животных, основных пород и видов, стандартных форм:

стройные веретенообразные птицы, чешуйчатые, с роговыми ртами рептилоиды, волосатые и пушистые существа, скользящие в тростниках.

Давно известно, что у кислорододышащих животных существует три способа покрывать свое тело. Когда клетки кожи выпячиваются наружу, возникают перья. Когда они растут внутрь, получаются волосы. А когда утолщаются и твердеют, животное обретает чешую.

Все эти три возможности здесь используются, и все в типовых формах.

Перья идеальны для птиц, которым нужен максимум изоляции при минимуме веса. Шерсть покрывает теплокровные существа, которые не могут терять тепло.

Конечно, это только внешность. Внутри — бесконечное разнообразие способов, которыми обеспечивается жизнь. Каждое существо уникально, каждая планета удивительна своим разнообразием. Планета предназначена быть огромной детской и заслуживает защиты в этой роли. В это верили и Утакалтинг, и его спутник.

Его народ и народ Каулта враги. Конечно, не как губру по отношению к людям, но в стиле, позволенном Институтом Цивилизованных Войн. Существует множество типов конфликтов, среди

них и весьма опасные и серьезные. Но все же Утакалтингу по-своему нравится теннанинец. Так просто удобнее. Обычно легче подшучивать над тем, кто тебе нравится.

Утакалтинг поднялся на берег и отряхнулся. Проверил уровень радиации и пошел к разбитой яхте.

* * *

Каулт смотрел, как Утакалтинг исчезает за бортом потерпевшего крушение корабля. Он сидел неподвижно, как его и просили, изредка делал гребок, чтобы удержаться подальше от темных струек. Из его дыхательных щелей показалась пена, отгоняя зловоние.

Во всех пяти галактиках теннанинцы известны как упорные бойцы и отважные космопроходцы. Но расслабиться Каулт и его соплеменники могут только на живой, дышащей планете. Поэтому их корабли, прочные и выносливые, так напоминают дома. Разведывательный корабль, построенный теннанинцами, нельзя было бы так легко смахнуть с неба, как этот, — простым тераваттным лазером! Тимбрими предпочитают броне скорость и маневренность, но такие катастрофы подтверждают правоту теннанин-

цев. Крушение не оставляло им выбора. Прорыв блокады губру крайне рискован, а альтернатива ему — скрываться вместе с выжившими членами правительства землян. И то, и другое не очень привлекательно.

В конце концов, может быть, именно крушение поможет им выжить. По крайней мере здесь есть почва и вода, они окружены жизнью.

Каулт посмотрел на появившегося из-за корабля Утакалтинга. Тот нес небольшой ранец. Когда тимбримийский посол погрузился в воду, его пушистый шлем встал дыбом. Каулт уже знал, что он не столь теплопроводен, как гребень теннанинцев. Некоторые группы в его собственном клане считают такие факты доказательством врожденного превосходства теннанинцев, но Каулт принадлежит к течению, более умеренному в своих взглядах. Он считает, что у каждого вида есть своя ниша в эволюционирующем Всем. Даже дикие и непредсказуемые волчата-люди. Даже еретики.

* * *

Развернув корону, Утакалтинг возвращался к лодке; однако корона развернулась не из-за перегрева. Утакалтинг создавал особый глиф.

Луррунану повис под яркими лучами солнца. Он сверкал в поле короны, собрался, энергично устремился вперед, повис над рослым теннанинцем, заплясал в радостном любопытстве над его гребнем. Галакт ничего не заметил. И его нельзя в этом винить. В конце концов глиф — это ничто. Мираж.

Каулт помог Утакалтингу подняться, схватив за пояс и втащив в неустойчивую лодку головой вперед.

— Я прихватил еще продовольствия и кое-какие инструменты, — сказал Утакалтинг на галактическом-семь, покачнувшись. Каулт помог ему сохранить равновесие.

Ранец раскрылся, в нем были бутылки. Луррунану по-прежнему висел над теннанинцем, ожидая подходящего момента. Каулт наклонился, подбирая рассыпавшиеся предметы, и в этот момент вращающийся глиф прыгнул.

Он ударился о знаменитое упрямство теннанинцев и отскочил.

Серьезность Каулта невозможно нарушить. Под управлением Утакалтинга луррунану снова устремился вперед, яростно набросился на гребень теннанинца; в этот момент Каулт подобрал бутылку легче остальных и протянул ее Утакал-

тингу. Упрямый скептицизм чужака заставил глиф снова отскочить.

Утакалтинг, взяв бутылку и пряча ее, попытался в последний раз, но на этот раз луррунану просто разбился о непроницаемый барьер самонадеянности теннанинца.

— Что с тобой? — спросил Каулт.

— Ничего. — Шлем Утакалтинга опустился, тимбрими раздраженно выдохнул. Все равно нужно найти способ возбудить любопытство Каулта!

«Ну хорошо, — подумал он. — Я и не ожидал, что будет легко. Время еще есть».

Впереди сотни километров глуши, потом Мулунские горы и, наконец, долина Синда, прежде чем они доберутся до Порт-Хелении. Где-то там ждет тайный партнер Утакалтинга, готовый участвовать в продолжительном розыгрыше Каулта.

«Будь терпелив, — сказал себе Утакалтинг. — Хорошая шутка требует времени».

Он сунул ранец под сиденье и привязал его бечевкой.

— Уходим отсюда. Я думаю, у противоположного берега много рыбы, а деревья там защитят от полуденного солнца.

Каулт прохрипел согласие и взял весло. Они двинулись через болото, оставив за собой медленно погружающуюся в трясину космическую яхту.

Глава 44
ГАЛАКТЫ

На околопланетной орбите силы вторжения вступили в новую фазу операции.

Вначале было преодолено краткое, удивительно упорное, но совершенно бессмысленное сопротивление. Потом наступил этап консолидации, составления и исполнения ритуальных планов очищения. Все это время флот в основном сохранял оборонительное построение.

В пяти галактиках царит смятение. В любое время десяток других союзов может попытаться захватить Гарт. Или союз землян и тимбрими, хотя и осажденный со всех сторон, может решить нанести здесь контрудар.

Тактические компьютеры считали, что со стороны землян это было бы глупостью, но земляне так непредсказуемы, что заранее ничего нельзя сказать.

Слишком многое уже вложено в эту операцию. Клан гуксу-губру не должен потерпеть здесь

поражение.

И боевой флот перестроился. Корабли следили за пятью уровнями гиперпространства, за всеми ближайшими пунктами перехода, за узлами пространства-времени.

Приходили новости о тяжелых испытаниях Земли, об отчаянии тимбрими, о тех трудностях, с которыми столкнулись шутники, вербуя союзников среди сонных умеренных кланов. И чем больше времени проходило, тем яснее становилось, что с этой стороны угрозы ждать не следует.

Но другие большие кланы не сидели бездеятельно. Те, которые сразу замечали преимущества. Некоторые из них тщетно искали сбежавший корабль дельфинов. Другие воспользовались смятением, чтобы выместить старые обиды.

Тысячелетней давности соглашения рассеивались, как газовые облака при появлении сверхновой. Пламя лизало древнюю социальную ткань пяти галактик.

С Родного Насеста губру поступили новые приказы. Как только будут завершены наземные оборонительные укрепления, большая часть флота получит новые задания. Оставшихся сил вполне достаточно, чтобы удержать Гарт и про-

тивостоять любой мыслимой угрозе.

Повелители Насестов сопроводили этот приказ компенсацией. Сюзерену Луча и Когтя объявили благодарность. Сюзерену Праведности пообещали усовершенствованную Библиотеку для экспедиции на Гарт.

Новому сюзерену Стоимости и Бережливости компенсация не полагалась.

Но сами новые приказы были его победой, потому что в основе их лежала осторожность. Главный чиновник набирал очки в Слиянии; они ему крайне необходимы в соперничестве с другими, более опытными предводителями.

Флотские соединения улетели к ближайшим пунктам перехода, уверенные, что дела на Гарте находятся в твердых клювах и руках. Однако наземные силы с гораздо меньшей уверенностью смотрели вслед улетающим. На поверхности планеты возникли небольшие очаги сопротивления. Эта активность, всего лишь небольшая помеха, началась среди населения шимпанзе в отдаленных районах.

Поскольку они близкие родственники и клиенты людей, их неразумное поведение неудивительно. Высшее командование губру приняло меры предосторожности. И занялось другими

делами.

Внимание триумвирата привлекла некая информация, полученная от вражеского источника и относящаяся к самой планете Гарт. Возможно, эта информация ложная. Но если она подтвердится, открываются обширные возможности!

В любом случае этим следует заняться. Возможна большая выгода. В этом все трое сюзеренов были единодушны. Они впервые испытали вкус истинного консенсуса.

* * *

Взвод солдат Когтя охранял экспедицию, углубившуюся в горы.

Птицеподобные в боевом снаряжении проносились над вершинами деревьев, внизу, в узком каньоне, слышен был негромкий свист их полетных ранцев. Один танк на воздушной подушке шел впереди, другой замыкал конвой.

Ученые-следователи двигались во флиттерах под надежной защитой.

Машины на воздушных подушках шли вглубь материка, избегая вершин хребтов с их камнями-чешуями. Не торопились. Слух, за которым они охотятся, возможно, ни на чем не основан, но сюзерены настаивают на его проверке. На

всякий случай.

Цель они увидели в конце второго дня. Плоское дно узкой долины. Здесь недавно горели здания небольшого поселка.

Танки заняли позиции в противоположных концах пожарища. Из машин высыпали ученые-губру и их помощники, клиенты-кваку. Держась подальше от все еще пахнущих гарью развалин, они отдали приказ роботам, сборщикам образцов, направляя их поиск. Менее привередливые, чем их патроны, пушистые белые кваку устремились прямо к пепелищам, возбужденно пища, принюхиваясь и приглядываясь.

Одно заключение было получено немедленно. Поселок уничтожен сознательно. Здесь пытались что-то скрыть в дыму и развалинах.

С тропической неожиданностью наступили сумерки. Вскоре пришлось работать при свете прожекторов. И наконец, командир отряда приказал остановиться. Полномасштабное изучение придется отложить на завтра.

Специалисты вернулись в свои машины, обсуждая полученные результаты.

Найдены следы, улики, тревожащие и возбуждающие.

Но для работы хватит дневного времени. Тех-

ники закрылись в машинах от наступающей ночи. Шесть роботов-сторожей поднялись в воздух с механическим молчаливым усердием. Гарт медленно поворачивался под ночным звездным небом. Слабые шорохи и потрескивания говорили о серьезных занятиях ночных лесных обитателей — они охотились и скрывались от охотников. Роботы не обращали на них внимание, продолжая невозмутимо вращаться. Ночь проходила.

Незадолго до рассвета под деревьями в звездном свете показались новые тени. Местные мелкие животные разбегались и из укрытий слушали, как медленно, осторожно крадутся пришельцы.

Роботы тоже заметили этих новых животных и сопоставили их с критериями своих программ. Вывод: неопасны. Они продолжали бездействовать.

Глава 45
АТАКЛЕНА

— Они — сидячие утки, — заметил Бенджамин со своего наблюдательного пункта на западном склоне.

Атаклена взглянула на адъютанта-шимпа. Несколько мгновений сражалась с метафорой

Бенджамина. Может, он имеет в виду птичью природу врага?

— Они как будто спокойны и довольны, если ты это имеешь в виду, — сказала она. — Но у них есть причины. Губру больше полагаются на боевых роботов, чем мы, тимбрими. Мы считаем их слишком дорогими. К тому же их поведение абсолютно предсказуемо. Тем не менее, эти роботы могут быть опасными противниками.

Бенджамин серьезно кивнул.

— Я помню об этом, сэр.

Но Атаклена все же чувствовала, что на него это не произвело впечатления. Он помогал планировать сегодняшнее нападение, координировал действия с городским сопротивлением. Официально цель нападения — запугать врага и, может быть, нанести ему некоторый ущерб, который он запомнит.

Атаклена не была уверена, что это возможно. Но согласилась с планом. Она не хотела, чтобы губру слишком многое узнали в развалинах Хаулеттс-Центра.

Пока еще рано.

— Они устроили лагерь вблизи развалин главного здания, — сказал Бенджамин. — Именно там, где мы и ожидали.

Атаклена с тревогой взглянула на ночной бинокль шимпа.

— Ты уверен, что этот прибор невозможно обнаружить?

Бенджамин, не поднимая головы, кивнул.

— Да, мэм. Такие приборы мы выложили на склоне, под самым газботом. Но он даже не задержался. Мы сузили список материалов, которые обнаруживают враги. Скоро...

Бенджамин застыл. Атаклена ощутила его напряжение.

— В чем дело?

Шен пригнулся.

— Я вижу какое-то движение в деревьях. Может, наши парни занимают позиции. Сейчас установим, так ли запрограммированы эти роботы, как вы предсказали.

Бенджамин и не подумал предложить бинокль.

«Прощай протокол отношений патрон-клиент», — подумала Атаклена.

Впрочем, неважно. Она предпочитала полагаться на собственные эмоции.

Она чувствовала внизу присутствие трех типов двуногих, располагающихся вокруг экспедиции губру. Если Бенджамин увидел их, они определен-

но находятся в пределах досягаемости вражеских роботов. Но роботы ничего не предпринимают! Проходят секунды, а вращающиеся сторожа не открывают огонь по ползущим фигурам. И не тревожат своих спящих хозяев. Атаклена вздохнула с ожившей надеждой. Поведение машин — очень важная информация. То, что они продолжают молча вращаться, многое говорит не только о том, что происходит здесь, на Гарте, но и том, что творится где-то там, за покрытым звездами куполом над головой. Она узнает о состоянии дел в пяти галактиках.

«Закон еще существует, — подумала Атаклена. — Губру ограничены в своих действиях».

Подобно другим фанатичным кланам, союз губру не очень строго придерживается кодексов планетарного экологического управления. Зная болезненную подозрительность птицеподобных, Атаклена предполагала, что они запрограммируют своих защитных роботов одним способом, если законы еще действуют, и совсем по-другому, если они нарушаются.

Если хаос полностью воцарился в пяти галактиках, губру прикажут своим роботам стерилизовать сотни акров, чтобы не допустить никакого риска для своих жизней.

Но если кодекс действует, враг не посмеет его нарушить. Потому что то же самое правило защитит его, если война пойдет неблагоприятно для его союза.

Правило девятьсот двенадцатое: не участвующие в боевых действиях не должны страдать, если это возможно. Это относится скорее к видам, чем к индивидуумам, особенно на таком пережившем катастрофу мире, как Гарт.

Туземные формы жизни защищены миллиардолетней традицией.

— Собственная самонадеянность загнала вас в ловушку, грязные создания, — сказала Атаклена на галактическом-семь. Очевидно, губру запрограммировали свои машины на слежение за признаками разума: промышленного изготовления оружием, одеждой, механизмами. Губру и подумать не могли, что враг сможет приблизиться к их лагерю нагим, неотличимым от лесных животных!

Она улыбнулась, думая о Роберте. Эта часть плана — его идея.

Серая предрассветная прозрачность распространилась по небу, постепенно изгоняя звезды. Слева от Атаклены их врач, пожилая шимми Элейн Су посмотрела на свои металлические

часы. Многозначительно постучала по циферблату. Атаклена кивнула, давая разрешение продолжать.

Доктор Су поднесла ко рту ладони и испустила высокий пронзительный звук — крик птицы файуаллу. Атаклена не слышала щелчков тетив тридцати луков, выпустивших стрелы. Но напряглась в ожидании. Если роботы губру действительно совершенны и сложны...

— Готово! — воскликнул Бенджамин. — Шесть верхушек, все разбиты на куски! Все шесть роботов выведены из строя!

Атаклена перевела дыхание. Там, внизу, Роберт. Теперь, наверное, она может поверить, что у него и у остальных есть шанс. Она коснулась плеча Бенджамина, и шимп неохотно протянул ей бинокль.

Кто-то, должно быть, заметил, что экраны мониторов потемнели.

Послышалось негромкое гудение, и раскрылся верхний люк одного из танков. Высунулась фигура в шлеме и осмотрела тихий луг. Клюв птицы тревожно дернулся: она увидела обломки ближайшего робота. Что-то пошевелило ветви поблизости. Солдат развернулся, направив лазер на что-то, выскочившее из-под дерева. Синяя

молния ударила в темный силуэт.

И промахнулась. Стрелок не смог попасть в цель, которая не летела, не падала, а раскачивалась на конце лианы. Еще две молнии пролетели мимо, и больше у солдата не было возможности стрелять. Темная фигура обвила ногами худую птицу и с треском сломала ей позвоночник.

Тройной пульс Атаклены забился быстрее: она увидела силуэт Роберта на башне танка, над съежившимся телом солдата Когтя. Роберт поднял руки, и неожиданно все пространство заполнилось бегущими фигурами.

Шимпы бегали между танками и флиттерами с глиняными бутылками. За ними более рослые особи тащили какие-то тюки. Атаклена слышала, как Бенджамин что-то негодующе пробормотал. Это ее решение — включить в операцию горилл, и решение это непопулярно.

— ...тридцать пять... тридцать шесть... — считала секунды Элейн Су. В наступающем рассвете они видели шимпов, карабкающихся на машины чужаков. Это тоже рискованная часть. Надолго ли задержит неожиданность неизбежную реакцию?

Удача кончилась после тридцать восьмой секунды. Заревели сирены, вначале на переднем танке, потом на заднем.

— Осторожно! — закричал кто-то внизу.

Поросшие шерстью нападающие бросились к деревьям; из машин повалили солдаты Когтя, стреляя из ружей. Шимпы падали с криками, хватались за горящую шерсть. Или падали в подлесок молча, пробитые навылет. Атаклена прижала корону, чтобы не потерять сознание от их боли.

Это ее первый опыт настоящей полномасштабной войны. Никаких шуток, только страдания и бессмысленная, отвратительная смерть.

И тут начали падать солдаты Когтя. Птицы подпрыгивали в поисках целей, исчезнувших в деревьях, и падали под выстрелами. Оружие чужаков рассчитано на поиск источников энергии, но тут не было лазеров в качестве целей, не было пульсирующих проекторов, не было даже оружия с пулями, которые вылетают под действием взрыва. А тем временем самострелы взвизгивали, как жалящие комары. Один за другим солдаты губру дергались и падали.

Вначале первый, потом второй танк начали подниматься на воздушных подушках. Передняя машина развернулась. Три ее орудийных ствола начали косить лес.

Вершины деревьев на мгновение зависали в

воздухе, когда ствол взрывался, и потом падали наземь в облаках дыма и мусора. Лианы дергались, как рассерженные змеи, выплевывая с таким трудом добытый сок. Шимпы с криками разбегались из-под деревьев. «Стоила ли игра свеч? Может ли что-нибудь стоить этого?» Атаклена на мгновение расправила корону и почувствовала начало формирования глифа. Она сердито рассеяла создающийся в воздухе ответ на ее вопрос — глиф. Никаких острот тимбрими! Жаль, что она не умела плакать, как люди.

Лес дрожал от страха, туземные животные разбегались в ужасе.

Некоторые бежали прямо по Атаклене и Бенджамину в отчаянном стремлении убраться подальше. Радиус уничтожения расширялся, смертоносные машины стреляли по всему движущемуся. Взрывы и огонь были повсюду.

И вот внезапно передний танк прекратил стрельбу. Вначале один, потом другой ствол раскалился добела и замолчал. Стало тише.

Второй танк, по-видимому, столкнулся с теми же проблемами, но пытался продолжать огонь, несмотря на то, что его стволы начали наклоняться.

— Ныряй! — крикнул Бенджамин и потащил

Атаклену вниз. На холме успели укрыться вовремя: задний танк взорвался с ослепительной вспышкой. Над головой полетели куски металла и пластиковой брони.

Атаклена помигала, чтобы убрать пятно с глаз. Испытывая перегрузку восприятия, она на мгновение удивилась тому, что Бенджамина так тянет к воде и земным водоплавающим.

— Второй заклинило! — крикнул кто-то. И верно: обретя вновь способность видеть, Атаклена заметила дым, поднимающийся от переднего танка. Башня издавала скрежещущие звуки, но, по-видимому, не могла двигаться. К запаху горящей растительности примешивался едкий запах разложения.

— Подействовало! — возбужденно воскликнула Элейн Су. И тут же побежала к раненым.

Бенджамин и Роберт предложили использовать против патруля губру химикалии. Атаклена видоизменила план так, чтобы он отвечал ее целям. Ей не нужны мертвые губру, как до сих пор. Теперь ей нужны живые.

Вот они, закрытые в своих машинах, не в состоянии двигаться и действовать. Их коммуникационные антенны расплавились, да и сейчас уже начались нападения в Синде. У высшего ко-

мандования губру достаточно забот и поближе. Помощь придет не скоро.

Осколки упали на лесную почву. Медленно оседала пыль. Наступила тишина.

И тут послышались крики — радостные вопли, забытые с тех пор, как люди вмешались в гены шимпанзе. Атаклена слышала и другой звук — вопль торжества, «тарзаний» крик Роберта.

«Хорошо, — подумала она. — Хорошо знать, что он выжил в этой бойне. Если бы только он еще придерживался плана и отныне прятался получше».

Из леса показались шимпы, многие устремились на помощь доктору Су к раненым. Остальные расположились вокруг обезвреженных машин.

Бенджамин смотрел на северо-запад, где видно было еще несколько звезд. Оттуда доносился слабый грохот.

— Хотел бы я знать, как Фибен и парни из города выполняют свою часть плана, — сказал он.

Впервые Атаклена расправила корону. Освобожденная, она начала формировать кухуннагарра — глиф отложенной неопределенности.

— Это не в наших силах, — ответила Атаклена Бенджамину. — Мы действуем здесь, в этом месте.

Она махнула рукой и ввела в бой ждущие на склонах группы.

Глава 46
ФИБЕН

Дым поднимался над долиной Синда. В полях и садах горели огни. В бледный утренний воздух взлетала сажа.

Сидя на грубой деревянной раме самодельного воздушного змея в ста метрах над землей, Фибен в бинокль разглядывал разбросанные пожары. Бой в Синде разворачивался не очень удачно. Операция предполагалась стремительной: удар и отступление — попытка причинить вред захватчикам. Но она превратилась в сражение.

А теперь опускаются облака, словно отяжеленные дымом и несбывшимися надеждами. Скоро видимость сократится до километра.

— Фибен!

Внизу и слева, недалеко от угловатой тени змея, ему махала Гайлет Джонс.

— Фибен, как дела у группы В? Захватила она сторожевой пункт губру?

Фибен раздраженно покачал головой.

— Я их не вижу! — крикнул он в ответ. — Но

там пыль от вражеского вооружения!

— Где? Сколько? Мы выпустим веревку, чтобы ты разглядел получше...

— Невозможно! Я спускаюсь!

— Но нам нужны сведения...

Фибен покачал головой.

— Везде патрули! Надо убираться отсюда! — И он помахал шимпам, державшим веревку.

Гайлет прикусила губу и кивнула. Змей начали опускать.

Когда нападения окончились неудачей, а связь прекратилась, Гайлет еще решительней требовала сводок. Фибен не мог винить ее. Он тоже хотел знать, что происходит. У него там друзья! Но сейчас лучше подумать о собственной шкуре.

«А как хорошо все начиналось!» — думал он, медленно опускаясь.

Восстание вспыхнуло, когда шимпы, работающие на строительстве губру, закончили закладывать взрывчатку. Они делали это целую неделю. И пять из восьми целей взлетели в утреннее небо огненными столбами.

Но потом сказывались преимущества технологии. Автоматические защитные системы губру сработали и принялись косить ряды необученных бойцов, не успело еще начаться нападение.

По сведениям Фибена, не захватили ни одного важного объекта. О том, чтобы удержать захваченное, не было и речи.

В целом дела обстояли неважно.

Фибен развернул змея, и неуклюжее сооружение устремилось к поверхности. Земля понеслась навстречу, и Фибен подобрал ноги, готовясь к удару, он получился очень сильным. Треснула деревянная рама крыла, которое приняло на себя основную тяжесть.

«Лучше рама, чем кость». Фибен отвязался и выбрался из тяжелой самодельной упряжи. Конечно, настоящий дельтаплан, с композитной рамой и дюратканевыми крыльями, был бы лучше. Но они по-прежнему не знают, каким образом захватчики распознают присутствие искусственных материалов. Поэтому Фибен настоял на самодельных — и гораздо более неуклюжих — заменах.

Поблизости с лазерным ружьем губру в руках стоял рослый шимп со шрамами на лице — Макс. Он протянул руку.

— Все в порядке, Фибен?

— Да, Макс, в порядке. Давай уберем эту штуку.

Его команда разобрала змея и унесла под покров ближайших деревьев. С самого начала

злополучного набега на рассвете над головой пролетали флиттеры и истребители губру. Змей буквально невидим для радара и инфракрасных лучей. Но все равно слишком рискованно использовать его днем. На краю сада их встретила Гайлет. Она не хотела верить в тайное оружие губру — способность врага находить промышленно изготовленные вещи. Но отчасти пошла навстречу требованиям Фибена. На шимми поверх шортов и домотканой рубашки была грубая коричневая куртка. Гайлет прижимала к груди блокнот и ручку.

Пришлось долго уговаривать ее оставить портативный дисплей компьютера.

Когда Фибен выбирался из остатков змея, ему показалось, что на ее лице отразилось облегчение. Но теперь она интересовалась только делом.

— Что ты видел? Сильные ли подкрепления подходят к врагу из Порт-Хелении? Близко ли подошла группа Йосси к батарее небесной сети?

«Сегодня утром погибло много хороших шимпов и шимми, а ее интересуют только проклятые данные!»

Укрепления космической обороны — одна из целей нападения. До сих пор несколько мелких

засад в горах вряд ли способны были привлечь внимание врага. Фибен настаивал, чтобы в первом набеге удар пришелся по важным целям. Теперь уже не удастся застать врага врасплох.

И все же Гайлет спланировала операцию в Синде с учетом удобства для своих наблюдателей. Для нее информация важнее любого ущерба, который они могут причинить врагу. И, к удивлению Фибена, генерал согласилась с Гайлет.

Фибен покачал головой.

— В том направлении много дыма, так что, может быть, Йосси чего-то добился. — Фибен отряхнулся. В его домотканом комбинезоне дыра. — Я видел много вражеских подкреплений. Все здесь. — Он похлопал себя по голове.

Гайлет поморщилась. По-видимому, хотела все услышать немедленно. Но по плану они должны быть далеко отсюда. Уже очень поздно.

— Ладно, расскажешь позже. Отложим наше совещание.

«Ты, должно быть, шутишь», — саркастично подумал Фибен. Он обернулся.

— Убрали эту штуку, парни?

Трое шимпов из команды змея забрасывали листвой небольшую насыпь под соковым деревом.

— Все готово, Фибен. — Они прихватили охотничьи ружья, стоявшие под другим деревом.

Фибен нахмурился.

— Мне кажется, от них лучше избавиться. Они изготовлены на Земле.

Гайлет решительно покачала головой.

— А чем мы их заменим? Чего добьемся, действуя несколькими трофейными лазерами? Я готова нападать на врага голой, но не безоружной! — Ее карие глаза горели.

Фибен тоже начал сердиться.

— Готова нападать! Почему бы не гоняться за птицами с заточенным карандашом? Это твое любимое оружие!

— Это нечестно! Я делаю записи, потому что...

Ее прервал Макс, закричавший:

— В укрытие!

Со свистом разрывая воздух, что-то белое пронеслось над самыми вершинами деревьев. Вслед за ним вились и падали на луг сорванные листья.

Фибен не помнил, как упал за узловатый корень. Выглянув из-за него, он увидел, как вражеский корабль долетел до ближайшего холма и начал поворачивать назад.

Рядом с Фибеном очутилась Гайлет. Макс сле-

ва, он уже забрался на ветви соседнего дерева. Остальные лежали правее, ближе к краю сада.

Фибен видел, как один из шимпов поднял ружье и прицелился в приближающуюся машину.

— Нет! — закричал он, понимая, что уже поздно.

Край луга взорвался. Комья земли полетели в небо, словно поднятые злобными демонами. В мгновение ока водоворот прошел по деревьям, вздымая обрывки листьев, ветви, грязь, плоть и кости, которые взметнулись во все стороны.

Гайлет с раскрытым ртом смотрела на это опустошение. Фибен упал на нее перед тем, как ударная волна прокатилась через них. Он ощутил воздушный удар, вражеский истребитель пронесся над головой. Уцелевшие деревья дрожали и раскачивались на волне вытесненного воздуха. На спину Фибену падал дождь обломков. Из-под его руки появилось лицо Гайлет.

— Убирайся с меня, пока я не задохнулась, ты, вонючий, блохастый, побитый молью...

Фибен видел, что вражеский разведчик исчез за холмом. Он быстро встал.

— Пошли, — сказал он, поднимая Гайлет. — Надо сматываться.

Цветистые проклятия Гайлет внезапно пре-

кратились. Она встала. И ахнула, увидев, что натворило оружие губру. Слишком страшно в это поверить.

Обломки дерева перемешались с останками троих ее солдат-новобранцев. Там лежали и ружья шимпов.

— Если собираешься взять одно из них, действуй самостоятельно, сестренка.

Гайлет замигала, потом покачала головой и убежденно обронила:

— Нет.

Потом повернулась.

— Макс!

Она двинулась в ту сторону, где в последний раз видела своего рослого помощника. Но в этот момент раздался грохочущий звук.

Фибен остановил Гайлет.

— Военные транспорты. У нас нет времени. Если он жив, выберется. Пошли!

Гул гигантских машин приближался. Но Гайлет сопротивлялась.

— О, ради Ифни, подумай о спасении своих записей! — настаивал Фибен.

Это подействовало. Гайлет позволила ему утащить себя.

Вначале она спотыкалась, потом пошла уве-

ренней. Они побежали.

«Ничего девушка! — думал Фибен на бегу. Они укрывались под деревьями. — Упрямая, но смелая. Впервые такое видит, и ее даже не стошнило».

«Да? — как будто произнес в его голове другой голос. — А ты когда такое видел? Космические битвы по сравнению с этим чистые и аккуратные».

Фибен вынужден был признаться, что его не вывернуло только потому, что он не может позволить себе потерять завтрак на глазах у этой шимми. Такого удовольствия он ей никогда не доставит.

Вместе они пересекли мутный ручей и побежали дальше.

Глава 47
АТАКЛЕНА

Действовать теперь предстояло Бенджамину.

Атаклена и Роберт из укрытия на склоне смотрели, как их друг приближается к конвою губру. Бенджамина сопровождали еще двое шимпов, один из них нес флаг перемирия с изображенным на нем символом Библиотеки — крылатой спира-

лью галактической цивилизации.

Шимпы-парламентеры сбросили домотканую одежду и надели серебристое протокольное платье, приличествующее двуногим. Требовалась смелость, чтобы идти так. Хотя машины выведены из строя, уже полчаса незаметно никаких признаков жизни, трое шимпов гадали, что предпримут губру.

— Десять к одному, что птицеподобные сначала используют робот, — сказал Роберт, не отрывая взгляда от сцены внизу.

Атаклена покачала головой.

— Нет, Роберт? Смотри! Открывается дверца центральной машины.

Со своего наблюдательного пункта они видели всю поляну. Над одним все еще дымящимся танком на воздушной подушке возвышаются развалины Хаулеттс-Центра. Второй танк, с бесполезно обвисшим стволом, лежит накренившись на гибкой завесе воздушной подушки.

А из одной разбитой машины высунулась фигура губру.

— Я прав! — Роберт с отвращением фыркнул. Действительно робот. Он тоже несет флаг с изображением крылатой спирали. — Проклятые птицы не хотят ставить шимпов выше земляных

червей, — заметил Роберт. — Хотят, чтобы переговоры вела машина. Надеюсь, Бенджамин помнит, что должен сделать.

Атаклена коснулась руки Роберта, призывая к тишине.

— Он помнит, — негромко сказала она. — И ему поможет Элейн Су. — Тем не менее, наблюдая, оба испытывали ощущение беспомощности. Это дело уровня патронов. Клиентов не следует оставлять одних в такой ситуации.

Плавающий робот, по-видимому, один из сборщиков образцов, торопливо приспособленный для выполнения дипломатических функций, остановился в четырех метрах от приближающихся шимпов, которые тоже замедлили шаг и поставили свой флаг. Робот негодующе застрекотал. Атаклена и Роберт слов не поняли. Тон, однако, был безапелляционный.

Двое шимпов попятились, нервно улыбаясь.

— Это тебе по силам, Бенджамин! — проворчал Роберт.

Атаклена видела, как вспухли бугры мышц на его руках. Если бы вместо этих мышц оказались железы изменения тимбрими... Она вздрогнула от такого сравнения и снова посмотрела вниз.

Бенджамин стоял неподвижно, как скала, не

обращая внимания на машину.

Он ждал. Наконец робот смолк. Наступила тишина, и тут Бенджамин сделал простой жест — в точности, как его учила Атаклена, — презрительно отстраняя неживого участника переговоров разумных.

Робот снова запищал, на этот раз громче и с ноткой отчаяния.

Шимпы продолжали ждать, не снисходя до ответа машине.

— Какая надменность! — вздохнул Роберт. — Отлично, Бен. Покажи им класс.

Проходили минуты. Положение оставалось прежним.

— Конвой губру пришел в горы без пси-щита, — неожиданно объявила Атаклена. Она коснулась правого виска, и ее корона задрожала. — Либо щит поврежден во время нападения. Я чувствую, что они все сильнее нервничают. Захватчики располагают приборами для наблюдения. Они могли засечь движение в лесу. Это подходит вторая группа нападения, оснащенная современным оружием.

Для достижения эффекта внезапности сопротивление свои основные силы держало в резерве. Антиматерия вызывает резонанс, который мож-

но уловить на большом расстоянии. Но теперь пора раскрывать карты. Враг знает, что даже за своей броней он не в безопасности.

Неожиданно без всяких церемоний робот взлетел и направился к центральной машине. После недолгой паузы снова открылась дверца и появились два новых парламентера.

— Кваку, — объявил Роберт.

Атаклена сдержала глиф сиртуну. У ее друга-человека странная манера объяснять очевидное.

Пушистые белые четвероногие, верные клиенты губру, приближались к месту переговоров, оживленно болтая друг с другом. Рядом с шимпами они казались огромными. На толстой шее одного из них висел медальон-переводчик.

Трое шимпов сложили руки перед собой и, как один, поклонились, опустив головы на тридцать градусов. Потом выпрямились и продолжали ждать.

Кваку просто стояли. Было ясно, кто кого игнорирует на этот раз.

В бинокль Атаклена видела, что Бенджамин заговорил. Она прокляла невозможность услышать его слова.

Однако эти слова подействовали. Кваку гневно зачирикали и заблеяли.

Заработал переводчик, результаты сказались немедленно. Бенджамин не стал ждать, пока они закончат. Вместе с товарищами он поднял флаг, повернулся, и трое шимпов начали уходить.

— Отличные ребята, — довольно заметил Роберт. Он знает шимпов. Их лопатки сейчас ужасно чешутся, но поступь спокойна и преисполнена достоинства.

Передний кваку замолчал и в замешательстве посмотрел вслед шимпам, потом начал подпрыгивать и издавать резкие крики. Его спутник тоже казался возбужденным. Находящиеся на склоне теперь услышали усиленный голос переводчика, который снова и снова кричал: «...вернитесь!» Шимпы продолжали идти к деревьям, и наконец до Атаклены и Роберта донеслось:

— ...вернитесь... ПОЖАЛУЙСТА!..

Человек и тимбрими переглянулись и улыбнулись друг другу. Отчасти из-за этого и произошло сражение.

Бенджамин и его спутники резко остановились, повернулись и пошли назад. Снова поставив на место флаг со спиралью, они застыли в ожидании. И наконец, дрожа от страшного унижения, четвероногие послы поклонились.

Неглубокий поклон — чуть заметно согнуты

передние ноги, но тем не менее поклон. Клиенты губру на договоре признали клиентов людей на договоре равными.

— Они могли предпочесть смерть, — удивленно сказала Атаклена, хотя сама планировала эту встречу. — Кваку шестьдесят тысяч земных лет, а неошимпанзе стали разумными три столетия назад, и они клиенты волчат. — Она знала, что Роберт не обидится на ее слова. — Кваку так далеко зашли в возвышении, что имели право выбрать смерть. Должно быть, они и губру ошеломлены и не обдумали все последствия. Наверное, не верят в происходящее.

Роберт улыбнулся.

— Подожди, пока они услышат остальное. Пожалеют, что не избрали выход полегче.

Шимпы ответили поклоном под прежним углом. Покончив с формальностями, один из гигантов быстро заговорил, из переводчика послышались звуки англика.

— Кваку, вероятно, требуют встречи с руководителями засады, — заметил Роберт, и Атаклена согласилась.

Усиленная жестикуляция при ответе выдала Бенджамина. Но это уже не страшно. Бенджамин указал на развалины, на танки, на беспомощные

машины и на окружающий лес, где силы мстителей готовились завершить начатое.

— Он говорит, что он предводитель.

Так в сценарии, конечно. Атаклена сама написала его, поражаясь тому, как легко перешла от тонкого лицемерия тимбрими к грубой и прямой манере людской лжи.

Поведение Бенджамина помогало ей следить за переговорами, а эмпатия и воображение заполняли пробелы.

«Мы потеряли своих патронов, — произносил Бенджамин отрепетированный ответ. — Вы и ваши хозяева забрали их у нас. Нам их не хватает, мы хотим их возвращения. Но мы знаем, что бездеятельное оплакивание им не понравится и не позволит им гордиться нами. Только своими действиями покажем мы, насколько нас возвысили. И поэтому мы поступаем так, как они учили нас: ведем себя как существа, обладающие разумом и честью.

Во имя чести и в соответствии с Кодексом Войн я требую, чтобы вы и ваши хозяева сдались, иначе вы испытаете все последствия нашего законного и праведного гнева!»

— У него получается! — удивленно прошептала Атаклена.

Роберт закашлялся, пытаясь сдержать смех. Бенджамин говорил, а кваку отчаивались на глазах. Когда он замолчал, пернатые четвероногие начали подпрыгивать и визжать. Они распускали перья, чистили их клювами и громко протестовали.

Но Бенджамина вывести из себя не удалось. Он посмотрел на наручные часы и произнес три слова.

Кваку неожиданно успокоились. Должно быть, получили приказ, потому что одновременно поклонились и понеслись назад к центральной машине.

Солнце поднялось над грядой холмов на востоке. Сквозь ветви деревьев прорвались лучи утреннего света. Площадку для переговоров начало припекать, но шимпы терпеливо ждали. Время от времени Бенджамин поглядывал на часы и говорил, сколько времени осталось.

Атаклена видела, как на краю леса их специальный отряд устанавливает единственный излучатель антиматерии. Несомненно, губру тоже видят это.

Роберт шепотом считал минуты.

Наконец — в самый последний момент — люки трех машин раскрылись. Из каждого показалась

процессия. Впереди все губру в сверкающем одеянии старших патронов. Они высокими голосами пели, и басом им подпевали верные кваку.

Пышное зрелище разворачивалось в древних традициях, восходящих к временам, когда жизнь еще не выбралась из воды на земную твердь. Можно представить, что испытывали Бенджамин и остальные шимпы, когда сдающиеся проходили перед ними. У самого Роберта во рту пересохло.

— Помни, что нужно снова поклониться, — прошептал он настойчиво.

Атаклена улыбнулась. Корона давала ей привилегию.

— Не бойся, Роберт. Он помнит. — И действительно, Бенджамин сложил перед собой руки жестом глубокого уважения младшего клиента перед старшим патроном. Все шимпы низко поклонились.

Только белая полоска выдавала улыбку Бенджамина, от уха до уха.

— Роберт, — сказала Атаклена, удовлетворенно кивая. — Твой народ отлично поработал. И всего за четыреста лет.

— Не перехвали, — ответил он. — Все было ясно с самого начала.

* * *

Сдавшиеся птицы ушли в сторону долины Синда. Несомненно, вскоре их подберут. В противном случае Атаклена приказала распространить приказ. Они должны без помех добраться до базы. Всякий шимп, который коснется их пера, будет объявлен вне закона, его плазму выльют в канализацию, а его генетический код будет уничтожен. Настолько серьезно это дело.

Процессия исчезла на горной тропе. И только тут началась тяжелая работа.

Команды шимпов принялись разбирать покинутые машины; нужно управиться за то небольшое драгоценное время, пока не появились силы возмездия.

Гориллы нетерпеливо пыхтели, ожидая грузов, чтобы унести их в горы.

К этому времени Атаклена уже перенесла командный пункт на каменистую вершину холма на два километра ближе к горам. Она в бинокль следила за тем, как уносят последние грузы, оставив в тени разрушенных зданий пустые корпуса машин.

Роберт по настоянию Атаклены ушел гораздо раньше. Завтра он отправится с другим заданием,

и ему нужно отдохнуть.

Расправив корону, Атаклена кеннировала Бенджамина еще до того, как послышались его мягкие шаги. Когда он заговорил, голос звучал серьезно.

— Генерал, мы, получили по семафору сообщение, что нападения на Синде потерпели неудачу. Несколько сооружений ити удалось взорвать, но все кончилось поражением.

Атаклена закрыла глаза. Она этого ожидала. Прежде всего, внизу много проблем с конспирацией. Фибен подозревал, что в городское сопротивление проникли предатели. Тем не менее Атаклена не отказалась от вылазок. Они отвлекли защитные силы губру, заняли скоростные истребители. Она надеялась, что не слишком много шимпов погибло, отвлекая на себя захватчиков.

— Одно уравновешивает другое, — сказала она своему помощнику.

Атаклена знала, что их победа имеет чисто символическое значение. Невозможно изгнать врага, располагая такими силами. Привычно пользуясь метафорой, она подумала о гусенице, пытающейся передвинуть дерево.

«Нет, если мы и победим, то с помощью хитро-

сти, а не силы».

Бенджамин откашлялся. Атаклена взглянула на него.

— Ты по-прежнему считаешь, что нам не следовало отпускать их живыми? — спросила она.

Он кивнул.

— Да, сэр, считаю. Кажется, я понимаю, что вы говорили о символизме всего этого... и я горжусь, что вы довольны тем, как я провел переговоры. Но я по-прежнему считаю, что всех их надо сжечь.

— Из мести?

Бенджамин пожал плечами. Оба они знали мнение большинства шимпов. Их не интересуют символы. Земляне вообще привыкли смотреть на этикет и тонкие различия статуса рас в галактике как на жеманную глупость декадентской цивилизации.

— Вы знаете, что я не об этом думаю, — возразил Бенджамин. — Я согласен с вашим мнением, что мы одержали сегодня настоящую победу, заставив их разговаривать с нами. Если бы не одно обстоятельство.

— Что именно?

— Птицеподобным удалось осмотреть центр и заметить следы возвышения. И я не уверен, что они не увидели и самих горилл среди деревьев!

— Бенджамин покачал головой. — Не думаю, чтобы после этого можно было позволить им уйти, — сказал он.

Атаклена положила руку на плечо адъютанта. Но молчала, потому что не находила слов. Как объяснить Бенджамину?

Сиулфф-куонн образовался над ее головой, выражая удовлетворение от того, как развиваются события, — в осуществление плана ее отца.

Нет, она не может объяснить Бенджамину, что участие горилл в нападении — лишь этап сложного, долгого розыгрыша.

Глава 48
ФИБЕН И ГАЙЛЕТ

— Не поднимай голову! — проворчал Фибен.

— Ты перестанешь рявкать на меня? — с горячностью ответила Гайлет. Она подняла глаза поверх травы. — Я просто хочу посмотреть...

Предложение оборвалось на середине, Фибен ударил по руке, которой она опиралась. Гайлет упала, резко выдохнув, и покатилась по земле, отплевываясь грязью.

— Ты, царапающийся, покусанный блохами...

Фибен зажал ей рукой рот, но глаза Гайлет про-

должали говорить в том же духе.

— Я тебе сказал, — прошептал он. — Если ты видишь их сенсоры, значит, и они видят тебя. Наш единственный шанс — ползти по-пластунски, пока мы не сумеем затеряться среди гражданского населения.

Неподалеку слышалось гудение сельскохозяйственных машин. Именно этот звук и привлек их. Если бы они могли смешаться с фермерами, избежали бы сети захватчиков. Насколько Фибен знает, они с Гайлет могут оказаться единственными уцелевшими участниками злополучного нападения в долине. Трудно себе представить, что горные повстанцы под руководством Атаклены могли достичь чего-то большего. С того места, где он лежит, восстание кажется подавленным.

Он освободил рот Гайлет.

«Если бы взгляды убивали», — подумал Фибен, видя выражение ее глаз.

Со спутанной и грязной шерстью она больше не напоминает серьезную интеллектуальную шимми.

— Я... думала... ты... сказал... — прошептала она с расстановкой, демонстрируя хладнокровие, — что враг не может нас засечь, если на нас только туземные материалы.

— Да, если они ленивы и рассчитывают только на свое тайное оружие. Но не забудь, что в их распоряжении также инфракрасные лучи, радар, сейсмический сонар, пси-детекторы... — Он неожиданно осекся. Слева раздался низкий гул. Если это комбайн, который они заметили раньше, у них есть возможность подъехать.

— Жди здесь, — прошептал Фибен.

Гайлет схватила его за руку.

— Нет! Я иду с тобой! — Она быстро взглянула по сторонам, потом опустила глаза. — Не... не оставляй меня одну.

Фибен прикусил губу.

— Хорошо. Пригнись и следуй за мной.

Они двинулись друг за другом, прижимаясь к земле.

Гул медленно приближался. Вскоре Фибен ощутил легкое покалывание в затылке.

«Гравитика, — подумал он. — Совсем близко!»

Он даже не сознавал, насколько близко, пока машина не показалась над травой в двух метрах от него.

Он ожидал увидеть большого робота, но перед ними появился шар размером с баскетбольный мяч, усеянный серебряными и стеклянными кнопками — сенсорами. Шар мягко покачивался

на полуденном ветерке, разглядывая их.

«Дьявольщина!» Фибен сел на корточки, покорно опустив руки. Недалеко послышались негромкие голоса. Несомненно, хозяева этой штуки.

— Это боевой робот? — устало спросила Гайлет.

Фибен кивнул.

— Нюхач. Я думаю, дешевая модель, но достаточно, чтобы найти и удержать нас.

— Что нам делать?

Он пожал плечами.

— Сдаваться.

Однако завел руку за спину, порылся в темной почве и нащупал гладкий камень.

Голоса приближались.

«Какого дьявола!» — подумал Фибен.

— Слушай, Гайлет. Когда я тронусь с места, спрячься и уходи отсюда. Отнеси свои записи Атаклене, если она жива.

И прежде чем она могла что-то ответить, он крикнул и изо всех сил швырнул камень.

Несколько событий произошло одновременно. Правую руку Фибена обожгла боль. Вспыхнул свет, такой яркий, что Фибен на мгновение ослеп. Он подпрыгнул, и в грудь впился пучок игл.

Он летел к шару, и неожиданное ощущение овладело Фибеном. Как будто такое уже происходило с ним и сотни раз в сотнях предыдущих жизней. Он помнит это на самой грани сознания. Так ему показалось, когда он пролетел через пульсирующее гравиполе и ухватился за машину чужаков. Мир наклонился и завертелся, шар пытался сбросить его с себя. Луч лазера ударил по тени Фибена и по траве. Фибен держался изо всех сил, а поля и небо слились во вращающемся тошнотворном пятне.

Внушенное deja vu даже помогло! Фибен разжал раненую руку и поискал панель управления робота.

Снимая крышку, вскрывая замок, Фибен сломал ноготь, но наконец засунул руку внутрь и схватил провода.

Машина дико вертелась, словно понимая его намерение. Из-под ног Фибена вылетела опора, его бросало, как тряпичную куклу. Слабела левая рука, он держался за провода — все кружилось вместе с ним.

И только одно в мире не расплывалось — линзы лазера робота, нацеленные прямо на него.

«Прощай», — подумал он и закрыл глаза.

Но тут что-то оборвалось. Он отлетел, по-преж-

нему сжимая провода. И, когда ударился о землю, испытал почти облегчение. Закричал и покатился рядом с огнем. Конечно, было больно. Ребра Фибена болели так, словно самая большая самка-горилла из Хаулеттс-Центра провела с ним страстную ночь. В него выстрелили по крайней мере дважды. Но он ожидал, что умрет. И, что бы ни случилось потом, сейчас приятно ощутить себя живым.

Мигая, он прочистил глаза от пыли и сажи. В пяти метрах от него свистели и плевались остатки вражеской машины в круге почерневшей дымящейся травы. Хваленое качество скобяных товаров губру!

«Какой торговец-ити всучил губру такой кусок дерьма? — подумал Фибен. — Если даже это йофур с десятью вонючими соковыми кольцами, я готов прямо сейчас расцеловать его!»

Возбужденные голоса. Торопливые шаги. Фибен испытал прилив надежды.

Он думал, что за своей разбитой машиной явятся губру. Но это шимпы! Он сморщился и, держась за бок, встал, улыбаясь.

Но улыбка застыла у него на лице, когда он увидел, кто к нему подходит.

— Ну, кто же у нас здесь? Мистер Синяя Карта

собственной персоной! Похоже, ты пробежал длинную дистанцию с препятствиями, парень из колледжа. Ты словно не понимаешь, когда тебя побили.

Высокий шен с тщательно выбритой на лице шерстью, с усами, элегантно напомаженными и завитыми. Фибен узнал вожака группы испытуемых-проби из «Обезьяньей грозди», который называл себя Железная Хватка.

Ну почему именно он?

Подошли остальные. На ярких комбинезонах новая деталь — шарф и наручная нашивка с одинаковым символом — вытянутой когтистой птичьей лапой.

Вооруженные модифицированными сабельными ружьями, шимпы столпились вокруг Фибена. Очевидно, милиция коллаборационистов, о которой они с Гайлет слышали.

— Помнишь меня, парень из колледжа? — спросил Железная Хватка, улыбаясь. — Думаю, да. Я-то тебя запомнил.

Фибен вздохнул, глядя, как двое проби подводят Гайлет Джонс, крепко держа за руки.

— Как ты? — негромко спросила Гайлет. Он не понял выражения ее глаз. Только кивнул. Говорить было не о чем.

— Пошли, мой юный генетический красавец! — Железная Хватка рассмеялся и схватил Фибена за больную руку. — Кое-кто хочет с тобой поговорить, и на этот раз конкретно.

Фибен оторвал взгляд от Гайлет. Его рывком поставили на ноги и толкнули. Для бесполезной борьбы у него не было сил.

Проби потащили его перед Гайлет, и Фибен впервые смог оглядеться. Они всего в нескольких сотнях метров от Порт-Хелении! Двое шимпов в рабочих комбинезонах смотрели на него с площадки обслуживания культиваторов. Фибена и Гайлет отвели к калитке в стене чужаков, этого барьера, который самодовольно развертывался на местности, как сеть, поймавшая их жизни.

Глава 49
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Праведности демонстрировал возбуждение, раздуваясь и исполняя короткий танец на насесте выступлений. Получленораздельные возгласы мешали ему высказаться, и поэтому новость не распространялась в течение всего обращения планеты.

Правда, уцелевшие в горной засаде губру все

еще в шоке. Вначале они хотели доложить командованию, но военные, деловито расправлявшиеся с последними очагами восстания на ближайших равнинах, заставили их ждать.

Что такое в конце концов небольшая стычка в горах по сравнению с почти удавшимся нападением на оборонительные батареи?

Сюзерен хорошо понимал, почему совершаются такие ошибки. И все же это раздражало. Происшествие в горах гораздо важнее всех остальных партизанских вылазок.

— Вы должны были прекратить — устранить — привести себя к концу!

Сюзерен в танце выказывал свое негодование ученым-губру. Специалисты после долгого похода по холмам выглядели взъерошенными и непричесанными. В унынии они обвисли еще больше.

— Сдавшись, вы причинили вред — нанесли ущерб — уменьшили нашу праведность и честь, — закончил обвинение сюзерен.

Если бы они состояли на воинской службе, верховный священник потребовал бы наказания их и их семей. Но большая часть их эскорта погибла, а ученые всегда меньше озабочены вопросами праведности, чем военные.

Сюзерен решил простить их.

— Тем не менее я понимаю ваше решение, признаю, санкционирую его. Мы останемся верными вашему слову.

Специалисты станцевали облегчение. Вернувшись домой, они не испытают унижения или чего-нибудь похуже. Их честь не пострадает.

Но капитуляция обойдется им дорого. Их необходимо немедленно удалить из системы, и не заменять в течение года. Больше того, равное количество людей необходимо освободить из заключения!

У сюзерена неожиданно появилась идея, которая вызвала странное ощущение — ощущение веселья. Он освободит шестнадцать человек, но горные шимпанзе не увидятся со своими опасными хозяевами. Людей отправят на Землю!

Это, несомненно, соответствует праведности и слову. Конечно, обойдется недешево, но гораздо хуже выпустить людей в населенной местности Гарта.

Достижения этих горных шимпанзе ошеломляют, если доклад уцелевших верен. Как это произошло? Протоклиенты, которых он наблюдал в городе и в долине, не способны на такие ухищрения.

Неужели там еще остались люди?

Мысль пугающая, и сюзерен не представлял, как это возможно. Согласно подсчетам, число незахваченных крайне незначительно и статистически его можно просто игнорировать. Скорее всего эти неучтенные мертвы.

Конечно, придется усилить газовые бомбардировки. Новый сюзерен Стоимости и Бережливости будет жаловаться, потому что программа и так оказалась чрезмерно дорогостоящей. Но теперь сюзерен Праведности полностью перейдет на сторону военных.

Что-то шевельнулось у него внутри. Сюзерен Праведности почувствовал легкое покалывание. Неужели предвестник сексуальных изменений? Сейчас, когда положение еще неопределенное и неясно, кто из троих сюзеренов будет господствовать, изменения не должны начинаться. Слияние должно подождать, пока не будет достигнута Праведность, пока не установлен консенсус, так чтобы стало ясно, кто сильнейший!

Сюзерен зачирикал молитву утраченным Прародителям, все остальные подхватили ее.

Как бы установить, в каком направлении разворачиваются сражения в галактических просторах? Найден ли корабль дельфинов? Может быть, именно сейчас флоты каких-нибудь союзов

приближаются к вернувшимся Древним? И скоро придет всеобщий конец? Неужели действительно пришло время Перемены?

Если бы священник знал, что галактический закон безвозвратно отменен, его не стесняло бы это отвратительное слово и связанное с ним признание разумности неошимпанзе.

Конечно, есть и утешение. Даже если ими руководят люди, полуживотные не сумеют воспользоваться этим признанием. Так всегда бывает с видами волчат. Они не обращают внимания на тонкости древней галактической культуры, устремляются напролом и почти всегда гибнут.

— Утешение, — чирикал сюзерен. — Да, утешение и победа.

Нужно позаботиться еще об одном деле, возможно, самом важном. Священник снова обратился к руководителю экспедиции.

— Твое последнее обещание было избегать — устраняться — не появляться больше никогда в этом месте.

Ученые протанцевали согласие. Небольшой клочок Гарта отныне закрыт для губру, пока не упадут звезды или не будут изменены правила.

— И однако до нападения вы обнаружили — установили — заметили следы вмешательства в

генетику, признаки тайного возвышения?

Это тоже отражено в отчете. Сюзерен расспрашивал ученых тщательно и подробно. Они могли только поверхностно осмотреть лаборатории, но факты говорят за себя.

В горах шимпанзе скрывают расу предразумных! И до вторжения они и их человеческие патроны занимались возвышением новой расы клиентов!

Вот как! Сюзерен танцевал. Данные, полученные из сейфа тимбрими, подтверждаются! Каким-то чудом этот переживший катастрофу мир произвел на свет сокровище! И теперь, несмотря на то что губру захватили землю и небо, земляне умудряются держать это открытие в тайне!

Неудивительно, что Отраслевая Библиотека не содержит файлов возвышения! Земляне пытались скрыть улики.

«Но теперь, — радовался сюзерен, — мы знаем об этом чуде!»

— Вы свободны — отпущены — отправлены на свои корабли, — сказал он поникшим ученым, повернулся к помощникам-кваку, собравшимся под насестом.

— Свяжитесь с сюзереном Луча и Когтя, — сказал он с необычной краткостью. — Скажите ему,

что нужно немедленно встретиться. — Один из пушистых четвероногих тут же поклонился и убежал выполнять поручение.

Сюзерен Праведности застыл на насесте; обычай не позволяет ему ступать на почву, пока не завершены церемонии защиты.

Время от времени он переступал с ноги на ногу; опустив клюв на грудь, сюзерен глубоко задумался.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПРЕДАТЕЛИ

Не обвиняй Природу, она свое дело сделала:
Сделай же ты свое.
Джон Милтон «Утраченный рай»

Глава 50
ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ

Вестовой сидел на диване в углу зала совещаний, завернувшись в одеяло, и прихлебывал из чашки горячий суп. Время от времени молодой шен вздрагивал, и выглядел безмерно усталым. Его шерсть не успела просохнуть от ледяной воды.

«Удивительно, что он вообще добрался, — думала, глядя на него Меган Онигл. — Никто из шпионов и разведывательных групп, которых мы посылали на берег, не вернулся, хотя у них было надежное снаряжение. А этот маленький шимп всех нас заткнул за пояс, приплыл на крохотном плоту из срубленных деревьев с домотканым

парусом. Он принес письмо от моего сына».

Меган снова вытерла глаза, вспоминая первые слова посыльного, который, выбиваясь из сил, добрался по подземным пещерам к их убежищу.

— Капитан Онигл шлет свои позд... свои поздравления, мэм.

Он протянул пакет в водонепроницаемой упаковке из сока дерева оли и упал на руки медиков. «Сообщение от Роберта, — удивленно думала она. — Он жив. Он свободен. Помогает сражаться». Она не знала, радоваться или содрогаться от таких известий.

Конечно, этим можно гордиться. Возможно, сейчас Роберт единственный свободный взрослый человек на поверхности Гарта. А если его «армия» всего лишь оборванная толпа партизан-обезьян, то она по крайней мере добилась большего, чем тщательно сохраненные остатки милиции планеты.

Но Роберт не только заставил ее гордиться, он еще и удивил ее. Может, она что-то просмотрела в этом мальчике? Или лишения закалили его?

«Наверное, в нем больше отцовского, чем мне хотелось бы».

Сэм Теннейс, пилот космического корабля, он появляется на Гарте примерно раз в пять лет. Это

один из трех космических мужей Меган. Каждый из них проводил дома не больше нескольких месяцев, с огромными промежутками, и эти мужья почти никогда не встречались друг с другом.

Другие женщины могли бы не справиться с такой ситуацией, но это устраивало и астронавтов, и женщину-политика. И из всех троих только Сэм Теннейс подарил ей ребенка.

«Я никогда не хотела, чтобы мой сын стал героем, — подумала Меган. — И хоть всегда относилась к нему критически, тем не менее не хотела, чтобы он походил на Сэма».

Будь Роберт не таким изобретательным, он оказался бы теперь в безопасности — интернирован на одном из островов с остальными людьми, оставаясь по-прежнему плейбоем среди друзей. И ему не пришлось бы отчаянно и бесполезно сражаться с могущественным врагом.

«Что ж, — успокаивала она себя, — вероятно, в письме он немного привирает».

Слева от нее раздавались громкие изумленные возгласы. Правительство в изгнании изучало послание, написанное на древесной коре самодельными чернилами.

— Сукины дети! — услышала она полковника Миллчемпа. — Так вот как им всегда удавалось

узнать, где мы, еще до начала боя!

Меган придвинулась к столу.

— Подведите, пожалуйста, итоги, полковник.

Миллчемп взглянул на нее. Дородный красноликий офицер милиции тряс листочками, пока кто-то не перехватил их.

— Оптические волокна! — воскликнул он.

Меган покачала головой.

— Прошу прощения?

— Вот что нас выдавало! Они все подстроили! Каждый провод, телефонный кабель, коммуникационные линии... вся электроника планеты! Все они резонируют на вероятностной волне, которую улавливают приборы проклятых птицеподобных... — Полковник Миллчемп подавился от гнева, махнул рукой и отошел.

Должно быть, изумление Меган бросалось в глаза.

— Я попробую объяснить, мадам координатор, — сказал Джон Кайли, болезненный высокий мужчина с телосложением человека, всю жизнь проведшего в космосе. В мирное время Кайли был капитаном фрайтера. Его торговый корабль участвовал в пародии космического сражения и случайно уцелел, если к нему можно применить это слово. Избитая и поврежденная, успевшая

только пощекотать планетоиды губру своим лазером, «Эсперанца» добралась до Порт-Хелении только потому, что враг не очень торопился захватить всю систему Гимельхая. И теперь капитан «Эсперанцы» стал советником Меган.

Кайли выглядел ошеломленным.

— Мадам координатор, вы помните сделку двадцатилетней давности о покупке фабрики по производству электроники и протоники? Небольшая саморегулирующаяся фабрика, в самый раз для таких колоний, как наша.

Меган кивнула.

— Координатором тогда служил ваш дядя. Мне кажется, первое ваше торговое поручение заключалось в завершении сделки и доставке фабрики на Гарт.

Теперь кивнул Кайли. Его удивление не проходило.

— Одно из главных изделий этой фабрики — оптические волокна. Тогда еще говорили, что эта сделка с кваку заключена на слишком выгодных для нас условиях. Но кто мог подумать, что они действовали с таким дальним прицелом? Всего лишь шанс, что они когда-нибудь захотят...

Меган ахнула.

— Кваку! Они клиенты...

— Губру. — Кайли кивнул. — Проклятые птицеподобные уже тогда планировали это.

Меган вспомнила, слова Утакалтинга: «Галакты не торопятся. Они терпеливы, как планеты на орбитах».

Кто-то еще откашлялся. Это майор Пратачулторн, невысокий, мощного телосложения офицер земной морской пехоты. Он со своим небольшим отрядом оставался единственной регулярной военной силой после космической битвы и безуспешной защиты космодрома Порт-Хелении. Миллчемп и Кайли находились в резерве.

— Положение очень серьезное, мадам координатор, — сказал Пратачулторн. — Оптические волокна этой фабрики применяются в любом военном и гражданском оборудовании, изготовленном на планете. Они есть почти в каждом здании. Можем ли мы быть уверены в открытии вашего сына?

Меган едва не пожала плечами, но инстинкт политика вовремя остановил ее. «Откуда мне знать? — подумала она. — Мальчик для меня незнакомец». Она взглянула на маленького шена, который едва не погиб, доставляя послание Роберта. Она и представить не могла, что Роберт способен у кого-нибудь вызвать такую предан-

ность.

«Наверное, я ревную», — решила Меган.

В разговор вступила женщина — офицер морской пехоты.

— Отчет подписан также тимбрими Атакленой, — заметила лейтенант Лидия Маккью. Молодая женщина поджала губы. — Это второй свидетель, подтверждающий подлинность.

— Тысяча извинений, Лидия, — ответил майор Пратачулторн. — Тим всего лишь ребенок.

— Она дочь посла Утакалтинга, — резко сказал Кайли. — И эксперименты помогали проводить техники шимпы.

Пратачулторн покачал головой.

— Значит, у нас нет компетентных свидетелей.

Несколько советников ахнули. Единственный член правительства неошимпанзе доктор Сьюзен Бениршке покраснела и уставилась в стол. Но майор Пратачулторн не заметил собственной дерзости. «Майор, как всегда, бестактен. К тому же он офицер морской пехоты», — напомнила себе Меган.

Это элитарный корпус, в нем совсем немного дельфинов и шимпов. Кстати, в него набирают преимущественно мужчин, это последний оплот старомодного мужского шовинизма.

Командор Кайли перелистал грубые листки отчета Роберта.

— И все же вы должны согласиться, майор, что такое объяснение выглядит вполне правдоподобно. Оно помогает понять причину наших поражений и неудач в попытках установления связи с островами и материком.

Немного погодя майор Пратачулторн кивнул.

— Правдоподобно, да. Однако не мешает проверить на практике, провести собственное расследование, прежде чем мы примем на веру это предположение.

— В чем дело, майор? — спросил Кайли. — Вам не нравится перспектива заменить фазовое ружье на лук и стрелы?

Ответ Пратачулторна прозвучал на удивление спокойно:

— Вовсе нет, сэр, если противник вооружен аналогично. Проблема в том, что он вооружен по-другому.

Повисло долгое молчание. Казалось, никто не знал, что сказать.

Полковник Миллчемп прервал паузу, вернулся к столу и ударил по нему ладонью.

— В любом случае, какой смысл в ожидании?

Меган нахмурилась.

— О чем вы, полковник?

Миллчемп проворчал:

— О том, что наши силы здесь, внизу, бездействуют. Мы просто медленно сходим с ума. А, может быть, именно в этот момент Земля сражается за свою жизнь!

— В космосе не существует понятия «этот момент», — заметил командор Кайли. — Одновременность — миф. Эта концепция обязательна для англика и других земных языков, но...

— Оставьте метафизику! — выпалил Миллчемп. — Важно то, что мы можем повредить врагам Земли! — Он взял в руки кусочки коры. — Благодаря партизанам мы теперь точно знаем, где губру разместили свои базы. Что бы там ни вычитали в Библиотеке эти проклятые птицы, ничто не помешает нам запустить свои ракеты!

— Но...

— У нас их три — они не применялись в космическом сражении, и губру не знают, что они у нас есть. Если эти снаряды могут справиться с танду, будь прокляты все семь камер их сердца, то тем более уничтожат наземные цели губру!

— И что это нам даст? — спокойно спросила лейтенант Маккью.

— Свернем нескольким губру шеи! Посол Ута-

калтинг говорил нам, что в галактических войнах очень важны символы. Сейчас губру могут заявлять, что мы вообще не оказали сопротивления. Но символический удар, который принесет им ущерб, скажет всем пяти галактикам, что мы боремся!

Меган Онигл ущипнула переносицу, и заговорила с закрытыми глазами.

— Меня всегда удивляло, что концепция «решающего удара» моих американо-индейских предков пережила свое время и успешно применяется в гипертехнологической галактике. — Она открыла глаза. — Действительно, может дойти до этого, если другого способа эффективных действий у нас не будет.

— Но вспомните, что Утакалтинг также призывал к терпению. — Она покачала головой. — Пожалуйста, сядьте, полковник Миллчемп. Слушайте все. Я не намерена тратить в символическом жесте наши силы, пока не буду уверена, что это наша единственная возможность сопротивления врагу.

— Не забывайте: почти все человеческое население планеты — на островах, жизнь заложников зависит от противоядия губру. А на континенте бедные покинутые шимпы.

Офицеры сидели, понурив головы.

«Они недовольны, — подумала Меган. — И я не могу винить их».

Когда война назревала и они планировали способы сопротивления вторжению, никто не думал о таком положении. Может быть, народ, лучше знакомый с данными Великой Библиотеки, владеющий древним галактическим искусством ведения войн, подготовился бы лучше. Тактика губру спутала все их скромные оборонительные планы.

Меган не стала называть главную причину, по которой воздерживается от такого жеста. Люди плохо разбираются в игре галактических протоколов. Удар, нанесенный для защиты чести, может испортить дело и оправдать более жестокие меры губру.

Какая ирония! Если Утакалтинг прав, то кризис был ускорен небольшим земным кораблем на другой стороне пяти галактик.

У землян поразительная способность создавать себе трудности. Здесь нет им равных.

* * *

Меган посмотрела на маленького шена с материка. Посланник Роберта, все еще в одеяле,

подошел к столу. В его темных глазах светилась тревога.

— Да, Петри? — спросила Меган.

Шимп поклонился.

— Мэм, врач настаивает на постельном режиме.

Она кивнула.

— Вот и хорошо, Петри. Конечно, позже мы расспросим тебя подробнее... зададим кое-какие вопросы. А сейчас тебе следует отдыхать.

Петри кивнул.

— Да, мэм, спасибо, но у меня к Вам кое-что еще. Я лучше скажу сейчас, пока не забыл.

— Да? Что же это?

Шимп неловко переминался. Взглянул на стоящих вокруг людей, потом снова на Меган.

— Это личное, мэм. Капитан Онигл просил меня запомнить и передать вам.

Меган улыбнулась.

— Хорошо. Прошу прощения.

Она вместе с Петри отошла в дальний конец комнаты. И здесь села, чтобы ее глаза оказались на уровне глаз маленького шимпа.

— Что же передал мне Роберт?

Петри моргнул. Взгляд его утратил сосредоточенность.

— Капитан Онигл велел сказать вам, что на самом деле армию создает тимбрими Атаклена.

Меган кивнула. Это она уже поняла. Роберт может отыскивать новые ресурсы, новые глубины, но он никогда не был и никогда не станет лидером.

Петри продолжал.

— Капитан Онигл сказал: важно, чтобы тимбрими Атаклена имела законный почетный статус патрона в глазах наших шимпов.

Опять Меган кивнула.

— Умно. Мы можем вынести такое решение и отправить на материк.

Но маленький шимп покачал головой.

— Мэм, мы не можем ждать этого. И поэтому я должен сказать вам... Капитан Онигл и тимбрими Атаклена вступили в брак... Кажется, это называется так...

Он замолчал, потому что Меган встала, медленно повернулась к стене и прижалась лбом к прохладному камню.

«Проклятый мальчишка!» — подумалось сразу.

Но одновременно — и другое:

«Это единственное, что они могли сделать».

А ехидный внутренний голос добавил:

«Итак, теперь я свекровь».

Разумеется, от этого союза никаких внуков не будет. Межрасовые браки заключаются с другой целью. Но возможны другие осложнения.

В комнате продолжалось обсуждение. Снова и снова собравшиеся перебирали варианты и опять, как в предыдущие месяцы, ни к чему не приходили.

«О, если бы Утакалтинг добрался сюда, — подумала Меган. — Нам необходимы его опыт, его сдержанная мудрость и юмор. Мы могли бы с ним разговаривать, как раньше. И, может быть, он объяснил бы мне, почему матери бывает так одиноко».

Она призналась себе, что ей не хватает посла тимбрими. Не хватает больше, чем трех мужей, и даже больше, да простит ее Господь, чем собственного странного сына.

Глава 51
УТАКАЛТИНГ

Забавно было смотреть, как Каулт играет с эн-белкой, туземным животным южных равнин. Он приманивал маленького зверька спелыми орехами.

Каулт занимался этим целый час, пока они

пережидали полуденную жару в тени густых зарослей колючей куманики.

Утакалтинга поражало это зрелище. Вселенная не уставала удивлять его. Даже неповоротливый, прямолинейный Каулт — постоянный источник развлечений.

Нервно вздрагивая, эн-белка набралась храбрости, прыгнула в сторону огромного теннанинца и протянула лапы за орехом.

Поразительно. Как это удается Каулту?

Утакалтинг отдыхал в сырой и теплой тени. Он не узнавал растительность тут, на плоскогорье, выходящем на эстуарий, где сел их корабль, но чувствовал, что все сильнее привыкает к запахам, ритмам, мягкому потоку боли повседневной жизни, который течет по этой обманчиво спокойной поляне.

Корона приносила прикосновения мелких хищников, пережидающих дневную жару; скоро они возобновят охоту за своей мелкой добычей. Конечно, крупных животных здесь нет, но Утакалтинг кеннировал стаю инсектоидов-землекопов, которые пересеивают поблизости почву в поисках корма для своей царицы.

Разрываясь между осторожностью и жадностью, маленькая эн-белка напряженно прибли-

зилась и взяла угощение с руки Каулта.

«Странно. Они вроде бы неспособны на это». Утакалтинг поражался, как эн-белка может довериться теннанинцу, такому огромному, устрашающему и сильному.

Здесь, на Гарте, после катастрофы бурурал-ли жизнь нервная, пугливая, параноидальная. Смертный покров буруралли висит над этой степью далеко к востоку и югу от Мулунских гор.

Каулт не может успокоить эн-белку, как это сделал бы тимбрими, — пением глифов в мягких тонах эмпатии. У теннанинца пси-способностей не больше, чем у булыжника.

Но Каулт заговорил на своем, богатом интонациями галактическом диалекте. Утакалтинг прислушался.

— Знаю тебя... вид-звук-образ... сущность предназначения твоего? Пронесешь свои... гены-сущность-судьбу... судьбу твоих звездных потомков?

Эн-белка с набитыми щеками вздрогнула. Она казалась загипнотизированной. Гребень Каулта раздувался и опадал, дыхательные щели раздвигались с каждым влажным выдохом. Теннанинец не может общаться с животным, как Утакалтинг. И тем не менее эн-белка как будто поняла любовь Каулта.

«Забавно», — подумал Утакалтинг. Тимбрими живут в потоке вечной музыки жизни, но он не может отождествиться с этим маленьким животным. В конце концов, оно одно из миллионов. К чему думать именно об этой особи?

А вот Каулт любит это существо. Лишенный эмпатии, не способный установить непосредственную связь живого с живым, он любит его исключительно на абстрактном уровне. Любит то, что представляет это маленькое создание, любит его потенциал.

«Многие люди по-прежнему утверждают, что можно обладать эмпатией без пси-способностей», — размышлял Утакалтинг. Древняя метафора описывает это, как «оказаться в чужой шкуре». Утакалтинг всегда считал это одной из причудливых идей человечества до Контакта, но сейчас он уже в этом не уверен. Может быть, люди находятся на полпути между тимбрими и теннанинцами в умении отождествить себя с другим.

Народ Каулта страстно верит в возвышение, в возможность для самых разнообразных форм жизни достичь со временем разума. Так миллиарды лет назад утверждали утраченные Прародители галактической культуры, и клан теннанинцев совершенно серьезно к этому

относится. Их бескомпромиссный фанатизм восхищает. Временами, как в этом галактическом кризисе, он делает теннанинцев чрезвычайно опасными.

Но сейчас Утакалтинг рассчитывает сыграть на этой черте и привлечь теннанинцев к осуществлению своего плана.

Эн-белка схватила с раскрытой ладони Каулта последний орех и решила, что с нее достаточно. Взмахнув своим веерообразным хвостом, она скрылась в зарослях. Каулт повернулся и посмотрел на Утакалтинга, его дыхательные щели продолжали дрожать.

— Я изучал генетические отчеты земных экологов, — сказал теннанинский консул. — У этой планеты всего несколько тысячелетий назад имелся внушительный потенциал. Ее не следовало передавать буруралли. Утрата жизненных форм Гарта была ужасной трагедией.

— И нагалли наказали за то, что совершили их клиенты? — спросил Утакалтинг, хотя и знал ответ.

— Да. Их низвели до статуса клиентов и передали одному из старших и ответственных кланов патронов. Кстати, моему собственному. Очень печальный случай.

— Почему?

— Потому что в сущности нагалли очень зрелый и изысканный народ. Они просто не поняли, что в обращении с хищниками требуется некая осторожность, и допустили ужасную ошибку со своими клиентами-буруралли. Но ошибку допустили не только они. Часть вины лежит на галактическом Институте возвышения.

Утакалтинг сдержал улыбку в человеческом стиле. Вместо этого над его короной появился слабый глиф, невидимый Каулту.

— Может быть, хорошие новости с Гарта помогут нагалли? — спросил он.

— Несомненно. — Каулт раздувающимся гребнем проделал эквивалент пожатия плечами. — Мы, теннанинцы, никак не были связаны с нагалли, когда произошла катастрофа, но это положение изменилось, когда их передали под нашу опеку. И теперь наш клан отвечает за эту израненную планету и направил сюда консула. Необходима уверенность, что земляне не причинят еще большего вреда этому несчастному миру.

— А на самом деле?

Каулт закрыл глаза и снова открыл их.

— Что на самом деле?

— Земляне здесь не причинили вреда?

Каулт снова раздул гребень.

— Нет. Мы можем воевать с ними, но у меня нет к ним никаких претензий. Их программа экологической помощи просто выдающаяся. Напротив, о деятельности губру на планете я намерен представить отчет.

Утакалтингу показалось, что он понимает Каулта. Они видели признаки краха программы по восстановлению экологии. Два дня назад они миновали восстановительную станцию, теперь опустевшую, с ржавеющими заборщиками образцов и клетками. Пробы наследственного вещества испортились, когда вышли из строя холодильники.

Нашли они и отчаянную записку. Шимп, помощник эколога станции, решил оставить свой пост, чтобы помочь коллеге-человеку. Иначе тот не выдержит долгого пути на побережье за противоядием от газа принуждения.

Утакалтинг гадал, добрались ли они. Очевидно, вся станция отравлена.

Ближайший форпост цивилизации очень далеко отсюда, даже если добираться на судне на воздушной подушке.

Губру оставили станцию без присмотра.

— Если аналогичная ситуация повсюду, мы должны задокументировать это, — сказал Каулт. — Я рад, что убедил тебя идти назад, к населенным районам, чтобы мы могли собрать больше свидетельств таких преступлений.

На этот раз Утакалтинг улыбнулся тому, какие слова выбрал Каулт.

— Вероятно, мы обнаружим немало интересного, — согласился он.

* * *

Когда солнце — Гимельхай — отклонилось от пылающего зенита, они возобновили путь.

Равнины к юго-востоку от Мулунского хребта расстилаются, как волнистое, застывшее море, прочное, как земная кора. В отличие от долины Синда и открытых степей по другую сторону гор, здесь не встречалось признаков животной и растительной жизни, завезенной с Земли экологами.

Только туземные обитатели Гарта.

«Опустевшие ниши».

Утакалтинг ощущал скудость местных видов как зияющие пустоты в ауре этой земли. Метафора, пришедшая в голову, нарисовала музыкальный инструмент, у которого не хватает

половины струн.

«Да, подходит. Поэтически соответствует». Он надеялся, что Атаклена не теряет времени и изучает человеческое мироощущение.

Глубоко, на уровне нахакиери, он видел свою дочь прошлой ночью во сне. Видел, как ее корона тянется, кеннирует угрожающую, пугающую красоту тутсунуканна. Утакалтинг проснулся вопреки своему желанию, весь дрожа, словно инстинкт заставил его бежать от этого глифа.

Хотя через этот тутсунуканн он мог больше узнать об Атаклене, как она живет и что делает. Но глиф только блеснул — сущность ужасающего предчувствия — и по его блеску Утакалтинг понял только, что его дочь жива. Ничего больше.

«Пока и этого достаточно».

Каулт нес большую часть их припасов. Рослый теннанинец шел размеренно, за ним нетрудно поспеть. Утакалтинг сдержал изменения, которые помогли бы ему легче переносить дорогу, но за которые потом пришлось бы расплачиваться слишком дорого. Он шел раскованной походкой, широко раздувая ноздри. Это помогает удержать вечную пыль.

Впереди, на их пути к далеким красноватым горам, появился ручей, текущий меж лесистых

холмов. Утакалтинг сверился с компасом и подумал, что холмы кажутся ему знакомыми. Он пожалел, что инерциальный указатель направления разбился при крушении. Если бы он был уверен...

«Вот!» Он мигнул. Показалось, или он действительно видел слабую голубую вспышку?

— Каулт.

Теннанинец остановился.

— Ммм? — Он повернулся к Утакалтингу. — Ты что-то сказал, коллега?

— Каулт, я думаю, мы должны идти в эту сторону. Доберемся до холмов и разобьем лагерь до наступления темноты.

— Ммм. Это немного в стороне от нашей дороги. — Каулт раздувал свои щели. — Ну хорошо, я тебе доверяю. — И, не откладывая, повернул и двинулся в сторону трех холмов с зелеными вершинами.

За час до заката они подошли к ручью и принялись устраиваться на ночлег. Пока Каулт воздвигал их маскировочное убежище, Утакалтинг проверял мягкие красноватые продолговатые плоды ближайших деревьев. Его портативный прибор показывал, что они съедобны. У них оказался сладковатый острый вкус.

Семена, впрочем, были жесткими, заключенными в прочную кожуру. Такая оболочка должна выдержать действие желудочных соков. Семя пройдет через пищеварительную систему животного и попадет в почву с экскрементами. На многих планетах таким способом размножаются плодовые деревья.

Вероятно, когда-то крупные всеядные животные питались плодами таких деревьев и далеко разносили их семена. Если они взбирались на деревья за плодами, значит, у них имелось какое-то подобие рук. Возможно даже, эти животные обладали Потенциалом. Когда-нибудь они могли бы стать предразумными, влиться в цикл возвышения и постепенно превратиться в разумных.

Но все это кончилось с приходом буруралли. Вымерли не только крупные животные. Теперь семена плодовых деревьев падают рядом с родителями.

Прочная кожура, которая должна была подвергнуться воздействию желудочного сока животных-симбионтов, не дает семенам прорасти. А те ростки, которые все же поднимаются, чахнут в тени.

Тут должен шуметь лес, а осталось всего несколько деревьев. «Туда ли мы попали?» —

думал Утакалтинг. Слишком мало заметных ориентиров на этой холмистой равнине. Он осмотрелся, но синих вспышек больше не увидел.

Каулт сидел в убежище и через дыхательные щели негромко и немузыкально насвистывал. Утакалтинг положил перед теннанинцем гору плодов и снова пошел к журчащей воде. Ручей перекатывался через груду полупрозрачных камней, окрашенных закатом в красноватый оттенок.

Здесь Утакалтинг нашел артефакт.

Он наклонился и поднял его. Осмотрел.

Кремневый сланец, его тут много, но этот кусок оббит, обработан, с острыми краями, с тупым закругленным концом, чтобы удобнее держать...

Корона Утакалтинга дрогнула. Снова возник луррунану, повис меж серебряных нитей. Глиф медленно поворачивался, Утакалтинг вертел камень в руке, разглядывая примитивное орудие, а луррунану смотрел на Каулта, который по-прежнему насвистывал, поднимаясь по склону холма.

Глиф напрягся и устремился к теннанинцу.

«Каменные орудия, наряду с другими признаками присутствия предразумных», — размышлял Утакалтинг. Он просил Атаклену понаблюдать,

потому что ходили слухи... рассказы о том, что видели в далеких степях на Гарте...

— Утакалтинг!

Он повернулся, пряча за спиной каменное орудие, и посмотрел на могучего теннанинца.

— Да, Каулт?

— Я... — Каулт неуверенно смолк. — Метах кайми б'твуил'пф... — Я... — Он покачал головой, закрыл и снова открыл глаза. — Я думаю, проверил ли ты эти плоды и для меня, а не только для себя?

Утакалтинг вздохнул.

«Неужели теннанинцы напрочь лишены любопытства?!» Он незаметно выпустил каменное орудие, и оно упало назад в ручей, где Утакалтинг нашел его.

— Да, коллега. Они пригодны для еды, если ты не забудешь принять дополнения.

И он присоединился к своему спутнику. В опустившейся темноте, при свете далеких галактик они поужинали, не разжигая костра.

Глава 52

АТАКЛЕНА

Гориллы перевалили через острый край узкого каньона, спустились вниз по лианам. Миновали дымящиеся ущелья, где недавние взрывы разорвали укрепление. Осыпи по-прежнему опасны. Тем не менее гориллы торопились. По пути вниз они проходили через сверкающие радуги. Крошечные капельки воды блестели на шерсти горилл.

Ужасный рев сопровождал их спуск, эхом отражаясь от стен и поглощая их тяжелое дыхание. Он затмил шум битвы, смягчил гром смерти, которая бушевала всего несколько минут назад. У водопада объявился соперник по грохоту, но ненадолго. Там, где раньше ревущий поток обрушивался на гладкие камни, теперь лежали остатки металла и полимеров. Атаклена наблюдала с вершины нависающего утеса.

— Не нужно, чтобы они знали, как мы это проделали, — сказала она Бенджамину.

— Нити, которые мы привязали под обвалом, должны распасться. За несколько часов их вымоет, сэр. Когда придет группа спасателей врага, они не смогут понять, к какой уловке мы прибегли.

Они наблюдали, как гориллы присоединились

к группе солдат-шимпов, которые ковырялись в остатках трех танков губру на воздушной подушке.

Убедившись, что все чисто, повесили на спины самострелы и начали снимать с танков оборудование. По их указаниям гориллы поднимали камни и броневые плиты.

Вражеский патруль пришел по запаху добычи. Приборы подсказали губру, что кто-то прячется за водопадом. И действительно, это превосходное и подходящее укрытие — такой барьер обычными средствами не пробьешь. Но вспыхнули специальные резонансные сканеры, показывая, что там земляне, с их предательской технологией.

Чтобы захватить прячущихся врасплох, танки спустились в каньон, под прикрытием летающих роботов, готовых к схватке.

Но за водопадом не оказалось землян вообще. Только мотки тонкой, как паутина, проволоки.

И шнур, ведущий к заряду.

И еще — размещенные в углублении — несколько сот килограммов самодельного нитроглицерина.

Водяные брызги смыли пыль, поток унес мириады крошечных обломков. Но основная часть ударной силы губру оставалась на месте, там,

где ее застали взрывы, обрушившие нависающие утесы и пролившие дождь из черного вулканического камня. Атаклена видела, как из разбитого корпуса выбрался шимп, крикнул и поднял маленький смертоносный снаряд губру. И скоро горы оружия губру перекочевали в мешки ожидающих горилл. Большие предразумные стали подниматься в облаках брызг. Атаклена разглядывала сквозь листву клочки неба. Через несколько минут здесь могут появиться вражеские истребители. К этому времени партизаны должны скрыться, иначе их ждет судьба бедных шимпов, восставших на прошлой неделе в долине Синда.

Несколько уцелевших беглецов добрались до гор. Фибена Болджера среди них не оказалось. Не появился и посыльный с обещанными записями Гайлет Джонс. Из-за отсутствия информации Атаклена могла лишь приблизительно определить, сколько времени потребуется губру, чтобы предотвратить новую засаду.

— Время, Бенджамин. — Атаклена многозначительно взглянула на часы.

Ее помощник кивнул.

— Пойду потороплю их, сэр. — Он скользнул к соседнему сигнальщику.

Молодая шимми замахала флажками.

На краю обрыва из влажной блестящей травы появлялись все новые шимпы и гориллы. Шимпы, разбиравшие танки, выходили из прорытого водой каньона, они улыбались Атаклене и вели своих рослых родичей по тайной тропе через лес.

Атаклене не требуется уговаривать кого-то. Она теперь почетный землянин. Даже те, кто раньше был недоволен, получая «приказы от ити», повинуется ей охотно и быстро.

Какая ирония! Подписав документ, который сделал их супругами, Атаклена и Роберт добились лишь того, что стали гораздо реже видеться. Ей больше не требовался его авторитет — авторитет единственного человека, и поэтому она предоставила ему свободу действий.

«Жаль, что я раньше не уделяла внимания подобным проблемам», — думала она. Атаклена не очень хорошо представляла себе последствия документа, который они подписали при свидетелях. Межрасовые браки обычно заключаются для удобства по каким-либо официальным причинам. Например, деловые партнеры могут «вступить в брак», хотя относятся к совершенно различным генетическим линиям. Рептилоид

би-гле может заключить брачный союз с покрытым хитином ф'рутианином. Никто не ждет от таких браков потомства, но принято считать, что партнеры ценят общество друг друга.

Вся эта история казалась Атаклене забавной. Теперь у нее в некотором смысле есть «муж».

Но его здесь нет.

«Так было с Матиклуанной все эти долгие одинокие годы», — думала Атаклена, трогая медальон, висящий у нее на шее. Здесь к нити ее матери присоединилась нить короны Утакалтинга. Может быть, духи их лайлаклаптн'а переплетаются здесь, как соединялись в жизни.

«Кажется, сейчас я начинаю понимать то, чего никогда раньше не понимала в их отношениях», — думала Атаклена.

— Сэр?.. Э-э... мэм?

Атаклена моргнула и подняла голову. На тропе, где одна из вездесущих лиан опускалась к пруду с красноватой водой, махал Бенджамин. В просвете зарослей техник-шимми настраивала сложный прибор.

Атаклена подошла.

— Вести от Роберта?

— Да, сэр, — сказала шимми. — Я определенно принимаю следы одного из химикатов, которые

он захватил с собой.

— Какого именно? — напряженно спросила Атаклена.

Шимми улыбнулась.

— С левосторонней адениновой спиралью. С той самой, что по нашей договоренности означает победу.

Атаклена облегченно вздохнула. Итак, группа Роберта тоже добилась успеха. Ей предстояло напасть на небольшой наблюдательный пункт врага, к северу от прохода Лорне. Вчера она должна была встретиться с противником.

Две первые небольшие удачи за много дней. Такими темпами они покончат с губру, скажем, за миллион лет или около этого.

— Ответьте, что мы тоже действовали успешно.

Бенджамин улыбнулся, передавая сигнальщику флакон с чистой жидкостью, которую затем вылили в пруд. Через несколько часов помеченные молекулы можно будет обнаружить за много миль отсюда. Завтра, вероятно, сигнальщик Роберта доложит о полученном сообщении.

Конечно, медленный метод. Но Атаклена считала, что губру понятия о нем не имеют — по крайней мере пока.

— Разборка закончена, генерал. Нам пора уходить.

Атаклена кивнула.

— Да. Уходим, Бенджамин.

Через минуту они бежали по зеленой тропе к дому. Немного погодя деревья вокруг задрожали, послышался гром. На несколько мгновений звуки мести раздраженного противника перекрыли гул водопада.

«Слишком поздно», — презрительно бросила Атаклена истребителям врага.

«На этот раз».

Глава 53
РОБЕРТ

Противник начал использовать более совершенных роботов. И на сей раз лишние траты спасли губру от уничтожения.

Пострадавший патруль птицеподобных отступил сквозь густые джунгли, поливая огнем все вокруг. Деревья разлетались, прочные лианы извивались, как черви под ударом лопаты. Танки на воздушной подушке продолжали стрелять, пока не оказались на открытом месте, где могут приземляться тяжелые машины. Здесь оставши-

еся танки образовали круг стволами наружу и продолжали поливать огнем во все стороны.

Роберт видел, как группа шимпов подошла слишком близко со своими ручными катапультами и химическими гранатами. Шимпы были захвачены среди взрывающихся деревьев, их скосил град осколков, разорвали в клочья непрерывные вспышки.

Роберт жестом приказал всем группам отступать поодиночке. Сейчас с этим конвоем ничего нельзя сделать, тем более что подкрепление уже в пути.

Его телохранители, вооруженные трофейными сабельными ружьями, шли впереди и по бокам от него.

Роберт терпеть не мог эту сеть охраны, которую накинули на него шимпы; они не пустили его к месту засады, пока была хоть какая-то опасность. Но и с этим он ничего не может сделать. К тому же они правы, черт побери. Клиенты должны защищать своих патронов как индивидуумов — а патроны, в свою очередь, защищают клиентов как вид.

Атаклена, похоже, лучше справляется с такими проблемами. Она из народа, который сразу воспринимал свое положение именно так. «К тому

же, — признал Роберт, — она не думает о мужском превосходстве». Одна из его трудностей в том, что ему редко приходится видеть врага, соприкасаться с ним. А ему так хочется коснуться губру.

Отход успешно завершился, прежде чем небо заполнилось боевыми кораблями чужаков. Отряд разбился на небольшие группы, которые вернулись в разбросанные убежища и будут ждать нового сигнала сбора, который придет по лесной сети. Только группа Роберта возвращалась в горы, где расположена штабная пещера.

Для этого потребовалось совершить далекий обход, потому что они находились к востоку от Мулунских гор, а враг расположил на нескольких вершинах свои посты, которые легко снабжались по воздуху и располагали мощным космическим вооружением. Один из таких постов находится на прямой дороге домой, поэтому разведчики-шимпы провели Роберта по заросшим джунглями ущельям к северу от прохода Лорне.

Повсюду висели лианы. Это отличный, но медленный способ спуска, поэтому у Роберта оказалось много времени для размышлений. В основном его занимала мысль: зачем вообще губру пришли в эти горы.

Отчасти он был рад их вторжению, потому что

силы сопротивления могли наносить удары. В противном случае нерегулярная армия ничего бы не сделала с врагом, вооруженным до зубов. Но для чего губру возятся со слабым партизанским движением в горах Мулуна, когда они прочно держат в руках всю планету? Может, есть какая-то символическая причина, древняя галактическая традиция расправляться с повстанцами?

Но даже это не объясняет присутствия большого количества штатских в горах. Губру направляют в Мулун множество ученых, которые что-то ищут.

Роберт узнал местность, дал сигнал остановиться.

— Не проведать ли нам горилл? — сказал он.

Его лейтенант, очкастая, средних лет шимми по имени Элси, нахмурилась и с сомнением посмотрела на него.

— Газботы врага постоянно безо всякой причины заливают этот район, сэр. И не по расписанию. Мы успокоимся, только когда вы окажетесь в пещере.

Роберту не хотелось в убежище, к тому же Аталена не вернется туда еще несколько дней. Он сверился с компасом и картой.

— Убежище всего в нескольких милях от нашей тропы. К тому же я знаю вас, шимпов из Хаулеттс-

Центра. Вы прячете своих драгоценных горилл в местах понадежнее, чем эти пещеры.

Он загнал ее в угол, и Элси поняла это. Она заложила пальцы в рот и коротко свистнула, посылая разведчиков в юго-западном направлении. Те устремились по вершинам деревьев. Несмотря на пересеченную местность, Роберт в основном передвигался по земле. Он не мог прыгать по веткам милю за милей, как шимпанзе. Люди не приспособлены для этого.

Они перебрались на другую сторону каньона — всего лишь трещины в гигантском каменном утесе. Внизу, в узком ущелье, клубился густой туман, разноцветный под лучами утреннего солнца. Мелькали радуги, а однажды, когда солнце оказалось сзади и над ними, Роберт увидел собственную тень, окруженную тройным радужным ореолом, как у святых на древних иконах.

Это нимб — необыкновенно удачное слово для прекрасной обращенной на сто восемьдесят градусов радуги над туманным ландшафтом, согревающее сердца и грешников, и праведников. «Если бы я не был атеистом, — подумал Роберт, — то, не зная природы этого явления, мог бы принять его за знамение».

Он вздохнул. Призрак рассеялся, прежде чем он

повернул голову.

Роберту случалось завидовать своим предкам, жившим во мраке невежества до двадцать первого столетия и большую часть своей жизни пытавшимся объяснить мир, чтобы заполнить зияющие провалы своего незнания.

Тогда можно было поверить во что угодно.

Простые, замечательно элегантные объяснения человеческого поведения — по-видимому, неважно, верны они или нет, пока толпа считает их правильными. «Партийная линия», многочисленные теории мирового заговора...

Можно уверовать даже в собственную святость, если угодно. И никто не докажет тебе, не даст ясных экспериментальных доказательств, что нет легких ответов, нет волшебных пуль, нет философского камня, а есть только скучный рационализм.

Каким ограниченным кажется Золотой Век! Не больше ста лет отделяет Тьму от Контакта с галактическим сообществом. Меньше ста лет Земля жила без войн.

«А теперь посмотрите на нас, — думал Роберт. — Интересно, в заговоре ли Вселенная против нас? Мы наконец выросли, достигли согласия с самими собой... и вышли к звездам... которыми

уже владеют безумные чудовища».

«Нет, — поправился он. — Не все там чудовища». В сущности, большинство галактических кланов вполне приличная публика. Но не дают спокойно жить фанатики — и в земном прошлом, и в галактике сегодня.

«Наверно, золотые века просто не могут длиться долго».

Как странно распространяется звук в этих тесных скалистых ущельях, заросших лианами. Иногда кажется, что весь мир погрузился в тишину, как будто столбы света — плотная обивка, поглощающая любой шорох. Но в следующее мгновение Роберт мог услышать обрывок разговора, всего несколько слов. Каким-то чудом до него доносился шепот разведчиков, которые находятся в сотнях метров от него.

Он наблюдал за шимпами. Они по-прежнему нервничают, эти воины нерегулярной армии, которые еще несколько месяцев назад были фермерами, шахтерами и работниками далеких экологических станций. Но с каждым днем они становятся все уверенней, сплоченнее и решительнее.

«И свирепей», — подумал Роберт, глядя, как они перелетают с дерева на дерево. Есть что-то

дикое и яростное в их движениях, в том, как они смотрят по сторонам, перепрыгивая с ветки на ветку. Казалось, одному шимпу не нужны слова, чтобы знать, что делает другой. Негромкий звук, быстрый жест, гримаса — этого часто вполне достаточно.

Если не считать луков, стрел и самотканых патронташей, шимпы были обнажены. Приметы расслабляющей цивилизации — одежда из фабричных тканей и обувь — исчезли. А вместе с ними исчезли и многие иллюзии.

Роберт взглянул на себя: голоногий, в набедренной повязке, мокасинах, с рюкзаком из домотканой материи, в синяках, исцарапанный и крепнущий с каждым днем. Ногти у него грязные. Волосы спереди он срезал, а сзади перевязал. Заросший подбородок давно перестал зудеть.

«Некоторые ити считают, что люди тоже нуждаются в возвышении, что мы почти животные. — Роберт подскочил, ухватился за лиану, перелетел через колючие заросли и, пригнувшись, ловко опустился на упавшее дерево. — Это мнение очень распространено среди галактов. И кто я такой, чтобы отрицать его справедливость?»

Впереди какое-то движение. От дерева к дереву передавались сигналы языком глухонемых.

Охранники, которые непосредственно отвечают за безопасность Роберта, показали, что нужно обойти вдоль западного, наветренного склона каньона. Поднявшись на несколько метров, он понял причину. Несмотря на влагу, чувствовался затхлый сладковатый запах пыли принуждения, ржавого металла и смерти.

Скоро он добрался до места, откуда за небольшой долиной увидел узкий шрам, уже затягивающийся новой растительностью. Он кончался безликой кучей некогда блестящих механизмов, сейчас обожженных и разбитых. Шимпы переговаривались шепотом и жестами. Разведчики осторожно подошли и начали рыться в обломках, а остальные приготовили оружие и наблюдали за небом.

Роберту показалось, что он видит среди обломков кости, уже очищенные вечно голодными джунглями. Он не пытался подойти ближе, шимпы все равно не позволят, и ждал возвращения Элси с докладом.

— Они были перегружены, — сказала Элси, вертя в руках маленький черный полетный рекордер. Очевидно, чувства мешали ей говорить. — Несли слишком много людей в Порт-Хелению на следующий день после первого применения

газа принуждения. Многие уже заболели, а это был их единственный транспорт. Флиттер не сумел перевалить через ту вершину. — Она указала на затянутый туманом пик на юге. — Должно быть, десяток раз ударился о скалу, прежде чем упал здесь... Оставить несколько шимпов, сэр? Для погребения?

Роберт переступил с ноги на ногу.

— Нет. Отметьте это место на карте. Я попрошу Атаклену сфотографировать его. Это свидетельство... А пока пусть Гарт возьмет у них все, что ему нужно. Я...

Он отвернулся. Не только шимпам трудно говорить в такие минуты.

Кивком он велел продолжать путь. Поднимаясь, он чувствовал, что мысли обжигают. Должен быть способ причинить врагу больший ущерб, чем до сих пор!

Несколько дней назад в темную безлунную ночь он наблюдал, как двенадцать тщательно отобранных шимпов спускались к укреплению губру. Они летели на самодельных, в буквальном смысле невидимых бумажных глайдерах.

Спустились, сбросили нитроглицериновые и газовые бомбы и улетели, прежде чем враг сумел разобраться в происходящем.

Потом были шум и дым, смятение и беготня — и никакой возможности оценить степень ущерба. Тем не менее Роберт помнил свои ощущения, наблюдая со стороны. Он опытный пилот и лучше любого шимпа подготовлен для такого дела!

Но Атаклена отдала строгий приказ, и неошимпы его выполняли. Голова Роберта священна.

«Это моя вина», — казнился он, пробираясь через густые заросли.

Сделав Атаклену формально своей женой, он дал ей статус, необходимый для руководства этим небольшим восстанием... а также некоторую власть над собой. Теперь он не может поступать так, как хочет.

Итак, она теперь его жена. «Ну и брак!» — подумал Роберт. Атаклена продолжала менять свою внешность, все больше походя на человека, но это лишь раздражало Роберта, напоминая ему о том, чего она действительно не может. Несомненно, это одна из причин, по которым так редки межвидовые браки.

«Интересно, как отнеслась к этой новости Меган... Добрался ли мой посыльный?»

— Фсссст!

Роберт быстро посмотрел направо. На ветке дерева стояла Элси и показывала вверх. В разры-

вах тумана виднелись высокие облака, которые, словно прозрачные лодки, плыли по невидимым слоям высокого давления в синем небе. Под облаками треугольная вершина, с которой поднимались столбы дыма.

— Гора Фосси, — кратко сообщила Элси. Роберт понял, что шимпы считают это место безопасным... достаточно безопасным для своих драгоценных горилл.

* * *

Вдоль берега моря Гилмор расположено несколько полудействующих вулканов. Но в немногих местах в Мулунских горах земля изредка дрожит.

Иногда выплескивается лава. Хребет продолжает расти.

Гора Фосси свистела. Пар конденсировался длинными змееобразными полосами вдоль геотермальных расселин, в которых собиралась горячая вода.

Изредка оттуда вздымались гейзеры.

Здесь отовсюду сползались вездесущие лианы; как огромные кабели, змеились они по бокам дремлющего вулкана. Здесь главная система прудов всего континента; отсюда редкие при-

поверхностные элементы поступают в лесную экосистему.

— Я мог бы и догадаться, — рассмеялся Роберт. Конечно, губру здесь вряд ли что-то обнаружат. Несколько голых антропоидов на этих склонах теряются в жаре, дыму и смеси химикатов. А если захватчики все-таки явятся, гориллы и их опекуны просто растворятся в джунглях и вернутся после ухода оккупантов. — Чья это идея? — поинтересовался он, когда они шли под покровом леса. Все сильнее пахло серой.

— Генерала, — ответила Элси.

«Подходит». Роберт не сердился. Он знал, что Атаклена очень умна, даже для тимбрими, в то время как он сам не превосходит средний человеческий уровень.

— Почему мне об этом не сказали?

Элси выглядела смущенной.

— Э-э-э... вы никогда не спрашивали, сэр. Были слишком заняты экспериментами с оптическими волокнами. И...

Она замолчала.

— Что «и»? — настаивал Роберт.

Элси пожала плечами.

— И мы не были уверены, что рано или поздно вас не прихватит газом. Тогда вам пришлось бы

отправиться в город за противоядием, где Вам задавали бы вопросы, а может, и пси-сканировали бы.

Роберт закрыл глаза. Снова открыл. Кивнул.

— Ну хорошо. Я даже усомнился, доверяете ли вы мне.

— Сэр!

— Неважно. — Он махнул рукой. Решение Атклены опять оказалось правильным и логичным. Но ему хотелось как можно меньше думать об этом.

— Пойдем проведаем горилл.

* * *

Гориллы располагались небольшими семейными группами и были легко распознаваемы на расстоянии — гораздо крупнее, темнее, с более густой шерстью, чем их родственники неошимпанзе. С выражением мирной сосредоточенности на больших заостренных лицах, черных, как обсидиан, они ели, или перебирали друг другу шерсть, или выполняли свою главную работу — ткали, готовили ткани для войны.

Челноки летали над широкими деревянными станками, таща за собой нити, щелкали в ритм с негромкой песней рослых обезьян. Треск и

низкое диссонирующее пение сопровождали Роберта, когда он со своим отрядом шел к центру убежища.

Время от времени ткачиха прекращала работу, откладывала челнок в сторону, и руки ее начинали метаться в жестах: она разговаривала с соседкой. Роберт неплохо знал язык жестов, однако гориллы, по-видимому, говорили на каком-то диалекте, который сильно отличался от языка, которым пользуются дети-шимпы. Простой язык, да, но по-своему изящный, со своим особым стилем.

Это явно не просто большие шимпы, а совершенно особая раса, со своей многотрудной дорогой к разуму.

Каждая группа горилл состояла в основном из взрослых самок, детей, нескольких подростков и одного огромного, с серебристой шерстью самца.

Волосы главы семейства вдоль позвоночника и ребер поседели. Макушка лысая и внушительная. Специалисты по возвышению изменили общую позу горилл, но большие самцы по-прежнему при ходьбе опираются на руку. Огромная грудь и мощные плечи слишком тяжелы, чтобы передвигаться вертикально, на двух ногах.

Напротив, дети горилл легко передвигались на

ногах. Лбы у них круглые, гладкие, без скошенности и заметных надбровных дуг, которые позже придадут им обманчиво свирепую внешность. Роберту показалось интересным, что дети всех трех видов: людей, шимпанзе и горилл — очень похожи. Только позже становятся заметными различия в наследственности и судьбе.

«Неотения»[8], — подумал Роберт. Классическая теория периода до Контакта, которая скорее подтвердилась, чем была опровергнута. Она предполагает, что отчасти тайна разума заключается в сохранении детского восприятия мира как можно дольше.

Например, человек сохраняет мимику, приспособляемость и (когда его не подавляют) ненасытное любопытство юных антропоидов, даже повзрослев. Случайна ли эта особенность? Та самая, что позволила предразумному Homo habilis совершить считающийся невозможным прыжок — схватить самого себя за волосы и поднять к космическому разуму? Или это дар каких-то загадочных существ, которые, как считают некоторые, когда-то вмешались в человеческую генетику, гипотетических утраченных патронов

[8] Примечания: 8

Способность некоторых земноводных и беспозвоночных достигать половой зрелости и размножаться на личиночной стадии развития

человечества?

Все это догадки, но одно ясно — большинство земных млекопитающих по достижении половой зрелости утрачивают интерес к знаниям и игре. Но люди, дельфины — а теперь все больше и больше с каждым поколением и неошимпанзе — сохраняют неподдельный интерес к миру, в который вступают.

Когда-нибудь и взрослые гориллы приобретут эту особенность. Уже и теперь они умнее и любопытнее своих невозделанных земных сородичей, и их потомки через всю жизнь пронесут приметы молодости.

«Конечно, если позволят галакты».

* * *

Детеныши горилл свободно бродили повсюду, суя носы во все дела. Их никогда не ругали и не шлепали, только осторожно отстраняли, когда они оказывались на пути, обычно с легким шлепком и ласковыми словами. Минуя одну группу, Роберт увидел в кустах седовласого самца, оседлавшего самку.

А три малыша в это время карабкались по его широкой спине и играли. Самец не обращал на них внимания. Закрыв глаза, он поднимался и

опускался, выполняя свой долг перед видом.

Детеныши гурьбой сбежались к Роберту. Все они жевали обрывки какого-то пластика — видимо, нашли где-то и разорвали на куски. Дети смотрели на Роберта с любопытством и страхом. Один из них, не такой застенчивый, как остальные, помахал ему рукой. Роберт улыбнулся и поднял малыша.

Выше по склону, над цепью затянутых паром горячих источников, Роберт видел скользящие между деревьями коричневые фигуры.

— Молодые самцы, — объяснила Элси. — И те, кто уже слишком стар, чтобы быть отцом семейства. До вторжения планировщики Хаулеттс-Центра размышляли, стоит ли изменять семейную организацию горилл. Это их обычай, но он слишком жесток по отношению к бедным самцам. За несколько лет удовольствия и власти они потом расплачиваются годами одиночества. — Она покачала головой. — Мы не успели принять решения до прихода губру, а теперь, может быть, никогда не сможем.

Роберт воздержался от ответа. Ему не нравятся запретительные договоры, но все же то, что делала Элси и ее коллеги в Хаулеттс-Центре, вызывало у него сомнения. Слишком самонадеянно

брать на себя такое решение. Он сомневался в благополучном исходе эксперимента.

Приближаясь к горячим источникам, он заметил множество шимпов, занятых различными делами. Один заглядывал в рот гориллы, в шесть раз тяжелее его; в руках у шимпа были инструменты дантиста. Другой терпеливо обучал языку жестов группу из десяти горилл.

— Сколько шимпов здесь работает?

— Доктор де Шрайвер из Центра и с десяток специалистов, которые и там с ней работали, еще два десятка охранников и добровольцев из ближайших поселков. Иногда мы привлекаем горилл к военным действиям.

— Как их здесь кормят? — спросил Роберт, когда они спускались к одному источнику. Шимпы из их свиты уже находились там, отдыхали на берегу, прихлебывая суп из чашек. В небольшой пещере поблизости. В ней один из местных работников, в переднике, поварешкой наливает суп всем желающим.

— Это сложная проблема, — кивнула Элси. — У горилл нежное пищеварение, здесь трудно сбалансировать их рацион. Даже в заповедниках Африки самцу необходимо шестьдесят фунтов зелени, фруктов и насекомых в день. В природ-

ных условиях гориллы постоянно передвигаются, чтобы добыть пищу, но здесь мы не можем это позволить.

Роберт опустился на влажный камень и выпустил детеныша гориллы, который спустился к воде, по-прежнему жуя кусок пластика.

— Похоже, положение здесь трудное, — сказал Роберт Элси.

— Да. К счастью, доктор Шульц только в этом году решил проблему. Я рада, что судьба вознаградила его перед смертью.

Роберт снял мокасины. Вода кажется горячей. Он опустил большой палец и тут же отдернул ногу.

— Ух! Как он это сделал?

— Прошу прощения?

— Какое решение нашел доктор Шульц?

— Микробиология, сэр. — Элси неожиданно подняла голову, глаза ее блестели. — А вот и суп для нас!

Роберт взял чашку из рук шимми в переднике из ткани, сотканной гориллами. Шимми хромала. Роберт подумал, что, возможно, это боевая рана.

— Спасибо, — сказал он, вдыхая аппетитный запах. До сих пор он не сознавал, насколько проголодался. — Элси, а что это значит: микро-

биология?

Она изящно отпила из чашки.

— Кишечные бактерии, симбионты. Они есть у всех. Крошечные существа, живущие в кишечнике и полости рта, в основном безвредные спутники. Они помогают нам переваривать пищу, оплачивая бесплатное убежище.

— Ага. — Конечно, Роберт знал о биосимбионтах. Любой школьник о них знает.

— Доктору Шульцу удалось вывести разновидности, которые помогают гориллам усваивать... с удовольствием... туземную растительность Гарта. Они...

Ее прервал высокий крик, на который не способна ни одна обезьяна.

— Роберт! — кричал кто-то.

Роберт поднял голову и улыбнулся.

— Эприл. Маленькая Эприл Ву. Как дела, Солнышко?

Девочка была одета как Шина, девушка джунглей. Она ехала на плече подростка гориллы с терпеливым мягким взглядом. Наклонившись, Эприл быстро сделала несколько знаков руками. Горилла выпустила ее ноги, и девочка встала у нее на плече, держась за голову. Ее носильщик неуверенно переминался.

— Лови меня, Роберт!

Роберт торопливо вскочил. Прежде чем он успел что-нибудь сказать, остановить ее, она прыгнула и полетела, размахивая руками, с развевающимися волосами. Роберт схватил ее за ноги, и, пока он не перехватил покрепче, сердце у него билось быстрее, чем во время битвы в горах.

Он знал, что девочку ради безопасности держат с гориллами. И, к своему огорчению, понял, как был занят после ранения, что даже не вспоминал об этом ребенке, единственном, кроме него, человеке в горах.

— Привет, Тыквочка! — сказал он. — Как дела? Хорошо ли ты заботишься о риллах?

Она серьезно кивнула.

— Я обязана заботиться о них, Роберт. Мы должны о них заботиться, потому что мы здесь старшие.

Роберт обнял ее, на мгновение почувствовав бескрайнее одиночество.

Только сейчас он понял, как не хватает ему человеческого общества.

— Да. Здесь только мы с тобой, — негромко ответил он.

— Ты, я и тимбрими Атаклена, — напомнила девочка.

Он встретился с ней взглядом.

— Но ты ведь слушаешься доктора де Шрайвер?

Она кивнула.

— Доктор де Шрайвер хорошая. Она говорит, что, может, я скоро встречусь с папой и мамой.

Роберт поморщился. Придется поговорить с доктором. Нельзя обманывать детей. Старшая шимми, вероятно, просто не может сказать девочке правду: та долго еще будет находиться на ее попечении. Отправить ее сейчас в Порт-Хелению означало бы выдать тайну горилл, а это даже Атаклена намерена предотвратить.

— Опусти меня туда, Роберт, — потребовала Эприл с улыбкой и указала на плоский камень, где детеныш гориллы прыгал перед отрядом Роберта. Шимпы снисходительно смеялись над проделками малыша. Роберт понимал их покровительственное отношение. Очень молодая раса клиентов, естественно, должна испытывать такие чувства по отношению к еще более юной. К гориллам шимпы относились как собственники, родители.

Роберт, в свою очередь, ощущал себя отцом, которому предстоит неприятный разговор с детьми. Им придется объяснить, что щенок не

всегда будет принадлежать им.

Он перенес Эприл на другой берег и опустил ее. Вода здесь не такая горячая, она просто восхитительная. Сбросив мокасины, он опустил ноги в щекочущее тепло.

Эприл и детеныш гориллы прижались к Роберту с обеих сторон, поставив локти ему на колени. Дальше сидела Элси. Минутная идиллическая картина.

Если бы каким-то чудом из воды высунулась улыбающаяся морда неодельфина, получился бы отличный семейный портрет.

— Эй, что у тебя во рту? — Роберт протянул руку к маленькой горилле, которая сразу же отпрыгнула и смотрела на него широко раскрытыми любопытными глазами.

— Что он жует? — спросил Роберт у Элси.

— Похоже на полоску пластика. Но... но как она здесь оказалась? Тут не должно быть ничего, изготовленного вне Гарта.

— Она сделана не на Гарте, — сказал кто-то. Они подняли головы. Голос принадлежал шимми, которая разливала суп. Улыбнувшись, она вытерла руки о передник и взяла детеныша гориллы. Тот без сопротивления отдал ей полоску.

— Все малыши жуют такие. В них нет ничего,

что пахло бы для детекторов губру земным.

Элси и Роберт обменялись изумленными взглядами.

— Откуда ты знаешь? Что это за материал?

Шимми дразнила детеныша, размахивая перед его лицом пластиком, пока тот не поймал его и снова не сунул в рот.

— Взрослые гориллы принесли эти куски из нашей первой удачной засады, еще у Хаулеттс-Центра, и сказали, что это «хороший запах». А теперь детеныши жуют все время.

Она улыбнулась.

— Это суперпластиковая обшивка боевых машин губру из пуленепробиваемого материала.

Роберт и Элси удивленно смотрели.

— Эй, Конга, — заворковала шимми, обращаясь к маленькой горилле. — Броню ты уже пожевал, что скажешь насчет чего-нибудь повкуснее? Не хочешь ли попробовать город? Скажем, Нью-Йорк?

Ребенок выпустил измусоленную мокрую ленточку и широко зевнул, показав острые блестящие зубы.

Шимми улыбнулась.

— Ха! Мне кажется, маленькому Кинг-Конгу эта мысль понравилась.

Глава 54
ФИБЕН

— Стой спокойно, — сказал Фибен Гайлет, запустив пальцы в ее шерсть.

Он мог бы и не предупреждать. Хотя Гайлет отвернулась, подставив ему спину, он знал, что на лице ее нескрываемое блаженство. Он расчесывал ей шерсть. Когда она такая спокойная, расслабленная и радуется простым земным радостям, ее обычно строгое лицо преображается.

К несчастью, это длилось только минуту. Глаз Фибена уловил легкое движение, и он инстинктивно устремился к нему, прежде чем оно исчезло в тонкой шерсти.

— Ой! — воскликнула Гайлет, когда он прихватил вместе с маленькой уворачивающейся вошью кусочек кожи. Загремев цепями, Гайлет переступила с ноги на ногу. — Что ты делаешь?

— Ем, — ответил он, сжимая насекомое зубами. Даже тут оно не перестало корчиться.

— Лжешь, — неуверенно сказала Гайлет.

— Показать?

Она вздрогнула.

— Неважно. Продолжай.

Он выплюнул мертвую вошь. Учитывая, как их кормят, мог бы и использовать протеин. Он тысячи раз участвовал во взаимном расчесывании с другими шимпами: с друзьями, соучениками, с семейством Тропов на острове Гилмор, но никогда раньше не понимал так отчетливо причины возникновения этого ритуала, наследия древних джунглей избавления другого шимпа от паразитов. Он надеялся, что Гайлет не будет слишком привередлива и проделает то же самое с ним. После двух недель сна на соломе все тело ужасно чешется.

Руки болели. Ему приходилось вытягивать их, чтобы дотянуться до Гайлет, потому что они прикованы к разным стенам каменного помещения. Он едва доставал до нее.

— Ну, вот, — сказал он, — я почти закончил. В тех местах, где ты мне разрешила. Не могу поверить, что шимми, всего несколько месяцев назад предлагавшая мне «розовую», такая скромница.

Гайлет только фыркнула, не снисходя до ответа. Вчера, когда предатели-шимпы привели Фибена сюда из другой камеры, она, вероятно, обрадовалась. Долгие дни в одиночках заставили их радоваться друг другу как родным.

Но теперь она, по-видимому, снова недовольна всем, что делает Фибен.

— Еще немного, — сказала она. — Повыше и слева.

— Щипать, щипать, щипать, — мысленно приказал себе Фибен. Но послушался. Шимпам необходимо касаться друг друга. В этом они нуждаются больше своих патронов-людей. Те иногда держатся за руки в общественных местах, но и только. Фибену было настолько приятно после долгого перерыва расчесывать кого-то, как будто бы это проделывали с ним самим.

В колледже он читал, что некогда у людей запрещалось большинство прикосновений к сексуальным партнерам. В темные времена родители избегали даже обнимать детей! Эти примитивные существа вряд ли испытывали что-либо подобное взаимному расчесыванию, почесыванию, прихорашиванию. Это почти несексуальное занятие, исключительно ради удовольствия от контакта, общения.

Краткий поиск в Библиотеке, к изумлению Фибена, подтвердил этот слух, который он считал клеветническим. Трудно представить себе безумные сексуальные обычаи людей в древности. Что только не выносили бедные мужчины

и женщины. Думая об этом, Фибен лояльнее относился к изображению старинных зоопарков, цирков и «охотничьих» трофеев. От этих мыслей Фибена оторвал звон ключей. Старинная деревянная дверь распахнулась. Кто-то вошел, пнув ее ногой.

Это шимми, которая принесла ужин. Фибен так и не узнал ее имени, но запомнил лицо в форме сердца. На ней был яркий комбинезон, смахивающий на те, что носят испытуемые, работающие на губру. Костюм на лодыжках и запястьях перевязан эластичными лентами, а на наручной нашивке голографическое изображение когтистой птичьей лапы словно выступает на несколько сантиметров в пространство.

— К вам придут, — негромко сказала самка-проби. — Я думаю, вам стоит знать об этом, подготовьтесь.

Гайлет холодно кивнула.

— Спасибо. — Она даже не взглянула на шимми. Но Фибен, несмотря на ситуацию, смотрел вслед тюремщице, которая, покачиваясь, вышла.

— Проклятые предатели! — сказала Гайлет. Натянула свою тонкую цепь, загремела ею. — Иногда я очень хочу быть шеном. Я бы... я бы...

Фибен взглянул в потолок и вздохнул.

Гайлет повернулась и посмотрела на него.

— Что! Хочешь прокомментировать?

Фибен пожал плечами.

— Конечно. Будучи шеном, ты, может, сумела бы порвать свою тонкую цепочку. Но, с другой стороны, у самца, Гайлет, и цепь была бы потолще.

Он, насколько можно, поднял руки: едва мог сам их видеть. Загремели тяжелые звенья. Болела раненая правая рука, поэтому он снова опустил цепи.

— Думаю, есть и другие причины, почему ей хочется быть самцом, — послышался голос от двери. Фибен посмотрел туда и увидел проби Железную Хватку, вожака предателей. Шимп театрально улыбнулся, накручивая кончик уса. Фибена уже тошнило от этой его привычки.

— Прошу прощения. Я не мог не слышать ваш разговор, друзья.

Гайлет презрительно вздернула верхнюю губу.

— Ты подслушивал. Ну и что? Это значит, что ты не только предатель, но и шпион.

Могучий шимп улыбнулся.

— Неужели я похож на соглядатая? Почему бы не сковать вас вместе? Это очень забавно, вы ведь так друг друга любите.

Гайлет фыркнула. Подчеркнуто отодвинулась от Фибена, прижавшись к дальней стене.

Фибен не ответил: не стоит доставлять удовольствие врагу. Спокойно смотрел на Железную Хватку.

— В сущности, — насмешливо продолжал Железная Хватка, — вполне понятно, что такая шимми, как ты, хотела бы стать шеном. Особенно с твоей белой картой, ведь она зря пропадает!

— Но вот чего я не могу понять, — обратился Железная Хватка к Фибену. — Зачем вы делали то, что делали? Играли в солдатиков-людей? Это трудно понять. У тебя синяя карта, у нее белая — да вы могли бы заниматься этим всякий раз, как она розовеет, и без всяких пилюль, не спрашивая разрешения у опекунов, у Совета возвышения. И у вас было бы столько детишек, сколько захотите.

Гайлет презрительно взглянула на шимпа.

— Ты отвратителен.

Железная Хватка покраснел. Это стало особенно заметно на его бритом лице.

— Почему? Потому что меня интересует то, чего меня лишили? То, чего я не мог иметь?

Фибен проворчал:

— Скорее то, чего ты не можешь делать.

Краска сильнее залила его щеки. Железная

Хватка понял, что выдает свои чувства. Он наклонился и приблизил свое лицо к Фибену.

— Подожди, парень из колледжа. Кто знает, что ты сможешь, когда мы решим твою судьбу? — Он улыбнулся.

Фибен наморщил нос.

— Знаешь ли, цвет карты шена — еще не все. Прежде всего, если бы ты хоть изредка полоскал рот, у тебя было бы больше деву...

Он выдохнул и согнулся: удар кулака пришелся в живот.

«За удовольствия надо платить», — напомнил себе Фибен, пытаясь начать дышать. Живот у него свело конвульсией. Но, судя по лицу предателя, он попал в точку. Реакция Железной Хватки говорила о многом.

Фибен повернулся, чтобы найти сочувствие у Гайлет, но увидел только гнев.

— Прекратите! Вы оба ведете себя как дети... как предразумные...

Железная Хватка повернулся и показал на нее.

— А ты что об этом знаешь? А? Ты, специалист, член проклятого Совета возвышения? Да ты хоть раз рожала?

— Я изучаю социологию галактики, — с достоинством ответила Гайлет.

Железная Хватка горько рассмеялся.

— Какая награда для умной обезьяны! Ты, должно быть, достигла чего-то действительно выдающегося в гимнастике джунглей, чтобы получить докторат.

Он присел рядом с ней.

— Ты еще не поняла, маленькая мисс? Позволь выговорить за тебя. Мы все проклятые предразумные! Попробуй оспорить это. Докажи, что я не прав!

Настала очередь Гайлет покраснеть. Она взглянула на Фибена. Он знал, что она вспоминает тот день в колледже Порт-Хелении, когда они поднялись на колокольню и увидели кампус без людей. Только студенты и преподаватели-шимпы, которые делали вид, будто ничего не изменилось. Она вспомнила, как горько было смотреть на это глазами галакта.

— Я разумное существо, — ответила она, стараясь говорить убежденно.

— Да? — усмехнулся Железная Хватка. — На самом деле ты хочешь сказать, что ты чуть ближе нас, остальных... ближе к тому, что Совет возвышения считает нашей, неошимпанзе, целью. Ближе к тому, какими мы должны быть, по мнению людей. Тогда ответь мне. Допустим,

ты летишь на Землю, и капитан неверно поворачивает на уровне Д гиперпространства. Ты возвращаешься через несколько сотен лет. Как ты думаешь, что тогда произойдет с твоей драгоценной белой картой?

Гайлет отвела взгляд.

— Sic transit gloria mundi[9]. — Железная Хватка щелкнул пальцами. — Ты будешь тогда реликтом, устаревшей фазой, давно пройденной безжалостным продвижением возвышения. — Он рассмеялся, взял Гайлет за подбородок и повернул к себе, чтобы она смотрела на него. — Ты будешь испытуемой, миленькая.

Фибен бросился вперед, но его остановила натянутая цепь. Боли в руке он почти не заметил в порыве гнева, который слишком переполнял его, чтобы он мог говорить. Зарычав, он смутно сообразил, что то же самое происходит с Гайлет. И это тем более унизительно, ибо доказывает правоту ублюдка.

Железная Хватка посмотрел ему в глаза и выпустил Гайлет.

— Сто лет назад, — продолжал он, — я был бы выдающимся представителем шимпов. Мне про-

---

[9] Примечания: 9
Так проходит земная слава (лат.)

стили бы небольшие странности и регрессы, дали бы белую карту за мой ум и силу. Время решает, мои дорогие маленькие шимп и шимми. Все зависит от того, в каком поколении вы родились.

Он выпрямился.

— А может, и не только время. — Железная Хватка улыбнулся. — Может, важно и то, кто твои патроны. Если стандарты изменятся, если цель, идеальный образ будущего Pans sapiens станет другим... — Он развел руками, предлагая додумать самостоятельно.

Первой обрела дар речи Гайлет.

— Ты... действительно... надеешься... что губру...

Железная Хватка пожал плечами.

— Времена меняются, моя дорогая. Возможно, у меня скорее, чем у вас, будут внуки.

Фибен сумел подавить гнев, который лишил его дара речи, и рассмеялся, загоготал.

— Да? — спросил он со смехом. — Для начала тебе придется решить другую проблему, приятель. Как ты собираешься передавать свои гены, если у тебя даже не встанет...

На этот раз Железная Хватка ударил ногой. Фибен предвидел это и успел откатиться, так что удар пришелся вскользь. Но за ним последо-

вал град новых тумаков. Однако слов не было, и Фибен понял, что пришел черед онеметь Железной Хватке. Весь в пене, его рот открывался и закрывался, извергая низкое рычание. Наконец высокий шимп перестал пинать Фибена, повернулся и вышел.

Шимми с ключами смотрела ему вслед. Она стояла у дверей и словно не знала, что делать.

Фибен с хмыканьем перевернулся на спину.

— Хм. — Сморщившись, он потрогал ребра. Сломанных как будто нет. — Ну, по крайней мере Саймон Легри[10] ушел без подходящей заключительной реплики. Я ждал, что он скажет: «Я еще вернусь» или что-нибудь столь же оригинальное.

Гайлет покачала головой.

— Чего ты добивался своими насмешками?

Фибен пожал плечами.

— На то есть свои причины.

Он осторожно прислонился к стене. Шимми в ярком комбинезоне смотрела на него. Встретившись с ним взглядом, она быстро мигнула, повернулась и вышла, закрыв за собой дверь.

Фибен поднял голову и несколько раз глубоко

---

[10] Примечания: 10

Персонаж романа Г. Э. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»; рабовладелец, забивший плетьми негра Тома.

вдохнул через нос.

— А что ты теперь делаешь? — спросила Гайлет.

Он пожал плечами.

— Ничего. Просто убиваю время.

Когда он снова взглянул, Гайлет повернулась к нему спиной. Ему показалось, что она плачет.

«Неудивительно», — подумал Фибен. Гораздо хуже быть пленницей, чем руководить подпольем. Насколько можно судить, сопротивление подавлено, прикончено, капут. И нет оснований считать, что в горах дела обстоят лучше. Атаклена, Роберт и Бенджамин могут быть убиты или находиться в плену. А в Порт-Хелении по-прежнему правят птицеподобные и квислинги.

— Не волнуйся, — сказал он, стараясь подбодрить ее. — Знаешь про настоящий тест на разумность? Неужели никогда не слышала? Он начинается, когда шимпы ложатся.

Гайлет вытерла глаза и посмотрела на него.

— Заткнись.

«Ну ладно, шутка бородатая, — признался самому себе Фибен. — Но попытаться стоило».

Она знаком попросила его повернуться.

— Давай. Теперь твоя очередь. Может быть... — Она слегка улыбнулась, словно не решаясь

пошутить. — Может быть, я тоже найду, чем перекусить.

Фибен улыбнулся. Он повернулся и натянул цепи так, чтобы спина была как можно ближе к ней. Теперь он не обращал внимания на раны. Позволил ей расчесывать свалявшуюся шерсть и закатил глаза.

— Ах, ах! — вздыхал Фибен.

* * *

Днем еду — жидкую похлебку и два куска хлеба — принес другой тюремщик. Этот самец-проби не обладал красноречием Железной Хватки.

Напротив, ему доставляли затруднения даже простейшие фразы, и когда Фибен попытался заговорить с ним, он только зарычал. Его левая щека непрерывно дергалась в нервном тике, и Гайлет шепотом призналась Фибену, что свирепый блеск глаз этого шимпа заставляет ее волноваться.

Фибен попытался отвлечь ее.

— Расскажи о Земле, — попросил он. — Какая она?

Гайлет коркой хлеба подобрала остатки супа.

— Что рассказывать? Все знают о Земле.

— Да, конечно, по видео и книгокубам «Отправ-

ляйся туда». Но не по личному опыту. Ты ведь была там с родителями, ребенком? И там получила диплом доктора?

Она кивнула.

— В Джакартском университете.

— А потом что?

Она смотрела куда-то вдаль.

— Потом я попыталась поступить в Центр Галактических Исследований в Ла-Пасе.

Фибен слышал об этом месте. Большинство дипломатов, послов и агентов Земли проходили там подготовку, изучая образ мышления и обычаи населения пяти галактик. Очень важно, чтобы руководители Земли могли правильно выбрать путь трех земных рас в опасной Вселенной. Будущее волчат во многом зависело от выпускников ЦГИ.

— Меня потрясает, что ты просто пыталась это сделать, — произнес Фибен, и очень серьезно. — Они... То есть я хочу спросить: ты прошла?

Она кивнула.

— Почти. Если бы набрала чуть больше очков, не было бы вопросов, сказали мне они.

Очевидно, вспоминать все еще больно. Она колебалась, как будто хотела сменить тему. Гайлет покачала головой.

— Но потом мне сказали, что предпочтительнее для меня вернутся на Гарт. Они посоветовали мне стать преподавателем. И ясно дали понять, что считают меня в этой роли более полезной.

— Они? Кто эти «они», о которых ты говоришь?

Гайлет нервно перебирала шерсть на руке, внезапно обнаружив это, она заметила, что делает, и положила руки на колени.

— Совет возвышения, — промолвила негромко.

— Но какое они имеют отношение к назначению преподавателей и вообще к выбору карьеры?

Гайлет посмотрела на него.

— Самое прямое, Фибен, если считают, что на карту поставлен генетический прогресс неошимпанзе или неодельфинов. Они могут помешать тебе стать астронавтом, например, из боязни, что пропадет твоя драгоценная плазма. Или не дадут тебе выбрать своей профессией химию из страха перед непредсказуемыми мутациями.

Она подобрала соломинку и принялась крутить ее.

— О, у нас гораздо больше прав, чем у других молодых рас клиентов. Я это знаю и все время напоминаю себе об этом.

— И они решили, что твои гены нужны здесь,

на Гарте, — негромко предположил Фибен.

Она кивнула.

— Все дело в системе набора очков. Если бы я набрала проходной балл на экзаменах ЦГИ, все было бы в порядке. Туда поступает мало шимпов. Но я не добрала. И мне вручили эту проклятую белую карту — словно утешительный приз или индульгенцию — и отправили назад на родину, на бедный старый Гарт. По-видимому, главный мой raison d'etre[11] — мои дети. Все остальное не имеет значения.

Она горько рассмеялась.

— Дьявольщина, я месяцами нарушаю законы природы, рискуя в восстании жизнью и маткой. Даже если мы победим — а шансов на это почти нет, — я получу медаль, может, меня даже будут торжественно чествовать, но это неважно. Когда вся шумиха уляжется, Совет возвышения снова бросит меня в тюрьму.

— О Гудолл, — вздохнул Фибен, прижимаясь спиной к холодному камню стены. — Но ведь ты еще... я хочу сказать, ты еще...

— Не рожала? Точно подмечено. Одно из преимуществ самки с белой картой в том, что я сама

---

[11] Примечания: 11
Смысл существования (фр.)

могу выбирать отца будущего ребенка и определять время. Лишь бы до тридцати лет я родила троих или больше детей. Мне даже не надо их растить самой! — Снова послышался резкий невеселый смех. — Черт, да половина семейных групп на Гарте выбрилась бы наголо, лишь бы им позволили усыновить моего ребенка.

«В ее устах положение кажется таким ужасным, — подумал Фибен. — Но на всей планете не больше двадцати шимпов, которых так же высоко оценивает Совет. Для представителя расы клиентов это величайший почет».

Однако он понимал ее. Она вернулась на Гарт: какой бы блестящей ни оказалась ее карьера, каких бы высот она ни достигла, все это только сделает еще более ценными ее яичники... только участятся болезненные и неизбежные посещения работников Банка Плазмы... и все сильнее на нее будет давление, чтобы как можно больше детей она выносила в собственной матке.

Предложения вступать в групповые браки или в парные связи будут поступать непрерывно и легко. Слишком легко. И невозможно узнать, приглашает ли ее группа ради нее самой. Одинокие самцы будут добиваться ее ради того статуса, который дает отцовство ее ребенка.

И будет зависть. Это он хорошо понимал. Шимпы плохо умеют скрывать свои чувства, особенно зависть. А многие начнут откровенно ненавидеть ее.

— Железная Хватка прав, — сказала Гайлет. — Для шенов все по-другому. Белая карта для самца — сплошное удовольствие. Но для шимми? Особенно такой, которая хотела бы добиться чего-то самостоятельно.

Она отвела взгляд.

— Я... — Фибен пытался найти слова, но в данный момент мог только тупо молчать. Может быть, когда-нибудь его пра-в-девятой-степени-внук будет знать нужные слова, сможет утешить того, кто испытывает такую горечь.

Этот возвышенный шимп, на несколько десятков поколений в будущем, родится достаточно умным. Но Фибен подозревал, что сам он таких слов не знает. Он всего лишь обезьяна.

— Хм. — Он кашлянул. — Я помню время на острове Гилмор, должно быть, еще до того, как ты вернулась на Гарт. Лет десять назад? Ифни! Я был тогда первокурсником... — Он вздохнул. — Ну, весь остров ходил ходуном, в тот год, когда Игорь Паттерсон выступал с лекцией и давал концерт в университете.

Гайлет чуть подняла голову.

— Игорь Паттерсон? Барабанщик?

Фибен кивнул.

— Значит, ты о нем слышала?

Она саркастически усмехнулась.

— А кто о нем не слышал? Он... — Гайлет развела руки и опустила их ладонями вниз. — Он удивительный.

В десятку попала. Игорь Паттерсон лучший из лучших.

Танец грома — только одно из проявлений любви неошимпанзе к ритму.

Повсюду — от ферм Гермеса до изысканных небоскребов Земли — их любимые музыкальные инструменты — ударные. Даже в самые ранние времена, когда шимпы еще таскали на груди дисплей с клавиатурой, чтобы говорить, уже тогда новая раса любила ритм.

И тем не менее все великие барабанщики на Земле и во всех ее колониях люди. Пока не появился Игорь Паттерсон.

Он стал первым. Первым шимпом с превосходной координацией движений, с чувством времени и ритма, которое вывело его в число лучших. Его исполнение «Громов керамической молнии» доставляло не просто удовольствие

шимпам; их распирало от гордости. Само его существование для многих означало, что шимпы не просто приближаются к мечте, идеалу Совета возвышения. Нет, они становятся такими, какими хотят быть сами.

— Фонд Картера организовал его гастроли в колониях, — продолжал Фибен. — Отчасти это выглядело поездкой доброй воли по всем отдаленным общинам шимпов. Ну и соответственно, в целях... э-э-э... оздоровления клана.

Гайлет фыркнула: это-то очевидно. Конечно, у Паттерсона белая карта.

И шимпы — члены Совета возвышения настояли на этой поездке, хотя Паттерсон не самый очаровательный и умный представитель неошимпанзе.

Фибен понимал, о чем думает Гайлет. Для самца с белой картой никаких проблем вообще не будет, вся поездка — одно сплошное развлечение.

— Еще бы, — сказала Гайлет. И Фибену слышалась в ее голосе зависть.

— Да, тебе следовало находиться здесь, когда он давал концерт. Мне посчастливилось. Я сидел далеко, и так случилось, что в тот вечер у меня был сильный насморк. И в этом мне чертовски повезло.

— Что? — Гайлет свела брови. — Какое отношение это имеет к... О! — Она нахмурилась и поджала губы. — Понимаю.

— Еще бы. Кондиционеры работали на пределе, но мне говорили, что дух стоял непереносимый. Я сидел под вентилятором и дрожал. Чуть не помер...

— Когда ты перейдешь к сути? — Гайлет сжала губы в тонкую линию.

— Ну, как ты, несомненно, догадалась, все шимми на острове с зелеными картами, у которых была течка, раздобыли билеты. Никто из них не воспользовался дезодорантом альфа. Все пришли с одобрения групповых мужей, все выкрасили яркой помадой губы... А вдруг...

— Я поняла, — сказала Гайлет. На мгновение Фибену показалось, что он увидел на ее лице слабую улыбку, которая тут же сменилась сердитым выражением. — И что же произошло?

Фибен потянулся и зевнул.

— А как ты думаешь? Бунт, конечно.

У нее отвисла челюсть.

— Правда? В университете?

— Точно, как то, что я сижу здесь.

— Но...

— Первые несколько минут все шло нормаль-

но. Говорю тебе, старина Игорь оправдал свою репутацию. Толпа приходила во все большее и большее возбуждение. Даже оркестр его ощутил. А потом положение вышло из-под контроля.

— Но...

— Помнишь старого профессора Ольфинга с факультета земных традиций? Тот самый пожилой шимп, который еще носил монокль? Он много времени отдавал попыткам протащить законопроект о моногамии шимпов.

— Да, я его знаю. — Гайлет кивнула, широко раскрыв глаза.

Фибен сделал жест двумя руками.

— Не может быть! При всех? Профессор Ольфинг?

— И не с кем иным, как с деканом факультета питания.

Гайлет издала резкий звук. Она отвернулась, прижав руку к груди.

Казалось, ее охватил неожиданный приступ икоты.

— Конечно, позже парная жена Ольфинга простила его. Иначе ей пришлось бы с ним распрощаться: некая группа из десяти членов пригласила его к себе. Заявила, что им нравится его стиль.

Гайлет закашлялась, ударила себя по груди и затрясла головой.

— Бедный Игорь Паттерсон, — продолжал Фибен. — У него тоже не обошлось без проблем. Парней из местной футбольной команды пригласили на концерт в качестве охранников. Когда положение стало критическим, они попытались воспользоваться огнетушителями. Все скользили, но это не уменьшило пыла.

Гайлет еще громче закашлялась.

— Фибен...

— Да, тяжело пришлось, — вспоминал он вслух. — Игорь выбивал дробь сопровождения блюза, он так колотил по барабану, не поверишь. И тут сорокалетняя шимми, совершенно нагая и скользкая, как дельфин, прыгнула на него прямо с потолочной балки.

Гайлет согнулась, держась за живот. Она подняла руку, умоляя сжалиться над ней.

— Перестань, пожалуйста, — слабо попросила она.

— Слава небу, она упала на барабан и застряла в нем. И пока ее вытаскивали, бедный Игорь сбежал через запасной выход. Едва успел опередить толпу.

Гайлет склонилась набок. Фибен даже встре-

вожился, так покраснело ее лицо. Она хохотала, колотила руками по полу, и слезы потоком лились у нее из глаз. Потом перевернулась на спину, продолжая хохотать.

Фибен пожал плечами.

— И все это во время первого номера. Паттерсон исполнял свою оригинальную версию проклятого национального гимна. Какая жалость! Мне так и не довелось послушать его вариации «Инагадда Да Вита».

— Но теперь, когда я об этом вспоминаю, — снова вздохнул он, — может, оно и к лучшему.

* * *

В 20.00 начинался комендантский час. Отключали электричество, и для пленников не делали исключения. Незадолго до заката поднялся ветер и колотил ставнями их маленького окна. Ветер дул с океана и приносил запах соленой воды. Где-то далеко слышался глухой рокот ранней летней грозы.

Спали они, завернувшись в одеяла, так близко друг к другу, насколько позволяли цепи, голова к голове, так что в темноте слышали дыхание друг друга. Засыпали, вдыхая испарения мокрого камня и соломы.

Руки Гайлет судорожно дергались, словно во сне она следовала ритму иллюзорного спасения. Ее цепи слабо позвякивали.

Фибен лежал неподвижно, время от времени глаза его закрывались и открывались, но в них не было сознания. Иногда у него перехватывало дыхание.

Они не слышали негромкого гудения в коридоре, не видели слабого света, пробивающегося сквозь щели деревянной двери. Ноги шаркали, когти стучали о каменные полы.

Когда зазвенели ключи, Фибен дернулся, повернулся набок и сел. Когда заскрипели петли, он принялся протирать глаза. Гайлет подняла голову и заслонила глаза рукой от яркого света двух ламп на высоких стержнях.

Фибен чихнул, почувствовал запах оперения и лаванды. Несколько проби в ярких комбинезонах поставили его и Гайлет на ноги. Он узнал голос их предводителя Железной Хватки.

— Ведите себя прилично. У вас важные посетители.

Фибен мигнул, пытаясь привыкнуть к свету. Наконец ему удалось разглядеть небольшую группу птицеподобных — большие шары белого пуха, в лентах и шарфах. Двое из них держали высокие

стержни, с которых свисали лампы. Остальные толпились вокруг чего-то, напоминающего столб. Он заканчивался небольшой платформой, на которой стояла необычная птица.

Она тоже затянута в яркие ленты. Большой двуногий губру нервно переступал с ноги на ногу. Возможно, это просто случайный эффект света, но плюмаж птицы казался ярче, многоцветнее, он светился, как не светятся обычно их белые гребни. Фибену показалось, что он уже видел этого захватчика или другого такого же.

«Какого дьявола он пришел сюда ночью? — удивился Фибен. — Мне казалось, они не терпят ночных путешествий».

— Окажи должное уважение почтенным старшим, членам высокого клана гуксу-губру! — резко сказал Железная Хватка, пихая Фибена.

— Я покажу этой проклятой птице свое уважение. — Фибен откашлялся и набрал в рот слюны.

— Нет! — закричала Гайлет. Она схватила его за руку и настойчиво зашептала: — Фибен, не надо! Пожалуйста! Ради меня. Поступай точно, как я!

Ее карие глаза умоляли. Фибен глотнул.

— Какого дьявола, Гайлет!

Она повернулась к губру, сложила руки на груди и низко поклонилась.

Фибен повторил.

Галакт смотрел на них — сначала одним немигающим глазом, потом другим. Подошел к краю платформы, носильщики переместились, удерживая равновесие. Наконец губру принялся испускать серию резких скрипучих звуков. Четвероногие сопровождали его речь странным аккомпанементом, чем-то вроде «Зуууннн».

Вперед вышел один из помощников-кваку. У него на шее висел блестящий металлический диск. Переводчик говорил на ломаном англике:

Было решено... решено в чести,

Решено в праведности...

Что вы двое не преступили...

Не нарушили...

Правила поведения... правила войны.

Зуууууун.

Мы решили, что это возможно... допустимо...

Соответствует статусу детей...

Мы милосердно считаем... верим...

Что вы боролись ради своих патронов.
Зуууууун.

До нашего внимания дошло... нас достигло...

Знание, что ваш статус —

Руководители вашего генного потока... течения расы... вашего вида во времени и в пространстве.

Зуууун.

Поэтому мы предлагаем... представляем...

Снисходим до предложения вам

Приглашения... благословения...

Возможности стать представителями своего вида.

Зуууун.

Это честь... благодеяние...

Слава, быть избранным...

Создавать... искать...

Строить будущее своей расы.

Зуун!

Закончил он так же внезапно, как начал.

— Снова кланяйся! — настойчиво прошептала Гайлет.

Фибен вслед за ней поклонился, сложив перед

собой руки. Когда он вновь поднял глаза, группа птиц уже направилась к выходу. Насест опустили, но высокому губру все равно пришлось нагнуться, расставив оперенные руки для равновесия, чтобы пройти в дверь. Сзади шел Железная Хватка. На прощание он бросил на них полный ненависти взгляд.

В голове у Фибена звенело. После первой фразы он перестал пытаться следовать за странным протокольным произношением на галактическом-три.

Даже перевод на англик он понимал с трудом.

Резкий свет исчез. Процессия с непрерывным гоготом и бормотанием удалилась по коридору. Фибен и Гайлет переглянулись.

— А это что за дьявольщина? — спросил Фибен.

Гайлет нахмурилась.

— Это был сюзерен. Один из трех руководителей. Если не ошибаюсь — а я легко могу ошибиться, — сюзерен Праведности.

— Ну, тогда мне все понятно, конечно. А кто такой, во имя колеса рулетки Ифни, сюзерен Праведности?

Гайлет отмахнулась от его вопроса. Наморщив лоб, она глубоко задумалась.

— Почему он пришел к нам, вместо того чтобы приказать привести нас к нему? — спросила она вслух, явно риторически. — И почему ночью? Ты заметил, он даже не задержался, чтобы выслушать наш ответ? Вероятно, праведность требует, чтобы он лично сделал предложение. А ответ могут позже получить его помощники.

— Ответ на что? На какое предложение? Гайлет, я даже не мог...

Но она нервно махнула обеими руками.

— Не сейчас. Я должна подумать, Фибен. Дай мне несколько минут.

Она отошла и села на солому лицом к стене. Фибен подозревал, что ей потребуется гораздо больше времени.

«Ты этого заслужил, — подумал он. — Заслужил то, что имеешь, потому что влюбился в гения...»

Он моргнул, покачал головой. «Что я сказал?»

Но шаги в коридоре помешали ему додумать свою неожиданную мысль.

Вошел шимп с охапкой соломы и несколькими одеялами. Этот груз закрывал лицо низкорослого неошимпанзе, но минуту спустя Фибен узнал ту самую шимми, которая смотрела на него раньше и показалась ему странно знакомой.

— Я принесла вам свежей соломы и одеяла.

Ночи теперь холодные.

Он кивнул.

— Спасибо.

Она не смотрела ему в глаза. Повернулась и пошла к двери с таким изяществом, которого не скрывал даже просторный комбинезон.

— Подожди! — вдруг сказал Фибен.

Она остановилась, по-прежнему не глядя в глаза Фибену, который подошел к ней, насколько позволяла тяжелая цепь.

— Как тебя зовут? — спросил он негромко, чтобы не помешать Гайлет.

Плечи ее опустились, глаз она так и не подняла.

— Я... — говорила она очень тихо. — Некоторые зовут меня Сильвия...

Даже проходя в дверь, она двигалась как танцовщица. Послышался звон ключей и торопливые шаги в коридоре. Фибен смотрел на дверь.

— Да будь я обезьяньим внуком!

Он повернулся и направился к стене, у которой сидела Гайлет.

Наклонился и набросил ей на плечи одеяло. Потом вернулся в свой угол и упал на кучу свежей соломы.

Глава 55
УТАКАЛТИНГ

Водоросли пенились на мелководье, где туземные птицы на ногах-ходулях клевали насекомых. Группами росли кусты, сдерживая наступление степей.

Следы вели от берега маленького озера на соседний поросший кустами склон холма. Взглянув на отпечатки, Утакалтинг решил, что тут прошел обладатель голубиной походки, опирался он, по-видимому, на три конечности.

Он быстро оглянулся, уловив краем глаза голубой блеск, тот самый, что привел его сюда. Попытался разглядеть слабое мерцание, но оно уже исчезло.

Утакалтинг наклонился, разглядывая отпечатки в грязи. Измерил длину следа рукой. На лице его появилась улыбка. Какие прекрасные очертания!

Третья нога в стороне от первых двух, и отпечаток ее гораздо меньше. Похоже на двуногое существо, опирающееся на посох. Утакалтинг подобрал упавшую ветвь, но остановился в раз-

думье.

«Оставить их? — подумал он. — Нужно ли теперь их скрывать?» Он покачал головой. «Нет. Как говорят люди, коней на переправе не меняют».

Следы исчезали под взмахами его ветки. Едва успев закончить, он услышал тяжелые шаги и треск ломающихся кустов. Повернулся и увидел Каулта, который по узкой звериной тропе приближался к берегу маленького степного озера. Над большой, увенчанной гребнем головой теннанинца повис, как раздраженное насекомое-паразит, ищущее уязвимое место, глиф луррунану.

Корона Утакалтинга заныла, как перенапряженная мышца. Он еще с минуту позволил луррунану висеть над головой теннанинца, прежде чем признал свое поражение. Отозвал потерпевший поражение глиф и бросил ветвь на землю.

Теннанинец вообще не смотрел под ноги. Он сосредоточился на небольшом приборе, лежащем на его широкой ладони.

— У меня возникают подозрения, друг мой, — сказал Каулт, подходя к тимбрими.

Утакалтинг почувствовал, как в жилах его заиграла кровь. «Неужели конец?» — подумал он.

— Подозрения в чем, коллега?

Каулт выключил прибор и сунул в один из своих многочисленных карманов.

— Есть признаки... — Его гребень хлопнул. — Я слушал незакодированные передачи губру, и мне кажется, что происходит нечто странное.

Утакалтинг вздохнул. Нет, ограниченный мозг Каулта сейчас занят совершенно другим. Нет смысла отвлекать его тонкими намеками.

— Чем сейчас заняты захватчики? — спросил он.

— Ну, во-первых, гораздо меньше панических военных сообщений. Неожиданно сократились небольшие схватки в горах, которым они незадолго до этого придавали большое значение. Помнишь, мы оба удивлялись, почему они прилагают столько усилий, чтобы подавить незначительное партизанское движение.

Вообще-то Утакалтинг был уверен, что знает причину лихорадочной активности губру. Насколько он мог судить, захватчики пытались найти что-то в Мулунских горах. Они с безрассудной энергией бросали туда солдат и ученых и, по-видимому, дорогой ценой заплатили за свое любопытство.

— Ты можешь понять, почему стычки неожи-

данно прекратились? — спросил он Каулта.

— Я не уверен, что расшифровал верно. Возможно, губру нашли и захватили то, что так отчаянно искали...

«Сомнительно, — убежденно подумал Утакалтинг. — Трудно поймать призрак».

— Или отказались от поисков...

«Более вероятно», — согласился Утакалтинг. Рано или поздно губру должны понять, что они выставляют себя на посмешище и гоняются за выдумкой.

— А может быть, — закончил Каулт, — губру подавили сопротивление и уничтожили всех, кто им сопротивлялся.

Утакалтинг молился, чтобы последнее предположение не оказалось правдой. Конечно, рискованно так дразнить врага. Он только надеялся, что его дочь и сын Меган Онигл не заплатили жизнью за участие в его хитроумном розыгрыше злобных птиц.

— Гм, — заметил он. — Ты говоришь, что тебя еще что-то удивляет?

— Вот что, — продолжал Каулт. — После пяти двенадцатидневок, в течение которых они ничего не делали ради этой планеты, губру вдруг объявляют амнистию и предлагают работу всем

бывшим специалистам службы восстановления экологии.

— Да? Может, просто закончили развертывание и вспомнили про ответственность.

Каулт фыркнул.

— Вероятно. Но губру бухгалтеры. Они все расходы подсчитывают. Эгоистичные, напрочь лишенные юмора фанатики. Они стараются чопорно придерживаться тех аспектов галактических традиций, которые их устраивают, но совсем не думают о сохранении планет класса детская. Их интересует только статус собственного клана.

Хотя Утакалтинг соглашался с этим суждением, он не считал Каулта беспристрастным наблюдателем. И теннанинец вряд ли имеет право обвинять кого-то в отсутствии чувства юмора.

Но одно очевидно. Пока Каулт думает о губру, бесполезно отвлекать его внимание тонкими намеками и следами на почве.

Утакалтинг чувствовал движение в прерии. Маленькие хищники и добыча прятались в трещинах и норах, чтобы переждать летний полдень, когда жар пригибает к земле и слишком много энергии отнимает преследование или бегство. И в этом отношении галакты не исключение.

— Пошли, — сказал Утакалтинг. — Солнце высоко. Нам нужно найти место для отдыха. На другом берегу я вижу деревья.

Каулт молча пошел за ним. Он не замечал небольших отклонений от направления, пока горы с каждым днем приближались. Пики с белыми вершинами перестали уже казаться просто слабой линией на горизонте, хотя потребуются еще недели, чтобы добраться до них, и еще больше времени, чтобы найти проход в Синд. Но теннанинцы терпеливы, когда это соответствует их намерениям.

Утакалтинг нашел убежище в тени согнутых деревьев. Синего сияния не было, хотя он продолжал следить. С помощью короны он кеннировал свирепую радость какого-то скрывающегося в степи создания, чего-то большого, умного и знакомого.

* * *

— Я действительно считаюсь специалистом по землянам, — говорил Каулт немного позже, когда они отдыхали под балдахином изогнутых ветвей. Мелкие насекомые жужжали над дыхательными щелями теннанинца, но каждый раз он сдувал их. — Это плюс мой опыт в экологии и предопре-

делили мое назначение на эту планету.

— Прибавь и свое чувство юмора, — с улыбкой добавил Утакалтинг.

— Да. — Каулт раздул гребень: у теннанинцев это аналогично земному кивку согласия. — Дома я слыву настоящим дьяволом. Именно таким нужно иметь дело с волчатами и эльфами-тимбрими. — Он закончил несколькими быстрыми резкими вздохами. Очевидно, сознательное движение, потому что у теннанинцев совсем нет рефлекторной реакции смеха. «Неважно, — подумал Утакалтинг. — Для теннанинца он весьма остроумен».

— А у тебя есть личный опыт общения с землянами?

— О да, — сказал Каулт. — Я был на Земле. Имел счастье ходить по ее тропическим лесам и видеть необыкновенное разнообразие жизненных форм. Встречался с неодельфинами и китами. И хоть мой народ считает, что землян преждевременно возвели в ранг патронов — им принесли бы большую пользу несколько тысячелетий пребывания клиентами под соответствующим руководством, я признаю, что их планета прекрасна, а они в качестве клиентов были бы очень перспективны.

Одна из причин участия теннанинцев в войне

— желание привлечь все три земные расы в свой клан, навязать им опекунство — «для блага самих землян», разумеется. Но если быть честным, то по этому поводу среди самих теннанинцев не было единогласия. Партия Каулта, например, настаивала на десятитысячелетней кампании убеждения, чтобы земляне отдались под опеку добровольно, «с любовью».

Но партия Каулта не владеет большинством голосов в нынешнем правительстве.

— И, конечно, я встречался с землянами, когда работал в Институте Миграции и во время экспедиции для переговоров с фах'фах'н*фах.

Корона Утакалтинга взорвалась пучком серебряных щупалец — открытое проявление удивления. Он знал, что его ошеломление понятно даже теннанинцу, но теперь ему все равно.

— Ты... ты встречался с дышащими водородом? — Он даже не смог бы произнести их название, для этого нет звуков ни в одном галактическом языке.

Каулт снова удивил его!

— Фах'фах'н*фах, — повторил Каулт. Его дыхательные щели запульсировали, изображая смех. На этот раз получилось естественнее. — Переговоры проходили в субквадранте Пол-Крен,

недалеко от того места, которое земляне называют сектором Ориона.

— Это рядом с колонией Земли Ханааном.

— Да. Их пригласили участвовать еще и по этой причине. Хотя редкие встречи кислородо— и водорододышащих существ считаются самыми критическими и важными в наше время, сочли приличным пригласить и землян, показать им некоторые тонкости дипломатии высшего уровня.

Должно быть, он смущен и удивлен, но кроме того, Утакалтингу вдруг показалось, что он что-то кеннирует от Каулта... след чего-то глубокого и тревожащего теннанинца. «Он умалчивает, — понял Утакалтинг. — Есть и другие причины привлечения землян».

Миллиарды лет непрочный мир сохранялся между двумя параллельными, совершенно независимыми культурами. Как будто на самом деле существуют не пять галактик, а десять, потому что устойчивых планет с водородной атмосферой не меньше чем планет типа Земли, Гарта или Тимбрима. Две ветви жизни, каждая представленная обширным разнообразием видов и форм, не имели почти ничего общего. Фах'фах'н*фах не нужны камни, а их планеты слишком велики,

тяжелы и холодны, чтобы их пожелал кто-то из галактов. К тому же они, по-видимому, оперировали на разных уровнях времени.

Дышащие водородом предпочитали медленные маршруты гиперпространства уровня Д и вообще нормальное пространство между звездами, царство, которым правит относительность, оставляя более быстрые межзвездные линии недолговечным потомкам сказочных Прародителей.

Иногда возникали конфликты. Умирали целые системы и кланы. Для таких войн не существовало правил.

Временами заключались торговые договоры, металлы обменивались на газы, механизмы на странные предметы, упоминания о которых нет даже в Великой Библиотеке.

Бывали периоды, когда целые галактические рукава переходили от одной цивилизации к другой. Примерно раз в сто миллионов лет галактический Институт Миграции организовывал такие перемещения кислорододышащих.

Официальная причина заключалась в том, что требовалось на целую эпоху оставить звезды «невозделанными», чтобы на их планетах могли развиться новые формы предразумной жизни. Но

широко известна и другая причина — оставить как можно больше пространства между жизнью на кислороде и водороде, там, где игнорировать друг друга уже невозможно.

И вот Каулт сообщает, что недавно велись переговоры в секторе Пол-Крен? И в них участвовали люди?

«Почему я об этом никогда не слышал?» — думал Утакалтинг. Он хотел продолжить эту тему, но не было возможности. Каулт явно избегал этого и вернулся к прежнему разговору.

— Мне кажется, в передачах губру есть нечто странное, Утакалтинг. Из передач ясно, что они прочесывают Порт-Хелению и острова в поисках специалистов по экологии и возвышению.

Утакалтинг решил, что не время удовлетворять любопытство — трудное решение для тимбрими.

— Ну, как я уже предположил, возможно, губру решили наконец выполнить свой долг перед Гартом.

Каулт издал звук, который, как знал Утакалтинг, выражает сомнение.

— Даже если это так, им потребовались бы экологи. А к чему специалисты по возвышению? Я интуитивно чувствую, что здесь происходит нечто любопытное, — закончил Каулт. — Уже в

течение нескольких мегасекунд губру находятся в большом возбуждении.

Даже без их небольшого приемника и вообще без всяких волн Утакалтинг знал бы это. И все это связано с мигающим синим светом, за которым он следует неделями. Это свечение означает, что дипломатический сейф тимбрими вскрыт. Приманка, которую он оставил в сейфе вместе с многочисленными другими следами и намеками, должна привести разумное существо только к одному заключению.

Очевидно, его розыгрыш оказался дорогостоящим для губру.

Но все хорошее быстро кончается. Сейчас даже губру, наверное, уже понятно, что это всего лишь шутка тимбрими. Птицеподобные ведь не глупы.

Рано или поздно они должны догадаться, что никаких гартлингов не существует.

«Мудрецы говорят: слишком затягивать шутку — ошибка. Неужели я повторяю ошибку, разыгрывая то же самое с Каултом?» Да, но в этом случае процедура совершенно иная, медленная, трудная и личная.

«Но что же еще мне делать, чтобы провести время?»

— Расскажи мне о своих подозрениях, — вслух

сказал Утакалтинг спутнику. — Я очень, очень заинтересовался.

Глава 56
ГАЛАКТЫ

Вопреки всем ожиданиям, новый сюзерен Стоимости и Бережливости набирал очки. Его плюмаж только начал проявлять многоцветие кандидатства, и он сильно отставал от соперников. Тем не менее, когда он танцевал, остальные сюзерены внимательно наблюдали и прислушивались к его хорошо сформулированным аргументам.

— Усилия были слишком дорогими, неразумными, неверно направленными,

— чирикал он, поворачиваясь в сложном ритме.

— Мы потеряли драгоценное время
И поступились честью,
Ища,
Отыскивая,
Преследуя
Химеру!

Новый главный чиновник, в сущности, обладал несколькими преимуществами. Его учил предшественник, покойный сюзерен Стоимости и Бережливости. На встречу новый ее член принес поразительное количество фактов. Кубы данных были разбросаны повсюду. Их представление главой гражданской службы производило ошеломляющее впечатление.

> *— Нет никакого способа, никакой возможности, никакой вероятности, что на этой планете могли выжить предразумные существа и пережить катастрофу буруралли. Это розыгрыш, насмешка, заговор дьявольского тимбрими и волчат,*
>
> *Чтобы мы*
>
> *Потратили,*
>
> *Выбросили,*
>
> *Извели зря*
>
> *Наше богатство!*

Для сюзерена Праведности это было равносильно катастрофе.

Во время безвластия, пока не был избран новый сюзерен, верховный священник и адмирал

правили безраздельно, никто их не сдерживал. Они хорошо знали, что так действовать неразумно, что должен существовать голос третьего сюзерена, но возможность казалась такой соблазнительной.

Адмирал лично участвовал в поисках и уничтожении горных партизан, хотел добавить доблести своему честному имени. Со своей стороны, священник начал новые дорогостоящие сооружения и торопил с доставкой новой планетарной Библиотеки.

Царил замечательный дуэт-консенсус. Сюзерен Луча и Когтя одобрял все траты, а сюзерен Праведности благословлял все операции солдат Когтя. В горы уходили экспедиция за экспедицией, группы тщательно охраняемых ученых искали бесценный приз.

Однако допустили ряд ошибок. Волчата оказались дьявольски хитры и неуловимы в своих засадах. Но если бы специалисты нашли то, что искали, никто и не вспомнил бы о цене. Дело того стоило, конечно, если...

«Но нас обманули, провели, выставили на посмешище», — с горечью думал священник. Сокровище оказалось выдумкой. И вот теперь новый сюзерен Стоимости и Бережливости уме-

ло пользуется таким положением. Чиновник исполнил великолепный танец наказания за излишние траты. Он уже превалирует в консенсусе — например, больше не будет бесполезных экспедиций в горы, пока не удастся отыскать способ справиться с противником подешевле.

Плюмаж сюзерена Луча и Когтя жалко обвис. Священник знал, как вся эта история тревожит адмирала. Но их обоих заворожила праведная верность танца наказания. Даже двое не смогут одержать победу при голосовании против одного, когда совершенно очевидно, что он прав. Чиновник приступил к новому танцу. Он предложил отказаться от строительных проектов, которые не имеют отношения к защите Гарта. К ним приступили, надеясь на гартлингов. Но теперь просто бессмысленно продолжать строительство гиперпространственного шунта и Церемониального Холма!

Танец был мощным, убедительным, подкрепленным множеством карт, формул и статистических таблиц. Сюзерен Праведности понял, что необходимо что-то предпринять, и немедленно, иначе этот выскочка обгонит всех. Немыслимо, чтобы так изменилось положение как раз тогда, когда их тела начали готовиться к Слиянию!

Необходимо также обдумать послание Повелителей Насестов. Царицы и принцы, оставшиеся дома, присылали отчаянные запросы. Выработали трое на Гарте новую смелую политику? Расчеты показывают, что необходимо вскоре получить нечто оригинальное и необычное, иначе инициатива перейдет к какому-нибудь другому клану. Страшно, когда судьба всей расы держится на волоске. И несмотря на прекрасное исполнение и внешность, одно ясно относительно нового главного чиновника: ему не хватает глубины, ясности видения его покойного предшественника. Сюзерен Праведности знал, что новая политика вряд ли зародится в результате мелочного урезания кредитов. Что-то необходимо сделать, и безотлагательно! Священник принял позу предчувствия, распростер свои ярко окрашенные перья. Вежливо, даже чуть снисходительно чиновник прервал танец и опустил клюв, уступая время.

Сюзерен Праведности принялся медленно, мелкими шагами переступать по насесту. Он сознательно избрал ритм, использованный соперником.

— Хотя гартлингов нет, остается шанс, вероятность, возможность

Получить церемониальную площадку, которую мы

Планировали,

Строили,

Посвящали

С такими большими расходами.

— Существует план, проект, концепция, которые еще могут принести

Честь,

Славу,

Праведность

Нашему клану.

— В центре, в фокусе, в сущности этого плана мы поместим

Осмотр,

Оценку,

Исследование

Клиентов волчат.

В противоположной стороне помещения сюзерен Луча и Когтя поднял голову. Свет надежды затеплился в глазах удрученного адмирала, и священник понял, что одержал пусть временную, но победу.

Теперь время покажет, сработает ли его новая смелая идея.

Глава 57
АТАКЛЕНА

— Видишь? За ночь она передвинулась!

Атаклене пришлось прикрыть глаза, чтобы посмотреть на своего друга-человека, сидящего на ветке дерева в тридцати футах над землей. Он потянул за зеленый кабель, который спускался сверху под углом в сорок пять градусов.

— Ты уверен, что это та самая лиана, которую ты подрезал вчера вечером?

— Уверен! Я забрался и налил литр обогащенной хромом воды — лиана поглощает именно хром — на развилину ветки, над собой. Теперь лиана переползла и прикрепилась именно к этому месту.

Атаклена кивнула. Он говорит правду.

— Вижу, Роберт. А теперь и верю.

Ей захотелось улыбнуться. Иногда Роберт ведет себя совсем как юноша-тимбрими, такой же стремительный, импульсивный, озорной. Это слегка приводило ее в замешательство. Чужаки должны вести себя странно и необъяснимо, а не просто

как... ну, как парни.

«Но Роберт не чужак, — напомнила она себе. — Он мой муж». И вообще, она так давно живет среди землян, что начинает думать, как они.

«Когда... если... я вернусь домой, неужели буду озадачивать, удивлять и пугать окружающих метафорами? Странным, как у волчат, отношением? Радует ли меня такая перспектива?»

В войне наступила передышка. Губру перестали посылать уязвимые экспедиции в горы. Их передовые посты бездействовали. Даже газовые роботы уже целую неделю не показывались в горных долинах — к величайшему облегчению шимпов, фермеров и жителей поселков. И когда выдался случай, Атаклена и Роберт решили один день посвятить только себе и постараться лучше узнать друг друга. Ведь они не знают, когда возобновятся военные действия. Предоставится ли им еще такая возможность?

Обоим необходимо было отвлечься. По-прежнему не было никакого ответа от матери Роберта, неизвестной оставалась судьба Утакалтинга, несмотря на то, что Атаклена уловила посланное отцом изображение. Пусть выполняет свою часть и надеется, что он жив и способен выполнить свою.

— Хорошо, — крикнула она Роберту. — Признаю. Лианы можно тренировать в известном смысле. Спускайся. Твоя ветка ненадежна.

Но Роберт только улыбнулся.

— Спущусь по-своему. Ты меня знаешь, Кленни. Я не могу упустить такую возможность.

Атаклена застыла. Вот опять этот каприз на краях эмоциональной ауры. Похоже на сиул-фф-куонн, который можно кеннировать у юного тимбрими, когда тот наслаждается в предвкушении шутки.

Роберт сильно потянул лозу. Он вдохнул, его грудная клетка расширилась так, как недоступно ни одному тимбрими; и он быстро заколотил себя по груди и издал долгий пронзительный вопль. В лесном коридоре отозвалось эхо.

Атаклена вздохнула. «О да. Он должен отдать дань уважения божеству волчат Тарзану».

Вцепившись в лиану обеими руками, Роберт спрыгнул с ветки. И по пологой дуге, вытянув и сведя вместе ноги, опустился к лесному лугу, перелетев через низкорослые кусты. При этом он громко кричал.

Конечно, именно такие открытия делали люди в темные столетия между появлением разума и приходом науки. Ни одна из галактических

рас, воспитанных на Библиотеке, не смогла бы додуматься до такого способа передвижения. Даже тимбрими.

Амплитуда маятника потащила Роберта снова вверх, к густой кроне лесного гиганта. Вопль Роберта оборвался, когда он врезался в листву и с треском исчез.

Тишину нарушал только шорох падающих мелких обломков. Атаклена поколебалась, потом позвала:

— Роберт?

Ни ответа, ни движения в густых зарослях.

— Роберт! Что с тобой? Ответь мне! — Слова англика застревали во рту.

Она попыталась найти его с помощью короны, нити над ушами напряглись.

Он здесь, это она чувствует... и ему больно!

Атаклена побежала по лугу, перепрыгивая через препятствия, началась гир-трансформация: ноздри автоматически расширились, чтобы дать больше воздуха тройному сердцу. К тому времени, как она достигла дерева, кончики пальцев на руках и ногах уже затвердели. Атаклена сбросила мягкую обувь и сразу начала подниматься, легко находя опору в коре лесного патриарха.

Вездесущие лианы, как змеи, манили в лист-

венную трясину, поглотившую Роберта. Атаклена потянула за одну такую веревку и с ее помощью взобралась на следующий уровень.

Она понимала, что должна сдерживаться. Несмотря на реакцию и приспособляемость тимбрими, ее мускулатура не так сильна, как у человека, а корона не так быстро отдает лишнее тепло, как потовые железы. Но она не могла отказаться от максимальной скорости.

В листве, где исчез Роберт, было сумрачно и тесно. Атаклена заморгала и принюхалась, углубляясь в темноту. Запахи напомнили ей, что это неизученная планета, а она не волчонок, который чувствует себя как дома в этих девственных джунглях. Атаклене пришлось убрать щупальца, чтобы они не запутались в чаще. И потому она вздрогнула, когда что-то спустилось сверху и крепко схватило ее.

Гормоны устремились в кровь. Атаклена приготовилась ударить нападающего, но вовремя узнала ауру Роберта, его человеческий мужской запах. Это его руки крепко держат ее. Атаклена испытала мгновенное головокружение, когда резко прекратилась гир-трансформация.

В таком ошеломленном состоянии, не способная двинуться в оцепенении трансформации,

она удивилась вдвойне. Потому что Роберт начал касаться ее рта своим ртом. Вначале его действия показались ей бессмысленными, безумными. Но тут, развернув корону, она снова начала воспринимать чувства... и сразу вспомнила сцены из человеческих видеодрам, сцены совокупления и сексуальной игры.

Буря противоречивых эмоций, охватившая Атаклену, заставила ее еще несколько мгновений оставаться неподвижной. Отчасти это объяснялось его сильными объятиями, и только когда Роберт наконец выпустил ее, Атаклена быстро отодвинулась от него, прижалась к стволу, тяжело дыша.

— Ан... ан-твиллатбилна! Нага... Ты... ты... бленчук! Как ты смеешь... Клет-тнаб... — У нее перехватило дыхание, пришлось прекратить многоязычные проклятия. Но Роберт не утратил добродушно-веселого настроения.

— Я не все понял, Атаклена. Мой гал-семь не очень хорош, но я работаю над ним. Скажи мне, что такое... бленчук?

Атаклена сделала жест, дернула головой, что у тимбрими соответствует раздраженному пожатию плечами.

— Неважно. Отвечай немедленно! Ты ранен?

А если нет, почему ты это сделал? И в-третьих. Почему я не должна наказывать тебя за то, что ты обманул меня и напал?

Глаза Роберта распахнулись шире.

— О, не реагируй так серьезно, Кленни. Я ценю то, что ты бросилась мне на выручку. Я, наверно, слегка увлекся, обрадовавшись тебе.

Ноздри Атаклены расширились. Щупальца ее метались, готовя какой-то необыкновенно ядовитый глиф. Роберт почувствовал это и поднял руку.

— Хорошо, хорошо. По порядку... Я не ранен, только чуть поцарапался. На самом деле мне очень весело.

Видя ее выражение, он перестал улыбаться.

— Гм, что касается второго вопроса... я приветствовал тебя, как принято у людей. Мне очень хотелось испробовать этот человеческий обычай с тобой, хотя признаю, что ты могла этого не оценить.

Атаклена нахмурилась. Ее щупальца смятенно опустились.

— И наконец, — вздохнул Роберт, — не могу назвать ни одной причины в противовес наказанию за мою самонадеянность. Это твое право. Любая женщина по праву сломает мне руку,

если я схвачу ее без разрешения. Не сомневаюсь, кстати, что ты можешь это сделать. В свою защиту могу сказать, что сломанная рука — это профессиональный риск молодого землянина. В половине случаев ухаживание на этом просто заканчивается. Но если парень правильно понял ситуацию, женщине это нравится и она не ставит ему фонари под глазами. Ну, а если ошибся, приходится расплачиваться.

Атаклена видела, как лицо Роберта стало задумчивым.

— Знаешь, — сказал он, — я раньше никогда об этом не думал, правда.

Может, люди в этом отношении как спятившие клет-т-тнабс.

Атаклена мигнула. Напряжение медленно проходило, капая с нитей короны; тело приходило в норму. Узлы трансформации под кожей пульсировали, вбирая излишки гир-потока.

Как маленькие мыши, перевела она. Но на этот раз вздрогнула слабее.

И обнаружила, что улыбается. Странное признание Роберта перевело ситуацию — почти смехотворно — в логическую плоскость.

— Удивительно, — сказала она. — Как всегда, в обычаях тимбрими есть параллель. Наши муж-

чины тоже должны рискнуть.

Она помолчала, нахмурившись.

— Но стилистически ваша техника очень груба! Уровень ошибок, наверное, ужасно велик. У вас ведь нет короны, чтобы понять чувства женщины. Помимо примитивной эмпатии, у вас есть только намеки, кокетство, язык телодвижений. Я удивлена, что вы можете размножаться, не истребив друг друга при этом!

Лицо Роберта слегка потемнело, и Атаклена поняла, что он покраснел.

— Наверно, я слегка преувеличиваю.

Атаклена не могла не улыбнуться снова, на этот раз не только ртом, но и увеличив расстояние между глазами.

— Я уже догадалась об этом, Роберт.

Лицо человека еще больше покраснело, он посмотрел на свои руки. В наступившем молчании Атаклена уловила что-то в себе самой. Она кеннировала простой глиф кинивуллун — то, что обычно делают юноши. Роберт излучал смущенную искренность, и это заставляло забыть его неподвижные глаза и большой нос, делало его своим. Он теперь казался ей ближе, чем большинство ее сверстников в школе.

Наконец Атаклена выбралась из угла, куда

забилась в попытке защититься.

— Ну хорошо, Роберт, — вздохнула она. — Я позволю себе объяснить, почему тебе «очень хотелось» совершить этот чисто человеческий ритуал с представительницей иного вида — со мной. Наверно, потому, что мы подписали супружеский договор? Может, ты считаешь, что должен завершить все брачные обычаи, чтобы исполнить человеческую традицию?

Он пожал плечами, отведя взгляд.

— Нет, я не могу использовать это в качестве предлога. Я знаю, что межвидовые браки носят исключительно деловой характер. Просто... мне кажется, потому что ты красива и умна, а мне одиноко... и, может быть, я немного влюблен в тебя.

Сердце ее забилось быстрее. И на этот раз причина не в химических гир-веществах. Щупальца ее приподнялись словно сами по себе, но никакой глиф не чувствовался. Напротив, она обнаружила, что щупальца устремились к нему вдоль тонких силовых линий, как в диполе.

— Мне кажется... мне кажется, я понимаю, Роберт. Я хочу, чтобы ты знал, что я...

Трудно найти слова. Вряд ли она сама осознавала, о чем думает в этот момент. Атаклена покачала головой.

— Роберт? — негромко сказала она. — Ты сделаешь мне одолжение?

— Все, что угодно, Кленни. Все, что угодно! — Глаза его широко распахнулись.

— Хорошо. Тогда, не очень увлекаясь, может, ты объяснишь и продемонстрируешь, что именно ты делал, когда так коснулся меня... какие физические моменты с этим связаны? Но на этот раз, пожалуйста, помедленнее.

* * *

На следующий день они неторопливо возвращались к пещерам.

Шли медленно, останавливаясь, чтобы посмотреть, как солнечные лучи падают на поляны, задерживались у небольших разноцветных прудов, гадая, какой именно элемент тут накапливается. Иногда они просто держались за руки, слушая негромкие звуки лесной жизни Гарта.

Иногда садились и осторожно экспериментировали, испытывая приятные ощущения от прикосновений.

Атаклена была удивлена. Большинство нервных окончаний, необходимых для этого, у нее есть. Не требовалось глубокого самовнушения, просто небольшие изменения в капиллярах и

рецепторах, чтобы эксперимент осуществился. По-видимому, у тимбрими некогда существовали аналогичные поцелуям ритуалы, поскольку осталась возможность осуществить их.

Вернувшись к обычной форме, она может сохранить некоторые особенности адаптации губ, горла, ушей. Их приятно ласкает ветерок. Словно сладостный эмпатический глиф на короне. А поцелуи, это теплое давление, вызывали в ней сильные, хотя и примитивные чувства.

Конечно, ничего подобного не произошло бы, если бы люди и тимбрими не были так близки. Много любопытных, но глупых теорий ходило среди необразованных слоев населения обоих видов, объясняя это сходство.

Например, предполагалось, что у них есть общий далекий предок.

Разумеется, это нелепая мысль. Но Атаклена знала, что ее случай не первый. Тесные связи на протяжении нескольких столетий привели ко многим случаям межвидового флирта, иногда откровенного. Ее открытия, должно быть, уже многократно делались раньше.

Она просто не знала об этом, а разговоры считала непристойными.

Атаклена поняла, что друзья на Тимбрими

скорее всего считали ее ханжой. Но ее нынешнее поведение шокировало бы большинство из них!

Она не уверена, что хочет, чтобы дома — если, конечно, она туда доберется, — знали обо всем спектре ее взаимоотношений с Робертом.

Утакалтинг, вероятно, принялся бы смеяться.

«Неважно, — твердо сказала она себе. — Я должна жить сегодняшним днем». Эксперимент помогает проводить время и имеет свои приятные стороны.

А Роберт — отличный учитель.

Конечно, придется установить ограничения. Она, например, готова и дальше изменять распределение ткани в своих грудных железах, а прикосновение к нервным окончаниям в них очень приятно. Но когда дело доходит до основ, она непреклонна. Основы своей физиологии и анатомии она менять не собирается... ни для какого человека!

* * *

На обратном пути они осматривали посты восставших и разговаривали с бойцами. Моральный дух был высок. Ветераны трехмесячных боев спрашивали, когда предводители завлекут в горы новые группы губру. Атаклена и Роберт смеялись

и обещали, что подумают, как не оставить бойцов без дела.

Но от них требовали действий. А как завлечь противника, клюв которого несколько раз пускал кровь? Может, пора перенести сражения на его территорию?

Проблема заключалась в отсутствии надежных сведений об обстановке в Синде и Порт-Хелении. Несколько уцелевших участников городского восстания добрались до гор и доложили, что их организация разбита. С того злополучного дня ничего не известно о Гайлет Джонс и Фибене Болджере.

Контакт с некоторыми индивидуумами в городе восстановили, но он был нерегулярным и ненадежным.

Думали о посылке новых разведчиков. Казалось, такую возможность дают объявления губру о выгодной работе всем специалистам по экологии и возвышению. Но к этому времени птицы явно разработали тактику допросов и создали детектор лжи для шимпов. Роберт и Атаклена решили не рисковать, по крайней мере пока.

Они шли по узкой, редко посещаемой долине, когда увидели обращенный к югу склон, поросший невысокими специфичными растениями.

Постояли некоторое время молча, глядя на зеленое поле плоских перевернутых чаш.

— Я так и не покормил тебя печеными корнями плюща, — заметил наконец Роберт.

Атаклена принюхалась, оценив его иронию. Место, где произошел несчастный случай, далеко отсюда. Но этот неровный склон вызвал в ее памяти яркие воспоминания о том ужасном дне, когда начались их «приключения».

— Эти растения больны, в них что-то нарушено? — Она указала на чаши, перекрывающие друг друга, как чешуя дракона. Верхний слой выглядит не таким гладким и толстым, каким остался в ее памяти, он кажется очень тонким и непрочным.

— Гм. — Роберт наклонился, разглядывая ближайшие чаши. — Лето кончается. Жара высушивает верхние пластины. К середине осени, когда поднимутся восточные ветры с Мулунского хребта, они станут тонкими и легкими, как вафли. Разве я не говорил тебе, что они разносят семена? Ветер подхватывает их и уносит в небо, как облако бабочек.

— Ах, да. Я помню, ты говорил об этом. — Атаклена задумчиво кивнула. — Но разве не ты говорил...

Ее прервал громкий крик.

— Генерал! Капитан Онигл!

На узкой лесной тропе показалась группа шимпов. Двое — сопровождавшие их всюду охранники, а третий — Бенджамин! Выглядел он уставшим. Очевидно, бежал всю дорогу от пещер им навстречу.

Атаклена почувствовала, как напрягся Роберт в ожидании неприятностей.

Но с помощью короны она уже знала, что Бен не принес дурных известий. Враг не нападал. И все же шимп казался смущенным.

— В чем дело, Бенджамин? — спросила она.

Он вытер лоб домотканым носовым платком. Потом порылся в другом кармане и вытащил маленький черный кубик.

— Сэры, наш курьер, молодой Петри, наконец возвратился.

Роберт сделал шаг вперед.

— Он добрался до убежища?

Бенджамин кивнул.

— Да, добрался и привез послание Совета. Оно здесь. — И он протянул куб.

— Послание Меган? — У Роберта перехватило дыхание при виде кубика с записью.

— Да, сэр. Петри говорит, что с ней все в порядке. Она шлет свои наилучшие пожелания.

— Но... но это здорово! — завопил Роберт. — Связь восстановлена! Мы больше не одни!

— Конечно, сэр! Совершенно справедливо. К тому же... — Атаклена наблюдала, как Бенджамин пытается подобрать нужные слова. — Петри принес не только новости: в пещерах вас ждут пять человек.

Роберт и Атаклена замигали.

— Пять человек?

Бенджамин кивнул.

— Морская пехота, сэр.

— О, — сказал Роберт. Атаклена продолжала молчать, но скорее кеннировала, чем слушала.

— Профессионалы, сэр, — продолжил Бенджамин. — Клянусь, это удивительно после такого длительного времени без... ну, я хочу сказать, что с нами вас было только двое. Все шимпы сейчас пребывают в радостном возбуждении. Мне кажется, вам лучше как можно быстрее вернуться.

Роберт и Атаклена в один голос сказали:

— Конечно.

— Немедленно.

Почти неощутимо отношения между Атакленой и Робертом изменились.

Когда подбежал Бенджамин, они держались за руки. Теперь, двигаясь по тропе, им показалось

это неуместным. Их близость не нуждалась в объяснениях, им не нужно было смотреть друг на друга, чтобы понять, о чем думает другой.

К лучшему или к худшему, но ситуация изменилась.

Глава 58
РОБЕРТ

Майор Пратачулторн сосредоточенно изучал данные компьютера. Листы с цифрами занимали весь стол. Наблюдая за тем, как работает маленький смуглый человек, Роберт понял, что беспорядок только кажущийся: то, что нужно для работы, он находит, едва взглянув и протянув мозолистую руку.

В перерывах офицер поглядывал на голографический экран и что-то негромко произносил в горловой микрофон. На экране менялись данные в соответствии с его командами.

Роберт спокойно ждал, стоя перед деревянным столом. В четвертый раз Пратачулторн приглашал его и задавал четко сформулированные вопросы. И каждый раз Роберт испытывал все большее удивление и уважение к пунктуальности и проницательности этого человека.

Совершенно очевидно, что майор Пратачулторн — профессионал. Всего за день он со своим небольшим штабом начал приводить в порядок самодельные тактические программы партизан, перерабатывал данные, выдвигал предложения, которые и в голову не могли прийти партизанам.

Именно в таком человеке, как Пратачулторн, нуждалось их движение.

Именно такого они ждали.

Это бесспорно. Но Роберт возненавидел этого человека и теперь пытался понять, почему.

«Дело ведь не только в том, что он заставляет меня молча стоять перед ним, пока наконец не соизволит обратить внимание». Роберт понимал, что это просто способ подчеркнуть, кто здесь теперь хозяин. И это понимание помогало ему сдерживаться.

Майор выглядел как настоящий офицер морской пехоты, хотя единственным признаком его звания была нашивка на левом плече. У Роберта даже в мундире не будет такой выправки, как у Пратачулторна в плохо подогнанной домотканой одежде, сшитой гориллами на склонах серного вулкана.

Землянин некоторое время барабанил паль-

цами по столу. Этот стук напомнил Роберту о головной боли, с которой он борется уже больше часа с помощью обратной биологической связи. Почему-то на этот раз способ не действовал. Роберт испытывал приступ клаустрофобии, ему было душно и тесно. И становилось все хуже.

Наконец Пратачулторн поднял голову. К удивлению Роберта, его первое замечание воспринималось даже как комплимент.

— Ну, капитан Онигл, — сказал Пратачулторн. — Признаюсь, я опасался, что положение будет гораздо, гораздо хуже.

— Приятно слышать, сэр.

Глаза Пратачулторна сузились, он как будто уловил тонкий оттенок сарказма в голосе Роберта.

— Говоря точнее, — продолжал он, — я опасался, что вы солгали в своем докладе правительству в изгнании и что мне придется расстрелять вас.

Роберт подавил желание сглотнуть и умудрился сохранить бесстрастное выражение.

— Я рад, что в этом нет необходимости, сэр.

— Я тоже. Тем более, это вызвало бы недовольство вашей матери. Учитывая, что вы не профессионал, готов признать, что вы добились неплохих результатов.

Майор Пратачулторн покачал головой.

— Нет, пожалуй, неточно. Позвольте сформулировать так. Будь я здесь, я бы многое сделал по-другому. Но в свете того, как проявили себя государственные вооруженные силы, вы с вашими шимпами действовали очень неплохо.

Роберт почувствовал, как пустота в груди рассасывается.

— Шимпов это обрадует, сэр. Хочу напомнить, что я здесь не единственный предводитель. Львиную долю тяжести взвалила на себя тимбрими Атаклена.

На лице майора Пратачулторна появилось кислое выражение. Роберт не знал, то ли из-за того, что Атаклена галакт, то ли он, как офицер, должен был принять всю ответственность на себя.

— А, да. «Генерал». — Улыбка казалась по меньшей мере покровительственной. Майор кивнул. — Я упомяну о ее помощи в своем отчете. Дочь посла Утакалтинга, несомненно, изобретательна. Надеюсь, она не откажется продолжать помогать нам — в известных пределах.

— Шимпы преклоняются перед ней, сэр, — заметил Роберт.

Майор Пратачулторн кивнул, посмотрел на стену и задумчиво заговорил:

— Тайна тимбрими, я знаю. Иногда мне кажется, что средства массовой информации сами не ведают, что творят, формируя такое представление. Какие бы чужаки нас ни окружали, люди должны знать, что земляне всегда останутся одинокими. Мы никогда не сможем доверять никому из галактов.

Должно быть, решив, что сказал лишнее, Пратачулторн снова покачал головой и сменил тему.

— Теперь относительно будущих операций против врага...

— Мы думали об этом, сэр. Непонятная активность в горах, кажется, кончилась, хотя мы не знаем, надолго ли. Но мы кое-что обдумали и сможем использовать против них, если они вернутся.

— Хорошо. — Пратачулторн кивнул. — Но вы должны понять, что в будущем все действия в Мулуне должны быть скоординированы с действиями других сил по всей планете. Нерегулярные войска просто не способны нанести противнику ощутимый урон. Это показало неудачное нападение городских шимпов на космические батареи вблизи Порт-Хелении.

Роберт не оспаривал правоту Пратачулторна.

— Да, сэр. Хотя с тех пор мы захватили кое-какое

вооружение, которое может оказаться полезным.

— Несколько ракет. Они пригодятся, если мы решим, как их использовать. И особенно, если у нас появится информация, куда их нацеливать. Кое-какая информация у нас уже есть, — продолжал майор. — Я хочу собрать больше и доложить Совету. После этого нашей задачей станет поддержка любых действий Совета.

Наконец Роберт получил возможность задать вопрос, который держал наготове с тех пор, как, вернувшись, обнаружил, что Пратачулторн и его люди переворачивают пещеры вверх дном, во все вмешиваются и всем командуют.

— Что будет с нашей организацией, сэр? Мы с Атакленой дали нескольким шимпам временный офицерский статус. Но, кроме меня, ни у кого здесь нет настоящего офицерского звания.

Пратачулторн поджал губы.

— Ну, ваш случай самый простой, капитан. Вы заслужили отдых. Можете проводить дочь посла Утакалтинга в убежище с моим отчетом и рекомендациями о присвоении вам очередного звания и награждении медалью. Я знаю, координатору это понравится. Я также сообщу дополнительные сведения о том, как вы открыли резонансную технику обнаружения губру.

По тону было совершенно ясно, что подумает майор о Роберте, если тот примет предложение.

— С другой стороны, я был бы рад, если бы вы присоединились к нам, во внеочередном статусе первого лейтенанта вдобавок к вашему званию в колониальной милиции. Ваш опыт нам бы пригодился.

— Спасибо, сэр. Я останусь здесь, если вы не возражаете.

— Отлично. Придется кого-то другого назначить в эскорт...

— Я уверен, что Атаклена тоже захочет остаться, — торопливо добавил Роберт.

— Гм. Да. Я думаю, какое-то время она будет полезна. Вот что я вам скажу, капитан. Я сообщу обо всем этом в послании Совету. Но в одном мы должны быть уверены: поскольку у нее здесь нет военного статуса, шимпы должны перестать обращаться к ней как к офицеру и командиру. Понятно?

— Да, сэр. — Роберт подумал, как убедить в этом штатских неошимпанзе, которые называют всех как им заблагорассудится.

— Хорошо. Теперь о тех, кто находился под вашим командованием... У меня с собой несколько бланков колониальных офицерских званий,

мы можем присвоить их шимпам, проявившим инициативу. Я не сомневаюсь, что вы назовете мне имена.

Роберт кивнул.

— Да, сэр.

Он вспомнил, что еще один солдат «армии», кроме него самого, служил в милиции. Мысль о Фибене, несомненно давно погибшем, вызвала угнетенное состояние. «Эти пещеры! Они меня с ума сводят! Мне все труднее и труднее оставаться здесь». Майор Пратачулторн дисциплинированный военный, он месяцы провел в подземном убежище Совета. Но у Роберта не такой твердый характер. «Мне нужно выбраться отсюда!»

— Сэр, — быстро сказал он. — Прошу разрешения оставить базовый лагерь на несколько дней и заняться делом в районе перехода Лорне... в развалинах Хаулеттс-Центра.

Пратачулторн нахмурился.

— Там, где незаконно изменяли генетику горилл?

— Место, где мы одержали свою первую победу, — напомнил Роберт командиру, — и заставили губру сдаться.

— Ха, — усмехнулся майор. — А что вы надеетесь там обнаружить?

Роберт подавил желание пожать плечами. В усиливающейся клаустрофобии, в стремлении любой ценой вырваться, он высказал идею, которая только начинала формироваться в его сознании.

— Возможное оружие, сэр. У меня созрела мысль, которая сможет сослужить хорошую службу, если подтвердится.

Это заинтересовало Пратачулторна.

— Что за оружие?

— Я предпочел бы сейчас не вдаваться в подробности, сэр. Сначала мне нужно кое-что подтвердить. Я буду отсутствовать не больше трех-четырех дней. Обещаю.

— Гм. Что ж, — Пратачулторн поджал губы. — Мне потребуется столько времени, чтобы привести в порядок данные. Пока вы будете только путаться под ногами. Но потом вы мне понадобитесь. Нужно будет готовить отчет Совету.

— Да, сэр. Я буду торопиться.

— Хорошо. Возьмите с собой лейтенанта Маккью. Я хочу, чтобы один из моих людей ознакомился с местностью. Покажите Маккью, как вам удалось организовать эту маленькую засаду, познакомьте ее с основными партизанскими группами и немедленно возвращайтесь. Вы сво-

бодны.

Роберт вытянулся. «Кажется, теперь я знаю, почему ненавижу его», — подумал он, отдавая честь, повернулся кругом и вышел, отодвинув повешенное вместо двери подземного кабинета одеяло.

Вернувшись в пещеры и обнаружив Пратачулторна и его людей, которые всюду расхаживали по-хозяйски, покровительственно обращались к шимпам, покритиковали все, что они сделали вместе, Роберт чувствовал себя ребенком, которому до поры до времени разрешали играть героя. Но теперь ему предстоит вынести родительское поглаживание по головке. А оно обжигает, хотя и означает похвалу.

Аналогия не слишком верная, чувствовал Роберт, но справедливая.

Он молча вздохнул и пошел подальше от кабинета и арсенала, которые раньше делил с Атакленой, а теперь заняли взрослые.

* * *

Только снова оказавшись под высоким лесным пологом, Роберт понял, что может дышать свободно. Знакомый аромат деревьев очищал легкие от влажных запахов пещер. Впереди и

по бокам шли разведчики, которых он хорошо знает, быстрые, верные: они выглядели свирепо со своими самострелами и черными лицами. «Мои шимпы», — подумал он, испытывая при этих словах легкий комплекс вины и собственника, которые не оставляли его. Все равно как в «прежние времена», до вчерашнего дня, когда он считал себя нужным и важным.

Однако иллюзия тут же рассеялась. Рядом послышался голос лейтенанта Маккью.

— Эти горные леса очень красивы, — сказала она. — Жаль, что мне не пришлось побывать здесь до начала войны. — Она наклонилась и притронулась к цветку с голубыми прожилками; тот сложился от прикосновения и спрятался в зарослях. — Я читала об этом, но впервые вижу своими глазами.

Роберт уклончиво улыбнулся. Он будет вежлив и ответит на прямой вопрос, но разговор его не интересует, особенно с заместителем майора Пратачулторна.

Лидия Маккью — спортивная молодая женщина, со смуглым приятным лицом. Движения, гибкие, как у разведчика или убийцы, и в то же время грациозные. Одетую в домотканую набедренную повязку и блузу, ее можно было бы

принять за деревенскую танцовщицу, если бы не арбалет с автоматическим заводом, который она, как ребенка, несет на руке. В карманах у нее достаточно стрел, чтобы превратить в подушечку для иголок всех губру на сто километров вокруг. И ножи у нее на запястьях и в голенищах не для красы.

Она легко держалась рядом с ним на пересеченной местности и в путанице лиан, хотя он шел быстро. И хорошо, потому что он не собирался задерживаться. В глубине души Роберт понимал, что он несправедлив. По-своему она очень неплохой человек — как профессиональный солдат. Но почему-то все привлекательное в ней еще больше раздражало его.

Роберт жалел, что Атаклена не захотела пойти с ним. Но она настояла на том, чтобы остаться на поляне у пещер, экспериментируя с движущимися лианами и создавая странные глифы, слишком тонкие для его слабого восприятия. Роберт обиделся и на первых же километрах чуть не загнал свой эскорт.

— Так много жизни. — Земная женщина держалась рядом, вдыхая лесные запахи. — Мирное место.

«Ты ошибаешься в обоих случаях», — подумал

Роберт с тенью презрения к ее неспособности понять правду Гарта, правду, которую он ощущает вокруг себя. Благодаря урокам Атаклены он теперь мог воспринимать, пусть неуверенно и неглубоко, следы волн жизни, которые прокатываются по тихому лесу.

— Это несчастная земля, — просто сказал он. Но не стал уточнять, хотя она удивленно взглянула на него. Его примитивное эмпатическое чувство отступило перед ее смятением.

Некоторое время они двигались молча. Утро переходило в полдень.

Где-то поблизости послышался свист разведчиков, и они укрылись в густых ветвях. Над головой пролетал большой крейсер. Выждав, Роберт, не сказав ни слова, зашагал дальше.

Наконец Лидия Маккью вновь заговорила.

— Это место, куда мы идем, — сказала она, — этот Хаулеттс-Центр. Расскажите мне о нем.

Он не может отказать: ведь Пратачулторн послал ее ознакомиться с обстановкой. Роберт старался говорить бесстрастно, но в голосе прорывались эмоции. Следуя ее негромким вопросам, Роберт рассказал Лидии Маккью о замечательной, хотя и незавершенной работе ученых, которая так печально закончилась. Его мать,

разумеется, ничего не знала о Хаулеттс-Центре. Сам он лишь случайно узнал о нем за год до вторжения и решил хранить молчание.

Конечно, теперь смелый эксперимент завершился. Потребуется чудо, чтобы спасти неогорилл от стерилизации, сейчас, когда тайна стала известна людям типа майора Пратачулторна.

Пратачулторн может ненавидеть галактическую цивилизацию со страстью, граничащей с фанатизмом, но он понимает, что люди не должны нарушать торжественные договоры с галактическими Институтами. Сейчас единственная надежда Земли на древний кодекс Прародителей. И, чтобы оставаться под защитой этого кодекса, слабые кланы, подобно жене Цезаря, должны быть выше подозрений.

Лидия Маккью внимательно слушала. У нее широкие скулы и страстные глубокие глаза, но Роберту больно смотреть в них. Слишком они близко посажены, слишком неподвижны. И он видел лишь тропу впереди.

Но мягкий голос женщины-офицера привлекал его. Роберт с удивлением обнаружил, что продолжает болтать, теперь уже о Фибене Болджере, о том, как они спаслись во время газовой бомбардировки фермы Мендозы, о первом походе его

друга в Синд.

И о втором, из которого он не вернулся.

Они пересекли хребет, покрытый странными камнями-чешуями, и оказались на площадке над узкой долиной, к западу от прохода Лорне. Роберт указал на развалины нескольких зданий.

— Хаулеттс-Центр, — просто сказал он.

— Здесь вы заставили губру принять шимпов, как равных противников? И принудили их сдаться? — спросила Лидия Маккью. Роберт почувствовал, что в голосе ее звучит уважение, повернулся и бросил на нее взгляд. Она ответила улыбкой. Роберт понял, что краснеет.

Он быстро отвернулся, указал на ближайший склон и принялся рассказывать, как организовали засаду, как она подействовала. Он опустил только собственный полет с трамплина и нападение на часового губру. В конце концов его роль второстепенная, главную тогда играли шимпы. И он хотел, чтобы земляне-офицеры знали это.

Он заканчивал рассказ, когда подошла Элси. Шимми отдала честь. До прихода военных в этом не было необходимости.

— Не знаю, что там внизу происходит, сэр, — честно сказала она. — Губру очень интересовались этими развалинами. Они могут вернуться.

Роберт покачал головой.

— Бенджамин принял капитуляцию выживших врагов при условии, что губру в этой долине появляться не будут и снимут наблюдение даже за подходами к ней. Есть признаки нарушения договора?

Элси покачала головой.

— Нет, но... — Она поджала губы, воздержавшись от замечания, что не слишком умно полагаться на слово ити.

Роберт улыбнулся.

— Ну, тогда пошли. Если поторопимся, к заходу вернемся.

Элси пожала плечами, сделала несколько быстрых жестов руками. Шимпы выскочили из-за камней и устремились в лес. Спустя короткое время послышался разрешающий свист. Остальная часть группы быстро пересекла открытое место.

— Они хороши, — негромко заметила Лидия Маккью, когда они снова оказались под деревьями.

Роберт кивнул, заметив, что она не добавила «для любителей», как поступил бы Пратачулторн, за что мысленно поблагодарил ее. Но в то же время хотел, чтобы она была менее учтивой.

Скоро они уже подходили к развалинам, стара-

тельно отыскивая следы пребывания кого-нибудь после битвы. Но таких признаков не было, хотя это не ослабило бдительности шимпов. Роберт пытался кеннировать, использовать Сеть, чтобы обнаружить присутствие врага, но мешали собственные чувства. Он жалел, что с ними нет Атаклены.

Разрушение Хаулеттс-Центра оказалось сильнее, чем ожидалось при наблюдении со склона. Почерневшие от огня стены зданий рухнули под напором джунглей, бывшие газоны буйно заросли. Машины губру, с которых давно сняли все ценное, лежали в зарослях травы, доходившей Роберту до пояса.

«Нет, здесь явно никто не появлялся, — подумал Роберт. Он пробирался через развалины. Ничего интересного не осталось. — Зачем я пришел сюда?» — подумал он. Он знал, что его идея — лишь предлог, чтобы сбежать из пещер, уйти подальше от Пратачулторна.

Уйти от неприятной правды о себе самом.

Возможно, одна из причин его прихода сюда в том, что именно здесь он вплотную столкнулся с врагом.

Или он надеялся вернуть недавнее ощущение, когда ходил по мирным лесам. Он надеялся

прийти сюда с другой женщиной, не с той, что сопровождает его, подвергая все профессиональному осмотру.

Роберт отбросил мрачные мысли и направился к разбитым вражеским танкам. Опустился на одно колено, отвел высокую буйную траву.

Механизмы губру, внутренности бронированных машин, коробки передач, крылья лопастей, гравитика...

Многие части покрылись тонкой желтоватой патиной. В некоторых местах блестящая пластмасса обесцветилась, утончилась и даже сломалась. Роберт потянул, и в руках его оказался небольшой кусок.

«Да будь я синеносым взломщиком! Я прав. Моя догадка подтверждается».

— Что это? — спросила у него за плечом лейтенант Лидия Маккью.

Он покачал головой.

— Пока не знаю. Но как будто что-то разъело эти части.

— Можно мне поглядеть?

Роберт протянул ей кусок корродированного керамета.

— Ради этого вы хотели прийти сюда? Вы догадывались об этом?

Он не видел смысла рассказывать ей обо всех причинах, в том числе личных.

— Да, в основном. Я подумал, может, мы используем это, как оружие. Все записи и установки сожгли, когда эвакуировали центр. Но уничтожить микробы, созданные в лаборатории доктора Шульца, не смогли.

Он не стал добавлять, что у него в рюкзаке флакон со слюной горилл. Если бы он не обнаружил вооружение губру в таком состоянии, то поставил бы собственный эксперимент.

— Хм. — Материал раскрошился в руке Лидии Маккью. Она забралась под машину и стала разглядывать поврежденные части. Наконец выбралась и села рядом с Робертом.

— Может, и пригодится, но остается проблема доставки. Мы не станем покидать горы, чтобы поливать микробами установки губру в Порт-Хелении.

— К тому же биооружие быстро теряет свою эффективность. Нужно будет использовать все одновременно и неожиданно, потому что обычно принимаются быстрые и надежные меры. Через несколько недель микроорганизмы будут нейтрализованы — химически или путем клонирования другого микроорганизма, который

уничтожит наши.

— Но все равно. — Она повертела в руках новый кусок и с улыбкой посмотрела на Роберта. — Это здорово. То, что вы сделали раньше, и это... Именно так надо вести партизанскую войну! Мы сможем это использовать.

Она так открыто и дружески улыбалась, что Роберт не мог не ответить.

И почувствовал зов плоти, который пытался подавить весь день.

«Черт возьми, она привлекательна», — жалобно подумал он. Тело сигнализировало ему сильнее, чем в присутствии Атаклены. А он ведь едва знает эту женщину! Она ему не нравится и он не связан с ней, как с тимбрими, супружеством.

Но во рту у него пересохло, сердце забилось быстрее, когда она смотрела на него, узкоглазая, тонконосая, с высокими бровями, женщина...

— Пора возвращаться, — быстро сказал он. — Идите вперед и возьмите образцы, лейтенант. Испытаем их на базе.

Не обращая внимания на ее долгий взгляд, он встал и сделал знак Элси.

Скоро с образцами в рюкзаках они снова поднимались к камням-чешуям.

Бдительные стражи с явным удовольствием

снова скрылись в лесу.

Роберт шел, не глядя под ноги. Он пытался не думать о другом представителе своей расы, идущем рядом. И потому хмурился и холодно прятался за завесой из собственных мыслей.

Глава 59
ФИБЕН

Фибен и Гайлет сидели рядом под немигающими взглядами специалистов губру в масках, которые направляли на двух шимпов свои приборы с бесстрастной аккуратностью экспериментаторов. Со всех сторон на них нацелились шары с многочисленными линзами и плоские экраны. Испытательная станция представляла собой путаницу труб и стерильных блестящих машин.

И все же от этого места разило птицами-чужаками. Фибен сморщил нос и снова запретил себе негативные мысли о губру. Несомненно, среди этих машин есть и пси-детекторы. И хотя он сомневался, чтобы они действительно могли «прочесть его мысли», общее отношение галакты могут определить.

Фибен искал предмет для размышлений. На-

клонился влево и обратился к Гайлет.

— Я разговаривал с Сильвией, перед тем как за нами пришли сегодня утром. Она сказала, что не посещала «Обезьянью гроздь» с того вечера, когда я пришел в Порт-Хелению.

Гайлет посмотрела на Фибена напряженно и неодобрительно.

— Ну и что? Может, сейчас таких игр, как ее стриптиз, больше нет, но губру найдут применение ее разнообразным талантам.

— С тех пор она отказалась делать что-либо подобное, Гайлет. Честно. Не понимаю, почему ты так враждебно к ней настроена.

— А я не понимаю, как ты можешь быть дружески расположен к тюремщику! — выпалила Гайлет. — Она проби и коллаборационист!

Фибен покачал головой.

— На самом деле Сильвия не проби, даже не серая или желтая, она имела зеленую репрокарту. Она присоединилась к ним, потому что...

— Меня не интересуют ее причины! О, представляю, какую печальную историю она тебе поведала, недотепа, хлопая ресницами и размягчая тебя, чтобы...

Из соседней машины послышался низкий атональный голос:

— Молодые разумные неошимпанзе... тише. Тише, юные клиенты...

Гайлет отвернулась, стиснув зубы.

Фибен мигнул. «Хотел бы я лучше понимать ее», — подумал он. Зачастую он не мог предположить, что может вывести Гайлет из себя.

Прежде всего мрачное настроение Гайлет вынудило его разговаривать с Сильвией, просто ради компании. Он хотел объяснить это Гайлет, но решил, что ни к чему хорошему это не приведет. Лучше подождать, пока она сама справится со своими чувствами. Так всегда бывает.

Всего час назад они смеялись, шутили друг с другом, разбирая сложные механические головоломки, забыв на время о немигающих механических взглядах. Закончив и взглянув на сложенную ими башню, они поняли, что удивили наблюдателей. И в этот момент рука Гайлет невинно и дружески проскользнула в его руку.

И все время так. Фибен иногда чувствовал, что этот опыт полезен для него. Впервые в жизни, например, у него нашлось время, чтобы просто посидеть и подумать. Теперь им разрешили книги, и Фибен получил несколько томов, которые давно хотел прочесть. Разговоры с Гайлет приоткрыли перед ним таинственный мир науки о

чужаках. Он, в свою очередь, рассказывал ей о том, какую грандиозную работу начали здесь, на Гарте, осторожно приводя разрушенную экосистему в первоначальное состояние.

Но постоянно возникали длинные мрачные паузы, когда часы тянулись бесконечно. В такие моменты над ними словно нависал полог угрюмости.

Стены, казалось, смыкаются, разговор постоянно возвращался к войне, к воспоминаниям о подавленном восстании и потерянных друзьях и к тоскливым размышлением о судьбе самой Земли.

В такие периоды Фибену казалось, что он готов отдать всякую надежду на долгую жизнь за несколько часов свободы под деревьями и чистым небом.

Так что даже новые тесты губру принесли обоим облегчение.

Без всякого предупреждения машины отъехали, и перед скамьей открылся широкий проход. «Мы закончили, закончили... Вы делали хорошо, хорошо... А теперь идите за шаром, идите за ним к транспорту».

Фибен и Гайлет встали, и перед ними возникла коричневая октаэдральная проекция. Не глядя

друг на друга, они пошли вслед за голограммой, миновали техников-чужаков, вышли из испытательного помещения и пошли по длинному коридору.

Мимо с негромким гулом хорошо отлаженных механизмов скользили служебные роботы. Однажды из двери кабинета выскочил кваку, бросил на них удивленный взгляд и снова исчез за дверью. Наконец Фибен и Гайлет вышли через большой портал на солнечный свет. Фибену пришлось закрыть глаза.

Стоял отличный день, но чувствуется, что короткое лето уже кончается.

Шимпы на улицах за лагерем губру были одеты в легкие свитера — еще один признак близкой осени.

Никто из шимпов не смотрел на них. Расстояние слишком велико, чтобы Фибен смог понять, каково их настроение, или надеяться, что кто-нибудь узнает его или Гайлет.

— Назад поедем в другой машине, — прошептала Гайлет. Она указала на посадочную площадку внизу. Действительно, желто-коричневый военный фургон, который привез их сюда, сменился большой открытой баржей на воздушной подушке. За местом пилота стоял высокий резной

пьедестал. Слуги-кваку держали зонтик, закрывая клюв и гребень хозяина от яркого света Гимельхая.

Крупного губру они узнали. Его густой, слегка блестящий плюмаж казался в большем беспорядке, чем в прошлый раз, в полутемной камере тюрьмы, в которой их содержали. И его оперение сильнее отличалось от оперения обычных функционеров губру. В нескольких местах радужные перья казались изорванными. На птичьем аристократе было полосатое ожерелье.

Сюзерен нетерпеливо расхаживал по насесту.

— Ну, ну, — прошептал Фибен. — Да ведь это наш старый друг, Что-то-о-Хорошем-Домоводстве.

Гайлет фыркнула, удерживаясь от смеха.

— Его зовут сюзерен Праведности, — напомнила она Фибену. — Полосатое ожерелье подтверждает, что он возглавляет касту священников. Помни, что нужно вести себя прилично. Не чешись и смотри, что делаю я.

— Буду повторять каждый ваш шаг, госпожа.

Гайлет не обратила внимания на его сарказм и вслед за ведущей голограммой прошла к ярко окрашенной барже. Фибен шел следом.

Когда они дошли до посадочной площадки,

голограмма исчезла. Кваку, с воротником из перьев ярко-розового цвета, чуть заметно поклонился им.

— Вам оказана честь... великая честь... наш патрон... благородный патрон соизволил показать вам... вам, полусформировавшимся... преимущества вашей судьбы.

Кваку говорил без помощи переводчика. Это само по себе чудо, учитывая его высокоспециализированные органы речи. В сущности, он говорил на англике очень правильно, только немного задыхаясь, отчего речь его казалась нервной и выжидательной.

Вряд ли легко работать на сюзерена Праведности. Фибен повторил поклон Гайлет и молчал, пока она отвечала.

— Внимание твоего хозяина для нас великая честь, высокий патрон из великою клана снизошел до нас, — сказала она медленно, на хорошем галактическом-семь. — Тем не менее мы, во имя своих патронов, сохраняем за собой право не одобрять его действия.

Даже Фибен ахнул. Собравшиеся кваку гневно заворковали, угрожающе распустили перья.

Их гнев прервали три резкие ноты. Передний кваку быстро повернулся и поклонился сюзерену,

который передвинулся на край насеста, ближе к двум шимпам. Раскрыв клюв, губру наклонился, разглядывая Гайлет сначала одним глазом, потом другим. Фибен обнаружил, что с него ручьями льет пот.

Наконец чужак выпрямился и зачирикал на собственном, с богатыми интонациями, варианте галактического-три. Только Фибен заметил, как дрожь облегчения пробежала по напряженной спине Гайлет. Он не понял слов сюзерена, но переводчик тут же произнес:

— Хорошо сказано... хорошо сказано... хорошо для клиентов клана Земли... Идите... идите и увидите... идите и увидите и услышите... вы не сможете не одобрить договор, даже именем своих патронов.

Фибен и Гайлет переглянулись и дружно поклонились.

* * *

Воздух позднего утра был чист, а слабый запах озона, вероятно, не предвещал дождя. Правда, такие древние приметы бесполезны в мире высокой технологии.

Баржа шла на юг мимо закрытых лодочных причалов Порт-Хелении и через залив. Фибен

впервые увидел, как изменилась гавань после прихода чужаков. Прежде всего сократился рыболовный флот. Только один из каждых четырех траулеров не лежал на берегу или в сухом доке. Почти таким же мертвым выглядел главный торговый порт. У причалов стояло несколько заброшенных мореходных судов; ясно, что уже много месяцев они бездействовали. Фибен видел, как медленно причаливает к берегу один из еще работающих рыболовных траулеров: по-видимому, какая-то случайная поломка, а экипаж из шимпов не в силах с ней справиться в море. Плоскодонный корабль поднимался и падал на волнах там, где море встречается с заливом.

Экипаж сражался изо всех сил, потому что проход в залив стал гораздо уже, чем раньше, в мирные дни. Половину протоки закрывал мощный изогнутый утес — кераметаллическая стена крепости чужаков. В легкой дымке то появлялся, то пропадал военный корабль губру. Капли воды конденсировались на его защитных экранах, играли радуги, и туман опускался на барахтающийся траулер, который, наконец, волны вынудили повернуть на север. Баржа сюзерена пролетела над ним; Фибен не видел лиц рыбаков, но заметил, с каким облегчением вздохнули

матросы, когда корабль наконец достиг тихих прибрежных вод.

От мыса Бореалис берег залива идет несколько километров на север, потом поворачивает непосредственно к Порт-Хелении. Этот высокий берег пуст, если не считать нескольких навигационных бакенов. Ветви сосен мягко шелестели на морском ветерке.

Однако на юге, через узкий пролив, все выглядело совершенно по-другому. За стоящим военным кораблем местность преобразована. Лес убрали, изменили очертания утеса. Вдали поднимался столб дыма и виднелось множество машин на воздушной подушке и тяжелых подъемников. Еще южнее, в сторону космопорта, возводились новые купола, как часть оборонительной сети губру; их сооружению пытались помешать партизаны своим неудачным нападением. Но баржа как будто направлялась не туда. Она повернула к новой строительной площадке на узкой холмистой полосе между заливом Аспинал и морем Гилмор.

Фибен понимал, что безнадежно пытаться узнать у хозяев, что там строят. Специалисты и служители кваку вежливы, но вежливость их угрюмая.

Вероятно, они подчинялись приказу. И никакой информации они не давали.

Гайлет подошла к поручню, где стоял Фибен, и взяла его за руку.

— Смотри, — прошептала она испуганно.

Баржа поднялась над холмом, и перед ними открылось удивительное зрелище.

Вершину одного из холмов у самого берега океана выровняли, а у ее основания находилась группа зданий, в которых Фибен узнал протонную энергетическую станцию. Оттуда вверх по склонам холма отходили многочисленные кабели. А на срезанной вершине располагалось полушарие плоскостью вверх; оно сверкало, как мраморная чаша в лучах солнца.

— Что это? Полевой энергетический проектор? Какое-то оружие?

Фибен покачал головой и наконец пожал плечами.

— Понятия не имею. Не похоже на военное сооружение. Но что бы оно ни делало, для этого требуется большая энергия. Ты только посмотри на эту станцию. Гудолл!

На них упала тень — не рваная пушистая прохлада облака, проходящего под солнцем, а резкий холод чего-то прочного и огромного. Фибен

вздрогнул, но не от перепада температур. Они с Гайлет пригнули головы, глядя на гигантский подъемник, проходящий всего в ста метрах над ними. Однако их хозяева-птицеподобные оставались невозмутимы. Сюзерен стоял на насесте, игнорируя гудящие поля, от которых вздрагивали шимпы.

«Они не любят неожиданностей, — подумал Фибен. — Но когда обладают информацией — сильны».

Их корабль начал длинный медленный облет строительной площадки. Фибен думал о назначении перевернутой чаши вверху, когда к нему подошел кваку с розовым воротником и слегка наклонил голову.

— Великий снисходит... оказывает любезность... и предлагает общность... взаимовыгодность... целей.

Сюзерен Праведности гордо восседал на своем насесте на другом конце баржи. Фибен жалел, что не может понять выражения лица губру. «Что у старой птицы на уме?!» — подумал он, но скорее риторически.

Гайлет ответила таким же легким поклоном.

— Пожалуйста, передай своему достопочтенному патрону, что мы покорно выслушаем его

предложение.

* * *

Галактический-три сюзерена звучал протокольно, и одновременно сюзерен исполнял жеманный танец вежливости. Переводчик не помог Фибену понять происходящее. Поэтому Фибен следил скорее за Гайлет, чем за губру, стараясь разобраться.

— ...допустимый пересмотр Ритуала Выбора и советника возвышения... изменения, вносимые в критические периоды ответственными представителями клиентов... должны быть выполнены точно в интересах расы их патронов...

Гайлет казалась потрясенной. Она недоверчиво смотрела на губру. Губы ее сжались в тонкую линию, переплетенные пальцы побелели от напряжения.

Сюзерен прекратил чирикать, переводчик еще некоторое время говорил, затем наступила тишина, слышался только свист ветра и слабое гудение машин баржи.

Гайлет глотнула. Поклонилась. Казалось, ей трудно говорить.

«Ты можешь», — молча подбадривал ее Фибен. Речевой барьер может поразить любого шимпа,

особенно в напряженной ситуации, но Фибен знал, что ничем не должен помогать Гайлет.

Гайлет закашлялась, снова глотнула и сумела произнести.

— Досто... почтенный старший... мы не можем говорить... от лица своих патронов... или даже всех шимпов Гарта. То, что ты предлагаешь...

Сюзерен снова заговорил, как будто она полностью ответила. Или просто считал, что патрон может прервать клиента, в этом нет нарушений этикета.

— Тебе не нужно... не нужно... отвечать немедленно, — произнес переводчик; губру чирикал и раскачивался на насесте. — Думай... соображай... обдумывай... тебе предоставят материалы. Ты получишь преимущество.

Чириканье снова смолкло, переводчик погудел и тоже затих. Сюзерен, по-видимому, отпустил их, просто закрыв глаза.

Словно по невидимому сигналу, пилот баржи повернул и повел корабль в сторону от строительства, к Порт-Хелении. Военный корабль в гавани, огромный и невозмутимый остался позади, в покрове тумана и радуг. Фибен и Гайлет вслед за кваку направились к сидениям в конце баржи.

— Что это все значит? — прошептал Фибен.

— Что за церемонию нам предлагали? Чего ждет от нас проклятая птица?

— Ш-ш-ш! — Гайлет знаком попросила Фибена молчать. — Объясню позже, Фибен. А сейчас дай мне подумать.

Она села в углу, обхватив колени руками, с отсутствующим видом почесала левую ногу. Ее рассеянный взгляд не изменился, когда Фибен сделал жест, словно хотел покопаться в ее шерсти. Она продолжала смотреть за горизонт, словно мысли ее были далеко-далеко.

* * *

В камере они обнаружили много изменений.

— Я думаю, мы выдержали испытание, — сказал Фибен, глядя на преобразившееся помещение.

Цепи убрали сразу же после первого посещения сюзерена, той темной ночью несколько недель назад. Потом солому заменили матрацами, и им позволили получать книги.

Но теперь прежняя обстановка казалась поистине спартанской. Пол накрыли плюшевым ковром, большую часть одной стены покрывала дорогая голографическая шпалера. Появились также удобства в виде кроватей, стульев и стола, и даже музыкальная установка.

— Нас подкупают, — сказал Фибен, перебирая кубы с музыкальными записями. — Черт возьми, у нас есть что-то нужное им. Может, сопротивление не разгромлено. Может, Атаклена и Роберт жалят их, и они хотят, чтобы мы...

— Это не имеет никакого отношения к твоему генералу, Фибен, — еле слышным шепотом отозвалась Гайлет. — Или почти не имеет. Дело гораздо серьезнее. — Лицо ее омрачилось, всю дорогу назад она молчала и нервничала. Иногда Фибену казалось, что он слышит, как вращаются колесики у нее в голове.

Гайлет знаком позвала его к новой голостене. В этот момент она изображала трехмерную сцену из абстрактных форм и рисунков — кажущуюся бесконечной последовательность блестящих кубов, шаров и пирамид, уходящих вдаль. Гайлет села, скрестив ноги, и повозилась с управлением.

— Дорогая установка, — сказала она чуть громче, чем необходимо. — Давай поиграем и посмотрим, что она может делать.

Фибен сел рядом с ней, а эвклидовы фигуры расплылись и исчезли.

Щелкнул контроллер под рукой Гайлет, и неожиданно стена растаяла и появилась новая

картинка — широкий песчаный пляж. Небо, вплоть до низкого серого горизонта, закрывали тучи, грозящие дождем. В двадцати метрах от берега катились волны прибоя, такие натуральные, что ноздри Фибена расширились, пытаясь уловить соленый запах.

Гайлет сосредоточилась на управлении.

— Это, должно быть, общий план, — услышал Фибен ее негромкий голос.

Прекрасная морская сцена исчезла, и на ее месте оказалась сплошная стена листвы. Картина джунглей, такая живая и настоящая, что Фибену захотелось перескочить и скрыться в чаще, если бы здесь имелось средство таинственной «телепортации», о которой любят писать фантасты, а не высококачественное голографическое изображение.

Глядя на пейзаж, выбранный Гайлет, он сразу понял, что это не Гарт.

Перевитый лианами тропический лес полон жизни, шума, дрожи, цвета и разнообразия. Кричали птицы и обезьяны-ревуны.

«Земля», — подумал он. Позволит ли ему галактика когда-нибудь осуществить свою мечту и побывать на родине? Вряд ли, судя по теперешнему состоянию дел.

Слова Гайлет вернули его к действительности.

— Сейчас попробую сделать еще реальнее. — Шум усилился. Их окружили голоса джунглей.

«Зачем она это делает?» — подумал Фибен.

Неожиданно он кое-что заметил. Увеличивая уровень звука, Гайлет одновременно сделала красноречивый жест. Фибен моргнул. Знак на детской речи, язык жестов, которым пользуются детеныши шимпов до четырех лет, когда им становится доступна звуковая речь.

«Взрослые слушают», — предупреждал этот знак.

Звуки джунглей, казалось, заполнили комнату, отражаясь от остальных стен.

— Вот так, — сказала Гайлет негромко. — Сейчас они не смогут нас услышать. Можем поговорить открыто.

— Но... — попытался возразить Фибен и снова увидел жест.

«Взрослые слушают».

Его уважение к Гайлет еще более возросло. Конечно, она знает, что этот простой способ не помешает подслушать каждое их слово. Но губру и их агенты, должно быть считают, что шимпы глупы, и поверят, что могут говорить откровенно. И если они немного подыгрывают противнику...

«Какую сложную сеть мы сплетаем», — подумал Фибен. По-настоящему шпионское приключение. Забавно — по-своему.

Но он также знал, что авантюра эта очень опасна.

— У сюзерена Праведности возникла проблема, — сказала Гайлет вслух.

Ее руки по-прежнему лежали на коленях.

— Он тебе сказал об этом? Но если у губру неприятности, почему...

— Я сказала не «у губру», хотя, вероятно, это тоже справедливо. Я говорю о самом сюзерене Праведности. У него неприятности с другими руководителями. По-видимому, какое-то время тому назад священник допустил ошибку и теперь расплачивается за это.

Фибен поразился тому, что высокомерный повелитель чужаков снизошел до клиентов землян и сообщил такую новость. Эта мысль ему не понравилась.

Вряд ли такую доверительность можно назвать нормальной.

— А в чем заключалась ошибка? — спросил он.

— Ну, во-первых, — ответила Гайлет, почесывая колено, — несколько месяцев назад он настоял на десанте в горы солдат Когтя и ученых.

— Зачем?

Лицо Гайлет приняло нейтральное и строго контролируемое выражение.

— Они искали... гартлингов.

— Что искали? — Фибен замигал и начал хохотать.

Потом смолк, встретив предупреждающий блеск ее глаз. Она отняла руку с колен и подала знак быть осторожнее.

— Гартлингов, — повторила Гайлет.

«Поразительная глупость и сверхъестественный вздор! — подумал Фибен. — Только невежественные шимпы с желтыми картами пугают своих детей сказками о гартлингах». Приятно было думать, что умудренные опытом губру клюнули на такие россказни.

Но Гайлет эта мысль не казалась веселой.

— Ты должен понять, Фибен, как возбудился сюзерен, когда поверил в существование гартлингов. Представь себе, какая удача для клана, получившего права на предразумную расу, пережившую катастрофу буруралли. Самое меньшее из последствий — немедленная передача лицензии на Гарт. Ее отнимут у Земли и передадут губру.

Фибен понял ее мысль.

— Но... но почему он подумал, будто...

— Кажется, это дело рук посла тимбрими Утакалтинга, Фибен. Помнишь тот день, когда взорвался архив? Когда ты пытался вскрыть дипломатический сейф тимбрими?

Фибен раскрыл рот и снова закрыл. Он пытался думать. Что за игру начала Гайлет?

Очевидно, сюзерен Праведности знает, что именно Фибен — тот самый шимп, которого видели в дыму и запахе жареных губру в день взрыва бывшего посольства тимбрими. Знает, что именно Фибен играл в рискованную игру со стражем сейфа, что он потом сбежал по склону утеса под самыми клювами солдат Когтя.

Знает, потому что ему сказала Гайлет? Но в таком случае рассказала ли она о тайном послании, которое нашел Фибен в нише сейфа и отнес Атаклене?

Он не может ее об этом спрашивать. Предупреждающий взгляд заставлял его молчать. «Надеюсь, она знает, что делает», — искренне взмолился он.

Фибен чувствовал, как взмокли ладони, покрылся испариной лоб.

— Продолжай, — обронил он.

— Твое появление уничтожило иммунитет сей-

фа и позволило губру заглянуть в него, вскрыть сейф. И тут они решили, что им повезло. Саморазрушающиеся системы сейфа частично отказали. И в сейфе нашли доказательства того, что посол тимбрими самостоятельно расследовал дело о гартлингах.

— Утакалтинг? Но... — И тут до Фибена дошло. Он смотрел на Гайлет, вытаращив глаза, потом согнулся и закашлялся, пытаясь подавить хохот. Краткий речевой барьер оказался настоящим благословением: Гайлет не пришлось утихомиривать его. Он кашлял и бил себя в грудь. — Прошу прощения, — выговорил он наконец с трудом.

— Теперь губру считают это искусным розыгрышем, — продолжала Гайлет.

«Без шуток», — молча подумал Фибен.

— Вдобавок к фальсификации Утакалтинг изъял из местной Библиотеки все файлы, связанные с возвышением, чтобы сюзерену показалось, что что-то скрывают. Губру дорого обошлась эта шутка Утакалтинга. Например, сюда привезли планетарную Библиотеку исследовательского класса. И они потеряли в горах немало ученых и солдат, прежде чем разобрались.

— Потеряли? — Фибен наклонился вперед. — Как потеряли?

— Шимпы-партизаны, — сжато ответила Гайлет, и снова бросила предупреждающий взгляд. «Послушай, Гайлет, — подумал Фибен. — Я ведь не дурак». Он прекрасно понимал, что нельзя говорить о Роберте и Атаклене. Он даже подумать о них боялся.

Но сдержать улыбку не смог. Вот почему кваку были так вежливы! Если шимпы ведут войну, и ведут по правилам, с ними в таком случае следует обращаться с минимальным, но уважением.

— Шимпы горных областей пережили тот первый день! Они ужалили захватчиков и продолжают жалить их! — Это он может себе позволить. Будет лишь правдоподобнее.

Гайлет напряженно улыбнулась. Эта новость, видимо, вызывала у нее противоположные чувства. Ведь ее часть восстания закончилась менее успешно.

«Итак, — подумал Фибен, — хитроумный розыгрыш Утакалтинга убедил губру, что есть на этой планете что-то не менее важное, чем колония, взятая в заложники. Гартлинги! Только представить себе! Они отправились в горы на поиски мифа. А генерал нашла способ нанести им ущерб, как только они оказались в пределах досягаемости. Как я жалею, что плохо думал о ее старике!

Какая блестящая шутка, Утакалтинг! Но теперь захватчики разобрались. Интересно, а что если...» Фибен заметил, что Гайлет пристально наблюдает за ним, словно читает его мысли. И понял по крайней мере одну причину, почему она не может быть откровенной с ним.

«Нам предстоит принять решение, — осознал он. — Надо ли пытаться обмануть губру?!»

Они с Гайлет могут попытаться еще какое-то время поддерживать розыгрыш Утакалтинга. Могут убедить сюзерена еще раз попытаться отыскать мифических гартлингов. Это стоило бы усилий и привлекло еще одну группу губру в горы, в руки партизан.

Но в состоянии ли они с Гайлет поддерживать этот миф? Хватит ли у них ума? И как это сделать? Он представил себе: «Да, масса, гартлинги все-таки существуют, да, хозяин. Ты можешь поверить братцу-шимпу, да, сэр».

Или можно попробовать противоположный подход. «О, брось меня в этот колючий куст...»

Ни тот, ни другой способ, разумеется, никак не напоминает подход Утакалтинга. Хитрый тимбрими играл тонко, по-змеиному. Фибен не мог и помышлять об игре на таком уровне.

И вообще, если губру поймают их на лжи, Фи-

бен и Гайлет утратят тот особый статус, который сегодня предложил им сюзерен. Фибен понятия не имел, чего хочет от них чужак, но это давало возможность узнать, что сооружают захватчики на морском берегу. А эта информация, возможно, очень ценная.

Нет, рисковать не стоит, заключил Фибен.

Теперь перед ним возникла новая проблема: как передать эти мысли Гайлет.

— Даже самая мудрая раса разумных имеет право на ошибку, — сказал он медленно, тщательно произнося каждое слово. — Особенно на чужой планете. — Делая вид, что ловит блоху, он сделал жест детского ручного языка: «Игра закончена?»

Очевидно, Гайлет была согласна с ним. Она решительно кивнула.

— Они поняли свою ошибку. И уверены, что гартлинги — это миф. Губру убеждены, что это ловушка тимбрими. Я поняла, что другие два сюзерена, те, что делят власть с верховным священником, не допустят больше бессмысленных походов в горы, где их могут подстрелить герильяс[12].

Фибен вздернул голову, сердце его заколо-

---

[12] Примечания: 12
Название партизан в Испании и Латинской Америке.

тилось. Но он тут же понял, что имела в виду Гайлет... Омонимы — один из многочисленных недостатков, унаследованных англиком от старого английского, японского и китайского языков. Галактические языки тщательно продуманы и организованы так, чтобы передавать максимум информации и устранить любую двусмысленность. А языки волчат развивались естественно, в них множество слов, которые звучат одинаково, но имеют разное значение.

Фибен обнаружил, что сжимает кулаки, и попытался расслабиться.

«Герильяс, а не гориллы. Она не знает о тайном проекте возвышения, который осуществлялся в горах, — уверял себя Фибен. — И не представляет себе, как многозначно звучат ее слова».

Однако это еще один повод раз и навсегда покончить с «шуткой» Утакалтинга. Тимбрими знал о существовании Хаулеттс-Центра не больше своей дочери; догадываясь о тайной работе, которая там ведется, он, несомненно, придумал бы другой розыгрыш. Не стал бы посылать губру в эти самые горы.

«Губру не должны возвращаться в Мулун, — понял Фибен. — Чистая удача, что они до сих пор не обнаружили рилл».

— Глупые птицы, — сказал он, подхватывая игру Гайлет. — Только представить себе: поверили в сказку тупых волчат. А кого они будут искать после гартлингов? Пана?

Выражение лица Гайлет стало нарочито неодобрительным.

— Повежливее, Фибен. — Но за этим выговором он почувствовал одобрение. Может быть, по разным причинам, но они пришли к соглашению.

Шутка Утакалтинга кончилась.

— Теперь они нацелились на нас, Фибен.

Фибен мигнул.

— На нас?

Она кивнула.

— Я полагаю, война для губру развивается не очень успешно. Они определенно не нашли корабль дельфинов, который все разыскивают на другом краю галактики. То, что они захватили Гарт в заложники, не испугало ни Землю, ни тимбрими, только усилило сопротивление и принесло Земле поддержку большинства нейтралов.

Фибен нахмурился. Уже давно он так не философствовал, не думал о положении пяти галактик, о «Стремительном», об осаде Земли. Что Гайлет знает точно, а о чем только догадывается?

Большая черная птица с шумом садилась на

стену рядом с ковром, на котором сидели Фибен и Гайлет. Она сделала шаг вперед и, казалось, принялась разглядывать Фибена вначале одним глазом, затем другим. Тукан напомнил ему сюзерена Праведности. Фибен вздрогнул.

— В любом случае, — продолжала Гайлет, — операция на Гарте отвлекает слишком много сил губру, особенно если мир вернется в галактику и Институт Цивилизованных Войн заставит их всего через несколько десятилетий вернуть планету. Мне кажется, они стараются найти удобный выход из ситуации.

Фибена осенило вдохновение.

— А сооружение на берегу — часть их плана, верно? Плана сюзерена, как вывернуться?

Гайлет поджала губы.

— Красочно сформулировано. Ты понял, что они строят?

Разноцветная птица на ветке резко каркнула и, казалось, принялась смеяться над Фибеном. Но когда он посмотрел в ее сторону, она уже серьезно занялась делом — выстукивала в лесной почве, что бы поклевать. Фибен снова посмотрел на Гайлет.

— Расскажи, — попросил он.

— Я не очень уверена, что точно повторю все,

что сказал сюзерен. Ты помнишь, я очень нервничала. — Она на мгновение закрыла глаза. — Говорит ли тебе о чем-нибудь... гиперпространственный шунт?

Фибен вскочил и попятился. Птица на стене вспорхнула и исчезла. Фибен недоверчиво смотрел на Гайлет.

— Что?.. Но это... это безумие! Строить шунт на поверхности планеты! Это просто не...

Он замолчал, вспомнив огромную мраморную чашу, гигантскую энергетическую станцию. Губы Фибена задрожали, он принялся нетерпеливо похрустывать косточками больших пальцев рук. Таким образом Фибен напоминал себе, что официально он почти равен человеку, что он должен мыслить как человек, сталкиваясь с чем-то невероятным.

— Что... — прошептал он, облизал губы и сосредоточился на словах. — Для чего?

— Я не очень поняла, — ответила Гайлет. Он почти не слышал ее за шумом призрачного леса. Она пальцем начертила на ковре знак, выражающий сомнение. — Я думаю, это сооружение первоначально предназначалось для церемонии по случаю находки гартлингов. Теперь сюзерену нужно как-то оправдать расходы. Вероятно, он

собирается использовать шунт как-то по-другому. Если я правильно поняла предводителя губру, Фибен, он собирается использовать шунт для нас.

Фибен снова сел. Они долго не осмеливались взглянуть друг на друга, застыв от собственного страха и неуверенности. Слышались только звуки джунглей; между деревьев голографического тропического леса собирался туман. Изображение птицы смотрело на них с изображения ветви. Когда призрачный туман сменился дождем, птица расправила свои вымышленные крылья и улетела.

Глава 60
УТАКАЛТИНГ

Теннанинец оказался упрям. Принять его не было возможности.

Каулта можно было счесть стереотипом, карикатурой на его народ — он грубовато-добродушный, открытый, честный до глупости и такой доверчивый, что доводил Утакалтинга до раздражения. Глиф тив'нус не в состоянии выразить замешательство Утакалтинга. За последние несколько дней нечто более ощутимое, нечто острое и язвительное, напоминающее челове-

ческую метафору, стало формироваться в нитях его короны.

Утакалтинг понял, что начинает сердиться.

Чем же можно вызвать подозрения Каулта? Утакалтинг подумал, не стоит ли поговорить во сне, высказать какие-нибудь намеки и признания. Хоть тогда что-нибудь пробьет толстый череп теннанинца? Или нужно отказаться от тонкостей и полностью переписать сценарий: пусть Каулт сам раскрывает нераскрытые страницы!

Утакалтинг знал, что индивидуумы внутри вида могут сильно различаться. А Каулт — аномалия даже среди теннанинцев. Ему никогда не придет в голову шпионить за своим спутником тимбрими. Утакалтинг не мог понять, как Каулт вообще попал в дипломаты.

К счастью, темные стороны характера его народа в нем отразились не сильно. Партия Каулта, по-видимому, не так лицемерна и не так убеждена в собственной непогрешимости, как те, что определяют политику клана. Жаль, потому что одним из последствий планировавшегося розыгрыша Утакалтинга, если он удастся, будет ослабление умеренного крыла.

Достойно сожаления. Но все равно только чудо приведет к власти сторонников Каулта, напом-

нил себе Утакалтинг. Если дела пойдут так и дальше, это спасет его от угрызений совести по поводу последствий розыгрыша. Сейчас он зашел в тупик. До сих пор путешествие приносит только раздражение. Единственное утешение: они все-таки не в концентрационном лагере губру.

Они находились на холмистой равнине, постепенно повышающейся и переходящей в южные склоны Мулунских гор. Бедная по разнообразию видов растительность уступала место менее монотонной — низкорослые деревья и эродированные террасы, чья красноватая и желтоватая почва блестела в утреннем свете, подмигивала, как будто намекая на тайны давно ушедших дней.

Путники все ближе подходили к горам, Утакалтинг продолжал следовать за голубоватым мерцанием, иногда таким слабым, что он едва различал его.

Он точно знал, что Каулт со своим специфическим зрением такой блеск вообще не заметит. Так он спланировал заранее.

Утакалтинг шел впереди и тщательно искал красноречивые намеки. Каждый раз, заметив такой знак, он делал одно и то же: старательно заметал следы, старался невзначай выбросить

каменные орудия, украдкой записывал что-то и тут же прятал записи, когда из-за поворота показывался его спутник.

Любой на его месте уже буквально кипел бы от любопытства. Но, увы, не Каулт.

В это утро настала очередь теннанинца идти впереди. Их путь пролегал мимо болотистой низины, все еще влажной от недавних обильных дождей. И прямо поперек их тропы шла цепочка отпечатков, проложенных не больше нескольких часов назад. Здесь явно проковылял кто-то на двух конечностях, опираясь на третью. Но Каулт равнодушно прошел мимо, втягивая воздух большими дыхательными щелями и гулко замечая, какой хороший и свежий сегодня день!

Утакалтинг утешался тем, что эта часть его плана всегда казалась ему рискованной. Наверно, она обречена на провал.

«Может, я недостаточно умен. А может, и мой народ, и народ Каулта выбрали для этой захолустной планеты самых тупых своих представителей».

Даже среди людей найдутся такие, которые придумали бы что-нибудь получше. Например, один из легендарных агентов земного Совета.

Конечно, никаких агентов или тимбрими, обла-

дающих большим воображением, на Гарте, когда разразился кризис, не оказалось. И Утакалтингу пришлось по своему разумению разрабатывать план.

Он думал о второй половине розыгрыша. Ясно, что губру клюнули на его наживку. Но насколько сильно? Сколько неприятностей он им доставил? Чего это стоило? И — что гораздо важнее с точки зрения галактического дипломата — сумел ли он поставить их в неловкое положение?

Если губру оказались такими же недалекими и неповоротливыми, как Каулт...

«Нет, на губру можно полагаться, — заверил себя Утакалтинг. — Они такие же искусные обманщики и лицемеры». Поэтому ими легче управлять, чем теннанинцами.

Он прикрыл глаза, определяя, насколько поднялось солнце. Становилось тепло. Послышался треск ветвей, сзади на тропе показался Каулт, он напевал походный марш, палкой освобождая себе дорогу. Утакалтинг подумал: «Если официально наши народы воюют друг с другом, почему Каулту невдомек, что я скрытничаю?»

— Хм, — произнес огромный теннанинец, приближаясь. — Коллега, почему мы остановились?

Слова он произнес на англике. Дипломаты

недавно решили каждый день практиковаться в новом языке. Утакалтинг указал на небо.

— Уже почти полдень, Каулт. Гимельхай начинает жечь. Нам нужно найти убежище и уйти с солнца.

Каулт раздул кожистый гребень.

— Уйти с солнца? Но мы не на... Ага! Волчий оборот речи. Очень глубокомысленно, Утакалтинг. Когда Гимельхай достигает зенита, действительно можно представить, что жаришься на его поверхности. Давай искать убежище.

Невдалеке на холме виднелась небольшая роща. На этот раз впереди шел Каулт, размахивая самодельным посохом, чтобы проложить тропинку в высокой траве.

Они уже привыкли к распределению обязанностей. Каулт выполнял тяжелую работу, он углублял нишу до прохладной почвы. А проворные руки Утакалтинга плели защиту от солнца. Потом они ложились на рюкзаки и пережидали полуденную жару.

Пока Утакалтинг дремал, Каулт забавлялся со своим карманным анализатором. Он подбирал ветви, ягоды, комочки земли, растирал их большими сильными пальцами и подносил к прорези прибора, а потом исследовал с помощью других

приборов, взятых с разбитой яхты.

Усердие Каулта особенно раздражало Утакалтинга: теннанинец серьезнейшим образом исследовал местную экосистему и при этом умудрялся не заметить ни одного подтасованного факта. «Может, именно потому, что я их подбрасываю», — размышлял Утакалтинг. Теннанинцы — народ педантичный.

Вероятно, мировоззрение Каулта не дает ему увидеть то, что выбивается из картины мира, которую нарисовали его тщательные исследования.

«Интересная мысль». Корона Утакалтинга создала глиф оценки удивления: он понял, что подход теннанинца, возможно, не так уж неверен и фундаментален, как считал сам Утакалтинг. Он заверял себя, что глупость делает Каулта неуязвимым для обмана, но...

«Но ведь в конце концов все эти следы действительно обман. Мой союзник в кустах специально оставляет следы, чтобы я их „нашел“ и „прятал“. Но Каулт упрямо игнорирует их. Может быть, его взгляд на мир просто вернее моего? Оказывается, его почти невозможно одурачить!» Правда это или нет, но мысль интересная. Сиртуну развевался и пытался подняться над короной, но она

лежала неподвижно, слишком ленивая, чтобы поднять глиф.

В мыслях Утакалтинг представил Атаклену.

Он знал, что его дочь жива. Попытаться узнать больше означало выдать себя пси-установкам врага. Но все-таки что-то в этих следах — на дрожащем уровне нахакиери — говорило Утакалтингу, что он много нового увидел бы в дочери, доведись им снова встретиться в этом мире.

«Но ведь существует предел родительской опеки, — словно говорил ему негромкий голос в полусне, — за которым ребенок сам создает свою судьбу».

«А что же с незнакомцами, которые вошли в ее жизнь?» — спросил Утакалтинг у мерцающей фигуры своей давно умершей жены, образ которой словно повис за его закрытыми глазами.

«Что с ними? Они тоже будут влиять на нее, а она на них. Но наше время подходит к концу!..»

Лицо ее видно так ясно... Это сон, обычный для людей, но которые редко бывают у тимбрими. Сон наяву, и значение его передается словами, а не глифами. От эмоций его пальцы задрожали.

Глаза Матиклуанны разошлись, а ее улыбка напомнила ему тот день в столице, когда впервые соприкоснулись их короны... и он остановился,

ошеломленный, посредине многолюдной улицы. Полуослепший от глифа без названия, он шел по ее следу по переулкам, через мосты, мимо темных кафе, искал ее с растущим отчаянием, пока наконец не нашел. Она ждала его на скамье всего в двенадцати систаарах от того места, где он впервые ощутил ее.

«Понимаешь? — спросила она во сне голосом той далекой девушки. — Мы формируемся, меняемся. Но бывшее в нас постоянным всегда остается».

Утакалтинг пошевелился. Изображение его жены дрогнуло, потом исчезло в волнах света. Глиф сиуллф-та висел на том месте, где только что стояла она. Он означает радость еще не решенной головоломки.

Утакалтинг вздохнул и сел, потирая глаза.

Почему-то он решил, что яркий дневной свет рассеет глиф. Но теперь сиуллф-та оказался не просто сном. Без участия Утакалтинга он медленно поднялся и поплыл к его спутнику, рослому теннанинцу.

Каулт сидел спиной к Утакалтингу, погрузившись в свое занятие, совершенно не замечая, как изменился сиуллф-та и превратился в сиуллф-куонн. Глиф повис над гребнем Каулта, остановился,

опустился и исчез. Утакалтинг удивленно смотрел. Каулт хмыкнул и повернулся. Теннанинец свистел сквозь дыхательные щели, затем отложил приборы и повернулся к Утакалтингу.

— Что-то очень странное творится здесь, коллега. Что-то такое, чего я не могу объяснить.

Утакалтинг, прежде чем ответить, облизнул губы.

— Скажи, что тебя озадачило, уважаемый посол.

Голос Каулта перешел в низкий рокот.

— Какое-то животное... кормилось ягодами недавно. Я уже несколько дней вижу следы его присутствия, Утакалтинг. Большое животное... слишком большое для Гарта.

Утакалтинг все еще думал, что сиуллф-куонн подействовал там, где пропали втуне многие его тонкие намеки.

— Правда? И это важно?

Каулт помолчал, словно не зная, что сказать. Наконец теннанинец вздохнул.

— Мой друг, это чрезвычайно странно. Должен сказать тебе, что не может после катастрофы бурурали существовать такое высокое животное, которое питается в кустах таким необычным способом.

— Что значит необычным?

Гребень Каулта раздувался короткими рывками, обозначая смущение.

— Только не смейтесь, коллега.

— Никогда! — солгал Утакалтинг.

— Я уверен, что у этого существа есть руки.

— Гм... — уклончиво произнес Утакалтинг. Тенанинец заговорил еще тише.

— Здесь какая-то тайна, коллега.

Утакалтинг сдержал корону, лицо его оставалось бесстрастным. Теперь он понял, почему возник сиуллф-куонн — глиф предчувствия удавшегося розыгрыша, который подействовал там, где все остальное оказалось бессильно.

«Шутка обернулась против меня!»

Утакалтинг посмотрел туда, где яркий солнечный свет начинал тускнеть от идущих с гор облаков. Там, в кустах, его союзник неделями оставляет «следы», с того самого времени, как яхта Утакалтинга оказалась именно там, где он хотел, — на краю болотистой местности к юго-востоку от гор. Маленький Джо-Джо, генетический мутант-шимп, который и говорить-то может только жестами, голый, как животное, оставляет загадочные следы, обрабатывает каменные орудия и бросает на их тропе, поддерживает

непрочный контакт с Утакалтингом с помощью синего сторожевого шара.

И все это части плана, который призван неизбежно привести теннанинца к убеждению, что на Гарте существует предразумная туземная жизнь. Но Каулт, казалось, ничего не видит! Ни один из специально созданных ключей!

Но что наконец-то заметил Каулт, так это самого Джо-Джо... последствия того, как кормился маленький шимп!

Утакалтинг понял, что сиуллф-куонн совершенно прав. Шутка над самим собой оказалась очень глубокой.

Ему показалось, что он снова слышит голос Матиклуанны. «Невозможно знать заранее...» — говорила она.

— Поразительно, — сказал Утакалтинг теннанинцу. — Просто поразительно!

Глава 61
АТАКЛЕНА

Иногда ее беспокоило, что она слишком привыкла к изменениям.

Преобразования рецепторов, перемещение жировых тканей, странное, почти человеческое

звучание голоса — она так привыкла ко всему этому, что иногда даже думала, сможет ли вернуться к традиционной тимбримийской морфологии.

Эта мысль пугала Атаклену.

До сих пор были жизненно необходимые причины поддерживать эти человекоподобные особенности. Она командовала армией полувозвышенных клиентов волчат, и тогда требовалось выглядеть женщиной, человеком, чтобы прочнее становилась связь между нею, шимпами и гориллами.

«И Робертом», — напомнила она себе.

Атаклена задумалась. Смогут ли они еще когда-нибудь испытать эту полузапретную сладость межвидового флирта? Сейчас это казалось совершенно невероятным. Их брак свелся к двум подписям на куске древесной коры: просто полезное политическое решение, былого не вернуть.

Она посмотрела вниз и увидела в мутной воде собственное отражение.

— Ни рыба, ни мясо, — прошептала она на англике, не помня, где слышала это выражение, но понимая его метафорический смысл. Если бы ее сейчас увидел юноша-тимбрими, он бы расхохотался. А что касается Роберта... что ж, еще месяц назад она чувствовала, что понимает его. Его

растущее притяжение, свирепый волчий голод — все это нравилось ей и льстило.

«Но сейчас он снова среди своих. А я одна».

Атаклена покачала головой, прогоняя тяжелые мысли.

Она взяла фляжку и разбила свое отражение, вылив в пруд четверть литра светлой жидкости. Со дня поднялась муть, закрывая тонкие нити-корни лиан, висящих над головой.

Это последний из цепи небольших водных бассейнов, в нескольких километрах от пещеры. Работала Атаклена сосредоточенно и делала записи.

Она понимала, что ей не хватает квалификации, она не специалист, и возмещала отсутствие навыков методичностью и аккуратностью. Ее простые опыты уже начали приносить полезные плоды. Если ее помощники вовремя вернутся с данными из соседней долины, у нее будет что показать майору Пратачулторну.

«Я могу казаться странной, но я все-таки тимбрими. Я докажу свою необходимость, хотя землянин и не считает меня бойцом».

Ее сосредоточенность была такой глубокой, а в лесу стояла такая тишина, что неожиданные слова прозвучали громом.

— Так вот ты где, Кленни! А я всюду тебя ищу.

Атаклена повернулась, едва не пролив янтарного цвета жидкость. Лианы вокруг словно превратились в сеть, поймавшую ее. Пульс мгновенно участился, но тут она узнала Роберта. Он смотрел на нее сверху с корня гигантского псевдодуба.

На нем мокасины, мягкая кожаная куртка и чулки. Лук и колчан за спиной делали его похожим на героя одного из рыцарских романов волчат, которые в детстве читала ей мать. Потребовалось гораздо больше времени, чтобы успокоиться, чем ей хотелось бы.

— Роберт. Ты испугал меня.

Он покраснел.

— Прости. Я не хотел.

Это не совсем так, и она это знает. Пси-щит Роберта стал лучше, чем раньше, и он, по-видимому, гордится тем, что смог подкрасться к ней незаметно. Простой, но четкий вариант кинивуллуна, как эльф, повис над головой Роберта. Если прищуришься, можно подумать, что рядом стоит молодой тимбрими...

Атаклена вздрогнула. Она уже решила, что не может позволить себе такое.

— Спускайся и садись, Роберт. Расскажи, что

ты делал.

Держась за ближайшую лиану, он легко спустился на ковер из листьев и подошел к темной воде, где лежал раскрытый ящик с экспериментальными жидкостями. Сняв лук и стрелы, Роберт сел, скрестив ноги.

— Я пытался быть полезным. — Он пожал плечами. — Пратачулторн закончил выкачивать из меня информацию. Теперь он хочет, чтобы я стал почетным офицером для поддержки морали шимпов. — Он заговорил высоким голосом, подражая южноазиатскому акценту майора. — Мы должны поддерживать боевой дух малышей, Онигл. Пусть чувствуют, что они нужны сопротивлению!

Атаклена кивнула, понимая и невысказанное Робертом. Несмотря на успехи партизан, Пратачулторн невысоко оценивал шимпов. По его мнению, они пригодны только для отвлекающих маневров или как вспомогательные части. И необученного, по-видимому, избалованного сынка планетарного координатора лучше всего использовать для связи с подобными детям клиентами.

— Мне казалось, Пратачулторну понравилась твоя идея использовать разлагающие бактерии

в наших интересах против губру, — сказала Атаклена.

Роберт напрягся. Он подобрал веточку и ловко перекатывал ее с пальца на палец.

— Он нашел эту мысль интересной: кишечные бактерии горилл растворяют броню губру. И позволил участвовать в моем проекте Бенджамину и еще нескольким техникам.

Атаклена попыталась разобраться в противоречивых чувствах Роберта.

— Разве лейтенант Маккью не помогла тебе убедить его?

Роберт отвел глаза при упоминании молодой женщины с Земли. И отгородился щитом, подкрепляя подозрения Атаклены.

— Да, Лидия помогла. Но Пратачулторн сказал, что невозможно доставить нужное количество бактерий к важнейшим установкам губру. Они все равно их обнаружат и нейтрализуют. Мне кажется, Пратачулторн считает это дело второстепенным по отношению к основному плану.

— А ты знаешь, что он задумал?

— Он улыбается и говорит, что собирается окровавить птичьи клювы. Разведка доносит про какие-то сооружения губру к югу от Порт-Хелении, и это хорошая цель. Но в подробности он не

вдается. «Вы ведь понимаете: стратегия и тактика — дело профессионалов». Но я пришел сюда не для того, чтобы говорить о Пратачулторне. Я хочу кое-что показать тебе. — Роберт сбросил рюкзак и достал из него что-то завернутое в ткань. Развернул. — Знакомо?

Вначале Атаклене показалось, что он держит комок ветоши с нитями, свисающими с краев. Посмотрев внимательно, она подумала, что предмет, лежащий на коленях Роберта, похож на какой-то сморщенный гриб. Роберт взялся за самый крупный узел, где сходилось большинство нитей, и потянул за них. Тонкая ткань развернулась на ветру.

— Кажется, я это где-то видела, Роберт. Я бы сказала, что это небольшой парашют, но он явно естественного происхождения... какое-то растение. — Она покачала головой.

— Горячо. Вспомни, что было несколько месяцев назад, Кленни... тот день... я думаю, мы его никогда не забудем.

Слова его были неясны, но мерцание эмпатии помогло оживить ее память.

— Это? — Атаклена потрогала мягкий, почти прозрачный материал. — Это плющ?

— Верно. — Роберт кивнул. — Весной верхние

слои блестящие, упругие и такие прочные, что на них можно ехать, как на санях...

— Если у тебя хорошая координация, — усмехнулась Атаклена.

— Гм, да. Но когда приходит осень, верхний слой вянет, становится таким. — Он помахал похожим на парашют плющом, держа за волокнистые нити, подставил под ветер. — Через несколько недель они будут еще легче.

Атаклена покачала головой.

— Я помню, ты объяснял мне способ размножения, верно?

— Правильно. Мешочки со спорами здесь, — он отвел руку и показал маленькую капсулу в том месте, где встречаются нити. — Ветры поздней осени переносят этот парашют. Небо заполняется ими, и на какое-то время полеты в воздухе становятся опасными. В городе в это время возникают серьезные проблемы.

— К счастью, я думаю, древнее животное, которое опыляло эти плющи, погибло в катастрофе бурурали, и почти все растения стерильны. Иначе половина Синда заросла бы ими. Те, кто ими питался, тоже давно вымерли.

— Поразительно. — Атаклена ощутила дрожь ауры Роберта. — Ты придумал, как использовать

эти штуки, верно?

Он снова сложил переносчик спор.

— Да. Есть идея. Но не думаю, чтобы Пратачулторн меня выслушал. Он уже навесил на меня ярлык — из-за моей матери.

Конечно, Меган Онигл сыграла немалую роль в том, как принял и отверг Роберта офицер морской пехоты. «Как может мать так недооценивать собственного сына?» — удивилась Атаклена. Люди прошли большой путь после темных столетий, но ей все равно жаль к'чу-нон — бедных волчат.

Им еще многое предстоит узнать о самих себе.

— Может быть, тебя Пратачулторн не станет слушать, Роберт. Но он прислушивается к мнению лейтенанта Маккью. Она тебя обязательно выслушает и передаст твою идею майору.

Роберт покачал головой.

— Не знаю.

— Почему нет? — спросила Атаклена. — Ты нравишься этой молодой девушке. Я совершенно уверена, что вижу в ее ауре...

— Не делай этого, Кленни, — выпалил Роберт. — Не надо совать нос в чувства других людей. Это... это не твое дело.

Она опустила голову.

— Наверно, ты прав. Но ты мой муж и друг,

Роберт, и когда ты раздражен и встревожен, это отражается на нас обоих.

— Пожалуй. — Он избегал ее взгляда.

— Тебя сексуально привлекает Лидия Маккью? — спросила Атаклена.

— Не понимаю, почему ты спрашиваешь...

— Потому что я не могу кеннировать тебя, Роберт! — взорвалась раздраженно Атаклена. — Ты больше не открыт для меня. Если ты испытываешь такие эмоции, поделись со мной. Может быть, я сумею тебе помочь.

Он посмотрел на нее, медленно заливаясь краской.

— Помочь мне?

— Конечно. Если ты хочешь эту женщину твоего вида, разве я не должна тебе помочь? Не должна помочь своему мужу стать счастливым?

Роберт только растерянно моргал, но в его прочном щите Атаклена обнаружила щели. Она ощущала, как напрягаются ее щупальца, касаются этих слабых мест, создают новый глиф.

— Ты обвиняешь себя из-за этих новых чувств, Роберт? Считаешь себя неверным мне? — Атаклена рассмеялась. — Но супруги из разных видов имеют право на любовников и любовниц из своего вида. Ты это знаешь! Чего же ты хочешь от

меня, Роберт? У нас определенно не может быть детей. А если бы были, страшно представить, какие бы чудовища получились!

На этот раз Роберт улыбнулся и посмотрел в сторону. В пространстве между ними ее глиф стал отчетливей.

— А что касается заместительного секса, ты знаешь, что я не способна дать тебе что-то, кроме раздражения, ты, сверходаренно-недоразвитый человек-обезьяна! Если ты найдешь кого-то, с кем можешь наслаждаться этим, почему я не должна этому радоваться?

— Все не так просто, Кленни... Я...

Она подняла руку и улыбнулась, заставив его замолчать.

— Я с тобой, Роберт, — негромко сказала она.

Смущение молодого человека смахивало на неопределенный квантовый потенциал, который колеблется между двумя состояниями. Он попытался отвести взгляд и сосредоточиться на своем. Потом вспомнил, чему научился, и раскрылся, позволяя кеннингу воспринять ее глиф, ее дар.

Ла'тстун повис, маня его. Роберт выдохнул и удивленно распахнул глаза, когда его собственная аура раскрылась, помимо его желания. Распустилась, как цветок. И что-то — двойник

ла'тстуна — появилось, резонируя, усиливая его ауру на фоне короны Атаклены.

Два ничего — один человеческий, другой тимбрими — соприкоснулись, игриво отскочили, снова соединились.

— Не бойся потерять то, что у тебя было со мной, Роберт, — прошептала Атаклена. — Разве какая-нибудь возлюбленная-человек сможет проделать такое?

В ответ он улыбнулся. Они вместе рассмеялись, а над их головами плясал двойной ла'тстун — глиф двойной близости.

* * *

Только позже, когда Роберт уже ушел, Атаклена опустила крепкий щит, которым закрыла собственные чувства и разрешила признаться себе, что завидует.

«Он пошел сейчас к ней».

Атаклена знала, что поступила правильно, сделала то, что нужно.

И все же как это несправедливо!

«Я выродок. И была им еще до того, как попала на эту планету. Теперь меня никто не узнает».

Роберт может иметь любовницу, но Атаклена и этим обделена. Она подобным образом утешится

среди сородичей.

«Касаться меня, держать меня, соединить его щупальца с моими, его тело с моим, заставить меня вспыхнуть...»

С некоторым удивлением Атаклена поняла, что впервые испытывает подобные чувства... стремление к мужчине своей расы — не другу, не соученику, а к возлюбленному — может быть, супругу.

Матиклуанна и Утакалтинг говорили ей, что когда-нибудь это произойдет. У каждой девушки своя судьба. Но теперь она испытывала горькое чувство, оно усилило ее одиночество. Отчасти она винила Роберта в том, что его вид так ограничен. Если бы и он мог изменить свое тело и встретиться с ней на полпути!

Но она тимбрими, она «хозяйка приспособляемости». Как далеко зашла она в собственных изменениях, Атаклена поняла, обнаружив влагу на щеках.

Она жалобно вытерла соленые слезы, первые в ее жизни.

Такой и нашли ее помощники, выполнив поручения и вернувшись несколько часов спустя. Она сидела на краю маленького мутного пруда, а осенний ветер раскачивал вершины деревьев и

гнал тяжелые дождевые тучи на восток, к серым горам.

Глава 62
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Стоимости и Бережливости тревожился. Все признаки указывали на Слияние, но то, в каком направлении оно развивалось, сюзерену не нравилось.

По другую сторону павильона сюзерен Луча и Когтя расхаживал перед своими помощниками. Он выглядел осанистее и величественнее, чем обычно. Под встрепанным оперением проглядывал красноватый пух командующего армией. Ни для одного присутствующего губру этот цвет не остался незамеченным. Скоро, может быть, через одну двенадцатидневку, процесс этот станет необратимым. У оккупационных сил появится царица.

Прихорашивая свои перья, сюзерен Стоимости и Бережливости думал о несправедливости происходящего. Его перья тоже подсохли, но признаков окончательной расцветки еще не наблюдалось.

Вначале его избрали кандидатом на пост по-

гибшего главного чиновника.

Он мечтал об этом, но не думал, что неожиданно окажется членом уже почти созревшего триумвирата! Остальные его участники уже далеко продвинулись по пути к сексуальности. И он вынужден догонять их.

Поначалу казалось, что это не так уж существенно. Ко всеобщему удивлению, новый сюзерен сразу начал набирать очки. Он показал, что двое других сюзеренов в период междуцарствия сделали массу опрометчивых шагов, и тем самым продвинулся вперед.

Было достигнуто новое равновесие. Защищая свою политическую позицию, адмирал и верховный священник проявили чудеса разума и изобретательности.

Но Слияние определяется правильностью общей политики! И высшая награда достанется тому предводителю, который окажется наиболее мудрым.

Таков истинный путь!

Однако чиновник знал, что многое часто решает случайность, капризы метаболизма.

«Или союз двух против третьего», — напомнил он себе. Сюзерен Стоимости и Бережливости сомневался теперь в мудрости своего последне-

го решения объединиться с адмиралом против Праведности. Тем самым он дал адмиралу почти неоспоримое преимущество.

Но у него не оставалось выбора! Священнику нужно противостоять, потому что сюзерен Праведности, по-видимому, совершенно утратил контроль!

Вначале эта чепуха насчет гартлингов. Если бы предшественник главного чиновника не умер, расточительность, вероятно, не стала бы чрезмерной. А так затратили огромные средства: доставили новую отраслевую планетарную Библиотеку, отправляли экспедиции в опасные горы, строили гиперпространственный шунт к церемонии принятия под опеку — а ведь еще нет того, кого можно принимать!

Возникала также проблема экологического управления. Сюзерен Праведности настаивал, что важно хотя бы на минимальном уровне восстановить экологическую программу землян по обновлению Гарта. Но сюзерен Луча и Когтя категорически отказался выпускать хоть одного человека с островов. И потому с огромными расходами помощь поступила извне. Корабль с садоводами линтенами, сохранившими нейтралитет в нынешнем кризисе, уже на пути к

Гарту. И только Великое Яйцо знает, сколько им придется платить!

Теперь, когда гиперпространственный шунт почти завершен, и сюзерен Праведности, и сюзерен Луча и Когтя признают, что слухи о гартлингах — розыгрыш тимбрими. Но не позволяют прекратить строительство.

Напротив. У каждого из них свои причины желать завершения строительства. Если бы чиновник согласился, возник бы консенсус, шаг вперед к политике, которой ждут Повелители Насестов. Но как можно соглашаться с подобным вздором?

Сюзерен Стоимости и Бережливости раздраженно зачирикал. Сюзерен Праведности опаздывает на очередную встречу. Его стремление к незыблемости моральных устоев, похоже, не доходит до необходимости быть элементарно вежливым.

К этому времени теоретически первоначальное соперничество кандидатов должно смениться взаимным уважением, затем страстью и, наконец, подлинным браком. Но вот они уже на грани Слияния, а по-прежнему исполняют танец взаимного отвращения.

Сюзерену Стоимости и Бережливости не нра-

вилось, как развиваются события, но, по крайней мере, у него будет одно утешение: рано или поздно Праведность сбросят с его надменного насеста.

Приблизился один из помощников главного чиновника, и сюзерен взял протянутую пластинку с сообщением. Поклевав ее содержимое, он задумался.

Снаружи началась суматоха — несомненно, появился третий предводитель. Но сюзерен Стоимости и Бережливости продолжал обдумывать сообщение, полученное от шпионов. «Скоро, да, скоро. Очень скоро мы проникнем в тайный план, план, который не может быть хорошей политикой. И тогда, возможно, увидим изменение, изменение в сексуальности... скоро».

Глава 63
ФИБЕН

Голова у него болела.

Когда он учился в университете, тоже приходилось заниматься сутки напролет. Фибен никогда не считал себя ученым, и экзамены заранее вызывали у него тошноту.

Но существовала и внеурочная деятельность,

поездки домой, каникулы, когда шен освобождался и мог немного позабавиться!

К тому же Фибену нравились его профессора. А от Гайлет Джонс он сейчас просто устал.

— Значит, ты считаешь галактическую социологию скучной и неинтересной? — обвиняюще воскликнула Гайлет, когда он в отвращении отшвырнул книги и отошел в дальний угол комнаты. — Жаль, что наш предмет не экология планеты, — сказала она. — Тогда, наверное, ты оказался бы учителем, а я учеником.

Фибен фыркнул.

— Спасибо за доверие. Я уже думал, что ты вообще все знаешь.

— Это нечестно! — Гайлет отложила тяжелую книгу. — Ты знаешь, что церемония всего через несколько недель. И нас с тобой будут считать представителями всей нашей расы! Разве не нужно постараться получше подготовиться?

— А ты уверена, что представляешь себе, какие знания понадобятся? А если планетарная экология не будет так уж важна?

Гайлет пожала плечами.

— Но она может оказаться важной.

— А может, механика, а может, космическое пилотирование, а может, пивоварение или сек-

суальные наклонности, помилуй меня Гудолл!

— В последнем случае нашей расе повезло, что именно тебя выбрали нашим представителем, верно? — парировала Гайлет. Наступило долгое напряженное молчание. Они сердито смотрели друг на друга. Наконец Гайлет подняла руку.

— Фибен, прости. Я знаю, что тебя это раздражает. Но ведь я тоже случайно попала в такой переплет.

«Да это и неважно, — подумал он. — Ты для него создана. Нет ни одной более рациональной, собранной и хладнокровной в нужные минуты шимми, чем ты».

— А что касается галактической социологии, Фибен, ты знаешь, что она важна по нескольким причинам.

Вот оно опять, это выражение в глазах Гайлет. Фибен понял, что за ее словами кроется что-то еще.

Формально ее слова означают, что представители шимпов должны соблюдать протокол и пройти во время ритуала принятия несколько обязательных тестов, иначе специалисты галактических Институтов объявят церемонию вне закона.

Сюзерен Праведности ясно дал понять, что их

судьба будет незавидной, если так случится.

Но есть и другая причина, почему Гайлет хочет, чтобы он знал как можно больше. «Вскоре мы подойдем к пункту, за которым нет возврата… когда уже не сможем отказаться от сотрудничества с сюзереном. Мы не можем открыто обсуждать это с Гайлет: нас постоянно прослушивают губру. Нам нужно действовать согласованно, а для нее это означает, что я должен быть образован».

Или, может, Гайлет просто не хочет одна нести все бремя ответственности, когда придет срок?

Несомненно, теперь Фибен знает о галактической цивилизации гораздо больше, чем до плена. Может быть, даже больше, чем когда-либо хотелось.

Сложная культура трех миллиардов лет, состоящая из тысяч различных пререкающихся кланов, удерживаемых сетью древних институтов и традиций, кружила Фибену голову. И временами у него появлялось отвращение: ощущение, что галакты — это избалованные ублюдки, сочетающие в себе худшие качества старых наций Земли до того, как человечество достигло зрелости.

Но потом материалы кристаллизуются, укладываются, и Гайлет ясно показывает ему, что данная традиция или принцип невероятно тонки

и содержат в себе с таким трудом обретенную за сотни миллионов лет мудрость.

Они уже доработались до такой степени, что Фибен не мог больше думать.

— Мне нужно проветриться, — сказал он. — Пойду пройдусь. — Он подошел к шкафу и схватил парку. — Увидимся через час.

Он постучал в дверь. Ее открыли. Фибен вышел и закрыл за собой дверь, не оглянувшись.

— Нужен эскорт, Фибен?

Шимми Сильвия в простом платье с длинными рукавами взяла куб с данными и внесла какое-то изменение. Глядя на нее сейчас, трудно представить, что это она танцевала в «Обезьяньей грозди», доводя до безумия толпу шенов. Улыбка у нее неуверенная, почти робкая. Фибену показалось, что сегодня она непривычно нервничает.

— А если я скажу нет? — спросил он. Но прежде чем Сильвия встревожилась, улыбнулся. — Шутка. Конечно, Сильвия. Дай мне Ровера-двенадцать. Это дружелюбный старый шар, он не очень пугает туземцев.

— Сторожевой робот РВЖ-12. Направляется для сопровождения Фибена Болджера, выходящего наружу, — сказала Сильвия в куб. В коридоре за ней раскрылась дверь, и оттуда вылетел сторо-

жевой шар-робот, дистанционно управляемый, простой вариант боевого робота. Его единственное назначение — следовать за пленником и следить, чтобы он не убежал.

— Приятно пройтись, Фибен.

Он подмигнул Сильвии и картаво произнес: «А какой еще может быть прогулка пленника, девушка?»

«Последней, — сам себе ответил Фибен. — Той, что ведет к виселице».

Он весело помахал рукой.

— Пошли, Ровер. — Дверь с шипением раскрылась, и он вышел в прохладный осенний день.

Многое изменилось со времени их пленения. Когда они с Гайлет стали неотъемлемой частью непостижимого плана сюзерена Праведности, условия их содержания изменились в лучшую сторону. «Я по-прежнему ненавижу это место», — думал Фибен, спускаясь по бетонным ступеням и идя по заросшему саду к внешним воротам. На высоких стенах по углам медленно поворачивались сложные роботы-наблюдатели. У выхода Фибен столкнулся со стражниками-шимпами.

К счастью, Железной Хватки не было, но остальные проби настроены не дружелюбнее. Хотя губру по-прежнему платят им, по-видимому,

новые хозяева к ним охладели. Не внесены изменения в программу возвышения на Гарте, ничего нового в генетической пирамиде. «Сюзерены пытались найти ошибки в программе возвышения неошимпанзе, — думал Фибен. — Но не нашли. Иначе зачем им готовить синюю и белую карту — меня и Гайлет, — к церемонии?» В сущности, использование проби в качестве пятой колонны принесло губру одни неприятности. Население из шимпов их возненавидело.

Ни одним словом не обменялись Фибен и стражи в пестрых комбинезонах.

Все хорошо понимали ритуал. Он не обращал на них внимания, они бездельничали, лишь бы не давать ему повода пожаловаться. Однажды, когда тюремщики слишком долго доставали ключи, Фибен просто повернулся и ушел назад. Ему даже ничего не пришлось говорить Сильвии. После вахты эти стражники исчезли, и Фибен их больше никогда не видел.

Но на этот раз Фибен неожиданно для самого себя нарушил традицию и заговорил.

— Прекрасная погода, верно?

Проби повыше ростом удивленно посмотрел на него. Что-то в этом шимпе в пестром комбинезоне показалось Фибену странно знакомым, хотя

он готов дать голову на отсечение, что никогда раньше его не видел.

— Шутишь? — Стражник посмотрел на темные дождевые облака. Надвигается холодный фронт; должно быть, скоро пойдет дождь.

— Да, — Фибен улыбнулся. — Шучу. По-моему, слишком солнечно.

Стражник искоса взглянул на Фибена и отступил. Ворота заскрипели, и Фибен оказался на боковой улице, на которую выходили глухие стены соседних зданий. Ни он, ни Гайлет ни разу не видели соседей. Вероятно, местные шимпы опасаются показываться из-за Железной Хватки и роботов чужаков. Насвистывая, Фибен пошел к заливу, стараясь не обращать внимания на шар, который висел в метре над ним и чуть сзади. Когда Фибену впервые разрешили выйти, он избегал населенных районов Порт-Хелении, держался переулков, где некому глазеть на него. Но теперь он чувствовал, что может не избегать встреч.

Раньше он видел, как других шимпов сопровождают сторожевые шары.

Вначале он подумал, что это пленники, как он сам. Шимпы и шимми в рабочей одежде старались обходить подальше охраняемых шимпов, как и его самого.

Потом он заметил отличия. Те, кого сопровождали шары, одевались прилично и держались надменно. Фасеточные глаза и оружие их шаров нацеливались не на охраняемых пленников, а наружу. Квислинги, понял Фибен.

И его радовали взгляды, какими награждали другие шимпы высокопоставленных коллаборационистов, — взгляды, полные мрачной нескрываемой ненависти.

После этого у себя в камере он начертил на спине своей парки гордое слово ПЛЕННИК. И теперь его сопровождали не такие холодные взгляды. В них сквозило любопытство и даже уважение.

Шар запрограммирован не допускать его разговоров с другими шимпами.

Однажды, когда шимми бросила ему скомканный листок бумаги, он решил проверить терпимость машины. Нагнулся, чтобы поднять листок...

И очнулся позже в объятиях шара на полпути к тюрьме. После этого ему несколько дней не разрешали выходить.

Неважно, дело того стоило. Слухи об этом распространились. Теперь шимпы и шимми кивали ему, когда он проходил мимо магазинов и пи-

щевых линий. Некоторые даже делали руками подбадривающие знаки.

«Они нас не согнули», — гордо думал Фибен. Несколько предателей не в счет, главное — поведение всего народа. Фибен вспомнил, что читал о самых ужасных годах в жизни человечества до Контакта. Жители маленькой страны Дании сопротивлялись всем попыткам нацистов обесчеловечить их. Напротив, они проявили удивительное единство и благородство. Такому поведению стоило подражать.

— Мы продержимся, — отвечал он на языке жестов. — Земля помнит о нас и придет на выручку.

Он цеплялся за эту надежду, хотя делать это становилось все труднее.

По мере того, как он узнавал от Гайлет тонкости галактического закона, Фибен начинал понимать, что даже если во всем спиральном рукаве наступит мир, этого недостаточно, чтобы изгнать захватчиков. Такой древний клан, как губру, знает множество хитростей, много способов лишить клан помоложе лицензии на Гарт. Очевидно, птицеподобные стремятся покончить с притязаниями Земли и завладеть планетой в собственность.

Фибен знал, что сюзерен Праведности напрасно искал промаха людей в восстановлении экологии Гарта. Теперь, когда захватчики уничтожили плоды десятилетий напряженной работы, они не могут поднимать эту тему.

Сюзерен провел также месяцы в поисках неуловимых гартлингов. Если бы загадочные предразумные были найдены, это оправдало бы любые затраченные здесь средства. Наконец губру разобрались в розыгрыше Утакалтинга, но поиски не прекратили.

В целом, с самого начала вторжения губру пытались найти изъяны в возвышении неошимпанзе. И хотя они признали высокий статус таких шимпов, как Гайлет, это не означало, что они сдались.

Предстояла церемония принятия — и Фибен никак не мог уловить всего, что с ней связано, хотя Гайлет старалась объяснить ему.

Он почти не замечал шимпов на улицах, вспоминая отрывки из объяснений Гайлет.

— ...расы клиентов проходят через стадии, и переход на каждую новую стадию сопровождается церемониями, санкционированными галактическим Институтом возвышения... Эти церемонии очень дороги, и им можно помешать

политическими маневрами... Для губру оплатить и провести церемонию клиентов волчат беспрецедентно... И сюзерен предлагает убедить весь свой народ вести новую политику и прекратить вражду с Землей...

— Конечно, это подвох...

Фибен и так мог понять, что подвох будет обязательно.

Он покачал головой, словно прогоняя все эти слова. Что-то в Гайлет есть неестественное. С возвышением все хорошо, и она безупречный представитель возникающего неошимпанзейства, но ненормально так много и постоянно думать, не давая голове никакой передышки!

Наконец Фибен пришел на берег, где лежали лодки, вытащенные на случай шторма. С криками ныряли морские птицы, пытаясь выловить последнюю добычу, пока вода не стала неспокойной. Одна из них подлетела слишком близко к Фибену и получила предупредительный удар сторожевого робота. Птица, в биологическом смысле не ближе к птицеподобным губру, чем сам Фибен, в страхе и гневе закричала и улетела на запад.

Фибен нашел сиденье на конце пирса. Достал из кармана половину сандвича, который спрятал сегодня утром, и стал неторопливо жевать, глядя

на облака и воду. На короткий срок он сумел перестать думать и тревожиться. И ни слова не оставалось в голове.

Теперь все, что ему нужно для счастья, это банан, пиво — и свобода.

* * *

Примерно час спустя Ровер настойчиво загудел. Сторожевой робот разместился между Фибеном и водой и начал подскакивать.

Фибен со вздохом встал и отряхнулся. Пошел вдоль причала в сторону тюрьмы. На пронизываемых ветром улицах оставалось очень немного шимпов. Стражник со странно знакомым лицом нахмурился, когда Фибен подошел к воротам, но без промедления впустил его. «В тюрьму всегда легче войти, чем выйти из нее», — подумал Фибен.

Сильвия по-прежнему дежурила за своим столом.

— Хорошо прогулялся, Фибен?

— Гм. Тебе как-нибудь нужно пойти со мной. Мы заглянули бы в парк, и я показал бы тебе свою имитацию Читы. — И он дружески подмигнул ей.

— Я уже видела, и, когда вспоминаю, на меня

это производит сильное впечатление. — Но тон Сильвии не соответствовал игривой болтовне. Она казалась напряженной. — Заходи, Фибен. Я отключила Ровера.

— Хорошо. — Дверь с шипением открылась. — Спокойной ночи, Сильвия.

Гайлет сидела на ковре перед голографической стеной — теперь на ней жаркая саванна. Гайлет оторвалась от книги и сняла очки для чтения.

— Привет. Чувствуешь себя лучше?

— Да. — Он кивнул. — Прости за утреннюю сцену. Наверно, у меня был приступ комнатной лихорадки. Теперь я успокоился и могу продолжать работу.

— На сегодня достаточно. — Она похлопала по ковру. — Садись и почеши мне спину. А я отвечу взаимностью.

Фибена не нужно просить дважды. Надо отдать должное Гайлет: она отлично расчесывает. Он снял парку и сел рядом с Гайлет. И когда начал перебирать шерсть, она положила руку ему на колени. Скоро ее глаза закрылись. Дыхание вырывалось негромкими низкими вздохами.

Их взаимоотношения с Гайлет трудно поддаются определению. Они не любовники. Для большинства шимми это единственно возможные и

нормальные отношения, особенно в определенные периоды. Но Гайлет очень ясно дала понять, что у нее особое представление о сексуальности, больше похожее на человеческое, женское. Фибен понимал это и не приставал к ней.

Беда только в том, что он никак не мог выбросить ее из головы.

Он напоминал себе, что нельзя смешивать сексуальное влечение с другими вещами. «Я могу быть одержим ею, но я не спятил». Занятия любовью с этой шимми потребовали бы такого уровня, до которого он, пожалуй, еще не дорос.

Перебирая шерсть на шее Гайлет, он встретился с узелками напряжения.

— Эй, ты действительно напряжена! В чем дело? Эти проклятые гу...

Ее пальцы больно впились ему в колено, хотя Гайлет не шевельнулась.

Фибен соображал быстро и тут же продолжил:

— ...гуси-охранники приставали к тебе? Проби возбудились?

— А если да? Что бы ты сделал? Защищал бы мою честь? — Она рассмеялась. Но он чувствовал ее облегчение, разлившееся по телу. Что-то случилось, он никогда не видел Гайлет такой возбужденной.

Почесывая ей спину, он наткнулся на какой-то предмет... круглый, тонкий, похожий на диск.

— Мне кажется, там волосы запутались, — быстро сказала Гайлет, когда он начал его выпутывать. — Осторожней, Фибен.

— Хорошо. — Он наклонился. — Ты права, узел в волосах. Сейчас распутаю его зубами.

Ее спина дрожала. Приблизив лицо, он ощутил ее запах. «Как я и думал! Капсула для посланий!» Когда его глаз приблизился к капсуле, загорелся маленький голографический проектор. Луч вошел в зрачок и автоматически настроился на его сетчатку.

Он увидел текст в несколько строк. Но то, что он прочел, заставило его удивленно заморгать: документ был написан от его имени.

ЗАЯВЛЕНИЕ О ТОМ, ЧТО Я СОБЕРАЮСЬ ДЕЛАТЬ. ЗАПИСАНО ЛЕЙТЕНАНТОМ ФИБЕНОМ БОЛДЖЕРОМ, НЕОШИМПАНЗЕ.

ХОТЯ ВОВРЕМЯ ПЛЕНА СО МНОЙ ХОРОШО ОБРАЩАЛИСЬ И Я ЦЕНЮ ОТНОШЕНИЕ, КОТОРОЕ БЫЛО КО МНЕ ПРОЯВЛЕНО, БОЮСЬ, МНЕ ПРИДЕТЬСЯ УХОДИТЬ ОТСЮДА.

ПО-ПРЕЖНЕМУ ИДЕТ ВОЙНА, И МОЙ ДОЛГ БЕЖАТЬ, ЕСЛИ Я СМОГУ.

МОЙ ПОБЕГ НЕОЗНАЧАЕТ НИ КАКОГО

ОСКОРБЛЕНИЯ ДЛЯ СЮЗЕРЕНА ПРАВЕДНОСТИ И ДЛЯ ВСЕГО КЛАНА ГУБРУ. ПРОСТО Я СОХРОНЯЮ ВЕРНОСТЬ ЛЮДЯМ И СВОЕМУ КЛАНУ.

ЭТИМ ОБЪЕСНЯЕТСЯ ТО, ЧТО Я СОБИРАЮСЬ СДЕЛАТЬ.

Пространство под текстом красновато пульсировало, словно в ожидании.

Фибен мигнул. Он чуть отодвинулся, и сообщение исчезло.

Конечно, он знает о таких записях. Ему нужно только смотреть на красный участок и напряженно думать, и диск запишет его послание вместе с рисунком сетчатки. Равнозначно его личной подписи.

«Бегство! — Эта мысль заставила сердце Фибена биться чаще. — Но... как?»

Он, конечно, заметил, что в документе упоминается только его имя.

Если бы Гайлет намеревалась бежать с ним, она бы упомянула и себя.

И даже если это возможно, правильно ли он поступит? Он избран сюзереном Праведности партнером Гайлет в деле, может быть, самом сложном и опасном в истории их расы. Как может Фибен в такое время покинуть ее?

Он приблизил глаз и снова прочел текст, на-

пряженно размышляя.

Когда Гайлет смогла написать это? У нее есть связь с сопротивлением?

К тому же что-то в тексте показалось Фибену неправильным. Дело не только в орфографических ошибках. Фибен, бросив один взгляд, заметил, что текст нуждается в добавлениях и переработке.

Конечно. Написал кто-то другой, не Гайлет, а она просто передает ему, чтобы он прочел!

— Сюда заходила Сильвия, — сказала Гайлет. — Мы расчесывали друг друга. У нее неприятности с таким же узлом.

Сильвия! Вот как. Теперь неудивительно, почему она так нервничала.

Фибен пытался разгадать головоломку. Должно быть, диск прикрепила к Гайлет Сильвия... Нет, она принесла диск в своей шерсти, дала прочесть Гайлет и оставила с ее разрешения.

— Может, я ошибалась насчет Сильвии, — заметила Гайлет. — Мне показалось, что, в конце концов, она хорошая шимми. Не уверена, насколько можно на нее полагаться, но в основном она хорошая.

Что сообщает ему Гайлет? Что идея насчет Сильвии принадлежит не ей?

Гайлет, должно быть, обдумывала и другие предложения шимми; она не может говорить вслух. Даже посоветовать, во всяком случае открыто.

— Тугой узел, — сказал Фибен, оставив клочок влажной шерсти и откидываясь. — Через минуту попробую снова.

— Хорошо, не торопись. Уверена, ты справишься.

Фибен принялся расчесывать другое место, возле ее правого плеча, но в мыслях витал далеко.

«Давай, думай», — подгонял он себя.

Но все так неясно! Должно быть, оборудование сюзерена Праведности вышло из строя, когда Фибена выбирали образцом «продвинутого» неошимпанзе.

В данный момент Фибен чувствовал себя кем угодно, но не разумным существом.

«Ну, ладно, — сосредоточился он. — Итак, мне предлагают побег. Прежде всего, возможно ли это?»

Во-первых, Сильвия может быть провокатором, а ее предложение — ловушкой.

Но это не имеет никакого смысла! Фибен никогда не давал слова, не обещал не убегать, если представится возможность. Наоборот. Его долг

как офицера — бежать, особенно если он может это сделать вежливо, соблюдая традиции и протоколы поведения галактов. В сущности, принятие предложения должно рассматриваться как правильное решение. Если это еще один тест губру, он должен сказать «да». Такой ответ удовлетворил бы непостижимых ити... показал бы им, что он понимает обязанности клиента.

Но предложение может оказаться реальным. Фибен вспомнил поведение Сильвии. В последние несколько недель она выглядела очень дружелюбной. Невозможно поверить, что это просто игра.

«Хорошо. Но если это так, как она собирается вытащить меня отсюда?» Есть только один способ узнать — спросить ее. Любой побег связан с обманом следящих систем. Возможно, есть способ сделать это, но Сильвия сможет им воспользоваться только один раз. Как только он и Гайлет начнут задавать вопросы вслух, решение уже должно быть принято.

«На самом деле я решаю, стоит ли говорить Сильвии: „Хорошо, давай выслушаем твой план“. Если я скажу „да“, нужно приготовиться. Но куда уходить?»

Конечно, на это есть только один ответ. В горы,

к Атаклене и Роберту, докладывать все, что он узнал. Значит, придется выбираться не только из тюрьмы, но и из Порт-Хелении.

— У соро есть предание, — негромко сказала Гайлет. Глаза ее оставались закрытыми, она как будто совершенно расслабилась, пока он расчесывал ей плечо. — В нем рассказывается о некоем воине-паха. Это случилось, когда еще не закончилось возвышение паха. Хочешь послушать?

Фибен удивленно кивнул.

— Конечно, Гайлет.

— Хорошо. Ты ведь слышал о паха. Они хорошие воины и верные клиенты соро. Они успешно проходили тесты, которые предлагает Институт возвышения. И вот однажды соро решили возложить на них некую ответственность: послать группу паха охранять посольство соро в Семь Вращающихся Кланов.

— А, это цивилизация машин, верно?

— Да. Но они не преступники. Одна из культур машин, которая присоединилась к галактическому сообществу в качестве почетного члена. Обычно они стараются держаться подальше, живут в спиралях и рукавах с высокой плотностью, где не могут жить ни кислородо—, ни водорододышащие существа.

«К чему она клонит?» — думал Фибен.

— Ну вот, посол соро вел переговоры с Семью Вращающимися, а в это время разведчик-паха заметил что-то на краю местной системы и отправился посмотреть. И так уж случилось, что он увидел торговый корабль Семи Вращающихся, на который напали бродячие машины.

— Спятившие? Межпланетные пираты?

Гайлет содрогнулась.

— Ты начитался фантастики, Фибен. Нет, просто преступники-роботы в поисках добычи. Наш паха не получил ответа на свой запрос об инструкциях и решил проявить инициативу — вмешался в схватку, сверкая лазерами.

— Попробую догадаться. Он спас торговый корабль.

Она кивнула.

— Бродяги убежали. Семь Вращающихся были благодарны ему. И в качестве награды спорный вопрос выиграли соро.

— Так он герой.

Гайлет покачала головой.

— Нет. Его отправили домой, обесчестив за то, что он действовал по собственной инициативе.

— Сумасшедшие ити, — сказал Фибен.

— Нет, Фибен. — Она коснулась его колена.

— Это очень важно. Инициатива новой расы клиентов — это хорошо, но не во время деликатных переговоров на уровне галактов. Ты ведь не станешь доверять умному ребенку атомную энергетическую установку?

Фибен понял, к чему ведет Гайлет. Им предлагают сделку, которая кажется очень хорошей для Земли — внешне по крайней мере. Сюзерен Праведности предлагает финансировать церемонию принятия неошимпанзе. Губру не будут возражать против статуса патронов у людей и прекратят свою вражду с Землей. А в обмен он хочет, чтобы при помощи гиперпространственного шунта Фибен и Гайлет рассказали всем пяти галактикам, какие губру хорошие. Как будто действия губру направлены на спасение своего престижа, а для Земли это большая победа.

Но имеют ли они с Гайлет право принимать такое решение, думал Фибен. Ситуация чревата последствиями, которые они и представить себе не в состоянии. Потенциально смертоносными последствиями!

Сюзерен Праведности сказал им, что есть причины, по которым им нельзя проконсультироваться у предводителей людей. Его соперничество с другими сюзеренами достигает высшей

точки, и остальные могут не согласиться с тем, что придется раскрыть карты. Сюзерену Праведности нужен сюрприз, чтобы переиграть своих соперников и представить fait accompli[13].

Что-то здесь насторожило Фибена. Но чужаки и есть чужаки по определению. Он не может представить себе, чтобы человеческое общество было организовано так же.

Итак, Гайлет говорит ему, что они не должны участвовать в церемонии? Отлично! Что касается самого Фибена, она может решать. Им ведь нужно только отказать... вежливо, конечно.

Гайлет сказала:

— История на этом не заканчивается.

— Есть продолжение?

— О, да. Через несколько лет Семь Вращающихся представили доказательства, что воин-паха предпринял все возможное, чтобы связаться со своими патронами и получить инструкции, но состояние подпространства не позволило это сделать.

— И что же?

— Но для соро в этом крылась огромная разница! В первом случае он брал на себя ответ-

---

[13] Примечания: 13
Свершившийся факт (фр.)

ственность, к которой не готов. Во втором — он просто старался сделать как лучше! Разведчика посмертно оправдали, а его потомки получили права продвинутых в возвышении.

Повисло тяжелое молчание. Фибен напряженно думал. Неожиданно все для него стало ясно.

«Надо постараться. Вот что она имеет в виду. Непростительно соглашаться с сюзереном, не попытавшись посоветоваться с нашими патронами. Я могу потерпеть неудачу, вероятно, так и будет, но все равно я должен попытаться».

— Давай-ка еще раз посмотрим на этот узел. — Он наклонился и приблизил глаз к капсуле с посланием. Снова появились строки текста и пульсирующее красное пятно.

Фибен пристально смотрел на него, вчитываясь:

«Я согласен».

Пятно немедленно изменило цвет, удовлетворенное его согласием. «Что теперь?» — подумал Фибен, откидываясь.

* * *

Ответ пришел немного позже, когда неслышно открылась дверь. Вошла Сильвия, все в том же платье, и села перед ними.

— Наблюдение отключено. Я запустила в камеры ложную запись. Пройдет час, прежде чем их компьютеры что-то заподозрят.

Фибен снял с шерсти Гайлет диск, и она протянула за ним руку.

— Дай мне минуту, — прошептала Гайлет, отошла и вложила капсулу в свой личный куб информации. — Не обижайся, Сильвия, но нужно кое-что поправить. Фибен подпишет изменения.

— Я не обижаюсь; понятно, что вам нужно переделать запись. Я просто хотела объяснить вам свое предложение.

Все происходило слишком быстро. Фибен уже почувствовал прилив адреналина.

— Я ухожу?

— Мы уходим, — поправила Сильвия. — Ты и я. У меня заготовлены припасы, одежда. И я знаю, как выйти из города.

— Значит, ты с подпольем?

Она покачала головой.

— Я бы присоединилась с радостью, но это исключительно мое шоу. Я... я делаю это не даром.

— Чего же ты хочешь?

Сильвия покачала головой, показывая, что нужно подождать возвращения Гайлет.

— Если вы двое согласитесь рискнуть, я выйду и

позову ночного охранника. Я тщательно выбирала его и приложила много усилий, чтобы убедить Железную Хватку назначить его сегодня.

— А что особенного в этом парне?

— Может, ты заметил проби, похожего на тебя, Фибен, и с таким же телосложением. Сходство достаточное, чтобы в темноте на время одурачить роботов-шпионов, я думаю.

Так вот почему этот шен у ворот показался таким знакомым! Фибен быстро соображал.

— Ты его споишь, оставишь с Гайлет, а я переоденусь и воспользуюсь его пропуском.

— Поверь мне, все гораздо сложнее. — Сильвия нервничала и выглядела усталой. — Но в общем ты уловил. Мы сменяемся через двадцать минут. Нужно успеть до этого.

Вернулась Гайлет и протянула капсулу Фибену. Тот приблизил ее к глазу и внимательно прочел измененный текст, не потому что собирался критиковать работу Гайлет, но чтобы передать все подробно Роберту и Атаклене.

Гайлет переписала все сообщение.

ЗАЯВЛЕНИЕ О НАМЕРЕНИЯХ. ЗАПИСАНО ФИБЕНОМ БОЛДЖЕРОМ, А-ШИМПОМ АБ-ЧЕЛОВЕКОМ, КЛИЕНТОМ, ГРАЖДАНИНОМ ЗЕМНОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЛЕЙТЕНАНТОМ РЕЗЕРВА

КОЛОНИАЛЬНЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СИЛ ГАРТА.

Я ПРИЗНАЮ, ЧТО ВО ВРЕМЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СО МНОЙ ОБРАЩАЛИСЬ ВЕЖЛИВО; Я УВЕДОМЛЕН О ТОМ, ЧТО МНЕ УДЕЛИЛ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ВНИМАНИЕ ВЫСОКИЙ И УВАЖАЕМЫЙ СЮЗЕРЕН ВЕЛИКОГО КЛАНА ГУБРУ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ КАК ВОЕННЫЙ И УЧАСТНИК НАСТОЯЩЕЙ ВОЙНЫ МЕЖДУ МОИМ КЛАНОМ И КЛАНОМ ГУБРУ Я СЧИТАЮ, ЧТО ДОЛГ ЗАСТАВЛЯЕТ МЕНЯ СО ВСЕЙ ВЕЖЛИВОСТЬЮ И УВАЖЕНИЕМ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

ПЫТАЯСЬ БЕЖАТЬ, Я НИКОИМ ОБРАЗОМ НЕ ОТРИЦАЮ ЧЕСТИ, ОКАЗАННОЙ МНЕ ВЫСОКИМ СЮЗЕРЕНОМ, ПОСЧИТАВШИМ МЕНЯ ДОСТОЙНЫМ СТАТУСА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ.

ПРОДОЛЖАЯ ПОЧЕТНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ОККУПАЦИИ ГУБРУ ГАРТА, Я НАДЕЮСЬ, ЧТО ВЕДУ СЕБЯ, КАК ПОДОБАЕТ НАСТОЯЩЕМУ КЛИЕНТУ РАЗУМНЫХ, ВЫПОЛНЯЮЩЕМУ ВОЛЮ СВОИХ ПАТРОНОВ. Я ДЕЙСТВУЮ В ТРАДИЦИЯХ ГАЛАКТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА, НАСКОЛЬКО МОГУ ИХ ПОНЯТЬ.

«Да». Фибен достаточно усердно учился у Гайлет, чтобы понять, насколько лучше это сформулировано. Он снова зарегистрировал свое согласие, и снова записывающее пятно изменило

цвет. Фибен вернул диск Гайлет.

«Какая разница, попытка не пытка», — сказал он себе, понимая, насколько рискованно их предприятие.

— А теперь, — Гайлет повернулась к Сильвии, — о какой плате ты говорила? Чего ты хочешь?

Сильвия прикусила губу. Она смотрела на Гайлет, но указала на Фибена.

— Его, — быстро сказала она. — Я хочу, чтобы ты поделилась со мной.

— Что? — Фибен начал вставать, но Гайлет быстрым жестом остановила его.

— Объясни, — сказала она Сильвии.

Сильвия пожала плечами.

— Я не знаю, какой вид брака у вас с ним.

— Никакого! — горячо заявил Фибен. — И какое отношение...

— Замолчи, Фибен, — спокойно сказала Гайлет. — Это верно, Сильвия. У нас нет соглашения, ни группового, ни моногамного. Так в чем дело? Чего ты хочешь от него?

— Разве это не ясно? — Сильвия взглянула на Фибена. — Какой бы статус возвышения ни был у него раньше, сейчас он явно получит белую карту. Только посмотри на его результаты, на то, как он провел ити в Порт-Хелении, и не один раз,

а дважды. Любого из этих поступков достаточно, чтобы поднять выше синей карты. А теперь сюзерен пригласил его представлять интересы расы. Такое внимание дорого стоит: статус сохранится, как бы ни кончилась война. Ты это знаешь, доктор Джонс. — Сильвия подвела итог. — У него белая карта, у меня зеленая. Но мне нравится его стиль. Все очень просто.

«Я? Проклятый беляк?» — Фибен расхохотался над таким абсурдным предположением. До него начало доходить, к чему клонит Сильвия.

— Кто бы ни победил, — продолжала Сильвия, не обращая на него внимания. — Земля или губру, я хочу, чтобы мой ребенок попал на вершину возвышения, чтобы его защищал Совет. Пусть ему достанется достойная судьба, а мне — внуки и кусочек завтра.

Очевидно, Сильвия говорила совершенно серьезно.

Но Фибен не расположен был сочувствовать ей. «Самая глупая из всех метафизических глупостей!» — подумал он. Она даже не разговаривает с ним, а обращается к Гайлет!

— Эй, а разве меня не надо спросить? — возразил он.

— Конечно, нет, глупый, — ответила Сильвия,

качая головой. — Ты шен, а самец-шен при случае совокупится с козлом или с листвой, если ничего более подходящего не найдется.

Доля правды в этой шутке, конечно, имеется, Фибен покраснел.

— Но...

— Сильвия привлекательна и приближается к розовому. Что же ты сделаешь, освободившись? Мы соглашаемся, что твой долг и удовольствие совпадают. — Гайлет передвинулась. — Нет, решение принимать не тебе. Пожалуйста, помолчи, Фибен.

И Гайлет повернулась к Сильвии со следующим вопросом. Но в этот момент Фибен даже не слышал ее слова. Гул в ушах заглушил все остальные звуки. Фибен мог думать только о барабанщике, бедном Игоре Паттерсоне.

«Гудолл, защити меня!»

— ...так поступают самцы.

— Да, конечно. Но, я думаю, тебе нужно будет заключить договор с ним, пусть и не формальный. В теории все в порядке, но сразу видно, что гордыня у него непомерная. Он может заупрямиться.

«Так вот что на самом деле думают о нас, шенах, самки? — размышлял Фибен. Он вспомнил уроки „здоровья“ в средней школе. Молодым самцам-

шимпам читали лекции о праве на продолжение рода и показывали фильмы о венерических болезнях. Как и остальные подростки, он гадал, что же в это время изучают шимми. — Неужели в школе их учат такой формальной логике? Или они знакомятся с ней на собственном болезненном опыте? Узнают от нас?»

— Он мне не принадлежит, — пожала плечами Гайлет. — Если ты права, то он и не будет никому принадлежать... кроме Совета возвышения, бедняга. — Она нахмурилась. — Я только прошу, чтобы он благополучно добрался до гор. До того времени он к тебе не притронется, понятно? Получишь свое, когда он будет в безопасности у партизан.

«Мужчина-человек на такое бы не пошел», — с горечью подумал Фибен. Но ведь люди — это не незавершенные существа класса клиентов, которые «совокупляются с козлом или с листом...»

Сильвия кивнула в знак согласия и протянула руку. Гайлет пожала ее.

Они долго смотрели друг на друга, потом разняли руки.

Сильвия встала.

— Я постучу, прежде чем зайти. Минут через десять. — И она победно посмотрела на Фибена,

словно только что заключила выгодную сделку. — Будь готов к тому времени.

Когда она вышла, Фибен наконец обрел дар речи.

— Ты слишком полагаешься на свои бойкие теории, Гайлет. Какого дьявола! Почему ты уверена...

— Я ни в чем не уверена! — ответила она. Ее лицо исказила гримаса, что поразило Фибена больше всего происшедшего за этот вечер.

Гайлет провела рукой по глазам.

— Прости, Фибен. Поступай, как сочтешь нужным. Но только не обижайся. Никто из нас сейчас не имеет права обижаться. Да и Сильвия не очень много просит, учитывая, каковы ставки.

Фибен видел сдержанное напряжение в глазах Гайлет. Гнев его растаял, сменившись тревогой за нее.

— Ты... ты уверена, что с тобой все будет в порядке?

Она пожала плечами.

— Наверно. Сюзерен, вероятно, найдет мне другого партнера. Постараюсь тянуть как можно дольше.

Фибен прикусил губу.

— Мы принесем тебе известие от людей, обе-

щаю.

Ее взгляд сказал Фибену, что она почти не надеется на это. Но она улыбнулась.

— Постарайся, Фибен. — Она протянула руку и легко коснулась его лица.

— Знаешь, — прошептала она, — я по тебе буду скучать.

Мгновение миновало. Она отняла руку, и выражение ее лица снова стало серьезным.

— Теперь собери то, что тебе может пригодиться, а я буду говорить: нужно кое-что передать генералу. Запомнишь, Фибен?

— Да, конечно. — Но на секунду Фибен задумался, увидит ли он еще когда-нибудь нежность в ее глазах. Вновь погрузившись в заботы, она ходила за ним, пока он собирался. И когда несколько минут спустя в дверь постучали, она еще говорила.

Глава 64
ГАЙЛЕТ

Когда они ушли, Гайлет села на матрац, закрылась одеялом, обхватила колени руками и принялась медленно раскачиваться в такт своему одиночеству.

Одинока, но не одна, хотя гораздо лучше было

бы действительно остаться одной. Гайлет чувствовала присутствие другого шена, одетого в платье Фибена. От него исходил слабый запах наркотика, одурманившего его.

Охранник еще долго не проснется, но тревогу, очевидно, поднимут раньше.

Нет, она не одна, но никогда Гайлет Джонс не чувствовала себя такой отрезанной от всех, изолированной.

«Бедный Фибен, — думала она. — Может, Сильвия права насчет него. Он, несомненно, один из лучших шенов, каких я встречала... — Она покачала головой. — И все же ему оказалась доступна только часть плана заговора. И я не могла сказать ему остальное, не открыв то, что знаю, невидимым слушателям».

Она не знала, искренне ли действует Сильвия. Гайлет всегда не очень хорошо разбиралась в других. «Но готова поклясться всеми гаметами и зиготами, Сильвии никогда не удалось бы провести сторожей губру».

Гайлет усмехнулась самой этой мысли — будто маленькая шимми может так провести мониторы ити, что они не заметят сразу отсутствия пленника. «Нет, все прошло слишком гладко для экспромта».

Кем это организовано? И с какой целью? А важно ли это?

«У нас не осталось ни единого шанса, Фибену пришлось принять предложение».

Гайлет подумала, увидит ли его снова. Если это еще один тест на разумность, организованный сюзереном Праведности, к утру Фибен может вернуться... он получит еще одну «соответствующую реакцию»... соответствующую особо продвинутому неошимпанзе, представителю своей расы уровня клиента.

Она вздрогнула. До сегодняшнего вечера она не задумывалась над последствиями, но Сильвия помогла все расставить по своим местам. Даже если им доведется встретиться, они с Фибеном никогда не станут прежними. И если раньше их разделяла ее белая карта, то теперь разверзлась настоящая пропасть.

Но Гайлет подозревала, что это все-таки не тест сюзерена Праведности. И, если это не так, значит, какая-то фракция губру отвечает за ночное приключение. Может, один из других сюзеренов или...

Гайлет покачала головой. Она слишком мало знает, чтобы строить догадки. Или она слишком слепа и глупа, чтобы увидеть картину в целом.

Вокруг них разворачивается игра, и актерам кажется, что другого выхода нет. Фибен должен был уйти, независима от того, что ему предложили: спасение или ловушку. Она должна остаться и справляться с возникающими трудностями, которых не понимает. Такова ее судьба.

Гайлет это ощущение сопровождает всю жизнь, словно кто-то ведет ее, а сама она не распоряжается своей судьбой. Фибен же только начинает привыкать к такому.

Некоторые древние религии Земли подчиняли все предопределению — вере в то, что все события определены заранее, с момента сотворения мира, а так называемая свободная воля не более чем иллюзия.

Вскоре после Контакта земные философы спросили у галактов, что они думают по этому поводу. Обычно мудрецы галактов отвечали покровительственно: «Такие вопросы можно формулировать только на нелогичном языке волчат. — На самом деле парадоксов не существует».

И никаких загадок для разрешения... по крайней мере такими разумными, как земляне.

Галактам не составляло труда понять идею предопределения. Большинство из них считало, что клан волчат ждет короткая и печальная

судьба.

Гайлет неожиданно вспомнила свое пребывание на Земле. Она встретилась там с пожилым поэтом-неодельфином. Он рассказывал ей, как плавал в сонном течении больших китов, часами слушая их печальные песни о древних китовых богах. Она была польщена и очарована, когда престарелый фин посвятил ей стихотворение.

Там, где вспыхивает шар,
Быстро летя в воздухе,
Ударь его рылом!

Гайлет понимала, что эта хайку гораздо выразительнее на тринари, гибридном языке, который неодельфины использовали для поэзии. Она, конечно, не знает тринари, но даже на англике до нее доходила аллегория.

Думая об этом, Гайлет поняла, что улыбается.

«Поистине, ударь рылом!»

Спящий рядом с ней негромко храпел. Гайлет поискала языком и представила себе, что вслушивается в ритм барабанов.

* * *

Несколько часов спустя она по-прежнему си-

дела в задумчивости, когда распахнулась дверь и из коридора пробился свет. Вошли несколько четвероногих птицеподобных. Кваку. Возглавляла эту процессию слуга сюзерена Праведности. В оперении пастельных тонов она встала, но ее поклон остался без ответа.

Кваку посмотрел на нее, потом указал на неподвижную фигуру под одеялом.

— Твой товарищ не встает, это неэтично.

Очевидно, когда хозяина рядом нет, слуга не забывает про свою обязанность быть вежливым. Гайлет посмотрела на потолок.

— Наверно, не расположен.

— Ему нужна медицинская помощь?

— Я думаю, он скоро придет в себя.

Кваку раздраженно пошевелил трехпалыми лапами.

— Скажу откровенно: мы хотим осмотреть его, удостовериться в личности.

Гайлет подняла брови, хотя и знала, что жест этот останется непонятым.

— А кто, по-твоему, это может быть? Дедушка Бонза? Следите ли вы, кваку, за своими пленниками?

Возбуждение птицеподобного усилилось.

— Эти помещения заключенных находятся

под ответственностью вспомогательных сил неошимпанзе. И если что-то не так, виновата их некомпетентность животных, их недостойная разумных небрежность.

Гайлет рассмеялась.

— Вздор!

Кваку прервал свой раздраженный танец и прислушался к портативному передатчику. Потом снова посмотрел на Гайлет. Она покачала головой.

— Ты не можешь винить в этом нас, кваку. Мы с тобой оба знаем, что проби здесь, на страже, — только видимость. И если что-то случилось, причина в твоем собственном лагере.

Слуга раскрыл клюв. Мелькнул язык. Гайлет знала, что это жест откровенной ненависти. Чужак сделал знак, и два шарообразных робота с гудением выдвинулись вперед. Мягко, но решительно они с помощью гравитики подняли спящего неошимпа, даже не сняв одеяла, и унесли к двери. Поскольку кваку не потрудился заглянуть под одеяло, он, очевидно, уже знал, кого найдет.

— Начнем расследование, — пообещал он и повернулся. Гайлет знала, что через несколько минут кваку прочтут «прощальное послание»

Фибена, оставленное в шерсти храпящего стражника. И попыталась помочь Фибену, еще немного задержать преследователей.

— Отлично, — сказала она. — Тем временем исполните мою просьбу... Нет, требование.

Слуга уже приблизился к двери во главе процессии кваку. Однако, услышав слова Гайлет, он остановился, вызвав небольшой затор. С гневным щебетом кваку сталкивались друг с другом и поворачивали клювы к Гайлет.

Предводитель с розовым гребнем тоже обернулся.

— Ты не имеешь права предъявлять требования.

— Я делаю это во имя галактических традиций, — настаивала Гайлет. — Не заставляй меня адресоваться непосредственно к его превосходительству сюзерену Праведности.

Наступила долгая пауза, во время которой кваку как будто взвешивал риск, связанный с этим предположением. Наконец он спросил:

— Что за глупое требование?

Но Гайлет молча ждала.

Наконец с явной неохотой слуга поклонился, едва заметно склонив голову. Гайлет ответила тем же.

— Я хочу пойти в Библиотеку, — сказала она на превосходном гал-семь. — Это мое право гражданина галактики.

Глава 65
ФИБЕН

Уйти в одежде спящего охранника оказалось до смешного просто. Сильвия сообщила ему условную фразу, которую нужно сказать роботам у ворот.

Единственный стражник-шимп жевал сандвич и махнул рукой, чтобы проходили, даже не взглянув на них.

— Куда ты меня ведешь? — спросил Фибен, как только темная, увитая растительностью стена тюрьмы оказалась позади.

— На пристань, — бросила через плечо Сильвия. Она быстро шла по влажному тротуару мимо кварталов темных, пустых зданий, подобных человеческому жилью. Потом они миновали район шимпов — большие дома для групповых браков, пестро раскрашенные, с окнами, похожими на двери, и с прочными решетками, чтобы могли взбираться дети. Время от времени Фибен замечал за плотно задернутыми занавесями силуэты.

— Почему на пристань?

— Потому что там лодки! — отрезала Сильвия. Она беспокойно посматривала то на часы на руке, то назад, через плечо, как будто опасалась слежки.

То, что она нервничает, естественно, но Фибен тоже был на пределе. Он схватил ее за руку и заставил остановиться.

— Послушай, Сильвия. Я ценю все, что ты до сих пор делала, но не пора ли ознакомить меня с планом?

Она вздохнула.

— Да, наверно, ты прав. — Ее тревожная улыбка напомнила ему вечер в «Обезьяньей грозди». То, что он тогда принял за похоть, на самом деле было бравадой, прикрывавшей страх.

— Если не считать ворот в ограде, из города можно выбраться только на лодке. Мой план — пробраться на борт одного из рыболовных судов. Рыбаки выходят в море на ночной лов, — она взглянула на часы, — примерно через час.

Фибен кивнул.

— А потом что?

— Когда корабль выйдет из залива Аспинал, мы спустимся за борт и поплывем в парк Северного мыса. Оттуда трудная дорога на север вдоль

берега, но мы до рассвета сумеем добраться до холмов.

Фибен кивнул: неплохо. Ему понравилось, что есть возможность для изменения плана, если возникнут проблемы или позволят обстоятельства. Например, попытаться плыть не на север, а на юг. Враг, конечно, не ожидает, что беглецы направятся прямо к его новой установке! Там должно быть много строительного оборудования. Фибена прельщала перспектива украсть одну из машин губру. Если это удастся, может, он действительно заслужит белую карту!

Он быстро отбросил эту мысль, потому что сразу вспомнил о Гайлет. Черт возьми, как же ее не хватает!

— Кажется, все хорошо продумано, Сильвия.

Она настороженно улыбнулась.

— Спасибо, Фибен. Э-э-э... может, пойдем?

Он сделал знак, чтобы она шла впереди. Вскоре они миновали закрытые магазины и пищевые пункты. Облака над головой теперь висели низко и зловеще, и ночь пахла приближающейся бурей. Неравномерными, но сильными порывами дул юго-западный ветер, бросая им под ноги листья и обрывки бумаги.

Когда пошел дождь, Сильвия подняла капюшон

парки, но Фибен не стал этого делать. Лучше мокрые волосы, чем глухота и слепота.

В направлении моря он увидел в небе сверкание, сопровождаемое далекими раскатами. «Дьявольщина! — подумал Фибен. — Что это со мной!» Он схватил свою спутницу за руку.

— В такую погоду никто не выйдет в море, Сильвия.

— Капитан этого корабля выйдет, Фибен. — Она покачала головой. — Мне не следовало тебе говорить, но... он контрабандист. Даже до войны он промышлял этим. Его корабль приспособлен к плохой погоде и даже может частично погружаться.

Фибен мигнул.

— А что он перевозит сейчас?

Сильвия посмотрела по сторонам.

— Главным образом шимпов, на остров Гилмор и обратно.

— Гилмор! Он отвезет нас туда?

Сильвия нахмурилась.

— Я пообещала Гайлет, что отведу тебя в горы, Фибен, и вообще-то я не уверена, что можно настолько доверять этому капитану.

Но голова у Фибена закружилась. Половина людей планеты интернирована на острове Гилмор!

Зачем добираться до Роберта и Атаклены — ведь они в сущности дети, — когда там специалисты из университета!

— Будем действовать по обстоятельствам, — уклончиво сказал он. Но уже решил, что сам оценит капитана контрабандистов. Может быть, под прикрытием бури это окажется возможным? Фибен раздумывал об этом всю оставшуюся дорогу.

Вскоре они приблизились к пристани — и оказались недалеко от того места, где днем Фибен наблюдал за чайками. Дождь шел неожиданными, непредсказуемыми порывами. Как только он прекращался, воздух становился необычайно чистым и насыщенным запахами — от разлагающейся рыбы из таверны на берегу, где еще горели огни и откуда доносились звуки негромкой печальной музыки.

Ноздри Фибена раздувались. Он принюхивался, стараясь разгадать тайны, скрываемые непостоянным дождем. Чувства питали воображение Фибена, подбрасывая темы для размышлений.

Его спутница свернула за угол, и Фибен увидел три причала. У каждого несколько темных корпусов. Один из них, несомненно, корабль контрабандистов. Фибен снова остановил Сильвию,

взяв ее за руку.

— Нам нужно торопиться, — сказала она.

— Слишком рано приходить тоже не стоит, — ответил он. — В лодке будет тесно и душно. Иди сюда, мы можем кое-чем заняться.

Он увлек ее назад, в тень, и она удивленно подняла глаза. Фибен обнял ее, чувствуя сопротивление. Затем она расслабилась и он поцеловал ее.

Сильвия ответила.

Когда он начал губами щипать ее ухо, шею, Сильвия вздохнула.

— О, Фибен. Если бы у нас было время. Если бы ты только знал, как много...

— Ш-ш-ш, — сказал он и выпустил ее. Картинным движением снял парку и бросил на землю.

— Что?.. — начала она, но он привлек ее, усадил на парку и сам сел рядом.

Напряжение ее слегка ослабло, когда он начал расчесывать ей шерсть пальцами.

— Уф! — выдохнула Сильвия. — Мне на мгновение показалось...

— Кто, я? Ты должна уже меня знать, дорогая. Я из тех, кто торопится медленно. Никакой спешки. Всему свое время.

Она повернула голову и улыбнулась ему.

— Я рада. Все равно я еще с неделю не буду ро-

зовой. Хотя, я хочу сказать, можно не ждать так долго. Просто...

Голос ее прервался, когда левая рука Фибена сжала ей горло. Он быстро сунул руку в ее парку и щелчком раскрыл карманный нож, прижал лезвие к сонной артерии. Глаза Сильвии выпучились.

— Одно слово, — прошептал он прямо ей в ухо, — один звук, и ты пойдешь на корм чайкам. Понятно?

Она судорожно кивнула. Он чувствовал ее пульс, вибрация передавалась через лезвие ножа. Сердце самого Фибена билось ненамного медленнее.

— Говори губами, — хрипло сказал он. — Я прочту по губам. Признавайся, где жучок.

Сильвия мигнула и сказала вслух:

— Что?.. — И все. Он мгновенно усилил хватку.

— Попробуй снова, — прошептал он.

На этот раз она сумела произнести беззвучно:

— О чем... ты... говоришь, Фибен?

Голос его прозвучал еле слышно.

— Они нас там ждут, верно, дорогая? Я имею в виду не прекрасных контрабандистов-шенов. Я говорю о губру, милая. Ты ведешь меня прямо в их пернатые объятия.

Сильвия застыла.

— Фибен... я... нет! Нет, Фибен.

— Я чувствую запах птицы! — прошипел он. — Они там. Как только я уловил этот запах, все стало понятно!

Сильвия молчала, красноречиво глядя ему в глаза.

— Гайлет, наверно, считает меня простофилей! Теперь я понимаю. Конечно, все организовано заранее и дата намечена давно. Ты не рассчитывала на то, что буря удержит в порту весь рыболовный флот. Сказка про капитана-контрабандиста хороша. Ты изобретательна и могла бы усыпить мои подозрения. Да, Сильвия? Ты так подумала?

— Фибен...

— Заткнись! Как трогательно! Как приятно представить себе, что умные шимпы могут плавать к острову Гилмор и обратно под самым клювом у врага! Тщеславие почти победило, Сильвия, но ведь я когда-то служил пилотом-разведчиком, помнишь? И подумал, как это трудно, даже в такую погоду!

Он принюхался и снова уловил слабый затхлый запах. Теперь он вспомнил, что ни один из тестов, которым их с Гайлет подвергали последние несколько недель, не касался обоняния. «Конеч-

но, нет. Галакты считают обоняние пережитком животных».

На его руку капнула влага, хотя дождь прекратился. Слезы Сильвии. Она покачала головой.

— Тебе... не причинят... вреда, Фибен. Сю... сюзерен просто хочет задать несколько вопросов. И потом тебя отпустят. Он... он пообещал!

«Значит, в конце концов это еще один тест. — Фибену хотелось посмеяться над собой: он ведь посчитал побег возможным. — Наверно, увижусь с Гайлет раньше, чем предполагал».

Он устыдился того, как обращался с Сильвией. Ведь это всего лишь своеобразная «игра», еще один экзамен. Не стоит в таких условиях предпринимать что-либо серьезное. Она ведь только выполняет свою работу.

Он расслабился, выпустил горло Сильвии и тут вспомнил ее фразу.

— Сюзерен обещал отпустить меня? — прошептал он. — То есть он отправит меня назад в тюрьму?

Она энергично покачала головой.

— Нет! — произнесла неслышно. — Он обещал отвезти нас в горы. Я имею в виду ту часть нашей сделки с тобой и Гайлет. Сюзерен пообещал, если ты ответишь на его вопросы...

— Минутку, — остановил ее Фибен. — Ты ведь не о сюзерене Праведности говоришь?

Она покачала головой.

У Фибена неожиданно закружилась голова.

— Который... который из сюзеренов ждет нас там?

Сильвия засопела.

— Сюзерен Стоимости... Стоимости и Бережливости, — прошептала она.

Он закрыл глаза, в ужасе осознав, что это значит. Это не игра и не тест. «О Гудолл!» — подумал он. Теперь нужно думать о том, как спастись. Будь то сюзерен Луча и Когтя, Фибен мог бы сразу швырнуть на ринг свое полотенце, потому что против него бросили бы все военные ресурсы губру. А так есть шанс, хотя и ничтожный. У Фибена начали возникать идеи.

«Бухгалтеры, страховые агенты, чиновники — вот бойцы армии сюзерена Стоимости и Бережливости. Может быть, — думал Фибен. — Только может быть».

Но прежде чем что-то предпринять, нужно договориться с Сильвией. Он не может просто связать ее и оставить, как хладнокровный убийца. Необходимо заручиться ее поддержкой, и быстро. Он может уверить ее, что сюзерен Стоимости

и Бережливости не такой ярый приверженец правды, как сюзерен Праведности. Он не обязан держать слово и освободить их. Вообще, сегодняшний набег на пристань может выглядеть незаконным, по стандартам захватчиков, так зачем отпускать свидетелей-шимпов? Зная губру, Фибен предполагал, что сюзерен Стоимости и Бережливости, вероятно, отпустит их — прямо через люк в открытый космос.

«Но поверит ли она моим словам?»

Нельзя рисковать. Фибен подумал, что у него есть другой способ получить Сильвию в союзники.

— Слушай внимательно, — сказал он ей. — Я не собираюсь встречаться с твоим сюзереном по одной очень простой причине. Если я пойду туда со своими теперешними знаниями, я могу распрощаться со своей белой картой.

Она смотрела ему прямо в глаза. По спине ее пробежала дрожь.

— Видишь ли, дорогая. Я должен вести себя как превосходный образец неошимпа, дабы соответствовать критериям. А какой супершимп пойдет куда-то, зная, что там ловушка? Нет, Сильвия. Вероятно, нас все-таки схватят, после того как мы изо всех сил постараемся уйти. Понимаешь, что

я имею в виду?

Она несколько раз моргнула и наконец кивнула.

— Эй, — дружелюбно прошептал он. — Взбодрись! Ты должна радоваться, что я разобрался в ситуации. Значит, наш ребенок будет очень умным маленьким ублюдком. Наверно, найдет способ взорвать свой детский сад.

Сильвия нервно мигала, потом нерешительно улыбнулась.

— Да, — сказала она негромко. — Похоже, ты прав.

Фибен опустил руку с ножом и, выпустив горло Сильвин, поднялся. Это момент истины. Ей достаточно крикнуть, и через мгновение их окружит свита сюзерена Стоимости и Бережливости.

Но вместо этого она сняла с пальца перстень с часами и протянула Фибену. Жучок.

Он кивнул и помог ей встать. Вначале она спотыкалась, еще дрожа от волнения, но он обхватил ее рукой и повел назад, в южном направлении.

«Только бы сработала моя идея», — подумал он.

* * *

Он нашел голубятню там, где запомнил ее, за неказистым общежитием вблизи гавани. Очевидно, все спят. Но Фибен тем не менее двигался как можно тише, перерезая проволоку и забираясь в клетку для птиц.

Внутри чувствовалась влажность, неприятно пахло птицами. Негромкое воркование голубей напомнило Фибену о кваку.

— Давайте, малыши, — шепнул он голубям. — Сегодня вы должны помочь мне одурачить ваших сородичей.

Он заприметил это место во время своих прогулок, и то, что оно рядом, было не просто приятно, это было совершенно необходимо. Он и Сильвия не могли уйти из района гавани, пока не избавятся от жучка.

Голуби пятились от него. Пока Сильвия караулила снаружи, Фибен поймал толстую сильную птицу и проволокой прикрепил жучок к ее лапке.

— Отличная ночь для дальнего перелета, а? Как ты думаешь? — сказал он и подбросил голубя в воздух. На всякий случай проделал то же самое со своими часами. Дверь он оставил открытой.

Если птицы слишком рано вернутся сюда, губру отыщут их по сигналу жучка. Но их шумное прибытие вспугнет всю стаю, и снова начнется охота за химерой.

Поздравив себя с этой хитростью, Фибен вместе с Сильвией побежал на восток, подальше от гавани. Скоро они оказались в полуразрушенном промышленном районе. Впрочем, Фибен знал, где находится. Он проходил здесь, ведя смирную лошадь Тихо в свой первый приход в город после вторжения. Незадолго до того, как они дошли до стены, он сделал знак остановиться. Ему нужно перевести дыхание, хотя Сильвия, казалось, совсем не устала.

«Она ведь танцовщица», — подумал он.

— Ну давай раздеваться, — сказал он.

Надо отдать ей должное, Сильвия и глазом не моргнула. Логика безупречная. Возможно, часы не единственный жучок, помещенный на них. Она быстро раздевалась и закончила раньше него. Когда вся одежда лежала грудой, Фибен бросил на шимми быстрый оценивающий взгляд и присвистнул.

Сильвия покраснела.

— Что теперь? — спросила она.

— Идем к ограде, — ответил он.

— К ограде? Но, Фибен...

— Я уже давно хочу посмотреть на нее поближе.

Пройдя еще несколько сот ярдов, они увидели ровную полоску, проведенную чужаками вокруг всей Порт-Хелении. Сильвия вздрогнула, когда они приблизились к высокой ограде, которая влажно блестела при свете сторожевых шаров, расположенных с одинаковыми промежутками.

— Фибен, — сказала Сильвия, когда он шагнул на полосу. — Мы не можем идти дальше.

— Почему? — спросил он. Но все же остановился и повернулся к ней. — Ты знаешь кого-нибудь, кто пытался это сделать?

Она покачала головой.

— Кто может это сделать? Это ведь явное безумие. Эти сторожевые шары...

— Да, — задумчиво сказал Фибен. — Я как раз думаю: сколько их нужно, чтобы огородить весь город. Десять тысяч? Двадцать? Тридцать?

Он вспомнил сторожевых роботов, окруживших гораздо меньший и более уязвимый периметр бывшего посольства тимбрими в тот день, когда взорвался архив, а сам Фибен познакомился с образчиком юмора чужаков. Эти приборы оказались менее действенными, чем Ровер или

обычный боевой робот, сопровождавший в бою солдат Когтя.

«Сомневаюсь я в этих», — подумал он и сделал еще один шаг вперед.

— Фибен! — Сильвия, казалось, была на грани истерики. — Давай попробуем ворота. Мы можем сказать стражникам... что нас ограбили. Мы с фермы, заходили в город, и кто-то украл нашу одежду и идентификационные карточки. Если будем вести себя достаточно тупо, может, они нас пропустят.

«Да, конечно». Фибен подошел еще ближе и находился теперь метрах в шести от барьера. Ограда состояла из узких планок, соединенных проволокой сверху и снизу. Фибен выбрал место между двумя шарами, как можно дальше от каждого. Но, приближаясь, он испытывал неотвязное ощущение, что за ним наблюдают.

И уверенность в этом наполнила Фибена покорностью. Сейчас, конечно, солдаты губру уже на пути сюда. Они могут появиться в любую минуту. Лучше всего повернуться и бежать. Немедленно!

Он оглянулся на Сильвию. Она стояла там, где он ее оставил. Видно невооруженным глазом, что она предпочла бы оказаться в любом другом месте. Он не понимал, почему она остается. Фи-

бен ухватился правой рукой за левое запястье. Пульс быстрый и нитевидный, во рту сухо, словно посыпали песком. Дрожа, он напряг всю волю и сделал еще один шаг к ограде.

Почти осязаемый ужас сомкнулся вокруг него, как в тот момент, когда он услышал предсмертный крик бедного Саймона Левина в той безнадежной, бессмысленной схватке в космосе. Фибен испытывал мрачное ощущение предопределенности. Ощущение тщетности жизни.

Он медленно повернулся и посмотрел на Сильвию. И улыбнулся.

— Дешевки эти птицы! — сказал он. — Шары вовсе не следящие! Это глупейшие пси-излучатели!

Сильвия мигнула.

— Ты уверен? — недоверчиво спросила она.

— Иди, сама увидишь, — позвал он. — Сейчас тебе кажется, что за тобой наблюдают. Потом ты будешь считать, что за тобой гонятся все солдаты Когтя.

Сильвия сглотнула, сжала кулаки и шагнула на пустую полосу. Фибен смотрел, как она делает шаг за шагом. И отдавал должное ее мужеству. Любая шимми давно повернулась бы и убежала с криком.

На лбу у Сильвии выступил пот, смешиваясь с

каплями дождя.

Какой-то частью сознания, свободной от рева адреналина, Фибен любовался ее обнаженным телом. К тому же это помогало отвлечься. «У нее действительно были дети». Иногда шимми подделывают следы вынашивания и вскармливания, чтобы выглядеть привлекательней, но в данном случае совершенно очевидно, что у Сильвии был ребенок.

«Интересно узнать о ее жизни».

Остановившись рядом с ним, закрыв глаза, она прошептала:

— Что... что сейчас со мной будет?

Фибен прислушался к себе. Вспомнил о Гайлет, о том, как она оплакивала своего друга и защитника шимпа Макса. Вспомнил о шимпах, которые словно разрывались на части под ударами мощного оружия врага. Вспомнил Саймона.

— Ощущение такое, словно только что умер твой лучший в мире друг, — мягко сказал он и взял ее за руку.

Она вцепилась в его руку, но на лице ее появилась гримаса облегчения.

— Пси-излучатели. И это... это все? — Она раскрыла глаза. — Дешевки эти птицы!

Фибен расхохотался. Сильвия медленно улыб-

нулась и свободной рукой прикрыла рот.

Они смеялись, стоя под дождем посреди реки печали. Смеялись до слез, и когда наконец перестали течь слезы, медленно, под дождем, по-прежнему держась за руки, дошли до ограды.

* * *

— Теперь, когда я скажу «толкай», — толкай!

— Я готова, Фибен. — Сильвия пригнулась под ним, расставила ноги, прижалась плечом к одной из планок, держась руками за другие.

Стоя над ней, Фибен принял такую же позу и уперся ногами в грязную землю. Несколько раз глубоко вдохнул.

— Толкай!

Они навалились вместе. Планки отстояли на несколько сантиметров друг от друга. Напрягаясь, Фибен чувствовал, как расширяется пространство между ними. «Эволюция никогда не проходит даром», — думал Фибен, прикладывая все силы.

Миллион лет назад люди проходили через муки самовозвышения, получая самостоятельно то, что, как утверждают галакты, можно получить только от других: способность думать и стремиться к звездам.

Тем временем, однако, предки Фибена тоже не

ленились, они накапливали силу! Фибен сосредоточился на этой мысли, на лбу его выступил пот. Спина Сильвии дрожала, она тоже давила изо всех сил. Пластилитовые планки скрипели.

— Ах! — Сильвия поскользнулась — и отлетела назад.

Фибен от толчка развернулся, и упругая планка, выпрямившись, отбросила его на Сильвию. Минуту-две они просто лежали, тяжело дыша. Наконец Сильвия заговорила.

— Пожалуйста, милый... не сегодня. У меня болит голова.

Фибен расхохотался. Скатился с нее и лег на спину. Юмор им необходим. Это лучшая защита от непрерывного давления пси-шаров. Паника все время держится на краю сознания, а смех удерживает ее, не давая распространяться.

Они помогли друг другу встать и осмотрели ограду. Щель заметно расширилась, сейчас она не меньше десяти сантиметров. Но этого все равно недостаточно. И Фибен чувствовал, что время их подгоняет. Им нужно не менее трех часов, чтобы затемно добраться до холмов. По крайней мере если они переберутся, буря им на руку. Они с Сильвией снова подготовились, встали на место. Опять пошел дождь, все ближе

заблестели молнии. Загремел гром, задрожали деревья, задребезжали ставни в домах.

«Сомнительное преимущество», — подумал Фибен. Конечно, дождь мешает сканерам губру, но одновременно делает скользким искусственный материал изгороди. Трудно за него ухватиться. Да и грязь мешает.

— Готова? — спросил он.

— Конечно, если будешь держать эту штуку подальше от моего лица, — ответила Сильвия. — Она отвлекает.

— Но ведь ты сама попросила Гайлет, милая, чтобы она поделилась с тобой этой штукой. К тому же ты ее видела и раньше, на громовом холме.

— Да. — Она улыбнулась. — Но это не совсем то же самое.

— Ну, ладно, заткнись и толкай, — проворчал Фибен. Они снова навалились изо всех сил.

«Поддается! Поддается!» Он услышал, как выдохнула Сильвия, его собственные мышцы угрожали порваться.

Планка затрещала, выгнулась, снова затрещала.

На этот раз поскользнулся Фибен, выпустив упругий пружинящий материал. Снова они, тя-

жело дыша, упали в грязь.

Дождь разошелся не на шутку, Фибен промокнул глаза и посмотрел на отверстие. «Сантиметров двенадцать. Ифни! Мало».

Он чувствовал, как проникает в сознание и лишает силы воли пси-излучение. Он знал, что это излучение отнимает у них с Сильвией силы, подталкивает к покорности. С огромным трудом встал и прислонился к упрямой изгороди.

«Дьявольщина, мы старались. Хоть в этом нам не откажешь. Мы почти добились своего. Если бы только...»

— Нет! — неожиданно крикнул он. — Нет! Я не отступлю! — Он бросился к щели, пытался протиснуться, сражался с непокорным отверстием. Где-то в темном царстве прямо ударила молния, осветив поля и лес, а за ними — манящие предгорья Мулун.

Загремел гром, изгородь задрожала. Планки стиснули Фибена, и он закричал от боли. Когда они отпустили, он, полуживой от боли, упал рядом с Сильвией. Но через мгновение снова вскочил. Еще одна электрическая нить соединила землю с мерцающими облаками. Фибен заколотил по земле. Грязь и булыжники разлетелись во все стороны. Гром швырнул их назад,

в лицо Фибену.

Речи не существовало. Не стало слов. Та его часть, которая знала, что они существуют, отшатнулась в шоке, и контроль перешел к другим, более древним частям сознания.

Оставались только буря, ветер и дождь, молнии и гром.

Фибен ударил себя в грудь, оскалил зубы под жалящим дождем. Буря пела Фибену, отражалась в земле и дрожащем воздухе, а он ответил ей криком.

Его крик — не изнеженная человеческая музыка и не поэзия сонных фантомов китов и дельфинов. Нет, эту музыку он ощущал мозгом костей. Она приподняла Фибена, как тряпичную куклу, и швырнула в грязь. Он поднялся, отплевываясь и крича.

Он поймал на себе взгляд Сильвии. Она колотила руками по земле, глядя на него широко раскрытыми глазами, возбужденная. Это заставило его еще громче ударять себя в грудь, еще громче кричать. Он знал теперь, что не ослаб! Швыряя камни в воздух, он бросал вызов буре, призывал на себя ее молнии!

И они послушно пришли. Яркий свет заполнил пространство, зарядил его, волосы Фибена встали

дыбом, искрились. Беззвучный удар пришелся ему в спину, словно рука гиганта прижала его к стене.

Фибен закричал, ударившись об ограду. И, прежде чем потерял сознание, отчетливо ощутил запах паленой шерсти.

Глава 66
ГАЙЛЕТ

В темноте под звуки дождя, стучащего о плитки крыши, она неожиданно открыла глаза. Встала, завернувшись в одеяло, и подошла к окну.

Снаружи над Порт-Хелением лютовала, знаменуя приход осени, буря. Темные тучи гневно и угрожающе гремели. На востоке ничего не видно, но Гайлет прижалась щекой к прохладному стеклу и смотрела туда.

В комнате приятно тепло, но она закрыла глаза и вздрогнула от неожиданного холода.

Глава 67
ФИБЕН

Глаза... глаза... глаза повсюду. Дрожат и танцу-

ют, мерцают в темноте, насмехаются над ним.

Появился слон — продирается сквозь джунгли, буянит, глаза покраснели от гнева. Он пытается бежать, но слон хватает его, подбрасывает хоботом, и несет, стискивая ребра.

Он хочет попросить зверя съесть его или растоптать... только чтобы все кончилось! Но немного погодя привыкает. Боль притупляется, тело ноет, а путешествие становится размеренным...

* * *

Первое, что он почувствовал, придя в себя: дождь почему-то не падает на лицо.

Он лежит на спине, на чем-то вроде травы. Ненастье не затихает. Он ощущает влагу на ногах и теле, но ни одна капля не падала ему на нос или в рот.

Фибен открыл глаза, чтобы посмотреть, в чем дело... и, кстати, понять, почему он еще жив. На фоне облаков смутно вырисовывается силуэт. Невдалеке ударила молния, на мгновение осветив его. На Фибена озабоченно смотрела Сильвия.

Его голова лежит у нее на коленях.

Фибен попытался заговорить.

— Где... — Но послышался только хрип. Голос

как будто исчез. Фибен смутно вспомнил, как кричал, вопил в небо. Должно быть, поэтому болит горло.

— Мы снаружи, — сказала Сильвия, чуть погромче, чтобы перекрыть звуки дождя. Фибен мигнул. «Снаружи?» Сморщившись, он поднял голову и осмотрелся.

Трудно было что-то увидеть в такую погоду. Но он сумел разглядеть контуры деревьев и невысоких холмов. Повернулся налево. Безошибочно узнавалась Порт-Хеления, особенно извивающаяся цепочка огоньков на ограде губру.

— Но... но как мы сюда попали?

— Я тебя принесла, — просто ответила она. — После того как ты разорвал стену, ты не мог идти.

— Разорвал стену?..

Она кивнула. Глаза Сильвии сверкали.

— Я считала, что видела раньше танцы грома, Фибен Болджер. Но твой побил все рекорды, клянусь. Если доживу до девяноста и у меня будет сто почтительных внуков, я и тогда не смогу рассказать так, чтобы поверили.

Он смутно припоминал свой гнев, ярость от того, что свобода так близко и в то же время далека. Теперь ему стыдно вспоминать, как в нем

победил зверь.

«А еще белая карта!» — фыркнул Фибен, думая, как глупо поступил сюзерен Праведности, выбрав его представителем.

— Должно быть, временно потерял самоконтроль.

Сильвия коснулась его левого плеча. Он сморщился и посмотрел туда — сильный ожог. Странно, он болит не так, как синяки и царапины.

— Ты смеялся над бурей, Фибен, — почтительным тоном сказала Сильвия. — Дерзил, требовал, чтобы она пришла к тебе. А когда она пришла... ты заставил ее исполнить твое желание.

Фибен закрыл глаза. «Гудолл! Какая чушь!» Но все же где-то глубоко внутри он чувствовал себя польщенным. Как будто все произошло так, как описала Сильвия!

Фибен содрогнулся.

— Помоги мне сесть.

На несколько мгновений он потерял координацию, горизонт наклонился, перед глазами все расплывалось. Но Сильвия усадила его, и мир перестал раскачиваться. Фибен жестом попросил помочь ему встать.

— Ты должен отдохнуть, Фибен.

— Когда доберемся до Мулуна, — ответил он. —

Скоро рассвет, а буря не продлится вечно. Пошли, я буду опираться на тебя.

Она положила его здоровую руку себе на плечо, поддерживая его. И он сумел встать.

— Знаешь, — сказал он. — Ты сильная маленькая шимми. Хм. Перенесла меня сюда?

Она кивнула, глядя на него все с тем же блеском в глазах. Фибен улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо.

Они пошли, спотыкаясь, к лесистым холмам на востоке.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
МСТИТЕЛИ

Давным-давно, когда правил Посейдон и корабли людей были хрупки, как сухой трут, неудача постигла фракийский торговый корабль, он в начале зимы попал в бурю и разбился. Все моряки утонули, остался в живых только талисман корабля — обезьяна.

И тут, как решили судьбы, когда обезьяна в последний раз глотнула воздух, появился дельфин. Зная, что между людьми и дельфинами большая любовь, обезьяна закричала «Спаси меня! Ради моих бедных детей в Афинах!» Быстрый, как молния, дельфин подставил спину.

— Ты очень необычная, маленькая и уродливая для человека, — сказал дельфин, когда обезьяна ухватилась за него.

— Люди считают меня очень красивой, — ответила обезьяна, закашлявшись и крепко держась за дельфина, который повернул к суше.

— Ты говоришь, что ты из Афин? — спросило осторожное морское существо.
— Конечно. Я бы не стала говорить, если бы это было не так, — заявила обезьяна.
— А знаешь ли ты Пирей? — спросил подозрительный дельфин.
Обезьяна оказалась находчивой.
— О, да! — воскликнула она. — Пирей мой лучший друг! Я только на прошлой неделе разговаривала с ним!
Дельфин гневно подпрыгнул и сбросил обезьяну в море, где она и утонула.
Мораль: когда выдаешь себя за другого, постарайся придерживаться фактов.
М.Н.Плано

Глава 68
ГАЛАКТЫ

Изображение на голографическом экране дрожало. Ничего удивительного. Оно приходило за многие парсеки через свернутое пространство в пункте перехода Пурмин. Картинка прыгала и иногда теряла четкость. Но смысл послания

совершенно ясен сюзерену Праведности.

Толпа разнообразных существ находится перед пьедесталом сюзерена. Большинство он узнавал с первого взгляда. Вот пила, низкорослые, пушистые, с короткими руками. А вот высокий нескладный з'танг, он стоит перед паукообразным серентини. Лениво светится би-гле, свернувшись рядом с существом, которое сюзерен сразу не узнал. Возможно, клиент, а может быть, домашнее животное.

К отчаянию сюзерена, в делегацию входили синтианин и человек.

Человек!

И невозможно жаловаться. Логично включить в число официальных наблюдателей человека, так как планета отдана по лицензии людям, если, конечно, найдется подходящий претендент. Но сюзерен был уверен, что в распоряжении Института возвышения в этом секторе такого нет!

Видимо, это еще один признак того, что политическая ситуация в пяти галактиках ухудшилась. С родины от Повелителей Насестов поступают сообщения о серьезных неудачах между спиральными рукавами. Сражения терпят неудачу. Союзники оказываются ненадежными. На некогда выгодных торговых путях, закрытых из-за

блокады Земли, теперь доминируют боевые флоты соро и танду.

Наступают тяжелые времена для великого и могучего клана гуксу-губру.

Все теперь зависит от некоторых мощных кланов, пока еще сохраняющих нейтралитет. Но если произойдет нечто такое, что позволит заключить с ними союз, триумф достанется праведным.

С другой стороны крыла, будет катастрофой, если эти нейтралы примкнут к противникам великого клана!

Именно этими соображениями руководствовался сюзерен Праведности, когда выдвинул идею захвата Гарта. Внешне экспедиция была нацелена на захват заложников, чтобы вынудить Верховное Командование Земли поделиться своими тайнами. Но психологические прогнозы показывали, что это маловероятно. Волчата очень упрямы.

Нет, поддержку плана сюзерена Повелителями Насестов обеспечили посулы добыть честь и славу клану, одержать решительную победу и тем самым привлечь на свою сторону колеблющихся. И вначале все шло так хорошо!

Первый сюзерен Стоимости и Бережливости...

Священник издал глубокую траурную ноту.

Он не понимал раньше, какого мудреца они потеряли, как умел старый чиновник оттенить яркие способности своих молодых коллег своим здравым смыслом и надежностью.

«Какой консенсус, какое единство, какую политику могли бы мы получить!»

А теперь, вдобавок к постоянным раздорам во все еще не достигшем единства триумвирате, недавние дурные новости: землянин в составе делегации Института возвышения. О последствиях этого думать страшно.

И даже не это еще самое плохое! Сюзерен в отчаянии смотрел, как землянин выступил вперед в качестве главы делегации. Он заговорил на отчетливом галактическом-семь.

— Приветствую триумвират сил гуксу-губру, оккупирующих в настоящий момент лицензионную планету под названием Гарт от имени Каф'Квин*3, Верховного Высшего Экзаменатора Института возвышения. Это послание отправлено вам быстрейшим доступным способом, чтобы вы могли подготовиться к нашему прибытию. Состояние гиперпространства и пунктов перехода таково, что мы почти наверняка сможем присутствовать на предлагаемой церемонии и вовремя предложить соответствующие тесты

на разумность в том месте и в то время, какие назначены вами. Вы также извещаетесь, что галактический Институт возвышения с большим сомнением идет навстречу вашей необычной просьбе — из-за спешки и ограниченной информации. Церемонии возвышения — радостные события, особенно в такие тревожные времена. На них празднуется продолжение и постоянное возобновление галактической культуры во имя наших почитаемых Прародителей. Клиенты — это надежда и будущее нашей цивилизации, и именно в таких ритуалах мы демонстрируем свою ответственность, честь и любовь. Мы встречаем это событие, преисполненные любопытства к тем чудесам, которые клан гуксу-губру намерен показать пяти галактикам.

Сцена исчезла, оставив сюзерена в задумчивости. Конечно, слишком поздно отозвать приглашения и отменить церемонию.

Даже остальные сюзерены понимают это. Шунт должен быть завершен, и они должны приготовиться к приему почетных гостей. Поступить иначе — означает нанести невосполнимый ущерб делу губру.

Сюзерен исполнил танец гнева и раздражения, изрыгая короткие резкие проклятия.

Будь проклят этот дьявольский шутник-тимбрими! Задним числом сама мысль о гартлингах, туземных предразумных существах, переживших катастрофу бурурал ли, кажется нелепой. Но цепочка фальшивых свидетельств выглядела такой убедительной, сулила такие огромные возможности!

Сюзерен Праведности начинал эту экспедицию, будучи первым из предводителей. Его высокое положение в Слиянии казалось непоколебимым, особенно после безвременной гибели первого сюзерена Стоимости и Бережливости.

Но все изменилось, когда лопнул миф о гартлингах и стало ясно, что сюзерена Праведности просто одурачили. Неспособность найти доказательства ошибок людей в восстановлении Гарта и воспитании клиентов означала, что сюзерен по-прежнему не может вступить на почву этой планеты. Это, в свою очередь, задерживает выработку необходимых для Слияния гормонов. Все эти факторы — серьезные неприятности, ставящие под сомнение саму возможность Слияния.

Восстание неошимпанзе помогло военным выдвинуться на первый план.

Теперь сюзерен Луча и Когтя быстро и неудержимо завоевывает авторитет.

Приближение Слияния наполняло сюзерена Праведности дурными предчувствиями. Такие события должны быть торжественными и высокодуховными даже для проигравших. Слияние — это время обновления и сексуального становления расы и одновременно — кристаллизация политики, консенсус для правильных действий.

Но на этот раз, однако, консенсуса почти нет. Что-то в этом Слиянии изначально неверно.

Единственное, в чем трое сюзеренов достигли единодушия, — строящийся гиперпространственный шунт необходимо использовать для церемонии возвышения. Поступить иначе в данный момент равносильно самоубийству. Но во всем остальном мнения сюзеренов расходятся. Их непрерывные споры отражаются на состоянии всей экспедиции. Религиозные солдаты Когтя ссорятся со своими товарищами. Чиновники, военные в отставке, поддерживают расточительство своих бывших товарищей и глухо ропщут, получив приказ своего сюзерена. Даже среди священников вместо былого единодушия часто возникают споры.

Верховный священник недавно обнаружил, к чему приводит деление на фракции: к настоящему предательству! Иначе каким образом пропали

два представителя расы шимпанзе?

Теперь сюзерен Стоимости и Бережливости настаивает на том, что он будет выбирать нового представителя-самца. Несомненно, именно главный чиновник виновен в «бегстве» Фибена Болджера! И столь же очевидно, что теперь этот шимп — прах и пепел. Конечно, невозможно обвинить в этом никого из сюзеренов-соперников.

Приблизился слуга-кваку, поклонился и протянул в клюве информационный куб.

В помещении стемнело, и сюзерен Праведности глазами видеокамеры увидел дождь и темноту. Он невольно вздрогнул от отвращения к омерзительному тусклому и сырому городу волчат.

Камера приблизилась и показала панорамой грязную тропу в глухом переулке... сломанную клетку из дерева и проволоки, в которой земляне держали своих ручных птиц... груду мокрой одежды рядом с закрытой на замок фабрикой... следы, ведущие по грязному полю к изогнутой и разорванной ограде... еще отпечатки за оградой, уходящие в туман, в степь.

Прежде чем следователи завершили доклад, сюзерену все стало ясно.

Самец-шимп сумел уйти от подготовленной для него ловушки! Он умудрился действительно

сбежать!

Сюзерен исполнил на своем насесте ряд древних жеманных па.

Ущерб, вред, урон
Нашей программе огромен.
Но он не есть, не должен быть
Невосполнимым!

По сигналу сюзерена появились слуги-кваку. Первый приказ сюзерена был прост.

Мы должны усилить, углубить, усугубить нашу преданность, нашу настойчивость. Сообщите самке, что мы согласны, мы изъявляем готовность, мы принимаем ее просьбу. Она может посетить Библиотеку.

Слуга поклонился, и все остальные кваку пропели:

Зуууун!

Глава 69
ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ

Межзвездное послание закончилось, голографический экран опустел. Когда зажегся свет, члены Совета удивленно переглянулись.

— Что... что все это значит? — спросил полковник Мейвен.

— Не знаю, — ответил командор Кайли. — Но ясно, что губру что-то задумали.

Комендант убежища Му Чей побарабанила пальцами по столу.

— Это как будто официальные представители Института возвышения. Мне кажется, захватчики планируют провести какую-то церемонию возвышения и пригласили свидетелей.

«Это-то очевидно», — подумала Меган.

— Вы думаете, это имеет отношение к загадочному строительству у Порт-Хелении? — спросила она. Это сооружение послужило предметом недавних многих обсуждений.

Полковник Мейвен кивнул.

— Не хотелось раньше признавать эту возможность, но сейчас я с этим согласен.

Заговорил член Совета — шимп.

— Зачем им проводить церемонию для кваку здесь, на Гарте? Это не имеет смысла. Разве это подкрепит их требование на лицензию на Гарт?

— Сомневаюсь, — сказала Меган. — Может быть... может быть, церемония проводится не для кваку.

— Но тогда для кого?

Меган пожала плечами. Кайли заметил:

— По-видимому, представители Института возвышения тоже этого не знают.

Повисло тяжелое молчание. Наконец снова заговорил Кайли.

— Насколько значительно, по вашему мнению, то обстоятельство, что возглавляет делегацию человек?

Меган улыбнулась.

— Очевидно, это проявление отношения к губру. Человек, возможно, всего лишь младший чиновник в местном отделении Института возвышения. То, что он стоит выше пила, з'танг и серентини, означает, что с Землей еще не покончено. И определенные силы хотят указать на это губру.

— Хм. Пила. Они серьезные члены клана соро. То, что ими руководит человек, может, конечно, означать оскорбление для губру, но еще не значит, что с Землей все в порядке.

Меган поняла, что имеет в виду Кайли. Если в земном пространстве господствуют соро, всех их ждут тяжелые времена.

Снова долгое молчание. Затем заговорил полковник Кайли.

— Они упомянули гиперпространственный

шунт. Такие установки очень дорогие. Губру, должно быть, возлагают много надежд на эту церемонию.

«Действительно», — подумала Меган, помня, какое предложение было выдвинуто на Совете. Теперь она поняла, что трудно ей будет придерживаться совета Утакалтинга.

— Вы предлагаете цель, полковник?

— Да, мадам координатор, — Мейвен выпрямился и встретился с ней взглядом. — Я думаю, именно такого случая мы ждали.

За столом все одобрительно закивали. «Они так голосуют от раздражения и скуки. — Меган это знала. — Но разве это не золотой шанс, которым нужно воспользоваться или навсегда его утратить?!»

— Мы не можем нападать, когда прибудут посланники Института возвышения, — подчеркнула она и увидела, что все понимают важность этого. — Однако я согласна, что до их прибытия у нас есть возможность.

Согласие было очевидно. Меган мельком подумала, что должно быть более тщательное обсуждение. Но и она испытывала крайнее нетерпение.

— Мы передадим новый приказ майору Пра-

тачулторну. Он получает карт-бланш. Единственное условие — нападение должно быть организовано до первого ноября. Согласны?

Простое поднятие рук. Командор Кайли колебался, потом присоединился к остальным, и голосование прошло единодушно.

«Мы обречены, — подумала Меган. — Приготовлено ли в аду специальное местечко для матерей, посылающих своих сыновей в бой?»

Глава 70
РОБЕРТ

«Ей ведь не обязательно было уходить! Она сама говорила, что все в порядке».

Роберт потер колючий подбородок. Подумал о душе и бритье. Когда рассветет, майор Пратачулторн созовет совещание, а командир любит, чтобы его офицеры выглядели аккуратно.

«На самом деле мне следовало бы поспать», — подумал Роберт. Они только что закончили серию ночных опытов. Но через пару часов беспокойного сна он обнаружил, что слишком нервничает, слишком переполняет его беспокойная энергия, чтобы он мог оставаться в постели. Он встал и пошел к своему маленькому столу. При рассеян-

ном свете информационного экрана, чтобы не разбудить остальных обитателей комнаты, начал читать приказ майора Пратачулторна, подробное описание предстоящего боя.

Оно оказалось изобретательным и профессиональным.

Предлагались разнообразные варианты для использования ограниченных сил для сильного удара по врагу. Оставалось только правильно выбрать цель.

Но все-таки что-то в этой стройной системе показалось Роберту неверным. Документ не укрепил его уверенности, как он надеялся.

Роберт почти чувствовал, как образуется нечто в пространстве над его головой — что-то отдаленно напоминающее темные тучи, которые закрывали вершины гор в недавнюю грозу — символическое проявление его беспокойства.

В другом конце небольшой комнаты шевельнулась стройная фигура под одеялом. Одна изящная рука свесилась вниз, видны также гладкое бедро и икра ноги.

Роберт сосредоточился и убрал нечто, создаваемое его простой аурой.

Оно начало тревожить сон Лидии, несправедливо взваливать на нее свои тревоги. Несмотря

на недавнюю интимную близость, они еще чужие друг другу.

Роберт напомнил себе, что в последние дни произошли и некоторые положительные изменения. Например, план боя показывал, что идеи Роберта Пратачулторн воспринимает серьезно. А время, проведенное с Лидией, приносило не только физическое удовлетворение. Роберт не сознавал, как ему не хватало простого прикосновения другого человека. Люди выдерживают одиночество легче шимпов. Если у тех долго нет партнера по расчесыванию, они впадают в глубокую депрессию. Но и у людей обоего пола есть подобные потребности. Даже в самые страстные моменты с Лидией Роберт продолжал думать и о ком-то другом.

«Нужно ли было ей на самом деле уходить? Не было никаких убедительных причин для похода к горе Фосси. О гориллах и без того хорошо заботятся».

Конечно, гориллы послужили только предлогом уйти от неодобрительных взглядов майора Пратачулторна и электрических разрядов человеческой страсти.

Атаклена, возможно, права, нет ничего дурного в том, что Роберт ищет общества людей. Но кроме

логики, у нее есть и чувства. Юная и одинокая, она страдает, хотя понимает, что он поступает правильно.

— Черт возьми! — проворчал Роберт. Слова и чертежи Пратачулторна расплывались. — Черт возьми, мне ее не хватает.

Снаружи, за одеялом, которым его комната отделяется от остальной пещеры, послышался шум. Роберт посмотрел на часы. Всего лишь час ночи. Он встал и надел брюки. Шум в такое время означает скорее всего дурные новости. То, что враг целый месяц, не проявлял активности, вовсе не значит, что так будет всегда. Может быть, губру разнюхали про их планы и наносят упреждающий удар. По камню зашлепали босые ноги.

— Капитан Онигл? — произнес голос из-за одеяла. Роберт подошел и откинул занавеску. Перед ним стояла запыхавшаяся посыльная-шимми.

— Что случилось? — спросил Роберт.

— Сэр, вам лучше взглянуть.

— Хорошо. Только возьму оружие.

Шимми покачала головой.

— Это не нападение, сэр... из Порт-Хелении прибыли шимпы.

Роберт нахмурился. Небольшие группы новобранцев приходят все время. Почему такое

возбуждение сейчас? Он услышал, как шевелится потревоженная Лидия.

— Хорошо, — сказал он шимми. — Расспросим их немного позже...

Она прервала:

— Сэр! Это Фибен! Фибен Болджер, сэр. Он вернулся.

Роберт мигнул.

— Что?

Сзади послышался шорох.

— Роб? — произнес женский голос. — Что...

Роберт завопил. Его крик отозвался в тесном помещении. Он сжал в объятиях и поцеловал удивленную шимми, потом подхватил Лидию и подбросил в воздух.

— Что?.. — недоуменно повторила она и замолчала, увидев, что Роберта и след простыл.

* * *

Особой необходимости торопиться не было. Фибен со своим эскортом еще не появился. К тому времени, когда можно было рассмотреть поднимающихся по тропе лошадей, Лидия оделась и присоединилась к Роберту около внешнего укрепления пещеры. Серый рассвет уже принялся гасить звезды.

— Все на ногах, — заметила Лидия. — Даже майора подняли. Везде бегают шимпы и возбужденно болтают. Должно быть, мы ждем необычного шена.

— Можно и так сказать. — Роберт рассмеялся и подул на руки. — Старина Фибен действительно необычен.

— Это я поняла. — Она заслонила глаза от света с востока и смотрела, как конный отряд поворачивает на тропе. — Это тот, что в бинтах?

— Гм? — Роберт прищурился. Зрение Лидии было улучшено биоорганически во время ее военного обучения. Ему стало завидно. — Ничего удивительного. Фибен частенько ходит перебинтованный, хотя и говорит, что ненавидит повязки. Сваливает все на свою природную неуклюжесть и невезучесть, но я всегда подозревал в нем склонность к авантюрам. Никогда не встречал шимпа, которому так много нужно, просто чтобы рассказать о себе.

Через несколько минут он тоже мог разглядеть фигуру своего друга. Роберт крикнул и поднял руку. Фибен улыбнулся и помахал в ответ, хотя левая его рука висела на перевязи. Рядом с ним на светлой кобыле ехала шимми, которую Роберт не узнал.

Из пещеры вышла посыльная и отдала честь.

— Джентльмены, майор просит вас и лейтенанта Болджера немедленно явиться к нему.

Роберт кивнул.

— Пожалуйста, передай майору Пратачулторну, что мы сейчас явимся.

Лошади поднялись на последний пригорок. Лидия сунула руку в ладонь Роберта, и он ощутил одновременно прилив радости и вины. Он сжал ее руку и постарался не показывать противоречивости своих чувств. «Фибен жив! — подумал он. — Надо сообщить Атаклене. Я уверен, она обрадуется».

* * *

У майора Пратачулторна выработалась нервная привычка тянуть себя за ухо. Слушая доклады подчиненных, он ерзает на стуле, время от времени что-то бормочет в свой накопитель информации, получает какие-то сведения. Может показаться, что он отвлекается, но стоит говорящему замолчать или просто заговорить медленнее, майор тут же нетерпеливо щелкает пальцами.

Очевидно, Пратачулторн соображает быстро и способен решать одновременно несколько задач.

Но такое поведение некоторые шимпы воспринимают с трудом, нервничают и лишаются дара речи. Это, в свою очередь, не улучшает мнения майора о солдатах нерегулярной армии, которые еще недавно находились под командованием Роберта и Атаклены.

Однако при обращении с Фибеном такой проблемы не возникло. Прихлебывая апельсиновый сок, Фибен продолжал рассказывать. Даже Пратачулторн, который обычно прерывает посыльных, задает множество вопросов, безжалостно требует подробностей, на этот раз сидел молча, слушая о трагическом окончании восстания в долине, последующем пленении Фибена, о встречах с сюзереном Праведности и тестах и о теориях доктора Гайлет Джонс.

Время от времени Роберт поглядывал на шимми, которую Фибен привез с собой из Порт-Хелении. Сильвия сидела между Бенджамином и Элси, выпрямившись, с непроницаемым выражением. Когда ей изредка задавали уточняющие вопросы или просили подтверждения, она негромко отвечала, но остальное время не сводила глаз с Фибена.

Фибен подробно остановился на политической ситуации в лагере губру, как он понимал ее.

Перейдя к рассказу о вечере своего бегства, он сообщил о ловушке, подготовленной «сюзереном Стоимости и Бережливости», и закончил просто, сказав:

— Поэтому мы с Сильвией решили уходить другим путем, не морем. — Он пожал плечами. — Мы пролезли через дыру в ограде и добрались до передового поста повстанцев. И вот мы здесь.

«Ничего себе!» — подумал Роберт. Разумеется, Фибен промолчал и о своих ранах, и о том, как же все-таки им удалось уйти. Конечно, все это будет в его письменном отчете майору, но остальным придется выкупать у него подробности.

Роберт увидел, как Фибен посмотрел в его сторону и подмигнул.

«Не меньше пяти порций пива», — подумал Роберт.

Пратачулторн наклонился вперед.

— Вы говорите, что видели гиперпространственный шунт? Можете указать точное место расположения?

— Я получил подготовку разведчика, майор. В письменный отчет я включу карту или схему.

Пратачулторн кивнул.

— Если бы у нас уже не имелось других сообщений, никогда не поверил бы этому рассказу.

Но теперь вынужден вам поверить. Говорите, установка дорогая, даже по стандартам губру?

— Да, сэр. Так считаем мы с Гайлет. Судите сами. Люди смогли организовать только по одной церемонии возвышения для своих клиентов за все годы после Контакта, и в обоих случаях они происходили на Тимбриме. Поэтому другие клиенты, вроде кваку, относятся к нам пренебрежительно. Частично это спровоцировано кланами соро и губру, которые пытались отказать людям в статусе патронов, но главным образом из-за нашей бедности, по галактическим стандартам.

Фибен явно поднаторел. Роберт подумал, что отчасти это заслуга Гайлет Джонс. Со своим обостренным чувством эмпатии он воспринимал слабую дрожь, с которой Фибен произносил это имя.

Роберт взглянул на Сильвию. «Похоже, у Фибена возникли сложности».

Конечно, это напомнило Роберту о собственной ситуации. «Фибен не одинок», — подумал он. Всю жизнь он хотел стать восприимчивее, лучше разбираться в других и себе. Наконец его желание исполнилось, но не принесло ему радости.

— Клянусь Дарвином, Джейн Гудолл и Гринписом! — Пратачулторн ударил по столу. — Мистер

Болджер, ваше сообщение пришло как нельзя вовремя! — Он повернулся к Роберту и Лидии. — Вы понимаете, что это значит, джентльмены?

— Гм... — начал Роберт.

— Цель, сэр, — сжато ответила Лидия.

— Совершенно верно, цель! Это полностью соответствует приказу, полученному от Совета. Если сумеем разрушить шунт — предпочтительно до прибытия почетных гостей, ударим губру в самое больное место — по кошельку!

— Но... — попытался возразить Роберт.

— Вы слышали рассказ разведчика, — сказал Пратачулторн. — Губру в трудном положении. Они истратили все ресурсы, их предводители вцепились в горло друг другу, и это может стать последней каплей! Да, мы можем ударить, когда там соберется весь их триумвират!

Роберт покачал головой.

— Не стоит ли все хорошенько обдумать, сэр? Я имею в виду предложение этого сюзерена Правдивости...

— Праведности, — поправил Фибен.

— Да. Его предложение Фибену и доктору Джонс.

Пратачулторн в свою очередь покачал головой.

— Явная ловушка, Онигл. Будьте осторожней.

— Я осторожен, сэр. Я эксперт в этих вопросах не лучший, чем Фибен, и гораздо хуже разбираюсь, чем доктор Джонс. И, конечно, я согласен, что это может быть ловушка. Но по крайней мере внешне это выглядит чрезвычайно выгодно для Земли! Не думаю, что мы должны отбросить такое предложение, даже не сообщив Совету.

— На это нет времени, — ответил Пратачулторн, качая головой. — Я получил приказ действовать по собственному усмотрению и по возможности до прибытия почетных гостей из галактики.

Роберт ощутил растущее отчаяние.

— Но давайте хотя бы посоветуемся с Атакленой. Она дочь дипломата и быстрее нас разберется в том, какими могут оказаться последствия.

Хмурое лицо Пратачулторна было весьма красноречиво.

— Если найдется время, я с удовольствием выслушаю мнение молодой тимбрими. — Но стало ясно, что Роберт упал в глазах майора, упомянув имя «генерала».

Пратачулторн хлопнул по столу.

— Требуется срочно собрать совещание офицеров и выработать тактику действий против гипершунта. — Он повернулся и кивнул шимпам.

— Вы свободны, Фибен. Благодарю вас за храбрость и своевременные действия. То же самое относится и к вам, мисс. — Он кивнул Сильвии. — С нетерпением жду письменный отчет.

Элси и Бенджамин встали и вышли. Как временно получивших офицерское звание, их не включили в штаб Пратачулторна. Фибен встал медленнее, с помощью Сильвин.

Роберт торопливо заговорил вполголоса с Пратачулторном.

— Сэр, я уверен, вы просто забыли, что Фибен офицер колониальных сил. Если мы его не пригласим, это будет политической ошибкой.

Пратачулторн мигнул. Выражение его лица не изменилось, но Роберт понял, что опять промахнулся.

— Да, конечно, — спокойно сказал майор. — Пожалуйста, передайте лейтенанту Болджеру, что он может остаться, если не очень устал.

После этого он повернулся к приемнику и стал вызывать файлы. Роберт чувствовал на себе взгляд Лидии. «Наверно, считает, что я никогда не научусь такту», — подумал он, подходя к двери и придерживая Фибена, когда тот уже выходил.

Друг улыбнулся ему.

— Наверно, детское время кончилось, — тихо за-

метил Фибен, взглянув в сторону Пратачулторна.

— Даже хуже, старина. Но я только что добился для тебя статуса почетного взрослого.

«Если бы взгляды могли ранить, — думал Роберт, глядя на кислую мину Фибена. — Ты считал, что это время Миллера». — Они говорили о возможном происхождении этого выражения — «детское время».

Фибен, держась за плечо Сильвии, вернулся в помещение. Она какое-то время смотрела на него, потом повернулась и вышла вслед за Элси.

Бенджамин, однако, задержался. Он увидел, как Роберт кивком попросил его остаться. Роберт незаметно передал ему небольшой диск. Вслух он не решился говорить, но сделал знак рукой.

«Передай», — попросил он.

Бенджамин быстро кивнул и вышел.

Когда Роберт вернулся к столу, Пратачулторн и Лидия уже углубились в сложности предстоящего боя. Майор повернулся к Роберту.

— Боюсь, некогда будет использовать бактерии, хотя вы проявили большую изобретательность...

Роберт почти не слышал. Он сел, думая о том, что только что совершил преступление. Тайно записав весь ход встречи, включая доклад Фибена, он нарушил правила. Отдав запись Бенджамину,

он нарушил приказ.

А попросив шимпа доставить запись чужаку, он тем самым совершил измену.

Глава 71
МАКС

Рослого неошимпанзе ввели в обширное подземное помещение на цепи со скованными руками. Шимп не обращал внимания на стражников, тоже шимпов, но в мундирах захватчиков, которые несли другой конец цепи, но время от времени вызывающе посматривал на чужаков техников, которые располагались на переходах вверху.

Лицо его было испещрено старыми шрамами, а теперь к ним прибавились ссадины и открытые раны; местами не хватало шерсти. Раны заживали, но выглядели весьма непривлекательно.

— Пошли, — сказал один из стражников, подталкивая шимпа вперед. — Птицы хотят задать тебе несколько вопросов.

Макс продолжал игнорировать проби. Его отвели к помосту в центре помещения. Здесь ждали несколько кваку, стоя на платформе с приборами.

Макс смотрел на предводителя чужаков, затем небрежно поклонился.

Птицеподобный едва поклонился в ответ.

Рядом с кваку стояли еще трое квислингов. Двое хорошо одетых шимпов, из тех, что наживаются на поставке губру стройматериалов и рабочих. Ходили слухи, что делают они это за счет своих отсутствующих партнеров-людей. Но рассказывали также о согласии и прямом попустительстве людей, интернированных на острове Гилмор. Макс не знал, какую версию предпочесть.

Третий шимп на платформе — командир вспомогательных сил, высокий шен, который высокомерно именует себя Железной Хваткой.

Макс знал, как полагается обращаться с предателями. Он улыбнулся, обнажив большие клыки, и плюнул к их ногам. Проби с криком дернули за цепь, и он пошатнулся. Стражники подняли дубинки. Но быстрое чириканье кваку остановило их. Они с поклоном отступили.

— Ты уверен... не сомневаешься, что этот... этот индивидуум тот самый, кого мы ищем? — спросил пернатый офицер у Железной Хватки.

Шимп кивнул.

— Он найден раненым около того места, где были захвачены Гайлет Джонс и Фибен Болджер.

Его видели в их обществе до восстания; он много лет служил в ее семье. Я провел анализ, показывающий, что контакт с этими индивидуумами делает его пригодным.

Кваку кивнул.

— Ты очень изобретателен, — сказал он Железной Хватке, — и будешь вознагражден, тебе повысят статус. Хотя один из кандидатов, избранных сюзереном Праведности, каким-то образом сумел уйти из наших сетей, мы можем заменить его новым. Тебе сообщат.

Макс достаточно долго жил под властью губру, чтобы понять, что эти чиновники — приближенные сюзерена Стоимости и Бережливости. Хотя не представлял себе, чем он может оказаться им полезен.

Почему его привели сюда? В глубинах рукотворной горы через залив от Порт-Хелении находится устрашающий муравейник механизмов и энергетических установок. Во время подъема на лифте волосы Макса вставали дыбом от статического электричества: губру и их клиенты испытывали титанические машины.

Функционер-кваку разглядывал его одним глазом.

— Ты исполнишь две функции, — сказал он

Максу. — Послужишь двум целям. Ты дашь нам информацию, сообщишь сведения о твоем прежнем нанимателе, нужные нам материалы. И ты поможешь, окажешь помощь нам в эксперименте.

Макс снова улыбнулся.

— Ни того, ни другого я не сделаю, и мне безразлично, если это проявление неуважения. Можете надеть клоунский наряд и кататься на велосипеде.

Кваку мигнул раз, другой, слушая компьютерный перевод. Обменялся чириканьем со своими помощниками, потом снова повернулся к Максу.

— Ты не понял, ошибся в наших словах. Вопросов не будет. Тебе не нужно говорить. Твое согласие не требуется.

Полная убежденность этого заявления звучала устрашающе. Макс вздрогнул в неприятном предчувствии.

Когда его схватили, враг добивался признаний. Он приготовился сопротивляться, но его потрясло, когда выяснилось, что их интересуют только гартлинги. Снова и снова его спрашивали: «Где предразумные?» Гартлинги?

Легко обманывать их, несмотря на все наркотики и пси-машины, потому что главное пред-

положение врагов оказалось таким нелепым. Представить себе только: галакты, поверившие в глупые детские сказки! Макс узнал множество способов дурачить кваку.

Например, он изо всех сил старался не «признаваться», что гартлинги существуют. И ему удалось на время убедить их, что они идут по правильному пути.

Наконец они сдались и оставили его в покое. Вероятно, поняли, что он их дурачит. После этого его направили на строительство, и Макс решил, что о нем забыли.

«Отнюдь», — понял он теперь. Слова кваку обеспокоили его.

— Что значит, не будете спрашивать?

На этот раз ответил предводитель испытуемых. Железная Хватка радостно погладил усы.

— Это значит, что всю информацию, которой ты владеешь, из тебя выдавят. Все эти машины, — он обвел рукой, — будут сосредоточены на тебе. Твои ответы выйдут наружу, а ты — нет.

Макс резко выдохнул и почувствовал, как заколотилось сердце. Но ему помогла держаться твердая решимость: он не даст этим предателям радости увидеть, как у него отнялась речь! Он сконцентрировался на том, чтобы найти слова.

— Это... это против... Правил Войны.

Железная Хватка пожал плечами. И предоставил объяснять чиновнику-кваку.

— Правила защищают... они созданы для видов и планет, а не для индивидуумов. И к тому же мы не приближенные священников!

«Вот как, — понял Макс. — Я в руках фанатиков».

Мысленно он попрощался с шимпами и шимми, с детьми своей групповой семьи, особенно со старшей групповой женой, которую больше никогда не увидит. Так же мысленно он наклонился и прощально поцеловал собственный зад.

— Вы допустили две ошибки, — сказал он тюремщикам. — Первая: вы сказали, что Гайлет жива, а Фибен снова провел вас. Это поможет мне выдержать все, что вы со мной сделаете.

Железная Хватка ответил:

— Пока можешь радоваться. Но ты все-таки поможешь нам спустить на землю твоего бывшего хозяина.

— Может быть, — кивнул Макс. — А вторая ошибка: вы прикрепили меня к этому...

Руки его висели расслабленно, но вот он резко дернул ими и изо всей силы натянул цепь. Двое проби упали, выпустив концы цепи.

Макс покрепче уперся ногами и взмахнул цепью, как кнутом. Охранники метнулись в стороны, но поздно. Удар расколол череп одного из шимпов на помосте. Другой, в отчаянии пытаясь увернуться, сбил с ног всех троих кваку, как кегли.

Макс закричал от радости. Он вертел своим импровизированным оружием, пока все не оказались вне пределов досягаемости, потом изменил ось вращения. И, когда выпустил конец, цепь взлетела вверх и обвилась о поручень мостика над головой.

Подняться по тяжелым звеньям нетрудно. Все казались слишком ошеломлены, чтобы помешать ему. Но наверху пришлось потратить несколько драгоценных секунд, разматывая цепь. И так как руки его были прикованы к цепи, пришлось тащить ее с собой.

«Куда теперь?» — подумал он, собрав цепь. Увидев белое оперение справа от себя, Макс развернулся. И побежал в противоположную сторону, к лестнице, ведущей на следующий уровень.

Конечно, мысль о бегстве нелепа. У него только две цели, обе сиюминутные: нанести как можно больше ущерба и потом покончить с жизнью,

прежде чем он выдаст Гайлет.

Первую задачу он выполнял на бегу, молотя цепью по приборам, трубам, нежным механизмам, до каких мог дотянуться. Некоторые механизмы оказались крепче, чем выглядели, но другие ломались со звоном. Стойки с приборами валились через край вниз.

Макс искал возможность выполнить и другую задачу. Если не попадется оружие, он заберется достаточно высоко, чтобы перепрыгнуть через перила и упасть.

Из-за угла показались техник-губру и два помощника-кваку, они чирикали, обсуждая какую-то проблему. Макс завопил и метнул цепь. У одного кваку образовалась лысина, перья полетели во все стороны. Обороняясь цепью на обратном пути, Макс крикнул «Уууу!» смотрящему на него губру, тот отчаянно пискнул и дал деру, оставив за собой облако пуха.

— Со всем уважением! — добавил Макс в спину убегающему птицеподобному. Неизвестно, записывается ли происходящее. Гайлет говорила Максу, что убивать птиц нужно, делая это культурно.

Заревели сирены. Макс спихнул кваку, оттолкнул другого и принялся подниматься по

ступенькам. На следующем уровне он обнаружил заманчивую цель, мимо которой невозможно пройти. На краю грузовой платформы стояла длинная тележка с тонной хрупких фотонных приборов. У шахты лифта нет никаких поручней. Не обращая внимания на крики и шум, Макс нажал плечом.

«Давай!» — выдохнул он, и тележка на колесах двинулась.

— Эй! Он там! — услышал он крик шимпа. Макс напрягся, жалея о том, что раны ослабили его. Тележка покатилась.

— Эй, ты! Прекрати!

Слишком поздно, чтобы помешать инерции. Тележка вместе с грузом перевалила через край шахты. «Пора за ней», — подумал Макс.

Но не успел он сделать и шага, как ноги его свело судорогой. Он узнал болезненный эффект воздействия станнера на нервы. И, повернувшись, успел заметить оружие в руках Железной Хватки.

Руки Макса судорожно сжались, словно горло проби находилось рядом. Он отчаянно пытался упасть назад, в шахту.

«Получилось!» Макс торжествовал, падая вниз. Колющее оцепенение продлится недолго. «Те-

перь мы сравнялись, Фибен», — подумал он.

Но оказалось, что это не конец. Макс еще чувствовал, как руки чуть не выдернулись из суставов, когда он резко затормозил. Наручники оставили кровавые полосы, конец цепи задержался вверху. Сквозь металлическую сетку платформы Макс видел вверху Железную Хватку, который изо всех сил удерживал цепь. Проби посмотрел на него и медленно улыбнулся.

Макс покорно вздохнул и закрыл глаза.

* * *

Придя в себя, Макс чихнул и попытался отодвинуться от ужасного запаха. Он мигнул и смутно разглядел усатого неошимпа, который держал у него под носом еще дымящуюся разбитую капсулу.

— Ну, вижу, ты проснулся.

Макс чувствовал себя ужасно. Конечно, от станнера болело все тело, он едва мог шевелиться. Но особенно горели руки и запястья. Они были связаны за спиной, но Макс догадывался, что руки сломаны.

— Где... где я? — спросил он.

— В самом центре гиперпространственного шунта, — небрежно ответил Железная Хватка.

Макс плюнул.

— Проклятый лжец!

— Как хочешь. — Железная Хватка пожал плечами. — Я просто подумал, что ты заслуживаешь объяснения. Видишь ли, вот эта машина называется усилитель. Она предназначена для проникновения в мозг и передачи изображения. Во время церемонии ею будут управлять представители Института, но они еще не прибыли. Так что мы собираемся чуть перегрузить ее, для проверки. Обычно испытуемый субъект приходит добровольно, а сама процедура не причиняет вреда. Но сегодня все это не имеет значения.

Из-за Железной Хватки послышалось резкое чириканье. В узком люке показались техники сюзерена Стоимости и Бережливости.

— Время! — выпалил передний кваку. — Быстрей! Торопись!

— А чего вы торопитесь? — спросил Макс. — Боитесь, что губру из других партий услышат и придут посмотреть?

Закрывая люк, Железная Хватка взглянул на него и опять пожал плечами.

— Это значит, что у нас есть время на один вопрос, но важный. Расскажи нам о Гайлет.

— Никогда!

— Ты ничего не сможешь сделать, — рассмеялся Железная Хватка. — Пытался когда-нибудь не думать о чем-то? Ты не сможешь не думать о ней. А машина, ухватившись за что-нибудь, извлечет из тебя все остальное.

— Ты... ты... — Макс пытался найти слова, но на этот раз они исчезли.

Он дергался, пытался уйти из центра массивных свернутых трубок, отовсюду нацелившихся на него. Но силы оставили его.

Только не думать о Гайлет Джонс. Но, пытаясь не думать о ней, он, конечно, думал! Макс застонал, и в это время машина негромко загудела. И он сразу почувствовал, как вокруг него заиграли гравитационные поля сотен звезд.

А в сознании завертелись тысячи картин. И все чаще и чаще среди них оказывалось изображение его прежней хозяйки и друга.

— Нет! — Макс сражался с этим изображением. Он должен вообще ни о чем не думать, попытаться сосредоточиться на чем-то другом, прежде чем его разорвет на части.

«Конечно!» Он позволил врагу вести себя. Неделями они допрашивали его, задавали вопросы только о гартлингах, и ни о чем, кроме них. Это походило на навязчивую идею. А теперь для него

это мантра.

«Где предразумные?» — настаивали они. Макс собрался и, несмотря на боль, рассмеялся.

— Из всех... тупых... глупых... идиотских...

Презрение к галактам наполнило его. Они хотят извлечь из него проекцию мысли? Пусть усилят это!

Он знал, что снаружи, в горах и лесах, сейчас, должно быть, рассвет.

Представил себе эти леса, представил себе, как мог, гартлинга, и расхохотался над получившимся изображением.

И свои последние мгновения хохотал над идиотизмом жизни.

Глава 72
АТАКЛЕНА

Снова вернулись осенние бури, на сей раз обширный фронт циклона накатился на долину Синда. В горах ветры усилились, они срывали листья с деревьев и вздымали их вихрями. В пасмурном небе появились очертания смерчей.

И как бы в ответ ожил вулкан. Его низкие жалобы медлительнее ветра, но от них лесные обитатели нервничали и забирались в норы или

плотнее цеплялись за стволы деревьев. Разум не защищает от уныния. Шимпы в своих палатках на отрогах горы прижимались друг к другу, вслушиваясь в вой ветра. Время от времени кто-нибудь поддавался напряжению и с криком исчезал в лесу; через час или позже он возвращался, взъерошенный и смущенный, таща за собой хвост оборванной листвы.

Гориллы тоже оказались восприимчивы к погоде, но проявляли это по-другому. По ночам они сосредоточенно смотрели на бегущие тучи, принюхивались, словно чего-то ждали. Атаклена не могла понять, о чем напоминают ей такие вечера, но позже, в собственной палатке, под густым пологом леса, она ясно слышала низкое атональное пение, каким гориллы отвечали на бурю.

Эта колыбельная помогала ей уснуть, но за все нужно платить. Ожидание... такая песня, конечно, призовет то, что никогда не уходит насовсем. Голова Атаклены металась на подушке, щупальца развевались — искали, отталкивали, проникали, принуждали. И постепенно, неторопливо возникала знакомая сущность.

— Тутсунуканн... — выдохнула она, не в состоянии проснуться и избежать неизбежного. Глиф собрался над головой, созданный из несуществу-

ющего.

— Тутсунуканн с'ах браннитсун. А'твиллит'т...

Тимбрими понимают, что бесполезно просить о милости, особенно во Вселенной Ифни. Но Атаклена превратилась в нечто, одновременно большее и меньшее, чем просто тимбрими. И у тутсунуканна появились союзники. К нему присоединились видимые изображения, метафоры. И грозная аура глифа усилилась, превратилась в кошмар. «...с'ах браннитсун...» — вздохнула Атаклена, умоляя во сне.

Ночной ветер рвал ее палатку, а сонный мозг рисовал крылья огромных птиц. Злобные, они летят над самыми вершинами деревьев, их сверкающие глаза ищут, ищут... Слабая вулканическая дрожь сотрясает постель, а Атаклена представляет себе копошащиеся в земле существа — мертвые, неотмщенный утраченный Потенциал этой планеты, погубленный, уничтоженный бурурали много лет назад. Мертвые корчатся под обеспокоенной поверхностью, ищут...

— С'ах браннитсун, тутсунуканн!

Прикосновение собственных щупалец кажется нитями и лапами крошечных пауков. Гир-поток шлет крошечных гномов под кожу, они быстро начинают нежеланные изменения.

Атаклена застонала: глиф ужасного выжидающего смеха повис над ней и уставился, наклонился, потянулся к ней...

— Генерал? Мисс Атаклена! Прошу прощения, мэм, вы не спите? Мне жаль вас тревожить, сэр, но...

Шимп замолчал. Он откинул клапан, собираясь войти, но тут же отскочил. Атаклена села, глаза ее были широко раскрыты, кошачьи зрачки расширились, зубы оскалились в пережитках сонного страха.

Она как будто не замечала шимпа. Он замигал, глядя на волны, медленно пробегающие по ее горлу и плечам. А над вьющимися щупальцами, показалось шимпу, повисло что-то ужасное.

Он чуть не сбежал. Потребовалась вся воля, чтобы только сглотнуть, наклонить голову и произнести:

— Мэм, пожалуйста... Это я... Сэмми...

Медленно, словно привлеченное исключительно силой воли, в глазах с золотистыми точками забрезжило сознание. Атаклена испустила дрожащий вздох. И упала вперед.

Сэмми держал ее, а она всхлипывала. А он в этот момент, испуганный, ошеломленный, пораженный, мог думать только о том, какая она

легкая и хрупкая.

* * *

...Тогда Гайлет пришла к убеждению, что ловушка, если церемония действительно ловушка, должна быть очень коварной.

Понимаете, сюзерен Праведности словно полностью изменил свой взгляд на возвышение шимпов. Он начал с убеждения, что сумеет найти недостатки в проведении этого процесса и даже сможет отобрать неошимпов у людей. Но теперь он как будто искренне ищет... ищет достойных представителей расы...

Голос Фибена Болджера доносился из портативного аппарата, стоящего на сколоченном из досок столе Атаклены. Атаклена слушала запись, присланную Робертом. Доклад шимпа в пещерах оказал неожиданное действие. Добродушие и суховатый юмор Фибена улучшили настроение Атаклены. Но теперь, когда он пересказывал соображения доктора Гайлет Джонс насчет захватчиков, голос Фибена звучал почти смущенно.

Атаклена чувствовала неловкость, которую испытывал Фибен. Для этого ей не требовалось непосредственного присутствия. Она улыбнулась такой иронии. «Он начинает понимать, кто он, и это его пугает». Атаклена сопереживала Фибену. Здравомыслящее существо стремится к миру и спокойствию, оно не хочет быть мучеником, судьба которого не зависит от него самого.

Атаклена держала медальон с наследием отца и матери. На какое-то время ей удалось отбросить тутсунуканн. Но она знала, что глиф вернется и останется навсегда, лишив ее сна и покоя, пока тутсунуканн не изменится, не станет чем-то другим. Такой глиф — одно из самых значительных известных проявлений квантовой механики — амплитуда вероятности, гудящая и раскачивающаяся на пороге неуверенности, чреватая миллионами возможностей. И как только волновая функция сократится, оставшееся превратится в судьбу. «...тонкое политическое маневрирование на множестве уровней — между местными предводителями сил вторжения, между фракциями на планете губру, между губру и их противниками и возможными союзниками, между губру и Землей и различными галактическими Институтами...» Она погладила медальон.

Иногда сущность другого можно понять только в разлуке с ним.

Слишком все сложно. Чего добивался Роберт, посылая ей запись? Неужели предполагал, что она зачерпнет из обширного хранилища галактической премудрости... или сотворит заклинание... и выдаст политику, которая проведет их через кризис? Как?

Она вздохнула. «Отец, как, должно быть, я тебя разочаровала».

Медальон словно вибрировал под ее дрожащими пальцами. Казалось, она снова погружается в транс, в глубины отчаяния.

«...клянусь Дарвином, Джейн Гудолл и Гринписом!»

Ее привел в себя голос майора Пратачулторна. Она прослушала до конца.

«...цель!..»

Атаклена содрогнулась. Действительно, положение ужасное. Теперь все понятно, особенно неожиданная выжидательная настойчивость нетерпеливого глифа. Когда запись кончилась, Атаклена повернулась к своим помощникам Элейн Су, Сэмми и доктору де Шрайвер. Шимпы терпеливо ждали.

— Я поднимусь на вершину, — сказала Атак-

лена.

— Но... буря, мэм. Мы не уверены, что она минует. И еще вулкан. Мы думаем об эвакуации.

Атаклена встала.

— Я ненадолго. Пожалуйста, не посылайте никого охранять или искать меня. Мне только помешают и осложнят предстоящее.

Она остановилась у выхода из палатки, чувствуя, как ветер подхватил одежду, пытался прорваться к телу. «Терпение. Я иду». И снова негромко обратилась к шимпам:

— Когда я вернусь, лошади должны быть готовы.

Клапан палатки закрылся за ней. Шимпы переглянулись и молча начали готовиться к предстоящему дню.

* * *

Гора Фосси дымилась во многих местах, где испарения невозможно приписать только росе. Влага падала с листьев, дрожащих на ветру. А ветер не стихал, снова и снова налетал сильными неожиданными порывами.

Атаклена упрямо поднималась по узкой звериной тропе. Она чувствовала, что ее просьба выполнена. Шимпы остались позади и не бес-

покоят ее.

День начинался с появления низких туч из-за гор, словно авангарда какого-то воздушного вторжения. Между тучами мелькали полоски голубого неба. Человеческий взгляд, наверно, смог бы различить и несколько упрямых звезд.

Атаклена стремилась к высоте, но еще больше — к одиночеству. Наверху животных еще меньше. Ей нужна пустота.

В одном месте тропу завалило листами какого-то похожего на ткань материала, который Атаклена вскоре узнала — парашюты плюща.

Она вспомнила, что внизу, в лагере, техники-шимпы, разработав напряженное расписание, готовят кишечные бактерии гориллы. Однако сейчас, по-видимому, график майора Пратачулторна не позволит использовать оружие Роберта.

«Какая глупость, — подумала Атаклена. — Удивляюсь, как люди смогли продержаться так долго».

Может, им просто повезло. Она читала об их двадцатом столетии, когда нечто большее, чем Ифни, помогло людям разминуться с гибелью... гибелью не только самих людей, но и всех остальных разумных рас, которые могли возникнуть на

их богатой, плодородной планете. Именно рассказ об этом чудесном спасении от катастрофы, возможно, одна из причин того, что многие расы боятся или ненавидят к'чу'нон, волчат. До сих пор это их спасение остается сверхъестественным и необъяснимым.

У землян есть слова «во имя любви к Господу». Болезненная, насильственная бедность Гарта ничто по сравнению с тем, что люди могли бы сделать с Землей.

«Многие ли из нас повели бы себя лучше в подобных обстоятельствах?» Такой вопрос всегда возникает при самоуверенной, самодовольной позиции превосходства и презрения, которую занимают большие кланы. Ведь они никогда не проходили испытания веками невежества, как человечество. Каково это не иметь ни патронов, ни Библиотеки, ни древней мудрости, только яркое пламя сознания, ненаправленное, неограниченное, способное бросить вызов Вселенной или погубить собственный мир? Немногие кланы осмеливались спросить себя об этом.

Атаклена отбросила маленькие парашюты, обогнула груду носителей спор и продолжала подниматься, размышляя над причудами судьбы.

Наконец она оказалась на каменистой пло-

щадке, откуда открывался вид на юг, на горы, а вдали виднелась цветная полоса степи. Атаклена глубоко вздохнула и достала медальон.

Усиливающийся свет дня не разогнал глиф, который начал возникать в ее щупальцах. На этот раз Атаклена и не пыталась остановить его, не обращала на него внимания — это лучший способ, если не хочешь превратить вероятность в реальность.

Пальцы занялись замком, медальон открылся, и она отбросила крышку.

«Ваш брак был удачен», — думала она о своих родителях. Потому что на месте двух нитей лежала одна, потолще, блестя на бархатной подушечке.

Конец обернулся вокруг ее пальцев. Медальон упал на камень и лежал там, забытый, а Атаклена взяла второй конец нити, натянула, и щупальце загудело, вначале негромко. Но Атаклена продолжала держать его перед собой, позволяя ветру гладить его. И услышала гармонию.

Ей нужно набраться сил для того, что она намерена сделать. Мало кто из ее расы проделывал такое при жизни. Иногда тимбрими умирали...

— А т'ит'туануу, Утакалтинг, — выдохнула она. И добавила имя матери: — А т'ит'туануу, Мати-

клуанна!

Гудение усилилось. Оно, казалось, распространяется вверх по ее рукам, резонирует с биением сердца. Щупальца Атаклены ответили на эти звуки, и она начала раскачиваться.

— А т'ит'туануу, Утакалтинг...

* * *

— Отлично. Может, еще одна-две недели сделают штамм сильнее и к моменту полета плюща он будет готов.

Доктор де Шрайвер вернула культуру в инкубатор. Импровизированная лаборатория находилась на склоне горы, где ее защищало от ветра. Буря не помешала экспериментам. И теперь плоды их работы казались почти созревшими.

Но ее помощник проворчал:

— Какой в этом смысл? Губру немедленно примут контрмеры. И вообще майор сказал, что нападение произойдет до того, как бактерии будут готовы.

Де Шрайвер сняла очки.

— Смысл в том, что мы не прекратим работать, пока мисс Атаклена не попросит нас об этом. Я штатская, ты тоже. Фибен и Роберт должны повиноваться приказу, нравится он им или нет, но мы

с тобой можем выбирать...

Она замолчала, увидев, что Сэмми ее не слушает, а смотрит куда-то вдаль. Она повернулась, чтобы понять, что привлекло его внимание.

Если и утром после своего ночного кошмара Атаклена казалась странной, то теперь ее внешность заставила доктора де Шрайвер ахнуть. Растрепанная, страшно усталая, девушка-чужак мигала сузившимися глазами, стояла, держась за столб палатки. Шимпы бросились к ней и попытались уложить на койку, но она покачала головой.

— Нет, — просто сказала она. — Отнесите меня к Роберту. Немедленно.

Гориллы снова запели, негромко и немелодично. Сэмми побежал за Бенджамином, а де Шрайвер усадила Атаклену на стул. Не зная, что делать дальше, она отряхивала шлем молодой тимбрими от листьев. От щупалец исходил сильный жар, который де Шрайвер ощущала кожей.

А тутсунуканн дрожал в воздухе, заметный даже ошеломленной шимми. Атаклена сидела, слушая пение горилл и чувствуя, что впервые понимает его. Теперь она знала, что все сыграют предназначенные для них роли. Шимпам не понравится предстоящее, но это их проблема. У

всех свои проблемы.

— Отведите меня к Роберту, — снова выдохнула Атаклена.

Глава 73
УТАКАЛТИНГ

Он вздрогнул, стоя спиной к восходящему солнцу, ощущая себя опустошенным, превратившимся в шелуху.

Никогда раньше метафора не казалась настолько точной. Утакалтинг мигнул, медленно возвращаясь в мир... в сухую степь перед нависающими Мулунскими горами. Неожиданно он ощутил старость, груз прожитых лет показался тяжелее обычного.

Глубоко внутри, на уровне нанакиери, он чувствовал оцепенелость. После всего этого он даже не может сказать, выжила ли, так глубоко заглянув в себя, Атаклена.

«Наверное, ее вынудила крайняя необходимость», — подумал он. Впервые дочь попыталась осуществить то, к чему ее не готовили родители. Да и в школе об этом не рассказывают.

— Ты вернулся, — прозаично заметил Каулт. Спутник Утакалтинга в течение последних ме-

сяцев смотрел на него с расстояния в несколько метров. Они стояли посреди коричневого моря саванны, и их длинные тени постепенно укорачивались с восходом солнца.

— Ты получил какое-то сообщение? — спросил Каулт. Он, подобно многим, не обладающим пси-способностями, очень интересовался тем, что казалось ему неестественным.

— Я... — Утакалтинг облизнул губы. Как объяснить, что он, в сущности, ничего не получил. Просто дочь воспользовалась его предложением, которое он сделал, отдавая ей свою нить и нить покойной матери. Она попросила вернуть долг, в котором находятся родители перед ребенком, которого — без его согласия — ввергли в чужой мир.

Никогда не делайте опрометчивых предложений, не подумав о возможных последствиях, которые могут произойти.

«Она опустошила меня». Утакалтингу показалось, что его выпотрошили и зачем-то оставили в живых. И после всего нет никакой гарантии, что она пережила это испытание и сохранила здравый рассудок.

«Может, лечь и умереть?» — Утакалтинг вздрогнул.— «Нет. Пока не время».

— У меня было нечто вроде общения, — сказал он Каулту.

— А губру не засекут эту связь?

Утакалтинг не смог создать даже паланк — эквивалент пожатия плечами.

— Может быть. — Щупальца его обвисли, как человеческие волосы. — Не знаю.

Теннанинец вздохнул, хлопнув дыхательными щелями.

— Доверься мне, коллега. Больно думать, что, возможно, ты что-то скрываешь от меня.

Как Утакалтинг старался подвести Каулта к этим словам! А теперь ему все равно.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

Теннанинец раздраженно выдохнул.

— Подозреваю, что ты знаешь гораздо больше меня об этом удивительном существе, следы которого мы видели. Предупреждаю тебя, Утакалтинг: я создаю прибор, который разрешит для меня эту загадку. Тебе лучше рассказать мне всю правду, прежде чем я узнаю ее сам!

Утакалтинг кивнул.

— Я понимаю тебя. А теперь нам лучше пойти дальше. Если губру обнаружили происходящее и явятся проверять, нам нужно оказаться как можно дальше отсюда.

Он по-прежнему в долгу перед Атакленой. Нельзя позволить, чтобы его захватили раньше, чем она воспользуется полученным.

— Ну, хорошо, — сказал Каулт. — Поговорим об этом позже.

Без особого интереса, скорее по привычке, чем по другим причинам, Утакалтинг повел спутника к горам в направлении, избранном — опять по привычке — по слабому синему мерцанию вдали.

Глава 74
ГАЙЛЕТ

Новая планетарная отраслевая Библиотека прекрасна. Ее бежевые стены блестят на специально расчищенной площадке над парком Приморского Обрыва, в километре к югу от посольства тимбрими.

Архитектура нового сооружения не согласовывается, как у прежнего здания Библиотеки, с неофуллеритским стилем Порт-Хелении. Но сама по себе она ошеломляет — куб без окон, чьи пастельные тона контрастируют с белыми меловыми утесами.

Машина опустилась на посадочную площадку,

и Гайлет вышла в облако сухой пыли. Вслед за своим охранником-кваку она пошла по мощеной дороге к входу в массивное здание.

Почти вся Порт-Хеления наблюдала несколько недель назад, как фрайтер размером с боевой крейсер губру появился в черном небе и медленно опустил сооружение на землю. Большую часть дня солнце было закрыто: в это время работники Института Библиотеки устанавливали святилище знаний на новое место.

Гайлет думала, принесет ли новая Библиотека когда-нибудь пользу жителям Порт-Хелении. Со всех сторон посадочные площадки, но никаких подъездных путей автомобилей, велосипедов или просто для пешеходов. Проходя резным, с колоннами, порталом, Гайлет решила, что она, вероятно, первый шимп, оказавшийся в этом здании.

В сводчатом зале оказалось светло; казалось, свет исходил отовсюду одновременно. В центре зала возвышался большой красный куб, и Гайлет сразу поняла, что сооружение действительно дорого стоит. Главный накопитель информации гораздо больше, чем в прежней Библиотеке, в нескольких милях отсюда.

Но обширное помещение почти пусто, особенно

по сравнению с постоянной круглосуточной толкотней, к которой она привыкла. Конечно, в зале находились губру и кваку. Они располагались у экранов, разбросанных по всему пространству. Кое-где птицеподобные собирались небольшими группами.

Гайлет видела, как резкими рывками движутся их клювы, постоянно переминаются ноги. Но ни одного звука не доносилось из специально защищенных зон.

Она видела ленты, капюшоны и оперение окраски Праведности, Бережливости и военных. Носители одной окраски, в основном, держались вместе и поодаль от других. Когда приближенный одного сюзерена проходил мимо приближенных других, оперение их взъерошивалось.

Но в одном месте многоцветие собравшихся птицеподобных подтверждало, что общение между группами сохраняется. Там наклонялись головы, приглаживалось оперение, жестикулировали перед плывущими голографическими изображениями как ритуального, так и документального характера.

Когда Гайлет проходила мимо, несколько подпрыгивающих и щебечущих птиц повернулись и уставились на нее. Указывающие когти и клювы

позволили Гайлет догадаться, что губру знают, кто она такая.

Она не колебалась и не задерживалась. Щеки ее раскраснелись.

— Чем могу быть полезен, мисс?

Вначале Гайлет показалось, что на помосте под символическим изображением крылатой спирали стоит декоративное растение. И когда оно обратилось к ней, Гайлет невольно подпрыгнула.

«Растение» говорило на превосходном англике! Гайлет увидела круглые толстые листья, усеянные серебристыми пятнами, которые мягко позванивали при движении. Коричневый стебель вел к узловатым подвижным корням, благодаря которым существо могло медленно и неуклюже передвигаться.

«Кантен, — поняла Гайлет. — Конечно, Институт прислал и библиотекарей».

Разумные растения кантены — старые друзья Земли. С самых первых дней Контакта они были советниками землян, помогая волчатам проложить путь в сложных и коварных дебрях галактической политики и завоевать статус патронов независимого клана. Тем не менее, Гайлет сдержала вспыхнувшую надежду. Она напомни-

ла себе, что служащие больших галактических Институтов должны отказаться от прошлых привязанностей и симпатий, даже к собственным кланам, для выполнения своей священной миссии. Здесь она может рассчитывать только на беспристрастность.

— Спасибо, — сказала она, не забыв поклониться. — Мне нужна информация о церемониях возвышения.

Маленькое существо с колокольчиками — вероятно, органы чувств — прозвонило почти весело.

— Это весьма обширная тема, мисс.

Она ожидала такой ответ и приготовилась к нему. Все-таки не очень легко разговаривать с разумным существом, у которого нет даже подобия лица.

— Начнем с простого обзора, если не возражаете.

— Хорошо, мисс. Место двадцать два приспособлено для работы людей и неошимпанзе. Пожалуйста, пройдите туда за синей линией и устраивайтесь поудобнее.

Гайлет повернулась и увидела прямо перед собой мерцающую голограмму.

Синяя линия словно висела в воздухе, ведя в дальний угол зала.

— Спасибо, — негромко вымолвила Гайлет.

Идя за линией-указателем, она слышала за собой слабый звон.

Место двадцать два оказалось подобно забытой хорошей песне. Стол, перед ним стул, ящик с сухофруктами, на столе стандартная консоль с голоэкраном. Даже обычные накопители информации и ручки, все аккуратно разложено и расставлено. Гайлет благодарно села за стол. Она опасалась, что придется стоять, вытянув голову, если нужно будет пользоваться местом для губру.

Но все равно она нервничала. И чуть вздрогнула, когда с легким щелчком ожил экран и на нем появился текст на англике.

ПОЖАЛУЙСТА, ДАВАЙТЕ КОМАНДЫ ВСЛУХ. НАЧАЛЬНЫЙ ОБЗОР БУДЕТ ПРЕДОСТАВЛЕН ПО ВАШЕМУ СИГНАЛУ.

— Начальный обзор... — пробормотала Гайлет. Но, пожалуй, действительно следует начинать с простейшего уровня. Это не только позволит ей не пропустить ничего основного, но и подскажет, что считают важным сами губру.

— Приступайте, — сказала она.

На боковом экране появились изображения лиц — лиц существ с других планет, далеких в

пространстве и времени.

— Когда природа порождает новое разумное существо, все галактическое сообщество радуется. Ибо тогда начинается возвышение...

Картины прошлого возникли перед глазами. Гайлет погрузилась в поток сведений, пила из источника знаний. Ее накопитель информации заполнялся заметками и перекрестными ссылками. Вскоре она потеряла счет времени.

Незаметно на столе появилась еда. Гайлет даже не поняла, откуда.

Рядом за загородкой оказалось небольшое помещение, где она могла удовлетворить другие свои потребности, когда их уже нельзя игнорировать.

> В отдельные периоды галактической истории церемонии возвышения являлись исключительно протокольными и ритуальными. Патроны провозглашали, что их клиенты возвысились, и их слово принималось на веру. Но существовали, однако, и другие эпохи, в которые роль галактических Институтов возрастала, например, при Сумбулумской системе, когда весь процесс возвышения и все

церемонии осуществлялись при непосредственном руководстве Института.

Настоящий период занимает приблизительно среднее положение между этими крайностями: патроны несут основную ответственность, но Институт сохраняет возможность наблюдения и вмешательства. Степень участия Института в последнее время усилилась, когда от сорока до шестидесяти тысяч ГГ[14] назад неудачи в возвышении привели к экологическим катастрофам (См.: гл'кахеш, бурурали, сстейнн, мухурн8).

Сегодня патрон не может самостоятельно определять степень развития клиентов. Это обязательно происходит с участием консорта — представителя клиента и Института возвышения.

Теперь церемонии возвышения не являются исключительно формальными.

Они служат двум основным целям. Во-первых, они помогают протестировать представителей расы клиентов: Институт должен быть уверен, что клиенты

[14] Примечания: 14
Галактический год

готовы принять права и обязанности следующего этапа возвышения. Во-вторых, церемония дает клиентам возможность выбрать нового консорта, который будет следить за этим новым этапом и вмешиваться в случае необходимости ради блага клиентов. Тестирование основывается на том уровне развития, которого достигла раса клиентов. Наряду с другими важными факторами учитывается тип поглощения (хищники, травоядные, аутофаги или эргогеники), модальность передвижения (двуногие или четвероногие ходячие, амфибии, катящиеся или сидячие), ментальная техника (ассоциативная, экстраполирующая, интуитивная, голографическая или нулитативная)...

Гайлет медленно продвигалась по «начальному обзору». Работа нелегкая.

Если какой-нибудь шимп из Порт-Хелении сможет когда-нибудь пользоваться этой Библиотекой, понадобится немало новых переводов. Конечно, если простых Джо и Джейн Шимпов сюда пустят.

Тем не менее, источник поразительный — гораздо богаче жалкой маленькой ветви, которой они располагали раньше. И, в отличие от Библиотеки в Ла-Пасе, здесь нет суетливых толп лихорадочных посетителей, машущих специальными разрешениями и пробивающихся в толпе жаждущих примкнуть к экранам. Гайлет чувствовала, что может сидеть здесь месяцами, годами. Она будет пить знания до тех пор, пока они не начнут выливаться изо всех ее пор.

Например, здесь имеется ссылка на специальные приготовления для церемонии возвышения в машинных культурах. И один краткий, но мучительно дразнящий параграф о расе дышащих водородом, которая отделилась от своей загадочной параллельной цивилизации и действительно просила разрешения вступить в галактическое сообщество. Гайлет страстно хотелось идти вслед за этой и тысячами других использованных статей, но она знала, что у нее просто нет на это времени. Ей нужно сосредоточиться на правилах, касающихся двуногих теплокровных всеядных клиентов на второй стадии со смешанной мыслительной техникой. И даже такой узкий запрос вызвал в ответ лавину статей.

«Нужно сузить еще больше», — подумала Гайлет. Она попыталась сосредоточиться на церемониях, которые проводились во времена смут и войн, и все равно продвигалась медленно. Все так сложно! Она пришла в отчаяние от невежества своего народа и клана.

> ...независимо от того, достигнуто соглашение о соучастии в церемонии заранее или нет, оно может и должно быть подтверждено Институтом с учетом методов решения в соответствии с традициями участвующих...

Гайлет не помнила, как уснула на ящике с фруктами. Но какое-то время спустя оказалась на плоту, плывущем по туманному морю, которое волновалось в такт ее дыханию. Немного погодя туман сгустился, превратился в смутно угрожающие черно-белые фигуры. И она увидела перед собой покойных родителей и бедного Макса.

— Мм-мм, нет, — пробормотала она, а потом резко вздрогнула: — Нет!

Начала приходить в себя от сна. Веки ее дрогнули, к ним продолжали льнуть обрывки снов. Над ней навис губру, он держал загадочный прибор, один из тех, что нацеливали на нее и Фибена.

Но это изображение мигнуло и распалось, когда птицеподобный нажал кнопку. Гайлет снова погрузилась в дремоту, и образ губру присоединился к другим в ее беспокойном сне.

Наступила новая фаза сна, более глубокая, дыхание Гайлет успокоилось.

Проснулась она позже, смутно почувствовав, как чья-то рука резко дергает ее за ногу.

У Гайлет перехватило дыхание, она выпрямилась с еще несфокусировавшимся взглядом. Сердце билось отчаянно. Но тут зрение ее прояснилось, и она увидела присевшего рядом с ней рослого шимпа. Его рука по-прежнему лежала на ее ноге, и Гайлет мгновенно узнала эту улыбку.

Напомаженные усы, похожие на руль велосипеда, только одна из многих черт, которые она возненавидела.

Внезапно разбуженная, она не сразу смогла заговорить.

— Ч...что ты здесь делаешь? — резко спросила она, вырывая ногу.

Железная Хватка с улыбкой смотрел на нее.

— Неужели так здороваются с тем, кто настолько важен для тебя?

— Ты хорошо служишь своей цели, — признала она. — Как дурной пример! — Гайлет потерла

глаза и села. — Отвечай, почему ты меня беспокоишь? Ты, невежественный проби, больше меня не сторожишь.

Лицо шена только на мгновение омрачилось. Очевидно, что-то его обрадовало.

— О, я просто подумал, не пойти ли мне в Библиотеку позаниматься, как ты.

— Тебе, позаниматься? Здесь? — Она рассмеялась. — Мне пришлось получить специальное разрешение сюзерена. А ты не должен...

— Именно это я и собирался тебе сказать, — прервал он.

Гайлет мигнула.

— Что?

— Я хотел сообщить, что сюзерен велел мне идти сюда и заниматься вместе с тобой. Ведь партнеры должны хорошо знать друг друга, особенно когда они вместе представляют расу.

Гайлет громко вдохнула.

— Ты?.. — Голова у нее закружилась. — Я тебе не верю!

Железная Хватка пожал плечами.

— Чему ты удивляешься? Мой генетический результат один из самых высоких... кроме двух-трех мелочей, на которые вообще не стоило обращать внимания.

В это Гайлет легко могла поверить. Железная Хватка умен и изобретателен, а его необычная сила Советом возвышения может рассматриваться только как дополнительное преимущество. Но иногда платить за это приходится слишком дорого.

— Это значит, что твои пороки еще хуже, чем я предполагала.

Шен откинулся назад и расхохотался.

— По человеческим меркам, ты, возможно, и права, — согласился он. — По их стандартам большинство проби подпускать к шимми и детям не следует! Но жизнь не стоит на месте. И теперь у меня есть возможность создать новый стиль.

Гайлет ощутила холодок страха. До нее начало доходить, куда клонит Железная Хватка.

— Ты лжец.

— Признаюсь, mea culpa[15]. — Он сделал вид, что бьет себя в грудь. — Но я не лгу. Меня и нескольких моих приятелей подвергли проверке. Видишь ли, после того как твой маменькин сынок и любимчик учителей сбежал с нашей Сильвией, произошли некоторые изменения.

Гайлет хотелось плюнуть.

---

[15] Примечания: 15
Моя вина (лат.)

— Фибен на порядок выше тебя, ты, атавистическая ошибка! Сюзерен Праведности никогда не заменит его тобой!

Железная Хватка поднял палец и улыбнулся.

— Ага. Вот здесь мы не понимаем друг друга. Видишь ли, мы с тобой говорим о разных птицах.

— Разных... — Гайлет ахнула, руками схватилась за горло. — О Гудолл!

— Поняла, — сказал он, кивая. — Ты умная маленькая обезьянка.

Гайлет упала на стул. Ей показалось, что сердце у нее разрывается.

«Мы все были пешками, — подумала она. — Бедный Фибен!» Она поняла, почему Фибена не привели назад в тот же вечер, когда он сбежал с Сильвией, или на следующий день, или еще позже. Гайлет должна была считать, что «бегство» — еще один сложный тест на разумность.

Но это не так. Все организовано одним или двумя предводителями губру, возможно, чтобы ослабить позицию сюзерена Праведности. И лучшего способа, чем лишить его одного из отобранных им «представителей расы», трудно придумать. В краже невозможно никого обвинить, потому что тело пропадет бесследно.

Конечно, губру придется продолжить подго-

товку к церемонии — слишком поздно отзывать приглашения. Но каждый из троих сюзеренов ждет от церемонии разных последствий.

«Фибен...»

— Итак, профессор? С чего начнем? Можешь начинать меня учить, как полагается белой карте.

Гайлет закрыла глаза и покачала головой.

— Уходи, — сказала она. — Пожалуйста, уходи.

Звучало еще много слов, саркастических замечаний, но она ничего не слышала за цепенящей завесой боли. И когда поняла, что он ушел, не стала сдерживать слезы. Зарылась головой в мягкую ткань, как в руки матери, и заплакала.

Глава 75
ГАЛАКТЫ

Остальные двое танцевали на пьедестале, раздуваясь и воркуя. Их песня преисполнена гармонии.

Спускайся, спускайся,

Вниз, спускайся вниз!

Спускайся со своего насеста.

Присоединяйся к нам, присоединяйся к нам,

К нам, присоединяйся к нам!

Придите с нами к консенсусу!

Сюзерен Праведности дрожал, подавляя изменения. Сюзерен Стоимости и Бережливости оставил надежду занять высшее положение, теперь он поддерживает сюзерена Луча и Когтя в его требовании верховенства.

Соображения осторожности отступали на второй план. Сюзерен Стоимости и Бережливости обретает мужской пол. Близко Слияние.

Двое из троих договорились. Но чтобы окончательно достичь цели, и сексуальной, и политической, им необходимо спустить сюзерена Праведности с насеста. Они должны заставить его ступить на поверхность Гарта.

Сюзерен Праведности сражался, он выкрикивал тщательно продуманные возражения, чтобы спутать ритм их танца, чтобы своими официальными заявлениями опровергнуть их аргументы.

Подлинное Слияние достигается не так. На настоящий консенсус это насилие не похоже.

Не для того Повелители Насестов возлагали столько надежд на триумвират. Им необходима политика. Мудрость. Остальные двое как будто забыли об этом. Они хотят легких путей и завер-

шения церемонии возвышения.

Хотят нарушить кодекс и начать азартную игру.

Если бы остался в живых первый сюзерен Стоимости и Бережливости!

Священник оплакивал его. Только тогда понимаешь ценность другого, когда он уходит от нас.

Спускайся, спускайся вниз,

Вниз со своего насеста.

Подчинение двум объединившимся голосам, конечно, вопрос только времени. Эти голоса пробивают стену чести и решительности, которой обнес себя священник, проникают в царство гормонов и инстинкта. Слияние пока сдерживается только непокорным упрямством одного члена триумвирата, но долго так продолжаться не может.

Спускайся и присоединись к нам.

Соединись с нами в консенсусе!

Сюзерен Праведности дрожал, но держался. Но сколько еще сможет продержаться, он не знал.

Глава 76
ПЕЩЕРЫ

— Кленни! — радостно закричал Роберт. Увидев ее верхом на лошади за поворотом тропы, он чуть не выронил снаряд, который они с шимпом выносили из пещеры.

— Эй, внимательней с этой штукой, ты... капитан! — поправился в последнюю секунду один из капралов Пратачулторна. За последние недели морские пехотинцы стали обращаться с Робертом с большим уважением, но иногда выказывали свое пренебрежение ко всему, что не относится к регулярной армии.

На помощь Роберту прибежал другой шимп и легко перехватил у него снаряд. Его лицо выражало крайнее неодобрение, что человек поднимает тяжести.

Роберт не отреагировал на оба оскорбления. Он побежал по тропе и ухватился за повод коня Атаклены, а вторую руку протянул к ней.

— Кленни, как я рад... — Голос его на мгновение дрогнул. Она схватила его за руку, и он постарался подавить свое замешательство... — рад, что ты

наконец приехала.

Улыбка Атаклены показалась незнакомой, а в ее ауре появилась печаль, какой он никогда раньше не кеннировал.

— Конечно, приехала, Роберт. — Она улыбнулась. — Разве ты в этом сомневался?

Он помог ей спешиться. Контролируя себя внешне, внутри она вся дрожала. «Любимая, ты изменилась». Словно услышав его мысль, она протянула руку и коснулась его лица.

— Есть несколько идей, общих и для галактических цивилизаций, и для твоей, Роберт. В обоих обществах мудрецы сравнивают жизнь с колесом.

— С колесом?

— Да. — Глаза ее сверкнули. — Оно вращается, движется вперед. И одновременно остается тем же самым.

С чувством облегчения он снова ощутил ее. За изменениями скрывается прежняя Атаклена.

— Мне тебя не хватало, — сказал он.

— А мне тебя. — Она улыбнулась. — А теперь расскажи мне о майоре и его планах.

* * *

Роберт расхаживал по маленькой кладовке, забитой до висящих над головой сталактитов припасами.

— Я могу спорить с ним, пытаться переубедить. Дьявольщина, он не возражает даже, если я кричу на него, когда мы наедине. Но после обсуждения я должен подпрыгнуть на два метра, если он скажет: «Прыгай!» — Роберт покачал головой. — И я не могу чинить ему препятствия, Кленни. Не заставляй меня нарушать присягу.

Роберт явно разрывался между противоположными побуждениями. Атаклена чувствовала, как он напряжен.

Фибен Болджер, все еще с рукой на перевязи, молча наблюдал за их спором.

Атаклена покачала головой.

— Роберт, я уже объяснила тебе, что план майора Пратачулторна приведет к гибели.

— Тогда скажи ему сама!

Конечно, она пыталась. Сегодня же за обедом. Пратачулторн вежливо и снисходительно выслушал ее соображения о возможных последствиях нападения на церемониальную площадку губру. Но когда она закончила, он задал только один

вопрос: «Будет ли нападение считаться направленным против законного врага землян или против самого Института возвышения?»

— После прибытия делегации Института площадка становится его собственностью, — ответила Атаклена. — И нападение приведет к катастрофическим последствиям для человечества.

— А до этого? — насмешливо спросил он.

Атаклена вновь раздраженно покачала головой.

— До этого площадка принадлежит губру. Но это не военная установка! Она построена для того, что можно назвать священной целью. Праведность действия, без соблюдения всех правил его совершения...

Она продолжала еще какое-то время, пока не поняла, что возражения бесполезны. Пратачулторн пообещал учесть ее мнение и прекратил разговор.

Все знали, что думает морской офицер о советах «детей ити».

— Мы пошлем сообщение Меган, — предложил Роберт.

— Я думаю, ты уже сделал это, — ответила Атаклена.

Он нахмурился, подтверждая ее догадку. Конечно, обращаться через голову Пратачулторна — это верх неприличия. Как минимум, посчитают, что избалованный мальчишка зовет маму на помощь. Возможно, Роберта даже отдадут под трибунал.

То, что он это сделал, доказывает, что Роберт боится не за себя. Он не хочет открыто выступить против своего командира из верности присяге.

И он прав. Атаклена уважала его честь.

«Но у меня такого долга нет», — подумала она. Фибен, до сих пор молчавший, встретился с ней взглядом и выразительно закатил глаза.

Относительно Роберта их мнения совпадали.

— Я уже сказал майору, что разрушение церемониальной площадки на самом деле на руку врагу. Ведь она построена для гартлингов. Пытаясь заменить гартлингов нами, шимпами, они принимают крайние меры, чтобы оправдать свои затраты. А что, если площадка застрахована? Мы ее взрываем, они обвиняют нас и получают страховку.

— Майор Пратачулторн упоминал об этой твоей идее, — сказала Атаклена Фибену. — Я нахожу ее остроумной, но, боюсь, у него другое мнение.

— То есть он считает это дурацкой выдумкой...

Фибен замолчал: снаружи послышались шаги.

— Тук-тук, — произнес женский голос из-за занавески. — Можно войти?

— Пожалуйста, лейтенант Маккью, — ответила Атаклена. — Мы уже почти закончили. — Смуглая женщина вошла и села на ящик рядом с Робертом. Он слегка улыбнулся ей, но тут же снова посмотрел на свои руки. Мышцы рук бугрились, он сжимал и разжимал кулаки.

Атаклену пронзила боль, когда Маккью положила Роберту на колени руку и обратилась к нему.

— Его милость созывает еще одно военное совещание, прежде чем мы ляжем спать. — Она повернулась к Атаклене и улыбнулась. Наклонила голову.

— Если хотите, можете присутствовать. Вы наш дорогой гость, Атаклена.

Атаклена вспомнила, что недавно была хозяйкой этой пещеры и командовала армией. «Нельзя, чтобы это повлияло на меня», — напомнила она себе. Важно лишь, чтобы эти существа как можно меньше навредили себе в ближайшие дни.

И, если представится возможность, она хотела бы также разыграть шутку, которую сама еще не очень понимает, но недавно оценила.

— Нет, спасибо, лейтенант. Я поздороваюсь кое с кем из своих друзей-шимпов, а потом лягу спать. День выдался долгий и трудный.

Роберт, выходя со своей возлюбленной-женщиной, оглянулся на Атаклену.

Над его головой словно нависло метафорическое облако, испуская молнии. «Я не знала, что ты можешь создавать такие глифы», — удивилась Атаклена.

Казалось, каждый день узнаешь что-нибудь новое. Следуя за людьми, Фибен расстроенно улыбнулся Атаклене. На самом ли деле она уловила заговорщицкое подмигивание?

Когда они ушли, Атаклена принялась рыться в своей сумке. «Меня не связывает их долг, — напомнила она себе. — И их законы тоже».

* * *

В пещерах может быть очень темно, особенно если выключена единственная лампа в коридоре. Зрение здесь не преимущество, зато корона тимбрими очень полезна.

Атаклена создала несколько простых, но оригинальных глифов. Первый из них имел только одну цель: он устремился вперед, углублялся в ответвления, отыскивая дорогу в темноте. Холод-

ная жесткая материя его обжигает, и поэтому по его поведению легко проследить, где проходят стены и препятствия. Маленький клочок ничего искусно обходил их.

Второй глиф вращался над головой, позволяя убедиться, что никто не подозревает о ее присутствии на нижних уровнях, помещения которых отведены офицерам-людям.

Лидия и Роберт ушли патрулировать. В этой части пещеры оставалась только одна аура. Атаклена осторожно приближалась к ней.

Третий глиф набирал силы, ожидая своей очереди. Медленно и неслышно ступала Атаклена по слежавшимся экскрементам тысяч поколений летающих насекомоподобных существ, которые жили здесь, пока земляне не прогнали их своим шумом. Атаклена дышала ровно, считая про себя в человеческой манере, чтобы дисциплинировать мысли.

Еще несколько дней назад она и не попыталась бы поддерживать одновременно три бдительных глифа. Теперь это удавалось ей легко и естественно, словно она проделывала подобное уже сотни раз.

Она отобрала это умение у отца, используя технику, о которой почти не говорят тимбрими и

которую еще реже применяют.

«Сначала я стала партизаном, назначала свидания человеку, а теперь это. Мои одноклассники были бы поражены».

Она подумала, сохранилось ли у отца что-нибудь из умений, которые она так грубо отняла у него.

«Отец, вы с матерью давно организовали это. Ты подготовил меня, а я об этом даже не знала. Неужели ты уже тогда предвидел, что когда-нибудь это станет необходимо?»

Она печально подумала, что отобрала больше, чем мог отдать Утакалтинг. «И даже этого недостаточно». Остаются зияющие пробелы. Сердцем она чувствовала, что дело, касающееся планет и видов, не может быть завершено без участия ее отца.

Глиф-разведчик повис перед занавеской. Атаклена подошла. Даже коснувшись занавески пальцами, она не смогла ее увидеть. Разведчик растворился в щупальцах ее короны.

Она медленно отвела ткань и прокралась в маленькое помещение.

Глиф-наблюдатель подсказал, что внутри никто ее не заметил. Она кеннировала только спокойный ритм человеческого сна.

Конечно, майор Пратачулторн не храпел, но сон его был чутким и бдительным. Атаклена притронулась к краям всегда присутствующего пси-щита, который ограждает мысли, сны и профессиональные секреты майора.

«Их военные хороши и становятся все лучше», — подумала она. Многие годы тимбрими напряженно работают, чтобы волчата стали настоящими галактическими воинами. Но и сами тимбрими часто поражаются удивительным приемам и идеям, которые никогда не могли бы появиться у расы, выросшей под влиянием галактической культуры.

И только земная морская пехота никогда не привлекала советников-чужаков. Это настоящие волчата, и, конечно, они анахронизм.

Глиф з'счутан осторожно приблизился к спящему человеку, опустился, и Атаклена увидела его метафорически как шар из жидкого металла. Он коснулся пси-щита Пратачулторна и золотыми быстрыми струйками растекся по нему, покрывая его золотистым свечением.

Атаклена с облегчением вздохнула и извлекла из кармана стеклянную ампулу. Подошла ближе, осторожно наклонилась над койкой, и, когда поднесла ампулу с анестезирующим газом к лицу

человека, пальцы ее дрогнули.

— Я бы не советовал этого делать, — небрежно сказал Пратачулторн.

Атаклена ахнула. Прежде чем она смогла пошевелиться, он сжал ее запястья. В тусклом свете она видела только белки его глаз. И хотя он не спал, пси-щит оставался прежним: от него исходили волны глубокого сна. И Атаклена поняла, что это была хорошо продуманная уловка.

— Вы, ити, всегда нас недооцениваете. Даже остряки-самоучки тимбрими никак не поймут нас.

Потоком устремились гир-гормоны. Атаклена попыталась высвободиться, но это было так же бесполезно, как пытаться разорвать стальные наручники. Она царапалась, но он просто удерживал свои мозолистые руки подальше от ее пальцев. Когда она попробовала откатиться в сторону, он умело прижал ее руки, используя их как рычаги, чтобы удержать ее на коленях. Она громко застонала. Ампула с газом выпала из расслабленной руки.

— Видите ли, — сказал Пратачулторн дружелюбно, — некоторые из нас считают любой компромисс ошибкой. Чего мы достигнем, пытаясь стать хорошими галактическими гражданами? — усмехнулся он. — Даже если это получится,

мы превратимся в ужасных существ, напрочь лишенных всего человеческого. Но у нас нет даже такого выбора. Нам никогда не позволят стать равноправными гражданами. Место уже занято. Исход предрешен. Мы ведь оба это знаем, не правда ли?

Атаклена тяжело дышала. Она уже давно поняла тщетность своих попыток, но гир-реакция заставляла ее сопротивляться с невероятной силой человека. Быстрота реакций ничто в сравнении с его рефлексами и подготовкой.

— Понимаете, у нас есть свои тайны, — продолжал Пратачулторн. — Кое-что мы не поверяем нашим друзьям-тимбрими и даже большинству людей. Хотите узнать, что это за тайны?

Атаклена не могла набрать в грудь воздуха, чтобы ответить. В глазах Пратачулторна горела хищная, звериная ярость.

— Ну, если бы я открыл вам их, ваш смертный приговор был бы подписан, — сказал он. — А к этому я еще не готов, поэтому расскажу вам о том, что ваш народ уже знает.

Он мгновенно перехватил ее запястья одной рукой, а второй нашел ее горло.

— Видите ли, нас, морских пехотинцев, учат обезоруживать и даже убивать ити из друже-

ских рас. Хотите знать, сколько времени мне потребуется, чтобы лишить вас сознания, мисс? Считайте!

Атаклена боролась и вырывалась, но рука сильно сжала ей горло. Словно издалека она услышала Пратачулторна:

— Эта вселенная — проклятое место.

Она ни за что бы не подумала, что может стать еще темнее, но кромешная тьма поглотила все вокруг. Атаклена подумала, сможет ли когда-нибудь проснуться. «Прости, отец». Ей казалось, что это ее последняя мысль.

То, что она не потеряла сознание окончательно, очень удивило ее.

Болезненное давление на горло чуть ослабло. Атаклена вдохнула и постаралась понять, что происходит. Она слышала тяжелое дыхание майора, но почему-то его хватка ослабела.

Перегревшаяся корона не помогала. И когда Пратачулторн неожиданно разжал руки, Атаклена, без сил упала на пол.

Человек дышал очень тяжело. Слышались натужные звуки, перевернулась койка, разбился графин с водой, и еще что-то, похоже, накопитель информации.

Атаклена что-то нащупала под рукой. Ампула,

поняла она. Но что происходит с Пратачултором?

Борясь с энзимным истощением, она поползла куда-то, пока не наткнулась на сломанный накопитель. Случайно пальцы ее нажали кнопку, и экран прибора слабо засветился.

И в этом свете Атаклена увидела застывшую картину: мужчина напрягает все силы, чтобы освободиться, перекатываются мощные мышцы, сухожилия натянуты, а сзади его удерживают две длинные коричневые руки.

Пратачултор лягался и шипел, бросался то вправо, то влево, но все его попытки были напрасны. Атаклена увидела из-за плеча человека карие глаза. Она колебалась лишь мгновение, потом поспешила с ампулой.

Теперь у Пратачултора не было пси-щита. Его ненависть открыта для кеннинга. Он отчаянно забился, когда она поднесла ампулу к его носу.

— Он задерживает дыхание, — пробормотал неошимпанзе, когда облачко голубого пара повисло перед носом майора и начало медленно опускаться.

— Все в порядке, — ответила Атаклена. Она достала из кармана еще десять ампул. Увидев их, Пратачултор слегка вдохнул, удвоил силы в

последнем рывке, но все это только приближало неизбежное. Потребовалось пять минут, и даже тогда Атаклена заподозрила, что он имитирует асфиксию, прежде чем почувствовал наркотик.

— Ну и парень, — сказал Фибен, наконец выпустив майора. — До чего же сильны эти морские пехотинцы. — Он вздрогнул и упал рядом с потерявшим сознание человеком.

Атаклена обессиленно села на пол.

— Спасибо, Фибен, — негромко сказала она.

Он пожал плечами.

— Черт возьми, что такое нападение на патрона? Не измена, а ежедневное занятие.

Она указала на перевязь Фибена.

— А, это? — Фибен улыбнулся. — Наверное, мне хотелось побольше сочувствия. Пожалуйста, никому не говорите, ладно?

Потом, став серьезным, взглянул на Пратачулторна.

— Я, конечно, не специалист, но этим поступком никаких очков у Совета возвышения я не заработал.

Он посмотрел на Атаклену, потом слегка улыбнулся. А она ничего не могла с собой поделать. Вопреки всему, происшествие показалось ей смешным.

Она обнаружила, что смеется — вначале негромко, потом все сильней и сильней. И это почему-то ее совсем не удивило.

* * *

Дело еще не закончено. Атаклена устало шла за Фибеном, который нес одурманенного человека по тусклым коридорам. Когда они проходили на цыпочках мимо дремлющего капрала, Атаклена раскинула щупальца и успокоила его сон. Тот что-то забормотал и повернулся на койке. Вдвойне осторожная, Атаклена убедилась, что у него нет пси-щита, что он действительно спит.

Фибен тяжело отдувался. Атаклена провела его через старую осыпь в боковой коридор, явно неизвестный военным. По крайней мере он не обозначен на карте, которую она сегодня видела.

Фибен взмок, поднимаясь по крутому откосу. Ему наверняка очень хотелось облегчить душу ругательствами, но он воздерживался от эмоций, пока они не выбрались во влажную тихую ночь.

— Насмешки и мутации! — вздохнул он, наконец опустив свой груз. — Нам повезло, что Пратачулторн невысокого роста. Представляю, что бы я делал, если бы его руки и ноги волочились по земле.

Он принюхался. Луны не видно, но ближайшие утесы затянуты слегка светящимся туманом. Фибен снова посмотрел на Атаклену.

— Что дальше, шеф? Через несколько часов тут будет осиное гнездо, особенно когда вернутся Роберт и лейтенант Маккью. Хотите, я схожу за Тихо и отвезу этот дурной образчик к вашим земным клиентам? Это означало бы дезертирство, но какого дьявола? Я никогда не был хорошим солдатом.

Атаклена покачала головой. Она поискала с помощью короны и нашла нужные следы.

— Нет, Фибен. Я не могу просить тебя об этом. К тому же у тебя другая задача. Ты сбежал из Порт-Хелении, чтобы предупредить нас о предложении губру. Теперь ты должен вернуться туда и сыграть свою роль.

Фибен нахмурился.

— Вы уверены? Я вам не нужен?

Атаклена закрыла рукой рот и испустила негромкий крик ночной птицы.

Снизу со склона послышался слабый ответ. Атаклена повернулась к Фибену.

— Конечно, нужен. Ты нам всем нужен, но больше всего ты нужен там, у моря. К тому же я чувствую, что ты хочешь вернуться.

Фибен потянул себя за большие пальцы.

— Я, должно быть, спятил.

Атаклена улыбнулась.

— Нет. Просто это показывает, что сюзерен Праведности сделал хороший выбор… хотя, возможно, он предпочел бы, чтобы ты больше уважал своих патронов.

Фибен напрягся, потом как будто понял ее иронию и улыбнулся.

Раздались негромкие удары лошадиных копыт на тропе внизу.

— Ну, ладно, — сказал он, наклоняясь и поднимая вялое тело майора Пратачулторна. — Пошли, папа. На этот раз я буду нежен, как со своей теткой-девственницей. — Он чмокнул морского пехотинца в щеку и посмотрел на Атаклену.

— Так лучше, мэм?

Что-то унаследованное у отца заставило ее усталые щупальца встопорщиться.

— Да, Фибен. — Она рассмеялась. — Гораздо лучше.

* * *

Вернувшись на рассвете и не найдя своего законного командира, Лидия и Роберт почувствовали некоторые подозрения. Оставшиеся

морские пехотинцы поглядывали на Атаклену с открытым недоверием. Несколько шимпов прибрались в комнате майора Пратачулторна, ликвидировав все следы борьбы, прежде чем туда зашли люди, но тот факт, что Пратачулторн исчез без всякой записки или следа, они скрыть не могли.

На время расследования Роберт даже велел Атаклене не выходить из комнаты и поставил у дверей морского пехотинца. Облегчение, которое он испытал от того, что нападение на площадку для церемонии откладывается, мгновенно исчезло под давлением чувства долга. Лейтенант Маккью находилась на грани истерики. Внешне она сохраняла спокойствие, и только Атаклена чувствовала внутренний дискомфорт и смятение земной женщины.

Они ничего не могли сделать. Разослали поисковые группы. Встретили шимпов Атаклены, которые на лошадях возвращались из убежища горилл. Но Пратачулторна к тому времени с ними уже не было. Он находился высоко над землей, его передавали от одного лесного гиганта к другому; теперь он пришел в себя и кипел от гнева, но оставался совершенно беспомощным и спеленутым, как мумия.

Еще один случай, когда люди расплачиваются за свой «либерализм». Они воспитали своих клиентов как индивидуумов и хороших граждан, и поэтому шимпы смогли осознать необходимость заключения одного человека для блага остальных. По-своему Пратачулторн сам подвел их к этому покровительственному отношению, когда не воспринимал их мнение всерьез.

Тем не менее Атаклена знала, что с морским пехотинцем будут обращаться бережно и осторожно.

В этот вечер Роберт собрал новый военный совет. Не вполне определенно выраженный домашний арест Атаклены отменили, и она смогла участвовать.

Присутствовали Фибен и лейтенанты-шимпы, а также офицеры морской пехоты.

Ни Лидия, ни Роберт не заговаривали о плане Пратачулторна. Тактично предполагалось, что майор не хотел бы, чтобы план воплощался без него.

— Может, он решил сам что-то разведать или проинспектировать посты и вернется к вечеру или завтра, — совершенно невинно предположила Элейн Су.

— Вполне вероятно. Однако будем рассчиты-

вать на худшее. — Роберт избегал смотреть на Атаклену. — На всякий случай отправим сообщение в убежище. Я полагаю, потребуется около десяти дней для получения нового приказа Совета и появления замены.

Он, очевидно, считал, что Меган Онигл никогда не назначит его старшим.

— Я хочу вернуться в Порт-Хелению, — просто сказал Фибен. — Там я окажусь в центре событий. Да и Гайлет во мне нуждается.

— Почему ты считаешь, что губру примут тебя назад после побега? — спросила Лидия Маккью. — Они могут просто расстрелять тебя.

Фибен пожал плечами.

— Если встречусь не с тем губру, вероятно, так со мной и поступят.

Последовала долгая пауза. Тогда Роберт поинтересовался, есть ли другие предложения, и люди, и шимпы промолчали. Когда здесь руководил Пратачулторн, направляя ход событий и обсуждения, его непререкаемый авторитет не оставлял места сомнениям. Теперь им снова предстоит справляться с ситуацией. Они — крошечная армия с весьма ограниченными возможностями, а враг собирается пустить в действие средства, которым они не только не могут помешать, но

даже не понимают их.

Атаклена ждала, пока атмосфера не наполнилась мрачным напряжением, и тогда произнесла четыре слова:

— Нам нужен мой отец.

К ее удивлению, и Роберт, и Лидия кивнули. Даже если со временем придут указания от правительства в изгнании, они тоже будут неясными и противоречивыми. Очевидно, хороший совет им пригодится, особенно насчет галактической дипломатии.

«По крайней мере эта Маккью не разделяет ксенофобии Пратачулторна», — подумала Атаклена. И нехотя одобрила то, что кеннировала в ауре Лидии.

— Роберт сказал мне, что вы уверены: Утакалтинг жив, — сказала Лидия.

— Это хорошо. Но где он? Как нам его найти?

Атаклена наклонилась вперед. Корона ее оставалась неподвижной.

— Я знаю, где он.

— Знаешь? — Роберт мигнул. — Но... — Голос его стих, и он коснулся ее своим внутренним чувством — впервые с позавчерашнего дня. Атаклена отразила его попытку, видя, что он держит Лидию за руку. Но тут же, чувствуя себя глупо,

уступила.

Роберт тяжело опустился на место и выдохнул, несколько раз моргнул и вымолвил только: «О!»

Лидия переводила взгляд от Атаклены к Роберту и обратно. На короткое мгновение она ощутила нечто вроде зависти.

«Он тоже по-своему принадлежит мне», — подумала Атаклена. В этот момент она соединялась с Робертом.

— ...Н'та'хуу, Утакалтинг, — сказал Роберт на гал-семь. — Нам нужно что-то предпринять, и побыстрее.

Глава 77
ФИБЕН И СИЛЬВИЯ

Она ждала его, когда он повел Тихо по тропе из долины пещер.

Терпеливо сидела под большой сосной, рядом с крутым поворотом, и заговорила, когда он оказался поблизости.

— Ты думал улизнуть, не попрощавшись? — спросила Сильвия. Руками она обхватила колени, обтянутые длинной юбкой.

Он привязал лошадь к дереву и сел рядом с ней.

— Нет, — сказал Фибен. — Я знал, что мне не может так повезти.

Она искоса взглянула на него и увидела, что он улыбается. Сильвия фыркнула и посмотрела в каньон, откуда медленно поднимался туман. Утро будет ясным и безоблачным.

— Я знала, что ты вернешься.

— Я должен, Сильвия. Это...

Она прервала его.

— Знаю. Ответственность. Тебе нужно вернуться к Гайлет. Ты ей нужен, Фибен.

Он кивнул. Фибен прекрасно помнил, что он все еще в долгу у Сильвии.

— Когда я собирался, пришла доктор Су. Я...

— Ты заполнил пробирку, которую она тебе дала. Знаю. — Сильвия наклонила голову. — Спасибо. Я считаю, что мне хорошо заплатили.

Фибен смотрел в землю. Он чувствовал себя неловко, разговаривая на эту тему.

— Когда ты?..

— Сегодня. Я готова. Ты разве не видишь?

Парка и длинная юбка Сильвии скрывали все признаки, но она права: невозможно ошибиться в запахе.

— Я искренне надеюсь, что все твои мечты исполнятся, Сильвия.

Она снова кивнула. Так они и сидели в неловком молчании. Фибен пытался найти слова, ощущая себя туполобым. Что бы он ни сказал, все будет невпопад.

Неожиданно внизу, там, где после поворота начиналось несколько троп, разветвляющихся в разные стороны, послышался шорох. Из-за поворота показалась высокая фигура бегущего человека. Роберт Онигл бежал к перекрестку, неся только лук и легкий рюкзак.

Он взглянул наверх и, заметив двух шимпов, побежал медленнее.

Улыбнулся, когда Фибен помахал ему, а потом свернул по заброшенной тропе на юго-запад. И скоро исчез в лесу.

— Что он делает? — спросила Сильвия.

— Похоже, бежит.

Она ударила его по плечу.

— Это я и сама вижу. Куда он бежит?

— Хочет преодолеть проходы до снега.

— Проходы? Но...

— Так как майор Пратачулторн исчез, а времени мало, лейтенант Маккью и остальные военные согласились с альтернативным планом Роберта и Атаклены.

— Но он побежал на юг, — сказала Сильвия.

— Роберт выбрал тропу, которая уводит в глубь Мулунских гор.

Фибен кивнул.

— Он кого-то ищет. Роберт единственный, кто может это сделать. — По его тону Сильвия поняла, что он не собирается больше ничего объяснять.

Они еще какое-то время посидели молча. Появление Роберта помогло преодолеть напряжение. «Как глупо», — подумал Фибен. Сильвия ему нравится. Им не довелось много общаться, а эта возможность, наверно, последняя.

— Ты мне никогда... никогда не рассказывала о своем первом ребенке, — сказал он неожиданно, сам удивляясь своим словам. Разве его это дело?

Конечно, сразу видно, что Сильвия уже рожала и кормила ребенка.

Растяжки кожи очень привлекательны: ведь четверть самок вида Фибена вообще не могут рожать. «Но здесь и боль», — подумал он.

— Это произошло пять лет назад. Я была тогда совсем молоденькая. — Голос ее звучал спокойно. — ...мы назвали его Сичи. Его, как обычно, подвергли тестам и нашли... аномальным.

— Аномальным?

— Да, так сказали. В некоторых отношениях его нашли выдающимся... а в других «необычным».

Видимых дефектов не было, но прослеживались некоторые «странные» свойства. Это обсуждали несколько специалистов. И Совет возвышения решил отправить его на Землю для дальнейшего изучения.

— Они очень хорошо к нему относились. — Она фыркнула. — Мне предложили отправиться с ним.

Фибен мигнул.

— Но ты не полетела.

Она посмотрела на него.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Я ужасна. Поэтому я тебе и не рассказывала. Ты бы отказался от нашего договора. Ты думаешь, я плохая мать.

— Нет, я...

— Но в то время все казалось другим. Моя мать болела. У нас не было групповой семьи, и я считала, что не могу оставить ее на руках у чужих и, может быть, никогда больше не увидеть. Я обладала тогда только желтой картой. Я знала, что на Земле мой ребенок попадет в хороший дом... получит высокую оценку и вырастет в семье неошимпанзе высшей касты, либо ему уготована судьба, о которой я не хочу знать. Я так боялась, что улечу с ним, а потом его у меня отберут. И, наверно, боялась и стыда, если его объявят ис-

пытуемым.

Она смотрела на свои руки.

— Не могла решить и попробовала обратиться за помощью к человеку из местного отделения Совета. Он считал, что я родила проби. Сичи забрали, а я осталась. Через шесть месяцев мама умерла.

Она посмотрела на Фибена.

— А потом, через три года, пришло сообщение с Земли, что мой ребенок счастлив и хорошо развивается. У него синяя карта и растет он в семье, где все обладают синими картами. И меня повысили, дали зеленую карту.

Она сжала кулаки.

— Как я ненавидела эту проклятую карту! Мне отменили принудительные контрацептические ежегодные инъекции, и теперь мне не нужно просить разрешения, если я хочу зачать. Мне, как взрослой, доверили контроль над собственной плодовитостью. — Она фыркнула. — Как взрослой? Шимми, которая бросила своего ребенка? Они это игнорировали и повысили меня из-за того, что он прошел проклятое тестирование!

«Вот как», — подумал Фибен. Вот в чем причина ее горечи, того, что она раньше помогала губру. Это многое объясняет.

— И ты присоединилась к банде Железной Хватки из ненависти к системе? Решила, что при галактах дела пойдут по-другому?

— Ну, что-то вроде этого. А может, я просто рассердилась. — Сильвия пожала плечами. — Но немного погодя я кое-что поняла.

— Что именно?

— Я поняла, что система при людях плоха, но при галактах она будет гораздо хуже. Да, люди высокомерны, но они пытаются с этим бороться. Собственная страшная история научила их опасаться высоко... высоко...

— Высокомерия.

— Да. Они знают, в какую ловушку это может превратиться, если они будут подражать богам и сами поверят в свою богоподобность. Но галакты именно к этому привыкли и не ведают сомнений. Они так надменны... я их ненавижу.

Фибен задумался. За последние несколько месяцев он многому научился и решил, что свой случай Сильвия несколько переоценивает. Она говорит почти как майор Пратачулторн. Но Фибен знал, что галактические расы редко считают добрыми и вежливыми.

Да и вообще не его дело судить ее.

Теперь он понял ее упорную решимость заи-

меть ребенка, который с рождения имел бы по крайней мере зеленую карту. Нет сомнений. Она хочет самостоятельно выпестовать следующего ребенка и иметь внуков. Сидя рядом с Сильвией, Фибен все время ощущал ее нынешнее состояние.

В отличие от женщин, у шимми строго определенные циклы, и их очень трудно скрыть. В этом одно из основных отличий в социальной и семейной жизни двух родственных видов. Он чувствовал, что его это очень возбуждает, и ощущал вину за это.

Момент был неловкий, и Фибен не хотел еще больше испортить его своей бестактностью. Ему хотелось как-то утешить ее, но он не знал как.

Он облизал губы.

— Послушай, Сильвия.

Она повернулась.

— Да, Фибен?

— Я искренне надеюсь, что ты получишь... То есть я хочу сказать, что оставил достаточно... — Он покраснел.

Она улыбнулась.

— Доктор Су говорит, что все будет в порядке. А если нет, источник не пересох.

Он покачал головой.

— Я ценю твою уверенность. Но не стал бы биться об заклад, что вернусь. — И он посмотрел в западном направлении.

Она взяла его за руку.

— Ну, я не настолько горда, чтобы отказываться от лишней страховки. Твой взнос будет оценен высоко, если хочешь.

Он замигал, чувствуя, как учащается ритм сердцебиений.

— Ты хочешь сказать — прямо сейчас?

Она кивнула.

— Когда же еще?

— Я надеялся, что ты так скажешь. — Он улыбнулся и потянулся к ней, но она остановила его.

— Минутку, — попросила Сильвия. — Ты меня за кого принимаешь? Конечно, тут нет свечей и шампанского, но я бы предпочла прелюдию.

— Отлично, — сказал Фибен и повернулся, подставляя ей спину. — Давай сначала ты, потом я.

Но она покачала головой.

— Я не это имела в виду, Фибен. Нечто более стимулирующее.

Она порылась за деревом и достала цилиндрический предмет из резного дерева. Один его конец был туго обтянут кожей. Фибен широко раскрыл глаза.

— Барабан?

Она зажала небольшой самодельный инструмент коленями.

— Это твоя вина, Фибен Болджер. Ты показал мне нечто потрясающее, и другое меня теперь не удовлетворит.

И она начала искусно выбивать быстрый ритм.

— Танцуй, — сказала она. — Пожалуйста.

Фибен вздохнул. Очевидно, она не шутит. Эта хореоманьячка-шимми сошла с ума, что бы ни утверждал Совет возвышения. Но ему это нравится.

«Кое в чем мы никогда не станем подобны людям», — подумал он, взяв ветку, и попытался резко взмахнуть ею, затем отбросил и взял другую. Он уже чувствовал себя возбужденным и энергичным.

Сильвия била по барабану, быстрый веселый ритм заставил его участить дыхание. Блеск ее глаз воспламенял его кровь.

«Так должно быть. Мы сами по себе», — подумал Фибен.

Он схватил ветвь обеими руками и ударил по стволу, листья разлетелись в разные стороны.

— Уук... — сказал он.

Второй удар получился еще сильнее, и каждый следующий возглас звучал со все большим энтузиазмом.

Утренний туман рассеялся. Гром не гремел. Несклонная к помощи Вселенная не послала на небо ни одного облачка. Но Фибен решил, что на этот раз обойдется без молний.

Глава 78
ГАЛАКТЫ

Экспедиционные силы губру лихорадило сверху донизу. Начались споры по поводу распределения и снабжения, из-за поведения рядовых, презрение которых к вспомогательному персоналу достигло нового опасного уровня.

Днем во время молитвы многие солдаты Когтя надевали традиционные траурные повязки по утраченным Прародителям и присоединялись к священникам в общей негромкой молитве. Но менее набожное большинство, которое в таких случаях обычно сохраняло почтительное молчание, теперь словно специально использовало это время для азартных игр и громких споров. А часовые прихорашивались и пускали по ветру выпавшие перья, отвлекая верующих.

Ненужные звуки можно было услышать во время работы, ремонта и учений.

Насест-полковник, командир восточного укрепления, проводил инспекцию и явился свидетелем такой дисгармонии. Он не стал тратить время и приказал немедленно собрать весь штат укрепления. Потом пригласил главного чиновника лагеря и священника к себе на помост и обратился к собравшимся:

Да не будет сказано, отмечено, разнесено слухами,

Что солдаты губру потеряли свою преданность!

Разве мы сироты? Утрачены? Покинуты?

Разве мы не принадлежим к великому клану?

Какими мы были, каковы мы сейчас,

Какими мы должны быть?

Мы воины, строители, но прежде всего —

Мы соблюдаем подобающие традиции!

Так насест-полковник говорил некоторое время, к нему в убеждающем пении присоединились

администратор и священник лагеря. И наконец смущенные солдаты и весь штат слились в пристыженном и гармоничном ворковании.

Небольшой отряд солдат, чиновников и священников пытался побороть сомнения.

И на короткое время действительно достиг консенсуса.

Глава 79
ГАЙЛЕТ

...даже в редких и трагических случаях, у так называемых волчат, существовала грубая разновидность такой техники. Их примитивные методы включали ритуалы «поединков чести», которые позволили удерживать агрессивность и воинственность в определенных рамках.

Возьмем, например, самый последний по времени клан волчат — «людей» с Сол-3. До открытия галактической культуры их «племена» часто использовали ритуалы, чтобы сдерживать циклы все возрастающего насилия, которое является нормальным состоянием таких лишенных руководства видов. (Несомненно,

эти традиции восходят к искаженным воспоминаниям об их давно забытых патронах).

Среди простых, но эффективных методов, использовавшихся людьми до Контакта (см. ссылки), упомянем метод «поединка чести» у «американских индейцев», «суд путем поединка» у «средневековых европейцев» и «устрашение возможным взаимоуничтожением» у «племенных (национальных) государств».

Конечно, этой технике недоставало тонкости, уравновешенности совершенных правил, разработанных Институтом Цивилизованных Войн...

— Все. Перерыв. Конец. Довольно.

Гайлет мигнула: грубый голос бесцеремонно прервал ее размышления.

Библиотека почувствовала это, и текст на экране застыл.

Гайлет посмотрела влево. Ее новый «партнер» отбросил накопитель информации, широко зевнул и потянулся всем большим сильным телом.

— Пора выпить, — лениво сказал он.

— Да ты даже самый начальный обзор не прошел, — сказала Гайлет.

Он улыбнулся.

— Не понимаю, зачем мы вообще возимся с этим дерьмом. Ити будут удивлены, если мы не забудем поклониться и правильно назвать свой вид. Ты ведь знаешь, они не ждут, что неошимпы покажут себя гениями.

— Очевидно, нет. А твои баллы, несомненно, оправдают их ожидания.

Он нахмурился, но заставил себя снова улыбнуться.

— А ты так стараешься. Я уверен, ити решат, что ты очень умна.

«Туше», — подумала Гайлет. Им не потребовалось много времени, чтобы научиться больно задевать друг друга.

«Может, это еще один тест. Они проверяют, насколько хватит моего терпения».

Может быть... но маловероятно. Уже больше недели она не видела сюзерена Праведности. Вместо него с ней теперь общается комитет из трех пастельной расцветки губру, по одному от каждой фракции, и главным оказывается солдат Когтя с оперением голубого оттенка. Вчера они все побывали на церемониальной площадке

— «для репетиции».

Гайлет по-прежнему не знала, нужно ли ей принимать участие в церемонии, но начинала понимать, что передумывать уже поздно.

Холм на берегу моря преобразовали так, что энергетические установки больше не видны. Террасы на склонах элегантно уходят вверх, одна за другой, на них только осенние листья, которые приносит ветер. На восточном ветру уже трепещут яркие вымпелы, обозначая места, где представители неошимпанзе будут отвечать на вопросы или подвергаться осмотру.

Там, на площадке, рядом с губру, Железная Хватка казался идеальным учеником. И дело не только в том, что он хотел сохранить полученные привилегии и потому был так усерден. Нет, происходящее тешило его тщеславие, и его быстрый ум проявил себя во всем блеске.

Но теперь, когда они оказались одни под обширным сводом новой Библиотеки, на первый план выступили другие стороны его натуры.

— Как насчет этого? — Железная Хватка наклонился через ручку кресла и распутно ухмыльнулся. — Не хочешь ли погулять на свежем воздухе? Мы можем ускользнуть в эвкалиптовую рощу и...

— Ничего не выйдет! — ответила она.

Он рассмеялся.

— Ну, если тебе нравится делать это публично, отложим до церемонии. И тогда мы будем с тобой, малышка, и на нас будут смотреть все пять галактик. — Он улыбнулся и сжал могучие руки так, что костяшки пальцев затрещали.

Гайлет отвернулась и закрыла глаза. Ей пришлось изо всех сил сосредоточиться, чтобы не дрожала нижняя губа. «Спаси меня...», — молила она вопреки всяким надеждам и здравому смыслу.

Логика смеялась над ней за эту мысль. Ведь в конце концов ее рыцарь на белом коне — всего лишь обезьяна, к тому же, несомненно, мертвая.

Но она не могла сдержать неслышного крика. «Фибен, ты мне нужен. Фибен, вернись!»

Глава 80
РОБЕРТ

Кровь его пела.

После месяцев в горах, где он, подобно своим предкам, жил, полагаясь на свой ум и силу, кожа его загрубела, привыкла к солнцу и к жестким местным материалам. Но Роберт все же не до

конца понимал, как изменился, пока не пробежал последние несколько метров по узкой каменистой тропе и десятью длинными шагами не пересек пространство между двумя водоразделами.

«Верхняя точка прохода Рванда... За два часа я поднялся на тысячу метров, а сердце у меня быстрее не бьется».

Он не чувствовал потребности в отдыхе, но заставил себя идти медленнее. Раскинувшаяся перед ним прекрасная картина стоила того.

Он стоял на верху Мулунского хребта. К северу от него уходят горы на восток и на запад, к морю, где продолжаются на архипелаге.

Ему потребовалось бежать полтора дня, чтобы добраться сюда от пещер, и теперь он увидел перед собой панораму, которую предстоит пересечь, чтобы дойти до цели.

«Я даже не знаю, как искать то, что мне нужно!» Инструкции Атаклена дала очень неопределенные: у нее было не очень четкое представление о направлении.

Впереди тоже горы, но они резко обрываются, переходя в серовато-коричневую степь, частично затянутую дымкой. До того, как он достигнет степи, ему предстоит еще немало подъемов и

спусков на узкой тропе, по которой даже в мирное время почти никто не проходил. А с начала войны Роберт, вероятно, первым оказался здесь.

Но самая трудная часть пути позади. Спуск Роберту не нравился, но он знал, как бежать, не падая и не повреждая ноги. А внизу будет вода.

Он потряс кожаной фляжкой и сделал небольшой глоток. Осталось несколько децилитров, но он уверен, что ему хватит.

Роберт заслонил глаза и посмотрел на пурпурные вершины, где ему предстоит сегодня заночевать. По пути тоже встретятся ручьи, но роскошных тропических лесов, как на северных склонах Мулуна, не будет. И скоро придется подумать об охоте, до того, как он углубится в сухую саванну.

«Воины-апачи могли за несколько дней пробежать расстояние от Таоса до Тихого океана, и при этом съедали только горсть поджаренного зерна».

Он, конечно, не воин-апач. У него с собой несколько граммов витаминного концентрата. Скорость он предпочел набитому желудку. Она сейчас важнее.

Он обогнул недавнюю осыпь, перерезавшую тропу. И чуть быстрее устремился по многочис-

ленным подъемам и спускам.

* * *

Ночь Роберт провел в замшелой расселине у журчащего ручья. Спал он, завернувшись в тонкое одеяло, и видел медлительные и спокойные сны, как в космосе, по его представлению, если забудешь о постоянном гудении двигателей.

Спокойным одиночеством сна он обязан главным образом неподвижности сети эмпатии. Ведь он столько месяцев провел в тропическом лесу, но в такой глуши даже его грубый кеннинг проникал далеко.

И впервые он не ощущал жесткого — выражаясь метафорически, металлического, — присутствия чуждых сознаний на северо-западе. Он заслонен от губру, кстати, от людей и шимпов тоже. Странное чувство — одиночество.

Оно не исчезло с рассветом. Роберт наполнил флягу из ручья, напился, чтобы ослабить голод. И снова побежал.

Крутые спуски утомляли, но мили улетали быстро. И прежде чем солнце прошло полпути к зениту, перед Робертом открылась широкая степь. Теперь он бежал по пологим холмам; километры оставались позади, как мысли, мелькают

нувшие в голове и сразу же забытые. На бегу Роберт прощупывал местность, и скоро понял, что где-то там, за высокой травой, находятся какие-то странные существа.

Если бы кеннинг указывал направление! Наверно, именно его неточность помешала людям развить собственные несовершенные способности.

«Вместо этого мы сосредоточились на другом».

Есть игра, в которую часто играют и на Земле, и заинтересованные галакты. Она состоит в том, чтобы попытаться реконструировать знаменитых «утраченных патронов человечества», полумифическую расу, которая предположительно пятьдесят тысяч лет назад начала возвышение людей, а затем загадочно исчезла, оставив работу «выполненной наполовину».

Конечно, встречаются отчаянные еретики — даже среди галактов, — которые считают верными земные теории о том, что каким-то образом возможно осуществить возвышение самостоятельно... развить космический разум и вытащить себя за волосы из тьмы и невежества к зрелости.

Но даже на Земле большинство считает эту теорию неправдоподобной.

Патроны возвышают клиентов; те, в свою оче-

редь, возвышают новых предразумных. Так было всегда, давным-давно, со времен Прародителей.

Нет никаких свидетельств. Кем бы ни были патроны человечества, они хорошо замели свои следы, и не без причины. Патроны, бросившие своих клиентов, считаются преступниками.

Но игра в угадайку продолжается.

Некоторые кланы исключаются сразу: они ни за что не стали бы возвышать всеядные существа. Другие не в состоянии даже недолго находиться на Земле — из-за тяготения, или атмосферы, или из-за того и другого вместе.

Большинство соглашалось, что это не может быть клан, верящий в специализацию. Некоторые возвышают клиентов с особой целью. Институт возвышения требует, чтобы новая раса разумных могла пилотировать космические корабли, рассуждать здраво и логично и со временем сама стать патроном. Но помимо этого Институт не ставит никаких ограничений, и клиенты могут быть приспособлены к различным условиям. Некоторые становятся искусными ремесленниками, другие философами, очень многие — воинами.

Но загадочные патроны человечества не настаивали на специализации.

Потому что человек оказался очень гибким и податливым животным.

Да, и даже прославленные своими адаптационными способностями тимбрими не могут кое-чего.

«Например, такого», — подумал Роберт.

Стая местных птиц, хлопая крыльями, поднялась в воздух, когда Роберт пробегал мимо. Мелкие зверьки чувствовали, как дрожит земля под его ногами, и прятались.

Стадо животных, длинноногих и быстрых, похожих на небольших оленей, метнулось в сторону, легко обгоняя Роберта. Они бежали на юг, туда же, куда и он, и поэтому он побежал за ними. И скоро приблизился к месту, где они опять остановились и принялись пастись.

Снова они устремились вперед, ушли от него на большое расстояние и вновь начали щипать траву.

Солнце поднялось высоко. В такое время все живое — и охотники, и добыча — ищет убежища от жары. Там, где нет деревьев, они раскапывают почву, добираются до прохладных слоев и лежат в тени, дожидаясь, пока уйдет обжигающее солнце.

Но одно существо не останавливалось, а про-

должало бежать. Псевдоолени в ужасе замигали, когда Роберт в очередной раз приблизился. Они поднялись и побежали, оставив его позади. На этот раз пробежали немного больше, потом остановились на вершине небольшого холма, отдуваясь и недоверчиво оглядываясь.

Двуногое существо продолжало приближаться.

Волна тревоги и нехороших предчувствий пробежала по стаду.

Все еще тяжело дыша, животные побежали дальше.

На оливковой коже Роберта испарина блестела, как масло. Она сверкала на солнце и дрожала в такт ударам его ног, срываясь и падая каплями.

Но в основном пот испарялся на ветру. Сухой юго-восточный ветер превращал его в пар, унося при этом излишнее тепло. Роберт продолжал ритмично бежать, не пытаясь догнать оленеподобных животных. Иногда он переходил на шаг и немного отпивал из фляжки, а потом принимался бежать.

Лук привязан у него на спине, но почему-то Роберт и не думал использовать его, продолжая бежать под полуденным солнцем. «Бешеные собаки и земляне...» — думал он.

«И апачи... и банту... и многие другие...»

Люди привыкли считать, что мозг отличает их от других представителей животного царства Земли. Действительно, оружие, огонь и речь сделали их властелинами своей планеты задолго до того, как они узнали об экологии или об обязанностях старших видов по отношению к младшим, еще не способным мыслить. В темные столетия разумные, но невежественные мужчины и женщины огнем загоняли стада мамонтов, гигантских ленивцев и особей прочих видов на край пропасти и сбрасывали вниз, убивали сотни, чтобы получить мясо одного-двух. Они подстрелили миллионы птиц, чтобы их оперение украшало женщин. Они вырубали леса, чтобы выращивать опиумный мак.

Да, разум в руках невежественных детей — опасное оружие. Но Роберт знал тайну.

«Нам совсем не нужен был мозг, чтобы править миром».

Он вновь приблизился к стаду; конечно, его подгонял голод, но одновременно он наслаждался красотой туземных существ. Несомненно, с каждым поколением они увеличиваются в росте. Теперь они гораздо крупнее, чем были их предки, когда бурурали уничтожили гигантских копытных, бродивших по этим полям. Когда-нибудь

они смогут заполнить пустующие ниши.

Уже сейчас они гораздо быстрее человека.

Скорость — само собой. Но выносливость — совсем другое дело. Когда животные снова припустили, Роберт заметил, что стадо в панике. Морды псевдооленей покрылись пеной. Языки свисали, а грудные клетки ходили ходуном.

Солнце палило. Роберт взмок. Пот, испаряясь, приносил ему облегчение и прохладу. Роберт продолжал бежать.

«Орудия труда, огонь и речь — наши неоспоримые преимущества, которые дали толчок для развития культуры. Но разве это все, чем мы обладали?» Песня начала формироваться в сети мягких пазух за глазами, в плавном потоке жидкости, омывающей мозг, предохраняющей от сотрясений при ударах ног во время бега. Удары сердца несли вперед, как верный басовый ритм.

Сухожилия ног подобны натянутым гудящим тетивам... подобны струнам скрипки.

Он чувствовал их запах, голод обострил атавистическое восприятие.

Роберт отождествил себя с намеченной добычей. И странным образом испытал чувство завершенности, исполнения. Он жив. Он не отдавал себе отчета в том, что обгоняет начавших

падать на землю оленей. Матери и детеныши с тупым удивлением смотрели вслед: он пробегал, не бросив на них взгляда. Роберт наметил цель и произвел простой глиф, чтобы остальные успокоились, расслабились, ушли в сторону. А он гнался за крупным самцом во главе стада.

«Ты одинок, — думал он. — Ты хорошо пожил, передал свои гены. Твой вид в тебе теперь нуждается меньше, чем я».

Возможно, его предки пользовались эмпатией чаще современных людей. Он нашел возможность ее использовать. Он кеннировал растущий ужас быка, когда один за другим его спутники отставали. Бык мчался изо всех сил и оторвался от Роберта. Но потом ему пришлось остановиться: тяжело дыша, пытаясь охладиться, со вздымающимися боками, он смотрел на приближающегося Роберта.

Затем бык повернулся и вновь отчаянно рванул.

Теперь они остались вдвоем.

Гимельхай пылал. Роберт бежал дальше.

Минутой позже он на бегу потянулся за ножом. Даже это оружие он извлекал неохотно, однако из милосердия к добыче решил им воспользоваться.

* * *

Несколько часов спустя, уже не мучаясь от пустоты в желудке, Роберт уловил первые признаки следа. Он двигался на юго-запад, по мнению Атаклены, так он достигнет цели. День угасал, и Роберт заслонял глаза от солнца. Потом совсем закрыл их и поискал с помощью других чувств. Да, что-то настолько близко, что его можно кеннировать.

Метафорически, подумал он, очень знакомый запах.

Он рванул вперед, по следам, иногда холодным и разумным, иногда диким, как бык, который недавно поделился с Робертом своей жизнью.

Следы стали заметней и завели Роберта в густые колючие заросли, где после захода солнца он не сможет преследовать существо с этой эмпатической вибрацией. Но он вовсе не хотел «охотиться» на это существо. Ему надо всего лишь поговорить с ним.

Ясно, что существо чувствует его присутствие. Роберт остановился, закрыл глаза и бросил вперед простой глиф. Глиф устремился направо, налево, потом углубился в растительность, откуда незамедлительно послышался шорох. Роберт открыл

глаза и уперся в чей-то блестящий взгляд.

— Ну ладно, — негромко сказал Роберт. — Выходи. Нужно поговорить.

Минутное колебание — и из кустов вышел грязный и абсолютно голый длиннорукий шимп, заросший густой шерстью, со сросшимися бровями и тяжелым подбородком.

Роберт увидел пятна высохшей крови, не похожие на раны самого шимпа.

«Ну, в конце концов мы двоюродные братья. А вегетарианцы в степи долго не проживут».

Почувствовав, что лохматый шимп не хочет встречаться с ним взглядом, Роберт не стал настаивать.

— Здравствуй, Джо-Джо, — сказал он мягко и негромко. — Я принес сообщение твоему хозяину.

Глава 81
АТАКЛЕНА

Клетка была сделана из прочных деревянных прутьев, перевязанных проволокой. Она висела на ветке дерева в защищенной от ветра долине, под наветренным отрогом дымящегося вулкана. Однако тросы, удерживающие клетку, времена-

ми дрожали, и она раскачивалась.

Обитатель клетки, голый, небритый и очень похожий на волчонка, сверху вниз смотрел на Атаклену испепеляющим ненавидящим взглядом. Атаклене казалось, что вся маленькая долина насыщена ненавистью пленника, и она не собиралась здесь долго задерживаться.

— Я думала, вы захотите знать. Согласно правилам войны триумвират губру объявил перемирие, — сказала она майору Пратачулторну. — Площадка для церемоний теперь священна, и на всем Гарте вооруженные силы могут действовать только защищаясь.

Пратачулторн плюнул сквозь прутья.

— Ну и что? Напали бы мы, как я планировал, все закончилось бы раньше.

— Сомневаюсь. Даже блестящие планы редко воплощаются точно. И если нам в последнюю минуту пришлось бы отказаться от нападения, мы, получается, вот так запросто, ни за что, раскрыли бы все свои тайны.

— Это вы так думаете, — фыркнул Пратачулторн.

Атаклена покачала головой.

— Однако это не единственная и не самая важная причина. — Она устала объяснять тонкости

галактического протокола офицеру морской пехоты, но надо было попытаться еще раз. — Я уже говорила вам, майор. Войны обычно развиваются циклами; вы, люди, иногда называете это «око за око»: одна сторона мстит другой за последнее оскорбление, а та, в свою очередь, отвечает тем же. И если не сдержаться, так может продолжаться вечно! Поэтому Прародители разработали правила сдерживания таких конфликтов.

Пратачулторн выругался.

— Да будьте вы прокляты! Сами признавали, что наше нападение, осуществленное вовремя, вполне законно.

Она кивнула.

— Законно — возможно. Но сослужило бы врагу хорошую службу. Потому что было бы последним действием перед перемирием.

— А какая разница?

Она терпеливо продолжала объяснять:

— Губру объявили перемирие, имея подавляющее преимущество, майор. Это считается честным. Можно сказать, они «заработали очки». Но количество очков неизмеримо выросло бы, если бы перемирие объявили сразу после поражения. Если бы не стали мстить, проявили терпимость. И заслужили бы...

— Ха! — Пратачулторн расхохотался. — Много бы это им дало, если бы их церемониальная установка была разрушена!

Атаклена наклонила голову. Времени совсем не осталось. Если она здесь задержится, лейтенант Маккью может заподозрить, где находится ее исчезнувший командир. Морские пехотинцы уже прочесали несколько возможных мест укрытия.

— В результате Землю вынудили бы финансировать новое строительство, — сказала она.

Пратачулторн смотрел на нее.

— Но... но мы воюем!

Она кивнула, не поняв его.

— Совершенно верно. Невозможно воевать, не учитывая существующих правил и не имея мощных нейтральных сил, поддерживающих честное ведение войны. Альтернативой было бы варварство.

Человек молча мрачно смотрел на нее.

— К тому же разрушение церемониальной площадки означало бы, что люди против испытаний для своих клиентов, против их продвижения! А так губру в результате этого перемирия обесчестили сами себя. Вы набрали очки, оказались страдающей стороной, которая не стала мстить. Эта частичка праведности может сильно приго-

диться в будущем.

Пратачулторн нахмурился. Сосредоточился, словно хотел ухватить логическую нить рассуждений. Она чувствовала напряжение всех его умственных сил, старание... но не получилось. Он сморщился и снова плюнул.

— Какой вздор! Покажите мне мертвых птиц. Вот такую монету я могу сосчитать. Набросайте их грудой до верха этой клетки, маленькая мисс посольская дочь, и в таком случае, когда я отсюда вырвусь, вы, возможно, только возможно, останетесь в живых.

Атаклена вздрогнула. Тщетно пытаться убедить такого человека. Этого пленника следовало держать под воздействием наркотиков либо убить. Но она не могла сделать ни того, ни другого, не могла втягивать послушных ей шимпов в преступление.

— До свидания, майор, — сказала она, повернувшись, чтобы уйти.

Он не стал кричать ей вслед. Немногословно делало его угрозы более страшными и правдоподобными.

Атаклена по тайной тропе горного отрога вышла из долины, и двинулась мимо вечно парящих и шипящих теплых источников. На вершине она

убрала щупальца, чтобы их не раздувал ветер. Небо почти безоблачно, но в воздухе пыль далеких пустынь.

На ветке висел парашютик плюща с семенной коробочкой, принесенный с какого-то поля. К счастью, осенний перенос спор пошел полным ходом еще за два дня до провозглашения перемирия. Этот факт может оказаться весьма существенным.

Ей было не по себе; такое она испытывала частенько с той ночи ужасных снов незадолго до восхождения на эту же вершину, где она и вырвала у отца наследство.

«Должно быть, снова испытывают гиперпространственный шунт».

Она уже знала, что первый приступ кошмаров совпал у нее с первым испытанием новой установки захватчиков. Потоки неустойчивой вероятности распространились во всех направлениях; чувствительные к ним ответили странной смесью кошмаров и своеобразного веселья.

Не похоже на обычно педантичных губру и подтверждает сообщение Фибена про серьезные проблемы в руководстве врага.

Поэтому в тот вечер тутсунуканн обрушился так неожиданно и свирепо? Значит, эта высвобо-

дившаяся энергия ответственна за ужасающую силу ее контакта с'уструтууна с Утакалтингом?

Могут ли первое и последующие испытания установки объяснить, почему гориллы ведут себя так необычно?

Атаклена чувствовала неподдельный ужас и беспокойство. «Скоро, — подумала она. — Скоро кульминация».

Она была уже на полпути к своей палатке, когда из леса вдруг выбежали двое запыхавшихся шимпов и заторопились к ней.

— Мисс... мисс... — выговорил один. Слышалось тяжелое дыхание другого.

Она кеннировала их страх, и это вызвало мгновенный поток гормонов; он чуть замедлился, когда она поняла, что этот страх вызван не угрозой нападения врага. Что-то другое чуть не свело их с ума от ужаса.

— Мисс Ат...таклена, — выдохнул первый шимп. — Идемте быстрей!

— В чем дело, Петри? Что случилось?

— Риллы. Мы не можем с ними справиться.

«Вот как», — подумала она. Уже с неделю негромкое немузыкальное пение горилл доводило шимпов до нервных припадков. — Что они сейчас делают?

— Уходят! — с болью выкрикнул второй шимп.

Она заморгала.

— Что? Повтори!

Карие глаза Петри были полны изумления.

— Они уходят. Просто встали и пошли! Идут к Синду, и их невозможно остановить!

Глава 82
УТАКАЛТИНГ

За последние дни их продвижение к горам заметно замедлилось. Все больше и больше времени Каулт проводил, разглядывая каменные орудия... и споря со своим спутником тимбрими.

«Как быстро меняется положение», — думал Утакалтинг. Он долго и напряженно старался довести Каулта до этого состояния подозрительности и возбуждения. А теперь с печалью вспоминал их прежнюю дружбу, долгие ленивые дни неторопливых разговоров и воспоминаний, дни общего изгнания, какими бы раздражающими они тогда ему ни казались.

Конечно, в то время он полностью был самим собой и мог смотреть на мир глазами тимбрими сквозь смягчающую вуаль воображения.

А теперь? Утакалтинг знал, что дома его счи-

тали слишком мрачным и серьезным, а сейчас, вероятно, сочли бы калекой. Может, лучше умереть?

«Слишком многое я потерял», — думал он, в то время как Каулт что-то бормотал про себя в углу убежища. Снаружи сильные порывы ветра раскачивали степную траву. Лунный свет падал на вершины холмов, подобных медлительным океанским волнам, поднятым бурей.

«Неужели ей действительно нужно было отобрать так много?» — думал Утакалтинг, хотя на самом деле это его уже не тревожило.

Конечно, Атаклена вряд ли отдавала себе отчет, когда той ночью потребовала выполнения обета, данного родителями. Создавать с'устру'туун не учат специально. Способ, такой драматичный и так редко используемый, невозможно описать простыми словами. И по самой своей природе с'устру'туун — это нечто, совершаемое только раз в жизни.

Однако сейчас, мысленно оглядываясь назад, Утакалтинг вспомнил то, чему в свое время не придал значения.

В тот вечер он чувствовал жуткое напряжение. Уже задолго до этого начал беспокоиться и ощущать потоки такой энергии, как будто сквозь

горы прорывались полуглифы невероятной силы. Возможно, этим объясняется необыкновенная мощь призыва дочери; видимо, она черпала из какого-то внешнего источника.

Припомнилось и то, что та буря,с озданная ее с'устру'туун, не все отобранное у него унесла Атаклене!

Странно, как он до сих пор не додумался. Сейчас Утакалтингу смутно казалось, что часть его сущности миновала ее, но он и представить себе не мог, в каком направлении. Может, к тому самому источнику энергии, который он ощутил раньше. Может быть...

Утакалтинг слишком устал, чтобы создавать рациональные теории. «Кто знает? Вдруг ее привлекли гартлинги?» Дурацкая шутка, не стоящая даже легкой улыбки, но все же, раз он способен иронизировать, не все еще потеряно.

— Теперь я уверен в этом, Утакалтинг. — Повернувшись, теннанинец говорил негромко и убежденно. Он отложил прибор, сооруженный из остатков разбитой яхты.

— В чем уверен, коллега?

— Уверен в том, что наши подозрения не безосновательны! Смотри.

Данные, которые ты сообщил, твои записи

помогли мне настроить детектор, и теперь я обнаружил нужный резонанс.

— Правда? — Утакалтинг не знал, как быть. Он не ожидал от Каулта доказательств существования мифического животного.

— Я знаю, мой друг, — сказал Каулт, поднимая массивную, обтянутую плотной кожей руку. — Ты боишься, что мои эксперименты привлекут к нам внимание губру. Не волнуйся, я использую очень узкую полосу и отражаю свой луч от ближайшего спутника. Маловероятно, чтобы источник моего слабого луча локализовали.

— Но... — Утакалтинг покачал головой. — Что ты ищешь?

Дыхательные щели Каулта раздвинулись.

— Определенный тип мозгового резонанса. Это чисто технические соображения, — сказал теннанинец. — Соотносится с тем, что я читал в твоих записях об этих гартлингах. Судя по данным, мозг этих предразумных существ не должен очень отличаться от мозга землян и тимбрими.

Утакалтинг поразился, с какой быстротой и энтузиазмом Каулт использовал сфабрикованные данные. Его прежняя сущность, наверное, ликовала бы.

— И что же? — спросил он.

— Вот что... позволь объяснить на примере. Возьмем людей...

— Давай, — вставил Утакалтинг скорее по привычке, без всякого энтузиазма.

— ...земляне использовали лишь один из множеств путей постепенного достижения разума. Они использовали мозг в виде двух отдельных частей, позднее слившихся в одну.

Утакалтинг моргнул. Его собственные мозги едва шевелятся.

— Ты... ты говоришь о двух относительно независимых полушариях человеческого мозга?

— Да. Иногда эти половинки подобны друг другу и избыточны, но в определенный момент они распределяют между собой работу. Особенно это заметно у их клиентов-неодельфинов. До появления губру я изучал данные о неошимпанзе, которые во многом подобны своим патронам. Люди еще на самых ранних стадиях возвышения попытались соединить мозг предразумных в единое сознание. До этих попыток неошимпанзе испытывали состояние, называемое «двухпалатностью»...

Каулт продолжал говорить, речь его по-прежнему изобиловала специальными терминами, и вскоре Утакалтинг перестал его слушать.

Подробности мозговых функций заполнили их убежище густым туманом.

Утакалтингу очень хотелось создать глиф, выражающий его скуку, но у него не хватало сил даже пошевелить щупальцами.

— ...и поэтому резонанс указывает, что поблизости, в пределах досягаемости моего прибора, имеется существо с двухкамерным мозгом.

«А, да», — подумал Утакалтинг. Еще в Порт-Хелении, в пору создания им хитроумных планов, он заподозрил, что Каулт может оказаться изобретательным. Это и было одной из причин выбора Утакалтингом в помощники шимпа с явными признаками атавизма. И сейчас Каулт находит следы бедного Джо-Джо, отсталый мозг которого похож на мозг невозделанных невозвышенных шимпанзе столетия назад. Джо-Джо, несомненно, сохранил признаки этой «двухпалатности», о которой говорит Каулт.

Наконец Каулт подошел к заключению.

— И потому я совершенно убежден и считаю, что больше нельзя откладывать. Мы должны отправить межзвездное сообщение!

— А как ты собираешься это сделать? — с легким любопытством спросил Утакалтинг. Дыхательные щели Каулта раздувались, выдавая редкое

для него возбуждение.

— Может быть, нам удастся проскользнуть или пробиться в планетарную отраслевую Библиотеку, потребовать убежища и затем использовать право на первоочередную связь с пятьюдесятью солнцами Теннанина. Кажется, есть и другой способ, например украсть корабль губру. Но сообщение надо передать!

Неужели это тот самый Каулт, который так стремился бежать из Порт-Хелении до прибытия захватчиков? Он изменился внешне так же сильно, как Утакалтинг внутренне. Энтузиазм теннанинца пылал ярким пламенем, а Утакалтингу приходилось изо всех сил поддерживать огонь собственного энтузиазма.

— Ты хочешь предъявить требования на предразумных до их обнаружения губру?

— Да, а почему бы и нет? Чтобы спасти их от таких ужасных патронов, я готов отдать собственную жизнь! Если правда то, что мы услышали по нашему приемнику, эмиссары Институтов уже на пути к Гарту. Мне кажется, губру задумали что-то грандиозное, может, уже открыли то же самое. Мы должны действовать быстро, пока еще не поздно!

Утакалтинг кивнул.

— Еще один вопрос, достойный коллега. — Он помолчал. — Почему я должен помогать тебе?

Каулт выдохнул, как проткнутый воздушный шарик, и его грудь начала быстро оседать. Он посмотрел на Утакалтинга с таким выражением, какого тот никак не ожидал увидеть на этом лишенном эмоций лице серьезного теннанинца.

— Это поможет предразумным, — просвистел он. — Их судьба будет гораздо счастливей.

— Может быть, хотя утверждение спорное. Но если и так? Ты рассчитываешь только на мой альтруизм?

— Э-э-э... Хм... — Внешне Каулт казался обиженным. Но удивился ли он на самом деле? Ведь в конце концов он дипломат и знает, что лучшие и самые прочные договоры заключаются на взаимовыгодной основе. — Это... это очень помогло бы моей политической партии. Если бы я раздобыл такое сокровище, мы, вероятно, смогли бы сформировать правительство, — предположил он.

— Небольшая поправка к невысказанному не стоит разговора, — Утакалтинг покачал головой. — Ты же не объяснил мне, почему я не могу потребовать передать открытие моему клану. Я исследовал эти слухи раньше тебя. Мы, тимбрими, были бы превосходными патронами для

этих существ.

— Вы! Вы... К'ф мимфер'рренги? — Это выражение примерно означало «несовершеннолетние правонарушители». Утакалтинг едва сдержал улыбку. Каулт неловко заерзал и заметно сдерживался, чтобы сохранить дипломатическую невозмутимость.

— У вас, тимбрими, недостаточно сил, чтобы поддержать такое требование, — сказал он.

«Наконец-то, — подумал Утакалтинг. — Правда».

В такие времена, в таких сложных обстоятельствах требуется нечто большее, чем подача заявки на клиентов новой предразумной расы первым.

Институт возвышения будет учитывать и множество других факторов. Люди очень правильно высказались по этому поводу: «Владение имуществом почти равносильно праву на него». Не в бровь, а в глаз.

— Итак, мы вернулись к вопросу номер один. — Утакалтинг кивнул. — Если ни тимбрими, ни люди не могут получить гартлингов, почему я должен помогать в этом тебе?

Каулт начал ерзать на месте, как на горячей сковородке. В отчаянии он, наконец, выпалил:

— Я могу почти гарантировать прекращение всех враждебных действий моего клана против твоего.

— Мало, — сразу ответил Утакалтинг.

— Но чего же еще ты от меня хочешь! — взорвался Каулт.

— Подлинного союза. Обещания помощи против тех, кто сейчас осаждает Тимбрим.

— Но...

— И твердых гарантий, данных заранее. Независимо от того, существуют ли на самом деле эти предразумные.

Каулт, запинаясь, сказал:

— Ты не можешь требовать...

— Могу. Почему я должен верить в этих гартлингов? Для меня это только интригующие слухи. Я ведь не утверждал, что верю в них! А ты хочешь, чтобы я на этом основании рисковал жизнью, передавая твое сообщение! Зачем мне это без гарантий для своего народа?

— Это... это неслыханно!

— Тем не менее такова моя цена. Как хочешь.

На мгновение у Утакалтинга появилось возбуждающее предчувствие, что он будет свидетелем невероятного. Каулт утратит контроль над собой... набросится на него с кулаками. Взглянув

на эти массивные, судорожно сжимающиеся и разжимающиеся кулаки, Утакалтинг почувствовал приток энзимов в крови. Нервный страх заставил его ощутить себя живым, чего не было уже много дней.

— Будь... будь по-твоему, — прорычал наконец Каулт.

— Отлично. — Утакалтинг вздохнул, расслабляясь. Он извлек свой хранитель информации. — Давай сформулируем наш контракт.

Потребовалось больше часа, чтобы обо всем окончательно договориться.

После того, как договор был составлен и оба экземпляра подписаны, Утакалтинг одну капсулу с текстом передал Каулту, вторую оставил у себя.

«Поразительно!» — думал он. Он вынашивал планы и тяжким трудом приближал этот день. Наконец-то завершена вторая часть его грандиозного розыгрыша. Дурачить губру — одно удовольствие. Но вообще это невероятно.

Однако Утакалтинг не испытывал торжества. Ему не хотелось двигаться вперед, на Мулунские горы, в отчаянной попытке, которая, несомненно, закончится их смертью.

— Ты, конечно, понимаешь, Утакалтинг, что мой народ не выполнит этот договор, если я

ошибся и гартлингов все-таки не окажется. Теннанинцы отрекутся от меня: они выплатят дипломатический штраф, чтобы выкупить контракт, а меня уничтожат.

Утакалтинг не поднимал глаз на Каулта. Это, конечно, вторая причина его угнетенного состояния и отчужденности. «Великий шутник не должен чувствовать себя виноватым, — говорил он себе. — Наверно, я слишком часто общался с людьми».

Молчание затянулось. Каждый думал о своем.

Несомненно, Каулта отвергнут. Теннанинцы вряд ли станут заключать союз или даже мир с Землей и Тимбримом. Утакалтинг надеялся лишь посеять смятение в рядах врага. Если каким-то чудом Каулту удастся передать свое сообщение и привлечь теннанинскую армаду к этому захолустью, тогда противники его народа сойдутся в битве, которая истощит обоих... в бессмысленной битве из-за ничего. Из-за несуществующего вида, призрака существ, убитых много тысячелетий назад.

«Какая великая шутка! Я должен быть счастлив. Горд...» Утакалтинг печально думал, что не может даже винить с'устру'туун в своей неспособности испытывать удовольствие.

Атаклена не виновата в том, что он переживает такие чувства... чувство вины и предательства.

«Ну ладно, — утешал себя Утакалтинг. — Еще ничего не известно. Чтобы передать сообщение, нужно совершить еще семь подвигов, один грандиознее другого!»

Вероятно, они просто умрут вместе, предприняв эту тщетную попытку.

Утакалтинг нашел в себе силы чуть приподнять щупальца. Он печально поднял голову, посмотрел на Каулта, и над ним появился простой глиф сожаления.

Утакалтинг собирался заговорить, когда совершенно неожиданно ощутил чье-то присутствие в ночи. Он вздрогнул; чувство чужака тут же пропало.

«Может, мне показалось? Неужели я распадаюсь?» — подумал Утакалтинг. И тут же вновь ощутил кого-то! Он ахнул, кеннируя то, что по спирали опускалось к убежищу, прикоснулось наконец к краям его ауры. Пытаясь разглядеть нечто висящее над убежищем, он поднял голову.

«Что я делаю? Пытаюсь увидеть глиф?»

Закрыв глаза, он позволил этому приблизиться. Раскрыл свой кеннинг. — Пуир'итурумбул! — воскликнул он.

Каулт пошевелился.

— В чем дело, друг мой? Что...

Но Утакалтинг уже вскочил. Его как будто выдернули из убежища в прохладную ночь.

Он принюхался: ветер принес самые разнообразные запахи. С помощью остальных своих чувств Утакалтинг исследовал кромешную тьму.

— Где ты? — спросил он. — Кто здесь?

В полосе тусклого лунного света показались две фигуры.

«Значит, это правда!» — подумал Утакалтинг. Человек отыскал его с помощью эмпатии, как поступил бы молодой тимбрими.

Но чудеса еще не кончились. Утакалтинг, моргая, посмотрел на высокого бронзового бородатого воина — точь-в-точь героя этих варварских предконтактных земных эпопей — и вновь удивленно вскрикнул. Он неожиданно узнал в нем Роберта Онигла, этого мальчика-плейбоя, сына планетарного координатора!

— Добрый вечер, сэр, — сказал Роберт, останавливаясь в нескольких метрах от него и кланяясь.

А за ним нервно переминался неошимпанзе Джо-Джо. Это никак не входило в первоначальный план. Шимп не поднимал глаз на Утакалтинга.

— В'хуман'ф? Идатесс! — воскликнул Каулт на галактическом-семь. — Утакалтинг, что надо здесь человеку?

Роберт снова поклонился. Он, тщательно выговаривая, произнес официальное приветствие, использовав полные названия видов. Потом продолжил на галактическом-семь:

— Я пришел издалека, почтенные джентльсущества, чтобы пригласить вас на прием.

Глава 83
ФИБЕН

— Легче, Тихо, легче!

Обычно спокойное животное брыкалось и упиралось, натягивая поводья.

Фибен, который никогда не был хорошим всадником, вынужден был спешиться и схватить лошадь за повод.

— Ну, ну. Успокойся, — уговаривал он. — Просто еще один транспорт. Их слышно целый день. Он скоро пройдет.

Действительно, вой быстро стих: машина, пролетев над головой, исчезла за деревьями, направляясь в сторону Порт-Хелении.

Многое изменилось с тех пор, как Фибен впер-

вые побывал здесь после вторжения. Тогда, среди весенней зелени, он шел в солнечном свете по дороге с оживленным движением. Теперь, шагая по долине, он ощущал порывы холодного ветра в спину. Признаки близкой зимы: опавшие листья на лугах и аллеях, снятые фрукты в садах, и отсутствие движения на дорогах. Только наземного движения — над головой же поток транспорта кажется нескончаемым. Когда машины губру проносились мимо, гравитационные поля задевали нервные окончания, и поначалу у Фибена даже шерсть дыбом вставала. Он ждал окрика, приказа остановиться, может быть, даже стрельбы.

Но губру не обращали на него внимания; очевидно, не могли выделить определенного шимпа среди других, посланных на сбор урожая или для работы на станции экологического регулирования.

Фибен разговаривал с такими специалистами, в основном своими старыми знакомыми. Они сообщили, что поклялись свободой и возможностью вернуться к работе. Конечно, приближается зима, и делать на станциях особенно нечего.

Но по крайней мере, программу возобновили, а губру, по-видимому, оставили их в покое.

Захватчики же при деле. Центр активности

губру переместился к югу от космопорта.

«Там церемониальная площадка», — напомнил себе Фибен. В сущности, он не знал что делать, если сумеет проникнуть в город. Может, просто пойти к дому, в котором находилась его тюрьма? Примет ли его сюзерен Праведности?

А Гайлет?

Будет ли она там вообще?

Он миновал закутанных в плащи шимпов, которые копались в стерне недавно сжатого поля. Они не здоровались, он и не ожидал этого, но все же чувствовал на себе их взгляды, когда вел Тихо к Порт-Хелении. Лошадь немного успокоилась, и Фибен снова сел в седло.

Он рассчитывал вернуться в Порт-Хелению тем же путем, что ушел: через ограду, ночью. Если один раз получилось, почему бы не попробовать еще? У него нет никакого желания встречаться с подчиненными сюзерена Стоимости и Бережливости.

Искушение было велико, но он удержался. В первый раз просто повезло; действовать так вторично — глупо.

Но судьба распорядилась иначе. Повернув за угол, он увидел сторожевой пост губру. Два боевых робота сложной конструкции сосредоточили

на нем внимание.

— Полегче, ребята, — сказал Фибен скорее себе, чем им. Если бы их запрограммировали на мгновенную стрельбу, он бы их даже не увидел.

Перед невысоким строением на подпорках стоял бронированный танк на воздушной подушке, из-под которого торчали две пары ног с тремя когтями каждая; не нужно хорошо владеть галактическим-три, чтобы разобрать проклятия. Когда роботы предупреждающе резко свистнули, под машиной лязгнуло, затем послышался негодующий клекот.

Скоро из тени показалась пара острых клювов. Желтые глаза не мигая уставились на Фибена. Один из взъерошенных губру поднял свой воротник.

Фибен поджал губы, изображая улыбку. Он спешился и подошел к бункеру, удивляясь, что ни роботы, ни чужаки не заговорили с ним.

Остановившись перед двумя губру, он низко поклонился.

Они переглянулись и раздраженно защебетали. Один испустил что-то вроде покорного стона. Двое солдат Когтя выбрались из-под танка, каждый ответил едва заметным кивком.

Нависло напряженное молчание.

Один губру вздохнул и отряхнул перья. Второй просто смотрел на Фибена.

«Что теперь?» — подумал Фибен. У него зачесались пальцы на ногах.

Он снова поклонился, потом с пересохшим горлом попятился и взял лошадь под уздцы. С подчеркнутой небрежностью зашагал вперед к темной ограде, окружающей Порт-Хелению.

Тихо заржал, помахивая хвостом.

«Тихо, пожалуйста», — про себя попросил Фибен. Когда губру скрылись за поворотом, он опустился на землю и некоторое время никак не мог унять дрожь.

— Ну что ж, — сказал он наконец. — Теперь ясно, что перемирие действует.

* * *

После этого, встретив охрану у ворот, он почти расслабился. Фибен по-настоящему наслаждался, заставляя солдат Когтя отвечать на его поклоны.

Гайлет говорила ему о галактическом протоколе: очень важно выжать признание клиентов-кваку. А то же самое от губру — это вообще великолепно.

Это означает также, что сюзерен Праведности еще не сдался и удерживает позиции.

Фибен галопом проехал по боковым улицам Порт-Хелении мимо пораженных шимпов, которые что-то кричали ему, но он не останавливался. Он торопился к месту своего прежнего заключения.

Подъезжая, он увидел, что ворота распахнуты и не охраняются. С каменной стены исчезли сторожевые шары. Фибен пустил Тихо пастись в неубранный сад и сбил два парашюта плюща, повисших на открытой двери.

— Гайлет! — закричал он.

Исчезли и стражники-проби. По полу ветер катал обрывки бумаги и комки пыли. Достигнув комнаты, в которой они находились, Фибен остановился.

Все было в запустении.

Мебель в основном осталась, но дорогостоящие голографическую и звуковую системы выдрали из стены, несомненно, уходящие проби. Тем не менее Фибен нашел свой накопитель информации там же, где оставил.

Гайлет не было.

Он заглянул в шкаф, где по-прежнему висела большая часть одежды. Ее явно не собирали. Фибен взял блестящее церемониальное платье, которое ему досталось в штате сюзерена, ощутил

легкое прикосновение шелковистого материала.

Платья Гайлет не было.

— О Гудолл, — простонал Фибен. Он повернулся и выбежал в коридор.

Через несколько секунд он уже находился в седле, но Тихо даже не оторвался от жвачки. Фибену пришлось кричать и пинаться, прежде чем животное сообразило, что ситуация требует срочных действий. Зажав в зубах желтый подсолнечник, лошадь повернулась и через ворота снова вышла на улицу.

Оказавшись снаружи, Тихо пригнул голову и ускорил темп.

Они являли собой необычное зрелище, несясь галопом по мрачным, почти пустым улицам; церемониальное платье и подсолнечник развевались на ветру, как знамена. Но мало кто мог наблюдать эту дикую скачку, пока они не приблизились к гавани.

Казалось, здесь собрались все шимпы города. Они толпились на берегу, коричневая пенящаяся масса; головы раскачивались, словно волны в ближайшем заливе. Множество шимпов стояло на крышах, некоторые, забыв про осторожность, свисали с водосточных труб.

Хорошо, что Фибен верхом на лошади. Тихо

оказался очень кстати, фыркая и расталкивая шимпов носом. Сверху Фибен старался разгадать причину смятения.

В заливе, примерно в полукилометре от берега, болталось с десяток рыболовецких судов с экипажами из шимпов. Траулеры покачивались рядом с гладким белым корпусом, резко контрастирующим с избитыми посудинами.

Корабль губру был на плаву. На мостике стояли два птицеподобных и выкрикивали указания; шимпы вежливо игнорировали их, привязывая тросы к поврежденному кораблю. Наконец они на буксире потащили его к берегу.

«Ну и что? — подумал Фибен. — Большое дело!» Патрульный корабль губру, по-видимому, вышел из строя, и из-за этого все шимпы города высыпали на улицы? Должно быть, жители Порт-Хелении действительно соскучились по развлечениям.

Но тут он заметил, что почти никто не обращает внимания на спасательные работы в гавани. Большинство смотрит на юг, в сторону от залива.

«Ого!» — выдохнул Фибен, на мгновение лишившись дара речи.

На плоской вершине горы, там, где располага-

ется космодром, стоят новые сверкающие башни. Блестящие монолиты не похожи ни на транспорты губру, ни на их громоздкие шарообразные боевые корабли. Они напоминают грандиозные шпили, которые возносятся высоко и гордо, символизируя веру и традиции, более древние, чем сама жизнь на Земле.

От высоких космических кораблей отделяются небольшие огоньки. Должно быть, несут прибывших галактов, догадался Фибен. Огоньки несутся на запад вдоль береговой дуги. Там они вливаются в караван транспортов, движущихся на юг. Именно там, по-видимому, происходит нечто значительное.

Фибен, не обращая на это внимания, вел лошадь в толпе, пока не добрался до оконечности главной гавани. Здесь цепь шимпов с овальными значками сдерживала толпу. «Опять полицейские, — решил Фибен. — Проби оказались ненадежными, и губру пришлось преобразовать гражданское управление».

Шен с нарукавной повязкой капрала полиции схватил Тихо под уздцы и заговорил:

— Эй, приятель! Ты не можешь... — Но тут он замигал. — Ифни! Это ты, Фибен?

Фибен узнал Барнаби Фултона, одного из ве-

теранов подпольной организации Гайлет. Он улыбнулся, хотя мысли его были далеко.

— Привет, Барнаби. Мы с тобой с самого восстания не виделись. Рад видеть, что ты еще чешешься.

Теперь, когда на него обратили внимание, шимпы и шимми подталкивали друг друга и перешептывались. Фибен услышал собственное имя. Толпа стихла в благоговейном молчании. Двое или трое шимпов притронулись к ноге Фибена, к крупу Тихо, как будто пытались убедиться в их реальности.

Барнаби с видимым усилием ответил тоже небрежно:

— Чешусь, когда чешется, Фибен. Прошел слух, что ты должен быть там. — Он указал на юг. — Другие говорили, что ты сбежал в горы. Третьи...

— Что болтали третьи?

Барнаби сглотнул.

— Третьи болтали, что твоя песенка спета.

— Хм, — негромко произнес Фибен. — Думаю, все они были правы.

Он видел, что траулеры уже почти подтащили поврежденный корабль губру к берегу. В заливе еще несколько кораблей с экипажами из шимпов, но ни один не заходит за линию буйков, которая

делит гавань на две части.

Барнаби оглянулся по сторонам, потом негромко заговорил.

— Э-э-э... Фибен, тут наши шимпы в городе... они восстановили организацию. Мне пришлось дать слово в обмен на эту повязку, но я могу передать профессору Оуксу, что ты в городе. Я уверен, он захочет с тобой встретиться... сегодня вечером...

Фибен покачал головой.

— Некогда. Мне нужно туда. — Он указал на ярко освещенные корабли чужаков.

Барнаби оскалил зубы.

— Я бы не стал рисковать, Фибен. Это сторожевые буи. Они никого не пускают.

— Кого-нибудь сожгли?

— Да нет, не видел. Но...

Барнаби отскочил: Фибен натянул вожжи и пришпорил лошадь.

— Спасибо, Барнаби. Это все, что мне нужно было знать, — сказал он.

Полицейские расступились, и Тихо двинулся по гавани.

Чуть дальше суетилась флотилия спасателей, подводя к берегу аккуратный белый корабль губру. Моряки-шимпы непрерывно кланялись и неуверенно ежились под взглядами раздражен-

ных солдат Когтя и их страшных боевых роботов. Фибен проехал рядом, но так, чтобы не приветствовать чужаков. Ехал прямо и не обращал на них внимания, минуя патрульный корабль в конце причала, где только что остановились самые маленькие рыбацкие шхуны.

Наконец Фибен перекинул ноги и спрыгнул на землю.

— Ты хорошо обращаешься с животными? — спросил он у удивленного моряка, который только что закончил швартовать свое суденышко. Тот кивнул, Фибен протянул ему вожжи Тихо. — Поменяемся?

Он прыгнул в лодку и сел за руль.

— Передай мое почтение сюзерену Праведности. Запомнил? Сюзерену Праведности губру.

Шимп широко раскрыл глаза и, щелкнув, сдвинул отвисшую челюсть.

Фибен включил зажигание и с удовлетворением прислушался к гудению двигателя.

— Отдать концы! — сказал он. Потом улыбнулся. — И спасибо! Позаботься о Тихо.

Моряк часто заморгал. Видимо, он решил рассердиться, но тут другой шимп, один из тех, что окружали Фибена, что-то зашептал лодочнику на ухо.

Рыбак улыбнулся. Торопливо отвязал трос и бросил его в лодку. Когда Фибен натолкнулся на причал, шимп только поморщился.

— Удачи, — сказал он.

— Да. Удачи, Фибен! — крикнул Барнаби.

Фибен махнул рукой и направил лодку вперед. Повел ее по широкой дуге мимо дурапластовых бортов патрульного корабля губру. Вблизи он не казался таким сверкающим и белым. Фактически бронированный корпус стал бугристым и изъеденным. Высокое негодующее чириканье с противоположного борта свидетельствовало о недовольстве солдат Когтя.

Не думая о них, Фибен повернул заимствованную лодку на юг, к линии буйков, отделяющих Порт-Хелению от высоких патронов на противоположном берегу.

* * *

Пенистая и волнующаяся от ветра поверхность воды была — как в эстуариях в это время года — замусорена всякой дрянью от листьев и почти прозрачных парашютов плюща до оперения птиц. Фибену пришлось замедлить ход, чтобы не столкнуться с этим мусором и с лодками всевозможных форм и размеров, забитыми глазе-

ющими шимпами.

Он медленно приблизился к линии буйков. Фибен чувствовал на себе тысячи любопытных взглядов, когда миновал последнюю лодку с самыми смелыми и любопытными жителями Порт-Хелении.

«Гудолл, да понимаю ли я, что делаю?» — думал он.

До сих пор он действовал почти автоматически. Но теперь почувствовал, что взялся не за свое дело. Чего он надеется достичь, направляясь туда?

Что собирайся сделать? Нарушить церемонию? Он посмотрел на башни космических кораблей, сверкающие силой и великолепием.

Как будто он имеет право совать свой полувозвышенный нос в дела великих и древних кланов! Да он только поставит себя в дурацкое положение.

А вместе с тем и всю свою расу.

— Надо подумать, — пробормотал Фибен. Он уже приблизился к линии буйков. И представил себе тысячи устремленных на него глаз.

«Мой народ... — вспомнил он. — Я... я должен был представлять его. Да, но я улизнул, а сюзерен исправил свою ошибку, подготовился. Или победили другие сюзерены, и тогда я умру, как только

покажусь».

Интересно, что они подумали бы, зная, что всего несколько дней назад он помог похитить своего патрона и законного командира. Ну и представитель расы!

«Гайлет я не нужен. Она без меня лучше справится».

Фибен повернул руль, заставив лодку пройти совсем рядом с белым буем.

Внимательно рассмотрел его, проплывая.

Буек даже вблизи не казался новым, более того, он был изъеден ржавчиной. Но кто он такой, с его статусом, чтобы судить о подобных делах?

Фибен моргнул. Что-то слишком уж он прибедняется!

Он смотрел на буй, и рот его медленно раскрывался, обнажая зубы. «Ах вы... изобретательные сукины дети...»

Он выключил мотор, и лодка, покачиваясь, остановилась. Фибен закрыл глаза и прижал ладони к вискам, стараясь сосредоточиться.

«Я готовлюсь преодолеть еще один барьер страха... подобно тому, вокруг города, той ночью. Но этот устроен хитрее, он вызывает во мне чувство неполноценности, призывая к покорности».

Он открыл глаза и посмотрел на буй. Улыб-

нулся.

— Какая еще покорность? — спросил Фибен вслух. Он рассмеялся и повернул руль, снова заводя мотор. На этот раз, приближаясь к барьеру, он не колебался, не прислушивался к себе, к сомнениям, порождаемым машиной в его голове.

— А справятся ли они с парнем, у которого мания величия? — Оставляя линию буев позади, а вместе с нею и все сомнения, Фибен понял, что враг допустил серьезную ошибку. Теперь — напротив — его наполнила решимость.

Со свирепой самоуверенной усмешкой он приближался и противоположному берегу.

Что-то хлопнуло его по колену. Фибен посмотрел вниз и увидел церемониальное платье, то самое, что он нашел в шкафу старой тюрьмы.

Очевидно, он затолкал его за пояс, прежде чем сесть верхом на Тихо.

Неудивительно, что в гавани на него так смотрели!

Фибен рассмеялся. Держа руль одной рукой, другой он придерживал платье, влезая в него. Береговой утес отрезал его от зрелища на площадке.

Но непрерывное гудение воздушных транспортов, надеялся он, показывает, что еще не поздно.

Он обогнул отмель блестящего белого песка, теперь непривлекательного под слоем мусора. И уже собирался прыгнуть в воду, когда, оглянувшись, заметил, что в Порт-Хелении что-то происходит. До него доносились возбужденные крики. Масса коричневых тел устремилась вправо.

Фибен взял бинокль, висевший на кабестане, и направил его на гавань.

Шимпы бегали, непрерывно показывая на восток, в направлении главного входа в город. Многие устремились туда. Но большинство ринулось в другую сторону... очевидно, не из страха, а от возбуждения. Некоторые шимпы начали прыгать. Кое-кто даже свалился в воду, и более уравновешенные кинулись их спасать.

Происходящее вызывало не панику, а полное недоумение.

У Фибена не было времени разгадывать головоломку. Он знал свои ограниченные возможности к сосредоточенности.

«Сфокусируйся на одной проблеме, — сказал он самому себе. — Доберись до Гайлет. Скажи, что жалеешь, что оставил ее. Скажи, что больше никогда этого не сделаешь».

Это легко понять даже ему.

Фибен отыскал узкую тропу, ведущую вверх. Подъем неровный, опасный, особенно на ветру. Но он торопился. И скорость ограничивалась только количеством кислорода, которое захватывали легкие.

Глава 84
УТАКАЛТИНГ

Четверо идущих на север под затянутым тучами небом представляли собой странное зрелище. Может быть, маленькие животные, глядя на них, изумленно моргали, прежде чем снова нырнуть в свои норы. Наверно, клялись никогда больше не есть переспелые семена.

Для Утакалтинга этот форсированный марш оказался слишком унизительным. Остальные как будто имели перед ним преимущества.

Каулт пыхтел и сопел; конечно, ему не нравилась пересеченная местность, но когда рослый теннанинец начинал двигаться, остановить его, казалось, невозможно.

Что касается Джо-Джо, то маленький шимп теперь смахивал на местного жителя. Он получил строгий приказ никогда в присутствии Каулта не опираться при ходьбе на руку — бессмысленно

рисковать, вызывая подозрения теннанинца, и шимп иногда просто перепрыгивал через препятствия, а не обходил их. А на длинных ровных переходах ехал на спине у Роберта.

Роберт настоял на том, что понесет шимпа, несмотря на различия их официальных статусов. Человек нетерпеливо шел впереди, хотя явно предпочел бы бежать.

Роберт Онигл поразительно изменился, и не только внешне. Вчера вечером, когда Каулт в третий раз попросил его рассказать свою историю, Роберт отчетливо и непроизвольно создал простую версию тиив'внуса над головой. Утакалтинг кеннировал этот глиф, с помощью которого молодой землянин сдержал раздражение, чтобы оно по отношению к теннанинцу не проявилось открыто.

Утакалтинг заметил, что Роберт о многом умалчивает. Но и сказанного достаточно.

«Я знал, что Меган недооценивала сына, но такого никак не ожидал».

Совершенно очевидно, что он недооценил и дочь.

«Совершенно очевидно». Утакалтинг старался не обвинять Атаклену в его ограблении. Он потерял неизмеримо больше допустимого.

Он пытался не отставать, но его приспособляемость истощилась. И дело не только в отсутствии выносливости у тимбрими. Ему недоставало силы воли.

У остальных есть цель, даже энтузиазм.

А его заставляет двигаться только долг. Каулт остановился наверху, откуда горы казались совсем близкими и внушительными. Путники приблизились к лесным предгорьям. Чем выше, тем крупнее деревья. Утакалтинг посмотрел на крутые склоны впереди, затянутые снежными облаками. Он надеялся, что им не придется подниматься слишком высоко.

Каулт протянул ему массивную руку и помог преодолеть последние метры подъема. Он терпеливо ждал, пока Утакалтинг отдыхал, тяжело дыша широко раздувшимися ноздрями.

— Слабо верится в то, что нам рассказали, — заметил Каулт. — Кое-что в этой истории землянина мне кажется неправдоподобным, коллега...

— Т'фунату... — Утакалтинг перешел на англик, который как будто требует меньше усилий. — Во что... во что тебе трудно поверить, Каулт? Ты думаешь, Роберт лжет?

Каулт помахал руками перед собой. Его гребень возмущенно раздулся.

— Конечно, нет! Я просто думаю, что юноша наивен.

— Наивен? В чем именно? — Теперь все, что видел Утакалтинг, перестало распадаться в коре его мозга на две части. Роберта и Джо-Джо не видно.

Должно быть, ушли вперед.

— Я хочу сказать, что губру явно имеют в виду гораздо большее, чем провозглашают. Сделка, которую они предлагают: несколько островов Гарта для поселения и образцы генов неошимпанзе, — все это не стоит межзвездной церемонии. Я подозреваю, что втихомолку они преследуют гораздо более далеко идущие цели, мой друг.

— И чего же, по-твоему, они хотят?

Каулт повертел своей почти лишенной шеи головой, как будто хотел убедиться, что их никто не слышит. И ответил гораздо тише:

— Я подозреваю, что они стремятся попасть под опеку.

— Под опеку? О... ты хочешь сказать...

— Гартлингов, — закончил за него Каулт. — Нам повезло, что твой земной союзник принес нам эту новость. Надеюсь, нам предоставят транспорт, как обещали, иначе мы не сможем предотвратить ужасную трагедию!

Утакалтинг оплакивал утраты. Каулт поднял

сложный вопрос, вполне достойный изящного глифа.

Разумеется, достигнутое превзошло все его ожидания. Согласно рассказу Роберта, губру проглотили наживку — миф о гартлингах — вместе с крючком.

Это сильно навредит им и посеет панику в их рядах.

Каулт тоже поверил этой выдумке. И даже его собственные приборы подтвердили ее.

Невероятно.

Да и губру ведут себя так, словно опираются на что-то большее, чем тщательно сфабрикованные доказательства Утакалтинга. Они как будто тоже получили подтверждение!

Прежний Утакалтинг создал бы сиулфф-куонн, чтобы отметить такой поразительный поворот. Но сейчас он пребывал в смятении и чувствовал усталость.

Оба повернулись, услышав крик. Утакалтинг прищурился. Сейчас он променял бы свою ослабевшую эмпатию на хорошее зрение.

Он увидел на верху следующего подъема фигуру Роберта Онигла. Джо-Джо, сидящий на плечах человека, махал руками. И еще: рядом с двумя землянами мерцало голубое сияние и излучало

добрую волю настоящего шутника.

Это маяк, свет которого вел Утакалтинга с самого крушения!

— Что они говорят? — спросил Каулт. — Я не разбираю слов.

Утакалтинг тоже. Но он знал, что говорят земляне.

— Мне кажется, они сообщают, что уже близко, — с облегчением сказал он. — Вроде уже нашли транспорт.

Теннанинец удовлетворенно раздул дыхательные щели.

— Хорошо. Только бы губру согласно обычаю вели себя, как полагается во время перемирия! Нас должны принять как аккредитованных послов.

Утакалтинг кивнул. Но когда они двинулись к очередному подъему, он подумал, что это лишь одна из множества тревожащих их проблем.

Глава 85
АТАКЛЕНА

Она старалась сдержать свои чувства. Для остальных это очень серьезно, даже трагично.

Но она ничего не может сделать с собой, не может сдержать радость.

Тонкий изящный глиф поднялся с ее щупалец и пронесся среди деревьев, заполняя поляны ее весельем. Атаклена расставила глаза по максимуму и прикрыла рот рукой, чтобы мрачные шимпы не заметили ее почти человеческой улыбки. Портативный голографический передатчик установлен на хребте над Спадом для улучшения приема. Он транслирует передачи из Порт-Хелении.

После перемирия цензуру отменили. И даже без людей город полон шимпов, охотников за новостями, со множеством камер. Так что видны все мельчайшие подробности.

— Не могу этого вынести, — простонал Бенджамин.

Элейн Су, наблюдая, беспомощно сказала:

— Это конец.

Действительно, шимми сказала правду. На голоэкране виднелось то, что осталось от стены, которой захватчики окружили Порт-Хелению... теперь она была буквально разорвана на части. Пораженные горожане-шимпы толпились всюду на сцене, напоминавшей о последствиях циклона. Они изумленно разглядывали окрестности, пробирались через груды обломков. Некоторые, скорее не выдержав, радостно бросали куски в воздух. Кое-кто даже колотил себя в грудь в честь

сокрушающей волны, которая пронеслась здесь всего несколько минут назад.

По всем станциям комментировал созданный компьютером голос, но один канал доносил голос возбужденного комментатора-шимпа:

— ...Вначале... вначале мы решили, что наступил какой-то кошмар. Знаете... как в старом плоском кино двадцатого столетия. Ничто не могло остановить их! Они прорвали заграждения губру, словно бумажные. Не знаю, что происходит, но все время жду, что они схватят наших самый красивых шимми и потащат их, кричащих, на вершину холма...

Атаклена зажала рукой рот, чтобы не рассмеяться вслух. Она пыталась контролировать свои чувства, впрочем, не одна она. Подружка Фибена Сильвия расхохоталась. Большинство неодобрительно обернулось. Но Атаклена встретилась с шимми взглядом и увидела в нем веселый огонек.

— Но кажется... кажется, все-таки эти существа не Конго. Разнеся изгородь, они больше не причинили вреда Порт-Хелении. Сейчас они просто толпятся, раскрывают двери, едят фрукты, разбредаются в разные стороны. В конце концов, четырехсотфутовая гор... о, неважно.

На этот раз еще один шимп присоединился к Сильвии.

Перед глазами Атаклены все расплылось, она покачала головой.

Комментатор продолжал:

— На них как будто совершенно не действуют пси-роботы губру. Наверно, они не настроены на волну их мозга...

Атаклена, как и все в горах, еще за два дня до происшествия знала, куда направляются гориллы. После первых попыток остановить могучих предразумных они сдались. Это совершенно невозможно. Гориллы вежливо отстраняли их или просто перешагивали через все преграды.

И Эприл Ву тоже. Светловолосая девочка решила отыскать родителей, и теперь никому не удастся снять ее с плеч огромного, с серебристой спиной самца.

Эприл небрежно бросила шимпам, что, мол, должен ведь кто-то присматривать за риллами, чтобы они не попали в беду!

Атаклена вспомнила слова маленькой Эприл, глядя на остатки стены губру. «А что бы они наделали, если бы за ними не присматривали!» Конечно, теперь тайне конец, и почему бы ребенку не присоединиться к своей семье? Сейчас это

уже безопасно.

Итак, прощай тайна проекта Хаулеттс-Центра. Атаклена может выбросить все свои давно и тщательно собранные в тот роковой вечер доказательства.

Скоро об этих существах узнают во всех пяти галактиках. И в некотором смысле это действительно трагедия. Но все-таки...

Атаклене вспомнился тот весенний день. Как она была поражена и возмущена, встретившись с нелегально проводимым в лесу экспериментом в возвышении! Теперь она едва может поверить в свое прошлое. «Неужели я была таким неподкупным педантом?»

Теперь снуолфф-куонн оставался лишь самым безыскусным и самым серьезным из глифов, которые она неустанно создавала, радуясь великолепному розыгрышу. Даже на шимпов подействовало ее неудержимое веселье. Еще двое рассмеялись, увидев на одном из каналов штабную машину чужаков. Сердито кричал сидящий в ней кваку, а гориллы спокойно разрывали машину на части. Она как будто пришлась им по вкусу.

Захихикал еще один шимп. Смех разрастался.

«Да, — подумала Атаклена. — Великолепный

розыгрыш». Для тимбрими лучший розыгрыш тот, в который попадает и сам его создатель. А эта шутка именно такова. В сущности, это религиозное переживание, ибо народ Атаклены верит, что Вселенная — это не просто заведенные часы, и даже не причудливое чередование случая и удачи, созданное Ифни.

Когда происходит подобное, говорят мудрецы тимбрими, только тогда и начинаешь верить, что Всемогущий Бог еще правит миром.

«Неужели я тоже раньше была агностиком? Как глупо. Спасибо тебе, Господь, и тебе спасибо, отец, за это чудо».

Сцена переместилась в район гавани. Шимпы танцевали на улицах и расчесывали шерсть своих гигантских родичей. Несмотря на возможные трагические последствия, Атаклена и ее воины не могли не радоваться при виде таких родственных отношений. Потому что сейчас их гордость разделяли все шимпы Порт-Хелении.

Даже лейтенант Лидия Маккью и ее осторожный капрал не удержались от смеха, когда мимо камеры протанцевал детеныш гориллы в ожерелье из разбитых пси-шаров губру. Они видели Эприл, которую торжественно проносили по улицам, и вид человеческого ребенка приводил

толпу в крайнее возбуждение.

Теперь поляна была насыщена глифами. Атаклена повернулась и тихонько удалилась, предоставив остальным радоваться удаче. Она прошла по лесной тропе к месту, где открывался чудесный вид на западные горы. Остановилась здесь, вытянув щупальца и кеннируя с их помощью.

Здесь и нашел ее посыльный-шимп; отдав честь, он протянул ей листок бумаги. Атаклена поблагодарила и развернула листок, заранее зная, что в нем.

— В'ит'танна, Утакалтинг, — негромко сказала она. Ее отец вновь вступил в контакт с миром. Несмотря на все события прошлых месяцев, что-то в Атаклене оставалось неизменным и рациональным. Она с удовольствием получила подтверждение по радио.

Конечно, она верила в успех миссии Роберта. Именно поэтому она не пошла в Порт-Хелению вместе с Фибеном или позже с гориллами. Все, чего она могла там достичь, используя свой ничтожный опыт, отец сумеет сделать в тысячу раз лучше. Если кто-то и может превратить их слабую надежду в великое чудо, то только Утакалтинг. Нет, она должна оставаться здесь. Даже

если произойдет чудо.

Бесконечность надеется, что смертные постараются на всякий случай застраховаться.

Атаклена заслонила глаза. Она не надеялась увидеть маленький воздушный корабль на фоне облаков, но продолжала искать взглядом крошечную точку, несущую всю ее любовь и все молитвы.

Глава 86
ГАЛАКТЫ

Веселые павильоны усеивали склоны искусственного холма, иногда они раздувались от ветра и хлопали. Быстрые роботы убирали мусор, принесенный ветром. Другие роботы разносили освежающее собравшимся почетным гостям.

Галакты самых разнообразных форм и цветов толпились небольшими группами, сходились и расходились в элегантной дипломатической паване.

Вежливые поклоны, выравнивания, размахивание щупальцами — все это соответствовало сложным оттенкам статуса и протокола. Толковый наблюдатель мог многое определить по таким мелочам, а в этот день в толпе их присут-

ствовало достаточно.

Хватало и неформального общения. Вот приземистый, похожий на медведя пила общается ультразвуком с узловатым садовником-линтеном. Чуть выше по склону трое священников сокового кольца йофуров гармоничным хором жалуются представителю Института Войн на некое мнимое нарушение закона на звездных линиях.

Говорят, на таких церемониях возвышения дипломаты достигают лучших результатов, чем на официальных переговорах. И сегодня не один новый союз будет заключен, не один прежний разрушен.

Лишь немногие галакты обращали внимание на существа, ради которых и состоялась церемония, на цепочку маленьких коричневых фигур, которые с утра поднимались по холму, уже четырежды обойдя его по кругу.

К этому моменту примерно треть неошимпанзе отсеялась, не пройдя тесты. Расстроенные кандидаты поодиночке и парами спускались вниз.

Осталось около сорока шимпов. Они продолжали подъем, символически повторяя процесс возвышения, который вывел их расу на сцену истории.

Однако пеструю толпу, собравшуюся на склонах, казалось, это не занимало.

Конечно, не всех присутствующих. Возле самой вершины представители галактического Института возвышения пристально следили за результатами, которые передавались с каждой испытательной станции. Вблизи под отдельным павильоном то же самое делали мрачные патроны неошимпанзе — люди.

Выглядели они беспомощно и растерянно. Только сегодня утром их привезли с острова Гилмор. Это были мэры, профессора, представители местного отделения Совета возвышения. Делегация уже заявила официальный протест по поводу неправильной организации церемонии. Но никто из людей не потребовал ее прекращения. Возможные последствия слишком ужасны.

К тому же всех мучили сомнения. Что, если предложения губру реальны?

Земля еще в течение двухсот лет не сможет провести такую церемонию ради неошимпанзе.

Наблюдатели-люди выглядели подавленными. Они понятия не имели, что делать, и мало кто из представителей больших галактических кланов снизошел до того, чтобы заметить их в этом вихре неформальной дипломатии.

По другую сторону от навеса Оценки был установлен элегантный павильон Спонсора. Вокруг толпилось множество губру и кваку, время от времени они нервно подпрыгивали и следили за всеми подробностями немигающими критичными взглядами.

Еще совсем недавно виден был и триумвират губру, два его члена расхаживали в уже проявившихся цветах Слияния, а третий продолжал упрямо восседать на насесте.

Но потом один из них получил донесение, и все трое исчезли в палатке для срочного совещания. С тех пор прошло какое-то время, но они не появились.

* * *

Сюзерен Стоимости и Бережливости распустил оперение и плюнул, бросив донесение на пол.

— Протестую! Протестую против этого вмешательства! Это невыносимое предательство!

Совершенно растерянный сюзерен Праведности смотрел вниз со своего насеста. Сюзерен Стоимости и Бережливости показал себя коварным противником, но никогда не казался намеренно бестолковым. Очевидно, произошло нечто такое, что совершенно вывело его из себя.

Служители-кваку, пригибаясь, торопливо подобрали капсулу с сообщением, сделали копии и передали остальным руководителям губру.

Сюзерен Праведности, прочитав его, не поверил собственным глазам.

Одинокий неошимпанзе поднимается по склонам искусственного Церемониального Холма, он уже миновал автоматические испытательные экраны первой стадии и постепенно сокращает разрыв, отделяющий его от официальной группы, находящейся выше по склону.

Весь его облик говорит о непоколебимой решимости.

Потерпевшие неудачу соплеменники вначале удивленно смотрели, потом начинали улыбаться и старались коснуться его одежды. Они подбадривали его своими выкриками.

— Это не было, не могло быть подготовлено! — шипел в гневе сюзерен Стоимости и Бережливости. — Еще не свершилось соединение! Не произошло подлинного Слияния! У тебя еще нет мудрости царицы!

— Церемонии проводятся, совершаются, руководствуются традициями чести! Любой клиент может быть испытан, проверен, оценен!

Третий руководитель губру возбужденно щел-

кал клювом. Наконец сюзерен Стоимости и Бережливости опустил взъерошенные перья и согласился.

— На нас могут возложить репарации. Представители Института имеют право уйти, удалиться, наложить санкции... Цена... — Он отвернулся, снова распушив оперение. — Будем продолжать. Пока. Один, без сопровождения, он не способен навредить нам.

Но сюзерен Праведности не был в этом уверен. Ранее он возлагал большие надежды именно на этого клиента. И когда того, по-видимому, похитили, сюзерен Праведности потерпел серьезное поражение.

Однако теперь он понял правду. Неошимпа не выкрадывали и не устраняли соперники, остальные сюзерены. Он на самом деле убежал!

А сейчас вернулся. Один. Как? И чего он надеется достичь? Без руководства, без помощи сопровождающих, далеко ли он сможет пройти?

Вначале, увидев этого клиента, сюзерен Праведности испытал радостное оживление — необычное ощущение для губру. Теперь он испытывал гораздо более неприятные эмоции... беспокойство. Он опасался, что это только начало.

Глава 87
ФИБЕН

До сих пор все идет легко. Фибен удивлялся, из-за чего, собственно, весь этот сыр-бор.

Он боялся, что его заставят решать устно уравнения или произносить речи, как Демосфена, с камешками во рту. Но вначале встретил только ряд управляемых на расстоянии силовых экранов, которые автоматически отключались перед ним. А потом только странные приборы, которые губру использовали недели, месяцы назад. Теперь этими приборами управляют забавные чужаки.

Пока все хорошо. Он прошел первый круг с рекордной скоростью.

О, ему задали несколько вопросов. Каково его самое первое воспоминание? Нравится ли ему его профессия? Доволен ли он физическим состоянием своего поколения неошимпанзе, или его можно каким-то образом улучшить? Был бы полезен хватательный хвост, например, для работы с инструментами?

Гайлет гордилась бы его вежливостью даже в этой ситуации. Вернее, он надеялся, что она была

бы горда.

Конечно, у галактов оказались все данные о нем, о его генетике, образовании, военной подготовке. Их получили в тот момент, когда он миновал группу удивленных солдат Когтя на склоне со стороны залива и через внешний барьер прошел к первой испытательной станции.

Когда высокий, похожий на дерево кантен задал ему вопрос о записке, которую он оставил, «убегая» из тюрьмы, Фибену стало ясно, что у Института есть доступ и ко всем данным захватчиков. Он правдиво ответил, что сформулировала этот документ Гайлет, но он понимает цель и полностью с ней согласен.

Листва кантена прозвенела крошечными колокольчиками.

Галакт-полурастение казался довольным и веселым, пропуская Фибена дальше.

Ветер нес прохладу на восточный склон, но западная сторона закрыта от ветра и освещена полуденным солнцем. Фибен продолжал быстро двигаться, и вдруг почувствовал себя одетым в шубу, хотя редкие волосы на теле шимпа вряд ли можно считать шерстью.

Холм, похожий на парк, тщательно прибран, тропа покрыта мягким упругим материалом.

Тем не менее Фибен ощущал легкую вибрацию, словно вся искусственная гора слабо дрожит на сверхзвуковой частоте. Видевший могучие энергетические установки до их погружения под землю, Фибен знал, что это не игра воображения.

На следующей станции техник-принг с огромными блестящими глазами и выпирающими губами осмотрел его сверху донизу и что-то отметил в своем накопителе информации, прежде чем пропустить дальше. Теперь чужаки, толпящиеся на склонах, по-видимому, заметили его. Некоторые подходили ближе и с любопытством знакомились с результатами тестирования. Фибен вежливо кланялся ближайшим и старался не думать о том, что его, как некий образец, рассматривают десятки самых разных глаз.

«Когда-то и их предки проходили через подобное», — утешал он себя.

Дважды Фибен проходил на несколько спиралей ниже группы официальных кандидатов, постепенно уменьшающегося собрания коричневых фигур в коротких серебристых платьях. В первый раз ни один из шимпов его не заметил. Но во второй раз ему пришлось долго стоять под приборами, которыми управляло существо неизвестной ему расы. И тут он сумел разглядеть

некоторых шимпов, а шимпы заметили его. Один из них толкнул спутника и указал на Фибена.

Правда, потом они исчезли, свернули за угол.

Он не видел Гайлет, но она, конечно, в голове группы.

«Ну, давай», — пробормотал Фибен, озабоченный долгим ожиданием. Но потом подумал, что нацеленные на него машины могут не только определить настроение, но и расшифровать слова, и решил сохранять дисциплину. Он вежливо улыбнулся и поклонился технику-чужаку, который при помощи компьютера произнес несколько слов и пропустил Фибена.

Фибен торопливо двинулся дальше. Его все больше раздражали долгие переходы между станциями. И он раздумывал, позволяет ли его достоинство бежать для сокращения разрыва во времени.

Но тесты становились все серьезнее, и продвижение замедлилось.

Требовалось все больше знаний, все большая глубина мысли. Вскоре он встретил еще множество спускающихся шимпов. Очевидно, теперь им запретили с ним разговаривать, но некоторые многозначительно посматривали на него.

Тела их были покрыты потом.

Нескольких из них он узнал. Двое профессоров из колледжа Порт-Хелении. Ученые и специалисты из программы экологического восстановления Гарта. Фибен начинал беспокоиться. Все это шимпы с синими картами, одни из самых умных. Если уж они потерпели неудачу... Несомненно, это не просто протокольная церемония, как та, по поводу титлалов, о которой рассказывала ему Атаклена.

Может, правила изменили, нацелили против землян!

Он приблизился к станции, которой руководил губру. Какая разница, что на птицеподобном цвета Института возвышения и он поклялся соблюдать беспристрастность? Слишком многих губру в цветах Института видел сегодня Фибен, чтобы чувствовать себя спокойным!

Птицеподобное существо задало ему простой протокольный вопрос и пропустило.

Когда Фибен покидал эту станцию, ему в голову пришла неожиданная мысль. А что, если сюзерен Праведности потерпел полное поражение? Какой бы ни была его истинная цель, сюзерен хотел, по крайней мере, провести настоящую церемонию. Таким образом он сдержал бы данное обещание. Но как же остальные? Адмирал и главный чинов-

ник? У них явно другие взгляды.

Неужели вся церемония подстроена, организована так, что неошимпы не смогут пройти, как бы они ни были подготовлены? Возможно ли это?

И даст ли такой результат преимущество губру?

Переполненный такими тревожными мыслями, Фибен едва прошел очередной тест, состоявший из исполнения нескольких двигательных функций одновременно с решением сложной трехмерной головоломки. Покидая станцию и заметив под собой воды залива Аспинал, освещенные заходящим солнцем, он чуть не упустил начавшееся внизу новое смятение. Но в последнюю минуту повернулся на новый звук.

И не он один. К этому времени туда смотрела половина галактов, привлеченная зрелищем коричневого потока у подножия Церемониального Холма.

Фибен пытался разглядеть происходящее, но солнечный свет, отраженный от воды, не позволял ничего увидеть. Фибену показалось, что залив заполнился лодками, и из них высаживаются пассажиры на том самом изолированном пляже, на котором он сам высадился несколько часов назад.

Итак, городские шимпы явились, чтобы стать свидетелями описываемых событий. Он надеялся, что они будут соблюдать этикет и не причинят никакого вреда. Галакты, несомненно, знают, что основная особенность обезьян — любопытство, и эта сутолока ее только подтверждает. Наверно, шимпам отведут нижнюю часть холма, откуда они смогут наблюдать за церемонией. Согласно галактическому закону они имеют на это право.

А ему нельзя больше попусту тратить время. Фибен снова пошел вверх. И хотя следующий тест по галактической истории прошел успешно, понял, что не слишком увеличил количество своих баллов. Он обрадовался, оказавшись на западном склоне. Солнце уже садилось, а ветер здесь не так силен. Фибен дрожал от нетерпения, постепенно нагоняя редеющую толпу над собой.

— Помедленнее, Гайлет, — просил он. — Не можешь помедленнее тащить ноги? Не обязательно отвечать на вопрос, как только он задан. Разве ты не чувствуешь, что я здесь?

Но в глубине души шевельнулось: а что если она знает и ей все равно?

Глава 88
ГАЙЛЕТ

Ей все труднее становилось сосредоточиваться. И причина депрессии не только в усталости долгого и трудного дня или в ответственности за шимпов. Они выбрали именно Гайлет, она должна вести их вперед и вверх ко все более трудным испытаниям.

И не постоянное присутствие высокого шимпа по имени Железная Хватка.

Конечно, раздражала легкость, с которой он проходит тесты, остановившие других, более достойных. Второй представитель спонсоров, он обычно находился рядом, все время улыбаясь своей высокомерной, приводящей в ярость усмешкой. Но большую часть времени Гайлет скрипела зубами и не обращала на него внимания.

Ее не тревожили даже сами экзаменаторы. Дьявольщина, да они-то как раз были лучшей частью этого дня! Как сказал один древний мудрец-человек, наибольшее удовольствие и величайшую силу в движении человечества вперед приносит

мастерство труженика! Сосредоточиваясь, Гайлет могла отгородиться от всего мира, от всех пяти галактик, она демонстрировала свое мастерство.

Превыше всех критериев, всех туманных рассуждений и долга — святое чувство удовлетворения, когда она заканчивала задание и знала еще до сообщения представителями Института, что справилась хорошо.

Нет, не тесты тревожили ее. Больше всего Гайлет беспокоила нарастающая уверенность, что она сделала неверный выбор.

«Мне следовало отказаться от участия, — думала она. — Я должна была просто сказать нет».

О, логика оставалась прежней. По протоколу и всем правилам губру поставили ее в безвыходную ситуацию, которая не оставляла выбора — ради собственного и всей своей расы блага.

Однако она догадывалась, что ее используют. Поэтому в душе волнами подступала брезгливость.

На протяжении последней недели занятий в Библиотеке она часто засыпала перед экраном, полным тайных знаний. И сны ее были неспокойными, в них она видела птицеподобных, держащих разные приборы, Макса, Фибена и многих других, а когда неожиданно просыпалась,

ее не покидали тревожные мысли.

А потом наступил День. Она надела церемониальное платье почти с облегчением. Скоро все кончится. Но как?

Стройная шимми вышла из последней испытательной палатки и, устало вытирая вспотевший лоб, пошла навстречу Гайлет. Микаэла Ноддингс — всего лишь учительница начальной школы, у нее зеленая карта, но она оказалась выносливей и сообразительней многих синих, которые теперь по спирали одиноко спускаются вниз. Гайлет испытала облегчение, увидев свою новую подругу среди оставшихся кандидатов. Она взяла шимми за руку.

— Я чуть не вылетела, Гайлет, — сказала Микаэла. Пальцы ее рук дрожали.

— Ну, ты не можешь меня бросить, Микаэла, — успокаивающе ответила Гайлет. Она взъерошила потные волосы подруги. — Ты моя опора. Без тебя я не смогу пройти.

В коричневых глазах Микаэлы светилась мягкая благодарность, смешанная с иронией.

— Ты обманщица, Гайлет. Конечно, приятно это слышать, но тебе не нужен никто из нас, тем более я. Там, где могу пройти я, ты пролетаешь как дуновение ветерка.

Конечно, это не совсем верно. Гайлет считала, что испытания, предлагаемые Институтом возвышения, определяют не только разум испытуемого, но и степень преодолеваемых трудностей, и его прилежание.

Разумеется, у Гайлет имелись преимущества перед большинством остальных шимпов — в подготовке, возможно, и в коэффициенте умственного развития, но и ей с каждым шагом становилось все труднее.

Еще один шимп, проби по кличке Ласка, вышел из палатки и направился в сторону Железной Хватки и третьего члена их шайки. Все трое испытуемых, выдержавших тестирование, выглядели довольными и уверенными в себе.

Железная Хватка заметил взгляд Гайлет и подмигнул ей. Она быстро отвернулась.

Из палатки вышел последний шимп и покачал головой.

— Вот и все, — сказал он.

— Профессор Симминс?..

Тот в ответ пожал плечами. Гайлет вздохнула. Это просто чушь какая-то. Что-то неладно, если образованные умные шимпы не проходят, а вот банду Железной Хватки тесты не останавливают.

Конечно, Институт возвышения может понимать под «развитостью, продвинутостью» нечто иное, чем люди. В конце концов и Железная Хватка, и Ласка, и Стальной Прут по-своему умны. А недостатки в их характерах могут показаться галактам не такими ужасными и отвратительными, как землянам.

Нет, причина не в этом, поняла Гайлет. Они вместе с Микаэлой прошли мимо оставшихся и снова двинулись вверх. Слишком уж проби самоуверенны и нахальны, знают, что исход предрешен.

Поразительно, считается, что галактические Институты безупречны, но, видимо, это не так. Гайлет думала, что бы предпринять.

Когда они подходили к очередной станции — ею руководил толстый кожистый инспектор-соро, а помогали ему шесть роботов, — Гайлет впервые заметила, что ярко разодетые галактические наблюдатели, те чужаки, что не входят в штат Институтов, но прибыли наблюдать за церемонией и заниматься неформальной дипломатией, — почти все исчезли. Оставшиеся быстро спускались с холма, направляясь на восток: там что-то происходило.

«Конечно, они и не подумают известить нас о

происходящем», — с горечью решила она.

— Ну ладно, Гайлет, — вздохнула Микаэла. — Ты опять первая. Покажи им, что мы не недоумки.

Итак, даже школьная учительница может в волнении перейти на просторечие. Гайлет ответила.

— Да. Я им покажу.

Железная Хватка улыбнулся ей, но Гайлет не обратила на это внимания.

Она поклонилась соро, и роботы занялись ею.

Глава 89
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Луча и Когтя взад и вперед расхаживал по павильону Института возвышения под хлопающим навесом. В голосе адмирала губру звучали гневные нотки.

— Невыносимо! Невероятно! Недопустимо! Это вторжение следует остановить, прекратить, подчинить!

Спокойный нормальный ход церемонии возвышения прервался. Чиновники и специалисты Института, галакты самых разнообразных форм и размеров, бегали по павильону, торопливо справлялись с портативной Библиотекой, иска-

ли прецедент события, которого никто из них раньше не видел, и даже представить себе не мог такой вероятности. Неожиданное вмешательство повсюду вызвало хаос, особенно в том углу, где сюзерен гневно танцевал перед паукообразным существом.

Главный испытатель, арахноид-серентини, стоял, окруженный накопителями информации, внимательно и спокойно слушая жалобы адмирала губру.

— Это нарушение, несоблюдение правил, это непростительное оскорбление. Мои солдаты силой наведут порядок! — Сюзерен распушил перья, демонстрируя розовый цвет, видный под поверхностным оперением. Словно на серентини необходимо было произвести впечатление, что адмирал уже почти самка, почти царица.

Но на главного испытателя это не подействовало. Ведь, в конце концов, все серентини — самки. Так какая разница?

Но главный испытатель скрыл свою ухмылку и остался невозмутимым.

— Новые существа удовлетворяют всем требованиям для допуска к церемонии, — ответил он терпеливо на галактическом-три. — Конечно, они вызвали сумятицу, и впоследствии об этом

скажут, но все-таки это лишь единственная особенность данной церемонии, пусть и довольно необычная.

Губру раскрыл клюв, потом закрыл.

— То есть?

— Я хочу сказать, что такой необычной церемонии не было уже мегагоды. Я уже несколько раз серьезно обдумывал возможность ее прекращения вообще.

— Вы не смеете! Мы будем жаловаться, мы подадим апелляцию, мы потребуем компенсации...

— О, вам бы этого хотелось, верно? — Главный испытатель вздохнул. — Все знают, что губру истощены и перерасходовали свои силы. А компенсация от одного из великих Институтов покрыла бы ваши убытки.

На этот раз губру промолчал. Главный испытатель с помощью двух чувствительных отростков почесал свой панцирь.

— Кое-кто из моих помощников считает, что именно таков был ваш первоначальный замысел. Слишком много вольностей в организованной вами церемонии. Однако при ближайшем рассмотрении каждый случай оказывается на самой грани нарушения, не переходит ее. Вы хорошо поработали, отыскивая прецеденты и пробелы

в законах. Например, вопрос одобрения людьми церемонии ради их клиентов. Не совсем ясно, понимают ли ваши заложники суть документов, которые согласились подписать и которые вы показывали мне.

— Им разрешили доступ в Библиотеку.

— Волчата не часто ею пользуются. У нас есть подозрение в принуждении.

— Мы получили согласие с Земли! С их родной планеты! От их Повелителей Насестов!

— Да, — согласился серентини. — Они приняли ваши мирные предложения и согласились на церемонию. А какая раса волчат в таких трудных обстоятельствах отказалась бы от подобного? Но семантический анализ свидетельствует: они согласились только обсудить ваши условия в дальнейшем! Они, очевидно, не поняли, что вы выкупили их прежние обращения о возвышении, поданные около пятидесяти пактааров назад! Это позволяет вам отказаться от периода выжидания.

— То, что они нас неправильно поняли, нас не касается, — заявил сюзерен Луча и Когтя.

— Конечно. А сюзерен Праведности того же мнения?

На этот раз ответом было молчание. Наконец

главный испытатель поднял обе передние ноги и скрестил их в протокольном поклоне.

— Ваш протест выслушан. Церемония будет продолжена в соответствии с древними правилами, установленными Прародителями.

У командующего губру не оставалось выбора. Он поклонился в ответ, потом повернулся и вышел, гневно расталкивая толпу охранников и адъютантов. Все они, взволнованно каркая, пошли за ним.

Испытатель повернулся к своему помощнику-роботу.

— Что мы обсуждали перед тем, как прибыл сюзерен?

— Приближается корабль, пассажиры которого заявляют о своем дипломатическом иммунитете и требуют права присутствовать в качестве наблюдателей, — ответил робот на галактическом-один.

— А, да. Эти самые.

— Они очень волнуются. Солдаты губру задержали их и готовы нанести ощутимый урон.

Испытатель недолго колебался.

— Сообщи прибывающим послам, что мы счастливы удовлетворить их запрос. Они могут явиться прямо на Холм — под защитой Института

возвышения.

Робот тут же передал приказ. Подошли другие, они передавали сообщения о множестве разных нарушений и несоблюдении правил. Один за другим загорались голоэкраны, показывая собравшуюся внизу толпу, выливающуюся из ржавых лодок и поднимающуюся по неохраняемым склонам.

— События становятся все интереснее, — задумчиво вздохнул главный испытатель. — Интересно, что произойдет дальше.

Глава 90
ГАЙЛЕТ

Гимельхай уже скрылся за западным горизонтом, затянутым темными тучами, когда уставшие шимпы прошли последний тест и упали в изнеможении без чувств на травянистую вершину. Шестеро шимпов и шестеро шимми прижимались друг к другу, чтобы согреться. Они слишком устали, чтобы заниматься даже расчесыванием, их единственным спасением.

— Мама, почему они не выбрали для возвышения собак? Или свиней? — простонал один из них.

— Лучше бабуинов, — предложил другой; послышался одобрительный гомон. — Они заслуживают такого обращения.

— Кого угодно, только не нас, — кратко заметил третий.

«Ex exaltavit humilis», — про себя думала Гайлет. — «Возвышая нищих духом». Девиз земного Совета возвышения восходит к христианской Библии.

Гайлет он всегда напоминал, что когда-нибудь кто-то будет распят.

Она закрыла глаза и задремала. «Чуть-чуть», — подумала она. Впрочем, перерыв был совсем недолгим. Неожиданно Гайлет увидела прежний сон, тот самый, в котором над ней склонялись губру со своими злыми машинами. Она вздрогнула и открыла глаза.

Сумерки становились все гуще. Ярко светили звезды.

Шимпы встали, когда приблизился ярко раскрашенный флиттер и опустился перед ними. Из него появились трое: высокий губру в белоснежном оперении, паукоподобный галакт и низенький полный человек, на котором протокольный мундир висел мешком. Шимпы поклонились, а в человеке Гайлет узнала Кордвайнера Эпплби,

главу местного отделения Совета возвышения.

Человек выглядел ошеломленным. Конечно, принять участие в таком событии — большое потрясение. Но Гайлет показалось, что его чем-то опоили.

— Хм, хочу поздравить всех участников, — сказал он, выходя вперед. — И пусть все знают — мы гордимся вами. Мне передали, что результаты некоторых тестов еще изучаются, но в целом Институт возвышения считает, что Pan agronostes, то есть неошимпанзе из земного клана, уже готовы к третьей стадии.

Подошел чиновник арахноид.

— Это правда. Более того, могу даже пообещать, что Институт благосклонно отнесется к просьбе Земли о дальнейших испытаниях.

«Спасибо, — подумала Гайлет, кланяясь в общей массе. — Но только без меня».

Главный испытатель разразился длинной речью о правах и обязанностях клиентов. Он говорил об исчезнувших Прародителях, которые давным-давно основали галактическую Цивилизацию, и об установленных для всех последующих поколений процедурах.

Испытатель говорил на галактическом-семь, известном большинству шимпов. Гайлет пыта-

лась следить за речью, но ей мешали тревожные мысли о последствиях.

Она не сомневалась, что легкая вибрация, сопровождавшая их на всем пути по холму, теперь усилилась, заполнила воздух низким, еле различимым гудением. Гайлет покачнулась: ее словноокатиловолной нереальности. Она заметила, что несколько вечерних звезд неожиданно вспыхнули ярче. Остальные начали разбегаться по сторонам, и прямо над головой появилось овальное искажение. Там концентрировалась тьма.

Музыкальная речь испытателя затянулась. Кордвайнер Эпплби слушал завороженно и благоговейно. Но белоперый губру с каждой минутой проявлял все большее нетерпение. Гайлет понимала, в чем дело. Теперь, когда гиперпространственный шунт разогрелся и готов к действию, любое промедление дорого обходится захватчикам. Теперь она испытала благодарность к многословному представителю Института, и слегка толкнула Микаэлу, призывая к вниманию.

Несколько раз губру раскрывал клюв, собираясь совершить чуть ли не преступление — прервать испытателя. Наконец, когда арахноид

на мгновение смолк, чтобы перевести дыхание, птицеподобный резко вмешался. Гайлет, обучавшаяся достаточно долго, легко понимала его галактический-три.

— ...затягивать, откладывать, длить. Ваши мотивы сомнительны, подозрительны, не внушают доверия. Я настаиваю на том, чтобы вы продолжали, проводили, завершали церемонию!

Но испытатель невозмутимо тянул на галактическом-семь.

— Приняв сегодня вызов более серьезный, чем те, что мне приходилось видеть прежде, вы доказали, что достойны статуса младших клиентов нашей цивилизации и принесли честь всему своему клану. Вы по заслугам получаете сегодня право подтвердить любовь к своим патронам и выбрать консорта-представителя. Последнее очень важно. Вы должны выбрать консорта из известных кислорододышащих космических рас, не принадлежащих к вашему клану. Эта раса защитит ваши интересы и в качестве посредника будет беспристрастно рассматривать ваши возможные споры с патронами. Если хотите, можете оставить тимбрими, из клана краллнитов, которые были вашим консортом до сих пор. Впрочем, можете и сменить консорта. Так или иначе, у вас

есть право выбора: вы можете заявить, что не желаете участвовать в галактической цивилизации и просите повернуть назад процесс возвышения. Даже такой шаг предусмотрен Прародителями, как гарантия фундаментальных прав живых существ.

«Неужели? Неужели мы имеем право?» Одна лишь мысль об этом ошеломила Гайлет. Она знала, что такого прецедента никогда еще не было, но сама возможность существует!

Она вздрогнула и вновь сосредоточилась: главный испытатель поднял руки в благословении.

— Именем Института возвышения и перед лицом всей галактической цивилизации объявляю вас, представителей вашей расы, достойными и способными делать выбор и наблюдать. Вперед без страха, и пусть все сущее гордится вами!

Серентини отступил. Настала очередь спонсора церемонии. Это должен был быть человек, возможно, тимбрими, но не сегодня. Представитель губру исполнил танец нетерпения. Он быстро заговорил в переводчик, и прозвучали механические слова на галактическом-семь.

— Десять шимпов должны сопровождать двоих представителей расы к гиперпространственному шунту в качестве свидетелей. На избранную пару

возлагается вся ответственность выбора, который является делом чести. Сейчас я назову этих двоих. Доктор Гайлет Джонс, самка, гражданин Гарта, Земная федерация, клан Земли.

Гайлет не хотела шевелиться, но Микаэла, выдала ее, слегка подтолкнув. Гайлет сделала несколько шагов вперед и поклонилась.

Переводчик загремел снова.

— Железная Хватка Хансен, самец, гражданин Гарта, Земная федерация, клан Земли.

Большинство шимпов в отчаянии ахнули. Но Гайлет лишь закрыла глаза: ее опасения подтверждались. До сих пор в ней жила надежда, что сюзерен Праведности еще сохранил влияние среди губру, еще может заставить триумвират вести честную игру. Но теперь...

Она нутром чувствовала, что ненавистный шен остановился рядом и злорадно улыбается.

«Хватит! Мое терпение лопнуло! Должен же был главный испытатель что-то заподозрить! Если я скажу ему...»

Но она не шевельнулась, не смогла даже рта раскрыть, не то что заговорить. Совершенно отчетливо Гайлет вдруг осознала, почему так долго не решалась выйти из игры и продолжала участвовать в этом фарсе.

«Они вмешались в мою подкорку!»

Она вспомнила свои сны... кошмарную картину, когда машины, управляемые безжалостными костями, воздействовали на нее, тонко, незаметно.

«Институт возвышения просто не готов к такой проверке!» Конечно, нет! Церемонии возвышения — радостные события, это праздник клиентов и их патронов. Где это слыхано, чтобы представителей расы заставляли участвовать, предварительно обработав?

«Должно быть, все сделано после ухода Фибена. Сюзерен Праведности вряд ли мог согласиться на подлог. Если бы только главный испытатель знал, мы получили бы с губру компенсацию ценой в целую планету!» Гайлет раскрыла рот.

— Я... — Она пыталась заговорить. Главный испытатель посмотрел на нее.

Пот выступил на лбу Гайлет. Ей нужно только произнести обвинение.Просто намекнуть! Но мозг застыл, словно она забыла все слова. Ну конечно. Речевой затор. Губру знают, как легко вызвать его у неошимпанзе. Человек, возможно, преодолел бы его, но усилия Гайлет тщетны.

Она не могла разобрать реакцию арахноида, но ей показалось, что серентини разочарован.

Испытатель отступил.

— Направляйтесь к гиперпространственному шунту, — сказал он.

«Нет!» — хотела крикнуть Гайлет. Но смогла только вздохнуть. Сама собой в знак согласия поднялась правая рука, встретилась с левой рукой Железной Хватки. Он схватил ее, и даже при желании она не могла бы высвободиться.

В ее перевозбужденном мозгу пронеслась мгновенно картина: птичье лицо с желтым клювом и холодными, немигающими глазами. И никаким образом от нее невозможно было избавиться. Гайлет с абсолютной ясностью осознала, что именно этот образ она принесет на вершину церемониального холма и вместе с Железной Хваткой пошлет его в овал искаженного пространства над головой, и именно его увидят галакты — и здесь, и на тысячах других планет.

Часть сознания, ее логическая сущность, все еще принадлежавшая ей, но сейчас отрезанная и изолированная, разгадала холодную расчетливость этого плана.

Конечно, люди опротестуют выбор, заявив, что он сделан под принуждением. И, вероятно, более половины кланов галактики поверят, но уже ничего не изменится. Выбор сохранится!

Альтернативой была бы дискредитация всей системы. Однако звездная цивилизация сейчас испытывает такие трудности, что нового кризиса просто не вынесет.

Скорее всего большинство кланов посчитают, что и так слишком много внимания уделено незначительному племени волчат. Справедливо или нет, но большинство пожелает просто ликвидировать эту проблему раз и навсегда.

Все это Гайлет поняла мгновенно. Губру хотят не просто стать новыми консортами-представителями, «защитниками» шимпов. Они хотят уничтожить человечество. Тогда ее племя перейдет к другим патронам.

Гайлет ни на минуту не усомнилась в том, что это будут губру.

Сердце Гайлет отчаянно билось. Она пыталась сопротивляться Железной Хватке, но безуспешно. Она молилась, чтобы ее хватил удар.

«Уж лучше бы мне умереть!»

Жизнь ее не имеет значения, и в любом случае ее «исчезновение» запланировано сразу после церемонии. От свидетеля избавятся. «О, Гудолл и Ифни, ударьте меня молнией!» Ей хотелось закричать.

И в этот момент раздался голос. Голос… но не

ее, произнес:

— Остановитесь! Нарушена справедливость, и я требую внимания!

Гайлет и не предполагала, что сердце может так колотиться. От тахикардии она едва не лишилась сознания. «О Гудолл, пусть это будет...» Она слышала, как выругался Железная Хватка; он выпустил ее руку. Одно это уже доставило облегчение. Послышалось гневное квохтанье губру и изумленные возгласы шимпов. Кто-то — Гайлет поняла: Микаэла — взял ее за руку.

Уже сгустились сумерки. Разбросанные облака освещались прожекторами с холма и тем беспокойным туннелем энергии, который возник над искусственной горой. В свете фар стоящего флиттера показался одинокий неошимпанзе в грязном церемониальном платье. Он приближался к последней испытательной станции, вытирая пот со лба, решительно направился к троим удивленным чиновникам.

«Фибен!» — подумала ошеломленная Гайлет. Однако первыми восстанавливаются старые привычки: «О, Фибен, не важничай. Не забывай протокол...»

Гайлет истерически захихикала, разобравшись в своих мыслях. Это частично вывело ее из шока

и она смогла поднять руку и прикрыть рот.

— О, Фибен, — выдохнула она.

Железная Хватка заворчал, но вновь прибывший не обратил на проби внимания. Фибен поймал взгляд Гайлет и подмигнул. Гайлет поразилась: жест, который раньше приводил ее в ярость, теперь вызвал радостную дрожь в коленях.

Фибен остановился перед чиновниками и низко поклонился. Потом, уважительно сложив руки, стал ждать разрешения говорить.

— ...бесчестное, недопустимое, неслыханное вмешательство, — загремел переводчик-губру. — Мы требуем немедленного устранения, изъятия, наказания...

Голос неожиданно прервался: это главный испытатель протянул руку и выключил переводчик. Потом сделал шаг вперед и обратился к Фибену:

— Младший, поздравляю тебя, ты в одиночку сумел преодолеть этот путь. Твой подъем просто потряс публику, он совершенно необычен и делает особенно необычной всю эту церемонию. Набранные тобой баллы и остальные достижения дают тебе право находиться здесь. — Серентини сложил две руки и склонил переднюю часть тела.

— А теперь, — сказал он, снова выпрямляясь, — правильно ли я понял, что у тебя есть жалоба? Достаточно важная, чтобы оправдать такую резкость?

Гайлет напряглась. Главный испытатель может симпатизировать Фибену, но его слова звучат как завуалированная угроза. Фибену надо остерегаться. Одна ошибка, и он сделает положение еще критичнее.

Фибен снова поклонился.

— Я... я почтительно прошу объяснить, как были выбраны представители.

«Не так уж плохо». Гайлет продолжала сражаться с незримым принуждением. Если бы только она могла подойти и помочь!

Главный испытатель терпеливо ответил:

— По традиции церемонии пару представителей выбирают спонсоры среди тех, кто прошел все предыдущие испытания. В данном случае спонсоры действительно враги твоего клана, но всякая вражда прекращается до завершения обрядов. Между кланами Земли и гуксу-губру в настоящее время мир. Ты протестуешь против этого, младший?

— Нет. — Фибен покачал головой. — Не против этого. Я просто хочу знать: должны ли мы пол-

ностью согласиться с выбором представителей, сделанным спонсором?

Губру немедленно негодующе заквохтал. Шимпы удивленно переглядывались. Железная Хватка пробормотал:

— Когда это кончится, я проучу маленького братца...

Испытатель знаком восстановил тишину. Его многофасеточные глаза устремились на Фибена.

— Младший, значит, если бы тебе дали право решать, ты бы оспаривал право избранных?

Фибен поклонился.

— Да, ваша честь.

На этот раз крик губру прозвучал особенно жалобно.

Гайлет попыталась шагнуть вперед, но Железная Хватка удержал ее. Она вынуждена была остаться на месте, слушая глухие проклятия проби.

Наконец серентини снова заговорил:

— Я симпатизирую тебе, но не вижу способа удовлетворения твоей просьбы. Без прецедента...

— Но прецедент существует!

Новый низкий голос донесся со склона. На свет из толпы галактов-наблюдателей и официальных лиц вышли четыре фигуры, и если раньше Гай-

лет удивлялась чудесам, то теперь могла только зачарованно созерцать, не веря своим глазам.

«Утакалтинг!»

Стройного тимбрими сопровождал бородатый мужчина-человек; его одежда была явно заимствована у какого-то двуногого негуманоидного галакта и наброшена поверх шкуры животного. Рядом с ним шел неошимпанзе с явными трудностями прямохождения и множеством атавизмов. Приблизившись к поляне, этот шимп задержался, словно понимая, что ему тут не место.

Четвертый из приближавшихся, высокий галакт с ярким, гордо раздутым гребнем, небрежно поклонился и обратился к главному испытателю.

— Я тебя вижу, Коугх*Квинн'3 из Института возвышения.

Серентини поклонился в ответ.

— И тебя я вижу, почтенный посол Каулт-теннанинец, и тебя вижу, Утакалтинг-тимбрими, и ваших спутников. Мне приятно быть свидетелем вашего благополучного прибытия.

Рослый теннанинец широко развел руки.

— Благодарю тебя за разрешение воспользоваться твоей аппаратурой для связи с моим кланом после долгой вынужденной изоляции.

— Это нейтральная территория, — ответил представитель Института возвышения. — Я знаю, что ты поставишь перед Институтом серьезные вопросы относительно этой планеты, когда церемония завершится. Но сейчас мы должны продолжить. Пожалуйста, объясни слова, которые ты сейчас произнес.

Каулт указал на Утакалтинга.

— Этот уважаемый посол представляет расу, которая служит консортом-представителем и защитником неошимпанзе с того момента, как волчата вступили в галактическое сообщество. Я уступаю ему право объяснить тебе.

Гайлет сразу заметила, каким уставшим выглядит Утакалтинг. Обычно выразительные, щупальца тимбрими безжизненно обвисли, глаза его почти закрылись. С явным усилием он вышел вперед и протянул маленький черный куб.

— Вот ссылки, — сказал он.

Подошел робот и взял у него куб. Теперь штат Института займется рассмотрением материалов. А пока испытатель внимательно слушал Утакалтинга.

— Материалы подтверждают, что еще в самом начале галактической истории Прародители выработали церемонию возвышения из желания

предотвратить возможные этические ошибки. Те, кто начинал процесс возвышения, постоянно советовались со своими клиентами, как в наши дни поступают люди со своими. И клиентам никогда не навязывали выбор представителей. — Утакалтинг указал на собравшихся шимпов. — Строго говоря, спонсоры церемонии вносят только предложение. Клиенты, выдержавшие испытание, согласно закону могут отвергнуть их. Это плато по закону является их территорией. Мы здесь только их гости.

Гайлет видела возбуждение галактических наблюдателей. Многие консультировались со своими накопителями информации, оценивая аргументы Утакалтинга. Со всех сторон слышался уже многоязычный говор собравшихся.

Появился новый флиттер с представителями губру и портативным устройством связи. Очевидно, захватчики тоже проводили розыск.

Все это время действовал гиперпространственный шунт. Теперь низкое гудение прощупывает всю округу, и Гайлет дрожала в заданном ритме.

Главный испытатель обратился к номинальному представителю людей Кордвайнеру Эпплби.

— От имени своего клана, поддерживаешь ли ты просьбу отступить от обычной процедуры?

Эпплби прикусил нижнюю губу. Он посмотрел на Утакалтинга, потом на Фибена, снова на посла тимбрими. И, наконец впервые улыбнулся.

— Черт побери, конечно! Конечно, поддерживаю! — сказал он на англике.

Потом покраснел и перешел на превосходный галактический-семь:

— От имени своего клана я поддерживаю просьбу посла Утакалтинга.

Испытатель отвернулся и выслушал своих помощников. Все стихли, напряженно ожидая. Испытатель поклонился Фибену.

— Действительно, существует неоспоримый прецедент, оправдывающий твою просьбу. Могут ли твои товарищи подтвердить выбор поднятием руки? Или нужно тайное голосование?

— Давай! — послышался шепот на англике. Молодой человек, сопровождавший Утакалтинга, улыбнулся и просигналил Фибену. К счастью, никто из галактов не смотрел в эту сторону и не видел нарушения протокола.

Фибен усилием воли сохранил выдержку и поклонился.

— Я думаю, голосования руками достаточно, ваша честь. Спасибо.

Во время выборов Гайлет даже развеселилась.

Она очень старалась отклонить свою кандидатуру, но та же жуткая воля, неумолимая сила, которая раньше не давала ей заговорить, теперь помешала отозвать свое имя. Ее избрали единогласно.

Соревнование представителей мужчин прошло тоже гладко. Фибен стоял перед Железной Хваткой и смотрел прямо в свирепые глаза высокого проби.

Гайлет обнаружила, что может только воздержаться, но и это вызвало удивленные взгляды.

Тем не менее она чуть не заплакала от радости и облегчения, когда голосованием получилось девять к трем... в пользу Фибена Болджера. Когда он наконец подошел к ней, Гайлет повисла у него на шее и всхлипнула.

— Ну, ну, — сказал он. И ее успокоили не эти обычные слова, а его голос. — Я ведь тебе говорил, что вернусь.

Она всхлипнула, вытерла слезы и кивнула. Привычный жест, привычные слова. Гайлет коснулась его щеки и слегка насмешливо сказала:

— Мой герой.

Вокруг собрались остальные шимпы, все, кроме оказавшихся в меньшинстве проби. Впервые показалось, что церемония может все-таки обер-

нуться праздником.

Они построились по двое вслед за Фибеном и Гайлет и поспешили по последнему участку тропы к вершине, где очень скоро установится связь между этой планетой и далекими-далекими мирами.

И тут над небольшим плато послышался резкий свист. Новая машина на воздушной подушке приземлилась перед шимпами, преградив им дорогу.

— О нет! — простонал Фибен. Он сразу узнал баржу с тремя сюзеренами сил вторжения губру.

Сюзерен Праведности выглядел удрученно. Он свисал со своего насеста, не в силах даже поднять голову. Остальные два правителя, однако, тут же спрыгнули на землю и обратились к испытателю.

— Мы тоже хотим представить, предъявить, предложить... прецедент!

Глава 91
ФИБЕН

Легко ли победу превратить в поражение?

Фибен размышлял об этом, сняв протокольное платье и позволив двум шимпам растереть себе

плечи. Он потянулся. Остается надеяться, что он еще не забыл уроки борьбы.

«Я слишком стар для этого, — подумал он. — И позади такой длинный и трудный день».

Губру не шутили, когда радостно объявили, что нашли выход. Гайлет пыталась объяснить ему, пока он готовился. Как обычно, все связано с абстракциями.

— Как я понимаю, Фибен, галакты совсем не отвергают идею эволюции, они не принимают только эволюцию разума. Они верят в нечто подобное тому, что мы называли «дарвинизмом», для существ ниже предразумных. Более того, они считают, что природа поступает мудро, заставляя каждый вид демонстрировать свою пригодность к жизни в первобытных условиях.

Фибен вздохнул.

— Пожалуйста, ближе к делу, Гайлет. Просто скажи мне, почему я должен драться с этим ублюдком. Разве даже по земным стандартам судебный поединок не кажется глупостью?

Она покачала головой, на какое-то время ее словно постиг речевой затвор. Но как только это прошло, мозг ее вновь стал мозгом обычного педанта.

— Нет, не совсем так. Подумай сам. Одна из

опасностей, которой подвергается процесс возвышения, заключается в том, что патроны могут в ходе этого процесса лишить клиентов самой их сути, тех самых качеств, которые прежде сделали их кандидатами на возвышение.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что губру могут обвинить в этом людей, и единственный способ избежать этого — доказать, что мы остаемся стойкими, страстными и физически сильными.

— Но я думал, все эти тесты...

Гайлет покачала головой.

— Они свидетельствуют, что все оказавшиеся на плато соответствуют критериям третьей стадии. — Гайлет поморщилась, словно снова боролась с речевым барьером. — Эти испытуемые проходят даже по критериям института. Они обладают недостатками только с точки зрения необычных земных стандартов.

— Такими, как приличие и телесный запах. Конечно, но я все еще не понимаю...

— Фибен, Институту все равно, кто из прошедших испытания предстанет перед гиперпространственным шунтом. И если губру считают, что их представитель превосходит по крайней мере по одному критерию — по физической силе,

— это имеет прецеденты. В сущности, так делалось много раз, когда результаты голосования расходились.

Теперь наступила очередь Фибена качать головой и негромко ворчать:

— Гудолл, что за порядки в этой галактике. Кажется, Пратачулторн все-таки прав.

— В чем, Фибен?

— Неважно. — Он увидел, что рефери, представитель Института пила, приближается к центру круга. Фибен повернулся и посмотрел в глаза Гайлет.

— Скажи мне только, выйдешь ли ты за меня, если я выиграю?

— Но... — Она заморгала, потом кивнула. Казалось, Гайлет силится сказать что-то еще, но у нее опять отнялась речь. Она вздрогнула и странным незнакомым голосом умудрилась произнести пять слов:

— Убей... его... ради... меня... Фибен.

И в глазах ее читалась не жестокость, не жажда крови, а нечто гораздо более глубокое. Отчаяние.

Фибен кивнул. Он не питал иллюзий относительно того, что собирается сделать с ним Железная Хватка.

Рефери подозвал их к себе. Никакого оружия и

никаких правил.

Подземный гул перешел в глубокий гневный рев, и зона ноль-пространства над головой начала сверкать по краям, словно освещаясь молниями.

* * *

Началось с медленного кружения. Фибен и его противник внимательно наблюдали друг за другом, боком обходя всю арену. Остальные девять шимпов стояли ниже по склону, рядом с Утакалтингом, Каултом и Робертом Ониглом.

Напротив располагались губру и два товарища Железной Хватки. Со всех сторон за схваткой наблюдали многочисленные представители Института возвышения и дипломаты-галакты.

Ласка и Стальной Прут делали знаки руками своему предводителю и скалились.

— Сделай его, Фибен! — подбадривали другие шимпы.

Вот к чему свелся весь этот изысканный ритуал, вся эта сложная древняя традиция. Именно таким способом Мать Природа выносит свои решения.

— На-чи-НАЙ! — резкий крик рефери-пила резанул слух Фибена ультразвуковой волной за мгновение до того, как заговорил переводчик.

Железная Хватка действовал стремительно. Он

бросился вперед, и Фибен чуть не опоздал. Ему показалось, что это ложный маневр. Он начал уходить влево, но в последнее мгновение передумал, выставив вперед ногу.

Удар получился не таким сильным, как он рассчитывал, но Железная Хватка закричал и отскочил, держась за ребра. К несчастью, Фибен потерял равновесие и не смог воспользоваться шансом. Спустя несколько секунд Железная Хватка снова двинулся вперед, на этот раз осторожнее. В глазах его горела жажда крови.

«Бывают такие дни, когда просто не стоит вставать с постели», — думал Фибен. Они снова начали кружить.

Собственно, сегодняшний день начался с того, что он проснулся в развилке дерева в нескольких милях от Порт-Хелении, там, где парашюты плюща свисали с оголенных ветвей зимнего сада...

Железная Хватка замахнулся и нанес удар справа. Фибен нырнул под мышки противника и ответил ударом тыльной стороной руки. Противник поставил блок, и раздался глухой звук.

«...Солдаты Когтя были не очень-то вежливы, и поэтому он поехал дальше на Тихо к старой тюрьме...»

Кулак, словно пушечный снаряд, просвистел

мимо уха Фибена. Фибен шагнул навстречу вытянутой руке и повернулся так, чтобы ударить локтем в открывшийся живот противника.

«...Глядя на опустевшую комнату, он понял, что остается очень мало времени. Тихо галопом проскакал по пустынным улицам, в зубах лошади застрял цветок...»

«...а пристань была заполнена шимпами — они стояли на причалах, на крышах зданий, на улицах и смотрели...»

Клинч грозит прервать дыхание. Фибен присел и сунул правую ногу между ног противника. Потянул в одном направлении, дождался, пока Железная Хватка перестал сопротивляться, потом резко рванулся и бросил свое тело в противоположную сторону. Одновременно пнул ногой. Железная Хватка поскользнулся и упал, продолжая тисками своих рук сжимать Фибена. Еще несколько мгновений он с утроенной силой сжимал Фибена, вырывая куски его плоти.

«...Он сменил лошадь на лодку и поплыл через залив, к преграде из буйков...»

Кровь полилась из разорванного горла Фибена. Рана лишь на полдюйма миновала его яремную вену. Фибен попятился, видя, как быстро Железная Хватка вскочил на ноги. Стремительность

шимпа устрашала.

«...Он выиграл мысленную схватку с буйками и заслужил право пройти...»

Железная Хватка оскалился, расставил длинные руки и испустил кровожадный крик. И Фибен словно увидел перед собой древние схватки, которые происходили задолго до того, как шимпы поднялись на борт космических кораблей. Тогда угрожающий рык был половиной победы.

— Ты можешь это сделать, Фибен! — крикнул Роберт Онигл, разрушая гипноз Железной Хватки. — Давай, парень! Отомсти за Саймона!

«Дерьмо! — подумал Фибен. — Типичный человеческий трюк! Он пытается вызвать у меня чувство вины!»

Но сумел подавить вспыхнувшие сомнения и улыбнулся врагу в лицо.

— Кричать ты умеешь. А вот это? — И он показал Железной Хватке нос. И тут же пришлось увертываться от броска противника. На этот раз оба сумели нанести удары, которые прозвучали гулко, как в барабан. Оба шимпа разлетелись в противоположные стороны, прежде чем сумели обернуться, тяжело дыша и оскалившись.

«...Берег был усеян мусором, а подъем на утесы оказался длинным и трудным. Но выяснилось,

что это только начало. Удивленные чиновники Института уже разбирали свои приборы, когда он неожиданно появился; заставил их остановиться и провести еще одно испытание. Они, вероятно, решили, что не понадобится много времени, чтобы отправить его домой...» Когда они сошлись в следующий раз, Фибен выдержал несколько ударов по лицу, чтобы сблизиться с противником и бросить его на землю. Конечно, не самый элегантный прием джиу-джитсу. Применяя его, он неожиданно ощутил резкую боль в ноге.

На мгновение Железная Хватка оказался беззащитен. Но когда Фибен попытался атаковать, нога его подвернулась.

«...трудные тесты, сердитые взгляды, молчаливое удивление, что он еще здесь...»

Падая навзничь, он пинался, но тем не менее противник захватил его лодыжку словно в клещи. Фибен пытался за что-нибудь ухватиться, но пальцы только царапали почву. Он попробовал отползти в сторону, но Хватка подтащил его к себе и прижал.

«...И он прошел через все это, только чтобы оказаться здесь? Да. А в целом день был кромешным адом...»

Есть борцовские трюки против соперника,

превосходящего весом. Фибен вспомнил о них, пытаясь высвободиться. Если бы он не так устал, они бы сработали. А так ему только удалось достичь псевдоравновесия. Небольшое преимущество в упоре помогло ему противостоять ужасающей силе Железной Хватки. Их тела напрягались, руки сжимались в поисках малейшей слабины.

Лицами прижимаясь к земле, противники чувствовали горячее дыхание друг друга.

Толпа смолкла. Ни та, ни другая сторона больше не подбадривала.

Противники с обманчивой медлительностью раскачивались, сжимая друг друга, и Фибен ясно увидел склон Церемониального Холма. Краем глаза он отметил, что толпа куда-то исчезла. Там, где недавно толпилось множество галактов самой разной наружности, остались теперь только полосы вытоптанной травы.

Толпа уходила вниз по холму на восток, галакты возбужденно жестикулировали и разговаривали на множестве языков. Фибен заметил арахноида-серентини; главный испытатель стоял среди своих помощников, не обращая больше внимания на схватку. Даже рефери-пила отвернулся и смотрел на суматоху внизу.

И это после разговоров о том, что судьба всей вселенной зависит от смертельного боя двух шенов? Какой-то частичкой своего сознания Фибен почувствовал себя оскорбленным.

Любопытство всегда подводило его. Вот и сейчас он думал: «Да что там такое?»

Он на дюйм повернул голову в сторону, чтобы разглядеть получше. И на миллисекунды упустил открывшегося проби: Железная Хватка чуть переместил тяжесть своего тела. Фибен слишком поздно спохватился, и Железная Хватка воспользовался преимуществом, ускользнул и сделал захват. Снова начал давить.

— Фибен! — Это голос Гайлет, полный чувств. Итак, хоть кто-то смотрит на них. И увидит его унижение и конец.

Фибен сражался отчаянно. Он использовал все трюки, всплывшие в памяти. Но они требовали сил; не хватало воздуха.

Железная Хватка продолжал удерживать его. Оскаленные клыки сверкали в свете прожекторов: он улыбнулся Фибену.

Вдруг в одно мгновение огромная тень заслонила свет прожектора.

Железная Хватка растерянно заметил что-то громоздкое рядом с головой Фибена. Волосатая

черная ступня, затем короткая, но толстая, как древесный ствол, коричневая нога, а еще выше — гора шерсти.

Мир, который начал вращаться и тускнеть перед глазами Фибена, неожиданно снова обрел резкость, его перестали душить. Фибен вдохнул и старался разобраться в происходящем.

Он поймал дружелюбный взгляд карих глаз, которые принадлежали нависшей над ним огромной горе мышц.

Гора улыбалась. Рукой размером с небольшого шимпанзе существо с любопытством коснулось Фибена. Железная Хватка содрогнулся и ошеломленно отшатнулся не то от удивления, не то от страха. Рукой существо схватило шимпа за запястье, словно проверяя его силу.

По-видимому, никакого сравнения. Рослый самец-горилла довольно переступил с ноги на ногу и как будто даже засмеялся.

Потом, опираясь на одну руку, повернулся и присоединился к темной ленте животных, которая извивалась, обтекая изумленных шимпов. Гайлет глазам своим не верила, а Утакалтинг непрерывно моргал.

Роберт Онигл как будто разговаривал сам с собой, а губру пищали и прыгали.

Но в центре внимания горилл оказался Каулт. Четыре самца и три самки собрались вокруг высокого теннанинца и трогали его. Он медленно и радостно заговорил с ними.

Фибен решил не допускать одну и ту же ошибку дважды. Он не знал, что делают здесь, на вершине Церемониального Холма, построенного захватчиками, гориллы, да и не пытался над этим размышлять. Сосредоточенность вернулась к нему на мгновение раньше, чем к противнику. Когда Железная Хватка снова посмотрел на него, в глазах проби мелькнуло отчаяние: он успел разглядеть приближающийся кулак Фибена.

Маленькое плато превратилось в дикую сцену, лишенную даже подобия какого-либо порядка. Границы площадки, на которой происходила схватка, потеряли всякий смысл. Фибен и его противник катались под ногами горилл, шимпов, губру и вообще всех, кто только успевал отскакивать. На них перестали обращать внимание, но Фибену было все равно. Он помнил только одно: что дал обещание и его нужно выполнить.

Он колотил Железную Хватку, не давая ему восстановить равновесие, и тот, отчаянно закричав, отбросил наконец Фибена, как старый плащ.

Болезненно приземлившись, Фибен уловил

движение сзади и повернул голову: проби по имени Ласка поднял ногу и готовился ударить его. Но не попал, потому что его обняла страстная горилла и приподняла в своем сокрушительном объятии.

Другого товарища Железной Хватки держал Роберт Онигл. Он поднял его над головой. Самец-шимп явно сильнее большинства людей, но, вися в воздухе, ничего не мог поделать. Роберт схватил его, как Геркулес Антея, и кивнул Фибену.

— Осторожней, старина.

Фибен откатился, и Железная Хватка вхолостую ударил место, где он только что лежал, подняв лишь облако пыли. Фибен тут же прыгнул на спину противнику и зажал его полунельсоном.

Мир завертелся. Фибен скакал на нем, как на брыкающемся жеребце. Во рту появился вкус крови, пыль заполнила легкие, он почувствовал резкую боль в груди. Усталые руки дрожали, вот-вот схватит судорога. Но, услышав тяжелое дыхание противника, Фибен понял, что выдержит.

Железная Хватка опустил голову. Фибен пнул его ногой.

Пятка Фибена пришлась в солнечное сплетение проби. Он сломал пальцы, но в порыве

борьбы не замечал боли, и невозможно было ошибиться, услышав свистящий судорожный выдох: диафрагма Железной Хватки, мгновенно сократилась, прекратив всякий доступ воздуха.

Фибен как-то нашел силы. Рывком перевернул противника. Зажал его ножницами, завел руку и сжал горло тем же незаконным (но кому какое дело!) приемом, который раньше применил Железная Хватка.

Кости хрустели. Казалось, земля под бойцами задрожала, а небо заворчало. Мимо мелькали ноги чужаков, слышались крики на разных языках.

Фибен вслушивался лишь в дыхание противника и не слышал его... чувствовал только пульс, который вот-вот должен прекратиться...

И тут словно что-то взорвалось у него в черепе.

* * *

Как будто что-то раскрылось перед ним, яркий свет струился изнутри, от коры его мозга. Ошеломленный, Фибен вначале решил, что кто-то из проби или губру ударил его сзади по голове. Но при ударе такого свечения не бывает. Больно, но как-то по-другому.

Фибен сосредоточился на самом главном: нужно изо всех сил держать слабеющего противника.

Но он не мог игнорировать это странное явление.

Мозг искал сравнения с чем-нибудь, но не находил подходящей метафоры.

Беззвучный взрыв казался одновременно чуждым и странно знакомым.

Фибен вспомнил голубой огонек, который весело плясал, стреляя ему в ноги. Вспомнил «бомбу вони», которая обратила в бегство помпезного пушистого дипломата. Вспомнил, что рассказывала по ночам генерал. Все это заставило его заподозрить...

По всему плато стих многоголосый говор, все галакты смотрели вверх.

Фибену захотелось поднять голову и самому увидеть, что так привлекло их внимание. Однако сначала нужно убедиться, что противник безопасен.

Железная Хватка несколько раз судорожно глотнул воздух, и Фибен возобновил давление, чтобы удержать рослого шимпа на грани бессознательного состояния. Затем он посмотрел вверх.

— Утакалтинг, — прошептал Фибен, поняв причину смятения своих мыслей.

Тимбрими стоял чуть выше остальных. Он

широко развел руки, и полы его протокольного платья развевались в циклоне, поднятом зияющим гиперпространственным шунтом. Глаза максимально расставлены.

Щупальца короны Утакалтинга двигались, и что-то вращалось у него над головой.

Шимми застонала и прижала ладони к вискам. Казалось, сотни бормашин заработали одновременно. Для большинства присутствующих глиф оставался неразличимым. Но Фибен впервые в жизни испытал кеннинг. И то, что он кеннировал, называлось тутсунуканн.

Чудовищный глиф, полный долго сдерживаемой энергии. Сущность отложенной неопределенности, он танцевал и вращался. И вдруг без всякого предупреждения разлетелся. Фибен чувствовал, как глиф пролетел сквозь него, — и испытал неподдельную чистую радость.

Радость вытекала из Утакалтинга, словно из прорванной дамбы.

— Н'ха с'урустуанну, л'хаммин'т Атаклена в'тхтанна! — воскликнул тимбрими. — Дочь, ты прислала его, чтобы вернуть отданное мной? О, как все усложнилось и усилилось! Какой отличный розыгрыш собственного отца!

Его настроение заразило стоявших поблизости.

Шимпы моргали. Роберт Онигл вытирал слезы.

Утакалтинг повернулся и указал на тропу, ведущую к Площадке Избрания.

Теперь, на вершине Церемониального Холма, было видно, что шунт действует.

Погребенные глубоко под землей машины сделали свое дело, и теперь над головой зиял туннель, края его сверкали, а в центре — пустота чернее самой тьмы.

Туннель, казалось, втягивает свет, трудно даже рассмотреть отверстие.

Но Фибен знал, что это реальная связь во времени, она протянулась отсюда к бесчисленным планетам, где многочисленные зрители наблюдали и отмечали события вечера.

«Надеюсь, зрелище понравится во всех пяти галактиках». Когда Железная Хватка начал оживать, Фибен ударил проби по голове и снова посмотрел вверх.

На полпути к вершине на узкой тропе он увидел три разительно отличающиеся друг от друга фигуры. Маленький неошимпанзе с непомерно длинными руками и короткими кривыми ногами. Одной рукой Джо-Джо держался за руку Каулта, рослого теннанинского посла. Другую могучую лапу держала крошечная девочка, светлые

волосы которой развевались на ветру, как знамя.

Это изумительное трио смотрело на вершину, где собралась совершенно необычная толпа.

Десяток горилл, самцов и самок, кружком стояли прямо под полуневидимой дырой в пространстве. Они раскачивались взад и вперед, глядя на зияющую пустоту над головой, и тихо напевали режущую слух мелодию.

— Мне кажется... — сказал ошеломленный главный испытатель Института возвышения, серентини, — ...мне кажется, такое случалось... раз или два... но давно, больше тысячи эпох назад.

Послышался другой голос, на этот раз хрипловатый от полноты чувств. Англик.

— Это несправедливо, пусть и на нашем веку тоже... — Фибен видел, что по щекам некоторых шимпов текут слезы.

Шимпы держали друг друга за руки и плакали.

На глазах Гайлет тоже были слезы, но Фибен понимал, что она видит то, чего не видят другие. И слезы ее — слезы облегчения и радости.

Отовсюду слышались изумленные возгласы.

— Но что это за существа, создания, твари? — спрашивал сюзерен губру.

— ...предразумные, — ответил кто-то на галактическом-три.

— ...Они миновали все испытательные станции, значит, они готовы к какой-то стадии, — говорил Кордвайнер Эпплби. — Но как могли гор...

Роберт Онигл прервал его, подняв руку.

— Не используйте больше прежнее название. Это, друг мой, гартлинги.

Молнии заполнили воздух запахом озона. Утакалтинг напевал от наслаждения такой грандиозной шуткой, и его тимбримийский голос звучал не по-земному богато. Фибен, не помня себя, встал на ноги, чтобы лучше видеть. Он вместе со всеми наблюдал, как дыра над гигантскими обезьянами, раскачивающимися и гудящими на вершине, начала светиться. Над головами горилл заклубился туман, постепенно приобретающий очертания.

— Ни у одной живущей расы нет такого на памяти, — благоговейно сказал главный испытатель. — За последний миллиард лет происходили бесчисленные церемонии принятия клиентов. Клиенты на этих церемониях переводились на следующую стадию и выбирали себе новых консортов. Некоторые даже требовали прекратить возвышение... вернуть их в прежнее состояние...

Туман принял овальные очертания. И из него постепенно возникала фигура.

— ...Но лишь в древних сагах говорится о новых видах, пришедших по собственной воле, удививших все галактическое сообщество, и требовавших права самим выбрать себе патронов.

Фибен услышал стон. Он посмотрел вниз и увидел, как Железная Хватка, дрожа, приподнимается на локтях. Пропитанная кровью пыль покрывала шена с ног до головы.

«Надо кончать с ним. Он еще силен», — подумал Фибен, понимая, что сам выглядит не лучше.

Он поднял ногу. В общем-то это не трудно... Посмотрел в сторону и наткнулся на взгляд Гайлет.

Железная Хватка перевернулся на спину. В тупой покорности посмотрел на Фибена.

«Дьявольщина, — Фибен наклонился и протянул руку своему бывшему противнику. — Не понимаю, чего ради мы дрались. Приз у кого-то другого».

Возглас удивления пронесся над толпой. Со стороны губру слышались крики отчаяния. Фибен поднял Железную Хватку, помог ему твердо встать на ноги и посмотрел на творение горилл, вызвавших это смятение.

Появилось лицо теннанинца. Огромное четкое изображение повисло в фокусе гиперпростран-

ственного шунта. Оно вполне могло быть лицом брата Каулта.

«Такое трезвое, серьезное, искреннее выражение», — подумал Фибен.

Такое типично теннанинское.

Некоторые галакты удивленно восклицали, остальные же словно застыли.

Все, кроме Утакалтинга, чье восхищение по-прежнему лучилось во все стороны, как фейерверк.

— З'вуртин'с'татта... я так трудился ради этого, но даже я не предполагал...

Титаническое изображение теннанинца сдвинулось в туманном овале. Все увидели толстую шею с дыхательными щелями, потом могучий торс. Но когда показались его руки, стало очевидно, что он с обеих сторон держит за руки двоих.

— Зафиксируйте должным образом, — сказал главный испытатель своим помощникам. — Неизвестного наименования клиенты первой стадии, предполагаемое название гартлинги, выбрали в качестве патронов теннанинцев. А в качестве консортов-представителей — неошимпанзе и людей совместно.

Роберт Онигл заорал. Кордвайнер Эпплби, поразившись, опустился на колени. Оглушительно

кричали губру.

Фибен почувствовал, как в его руку скользнула ладонь. Во взгляде Гайлет смешались гордость и колкость.

— Ну хорошо, — вздохнул он. — Нам бы все равно их не оставили. А так мы хоть навещать их сможем. И я слышал, что теннанинцы не худшие из ити.

Гайлет покачала головой.

— Ты знал об этих существах и не говорил мне?

Фибен пожал плечами.

— Ну, это считалось тайной. Ты была занята. Не хотел тревожить тебя несущественными подробностями. Mea culpa. Не бей меня, пожалуйста.

Ее глаза вспыхнули. Но потом она вздохнула и посмотрела на вершину холма.

— Скоро все поймут, что никакие это не гартлинги, а земные существа.

— И что тогда будет?

Настала ее очередь пожимать плечами.

— Наверно, ничего. Откуда бы они ни происходили, они явно готовы к возвышению. Люди подписали договор — кстати, несправедливый, — запрещающий возвышать их земному клану. Я думаю, сохранится нынешнее положение. Fait

accompli[16]. Ну, да ладно, нам хоть какая-то роль отводится: следить за правильным выполнением работы.

Подземное гудение стихало, все сильнее слышались хриплые крики губру.

Но главный испытатель казался невозмутимым. Он отдавал приказы помощникам, собирал записи, указывал, какие тесты предстоит провести, диктовал срочные сообщения в центральный Институт.

— И мы должны помочь Каулту информировать его клан, — добавил главный испытатель. — Несомненно, эта новость вызовет большое удивление.

Фибен видел, как сюзерен Луча и Когтя забрался во флаер и улетел на большой скорости. Порывом ветра взъерошило оперение оставшихся птицеподобных.

Так уж случилось, что взгляды Фибена и сюзерена Праведности, одиноко стоявшего на своем насесте, встретились. Теперь чужак держался прямо. Он не обращал внимания на кудахтанье своих спутников. Фибен поклонился.

Спустя несколько мгновений чужак, в свою

---

[16] Примечания: 16
Свершившийся факт (фр.)

очередь, вежливо склонил голову.

Над вершиной с поющими гориллами, официально теперь самыми младшими клиентами в пяти галактиках, туманный овал сокращался и уходил в сужающийся туннель. Но прежде чем он исчез, собравшиеся увидели нечто поразительное, чего раньше никто никогда не видел... и вряд ли когда-либо увидит.

Наверху, в небе, изображения теннанинца, шимпа и человека посмотрели друг на друга. Потом большая голова теннанинца откинулась, и он рассмеялся; он натурально хохотал, просто ревел от смеха, то есть делал то, чего теннанинец делать не может.

Только Утакалтинг и Роберт Онигл из всех пораженных зрителей присоединились к смеху этой призрачной фигуры. Изображение, продолжая хохотать, уменьшилось и поглотилось закрывшейся дырой в пространстве. На его месте загорелись звезды.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ГРАЖДАНЕ

Я ничтожество,
Неприятное слуху и зрению,
Я обезьяна с синим задом
И прыгаю по деревьям рая.
Роберт Льюис Стивенсон «Портрет»

Глава 92
ГАЛАКТЫ

— Они существуют! Они реальны! Они есть!

Собравшиеся чиновники и офицеры губру наклонили головы и воскликнули в унисон:

— Зуууун!

— Нам отказали в награде, отказали в чести, отказали в возможности, и все ради скулящих ничтожеств! Теперь цена возрастет, увеличится, приумножится!

Сюзерен Стоимости и Бережливости стоял в углу среди кучки своих верных последователей, а со всех сторон доносилась брань. Каждый раз, как собравшиеся подхватывали свой рефрен,

сюзерен вздрагивал.

Сюзерен Праведности, выпрямившись, стоял на своем насесте. Он расхаживал взад и вперед, демонстрируя новую расцветку, появившуюся под его плюмажем слияния. Собравшиеся губру и кваку отвечали на это зрелище преданными воплями.

— А теперь непокорный, упрямый, несговорчивый препятствует нашему Слиянию и консенсусу, которые могли предоставить нам хоть что-то. Честь и союзников. Мир.

Сюзерен говорил о своем отсутствующем собрате, который вроде бы не посмел явиться и предстать перед новым цветом и превосходством Праведности.

Торопливо приблизился четвероногий кваку, поклонился и передал на насест предводителя сообщение. Потом, словно спохватившись, сделал копию и отнес сюзерену Стоимости и Бережливости.

Новости с пункта перехода Пурмин не удивили: множество больших космических кораблей приближается к Гарту. После катастрофы на церемонии возвышения такое прибытие ожидалось.

— Итак? — обратился сюзерен Праведности к присутствующим офицерам. — Планирует ли Луч

и Коготь защищать эту планету вопреки всем советам, всей мудрости, всей чести?

Офицеры, конечно, понятия не имели. Они покинули своего командующего, когда Слияние неожиданно изменило направление.

Сюзерен Праведности исполнил танец нетерпения.

— Вы не приносите мне добра, не приносите добра клану, бездействуя. Идите, ищите, вернитесь на свои посты. Выполняйте свой долг по его приказу, но сообщайте мне все его планы и намерения!

Сюзерен сознательно использовал местоимение мужского рода. Слияние еще не завершилось, но все видели, в какую сторону дует ветер.

Офицеры поклонились и бросились из павильона.

Глава 93
РОБЕРТ

Замусоренный Церемониальный Холм опустел. Сильный восточный ветер разносил опавшую листву и волокна, принесенные с далеких гор. Тут и там на нижних террасах рылись в мусоре городские шимпы в поисках сувениров. Вверху

оставались отдельные павильоны. Среди них несколько больших черных существ лениво расчесывали шерсть друг другу и сплетничали на языке жестов, как будто нет в мире ничего важнее того, кто с кем спарится и что будет на ужин.

Роберту казалось, что гориллы вполне довольны жизнью. «Я завидую им», — подумал он. В его случае даже большая победа не положила конец тревогам.

На Гарте по-прежнему опасно, даже опаснее, чем две ночи назад, когда волею судьбы и случая совершилась церемония возвышения: это никогда не забудется.

Жизнь иногда беспокойна, вернее всегда.

Роберт вернулся к письму, которое чиновники Института возвышения передали ему час назад.

> ...Конечно, трудно старой женщине, особенно такой своенравной, как я, признавать, что я ошиблась в собственном сыне. Мне очень жаль, но я была несправедлива к тебе.
>
> В свое оправдание могу только сказать, что внешность бывает обманчива, а твое поведение раздражало меня. Вероятно, мне следовало заглянуть под поверх-

ность и заранее увидеть силу, которую ты проявил в последние месяцы. Но мне это и в голову не приходило. Возможно, я боялась слишком присматриваться к своим чувствам.

Во всяком случае мы сможем поговорить об этом после наступления мира.

А пока скажу, что я горжусь тобой. Твоя страна и твой клан в долгу перед тобой, так же как и твоя благодарная мать.

С любовью, Меган.

Странно, подумал Роберт, столько лет пытаться добиться одобрения матери, а теперь не знать, что с этим делать. Он испытывал ироническую симпатию к матери: ей действительно трудно было признать свою ошибку. И потому прощал холодноватый тон письма.

Весь Гарт видел в Меган Онигл снисходительную добрую женщину и способного администратора. И только ее бродячие мужья и Роберт знали другую Меган, приходящую в ужас от постоянных обязанностей и больше всего боящуюся проявить личные пристрастия. В первый раз за всю жизнь Роберт видел, что она признает свои ошибки в важном деле, имеющем отношение к ее личной

жизни.

Все расплывалось, и Роберт закрыл глаза. Он обвинял в этих симптомах поля поднимающегося звездного корабля, шум двигателей которого доносился из космопорта. Роберт утерся и посмотрел на огромный лайнер, серебристый и почти ангельский в своей спокойной красоте. Корабль поднялся и неторопливо прошел над головой по пути к пространству и далее.

— Еще одна стая бегущих крыс, — пробормотал Роберт.

Утакалтинг даже не повернулся. Он лежал, опершись на локти, и смотрел на серые воды.

— Галактические гости получили больше, чем ожидали, Роберт. Церемонии возвышения с них достаточно. Перспектива космического сражения и осады их привлекает гораздо меньше.

— И с меня того и другого достаточно, — добавил Фибен Болджер, не открывая глаз. Он лежал чуть ниже на склоне, головой на коленях Гайлет Джонс. Она не нашла что сказать и сосредоточилась на распутывании узелков его шерсти, стараясь не задеть свежие синяки и царапины. А Джо-Джо тем временем расчесывал ноги Фибена.

«Ну, он это заслужил», — подумал Роберт. Хотя церемонией возвышения завладели гориллы,

баллы, набранные на испытаниях, сохраняются. Если Земля выпутается из своих нынешних неприятностей и сможет позволить себе расходы на новую церемонию, два провинциала с Гарта пойдут во главе процессии из самых умных шимпов. И хотя Фибена как будто это не интересовало, Роберт гордился своим другом.

На тропе показалась шимми в простом платье. Она коротко поклонилась Утакалтингу и Роберту.

— Хотите знать последние новости? — спросила Микаэла Ноддингс.

— Я нет, — ответил Фибен. — Пусть Вселенная идет...

— Фибен, — мягко упрекнула Гайлет. Она посмотрела на Микаэлу. — Я хочу.

Шимми села и начала работать над другим плечом Фибена. Усмиренный, он снова закрыл глаза.

— Каулт получил сообщение от своих, — сказала Микаэла. — Теннанинцы уже на пути сюда.

— Уже? — Роберт свистнул. — Они не теряют времени.

Микаэла покачала головой.

— Народ Каулта уже связался с Советом Земли, чтобы договориться о покупке генетической базы

невозделанных горилл и нанять земных экспертов в качестве консультантов.

— Надеюсь, Совет выторгует хорошую цену.

— Нищим выбирать не приходится, — сказала Гайлет. — Согласно некоторым из галактических наблюдателей, Земля в отчаянном положении, как и тимбрими. Если сделка означает, что теннанинцы перестают враждовать с нами и становятся союзниками, это жизненно важно.

«А цена сделки — утрата горилл, наших родственников и клиентов», — думал Роберт. В вечер церемонии он обращал внимание только на забавную сторону случившегося, смотрел на происходящее вместе с Утакалтингом, как тимбрими. Но теперь невозможно было не задуматься о цене.

«Ну, прежде всего они никогда не были нашими, — напомнил он себе. — Так мы, по крайней мере, будем помогать в их воспитании. Опять же, Утакалтинг говорит, что есть среди теннанинцев и неплохие».

— А как же губру? — спросил он. — Они договорились заключить мир с Землей в обмен на согласие на церемонию.

— Ну, это не совсем то, что они имели в виду — ответила Гайлет. — А вы как считаете, посол

Утакалтинг?

Щупальца тимбрими лениво обвисли. Весь вчерашний и сегодняшний день он создавал сложные глифы далеко превосходящие возможности Роберта кеннировать. Словно радовался чему-то утраченному и обретенному вновь.

— Они будут действовать в собственных интересах, конечно, — сказал Утакалтинг. — Вопрос в том, хватит ли у них здравого смысла, чтобы не навредить себе.

— Что вы имеете в виду?

— Губру начинали эту экспедицию с разными целями. Их триумвират отражает конфликт между фракциями дома. Первоначальная цель экспедиции — захват населения Гарта в заложники и посредством этого, проникновение в тайны Совета Земли. Но потом им стало известно, что Земля не больше других знает о том, что именно открыл этот ваш гнусный дельфиний корабль.

— А какие-нибудь новости о «Стремительном» поступали? — прервал Роберт.

Выпустив по спирали глиф паланк, Утакалтинг вздохнул.

— Дельфины каким-то чудом ушли из ловушки, поставленной для них десятком самых фанатичных кланов, — это само по себе поразительно, — и

теперь «Стремительный» затерялся на звездных линиях. Фанатиков унизили, и напряжение в Галактике возросло. Это одна из причин растущего страха Повелителей Насестов губру.

— Поэтому, когда захватчики обнаружили, что брать заложников для выуживания секретных сведений бессмысленно, они ухватились за другую возможность извлечь выгоду из этой дорогостоящей экспедиции, — предположила Гайлет.

— Верно. Но когда погиб первый сюзерен Стоимости и Бережливости, равновесие в их триумвирате нарушилось. Вместо продвижения к консенсусу в политике все три сюзерена погрузились в необузданное соперничество за верховное положение в их Слиянии. Я не уверен, что даже сейчас понимаю все их замыслы и планы. Но последний замысел, наконец осуществленный ими, дорого им обойдется. Вульгарное вмешательство в правильный ход церемонии возвышения — серьезное дело.

Роберт видел, как Гайлет вздрогнула от отвращения. Вспомнила, как на нее давили. Не открывая глаз, Фибен взял ее за руку.

— Ну, так к чему же мы пришли? — спросил Роберт у Утакалтинга.

— И здравый смысл, и честь требуют, чтобы губру сдержали данное Земле слово. Для них это единственный разумный выход.

— Но вы не уверены, что они его видят?

— Разве иначе я оставался бы здесь, на нейтральной почве? Мы бы с вами, Роберт, вместе с Атакленой, ели припрятанную мною кхугру и другие деликатесы и часами говорили бы... о многом. Но не сделаем этого, пока губру не выберут между логикой и самоуничтожением.

Роберт ощутил холодок.

— И насколько вероятно второе? — спросил он тихим голосом. Шимпы, однако, услышали.

Утакалтинг осмотрелся. Вдохнул, как запах, вина сладкий прохладный воздух.

— Прекрасная планета, — вздохнул он. — Но она пережила кошмар. Иногда так называемая цивилизация стремится уничтожить то, что призвана оберегать.

Глава 94
ГАЛАКТЫ

— За ними! — воскликнул сюзерен Луча и Когтя. — За ними! Догнать их!

Солдаты Когтя и их боевые роботы обрушились

на небольшую колонну неошимпанзе, захватив их врасплох. Волосатые земляне пытались противостоять, они начали стрелять из своего разносортного оружия по наступающим губру. Действительно, разорвались два огненных шара, разбросав клочки обожженных перьев. Но в целом сопротивление было бесполезно. Вскоре сюзерен уже расхаживал среди остатков деревьев и трупов млекопитающих. Он разносил офицеров, докладывавших только об убитых шимпах.

Ведь ходили слухи и о других — людях и тимбрими и трижды проклятых теннанинцах, наконец! Неужели невозможно найти ни одного из них? Они все сговорились! Это заговор!

Теперь непрерывным потоком идут сообщения, просьбы, требования, чтобы адмирал вернулся в Порт-Хелению. Чтобы он присоединился к другим предводителям для встречи, совещания, консенсуса.

Консенсус! Адмирал покажет им консенсус! Он вернет себе лидирующее положение! И единственный способ сделать это после катастрофы на церемонии возвышения — продемонстрировать эффективность военного выбора. А когда теннанинцы явятся за своим призом — гартлингами, их встретит сила! Пусть попробуют проводить

возвышение своих новых клиентов в глубоком космосе!

Конечно, чтобы не допустить их на планету, чтобы вернуть ее Повелителям Насестов, необходима абсолютная уверенность, что не будет нападения в спину. Партизанщину необходимо подавить.

Сюзерен Луча и Когтя не признался бы даже себе, что на его решение повлияли гнев и жажда мести. Признать это означало бы попасть во власть к сюзерену Праведности. Уже и так несколько лучших офицеров переметнулись, но лицемерный верховный священник вернул их. И это особенно раздражало.

Адмирал решил вернуть себе их преданность — испытанным способом, победой!

— Новые детекторы работают, действуют, они эффективны! — Он исполнил танец удовлетворения. — Они позволяют нам выслеживать землян, не нюхая специальных материалов. Теперь мы выслеживаем их по их собственной крови!

Помощники сюзерена разделяли его удовлетворение. При таких темпах все противники скоро вымрут.

Но ликование мигом спало, когда пришло сообщение, что один из их транспортных кораблей

вышел из строя. Еще одна жертва той чумы разложения, что обрушилась на оборудование губру в горах и в долине Синда. Сюзерен приказал провести немедленное расследование.

— Не имеет значения! Мы разместимся в остающихся транспортах. Никто, ничто, никакое происшествие не остановит нашу охоту.

Солдаты подхватили:

— Зуууун!

Глава 95
АТАКЛЕНА

Она смотрела, как заросший человек в четвертый раз читает сообщение, и думала, правильно ли поступает. Со спутанными волосами, бородатый и обнаженный, майор Пратачулторн казался символом диких хищных волчат... слишком опасное существо, чтобы ему верить.

Он взглянул на сообщение, и на мгновение она почувствовала его бешеное напряжение, дрожью пробежавшее по плечам и мощному торсу.

— Похоже, мне приказано простить вас, мисс, и следовать вашей политике. — Голос его звучал хрипло. — Значит ли это, что меня освободят под клятвенное обещание? Откуда мне знать, что это

подлинный приказ?

Атаклена знала, что у нее нет выбора. В предстоящие дни она не сможет выделять шимпов для охраны Пратачулторна. Таких, на кого она может рассчитывать, кто не поддастся властному голосу землянина, очень мало, и майор уже четырежды едва не сбежал. Альтернатива одна — прикончить его немедленно. А это выше ее сил.

— Не сомневаюсь, что вы убьете меня, если обнаружите, что приказ подложный, — ответила Атаклена.

Он сверкнул зубами.

— Даю вам слово, — заверил он.

— А еще?

Он закрыл и снова открыл глаза.

— Согласно этому приказу правительства в изгнании у меня нет выбора. Я должен действовать так, словно меня не похищали. Мятежа никогда не было, и мои действия должны соответствовать вашим советам. Я согласен, но вы должны знать, что при первой же возможности я буду апеллировать к командованию на Земле. А они обратятся с этим вопросом в Совет. И как только координатора Онигл снимут, я вас отыщу, моя юная тимбрими. Я вернусь к вам.

Неприкрытая ненависть, звучавшая в его сло-

вах, заставила ее вздрогнуть и одновременно вызвала уверенность в себе. Этот человек ничего не скрывает. В его словах — один смысл. Атаклена кивнула Бенджамину.

— Выпусти его.

Отводя взгляды от темноволосого человека, шимпы с несчастным видом опустили клетку и открыли дверцу. Пратачулторн вышел, разминаясь. Потом совершенно неожиданно подпрыгнул и оказался рядом с Атакленой. И рассмеялся, когда Атаклена и шимпы попятились.

— Где мои люди? — резко спросил он.

— Точно не знаю, — ответила Атаклена, пытаясь прекратить гир-поток. — Мы разбились на небольшие группы. Нам даже пришлось оставить пещеры, так как губру о них узнали.

— А это место? — Пратачулторн указал на парящие склоны горы Фосси.

— Мы ожидаем нападения врага в любой момент, — честно ответила она.

— Ну, что ж, — сказал он. — Я не верю и половине того, что вы мне рассказали вчера об этой «церемонии возвышения» и ее последствиях. Но должен отдать вам должное: по-видимому, вы с папочкой хорошо позлили губру.

Он принюхался, словно пытался взять след.

— Я полагаю, у вас найдется для меня карта и накопитель информации?

Бенджамин принес портативный компьютер, но Пратачулторн поднял руку.

— Не сейчас. Прежде всего давайте убираться отсюда. Я хочу уйти подальше.

Атаклена кивнула. Она понимала его чувства.

Он рассмеялся, когда она отклонила его ироничный поклон и попросила идти первым.

— Как хотите, — бросил он.

Скоро они уже бежали под покровом густой листвы. И немного погодя услышали гром в том месте, где находилось убежище. Однако небо осталось безоблачным.

Глава 96
СИЛЬВИЯ

Ночь освещалась яркими огнями, которые отбрасывали четкие тени, опускаясь на землю. Они действовали неожиданно, ошеломляюще, заглушая шум боя и крики умирающих.

Посылали огненные факелы в небо защитники, потому что нападающим свет был ни к чему. Они, руководствуясь радаром и приборами инфракрасного видения, атаковали уверенно и

смертоносно, и мешали им только ослепительные вспышки.

Шимпы бежали из своего темного, без костров лагеря во всех направлениях, бежали голые, прихватив только еду и оружие, в основном из укромных горных поселков, сожженных при недавнем наступлении. Несколько шимпов, прошедших школу партизанской войны, оставались сзади в отчаянной попытке прикрыть отступление.

Они испробовали все способы, чтобы обмануть смертоносные и точные детекторы врага. Вспышки автоматически мешали активным и пассивным сенсорам. И им удалось замедлить продвижение птицеподобных, но лишь незначительно. Однако запас вспышек невелик.

К тому же у врага появилась новая тайная система, которая позволяла выслеживать шимпов даже сквозь самую густую растительность, даже обнаженных, вообще без признаков цивилизации.

Преследуемые могли только разбиться на небольшие группы. И тем, кто сумеет уйти, предстояло жить как животным, в одиночестве, в лучшем случае парами, испуганно озираясь под небом, которое когда-то принадлежало им.

* * *

Сильвия помогала пожилой шимми и двум детенышам подняться по переплетенному лианами стволу, когда вставшие дыбом волосы подсказали ей, что поблизости заработал гравидвигатель. Она знаком велела всем укрыться, но что-то — может быть, неровный звук моторов, — заставило ее задержаться, выглянуть из-за упавшего дерева. Она разглядела в темноте тусклый беловатый корпус, который пробил освещенную звездами листву и с грохотом исчез в джунглях.

Сильвия смотрела на темный туннель, пробитый упавшим кораблем.

Слушала, кусая ногти, как опадают сорванные ветви и листья.

— Донна, — прошептала она. Пожилая шимми подняла голову. — Ты можешь одна с детьми добраться до места встречи? Тебе нужно только дойти до ручья, а потом идти по течению, пока не увидишь небольшой водопад и пещеру. Сможешь?

Донна помолчала, сосредоточившись, потом кивнула.

— Хорошо, — сказала Сильвия. — Когда встретишь Петри, скажи, что я видела, как упал вра-

жеский разведчик, и решила взглянуть на него.

Глаза пожилой шимми от страха расширились, так что стали видны белки вокруг радужной оболочки. Она несколько раз кивнула, потом протянула руки к детям. К тому времени, как те прижались к ней, Сильвия уже исчезла в туннеле из сломанных ветвей.

«Зачем я это делаю?» — думала Сильвия, проходя под расколотыми деревьями; из разломов еще сочилась жидкость. Слышались шорохи животных, они убегали от своих разрушенных жилищ. Волосы Сильвии встали дыбом от запаха озона. А когда она подошла ближе, ощутила еще один знакомый запах — запах пережаренной птицы.

Все казалось странным в полутьме. Никакого цвета, кроме разнообразных оттенков серого. Когда перед ней показался белый корпус разбившегося корабля, Сильвия увидела, что он лежит на склоне под углом в сорок градусов и нос его поврежден от удара.

Она слышала легкий треск — разряды какого-то электронного оборудования. Кроме него, изнутри не доносилось ни звука. Главный люк сорван с петель.

Касаясь все еще теплого корпуса, Сильвия осторожно подошла поближе.

Дотронулась до сопла одного из гравитационных двигателей, пальцы ее нащупали пятна ржавчины. «Плохое обслуживание, — подумала она, отчасти для того, чтобы мозг был чем-то занят. — Может, поэтому он разбился?» Во рту у нее пересохло, сердце ушло в пятки, когда она ухватилась за отверстие и перегнулась через край, вглядываясь внутрь.

Два губру, привязанные ремнями, свисали с кресел, шеи у них были сломаны.

Сильвия попыталась сглотнуть. Заставила себя поднять ногу и осторожно ступить на наклонную палубу. Сердце у нее чуть не лопнуло, когда плиты палубы заскрипели и один из солдат Когтя пошевелился.

Но это только скрипы и оседания разбитого корабля.

— О Гудолл! — простонала Сильвия, убирая руку с груди. Трудно сосредоточиться, когда инстинктивно ей хочется убраться отсюда.

Как это было с ней на протяжении многих дней, Сильвия попыталась представить себе, как бы поступила в таких обстоятельствах Гайлет Джонс. Она понимала, что никогда не станет такой шимми, как Гайлет. Дело не только в карте. Но если она очень постарается...

— Оружие, — прошептала она и заставила себя дрожащими руками забрать оружие у солдат. Секунды казались ей часами, но скоро два сабельных ружья и два пистолета пополнили груду у люка. Сильвия уже собиралась выползти, как вдруг хлопнула себя по лбу.

— Дура! Сведения нужны Атаклене больше этих хлопушек!

Она вернулась в рубку и осмотрелась, думая, сумеет ли распознать что-нибудь интересное и значительное, даже если оно прямо перед ней.

«Ну, давай. У тебя полноправное земное гражданство, ты почти закончила колледж. И несколько месяцев работала на губру».

Сосредоточившись, она узнала приборы управления полетом и — по символам, напоминающим снаряды, — оружейную консоль. На экране, еще освещенном садящимися батареями, рельефная карта местности, со множеством значков и надписей на галактическом-три.

«Может, они с помощью этого находят нас?» — думала Сильвия.

Шкала, сразу под экраном, на ней знакомые ей слова из языка врага.

Надпись — «Выбор частоты». Она осторожно коснулась таблички.

В нижнем углу экрана образовалось окно. В нем текст, слишком сложный, чтобы она его поняла. Сильвия сосредоточенно всматривалась в слова сразу под диаграммой. Вспоминала буквы галактического-три.

— Ге... гем... мог...

И вдруг почувствовала, что ее кожа покрылась пупырышками. Она провела языком по пересохшим губам и прошептала одно-единственное слово:

— Гемоглобин.

Глава 97
ГАЛАКТЫ

— Биологическая война! — Сюзерен Луча и Когтя прыгал на мостике крейсера, который сделал своим штабом, и указывал на техника-кваку, принесшего новость. — Коррозия, разложение, эта чума механизмов и вооружения — все это создано сознательно?

Техник поклонился.

— Да. Действуют несколько агентов: бактерии, грибки, плесень. Как только это стало ясно, немедленно были приняты контрмеры. Потребуется время, чтобы обработать все зараженные

поверхности созданными нами организмами, но успех несомненен. Постепенно это станет легкой помехой.

«Постепенно, — с горечью думал адмирал. — Как доставляют этих агентов?»

Кваку достал из кармана кусок материала, напоминающего кожу и перевязанного тонкими нитями.

— Когда наши машины начали падать в горах, мы проконсультировались у Библиотеки и расспросили местных жителей. Раздражающие вторжения переносчиков спор постоянно случаются на континенте с приходом зимы, поэтому мы на них не обратили внимания.

— Однако сейчас приходится считать, что горным повстанцам удалось заразить этих переносчиков спор микроорганизмами, разрушающими наше оборудование. К тому времени, как мы это обнаружили, зараза распространилась повсеместно. Очень изобретательный заговор.

Адмирал расхаживал по мостику.

— Насколько велик, насколько серьезен, насколько катастрофичен ущерб?

Снова низкий поклон.

— Заражена треть нашего наземного оборудования. Две защитные батареи космопорта не

смогут действовать в течение десяти планетных дней.

— Десять дней!

— Как вы знаете, мы больше не получаем запасных частей из дома.

Адмиралу не следовало напоминать об этом. И так уже большинство маршрутов, ведущих к Гимельхаю, перекрыто приближающимися армадами, которые теперь терпеливо разряжают мины в окрестностях Гарта.

И мало того — два других сюзерена объединились против адмирала. Они ничего не могли сделать, чтобы предотвратить сражение, если адмирал решит сопротивляться, но они отказали ему в религиозной и административной поддержке. И это уже начинает сказываться.

Напряжение усилилось. В голове адмирала пульсировала боль.

— Они заплатят! — закричал сюзерен. — Будь прокляты эти ограниченные святоши и счетчики яиц!

Сюзерен Луча и Когтя вспомнил великий флот, который он привел в эту систему. Но уже давно Повелители Насестов отозвали большую часть кораблей для выполнения других заданий. И теперь, наверно, многие из этих кораблей пре-

вратились в дымящиеся руины на бесконечных галактических маршрутах.

Чтобы избавиться от таких мыслей, адмирал стал обдумывать, как потуже затянуть петлю вокруг сопротивляющихся горных повстанцев. Ну, по крайней мере, хоть это кончится.

Пусть тогда Институт возвышения попробует установить нейтралитет священного Церемониального Холма на планете, охваченной пламенем войны!

При таких обстоятельствах снаряды часто летят не туда, «случайно» падают на города или даже на нейтральную почву.

Какая жалость! Конечно, нужно будет выразить соболезнования. Но таковы капризы войны!

Глава 98
УТАКАЛТИНГ

Больше не нужно скрывать свои сердечные желания или сдерживать чувства. Неважно, что детекторы чужаков могут уловить его психическое излучение. И так известно, где его можно будет найти в свое время.

На рассвете, когда восток постепенно светлеет и за тучами встает солнце, Утакалтинг шел по по-

крытым росой склонам, посылая во все стороны все свое состояние.

Чудо, случившееся несколько дней назад, оживило куколку его души. Он считал, что там царит вечная мерзлота, но теперь снова появились молодые побеги. И люди, и тимбрими считают величайшей силой любовь. Но кое-что следует сказать и об иронии.

«Я живу и кеннирую мир прекрасным».

Он вложил все свое мастерство в глиф, который поплыл, тонкий и светлый, над волнующимися щупальцами. Оказаться в этом месте, совсем рядом с тем, где вынашивались его планы... ощутить на собственной шкуре, как все его розыгрыши обернулись против него же и принесли ему все желаемое, но таким поразительным способом...

Рассвет окрасил зимний ландшафт — берег моря, обнаженные сады, покрытые брезентом суда. Воды залива покрыты полосами пены. Но солнце греет.

Утакалтинг думал о вселенной, такой странной, такой причудливой, полной опасностей и трагедий.

Впрочем, и сюрпризов тоже.

«Сюрприз... благословение, говорящее нам, что все реально, — он расставил руки, словно пытаясь

обнять весь мир, — даже те из нас, кто обладает самым богатым воображением, не могут себе представить все полностью».

Он не освобождал глиф. Тот высвободился как будто сам по себе и поднялся, против воли утреннего ветра, поплыл туда, куда несет его случай.

* * *

Потом длительные совещания с главным испытателем, Каултом, Кордвайнером Эпплби, постоянные просьбы посоветовать, как лучше. Он пытался не разочаровать их.

В полдень Роберт Онигл отвел его в сторону и снова предложил бежать.

Молодой человек хотел вырваться из заключения на Церемониальном Холме и вместе с Фибеном напасть на губру. Все знали о борьбе в горах, и Роберт стремился помочь Атаклене.

Утакалтинг сочувствовал ему.

— Ты недооцениваешь себя, если думаешь, что тебе это удастся, — сказал он молодому человеку.

Роберт замигал.

— Как это?

— Военные-губру теперь хорошо знают, насколько опасны вы с Фибеном. И, возможно, благодаря моим скромным усилиям меня тоже

включили в этот список. Зачем, по-твоему, они держат здесь усиленный патруль, когда силы им явно нужны в другом месте?

Он указал на корабль, который методично патрулировал территорию Института. Несомненно, даже линии снабжения энергетических установок охлаждающими жидкостями сторожат сложные и дорогие боевые роботы. Роберт предложил было использовать самодельные глайдеры, но враг и это предвидел. Он получил хороший урок.

— Мы помогаем Атаклене по-другому, — говорил Утакалтинг. — Показываемся врагам, делая вид, что замышляем контрудар. Пугаем существа, которые получают по заслугам: у них нет чувства юмора.

Выражение лица Роберта не изменилось. Но Утакалтинг с радостью отметил созданный молодым человеком глиф, простой вариант кинивуллуна, и рассмеялся. Очевидно, Роберт научился этому — можно сказать, заслужил знания — у Атаклены.

— Да, мой необычный приемный сын. Мы должны внушать губру уверенность, что мальчишки сделают то, что они обычно делают.

Позже, на закате, Утакалтинг неожиданно

вышел из темной палатки. Снова посмотрел на восток, щупальца его развевались, искали. Где-то, получив очередное сообщение, напряженно мыслит, ищет выход его дочь. И теперь она так сосредоточена, словно это вопрос жизни и смерти.

Прошло несколько мгновений, и связь оборвалась. Однако Утакалтинг миновал свою палатку, прошел немного в сторону и откинул клапан палатки Роберта. Тот, с искаженным светящимся экраном лицом, оторвался от чтения.

— Мне кажется, я нашел способ убраться отсюда, — сказал Утакалтинг. — По крайней мере на время.

— Давайте, — отозвался Роберт.

Утакалтинг улыбнулся.

— Разве я когда-то не говорил тебе — а может, твоей матери, — что все начинается и кончается Библиотекой?

Глава 99
ГАЛАКТЫ

Положение ужасное. Никак невозможно достичь консенсуса, и сюзерен Праведности в полной растерянности перед разверзающимися все время препятствиями.

Сюзерен Стоимости и Бережливости отчужденно ушел в себя. Управление без соответствующего руководства продолжается по инерции.

А третья их составляющая, их мощь и мужество, сюзерен Луча и Когтя, даже не откликается на просьбы о встрече. Он одержимо придерживается курса, который не только может погубить их, но и опустошить всю эту хрупкую планету. Если это случится, ущерб для уже подорвавшего к себе доверие клана гуксу-губру окажется невосполнимым.

Но что может сделать сюзерен Праведности? Повелители Насестов, занятые своими, более близкими их сердцу делами, ничего не могли посоветовать. Они рассчитывали на экспедицию, на единство триумвирата, на его мудрость. Но Слияние пошло не тем путем, совершенно неправильно. И теперь рассчитывать на его обобщенную мудрость не приходится.

Сюзерен Праведности пребывал в печали и безнадежности. Не просто отчаяние капитана корабля, севшего на мель. Нет, это горе священника, обреченного на святотатство.

Огромная и личная потеря затрагивает самую суть его древнего народа.

Правда, теперь под его белым оперением крас-

ный цвет. Но царица губру, которая достигла этого без радостного согласия и поддержки остальных, находится на особом положении. С ней не разделяют удовольствие, честь, славу.

Честолюбивые надежды сюзерена осуществились, но впереди он видит только горький путь одиночества. Сюзерен Праведности сунул клюв под крыло и по обычаю своего народа негромко заплакал.

Глава 100
АТАКЛЕНА

— Растения-вампиры, — подытожила Лидия Маккью.

Она стояла вместе с двумя морскими пехотинцами, покрытыми одним слоем маскирующего вещества. Предположительно оно должно защитить от обнаружения инфракрасными лучами и вражескими детекторами.

«Растения-вампиры? — подумала Атаклена. — И правда, подходящая метафора».

Она вылила с литр ярко-красной жидкости в темную воду лесного пруда, где сотни крошечных растений слились в одной из вездесущих питательных передаточных станций.

По всей округе на полянах совершался тот же простой ритуал. Атаклена вспомнила волшебные сказки волчат про магические обряды в заколдованных лесах, про тайные заклинания. При случае надо будет рассказать отцу об этой аналогии.

— Действительно, — сказала она лейтенанту Маккью. — Мои шимпы почти всю свою кровь отдали для наших целей. Очевидно, есть более безобидные методы, но у нас нет времени.

Лидия хмыкнула и кивнула. Земная женщина все еще боролась сама с собой. По логике вещей понятно, что, если бы майор Пратачулторн оставался в лагере, результаты были бы катастрофическими. Весь ход событий доказал правоту Роберта и Атаклены.

Но лейтенант Маккью не могла так легко отринуть присягу. Женщины совсем недавно подружились, они часами делились своими переживаниями и мыслями о Роберте. Но теперь правда о мятеже и похищении майора Пратачулторна пропастью легла между ними.

Красная жидкость струилась между корешками. Подвижные лианы уже впитывали новое вещество.

Не было времени на сантименты, надо было

любыми способами осуществлять идею, родившуюся на основании данных Сильвии. «Гемоглобин. У губру есть детекторы, настроенные на резонанс с главным содержимым крови землян. И такие чувствительные приборы, конечно же, невероятно дорогие!» Надо найти способ противостоять новому оружию, иначе Атаклена рисковала оказаться последним разумным существом в горах. Единственно возможное решение ужасающее и воочию доказывало притязания нации на своего представителя. Теперь ее партизаны обескровлены от слабости, едва держатся на ногах и даже сменили ее прозвище: называли ее не генералом, а графиней, и скалили при этом зубы.

К счастью, еще оставалось несколько специалистов-шимпов, в основном помощников Роберта при выведении микроорганизмов, разрушающих технику врага. Они помогали в спешных экспериментах.

«Связать молекулы гемоглобина с веществами, которые двинутся по лианам. Новая комбинация должна им понравиться, и надо молиться, чтобы лианы поскорее разнесли вещество по всему лесу».

Появился посыльный и что-то прошептал лейтенанту Маккью. Лидия, в свою очередь, об-

ратилась к Атаклене.

— Майор почти готов, — сказала смуглая женщина. А потом небрежно добавила: — И наши разведчики докладывают о приближающихся воздушных кораблях.

Атаклена кивнула.

— Здесь мы закончили. Давайте разделимся. Ближайшие часы покажут.

Глава 101
ГАЛАКТЫ

— Есть! Мы регистрируем сосредоточение, собрание, сборище наглого врага. Волчата бегут в предполагаемом направлении. Мы должны ударить, обрушиться, уничтожить!

Детекторы ясно показывали тропы в лесу. Сюзерен Луча и Когтя отдал приказ, и отборная бригада солдат Когтя обрушилась на небольшую долину, устроив ловушку противнику.

— Мне нужны пленники, заложники, заключенные. Я должен их допросить!

Глава 102

МАЙОР ПРАТАЧУЛТОРН

Приманка оказалась неуловимой. Наживка состояла из едва обнаруживаемого потока молекул, проходящих через сложную сеть лесных растений. Вообще майор Пратачулторн сомневался даже, что молекулы здесь присутствуют. Сложно в это поверить. Он чувствовал себя одураченным, организуя засады вокруг прудов в безлюдной лесной долине.

Но было что-то обнадеживающее, почти поэтическое в этой ситуации. И если трюк подействует, сегодня его ждет упоение битвы.

Ну а если нет, он удовлетворится тонкой шеей чужака, чего бы это ему ни стоило, даже если под угрозой карьера и жизнь.

— Фенг! — крикнул он одному из пехотинцев. — Шевелись! — Капрал тут же проверил, не стерт ли маскировочный слой на коже, придававший ей болезненный зеленоватый оттенок. Новый материал приготовили быстро, надеясь блокировать резонанс гемоглобина, который улавливают детекторы врага, выслеживая землян под покровом лесной листвы. Конечно, возможно и то, что их сведения об этих устройствах ошибочны. Пратачулторну приходилось полагаться только

на слова шимми и этой проклятой тим...

— Майор! — прошептал кто-то. Это солдат-шимп, выглядевший нелепо в окрашенной зеленым шерсти. Он делал жесты со ствола дерева. Пратачулторн понял и взмахнул руками в обе стороны.

«Ну, — подумал он, — должен признать: некоторые из шимпов становятся неплохими солдатами».

Серия звуковых ударов сорвала листву, за ней последовал рев приближающихся воздушных кораблей. Они пронеслись над небольшой долиной над самыми вершинами деревьев, следуя с компьютерной точностью согласно изгибам местности. И в назначенный срок солдаты Когтя и сопровождающие их роботы высыпали из продолговатых военных транспортов в джунгли и окружили намеченную рощу. Деревья здесь уникальны: они насыщены химическими соединениями, которые издалека привнесли вездесущие лианы. Но на этот раз лианы доставили и дополнительное соединение. То, что было извлечено из вен землян.

— Стойте, — прошептал Пратачулторн. — Подождите здоровых парней.

И действительно — вскоре все ощутили воз-

действие приближающихся мощных гравитационных полей. На горизонте показался крейсер губру, он завис в нескольких сотнях метров. Вот цель, достойная всех жертв. До сих пор не было известно, где появится этот крейсер. Снаряды повстанцев — хорошее оружие, но они громоздки, их нужно устанавливать заранее. А здесь очень важна внезапность.

— Ждите, — шептал майор, глядя на приближающийся корабль. — Не спугните его.

Внизу солдаты Когтя уже начинали отчаянно чирикать, не обнаружив врага. Не было даже штатских шимпов, которых можно было бы захватить и допросить. В любой момент солдаты могут догадаться. Но майор Пратачулторн по-прежнему повторял:

— Подождите еще минуту...

Но тут один из стрелков-шимпов, должно быть, потерял терпение.

Неожиданно на противоположном склоне долины сверкнула молния. За ней последовали еще три разряда. Пратачулторн пригнулся и закрыл голову.

Яркое сияние словно проникло в его череп, оно распространялось изнутри. Волны deja vu то чередовались с приступами тошноты, и на

мгновение майору показалось, что необычное поле поднимает его над лесным суглинком. И тут ударила взрывная волна.

Прошло какое-то время, прежде чем он поднял голову.

Приходилось вглядываться в тучи пыли и песка, мимо упавших деревьев и разорванных лиан. Осталось лишь обожженное опустошенное пространство там, где несколько мгновений назад висел крейсер губру. Дождь раскаленных докрасна обломков падал, поджигая лес, распространяя лесной пожар.

Пратачулторн улыбнулся. Он пустил в воздух ракету — сигнал наступления.

Часть стоявших на земле вражеских транспортов была повреждена ударной волной. Но три поднялись в воздух и с ревом устремились в сторону нападавших — мстить. Их пилоты и не догадывались, что теперь им противостоят морские пехотинцы с Земли. Поразительно, что может сделать в умелых руках трофейное сабельное ружье. Вскоре на дне долины появились еще три обгорелых пятна.

Снизу надвигались мрачные шимпы, и скоро началась схватка, кровавая битва лазерами и огнестрельными пистолетами, самострелами и

арбалетами.

И когда дело дошло до рукопашной, Пратачулторн понял, что они победили.

«Я не могу оставить местным все заслуги», — подумал он. И присоединился к преследованию. Арьергард губру отчаянно пытался прикрыть отступление выживших. И долго потом уцелевшие шимпы рассказывали, как светло-зеленые бородатые фигуры в набедренных повязках раскачивались на ветвях и, вооруженные ножами и гарротами, нападали на солдат Когтя. Их, казалось, невозможно остановить, и действительно, ничто живое не устояло перед ними.

Поврежденный боевой робот, который ожил после частичного самовосстановления цепей, сделал вывод о связи между гибелью сил губру и этим ужасным существом, которое с радостью рвется в бой. А может, просто произошло замыкание и механизм взорвался.

А майор Пратачулторн осуществил свою мечту: со свирепой улыбкой он сжимал горло пернатого врага, который не имел права появляться на этой планете.

Глава 103
АТАКЛЕНА

«Здорово», — подумала она, когда запыхавшийся посыльный-шимп радостно известил о полной победе. По всем критериям это самая значительная победа повстанцев. «В каком-то смысле сам Гарт стал главным нашим союзником. Его раненая, но еще могучая жизненная цепь».

Губру привлекли молекулы гемоглобина, который переносили с места на место соки вездесущих лиан. Откровенно говоря, Атаклена удивилась, что их наспех подготовленный план сработал. Этот успех доказывает, как глупо полагаться только на сложные механизмы.

«Теперь нужно решить, что делать дальше».

Лейтенант Маккью, дослушав донесение, встретилась взглядом с Атакленой. Две женщины на мгновение ощутили единство.

— Мне надо идти, — сказала наконец, Лидия. — Нужно передислоцироваться, собрать брошенное оборудование и вооружение... Теперь я командую.

Атаклена кивнула; она не могла заставить себя

оплакивать майора Пратачулторна. Но признавала его силу воли и видела в нем настоящего человека-воина.

— Как по-твоему, где они ударят в следующий раз? — спросила она.

— И гадать не буду. Теперь их метод обнаружения не действует. Они, видимо, торопятся. — Лидия задумчиво нахмурилась. — Точно, что флот теннанинцев на пути сюда? — спросила она.

— Представители Института возвышения передали это на открытой волне. Теннанинцы летят за своими новыми клиентами. И как часть договора, заключенного с моим отцом и Землей, они обязались помочь изгнать губру из этой системы.

Атаклена все еще не пришла в себя от удивления, насколько точно сработал план ее отца. Когда начался кризис, примерно один год Гарта назад, стало ясно, что ни Земля, ни Тимбрим не смогут помочь далекой колонии. А большинство «умеренных» галактов так медлительны и рассудительны, что трудно рассчитывать на их вмешательство. Утакалтинг надеялся одурачить теннанинцев и заставить их выполнить эту работу, столкнуть врагов Земли друг с другом.

План удался, превзойдя все ожидания, потому что вмешался еще один фактор, ранее неизвестный Утакалтингу, — гориллы. Неужели их массовый поход на Церемониальный Холм был вызван обменом с'устру'туунами, как она вначале решила? Или главный испытатель Института справедливо заметил, что сама судьба позволила новой расе клиентов объявить о себе в нужном месте и в нужное время? Атаклена каким-то образом чувствовала, что есть здесь много непонятного, которое, возможно, никто и никогда не поймет.

— Итак, теннанинцы явятся, чтобы изгнать губру. — Лидия, казалось, не знала, как вести себя в такой ситуации. — Значит, мы победили? Я хочу сказать, что губру не смогут долго им сопротивляться. То есть, даже если бы они остались сильны в военном отношении, губру настолько упали в глазах галактики, что теперь и умеренные примут нашу сторону и мобилизуются.

Проницательность земной женщины впечатляет. Атаклена кивнула.

— В их ситуации можно только вести переговоры, но для этого требуется трезвый ум. Боюсь, что военные-губру ведут себя иррационально.

Лидия вздрогнула.

— Такой враг гораздо опаснее рационального противника. Он не действует вразрез с собственными интересами.

— Последняя депеша моего отца сообщает, что губру раскололись, — сказала Атаклена. Передачи с территории Института служили для повстанцев теперь лучшим источником информации. Роберт, Фибен и Утакалтинг передавали по очереди, поддерживая дух повстанцев и вызывая сильное раздражение захватчиков. — Будем исходить из предположения, что они окажутся несговорчивыми.

Женщина — морской пехотинец вздохнула.

— Если мнение галактики для них ничего не значит, они могут применить против Гарта космическое оружие. Нам лучше как можно сильнее рассеяться.

— Гм, да. — Атаклена кивнула. — Но если они используют огнеметы или адские бомбы, все погибнет; нам просто не скрыться от этих снарядов. Я не командую вашими войсками, Лейтенант, но я предпочла бы смерть в смелом бою, который прекратил бы безумие раз и навсегда, чем жизнь, головой в песок, как ваши земные устрицы.

Несмотря на серьезность положения, Лидия Маккью улыбнулась. Иронично сверкнули края

ее простой ауры.

— Страусы[17]. Большие птицы, которые называются страусы, прячут головы в песок. А теперь расскажите мне, что вы задумали.

Глава 104
ГАЛАКТЫ

Теннанинец Буоулт максимально раздул свой гребень и пригладил блестящие локтевые иглы, прежде чем выйти на мостик большого военного корабля «Огонь Атанаса». Здесь, у огромного экрана, на котором яркими точками отмечались диспозиции флотов, его ждала делегация людей. Глава делегации, пожилая женщина, у которой щупальца волос кое-где еще сохраняли цвет солнца, вежливо поклонилась под точно рассчитанным углом. Буоулт ответил таким же наклоном верхнего туловища. И жестом указал на экран.

— Адмирал Альварес, я полагаю, вы сами можете убедиться, что последняя из вражеских мин обезврежена. Я готов передать в галактический

---

[17] Примечания: 17

Английские слова «oysters», устрицы, и «ostriches», страусы, внешне похожи.

Институт Цивилизованных Войн сообщение, что интервенция губру в эту систему ликвидирована путем force majeur[18].

— Приятно слышать, — сказала женщина. Ее человеческая улыбка — оскал — один из тех знаков, которые интерпретировать легко. Легендарная Элен Альварес, весьма опытная в галактических отношениях, прекрасно сознавала, какой вызывает у многих эффект этот знак волчат. И сознательно решила использовать его.

Что ж, такое тонкое поведение приемлемо в сложной игре переговоров. Буоулт был достаточно честен, чтобы признать, что он тоже прибегает к подобным приемам. Иначе зачем бы ему раздувать свой гребень перед приходом на мостик?

— Приятно будет снова увидеть Гарт, — добавила Альварес. — Надеюсь, мы не станем непосредственной причиной еще одной катастрофы на этой несчастной планете.

— Конечно, мы любой ценой постараемся избежать этого, но если случится худшее, если шайка губру совершенно вышла из-под контроля, поплатится весь их отвратительный клан.

— Меня мало интересуют наказания и компен-

---

[18] Примечания: 18
Обстоятельства, при которых договор утрачивает силу (фр.)

сация, ведь в опасности разумные существа и хрупкая экосфера.

Буоулт воздержался от комментариев. «Нужно быть осторожнее, — подумал он. — Нельзя предоставлять кому бы то ни было возможность напоминать теннанинцам, защитникам всякого Потенциала, об их долге — беречь Гарт и подобные ему планеты».

Особенно раздражает, когда такие замечания делают волчата.

«И отныне они всегда будут рядом, будут придираться и критиковать, а нам придется слушать, потому что они консорты-представители наших клиентов. И это наша цена за сокровище, найденное Каултом».

Люди настаивали на скорейших переговорах, как и следовало ожидать от клана, отчаянно нуждающегося в союзниках. Теннанинские вооруженные силы уже ушли отовсюду, где не исключен конфликт с землянами или тимбрими. Но земляне требовали гораздо большего за свою помощь в возвышении новых клиентов, называемых «гориллами».

Они требовали, чтобы великий клан теннанинцев стал союзником презираемых волчат и шутников тимбрими! И это в то время, когда

страшный союз соро-танду неудержимо распространяется по звездным линиям. Да ведь это влечет за собой угрозу уничтожения самого Теннанина!

Если бы Буоулт мог выбирать, то предпочел бы отправиться в ад Ифни и искать союзников там. Но у него нет выбора. Дома давно усиливаются симпатии к землянам.

Фракция Каулта, одержавшая грандиозную победу и принесшая Великому Клану новое сокровище и почести, возможно, скоро станет правящей. При таких обстоятельствах Буоулт решил, что благоразумнее держать свое мнение при себе.

Приблизился и отдал честь один из младших командиров.

— Мы определили линию обороны флота губру, — доложил он. — Корабли сконцентрировались у планеты необычным образом. Наши боевые компьютеры сейчас напряженно работают.

«Гм, да, — думал Буоулт, внимательно разглядывая экран. — Удачное расположение ограниченных сил, в каком-то роде даже оригинальное. Не похоже на губру».

— Неважно, — пропыхтел он. — Это не имеет значения, даже если дипломатические методы

не помогут. Они наверняка понимают, что у нас хватит огневой мощи, чтобы прорваться силой. Они уступят. Должны уступить.

— Конечно, должны, — согласилась адмирал-человек, но в ней не чувствовалось уверенности. Более того, она казалась чем-то обеспокоенной.

— Мы готовы к окружению, — доложил офицер с палубы.

Буоулт быстро кивнул.

— Хорошо. Действуйте. Теперь мы можем связаться с противником и объявить о своих намерениях.

Армада приближалась к скромному солнцу системы, и напряжение усилилось. Хотя теннанинцы гордились отсутствием пси-способностей, Буоулт как будто чувствовал на себе взгляд земной женщины и думал о причинах, почему она кажется ему такой грозной.

«Ведь она всего лишь волчонок», — напоминал он себе.

— Не возобновить ли обсуждение, командующий? — спросила наконец адмирал Альварес.

Разумеется, нужно соглашаться, иного выхода нет. Конечно, лучше решить все заранее, до того как они прибудут и провозгласят манифест осады. Но Буоулт не собирался подписывать никаких

соглашений без согласования с Каултом. У этого теннанинца вульгарная и... да, фривольная репутация, благодаря которой его и изгнали на эту захолустную планету. Но он умудрился достичь беспрецедентного успеха. И его политическое влияние дома будет огромным.

Буоулт хотел использовать опыт Каулта, чтобы научиться ладить с этими раздражающими существами.

Помощники командующего и делегация землян направились в комнату для совещаний. Но перед уходом Буоулт еще раз взглянул на экран, на расположение флота губру. И с шумом выдохнул.

«Что планируют эти птицеподобные? — подумал он. — Что мне делать, если губру проявят безрассудство?»

Глава 105
РОБЕРТ

В некоторых частях Порт-Хелении теперь прибавилось сторожевых роботов, они надежно охраняли своих хозяев и набрасывались на всех, приближавшихся слишком стремительно.

Однако в других поселениях уже словно про-

изошла революция. Объявления захватчиков, изорванные, валялись в канавах. На углу одной из улиц Роберт увидел новую фреску, помещенную на месте лозунгов губру. В стиле фокалистического реализма она изображала семейство горилл, которые с выражением зарождающегося разума смотрят на светлеющий горизонт. А рядом, защищая их, указывая им дорогу в будущее, стоит пара идеализированных высоколобых неошимпанзе.

О, конечно, на картине есть и человек, и тимбрими, но еле заметные на заднем плане. Роберт подумал: «Весьма любезно, что художник вообще о них не забыл».

Охраняемый челнок Роберта пролетел через перекресток слишком быстро, чтобы можно было разглядеть подробности. Но он подумал, что художник, рисуя шимми, не слишком польстил Гайлет, зато Фибен будет доволен.

Скоро «свободные» части города остались позади, челнок повернул на запад, в район военного режима. После приземления солдаты Когтя вышли первыми и долго провожали взглядами Роберта и Утакалтинга, которые поднимались по лестнице в новое сверкающее здание Библиотеки.

— Дорогая установка, правда? — спросил Роберт

посла тимбрими. — Она останется у нас, когда теннанинцы прогонят птиц?

Утакалтинг пожал плечами.

— Вероятно. И Церемониальный Холм, возможно, тоже. Ваш клан, несомненно, должен получить репарации.

— Однако вы, кажется, сомневаетесь.

Утакалтинг остановился при входе, разглядывая обширное помещение и огромный информационный куб внутри.

— Просто я думаю, что неразумно считать цыплят до встречи с петухом.

Роберт понял: даже поражение губру может обойтись очень дорого.

— Не нужно подсчитывать яйца до того, как они снесены, — сказал Роберт тимбрими, который всегда стремился улучшить понимание земных метафор. На этот раз, однако, Утакалтинг не поблагодарил Роберта, лишь искоса взглянул своими широко расставленными глазами.

— Подумай об этом, — сказал Утакалтинг. Вскоре он уже разговаривал с главным библиотекарем-кантеном. Перестав понимать их богатую интонациями быструю галактическую речь, Роберт начал обход Библиотеки, разглядывая ее устройство и постоянных посетителей.

Не считая нескольких помощников главного испытателя, все читатели были птицеподобными. Присутствующие губру разделены пропастью, которую Роберт не только видел, но и кеннировал. Примерно две трети их толпились слева. Они ворковали и бросали неодобрительные взгляды на меньшую толпу, состоящую почти исключительно из военных. Солдаты, втайне недовольные, но хорошо скрывавшие свое состояние, с важным видом расхаживали по залам, отвечая на неодобрение соплеменников высокомерным презрением.

Роберт и не пытался скрываться. Приятно привлекать к себе внимание — губру, очевидно, знали, кто он. И если его появление мешает их работе, тем лучше.

Подходя к группе губру — судя по цвету лент, это штат верховного священника, — Роберт поклонился под правильным, как он надеялся, углом и улыбнулся, когда вся группа вынуждена была ответить ему тем же.

Наконец он увидел информационный терминал, созданный известным ему способом. Утакалтинг по-прежнему разговаривал с библиотекарем, поэтому Роберт решил попробовать самостоятельно.

Не очень-то получалось. Враги, во-видимому, блокировали информацию о ближайшем космосе и о приближающемся флоте теннанинцев. Но Роберт не сдавался. Время проходило в поисках ключей и паролей к информации.

Он углубился в работу и не заметил, как что-то изменилось.

Автоматические глушители не пропускали звук к его экрану, но, подняв голову, он заметил всеобщее смятение. Губру размахивали пушистыми руками и толпились у экранов. Большинство военных просто исчезли.

«Что с ними?» — удивился Роберт.

Вряд ли губру понравится его попытка заглянуть им через плечо, поэтому он слегка нервничал. Что бы ни случилось, они явно взволнованы!

«Эге! — подумал Роберт. — А может, информация на местной волне?» Он быстро переключил свой экран. До недавнего времени цензура свирепствовала, но сейчас всех военных отозвали, и контролем занималась группа Стоимости и Бережливости. Эти высокомерные апатичные чиновники не в силах были поддержать даже внешнюю дисциплину.

Экран подмигнул, и на нем показался возбуж-

денный репортер-шимп.

«...согласно последним сообщениям, в неожиданных боевых действиях в Мулунских горах еще не заняты все оккупационные силы. Губру пока не решились ответить на манифест приближающегося противника...» Роберт терялся в догадках, провозгласили ли уже теннанинцы свой манифест о намерениях. Ожидалось, что это произойдет только через несколько дней. Но неожиданно вспомнил. В Мулунских горах?

«...мы повторяем заявление, сделанное пять минут назад объединенным командованием армии, которая в настоящий момент приближается к Порт-Хелении».

Изображение на экране изменилось. Вместо комментатора показали недавнюю запись: три фигуры на фоне леса. Роберт недоуменно уставился на экран. Он знал их, причем двоих очень близко. Один — шен по имени Бенджамин. И еще двое — женщины, которых он любит.

«...и поэтому мы бросаем вызов своим угнетателям. В бою, по мнению Института Цивилизованных Войн, мы хорошо проявили себя. Чего нельзя сказать о нашем противнике. Он использовал преступные методы и весьма навредил не участвующим в войне невозделанным видам. И что

хуже всего — противник солгал».

Роберт разинул рот. На экране появился отряд шимпов с самым разнообразным вооружением. Шимпы выходили из леса на открытый участок в сопровождении нескольких людей со свирепыми взглядами. Перед камерой выступала Лидия Маккью, возлюбленная Роберта. А рядом с ней стояла Атаклена, он увидел взгляд своей супруги-чужака и понял, кто написал это обращение.

И уж совершенно ясно, чья это идея.

«Мы требуем открытой схватки в долине Синда с лучшими войсками противника, вооруженными так же, как мы...»

— Утакалтинг, — хрипло позвал Роберт. Потом еще раз, громче: — Утакалтинг!

Глушители разрабатывались многими поколениями библиотекарей. Но волчьих рас было так мало. Помещение на мгновение заполнил голос Роберта, и лишь секунду спустя глушители перекрыли резкие вибрации воздуха, и снова воцарилась тишина.

Зато бежать через весь зал ему никто помешать не мог.

Глава 106
ГАЙЛЕТ

— Крысы перестраиваются! — воскликнул Фибен, услышав начало передачи.

Они вместе смотрели на портативный экран, установленный на склоне Церемониального Холма.

Гайлет жестом остановила его.

— Тише, Фибен. Дай послушать.

Но смысл заявления уловили сразу же. Колонны повстанцев в домотканой одежде двигаются по открытым опустошенным полям. По краям следуют два кавалерийских отряда — на лошадях! Словно сбежали из доконтактного плоского кинофильма. Марширующие шимпы нервно улыбаются и поглядывают на небо, держа трофейное или самодельное оружие. И невозможно было не заметить их мрачной решимости.

Камера показала всю панораму и Фибен быстро подсчитал.

— Это все, — потрясенно сказал он. — Все, кто хоть как-то подготовлен и способен носить оружие, если не считать недавние жертвы. Все или

ничего. — Он покачал головой. — Разрежь мою синюю карту, если я понимаю ее намерения.

Гайлет взглянула на него.

— Ну уж и синяя карта! — фыркнула она. — Она очень хорошо знает, что делает, Фибен.

— Но городских повстанцев в Синде разбили.

Гайлет покачала головой.

— Это тогда. Мы не знали ситуации, не завоевали уважения и статуса. И кроме того, не было свидетелей. А горные повстанцы одерживали победы. Их признали. И теперь на них смотрят все пять галактик.

Гайлет нахмурилась.

— Да, Атаклена знает, что делает. Я только не сознавала, что положение настолько ухудшилось.

Они посидели молча, глядя на повстанцев, идущих садами и полями.

Потом Фибен воскликнул.

— Что? — спросила Гайлет. Он указал на экран, и настала ее очередь удивляться.

Здесь, рядом с другими солдатами-шимпами, неся сабельное ружье, шла Сильвия. Она уверенно держала оружие и казалась островом спокойствия в этом море нервничающих неошимпанзе.

«Кто бы мог подумать? — мелькнуло в голове

Гайлет. — Кто бы мог подумать, что она на это способна?»

Они продолжали смотреть. Помочь они все равно ничем не могли.

Глава 107
ГАЛАКТЫ

— Это дело требует осторожности, внимательности, праведности! — провозгласил сюзерен Праведности. — Если придется, мы встретимся один на один.

— Но это дорого! — завывал сюзерен Стоимости и Бережливости. — Возможны потери!

Верховный священник наклонился со своего насеста и мягко проворковал подчиненному:

— Консенсус, консенсус... Раздели со мной видение гармонии и мудрости. Наш клан потерял здесь многое и может потерять еще больше. Но мы не отказались от того, что поддержит нас даже ночью, даже во тьме, — от нашего благородства. Мы не утратили своей чести.

Они начали раскачиваться, и полилась мелодия.

«Зуууун...»

Если бы с ними был их сильный третий! Слия-

ние кажется таким близким.

Они уже послали срочное приглашение сюзерену Луча и Когтя, призыв присоединиться, вернуться, стать наконец единым с ними.

«Как? — думал сюзерен Праведности. — Как он может сопротивляться, зная, понимая, заключая, что его судьба — стать самцом? Неужели можно быть таким упрямым?»

«Мы втроем были бы так счастливы!»

Но посыльный вернулся с известием, разрушившим все надежды и чаяния.

Военный крейсер с сопровождением поднялся и направляется в глубь континента. Сюзерен Луча и Когтя решил действовать. Никакой консенсус его не прельщает.

Верховный жрец горевал.

«Мы были бы так счастливы».

Глава 108
АТАКЛЕНА

— Что ж, можно считать, ответ получен, — покорно сказала Лидия.

Атаклена сосредоточенно правила лошадью, ибо делала это впервые.

Впрочем, в основном она просто позволяла

ей идти следом за другими. К счастью, лошадь попалась спокойная и хорошо реагировала на пение Атаклены.

Тимбрими на мгновение отвлеклась и посмотрела в направлении, указанном Лидией Маккью, где облака и дымка частично скрывали западную часть горизонта. Взгляды шимпов тоже устремились в ту сторону. Потом Атаклена увидела сверкание корпуса летящего корабля. И кеннировала приближающихся. Смятение... решимость, фанатизм... сожаление... отвращение... невероятная смесь чуждых чувств обрушилась на нее. Но было ясно одно.

Подавляющее преимущество губру в силе.

Отдаленная точка начала приобретать очертания.

— Я думаю, ты права, Лидия, — сказала Атаклена подруге. — Похоже, мы получили ответ.

Женщина — морской пехотинец сглотнула.

— Приказать рассеяться? Может, кому-то удастся уйти. — В голосе ее звучала растерянность.

Атаклена покачала головой. Создала глиф печали.

— Нет. Мы заплатим за все сполна. Собери все отряды и кавалерию на холме.

— Зачем облегчать им задачу?

Глиф над головой Атаклены отказывался превращаться в знак отчаяния.

— Есть причина, — ответила она. — Лучшая причина в мире.

Глава 109
ГАЛАКТЫ

Насест-полковник Когтя смотрел на экран, показывающий разношерстную армию повстанцев, и слушал радостные крики своего командующего.

— Они сгорят, превратятся в дым, распадутся углями под нашим огнем!

Насест-полковник чувствовал себя несчастным. Это неподобающая речь, несдержанная, лишенная должных соображений о последствиях. В глубине души насест-полковник понимал, что даже самые гениальные военные планы обречены на провал, если не принимать во внимание цену, бережливость и праведность.

Равновесие — суть консенсуса, основа способности выжить.

Земляне бросили вызов в соответствии со всеми правилами чести! Его можно игнорировать, или даже ответить силой. Но то, что планирует

командующий, неприятно, он прибегает к крайностям.

Насест-полковник отметил, что уже думает о сюзерене Луча и Когтя как о «нем». Сюзерен Луча и Когтя — великолепный предводитель, он умеет вызывать воодушевление. Но теперь, став принцем, он разучился смотреть правде в глаза.

Сама мысль о командующем вызвала у насест-полковника физическую боль.

Он испытывал глубокое внутреннее противоречие.

Двери главного лифта открылись, и на командный помост вышли три белоперых посланца: священник, чиновник и один из дезертировавших офицеров. Они направились к адмиралу и передали ему ящичек резного дерева.

Вздрогнув, сюзерен Луча и Когтя приказал открыть его.

Внутри находилось одно роскошное перо, ярко-красное по всей длине, кроме самого верха.

— Ложь! Обман! Явный подлог! — закричал адмирал и выбил ящичек с его содержимым из рук ошеломленного посыльного.

Насест-полковник смотрел на перо, которое медленно опускалось на пол.

Оставить лежать его там — святотатство, но

насест-полковник не смел подойти и поднять.

Как может командующий игнорировать это? Как может он отказаться признавать богатую расцветку, которой окрасились и его собственные перья у основания?

— Можно изменить ход Слияния! — кричал сюзерен Луча и Когтя. — Это произойдет, если мы одержим победу!

Но то, что он предлагает, не победа, а бойня.

— Земляне собрались, соединились, столпились на вершине одного холма, — доложил адъютант. — Они представляют, демонстрируют, предлагают нам единую цель!

Насест-полковник вздохнул. Не нужно быть священником, чтобы понять, что это значит. Земляне, понимая, что честной схватки не будет, сошлись вместе, чтобы умереть. И так как они идут на верную гибель, на это есть только одна-единственная причина.

«Они хотят защитить уязвимую экосистему этой планеты. Ведь у них лицензия на спасение Гарта». Их беспомощность предрекала насест-полковнику горечь поражения. Они предлагают губру выбор между силой и честью.

Алое перо зачаровало насест-полковника, в его крови начались изменения.

— Я прикажу своим солдатам Когтя высадиться и встретиться с землянами, — с надеждой предложил он. — Мы высадимся, подойдем и нападем в равном количестве, легковооруженные и без роботов.

— Нет! Ты не можешь, не должен, не будешь! Я уже расписал действия наших сил. Нам они понадобятся, потребуются, нужны будут все, когда мы встретимся с теннанинцами! Больше никаких напрасных потерь! Слушайте все. В этот момент, в это мгновение земляне испытают, почувствуют, ощутят мою праведную месть! — воскликнул сюзерен Луча и Когтя. — Приказываю снять замки с оружия массового уничтожения! Мы сожжем эту долину, за ней следующую, затем еще, пока вся жизнь в горах...

Этот приказ не был выполнен. Насест-полковник моргнул и бросил свой сабельный пистолет на палубу. Стук пистолета сопровождался глухим ударом: тело командующего тоже упало.

Насест-полковник дрожал, демонстрируя явные признаки царственности.

Кровь адмирала окрасила синий царский плюмаж и, струясь по палубе, достигла, наконец, лежащего алого пера царицы.

Насест-полковник сказал своим ошеломлен-

ным подчиненным:

— Сообщите, доложите, передайте сюзерену Праведности, что я помещаю себя под арест, ожидаю суда, решения, определения свой судьбы. Сообщите их величествам, что это следует сделать.

Какое-то время по инерции корабль продолжал приближаться к землянам.

Все молчали. На командном мостике никто не шевелился.

* * *

Сообщение уже не было новостью. Все губру погрузились в траур. Прежний сюзерен Праведности и прежний сюзерен Стоимости и Бережливости вместе исполнили печальную панихиду.

Какие надежды, какие ожидания испытывали они, вылетая сюда, к этой планете, к этой песчинке в пустом пространстве. Повелители Насестов так тщательно подобрали нужную печь, правильный тигель и необходимые ингредиенты — трое лучших, три самых образцовых продукта генной инженерии, трое самых подготовленных.

«Мы должны были принести домой консенсус, — думала новая царица. — И консенсус наступил. Но все пошло прахом: мы ошибались, считая, что

настала великая эпоха».

О, такой конец был предопределен. Если бы не умер первый сюзерен Стоимости и Бережливости... Если бы их не обманул дважды этот шут тимбрими со своими «гартлингами»... Если бы земляне не оказались такими по-волчьи коварными и не сумели бы использовать собственную слабость — например, последний маневр, заставивший солдат губру делать выбор между бесчестьем и цареубийством...

«Но все это не случайно, — думала царица. — Они бы не получили преимущества, если бы мы не ошибались».

Таков консенсус, о котором они должны доложить Повелителям Насестов. Таковы слабость, ошибки, неудачи этой экспедиции.

Пожалуй, это будет ценная информация.

«Пусть хоть это утешит меня в горе из-за моих стерильных, нежизнеспособных яиц», — думала она, успокаивая своего единственного оставшегося партнера и возлюбленного.

Посыльным она дала один короткий приказ.

— Передай насест-полковнику наше прощение, нашу амнистию, наше отпущение грехов. Пусть все вооруженные силы возвращаются на базу.

Смертоносные крейсеры повернули и направи-

лись назад, оставив горы и долину тем, кто так страстно их защищал.

Глава 110
АТАКЛЕНА

Шимпы изумленно мигали: смерть явно передумала.

Лидия Маккью смотрела вслед уходящим крейсерам и качала головой.

— Ты знала, — сказала она, повернувшись к Атаклене. И снова, обвиняюще: — Ты знала!

Атаклена улыбнулась. Ее щупальца изобразили в воздухе печальный рисунок.

— Давай считать, что я не исключала такую возможность, — сказала она наконец. — Но даже если бы я ошибалась, поступок наш был благородным.

— Однако я очень рада, что ты не ошиблась.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ВОЛЧАТА

Ни в коем случае. Надо быть выше суеверий. Без божьей воли не пропасть и воробью. Если судьба этому сейчас, значит, не потом. Если не потом, значит — сейчас. Если же этому сейчас не бывать, то все равно оно неминуемо. Быть наготове, в этом все дело.

Гамлет, акт V, сцена II

Глава 111
ФИБЕН

— О Гудолл, как я ненавижу церемонии!

За это замечание он получил локтем в ребра.

— Перестань ерзать, Фибен. Весь мир смотрит на тебя!

Фибен вздохнул и постарался сидеть прямо. Он не мог забыть Саймона Левина и их последний парад, совсем неподалеку отсюда. «Есть вещи, которые никогда не меняются», — думал он. Теперь Гайлет пытается заставить его выглядеть

достойно.

Почему все, кто его любит, стараются поправить его позу? Он проворчал:

— Если им нужны элегантные клиенты, возвысили бы...

Но тут слова его прервались резким вздохом. Локоть у Гайлет острее, чем у Саймона. Ноздри Фибена раздулись, он рассерженно запыхтел, но смолк.

Ей идет этот новый мундир, и, должно быть, радостно находиться здесь. Но его-то спрашивал кто-нибудь, нужна ли ему эта проклятая медаль? Нет, конечно, никто не спрашивал.

Наконец трижды проклятый теннанинский адмирал закончил свою долгую утомительную проповедь о чести и традициях, получив в награду аплодисменты. Даже Гайлет вздохнула с облегчением, когда неуклюжий галакт вернулся на место. Увы, речей еще очень много.

Мэр Порт-Хелении, вернувшийся из ссылки на острова, восхвалял отвагу городских повстанцев и предложил, чтобы его заместитель-шимп чаще самостоятельно руководил городом. Это принесло ему бурю аплодисментов... и, вероятно, немало голосов шимпов на предстоящих выборах, цинично подумал Фибен.

Коугх*Квинн'3, главный испытатель Института возвышения, изложил содержание соглашения, недавно подписанного от имени теннанинцев Каултом, а от земного клана — легендарной адмиралом Альварес. Согласно этому соглашению, невозделанный вид, ранее известный под именем «гориллы», начинал долгий путь достижения разума. Новым гражданам галактики — теперь они всюду известны как «Раса, сама делающая выбор», — на пятьдесят тысяч лет отдается лицензия на Мулунские горы. И теперь они стали подлинными «гартлингами».

В обмен на техническую помощь и генетическую базу горилл могучий клан теннанинцев обязуется защищать лицензию землян на Гарт, а также еще пять колоний Земли и тимбрими. Теннанинцы не будут непосредственно вмешиваться в конфликт соро и танду с другими фанатичными кланами, но их влияние даст некоторую передышку отчаянно нуждающимся в ней силам.

А сами теннанинцы не будут больше враждовать с союзом шутников и волчат; только одно это стоило многих флотов. «Мы сделали все, что могли, и даже больше», — подумал Фибен. До сих пор казалось, что огромное большинство — галактические «умеренные» — будут просто

держаться подальше от фанатиков. Но теперь, похоже, «неотвратимый ход истории», который, как считалось раньше, обрекает всех волчат на гибель, изменил направление движения. В результате событий на Гарте усилилась симпатия к слабой стороне.

Фибен не мог знать, появятся ли новые союзники, совершатся ли новые чудеса. Но он был уверен, что все решится в тысячах парсеков отсюда. Может быть, на самой древней матери Земле.

Когда заговорила Меган Онигл, Фибен понял, что приближается самое неприятное.

— ...превратится в окончательное поражение, если мы забудем события этих месяцев. В конце концов какой толк во всех тяготах жизни, если они не делают нас мудрее? За что наши уважаемые собратья отдали свои жизни?

Планетарный координатор закашлялась и заглянула в свои заметки.

— Мы предлагаем изменение системы испытаний, которая вызвала недовольство, и враг сумел им воспользоваться. Мы постараемся использовать возможности новой Библиотеки на благо всех и каждого. И мы, вне всякого сомнения, будем обслуживать и поддерживать в рабочем состоянии оборудование Церемони-

ального Холма, дожидаясь прочного мира. И тогда это оборудование будет использовано для того, чтобы утвердить статус расы Pan argonstes, который она заслужила. И самое главное. Все средства, полученные от репараций, мы используем для возобновления работы здесь, на Гарте, для восстановления хрупкой экосферы планеты. Мы используем с таким трудом добытые знания, чтобы остановить деградацию по спирали, чтобы наш новый дом вновь выполнял свою основную задачу — разнообразить мир жизни, порождать новые виды, быть источником разума. Спустя некоторое время мы представим на всеобщее обсуждение более подробные планы. — Меган оторвалась от своих заметок и улыбнулась. — Но сегодня нам предстоит еще одна очень приятная миссия. Мы должны отметить тех, кто принес свободу. Мы гордимся ими и любим их, и наш долг отблагодарить их за старания.

«Ты меня любишь? — молча спросил Фибен. — Тогда выпусти меня отсюда».

— В самом деле, — продолжала координатор. — Достижения некоторых наших сограждан-шимпов на долгие века переживут их в исторических книгах и выльются в признание и уважение к их потомкам, к будущему всей их расы.

Сильвия перегнулась через Фибена и посмотрела на Гайлет. Они обменялись взглядами и улыбками.

Фибен вздохнул. Он по крайней мере уговорил Кордвайнера Эпплби держать награждение его белой картой в тайне! Ну, и что в этом хорошего?

Шимми с синими и зелеными картами со всей Порт-Хелении и так охотятся за ним. А Гайлет и Сильвия не в состоянии помочь. Зачем он на них женился, если не для защиты? Фибен запыхтел при этой мысли. Защита, как же! Он подозревал, что эти две шимми уже подбирают и оценивают кандидаток.

Даже если два вида происходят из одного клана, с одной планеты, между ними всегда есть существенные отличия. Подумать только, как люди до Контакта различались только по культуре. Конечно, вопросы любви и размножения у шимпов решаются с учетом их собственного сексуального наследия, которое существовало задолго до возвышения.

Но в Фибене было все же довольно человеческого, чтобы он покраснел, подумав, во что собираются втравить его эти две шимми, ставшие близкими подругами. «Ну как я мог попасть в такой переплет?» Сильвия уловила его взгляд

и сладко улыбнулась. Он почувствовал руку Гайлет.

«Что ж, — признался он со вздохом. — Наверно, не все так плохо».

Теперь читали список, вызывали награжденных. Но Фибену показалось, что их только трое, а весь остальной мир — иллюзия. В сущности, под внешним его цинизмом скрывалась гордость.

Встал Роберт Онигл и направился к помосту за своей медалью; в мундире он чувствовал себя гораздо увереннее Фибена. Фибен смотрел на своего приятеля-человека. «Надо будет спросить его о портном».

Роберт сохранил бороду, тело его оставалось таким же жилистым, как и прежде. Он уже не юноша, а зрелый мужчина. Вообще он словно герой из исторической книги.

«Какой вздор! — Фибен в отвращении фыркнул. — Надо напоить поскорей этого парня. Побить его в армрестлинге. Спасти его от веры в то, что пишут о нем в прессе».

С другой стороны, мать Роберта заметно состарилась за время войны. За последние недели Роберт не раз замечал, как она удивленно посматривает на своего высокого загорелого сына, который движется рядом с ней, как большая гра-

циозная кошка из джунглей. Она одновременно казалась и гордой, и изумленной, как будто феи унесли ее ребенка и подменили.

«Это называется взрослением, Меган».

Роберт отдал честь и направился на свое место. Минуя Фибена, он быстро поднял левую руку — жест означал одно-единственное слово: «Пиво!» Фибен рассмеялся и закашлялся, когда и Гайлет и Сильвия повернулись и строго посмотрели на него. Неважно. Приятно сознавать, что у Роберта те же чувства. Похоже, и для него солдаты Когтя гораздо предпочтительней этого церемониального вздора.

Роберт сел на свое место рядом с лейтенантом Лидией Маккью, на новом мундире которой сверкала награда. Женщина — морской пехотинец сидела, расправив плечи, и внимательно наблюдала за церемонией, но Фибен краем глаза заметил то, что почетным гостям и толпе не видно: ее левая нога спряталась под брючиной Роберта.

Бедный Роберт пытался сохранить самообладание. Похоже, и в мирное время есть свои сложности. В некотором смысле на войне проще.

В толпе Фибен увидел небольшую группу двуногих гуманоидов, их лисоподобному облику

противоречили слегка шевелящиеся тонкие щупальца за ушами. Среди тимбрими он легко разглядел Утакалтинга и Атаклену. Оба отказались от почестей и наград. Народу Гарта придется подождать с памятником в их честь, пока они не улетят. И это ожидание будет им своеобразной наградой.

Дочь посла уничтожила большинство изменений, которые придавали ей почти человеческий облик. Она негромко разговаривала с молодым тимбрими, которого можно даже назвать красивым, решил Фибен. Конечно, по меркам ити.

Можно было подумать, что молодые люди — Роберт и его супруга-чужак — остались теми же, что и до войны. Но Фибен-то видел, что они теперь гораздо свободнее держатся с представителями противоположного пола.

И все же...

Он видел однажды, как они встретились на одном из бесконечных дипломатических приемов. Лица их сблизились, и, хотя они не обменялись ни словом, Фибен готов был поклясться, что какая-то невидимая нить крепко связывала их друг с другом. И какие бы напарники и любовники ни появились у них в будущем, ясно одно: Роберт и Атаклена всегда будут иметь нечто связующее,

как бы далеко ни развела их Вселенная.

Получив свою награду, Сильвия вернулась на место. Платье уже не скрывало ее располневший живот. Еще одна перемена, к которой предстоит привыкнуть Фибену. Пожалуй, пожарному департаменту Порт-Хелении придется нанимать дополнительный штат, когда малыш начнет изучать в школе химию.

Гайлет обняла Сильвию и сама пошла к помосту. На этот раз приветствия и аплодисменты звучали так долго, что Меган Онигл вынуждена была призвать всех к порядку.

Но когда Гайлет заговорила, она, вопреки ожиданиям толпы, произнесла не прославляющий панегирик, а серьезную продуманную речь.

— Жизнь несправедлива, — сказала она. Толпа смолкла, а Гайлет, казалось, смотрит в глаза каждому. — Всякий, кто утверждает, что она справедлива или даже должна быть справедлива, глупец, или того хуже. Жизнь может быть жестокой. Хитрости Ифни — капризные игры случая и вероятности. Или холодные уравнения, которые уничтожают вас, если вы сделаете неверный шаг в космосе или просто неудачно выйдете на проезжую часть и попытаетесь увернуться от автобуса. Это не лучший из возможных миров. В

противном случае, разве мог бы он быть таким алогичным? Тирания? Несправедливость? Даже эволюция, само разнообразие жизни и суть природы — все это зачастую жестоко и бессердечно опирается на смерть, чтобы вызвать новую жизнь. Да, жизнь несправедлива. И нет правды во Вселенной. Но все же... — Гайлет покачала головой, — все же, хоть она и несправедлива, она прекрасна. Оглянитесь вокруг. Вот проповедь гораздо красноречивей любой, что могу произнести я. Посмотрите на этот прекрасный печальный мир, который стал нашим домом. Узрите Гарт!

Церемония происходила на холме к югу от новой Библиотеки, на лугу, откуда открывается вид во все стороны. На западе — море Гилмор, его серо-голубая поверхность окрашена пятнами водной растительности и изрезана следами подводных обитателей. Над морем голубое небо, очищенное последней зимней бурей. Освещенные утренним солнцем сверкают острова, как далекие волшебные царства.

На севере возвышаются светлые башни новой Библиотеки, в их камень вделан символ — крылатая спираль. Только что посаженные деревья с десятка планет шевелят ветвями на ветру вокруг огромного монолита, так же лишенного возраста,

как и его запас древних знаний.

На восток и на юг, за водами залива Аспинал, раскинулась долина Синд, уже поросшая свежей зеленью, которая наполняет воздух ароматами весны.

— Наши собственные жизни, наши виды, даже наш клан — кажутся нам необыкновенно важными. Но разве все это можно сравнить с обозримым окружением? С этой колыбелью созидания? Вот ради чего стоило сражаться. Мы защитили это, — она жестом указала на море, небо долину, горы. — Вот в чем наша победа. Мы, земляне, лучше других знаем, какой несправедливой может быть жизнь. Возможно, ни один клан со времен Прародителей не осознавал этого со всей ясностью. Наши любимые патроны-люди чуть не уничтожили еще более любимую нами Землю, прежде чем постигли мудрость. Шимпы, дельфины и гориллы — только начало того богатства, которое навсегда ушло бы в небытие, если бы человечество не повзрослело.

Она заговорила тише, приглушенней:

— Как погибли пятьдесят тысяч лет назад подлинные гартлинги, погибли прежде, чем у них появилась возможность удивленно взглянуть на небо и поразиться огню, вспыхнувшему в их

сознании.

Гайлет покачала головой.

— Нет. Война в защиту Потенциала тянется многие эпохи. И сегодня она не кончилась, вероятно, она никогда не кончится.

Гайлет повернулась; последовало долгое ошеломленное молчание. Потом аплодисменты, редкие и неуверенные. Но, вернувшись в объятия Сильвии и Фибена, Гайлет слегка улыбнулась.

— Ну, ты им выдала, — сказал ей Фибен.

И тут наступила его очередь. Меган Онигл прочла перечень его достижений, который явно обработали в каком-то отделе связей с общественностью, чтобы скрыть всю эту грязь и вонь, эту зависимость от случая. Во время чтения Фибену казалось, что говорят о ком-то другом, незнакомом ему. Он вряд ли сделал половину того, что ему приписывают.

Он не задумывался, почему его вызвали последним. Наверно, из вредности. «Выступать после Гайлет — это просто самоубийство».

Меган подозвала его к себе. Ненавистные башмаки чуть не заставили его споткнуться. Он отдал честь планетарному координатору и пытался держаться прямо, пока она прицепляла медаль и нарядные нашивки, которые делают его пол-

ковником оборонительных сил Гарта. От криков толпы, особенно шимпов, у него загорелись уши. Когда он, по совету Гайлет, улыбнулся и помахал рукой перед камерами, стало еще хуже.

«Ну, ладно, может, и выдержу — в небольших дозах».

Меган предложила ему место на трибуне, и Фибен прошел вперед. У него в кармане были листки с набросками речи. Но, выслушав Гайлет, он решил просто поблагодарить всех и сесть на место.

Борясь с трибуной, он начал:

— Я хочу сказать только одно, а именно — У-а-а!

Он заорал и дернулся: неожиданно током ударило его левую ногу. Фибен подпрыгнул, ухватился за ногу, но тут его ударило в правую! Он снова заорал. Успел вовремя заметить маленький голубой огонек, выкатившийся из-под трибуны и устремившийся к его лодыжкам. Фибен с громким криком подпрыгнул на два метра и оказался на самом пюпитре.

Тяжело дыша, он слушал истерические приветственные возгласы толпы.

Поморгал, потер глаза, посмотрел.

Шимпы вскочили на перевернутые сиденья и

замахали руками. Они подпрыгивали и вопили. Ряды почетного караула смешались. Даже люди хохотали и бешено аплодировали.

Фибен ошеломленно посмотрел на Гайлет и Сильвию и увидел гордость в их взглядах.

«Они считают, что я подготовил такую речь!» — понял он.

Теперь он увидел, как превосходно все получилось. Ведь он разрядил напряжение. Казалось, это идеальный комментарий к охватившему всех ощущению мира.

«Но ведь я этого не готовил, черт подери!»

Он увидел встревоженное лицо мэра Порт-Хелении.

«Нет! Теперь они заставят меня занять его место!»

«Кто это подстроил?»

Фибен оглядел толпу и сразу заметил, что один из присутствующих нисколько не удивляется. Стоит немного в стороне, широко расставив глаза и размахивая щупальцами, а на лице его еле сдерживаемое человеческое выражение веселья.

И Фибен уловил еще что-то, висящее над короной тимбрими.

А когда Атаклена подмигнула ему, она лишь подтвердила его подозрения.

— Очень смешно, — ядовито пробормотал Фибен, хотя вынужден был улыбнуться и помахать толпе. — Ужасно смешно, Утакалтинг.

ПОСТСКРИПТУМ И БЛАГОДАРНОСТИ

Вначале мы боялись других существ, которые делят с нами Землю. Потом, когда наша мощь возросла, мы привыкли считать их своей собственностью и распоряжаться по нашему желанию. Самое последнее заблуждение (сравнительно безопасное) относится к тому, что животные добродетельны по своей природе, и только человек — ненасытный рак мироздания — зол, грязен, коварен.

Согласно этой точке зрения, Земле и ее обитателям было бы гораздо лучше без нас.

И только недавно мы поняли, что существует иной взгляд на мир и на наше место в нем. Новый.

Если мы эволюционировали, позвольте спросить, разве мы во многом не подобны другим млекопитающим? Это сходство, равно как и отличия, могут многому нас научить.

Убийства, насилие, различные душевные расстройства — все это мы теперь находим и у животных. И сила разума только укрепляет в нас эти патологии. Но не в них причина.

Причина во тьме, в которой мы жили. В неве-

жестве.

Не надо считать себя чудовищем, чтобы обучиться этике отношений с окружающей средой. Теперь хорошо известно, что само наше выживание зависит от сохранения сложной экосистемы и генетического разнообразия. Если мы уничтожим природу — умрем мы сами.

Но есть еще одна немаловажная причина защищать другие виды, которую редко упоминают. Возможно, мы первые, кто научился говорить и думать, творить и мечтать, но мы не последние. За нами могут последовать и другие.

И когда-нибудь эти другие будут судить, хорошо ли мы себя вели, когда были единственными хранителями Земли.

* * *

Автор благодарно отдает должное тем, кто прочел его труд в рукописи и любезно поправил как описание поведения обезьян, так и плохое построение фраз за пределами цитатных кавычек.

Я хочу поблагодарить Аниту Эверсон, Нэнси Грейс, Кристи Маккью, Луизу Рут, Нору Брекенбери и Марка Грайгера за их ценные советы. Профессор Джон Льюис и Руфь Льюис щедро поделились со мной своими бесценными советами,

так же как Франк Каталано, Ричард Спэл, Грегори Бенфорд и Дэниель Брин.

Бесконечно благодарю Стива Хардести, Шарон Сосну, Ким Бард, Рика Стерма, Дона Коулмана, Сару Барттер и Боба Гулда.

Лу Аронике, Алексу Берману и Ричарду Куртису — низкий поклон и благодарность за их терпение.

А нашим волосатым двоюродным братьям я приношу свои извинения. Вот, держите банан и банку пива.